

2024 №1

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

1(27)
2024

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2024

1 (27)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов	Д. В. Дубровская	Д. В. Мосяков
А. К. Аликберов	А. О. Захаров	В. Н. Настич
В. М. Алпатов	Т. А. Карасова	В. В. Наумкин
С. Э. Бабкин	Е. Л. Катасонова	К. В. Орлова
А. Г. Белова	А. И. Кобзев	Н. Г. Романова
В. Я. Белокреницкий	В. А. Кузнецов	А. В. Сарабьев
С. А. Бурлак	Ю. В. Любимов	В. Н. Саутов
А. В. Воронцов	Н. М. Мамедова	Т. Л. Шаумян
А. В. Демченко	С. Е. Малых	
А. Ю. Другов	Д. В. Микульский	

На обложке: Мечеть Бадшахи, Лахор, Пакистан.

© ФГБУН ИВ РАН, 2024

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2024

1 (27)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V. A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

On the cover: The Badshahi Mosque, Lahore, Pakistan.

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2024

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- В. В. Тишин.* Численность племен и пропорции групп кочевнического населения в древнетюркскую эпоху 12
- Mustafa Debqan.* Variant Readings in Focus: Selecting the Word Šā‘at from the Autograph Patna 533 (Hašt Bihišt VI) 22
- Д. Д. Романчев.* Феномен «Республики Эдзо» в истории Японии. Попытка сецессии или акт отчаяния? 26
- О. Батсайхан.* Об оценках деятельности барона Р. Ф. Унгерна в историографии Монголии 43
- Т. В. Носенко.* Суэцкий кризис в ближневосточной политике СССР: важная заявка на самостоятельную роль 55

ФИЛОЛОГИЯ

- О. А. Банцеров.* Поэтическое обрамление романа А. Х. Тауфика «Утопия» 66
- О. В. Столбова.* Префикс каузативных глаголов ^ʔ*a* в чадских языках 74

РЕЦЕНЗИИ

- С. Л. Кузьмин.* «Неизвестная война. Сборник работ научно-практической конференции и методологических материалов по поисковой работе на местах боев Гражданской войны 1921 г. на территории Республики Бурятия и Монголии» (Улан-Удэ, 2022. 180 с.) 81

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- В. Я. Белокреницкий, Л. А. Васильева.* Памяти Анны Ароновны Суворовой 86
- Список научных трудов д. э. н. Юрия Георгиевича Александрова к 90-летию со дня рождения и 65-летию работы в ИВ РАН 90

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Д. Васильев, Ю. И. Дробышев, О. М. Курникова, Д. М. Тимохин.* Вторая международная эпиграфическая конференция «Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д. Д. Васильева» (11–13 октября 2023 г.) 99
- В. Ю. Смирнов.* Круглый стол «75 лет государству Израиль: проблемы и достижения» 108
- В. В. Лебединский, Ю. А. Пронина.* Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со средиземноморским регионом и странами Востока: седьмая международная научная конференция 118

В. А. Перминова. X ежегодный научный семинар по тайваньским исследованиям «Тайвань: от прошлого к современности» 126

И. Н. Серенко. Международная конференция «75-летие установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном» 130

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ПРИВЕТСТВИЯ

Anwaar-ul-Haq Kakar. Senator, later Caretaker Prime Minister, Pakistan 160

Danila V. Ganich. Russian Ambassador to Pakistan in Islamabad 162

Walid Iqbal. Senator, Chairman of the Senate Standing Committee on Human Rights, Pakistan 163

Dr. Masuma Hasan. Chairperson, Pakistan Institute of International Affairs. Karachi, Pakistan 166

Qazi M. Khalilullah. H.E. former Ambassador of Pakistan to the Russian Federation. Executive Director Center for International Strategic Studies Sindh, Karachi, Pakistan 170

Muhammad Athar Javed. Director General, Pakistan House, Islamabad, Pakistan 173

ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ

В. Я. Белокреницкий. Основные вехи и этапы развития российско-пакистанских отношений 175

В. П. Кашин. Сталин и независимый Пакистан 187

L. A. Cheresheva. Between Moscow and Washington: Why the 1949 Visit of Pakistani Prime Minister Liaquat Ali Khan Did Not Take Place? 195

И. Б. Дежкин. Отношения Пакистана со странами социалистического мира при правительстве З. А. Бхутто (1971–1977 гг.) 203

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Marietta T. Stepanyants. Pakistani Philosophers 216

И. Н. Серенко. Усилия публичной и официальной дипломатии в укреплении российско-пакистанских отношений 222

Л. А. Васильева. Культурный фактор в развитии российско-пакистанских отношений 233

О. П. Чекрызова. Современные вызовы и перспективы развития религиозных меньшинств Пакистана на примере индусской общины региона Тар 246

ПАКИСТАН, РОССИЯ И СТРАНЫ РЕГИОНА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Talat A. Wizarat. Pakistan-Russia Relations in a Changing World 253

Н. А. Замаева. Россия во внешней политике Пакистана (2022–2023 гг.) 260

<i>Н. В. Мелёхина.</i> Российско-пакистанские отношения и реакция Индии	271
<i>С. А. Чекалин.</i> Концептуальные основы центральноазиатского направления внешней политики Пакистана	280
<i>М. С. Озманян.</i> Торгово-экономические отношения между Ираком и Пакистаном	287
<i>С. Пойя.</i> Идея образования конфедерации между Афганистаном и Пакистаном в разгар холодной войны между двумя странами (1954–1958 гг.)	294
<i>О. Е. Митрофаненкова.</i> Формирование центра наркопроизводства в Афганистане и в Пакистане в 1980-е годы	303

CONTENTS

HISTORY

- V. V. Tishin.* Tribal Population and Proportions of Population Groups among the Nomads in the Old Turkic Period 12
- Mustafa Debqan.* Variant Readings in Focus: Selecting the Word Šā‘at from the Autograph Patna 533 (*Hašt Bibišt VI*) 22
- D. D. Romanchev.* The Phenomenon of the “Republic of Ezo” in the History of Japan. An Attempt at Secession or an Act of Desperation? 26
- O. Batsaikhan.* On the Estimations of Activity of Baron R.F. Ungern in Historiography of Mongolia 43
- T. V. Nosenko.* The Suez Crisis in the Middle East Policy of the USSR: an Important Plan for an Independent Role 55

PHILOLOGY

- O. A. Bantserova.* Poetic Frame of Ahmad Khalid Taufik’s Novel “Utopia” 66
- O. V. Stolbova.* On Causative Extension *ʔa* in Chadic Languages 74

REVIEWS

- S. L. Kuzmin.* Review of Book “Unknown War. A Collection of Works of the Research and Practical Conference and Methodological Materials on Search Work at the Battlefields of the 1921 Civil War on the Territory of the Republic of Buryatia and Mongolia” (Ulan-Ude, 2022, 180 p.) 81

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

- V. Ya. Belokrenitsky, L. A. Vasilyeva.* In Memoriam: Anna Aronovna Suvorova 86
- List of the Research Works by Dr. Yuri Georgievich Alexandrov, on the Occasion of His 90th Birthday and 65 years of work in the Institute of Oriental Studies 90

ACADEMIC LIFE

- A. D. Vasilyev, Yu. I. Drobyshev, O. M. Kurnikova, D. M. Timokhin.* Second International Conference “Oriental Epigraphic Readings in the Memory of Dmitry D. Vasilyev” (October 11–13, 2023) 99
- V. Y. Smirnov.* Round Table “75 Years of the State of Israel: Problems and Achievements” 108
- V. V. Lebedinsky, J. A. Pronina.* Historical, Cultural, International, Religious, and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean World and Countries of the East – Seventh International Conference 118
- V. A. Perminova.* Tenth Annual Seminar on Taiwan Studies: “Taiwan; From Past to Present” 126

<i>I. N. Serenko. International Conference “75th Anniversary of Diplomatic Relations Between USSR/Russia and Pakistan”</i>	130
---	-----

CONFERENCE MATERIALS

GREETINGS

<i>Anwaar-ul-Haq Kakar. Senator, later Caretaker Prime Minister, Pakistan</i>	160
<i>Danila V. Ganich. Russian Ambassador to Pakistan in Islamabad</i>	162
<i>Walid Iqbal. Senator, Chairman of the Senate Standing Committee on Human Rights, Pakistan</i>	163
<i>Dr. Masuma Hasan. Chairperson, Pakistan Institute of International Affairs. Karachi, Pakistan</i>	166
<i>Qazi M. Khalilullah. H.E. former Ambassador of Pakistan to the Russian Federation. Executive Director Center for International Strategic Studies Sindh, Karachi, Pakistan</i>	170
<i>Muhammad Athar Javed. Director General, Pakistan House, Islamabad, Pakistan</i>	173

HISTORY OF THE RELATIONS

<i>V. Ya. Belokrenitsky. Main Milestones and Stages in Development of Russia-Pakistan Relations</i>	175
<i>V. P. Kashin. Stalin and the Independent Pakistan</i>	187
<i>L. A. Cheresheva. Between Moscow and Washington: Why the 1949 Visit of Pakistani Prime Minister Liaquat Ali Khan Did Not Take Place?</i>	195
<i>I. B. Dezhkin. Relations of Pakistan with the Countries of the Socialist World under the Government of Z. A. Bhutto (1971–1977)</i>	203

SCIENCE, CULTURE, AND RELIGION

<i>Marietta T. Stepanyants. Pakistani Philosophers</i>	216
<i>I. N. Serenko. Efforts of Public and Official Diplomacy in Strengthening Russia-Pakistan Relations</i>	222
<i>L. A. Vasilyeva. Cultural Factor in Development of Russia-Pakistan Relations</i>	233
<i>O. P. Tchekrizova. Current Challenges and Prospects for Religious Minorities in Pakistan: the Case of the Hindu Community in the Thar Region</i>	246

PAKISTAN, RUSSIA AND COUNTRIES OF THE REGION IN THE CHANGING WORLD

<i>Talat A. Wizarat. Pakistan-Russia Relations in a Changing World</i>	253
<i>N. A. Zamaraeva. Russia in Pakistan’s Foreign Policy (2022–2023)</i>	260
<i>N. V. Melekbina. Russia-Pakistan Relations: India’s Perception</i>	271
<i>S. A. Chekalin. Conceptual Foundations of Pakistan’s Foreign Policy for Central Asia</i>	280

<i>M. S. Osmanian.</i> Trade and Economic Relations Between Iraq and Pakistan	287
<i>S. Poya.</i> Idea of Forming a Confederation Between Afghanistan and Pakistan (1954–1958)	294
<i>O. E. Mitrofanenkova.</i> Formation of a Drug Production Center in Afghanistan and Pakistan in the 1980s	303

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-012-021

ЧИСЛЕННОСТЬ ПЛЕМЕН И ПРОПОРЦИИ ГРУПП КОЧЕВНИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКУЮ ЭПОХУ*

В. В. Тишин¹

Статья посвящена рассмотрению вопроса о численности населения степных и лесостепных районов Центральной Азии (включая Южную Сибирь) в древнетюркскую эпоху (VI–X вв.). Проверка сведений китайских источников, тенденциозно завышающих численность противостоящих династиям Срединной равнины кочевнических народов, может быть осуществлена по их же собственным данным в сопоставлении со сведениями памятников древнетюркской рунической письменности. Письменные источники содержат достаточный материал для выяснения приближенных к реалиям показателей численности кочевников и факторов, влияющих на ее динамику, который может быть подтвержден этнографическими данными. В результате исследования, проведенного на конкретном историческом материале, показано, что при обычных условиях численность воинских формирований кочевников редко превышала несколько тысяч человек. Значительные по численности контингенты, представленные всем боеспособным взрослым мужским населением, могли появляться на исторической арене в редких случаях. Доля «воинов» к остальному населению примерно укладывается в рассчитываемый процент взрослого мужского населения в обществах с господством малой нуклеарной семьи, давая в итоге 1:5. Она могла быть увеличена за счет участия в военных предприятиях неженатой молодежи. Численность известных по источникам кочевнических сообществ в Центральной Азии была примерно сопоставимой. Увеличение численности населения отдельных племен происходило за счет интеграции перешедшего к ним населения вследствие миграции или непосредственного покорения, но являлось ситуативным. Такие перемещения населения были обыденным явлением и, следовательно, смена их политической идентичности была формальной.

Ключевые слова: кочевники, численность населения, древнетюркская эпоха, тюрки, миграции, идентичность

Для цитирования: Тишин В. В. Численность племен и пропорции групп кочевнического населения в древнетюркскую эпоху. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 12–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-012-021

TRIBAL POPULATION AND PROPORTIONS OF POPULATION GROUPS AMONG THE NOMADS IN THE OLD TURKIC PERIOD

Vladimir V. Tishin

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00736 «Дешт-и Кыпчак и сопредельные оседло-земледельческие территории X–XIII вв.: опыт изучения взаимодействия культур (на материале письменных источников)», <https://rscf.ru/project/23-28-00736/> (ФГБУН Институт востоковедения РАН).

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00736 «Desht-i Qipchak and adjacent settled agricultural territories of the X–XIII centuries: the experience of studying the interaction of cultures (based on written sources)», <https://rscf.ru/en/project/23-28-00736/> (Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences).

¹ Тишин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tihij-511@mail.ru

Vladimir V. Tishin, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies the Russian Academy of Science, Moscow; tihij-511@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7344-0996

The article discusses the issue of the population of the steppe and forest-steppe regions of Inner Asia (including South Siberia) in the Old Turkic period (6th–10th century A. D.). Revision the data of Chinese sources, tendentiously overestimating the number of nomadic peoples opposing the Dynasties ruled in Central Plain, can be carried out according to their own data in comparison with the information of the Old Turkic runic written monuments. Written sources contain sufficient material to elucidate indicators of the number of nomads close to reality and to reveal factors influencing its dynamics, which can be confirmed by ethnographic data. As a result of a study based on specific historical material, it is shown that under normal conditions, the number of military units of nomads rarely exceeded several thousand people. Significant numbers of those contingents, represented by the entire combat-ready adult male population, could be represented on the historical arena in rare cases. The proportion of the number of “warriors” to the rest of the population approximately fits into the calculated percentage of the adult male population in societies where the stem family prevailed, giving a total of 1:5. It could be increased through the participation of unmarried youth in military enterprises. Nomadic communities known from sources in Inner Asia were approximately comparable in number to each other. The increase in the population of separate tribes occurred due to the integration of the population that passed to them as a result of migration or direct conquest, but it was situational. Such population movements were commonplace and, consequently, change of its political identity was formal.

Keywords: nomads, population, Old Turkic period, Türks, migrations, identity

For citation: Tishin V. V. Tribal Population and Proportions of Population Groups among the Nomads in the Old Turkic Period *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 12–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-012-021

Введение

Исторические кочевнические сообщества, объединенные общим названием (этнонимом), являются неустойчивыми и по своей сути эфемерными образованиями, основанными на политических (организационных) связях — это факт, давно устоявшийся в науке. Независимо от его происхождения, самоназвание сообществ различных численных размеров, как правило, восходит к первичному коллективу, отражая первоначально его самоидентификацию, и в последующем переносится на другие группы, присоединяющиеся к ней каким-либо способом (чаще вследствие силового воздействия) и интегрированные в единую социально-политическую организацию в качестве сегмента ее сложной многоступенчатой структуры. Как правило, эти группы сохраняют собственное и самоназвание, и идентичность, а чаще всего и известную автономию. Таких уровней может быть достаточно множество, соответствующие им в условной модели структуры социальной организации всего объединения в исследовательской литературе именуют в зависимости от устоявшейся традиции «кланами», «родами», «коленами», «племенами» и т. п. (см.: [Хазанов, 2002, с. 217–221]).

При осознании относительности всей терминологии и дискуссионности каждого случая в настоящей работе слово «племя» будет употребляться в отношении независимых сообществ, составляющих первичное объединение нескольких кровнородственных коллективов, характеризующихся общей идентичностью, отраженной в самоназвании, идеологией и хозяйственной территорией.

Древнетюркская эпоха (VI–X вв.) в истории Центральной Азии является одним из наиболее богатых письменными источниками периодов, дающих обширный материал как для специальных исследований, так и для теоретических построений. В данном случае нас будут интересовать сведения о численности кочевнических сообществ.

Письменные источники и этнографические данные

Хрестоматийным по многим параметрам является сюжет о формировании физического коллектива людей, ставшего основой для воссоздания степной империи, ассоциированной с сообществом, именовавшим себя словом *тюрк*, теперь так называемого Второго (Восточно-)Тюркского каганата. Памятники древнетюркской рунической письменности подробно рисуют картину постепенного собирания и увеличения численности коллектива, сплотившегося вокруг харизматического предводителя, будущего Эльтериш кагана: сначала с 17 до 70 человек (КТб, стк. 11–12 = БК, X, стк. 10–11)², после чего разношерстное и немногочисленное³ воинство постепенно увеличилось до 700 (КТб, стк. 12–13 = БК, X, стк. 11; Тон, I, Зап, стк. 4–5(4–5)). Именно это количество реорганизуется в военно-административные подразделения (КТб, стк. 13–14 = БК, X, стк. 11–12). В. В. Радлов заметил, что, следуя этому описанию, семьсот человек (взрослых мужчин) достаточно для создания независимого племени [Radloff, 1895, S. 206]. В. В. Бартольд указал в качестве аналогии на такую же цифру в генеалогической легенде *кимеков*, переданной у Гардйзй [Barthold, 1897, S. 8; Бартольд, 1973, с. 44, примеч. 13].

Независимо от того, насколько достоверны эти приводимые в текстах, написанных очевидцами и ближайшими современниками событий, количества людей (17 → 70 → 700), даже если их облик подсказан какими-то господствовавшими в традиционной культуре иррациональными представлениями о символике чисел [Roux, 1965, p. 32 ff.] (ср.: [Thomsen, 1896, p. 101, 146, note 19; Гумилев, 1967, с. 276], они выглядят вполне реалистичными, находя подтверждение в этнографических наблюдениях [Vámbéry, 1898, S. 6]. В конце концов, в последующем восточные тюрки решали, как с «двумя-тремя тысячами войска» противостоять угрозе на четырех направлениях (Тон, I, Южн, стк. 7(14)), в итоге с двумя тысячами выступили на Толу против огузов, которых было три тысячи (Тон, I, Южн, стк. 9(16)), а затем сами, имея две тысячи людей, двумя армиями вторглись на территорию империи Тан (Тон, I, Вост, стк. 1(18)).

В результате битвы с западными тюрками («народ десяти стрел»), возглавляемыми тюркешами, чье войско оценивается в десять *тюменов* (Тон, II, Зап, стк. 1(36)), восточные тюрки захватили вражеского кагана, убили их *йабгу* и *шада*, а также захватили «пятьдесят мужей-воинов» (*äligčä är tutdimiz*) (Тон, II, Зап, стк. 7(42)). Ф. Тьерри допускает, что здесь речь идет о каких-то «chefs militaires de rang important» [Thierry, 1999, p. 326, note 8], но это необязательно. Здесь слово *tümän* не следует буквально толковать в привычном современному исследователю благодаря представлениям о Монгольской империи значении «10000». В свое время П. Пельо, развивая наблюдение, высказанное еще В. В. Бартольдом на основе толкования слова *tümän* у Махмұда ал-Кашгарй, писал, что в домонгольское время оно не зафиксировано в значении «10000», а обозначало, скорее, абстрактное «очень много» [Pelliot, 1963, p. 858–859]. В данном случае это может быть скорее просто огромное количество воинов, не характерное для обычных ситуаций [Тенишев, Дыбо, 2006, с. 514]. Такое значение подтверждается использованием в тех же памятниках древнетюркской рунической письменности слова *tümän* по отношению к численности не только войск, но и прорудки (Кб, стк. 12: *bir tümän ayı altun kümüs*).

Когда в древнетюркских рунических памятниках енисейского бассейна идет речь об убитых мемориантом за всю свою жизнь «мужах-воинах» противника, что выступает одним из значимых

² Расшифровка сокращенных названий цитируемых памятников приведена в конце статьи.

³ Такой отряд, вероятно, не представляется автору надписи боеспособным, потому как он говорит: «Небо силу дало, поскольку отца (моего) кагана войско волкам подобно было, враги овцам подобны были» (КТб, стк. 12 = БК, X, стк. 11: *täjri küč birtök ücün qajim qayan süsi böri täg armış jayisi qoj täg armış*).

жизненных достижений, то приводятся достаточно точные, вплоть до единиц, цифры (9, 22, 30, 35, 40, 42, 59, 70) [Кормушин, 2008, с. 307–308]. Точно так же «мужи-воины», выступающие в качестве адресата вкладываемых в уста меморианта сожалений о вынужденном посмертном расставании с ними, представлены количеством, обозначенным округленными числами (40, 50, 100, 150), но их численность далеко не доходит до тысячи [Кормушин, 2008, с. 285–286]. Поэтому высказывалось мнение, что речь идет не о «простых воинах» из народа, а о дружинниках [Кормушин, 2008, с. 285]. Между тем из этнографических данных известно, что в повседневной жизни кочевников, когда взаимные набеги различных групп друг на друга неизбежны, а война фактически является обыденностью, военными делами занимается не все мужское население какого-либо коллектива: такой функцией наделялись специально отобранные для этого люди [Vámbéry, 1879, S. 122].

Таким образом, приводимые в памятниках древнетюркской рунической письменности цифры, относящиеся к численности войск, представляются живыми и приближенными к реальным. Именно от этих показателей следует отталкиваться при суждениях о численности кочевнических армий и масштабах военных столкновений между кочевниками.

Эти же сведения позволяют сделать некоторые предположения касательно общей численности отдельных сообществ.

Численность тюрков и окружающих сообществ в период Первой Восточно-тюркской империи

Исследователями давно замечено, что приводимые китайскими авторами сведения о численности войск противостоящих династиям Срединной равнины кочевников в десятки и сотни тысяч следует воспринимать скептически, явно считая их преувеличением [Гумилев, 1967, с. 338; Graff, 2002, р. 51, 53]. Сказать больше, они даже противоречат сами себе, что выявляется контекстуально.

Так, в 583 г. восточно-тюркский *Ышбара⁴ каган, объединивший в походе на империю Суй армии других трех каганов, в том числе западно-тюркского Тарду, обладавшего, по заверению китайских авторов, большим числом войск, чем он сам [СШ, цз. 51, с. 6а; БШ, цз. 22, с. 16б; ЦЧТЦ, цз. 175, с. 21б]⁵, возглавил силу численностью в 400 000 чел. [СШ, цз. 84, с. 4б; БШ, цз. 99, с. 9б; ТД, цз. 197, с. 10б (300 000); ТПХЮЦ, цз. 194, с. 13а; ЦЧТЦ, цз. 175, с. 28а]. При этом *те-лэ* 鐵勒, конгломерат разнородных степных племен, не был привлечен к этому походу, оставаясь в последующем потенциальной угрозой для собственных тылов тюрков [СШ, цз. 51, с. 6б; БШ, цз. 22, с. 17а–17б].

Племена *те-лэ*, покоренные тюрками (не ранее 546 г.), исчисляются количеством в 50 000 *ло* 落 [ЧШ, цз. 50, с. 3б; БШ, цз. 99, с. 3а], или 50 000 *цзя* 家 «семей» [СШ, цз. 84, с. 2а; БШ, цз. 99, с. 1б–2а]. Танский наследный принц Ли Чэн-цян 李承乾 увлекался образом жизни тюрков и устраивал соответствующие игры с товарищами, в том числе приказывал группе из пяти человек образовывать *ло* 落, тождественное одной палатке (*цун-лу* 穹廬) [СТШ, цз. 80, с. 2б]. Соответствие семейного домохозяйства одной юрте и численности примерно в 5 человек косвенно подтверждается возможностью подсчета соотношения количества семей (*ху* 戶 «двор») и численности людей в подведомственных империи Тан пограничных округах с кочевническим населением (см.: [ЦТШ, цз. 38, с. 34а–35а, 36б–37а]; ср.: [Малявкин, 1980, с. 115, 116; 1981, с. 28, 30; 1989, с. 17 (табл. 1), 22 (табл. 2); 24 (табл. 3)]). Это

⁴ Здесь и далее для облегчения восприятия имена собственные, если даже они известны только по иноязычным записям, даются только в принятой реконструкции, в других случаях сохраняется транскрипция, данная в источниках.

⁵ Полная расшифровка аббревиатур обозначений названий китайских источников приводится в конце статьи (см. выше). После сокращения названия через запятую идет номер главы (*цзюань* 卷), затем номер страницы. Здесь и далее пагинация указывается по изданию серии «Цинь-дин сы ку цюань-шу» 欽定四庫全書 («Высочайшее утвержденное полное собрание книг по четырем разделам»).

фактически малая (в отдельных случаях — расширенная) нуклеарная семья, представленная одним поколением — родители и несовершеннолетние дети (см., напр.: [Хазанов, 2002, с. 227]). Таким образом, 50 000 домохозяйств (*ло* или *цзя*, см. выше) тождественно примерно 250 000 чел.

Между тем общая численность племен *те-лэ* известна примерно на 607 г. — не ранее, чем сведения о них смог собрать Пэй Цзюй 裴矩 [Czeglédy, 1981, 56. о.]. Общие цифры, охватывающие данные по нескольким племенам, собранным в некоторого рода территориальные группы (реконструкция, разбор и обсуждение конкретных названий см.: [Dobrovits, 2011, р. 375–378; Cheng Fangyi, 2012, р. 104–107; Balogh, 2018, 31–35. о.]), выглядят следующим образом: племена (10) к северу от р. Тола — приблизительно 20 000 воинов; племена (более 9ти) к западу от И-у 伊吾 (Ха-ми 哈密), к северу от Куча — приблизительно 20 000 воинов; племена (более 4-х) к юго-западу от Алтая — более 10 000 воинов; племена (более 9-ти) на север от владения Самарканд, близкие к р. Волге — 30 000 вероятных воинов (ТПХЮЦ: 20 000); племена (более 4-х) к востоку от Де-и-хай 得窳海 (Балхаш? Каспий?) — более 8 000; к востоку от Рима (Фу-линь 拂林) — около 20 000 (ТПХЮЦ: 23 000) [СШ, цз. 84, с. 236–24а; БШ, цз. 99, с. 256–26а; ТД, цз. 199, с. 17а–18а; ТПХЮЦ, цз. 198, с. 1а–2а; ЦФЮГ, цз. 956, с. 40а–40б]. Даже если не брать в расчет слишком отдаленные от центров Тюркской империи территории, население ближайших районов, по меньшей мере 23-х племен, могло бы предоставить ок. 50 000 воинов. При формальном сопоставлении с предшествующими данными из этого следовало бы, что один воин представлял одно домохозяйство.

Следует заметить, что в свое время Б. О. Долгих для выяснения примерной численности коренных народов Сибири, плативших ясак российской администрации в XVII в., опирался на показатели переписей населения начала XX в. Исходя из сведений о пропорции доли взрослых мужчин (от 18 до 59 лет) к общей численности населения, для охотничьих народов Сибири он выбрал коэффициент 4, для скотоводческих народов — коэффициент 5. При этом он допускал поправку к полученным расчетам, исходя из соображения об обязательном наличии лиц, уклонявшихся или по каким-либо другим причинам не плативших ясак, допуская, что их доля могла составлять примерно 10% от общего числа населения [Долгих, 1960, с. 13–14]. Иногда конкретные ситуации требовали оговорок и корректировок коэффициентов (см., напр.: [Долгих, 1960, с. 332–334, 361]).

Китайские источники дают некоторые цифры при описаниях конкретных племен *те-лэ* на период около 648 г. Приводимые сведения не унифицированы — в одних случаях речь идет о числе воинов, которых могло выставить данное племя, в других приводится общая численность душ или домохозяйств. Эти цифры могут быть признаны если не непосредственно достоверными, то в какой-то степени отражающими реальное соотношение сил племен, поскольку были получены, вероятно, от посольств самих племен (о дипломатических сношениях см.: [Bielenstein, 2005, р. 375–473]). К тому же признавшие верховенство империи Тан племена делали ей какие-то выплаты [ЦТШ, цз. 3, с. 226; ТХЯ, цз. 73, с. 9б; ЦЧТЦ, цз. 198, с. 276; ЦФЮГ, цз. 170, с. 166; СТШ, цз. 217а, с. 3б], однако кроме того, что это были сборы натурой, свозившиеся в специально организованные пункты, никаких иных деталей, в том числе касательно периодичности и размеров выплат, ничего неизвестно. Даже если эти реестры не связаны с фискальной политикой, зарегистрированные сведения о численности военных контингентов племен следует принять во внимание, поскольку племена участвовали в военных операциях империи Тан, извлекая из этого естественную собственную выгоду в виде награбленной добычи и щедрых наград двора.

Реестры выглядят следующим образом: *ну-гу* — более 10 000 воинов (勝兵) [ТД, цз. 199, с. 206 (僕骨)⁶; ТПХЮЦ, цз. 198, с. 7а (僕骨)], 10 000 воинов и 30 000 «ртов» (口) [ЦФЮГ, цз.

⁶ Здесь и далее в скобках указываются варианты китайской транскрипции названий племен, приводимые в цитированных текстах, поскольку они иногда различны.

958, с. 256 (僕骨)], 30 000 домохозяйств (帳戶) и 10 000 воинов (兵) [СТШ, цз. 2176, с. 15а (僕骨, 僕固)]; *тонгра* — 15 000 хозяйств (戶) [ТД, цз. 199, с. 206 (同羅); ТПХЮЦ, цз. 198, с. 76], 30 000 воинов [СТШ, цз. 2176, с. 156]; *байырку* — более 10 000 воинов [ТД, цз. 199, с. 216 (拔野古)], 10 000 воинов и 60 000 хозяйств [ТХЯ, цз. 98, с. 186 (拔野古)], более 10 000 воинов и 60 000 «ртов» [ТПХЮЦ, цз. 198, с. 86 (拔野古); ЦФЮГ, цз. 958, с. 26а (拔野古)], 60 000 домохозяйств (帳戶) и 10 000 воинов (兵) [СТШ, цз. 2176, с. 146 (拔野古, 拔野固, 拔曳固)]; *до-лань-гэ* — 10 000 воинов [ТД, цз. 199, с. 226 (多濫葛); ТПХЮЦ, цз. 198, с. 9а (多濫葛); СТШ, цз. 2176, с. 17а (多覽葛, 多濫)], 10 000 воинов и 30 000 «ртов» [ЦФЮГ, цз. 958, с. 256 (多濫葛)]; *ху-сюэ* — 7 000 воинов [ТД, цз. 199, с. 226 (斛薛); ТПХЮЦ, цз. 198, с. 9а–9б (斛薛)], 10 000 воинов [СТШ, цз. 2176, с. 20а (斛薛)]; *а-ба* — 1 700 воинов [ТД, цз. 199, с. 226 (阿跋)], либо *а-де* — 1 700 воинов [ТПХЮЦ, цз. 198, с. 9б (阿跌)]; *ци-би-юй* — 3 000 воинов [ТД, цз. 199, с. 23а (契苾羽)], 2 000 воинов [ТПХЮЦ, цз. 198, с. 9б (契苾羽)]; *бай-си* (白霽) — 3 000 воинов [ТД, цз. 199, с. 23б], 10 000 воинов [ТПХЮЦ, цз. 198, с. 10б; СТШ, цз. 2176, с. 20а]; *си* (霽) — более 10 000 воинов [ТД, цз. 200, с. 7б; ТПХЮЦ, цз. 199, с. 10б], 10 000 воинов [ТХЯ, цз. 98, с. 19а]; *уйгурь* (*хуэй-хэ*) — 50 000 воинов [ТД, цз. 200, с. 9б (迴紇); ТПХЮЦ, цз. 199, с. 12а (回紇, 回紇)], 50 000 воинов и 100 000 «ртов» [ЦТШ, цз. 195, с. 1б (回紇); ТХЯ, цз. 98, с. 1а (迴紇); ЦФЮГ, цз. 958, с. 25а (回紇)].

Бросаящуюся в глаза повышенную по сравнению с другими сообществами численность уйгуров можно объяснить тем, что в их состав были включены остатки восточных тюрков и затем *се-янь-то* 薛延陀/薛延陁.

После падения *Эллиг кагана в 630 г. часть восточных тюрков присоединилась к *се-янь-то*, другие ушли в западные страны (*си-юй* 西域), третьи капитулировали, при этом число последних источники определяют как «множество» [ТД, цз. 197, с. 21а; ЦТШ, цз. 194а, с. 13а; ТПХЮЦ, цз. 195, с. 7а–7б; ЦФЮГ, цз. 991, с. 6а], конкретизируя затем, что это до 100 000 чел. [ТД, цз. 197, с. 23а; ЦТШ, цз. 194а, с. 14а; ТПХЮЦ, цз. 195, с. 9а–9б; ЦФЮГ, цз. 991, с. 6б; ЦЧТЦ, цз. 193, с. 23б], либо непосредственно называют это число [ЦЧТЦ, цз. 193, с. 22а; СТШ, цз. 215а, с. 19а]. Эта конкретизация, всплывающая в дискуссии при танском дворе, относящейся уже к 630 г., подтверждена самым ранним из текстов [ЧГЧЯ, цз. 9, с. 22а]. Между тем ушедший на запад А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾 в какой-то период объединил под своим командованием 100 000 людей [ЦТШ, цз. 109, с. 3б; ТХЯ, цз. 93, с. 5а; ЦФЮГ, цз. 995, с. 13б; цз. 1000, с. 17б; ЦЧТЦ, цз. 194, с. 28б; СТШ, цз. 110, с. 4б]. Он капитулировал перед империей Тан в 1-й месяц 10-го года эры правления *чжэнь-гуань* 貞觀 (12.02–12.03.636) [ТХЯ, цз. 94, с. 5а; ЦФЮГ, цз. 170, с. 13б (10-й месяц)] или чуть ранее, еще в 635 г. [ЦТШ, цз. 109, с. 4а]. После капитуляции его люди были расселены на севере Линчжоу 靈州 [ЦФЮГ, цз. 995, с. 14а; ЦЧТЦ, цз. 194, с. 28б–29а; СТШ, цз. 110, с. 5б]. По-видимому, это была какая-то весьма значительная часть тюрков. Названное выше число передавшихся империи Тан тюрков и расселенных на пограничных территориях в 100 000 перекликается с данными о количестве людей, подведомственных на 641 г. А-ши-на Сы-мо 阿史那思摩, который был утвержден каганом со стороны танского двора и повел тюрков из Ордоса на север от р. Хуан-хэ [ТД, цз. 197, с. 25б; ТХЯ, цз. 93, с. 93, с. 6а; ЦТШ, цз. 194а, с. 17а; ЦФЮГ, цз. 46, с. 11а; СТШ, цз. 215а, с. 24а] (см. ниже). Однако он оказался не способен контролировать подданных, и в начале 645 г. они «восстали» (*пань* 叛) [ТД, цз. 197, с. 25б; ЦТШ, цз. 194а, с. 17а; ТПХЮЦ, цз. 195, с. 11б; ЦФЮГ, цз. 46, с. 11а] или, в более поздней интерпретации, «подданные много изменяли» (下多攜背) [СТШ, цз. 215а, с. 24а]. Отсюда следовало бы, что многие покинули его, видимо, переметнувшись к господствовавшим на тот момент *се-янь-то*. После того, как в 646 г. был побежден *се-янь-то* каган, уйгурский предводитель Ту-ми-ду 吐迷度 «объединил его подчиненных» [ЦТШ,

⁷ Следуя СТШ, цз. 2176: 17а, *а-де* 阿跌 именуется также *хэ-де* 訶啞 либо *се-де* 跌跌.

цз. 195, с. 26 (並其部曲)] и «целиком занял его земли» [ЦТШ, цз. 195, с. 26 (奄有其地); СТШ, цз. 217, с. 2а–2б (並有其地)]. Это и сделало его самым могущественным среди предводителей других *те-лэ*ских племен. Помимо этого, часть людей постепенно переманил у *се-янь-то* укравшийся в горах Алтая Чэ-би 車鼻 каган, общее число воинов (勝兵) которого в итоге выросло до 30 000 чел. [ТД, цз. 198, с. 16; ЦТШ, цз. 194а, с. 186; ТПХЮЦ, цз. 196, с. 16; ЦЧТЦ, цз. 198, с. 33б; СТШ, цз. 215а, с. 25а]. Это воинство было разношерстным, поскольку даже люди Ту-ми-ду хотели уйти к нему [ЦТШ, цз. 195, с. 3а–3б; ЦЧТЦ, цз. 199, с. 9а–9б; СТШ, цз. 217а, с. 4а].

Приведенные примеры наглядно показывают перемещение степного населения, менявшегося в зависимости от ситуации политическое подданство и идентичность, по крайней мере в глазах китайских авторов.

Если пытаться примерно подсчитать число народа, ассоциируемого с тюрками, на 630 г. и чуть далее, оно, по-видимому, немногим будет превышать заявленные 100 000 чел. После того как разбежались люди, вверенные А-ши-на Сы-мо, в четырех специально созданных для размещения тюрков танских военных губернаторствах (*ду-ду-фу* 都督府) насчитывалось следующее число народа. Два самых ранних ведомства — Дин-сян 定襄 и Юнь-чжун 雲中 — включали соответственно 460 дворов и 1463 чел. и 1430 дворов и 5681 чел.; еще два выделенных позднее военных губернаторства — Сан-гань 桑乾 и Ху-янь 呼延 — соответственно 274 двора и 1323 чел и 150 семей и 650 чел. (с учетом присоединенных к ним позднее коллективов) (см.: [ЦТШ, цз. 38, с. 34а–35а]; ср.: [Малявкин, 1980, с. 115; 1981, с. 28; 1989, с. 17 (табл. 1)]). В сумме все это составляло немногим больше 9 тыс. чел., тогда как остальное население было рассеяно в подданстве у уйгуров и оставшихся немногих лоялистов вроде Чэ-би кагана.

Соотношение числа воинов и остального населения

Кроме приведенных выше данных о сообществах, традиционно включаемых в круг *те-лэ*, в источниках отдельно упоминаются еще сведения о следующих племенах: *басмыл* — более 3 000 хозяйств [ТД, цз. 200, с. 76 (拔悉彌)], более 2 000 хозяйств [ТПХЮЦ, цз. 199, с. 106 (拔悉彌)]; *бо-ма* — 30 000 воинов (兵) и 300 000 лошадей [ТД, цз. 200, с. 116 (駁馬); ТПХЮЦ, цз. 200, с. 2а (馬)], 30 000 воинов и 10 000 лошадей [ГХЯ, цз. 100, с. 146 (駁馬)]; *куруккан* — 4 500 воинов [ТД, цз. 200, с. 10а; ТПХЮЦ, цз. 200, с. 1а], 4 500 воинов и более 10 000 остальных людей [ГХЯ, цз. 100, с. 2а–2б; ЦФЮГ, цз. 958, с. 256], 5 000 воинов [СТШ, цз. 217б, с. 19а]; *кыркыз* — 80 000 воинов [ТД, цз. 200, с. 106 (結骨)], 80 000 воинов и сотни тысяч «ртов» (口數十萬) [ГХЯ, цз. 100, с. 56 (結骨); ЦФЮГ, цз. 958, с. 256 (結骨); ТПХЮЦ, цз. 199, с. 14а (黠戛斯)].

На примере некоторых сообщений можно увидеть формальное соотношение численности тех, кто относится к числу воинов, и остального населения. Она разнится, поэтому как для большинства конкретных случаев, так и в общем даже формальный подсчет численности населения на основе отдельных показателей проблематичен. Так, *пу-гу* — 1: 4 [ЦФЮГ, цз. 958, с. 25; СТШ, цз. 217б, с. 15а], *байырку* — 1: 7 [ГХЯ, цз. 98, с. 186; ТПХЮЦ, цз. 198, с. 86; ЦФЮГ, цз. 958, с. 26а; СТШ, цз. 217б, с. 146], *до-лань-гэ* — 1: 4 [ЦФЮГ, цз. 958, с. 256], *уйгуры* — 1: 3 [ЦТШ, цз. 195, с. 16; ГХЯ, цз. 98, с. 1а; ЦФЮГ, цз. 958, с. 25а], *куруккан* — 1: 3 [ГХЯ, цз. 100, с. 2а–2б; ЦФЮГ, цз. 958, с. 256].

Для сравнения: в 641 г. А-ши-на Сы-мо (ср. выше) имел под командованием 100 тыс. чел., из них 40 тыс. воинов [ТД, цз. 197, с. 25б; ЦТШ, цз. 194а, с. 17а; ЦФЮГ, цз. 46, с. 11а]⁸ либо 30 тыс. дворов (*ху* 戶) и 40 тыс. воинов (и 90 тыс. лошадей) [ТПЮЛ, цз. 904, с. 56; ЦЧТЦ, цз. 196, с. 2а]. Свидетельство о 40 тыс. воинов повторено в других фрагментах [ТД, цз. 197, с. 24б; ТПХЮЦ,

⁸ СТШ, цз. 215а, с. 24а: более 100 тыс. чел., из них 40 тыс. воинов (勝兵), 90 тыс. лошадей.

цз. 195, с. 106]. Отсюда вытекает, что «двор» предполагает в среднем примерно 3,3 чел., а «воины» составляют примерно 40% от всей численности.

В период Уйгурской империи (744–848) есть почти синхронные друг другу сведения, позволяющие представить соотношение военных сил ко всему подвластному населению.

В Тариатской надписи представлены имена высокопоставленных командующих примерно на 753–754 гг., которым вверены подразделения числом людей — сто (1), пять сотен (2), девять сотен (1), тысяча (2), пять тысяч (1) (Тар, Зап, стк. 6–9(21–24)) [Sertkaya, 1992, s. 330]. Общее число людей под их руководством формально равнялось бы 9000 чел. Это самые приближенные к кагану лица («великие *буйруки*», термин здесь нами не обсуждается).

Противоположный пример. В 762 г. уйгурский каган вступил в пределы Танской империи, как будто для борьбы с повстанцами. Согласно докладу танской разведки, он вел с собой следующее число людей: «могучих» (得) — 4 тыс. чел., «стариков, малых, женщин» (老小婦) — всего больше 10 тыс. чел., «строевых лошадей» (戰馬) — 40 тыс. голов, быков и овец (牛羊) — не записано [ЦТШ, цз. 195, с. 126]; по другой записи воинов (兵) — примерно 4 тыс. чел., «слабых» (孱弱) — больше 10 тыс. чел., лошадей (馬) — 40 тыс. [СТШ, цз. 217а, с. 10а] (ср.: [Mackerras, 1972, p. 70, 71]). В действительности такие силы (ср. просто упоминание 100-тысячной массы уйгуров: 回紇舉國十萬眾至矣 [ЦЧТЦ, цз. 222, с. 3а]), фактически передвижение всего народа, говорят о том, что каган выдвинулся для завоевания территории (мы согласны с предположением Т. Мориясу: [Moriyasu, 2002, p. 160–161]). Из самих же цифр следует, что доля боеспособных мужчин в сравнении с остальной частью населения (стариками, женщинами, детьми) — примерно 35%.

Высокий процент воинов среди общего числа населения, от 25 до 40%, может найти разные объяснения, в числе которых предположение о том, что он пополнялся за счет неженатой, не обзаведшейся семьей молодежи.

Заключение

В результате этого обзора можно заключить, что в основном для самих кочевников не были характерны военные формирования, выходящие за десяток тысяч человек, даже если ситуативно численность племен превышала этот показатель. Это редкие случаи, когда сильное племя, интегрировавшее в свой состав другое население, могло выставить значительное воинство. Механизмы увеличения численности отдельных сообществ за счет притока силы побежденных и соблазненных потенциальной добычей давно описаны В. В. Радловым [Радлов, 1893, с. 72–74]. Древнетюркская эпоха наглядно показывает эти процессы.

Сокращения названий памятников

БК, X — большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана

БШ — «Бэй ши» 北史 («[Официальная] история северных [династий]»)

Е — енисейские надписи

Кб — надпись на правой боковой (северной) стороне стелы Кюль тегина (продолжение большой надписи)

КТб — большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль тегина

СТШ — «Синь Тан шу» 新唐書 («Новая книга [о династии] Тан»)

СШ — «Суй шу» 隋書 («Книга [о династии] Суй»)

Тар – Тариатская (Терхинская) надпись

ТД — «Тун дьянь» 通典 («Общий свод»)

- Тон — надпись советника Тоньюкука (I; II — две стелы)
ТПХЮЦ — «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 («Описание мира [в эру правления] Тай-пин»)
ТПЮЛ — «Тай-пин юй-лань» 太平御覽 («Высочайше одобренное [издание эры правления] тай-пин»)
ТХЯ — «Тан хуэй яо» 唐會要 («Собрание важнейших [сведений периода династии] Тан»)
ЦТШ — «Цзю Тан шу» 舊唐書 («Старая книга [о династии] Тан»)
ЦФЮГ — «Цэ-фу юань-гуй» 冊府元龜 («Изначальная черепаха императорского книгохранилища»)
ЦЧТЦ — «Цзы-чжи тун-цзянь» 資治通鑑 («Помогающее управлению всеобщее обозрение»)
ЧГЧЯ — «Чжэнь-гуань чжэн яо» 貞觀政要 («Основы управления [в эру правления] чжэнь-гуань»)
ЧШ — «Чжоу шу» 周書 («Книга [о династии] Чжоу»)

Литература / References

- Бартольд В. В. <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбār*> Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.». Бартольд В. В. *Сочинения: в 9 т.* Т. VIII. *Работы по источниковедению.* М., 1973. С. 23–62 [Barthold V. V. <Extract from the Work of Gardizi *Zayn al-akhbār*> Appendix to the “Report on a Trip to Central Asia for a Scientific Purpose. 1893–1894. Barthold V. V. *Works: in 9 vol.* Vol. 8. *Works on Study of Sources.* Moscow, 1973. Pp. 23–62 (in Russian)].
- Гумилев Л. Н. *Древние тюрки.* М., 1967 [Gumilev L. N. *Ancient Turks.* Moscow, 1967 (in Russian)].
- Долгих Б. О. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.* М., 1960 [Dolgikh B. O. *Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th century.* Moscow, 1960 (in Russian)].
- Кормушин И. В. *Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология.* М., 2008 [Kormushin I. V. *Turkic Yenisei Epitaphs: A Grammar, Textology.* Moscow, 2008 (in Russian)].
- Малявкин А. Г. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. Деревянко Е. И. (отв. ред.). *Дальний Восток и соседние территории в средние века.* Новосибирск, 1980. С. 103–126 [Malyavkin A. G. Tactics of the Tang State in the Struggle for Hegemony in the Eastern Part of Central Asia. Derevyanko E. I. (ed.). *Far East and Neighboring Territories in the Middle Ages.* Novosibirsk, 1980. Pp. 103–126 (in Russian)].
- Малявкин А. Г. *Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования).* Новосибирск, 1981 [Malyavkin A. G. *Historical Geography of Central Asia (Materials and Research).* Novosibirsk, 1981 (in Russian)].
- Малявкин А. Г. *Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования.* Новосибирск, 1989 [Malyavkin A. G. *Tang Chronicles about the States of Central Asia: Texts and Studies.* Novosibirsk, 1989 (in Russian)].
- Радлов В. В. *К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика.* Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2. СПб., 1893 [Radlov V. V. *On the issue of the Uighurs. From the preface to the Publication of Qudatqu-Bilik.* Supplement to the LXXII volume of the Bulletin of the Imperial Academy of Sciences No. 2. St. Petersburg, 1893 (in Russian)].
- Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. (отв. ред.) *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка.* М., 2006 [Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) *A Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. The Proto-Turkic Language-Basis. A Picture of the World of the Proto-Turkic ethnos according to the Language Data.* Moscow, 2006 (in Russian)].

Хазанов А. М. *Кочевники и внешний мир*. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002 [Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World*. 3rd ed. Almaty, 2002 (in Russian)].

Balogh M. Az ujjur birodalomalapítás előzményei — Yarlaqarok, ujjurok és tiele / oguz törzsek a kínai és a türk hatalom közt. Dallos E., Kósa G. (szerk.) *Kultúrák találkozására és kölcsönhatására a Selyemút mentén: Ecsedy Ildikó születésének 80. Évfordulójára*. Budapest, 2018. 23–58. o.

Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. Radloff W. *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold: Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. St. Petersburg, 1897. S. 1–36.

Bielenstein H. *Diplomacy and Trade in the Chinese World, 589–1276*. Leiden, 2005.

Cheng Fangyi. The Research on the Identification Between Tiele (鐵勒) and the Oguric Tribes. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2012. T. 19. Pp. 81–114.

Czeglédy K. Ogurok és türkök Kazáriában. Dobrev Cs., Juhász P., Mijatev F. (szerk.) *Tanulmányok a bolgár-magyar kapcsolatok köréből. A bolgár állam megalapításának 1300. évfordulójára*. Budapest, 1981. Pp. 53–57. o.

Dobrovits M. The Altaic World Through Byzantine Eyes: Some Remarks on the Historical Circumstances of Zemarchus' Journey to the Turks (AD 569–570). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2011. Vol. 64(4). Pp. 373–409.

Graff D. A. Strategy and Contingency in the Tang Defeat of the Eastern Turks, 629–630. Di Cosmo N. (ed.). *Warfare in Inner Asian History: 500–1800*. Boston, 2002. Pp. 33–71.

Mackerras C. *The Uighur Empire according to the T'ang dynastic histories. A study in Sino-Uighur relations 744–840*. 2nd ed. Canberra, 1972.

Pelliot P. *Notes on Marco Polo II*. Paris, 1963. XII. Pp. 613–885.

Radloff W. *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei*. St. Petersburg, 1895. III. Lief. S. 175–460.

Roux J.-P. Les chiffres symboliques 7 et 9 chez les Turcs non musulmans. *Revue de l'histoire des religions*. 1965. Vol. 168. No. 1. Pp. 29–53.

Sertkaya O. F. Göktürk Harfli Uygur Kitabelerinin Türk Kültür Tarihi İçerisindeki Yeri. *Türk Kültürü Araştırmaları Dergisi*. 1992. Cilt XXVIII/1–2(1990). Prof. Dr. Mubarrem Ergin'e Armağan. S. 325–334.

Thierry F. Sur les monnaies des Türgesh. *Coins, Art, and Chronology: Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands*. Alram M., Klimburg-Salter D. (Hsg.). Wien, 1999. Pp. 321–349.

Thomsen V. *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées*. Helsingfors, 1896.

Vámbéry H. *Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund Sprachlicher Forschungen*. Leipzig, 1879.

Vámbéry H. *Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens*. Helsingfors, 1898.

Moriyasu Takao [森安 孝夫]. Uiguru kara mita Anshi no ran ウイグルから見た安史の乱 [The Rebellion of An Lu-shan and Shi Si-ming (755–763) from the Uighurs' Viewpoint]. *Nairiku Ajia gengo no kenkyū* 内陸アジア言語の研究 [Studies on the Inner Asian Languages]. 2002. Vol. 17. Pp. 117–170.

VARIANT READINGS IN FOCUS: SELECTING THE WORD ŠĀʿAT FROM THE AUTOGRAPH PATNA 533 (*HAŠT BIHIŠT VI*)^{*}

Mustafa Dehqan¹

İdris Bidlīsī's *Hašt Bibišt* ("The Eight Paradises") chronicles the reigns of the first eight Ottoman sultans, ending with Bāyezīd II (1481–1512), whom the author served as an administrator. Book VI of this wide political history deals with the reign of Sultan Murād II (1421–1444, 1446–1451). This brief note provides a discussion on a difficult passage given in introductory chapters of Book VI. It is especially useful for those who might be interested in a critical edition of Bidlīsī's unpublished Book VI.

Keywords: İdris Bidlīsī, *Hašt Bibišt VI*, Murād II, Ottoman, Persian, Arabic

For citation: Mustafa Dehqan. Variant Readings in Focus: Selecting the Word Šāʿat from the Autograph Patna 533 (*Hašt Bibišt VI*). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 22–25. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-021-025

ВАРИАЦИИ ПРОЧТЕНИЯ В ФОКУСЕ: ВЫБИРАЕМ СЛОВО ŠĀʿAT ИЗ АВТОГРАФА ПАТНА 533 (ХАШТ БИХИШТ VI)

Мустафа Дехкан

Хроника Идриса Бидлиси *Hašt Bibišt* (Восемь раев) повествует о правлении первых восьми османских султанов, завершаясь временем Баязида II (1481–1512), которому автор служил как чиновник. Книга VI этой обширной политической истории посвящена правлению султана Мурада (1421–1444, 1446–1451). Эта краткая заметка обсуждает сложный фрагмент в вводных главах книги VI. Она может быть особо полезной для тех, кто заинтересован в критическом издании неопубликованной книги VI Бидлиси.

Ключевые слова: Идрис Бидлиси, Хашт Бишишт, султан Мурад II, Османская империя

Для цитирования: Мустафа Дехкан. Вариации прочтения в фокусе: выбираем слово šāʿat из автографа патна 533 (Хашт Бишишт VI). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 21–25. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-021-025

INTRODUCTION

The reader of the *Hašt Bibišt* normally will be able to reconstruct the original appearance of each manuscript folio as closely as possible by consulting the emendations and alterations lists. Experience tells us, however, it is not an easy task. It is the function of the alterations

* I am obliged to Shakeel Ahmad Shamsi for his help with regard to the copy production of Bidlīsī's Patna autograph and some other manuscripts.

¹ Mustafa Dehqan, Independent Scholar, Tehran, Iran; mustafadehqan@yahoo.com
Мустафа Дехкан, независимый исследователь, Тегеран, ИРИ; mustafadehqan@yahoo.com

list to complete the apparatus for the reconstruction of the manuscript by listing every alteration, whether of correction or revision that Bidlīsī made during composition and review. Due to the facts of Bidlīsī's daily and court life and especially what happened between him and Bāyezīd II and Selim I², I find such an ideal to be questionable, for it creates a number of difficulties and makes certain assumptions that might not be realistic. What is clear is that the fate of later alterations and the best way of keeping them, and how and when to present those that are significant, are important considerations that cannot, however, be developed in this brief note.

It should be also mentioned that the editors have not sought to gather a multitude of witnesses for this or that reading, but rather to ascertain the readings supported by autograph manuscripts (if available). Considering the principle that in critical edition, the most difficult reading is considered the best reading, and Bidlīsī himself has a difficult style, it will be easy to understand what will follow.

PATNA 533: A LITTLE KNOWN AUTOGRAPH IN *HAŠT BIHIŠT* STUDIES

The *Hašt Bihišt* history has survived in some autograph versions. The sixteenth century manuscripts known to contain it are sometimes of a relatively important earlier vintage, and some emanate from partly autographed sections and mainly different non-autographed hands. Nuruosmaniye 3209 (dated 1513–1514), for example, is sometimes mistakenly known as an “autograph” while it is only its conclusion and colophon that has Bidlīsī's hand³.

The autograph version of the *Hašt Bihišt* history survives in at least two manuscripts dating from the early sixteenth century. The first one, Esad Efendi 2199 (dated 1506), is a very important draft version in which there are many corrections and marginal notes⁴. While they all agree on the essential outline of the history, there are so many alterations in the telling that in his draft autograph of the text Bidlīsī opted to present revisions side by side rather than to attempt to re-constitute the common original from which they may be presumed to descend.

Contrary to Esad Efendi 2199, the most important manuscript of Bidlīsī's *Hašt Bihišt*, the second autograph is a very neat manuscript, written in *nasta'liq-i 'ālī*. Bidlīsī's hand which has copied it seems to have contributed some improvements of its own to the story, thereby signifying the history's continuing interest. Compared to Esad Efendi 2199, this manuscript is an unknown manuscript which is less used and it can even be said that this manuscript has not been used in any of the studies that have been completed about the *Hašt Bihišt*⁵.

The following frame sentence tells the tale of Düzme Mustafa, an Ottoman prince who struggled to gain the throne of Sultan Murād II, and what finally happened to him in different ways in autograph and later important versions. The differences have been meticulously detailed by earlier copyists.

² That at least one autograph manuscript of Bidlīsī's history exists in India and is the basis of my work in this brief note is influenced by these events in his life. In his letter to Bāyezīd II, who wrote to him from Mecca, Bidlīsī says that a copy of his *Hašt Bihišt* was taken to India by a merchant. See Fallahzadeh, Mehrdad. “The Eight Paradises (the Hasht Bihišt) and the Question of the Existence of Its Autographs”, *Der Islam* 91/2 (2014): 374–409.

³ See Fallahzadeh, *ibid*.

⁴ For this manuscript, see Markiewicz, Christopher. *The Crisis of Rule in Late Medieval Islam: A Study of Idrīs Bidlīsī (861–926/1457–1520) and Kingship at the Turn of the Sixteenth Century* (PhD dissertation, The University of Chicago, 2014), Appendix C; compare also Husayni, Sayyid Muḥammad Taqī. *Fihrist-i Dastnivišhā-yi Fārsī-yi Kitābhāna-yi Ayāsuḥfiyā (Istānbul)* (Tehran: Kitābhāna, Mūza va Markaz-i Asnād-i Maḡlis-i Šurā-yi Islāmī, 2011), 386–390.

⁵ For this autograph manuscript, kept at Khuda Bakhsh Oriental Public Library, in Patna, see Anonymous. *Catalogue of the Arabic and Persian Manuscripts in the Khuda Bakhsh Public Library Vol. VI (Persian: History)* (Patna: Khuda Bakhsh Oriental Public Library, 1994), 203.

The following versions of the sentence are the most important samples, and they occupy by far the most space in the future critical edition of the *Hašt Bihišt*:

§ Esad Efendi 2199: باتفاق او را مقید ساخته جهت وسیلهٔ عفو گناه خود بدرگاه اقبال پناه آوردند و در دارالسلطنه ادرنه او را بنواب سلطانی رسانیدند و بحکم قضا جریان او را از برج قلعه ادرنه مصلوب گردانیدند⁶

§ Patna 533: باتفاق او را مقید و مسجون ساختند و جهت بضاعت عفو و شاعت جریمه خود او را در بلائی گرفتاری انداختند و در دارالسلطنه ادرنه او را همچنان مسلسل و مغلول بدرگاه سلطانی رسانیدند و بحکم قضا جریان تیغ انتقام او را از قلعهٔ ادرنه بر وضع دزدان مصلوب گردانیدند⁷

§ Nuruosmaniye 3209: باتفاق او را مقید و مسجون ساختند و جهت بضاعت عفو و شفاعت جریمهٔ خود او را در بلائی گرفتاری انداختند و در دارالسلطنه ادرنه او را همچنان مسلسل و مغلول بدرگاه سلطانی رسانیدند و بحکم قضا جریان تیغ انتقام او را از قلعهٔ ادرنه بر وضع دزدان مصلوب گردانیدند⁸

§ Hazine 1655: باتفاق او را مقید و مسجون ساختند و جهت بضاعت عفو و شفاعت جریمه خود او را در بلائی گرفتاری انداختند و در دارالسلطنه ادرنه او را همچنان مسلسل و مغلول بدرگاه سلطانی رسانیدند و بحکم قضا جریان تیغ انتقام او را از قلعهٔ ادرنه بر وضع دزدان مصلوب گردانیدند⁹

§ Tabriz 1874: باتفاق او را مقید و مسجون ساختند و جهت بضاعت عفو و شفاعت جریمهٔ خود او را در بلائی گرفتاری انداختند و در دارالسلطنه ادرنه او را همچنان مسلسل و مغلول بدرگاه سلطانی رسانیدند و بحکم قضا جریان تیغ انتقام او را از قلعهٔ ادرنه بر وضع دزدان مصلوب گردانیدند¹⁰

On the basis of certain lexicographical sources, the editor of the Persian text of the *Hašt Bihišt* may suggest that the reading Patna 533 should be considered as the *text*. Others, even Esad Efendi 2199, should be neglected. The key to this phrase is the Arabic word *šāʿat* with the infinitive meaning of «helping»¹¹, which should not be confused with the adjective *šāʿ* “unhappy, miserable”¹². This word is not available in the draft version Esad Efendi 2199, but when Bidlīsī personally rewrote the draft manuscript, he used this difficult word and completed his previous sentence in the draft version. Although the manuscripts Patna 533 and Nuruosmaniye 3209 were written in the same year, but from this word one can conclude that the Patna autograph manuscript was copied first¹³. As we said, Nuruosmaniye 3209 is not a fully autograph copy. When it was prepared under the supervision of Bidlīsī, the copyists could not read this word correctly. The reading of Nuruosmaniye and the subsequent readings all indicate that the difficult reading *šāʿat* was dumb for the earlier and later copyists, except Bidlīsī.

CONCLUSION

The purpose of this brief note is to call attention to some anonymous and otherwise unfamiliar readings in Bidlīsī’s autographs and important earlier manuscripts. The fact is, one may conclude, that

⁶ See Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Istanbul, Süleymaniye Kütüphanesi, Esad Efendi 2199, fol. 307r.

⁷ See Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Patna, Khuda Bakhsh Oriental Public Library, MS 533, fol. 308r.

⁸ See Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Istanbul, Süleymaniye Kütüphanesi, Nuruosmaniye 3209, fol. 271v.

⁹ See Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Istanbul, Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, Hazine 1655, fols. 309r.–309v.

¹⁰ See Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Tabriz, Kitābhāna-yi Markazī-yi Tabriz, Mağmūʿa-yi H. Hussein Nakhdjvani, MS 1874, fol. 235r.

¹¹ See al-Biyhaqī al-Maḥarrī, Abū Ġaʿfar Aḥmad ibn ʿAlī ibn Muḥammad. *Tāğ al-Mašādir*, Ed. H. ʿĀlimzāzih (Tehran: Muʿassisa-yi Muʿāliʿāt wa Tahqīqāt-i Farhangī, 1987), ii, 494, esp. ii, 661. It seems that using this type of Perso-Arabic infinitive is influenced by an official of the Mongol state and Persian historian Juvaynī (d.1283). Compare Juvaynī, ʿAlāʾ al-Dīn ʿAtā Malik Muḥammad. *Tārīḫ-i Ġabāngušāy*, Ed. Muḥammad Qazvīnī (Tehran: Nigāh, 2012), 345, 383, 405, 533, 963.

¹² See Asadī Ṭūsī, Abū Maḥsūr ʿAlī ibn Aḥmad. *Kitāb-i Luġat-i Furs*, Ed. ʿAbbās Iqbāl (Tehran: Ābkhāna-yi Maġlis, 1930), 228.

¹³ Mehrdad Fallahzadeh also thinks that “Khodabakhsh is older than Nuruosmaniye” (personal communication, September 7, 2023).

the most neat and precise of all *Hašt Bihišt* autographs, as the number of surviving manuscripts implies, appears to have been the *MS Patna 533*. Coming back to the importance of Esad Efendi 2199, one can add that it is the “top” manuscript we need to provide a critical edition of Book VI. However, the critical edition is a process in which the manuscript Patna 533 has a great share.

Esad Efendi and Patna 533 have only survived as manuscripts and neither has been studied in any depth before. One of the major issues that faced *Hašt Bihišt* studies in the recent decades has been the problem of access to its “Indian autograph”. I am not confident that much of what I wrote about, nor, I suspect, is entirely important. However, I am confident that it is worth considering a reflection on this manuscript which is preserved in India where many historical manuscripts are difficult to obtain.

References

- Anonymous. *Catalogue of the Arabic and Persian Manuscripts in the Khuda Bakhsh Public Library Vol. VI (Persian: History)* (Patna: Khuda Bakhsh Oriental Public Library, 1994), 203.
- Asadī Ṭūsī, Abū Manšūr ‘Alī ibn Aḥmad. *Kitāb-i Luġat-i Furs*, Ed. ‘Abbās Iqbāl (Tehran: Čāpḥāna-yi Maġlis, 1930).
- Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Istanbul, Süleymaniye Kütüphanesi, Esad Efendi 2199.
- Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Patna, Khuda Bakhsh Oriental Public Library, MS 533.
- Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Istanbul, Süleymaniye Kütüphanesi, Nuruosmaniye 3209.
- Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Istanbul, Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, Hazine 1655.
- Bidlīsī, Idrīs ibn Ḥusām al-Dīn. *Hašt Bihišt*, Tabriz, Kitābhāna-yi Markazī-yi Tabrīz, Maġmū‘a-yi H. Hussein Nakhdjvani, MS 1874.
- al-Biyhaqī al-Maqarrī, Abū Ğa‘far Aḥmad ibn ‘Alī ibn Muḥammad. *Tāġ al-Mašādir*, Ed. H. ‘Ālimzāzih (Tehran: Mu‘assisa-yi Muṭālī‘āt wa Tahqīqāt-i Farhangī, 1987).
- Fallahzadeh, Mehrdad. “The Eight Paradises (the Hasht Bihisht) and the Question of the Existence of Its Autographs”, *Der Islam* 91/2 (2014): 374–409.
- Ḥusaynī, Sayyid Muḥammad Taqī. *Fibrīst-i Dastnivišbā-yi Fārsī-yi Kitābhāna-yi Ayāsufiyā (Istānbul)* (Tehran: Kitābhāna, Mūza va Markaz-i Asnād-i Maġlis-i Šurā-yi Islāmī, 2011).
- Juvaynī, ‘Alā’ al-Dīn ‘Aṭā Malik Muḥammad. *Tārīḫ-i Ğahāngušāy*, Ed. Muḥammad Qazvīnī (Tehran: Niġāh, 2012).
- Markiewicz, Christopher. *The Crisis of Rule in Late Medieval Islam: A Study of Idrīs Bidlīsī (861–926/1457–1520) and Kingship at the Turn of the Sixteenth Century* (PhD dissertation, The University of Chicago, 2014).

ФЕНОМЕН «РЕСПУБЛИКИ ЭДЗО» В ИСТОРИИ ЯПОНИИ: ПОПЫТКА СЕЦЕССИИ ИЛИ АКТ ОТЧАЯНИЯ?

Д. Д. Романчев¹

«Республика Эдзо»² — одно из темных пятен японской истории середины XIX в. Недолговечное военно-политическое образование, возникшее на заключительном этапе гражданской войны Босин³ 1868–1869 гг., «Республика» успела обрасти множеством мифов и заблуждений, что можно объяснить как недостатком документальных данных, так и малой изученностью в отечественной историографии уже имеющихся документов по теме.

Эномото Такэаки, молодой и образованный вассал Токугава, в октябре 1868 г. восстал против репрессивных мер правительства Мэйдзи, против своего господина и увел своих людей на север, на остров Эдзо⁴. На острове он организовал так называемую «Республику Эдзо», которая по факту являлась просто военной администрацией, во главе которой встал он сам в должности *со: сай* — «главы». Распространённый взгляд на это краткосрочное политическое образование как на «первую республику Азии» и попытку сецессии, однако, едва ли можно назвать правомерным. Название «Республика» и «Президент» в отношении самого Такэаки — явления поздние, а термин *со: сай*, который часто переводят как «президент», на деле имеет множество значений, в том числе «глава» (например, должность министра флота в последние годы сёгуната Токугава именовалась *кайгун-со: сай*, а министра армии — *рикугун-со: сай*). Вопрос о якобы первых демократических выборах в Японии, по итогам которых Эномото Такэаки и занял пост *со: сай*, также является дискуссионным. Речь здесь шла скорее о примере прямой воинской демократии (в выборах участвовали только военные офицеры), которая скорее похожа на то, как казачий круг выбирал себе атамана.

Настоящие же причины того, почему группа разношерстных вассалов бывшего сёгуната Токугава, покинув родные земли на 8 военных кораблях, прибыла на далекую окраину японского государства, остров Эдзо, могут быть не совсем очевидны. Однако глубокое изучение документов, в частности послания лидера «Республики» Эномото Такэаки, могут пролить свет на мотивацию восставших вассалов Токугава и помочь нам избавиться от ряда штампов и заблуждений касательно феномена «Республики».

Ключевые слова: Япония, остров Хоккайдо, период Токугава, Реставрация Мэйдзи, императорский двор, гражданская война Босин

Для цитирования: Романчев Д. Д. Феномен «Республики Эдзо» в истории Японии. Попытка сецессии или акт отчаяния? *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 26–42. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-026-042

¹ Романчев Данила Дмитриевич, лаборант-исследователь, Институт востоковедения РАН, Москва; nickname210366@gmail.com

Danila D. Romanchev, research assistant, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences; nickname210366@gmail.com
ORCID: 0009-0007-2363-6051

² Также встречаются наименования «Республика Хоккайдо», «Правительство Эдзо», «Власти Хакодате».

³ Босин сэносо: — «война года дракона», военный конфликт 1868–1869 гг. между лоялистами бывшего сёгуната Токугава и сторонниками «Реставрации Мэйдзи».

⁴ Старое название острова Хоккайдо. Происходит от этнонима *эдзо* — «варвары с креветками», которым японцы называли коренных жителей острова — айнов.

THE PHENOMENON OF THE "REPUBLIC OF EZO" IN THE HISTORY OF JAPAN. AN ATTEMPT AT SECESSION OR AN ACT OF DESPERATION?

Danila D. Romanchev

The "Republic of Ezo" is one of the dark spots of Japanese history during the mid-19th century. It was a short-lived military-political organization that arose during the final phase of the Boshin Civil War of 1868-1869. Many myths and misconceptions have been created about "Republic" due to the lack of documentary data and the lack of knowledge in Russian historiography of existing documents.

In October 1868, Enomoto Takeaki, a young and educated Tokugawa vassal, revolted against the Meiji government's repressive measures against his lord and led his men north to Ezo Island. He created the "Republic of Ezo" on the island, which was actually a military administration led by him as *sōsai* – "head". However, the widespread view of this short-term political entity as the «first republic of Asia» and an attempt at secession cannot be called legitimate. The terms "Republic" and "President" in relation to Takeaki is recent developments, and the term *sōsai*, which is often translated as "president", actually has many meanings, including "head" (for example, the position of Minister of the Navy in the last years of the Tokugawa shogunate was called *kaigun-sōsai*, and the minister of the army was called *rikugun-sōsai*). The issue of the first democratic elections in Japan, which led to Enomoto Takeaki taking the position of *sōsai*, is also a topic of discussion. The case was rather an example of direct military democracy (the election was conducted solely by samurai officers), which is more similar to how the Cossack circle elected an Ataman for itself.

It may not be immediately clear why a group of disorganized vassals of the former Tokugawa shogunate traveled on eight warships from their homes to Ezo Island, a remote outpost of the Japanese state. A thorough examination of the materials, particularly the letters written by the "Republic's" commander Enomoto Takeaki, can, however, clarify many myths and clichés about the phenomena of the «Republic» and shed light on the motivations of the rebellious Tokugawa vassals.

Keywords: Japan, Hokkaido island, Tokugawa period, Meiji Restoration, imperial court, Boshin Civil War

For citation: Romanchev D. D. The Phenomenon of the "Republic of Ezo" in the History of Japan. An Attempt at Secession or an Act of Desperation? *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 26–42. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-026-042

Остров Хоккайдо в политической системе сёгуната Токугава

Территорией, на которой возникнет так называемая «Республика Эдзо», являлся остров Хоккайдо, или, как он чаще всего назывался в период Токугава, — Эдзо. Основным населением острова Эдзо вплоть до XIX в. являлись айны (коренные жители Японских островов), которых тогда называли эдзо или эмиси, соответственно по этому этнониму и называли остров.

Японское завоевание Эдзо началось в 1454 г. На остров вторгся Андо Масасуэ (14??– 1488), изгнанный из родных земель вместе со своим сподвижником Такэда Нобухиро (1431–1494). Они завоевали для себя южную часть острова — полуостров Осима и укрепились там, хотя поселения японцев на острове были и раньше. Японцев становилось все больше, что вызвало негативную реакцию айнов, которые в 1457 г. подняли против захватчиков восстание. Восставшие смогли почти полностью выгнать японцев с острова, однако Такэда Нобухиро, собрав последние силы, сумел разбить айнов в битве. Он объединил всех остальных самураев вокруг себя и взял п-в Осима под свой контроль

[Виноградов, 2005, с. 252; Щепкин, 2022, с. 38–39]. Нобухиро заложил основу рода Мацумаэ. Однако ситуация оставалась напряженной, и айны часто нападали на укрепления японцев (еще одно восстание в 1669 г.), что мешало развитию поселений. В тот же период строится одноименный замок Мацумаэ.

В правление сёгунов Токугава остров Эдзо, номинально считавшийся территорией Японии, фактически её властями не контролировался, за исключением упомянутого полуострова Осима. Айны платили японцам дань, а японцы могли заходить вглубь острова для добычи ресурсов или для составления карт местности. В 1633 г. остров в первый раз посещают представители *бакуфу* с целью инспекции, а в 1635 г. Саэмон Мураками составляет первую карту острова. Остров имел четкое разделение на земли клана Мацумаэ и на земли Айну — *эдзо-ти*. Землями эдзо называли не только территорию Хоккайдо, но и, например, Сахалин.

Численность японского населения острова в период с 1670 по 1800 г. колебалась от 20 до 30 тысяч человек [Виноградов, 2005, с. 252]. Доходы Мацумаэ-хан⁵ в основном зиждились на монопольной торговле с айну, а также пошлинах за вход судов в их порты и на добыче рыбы. Купцы имели особое влияние в Мацумаэ-хан, который фактически жил за счет торговли.

Столица «Республики Эдзо» город Хакодатэ стоял на земле некогда существовавшего замка Хакататэ, который был уничтожен во время одного из восстаний айнов XVI в. Постепенно жизнь вернулась туда, и в 1741 г. там был установлен таможенно-пограничный пункт. В 1785 г. там было уже 450 дворов [Трехсвятский, 1998, с. 235]. В 1799 г. все изменилось: *бакуфу* взяло японские территории на острове Эдзо под свой прямой контроль, и Хакодатэ стал одним из центров новой администрации. Вызвано это было, в первую очередь, активностью русских военных и промысловых судов. Еще в 1778 г. русские и японцы встретились на северных берегах Эдзо, где русские предложили торговлю, на что японцы ответили категорическим отказом. Дальнейшему развитию города поспособствовал Такадая Кахэй (1769–1827). Он разбогател на торговле с Эдзо, а затем вкладывал деньги в развитие города. Он также помог в разрешении крупного международного конфликта между Россией и Японией — «Инцидента Головнина» 1812 г. Обязанности по контролю за территориями Эдзо, Сахалина и Курильских островов сёгунат возлагал на вассальные домены. Прямое управление продолжалось до 1821 г., но было возобновлено в 1854 г. на фоне открытия страны для иностранной торговли и затем заключения Симодского трактата с Российской империей, по которому четыре курильских острова и остров Эдзо обозначались как земли Японии.

Японцы однозначно считали остров Эдзо и Курильские острова частью своей сферы влияния. Однако это было феодальное понимание собственности как источника дохода. Если быть более точным, то в феодализме нет понятия собственности, а есть понятие владения, обычно условного. Это был фронтир, который большинство японцев воспринимало как нечто «иное». Этот взгляд на Эдзо можно проследить в работах того времени, например, в «Описании эдзо» Араи Хакусэки (1657–1725). Эта работа, посвященная по большей части именно народу эдзо (айны), также описывает сам остров Хоккайдо. Араи Хакусэки выказывает свои опасения по поводу неполного контроля над островом: «С тех самых пор [с момента завоевания п-ва Осима] потомки из поколения в поколение удерживали эти земли вплоть до нынешних времен, и, глядя на Восток, я беспокоюсь, что наше продвижение туда надолго остановилось» [Щепкин, 2021, с. 8]. Из этого следует, что частью Японии воспринималась именно контролируемая Мацумаэ-хан часть острова. Также можно вспомнить «Иллюстрированное описание трех стран» — *сангоку-цу: ран-дзусэцу*, которое составил Хаяси Сихэй (1738–1793). В нем предпринимается одна из первых попыток определить политическое положение Японии исходя из её окружения. Оно описывает Государство Чосон

⁵ Хан — «феод», административно-территориальная единица в период Эдо (1600–1868) и в первые годы Мэйдзи (1868–1912). Хан являлся владением определенного самурайского рода и возглавлялся *даймё*: — крупным феодалом.

(Корея), Королевство Рюкю (современные острова Окинавской группы) и Эдзо. В данной работе, состоящей из карт и описания вышеупомянутых стран, Эдзо стоит в одном ряду с независимыми от Японии Кореей и Рюкю, а сам остров изображен на карте иным от Японии цветом, за исключением южной его части⁶. На большинстве других карт периода Токугава Эдзо не изображается вовсе (*кайсэй-нихон-эти-ро: тэй-дзэндзу* Нагокубо Сэкисуэй 1791 г. и *хотэй-дзукан-ко: моку* Исикава Рюсэн 1687 г. [Ёнэмото, 2003, с. 28, 36]) или же изображалась только южная окраина (карта *кё: хо*; заказанная сёгунатом Токугава [Ёнэмото, 2003, с. 37–38]).

Также об Эдзо как иностранной земле высказывался Кудо Хэйсукэ (1734–1801): «Чтобы увеличивать мощь [государства], важнейшим [условием] является ввозить богатства других стран в нашу страну. [...] Таким образом, чтобы увеличить мощь Японии, не остается ничего другого, кроме как разрабатывать рудники Эдзо и увеличивать количество добываемых там товаров» [Щепкин, 2016, с. 229–230].

Подводя итог, можно сказать, что, хотя сёгунат Токугава не контролировал весь Эдзо, а люди того времени воспринимали Эдзо как что-то «другое», *бакуфу* ревностно относилось к посягательствам других государств на эти земли, считая его жителей и ресурсы своими владениями. Для того чтобы этот регион стал по-настоящему японским, необходимо было включить его в общую систему экономических связей с основной частью Японии, а также в единое юридическое пространство (признать айнов подданными страны) и в конечном счете сформировать единую общность людей — нацию. Это было невозможно, или ограничено возможно при отжившем феодальном способе производства и стало по-настоящему возможно уже после «Реставрации Мэйдзи». На этом пути освоения Эдзо события 1868–1869 гг. сыграли важную роль при включении острова в общий политический контекст Японии.

Контекст возникновения

К 1868 г. Япония уже 15 лет пребывала в состоянии острого экономического и политического кризиса, который был вызван множеством причин, в частности насильственным открытием страны американской военной эскадрой в 1854 г.⁷ К 1868 г. противоречия внутри страны из-за недовольства политикой сёгуната, неравноправными торговыми договорами и экономическим кризисом привели к открытому конфликту между лоялистами режима сёгуната Токугава и сторонниками коренных перемен, которые выступали под знаменем восстановления прямого императорского правления и обновления всей политической системы в соответствии с традициями прошлого, опираясь на национальную религию Японии синто и на сакральный образ императора [Молодяков, 2019, с. 50–51].

Гражданская война, первые очаги которой начали вспыхивать еще в 1863 г., перешла в горячую фазу в 1868 г. В период с 1862 по 1867 г. сёгунат Токугава, который до этого более 200 лет безраздельно властвовал на японских островах, начал стремительно терять власть. С подачи сторонников доктрины *сонно-дзёи*⁸, воспитанных в традициях религиозно-философских школ *кокугаку*

⁶ Сангоку цу: ран ётиротэй дзэнти [Иллюстрированное описание трёх стран], Database of Historical Maps in the Yokohama City University Collection. URL: https://www-user.yokohama-cu.ac.jp/~yucu-rare/pages/WC-1_26.html (дата обращения: 17.09.23).

⁷ В 1853 г. Мэтью Перри прибыл в залив Урага (Токийский залив) во главе военной эскадры и потребовал от Японии открыться для отношений с иностранными державами, прервав таким образом политику закрытия страны, которая длилась более 200 лет. Японцы смогли уговорить Перри перенести переговоры на год. В 1854 г. он вернулся, вынудив Японию заключить «Канагавский договор».

⁸ *Сонно-дзёи* — «почитание императора — изгнание варваров». Лозунг, провозглашенный Аидзава Сэйсисай (1782–1863) в его работе Синрон («Новая теория»). В 1850-х годах вдохновил масштабное политическое движение, призывавшее к немедленному изгнанию из Японии иностранцев и к почитанию императора сёгунатом.

и *митогаку*, императорский двор, столетиями лишенный какого-либо политического влияния, вновь обретает силу. Политический центр страны смещается в Киото.

Поражение войск Токугава в короткой кампании против непокорного княжества Тёсю в 1865–1866 гг. окончательно поставило сёгунат в тупик. Влиятельные оппозиционно настроенные домены — Сацума-хан и Тёсю-хан сформировали военно-политический союз с целью дать отпор сёгунату и отобрать у Токугава власть. Помимо Сацума и Тёсю в Японии было еще несколько достаточно сильных княжеств, которые колебались, но выступили бы под знаменами императора, если бы ситуация обернулась против Токугава.

Политический кризис и смерть лояльного сёгунату императора Комэй (1831–1867) принудили сёгуна Токугава Ёсинобу добровольно отказаться от власти, необходимость чего он понимал и сам. 9 ноября 1867 г. Токугава Ёсинобу официально возвращает власть императору, оставляя, однако, за собой все земли Токугава. Изначально Ёсинобу планировал интегрироваться в новую политическую систему, которая предполагала бы более широкое сословное представительство, а богатый род Токугава сохранял бы лидирующую роль [Satow, 1921, p. 283]. Однако оппозиция продолжила давить на Токугава, принуждая их к возврату уже не просто формальной власти, а всех земель обратно императору. Для осуществления этого в Киото 3 января 1868 г. произошел военный переворот, и новоучрежденное Новое Правительство, состоящее из радикально настроенной оппозиции, заняло жесткую позицию по поводу судьбы рода Токугава [Мещеряков, 2009, с. 129–130]. На престол восходит император Муцухито (1852–1912), называемый отныне по девизу своего правления — «Мэйдзи». Так называемая «Реставрация Мэйдзи» совершилась. Однако бывший сёгун Токугава все еще был крупнейшим землевладельцем в стране и не мог просто так принять переворот.

Боевые действия начались в январе 1868 г. в районе Тоба-Фусими, на подходах к Киото, когда верные бывшему сёгуну отряды пытались прибыть в город, дабы укрепить позиции Токугава в мятежной столице и её окрестностях. После во многом случайного поражения и последовавшей добровольной капитуляции Токугава Ёсинобу перед войсками Нового Правительства боевые действия продолжились уже на востоке Японии, где лоялисты Токугава отчаянно сражались в битве при замке Уцуномия в мае 1868 г., в сражении за Уэно в июле и за Айдзу в октябре-ноябре, пока вся восточная Япония не пала под ударами армии Нового Правительства. Капитуляция верхушки сёгуната на начальном этапе войны свергла вертикаль командования и так слабоуправляемой феодальной армии в хаос подобно эффекту домино, предрешив исход битвы за остров Хонсю [Мещеряков, 2009, с. 132].

Так называемая «Республика Эдзо» возникла на финальном этапе этой гражданской войны, называемой Войной Босин. После поражения Северного союза⁹ и крупного домена Айдзу в сражениях в северо-восточной Японии последние лоялисты Токугава отправились на южную оконечность острова Эдзо. Их лидером был самурай Эномото Такэаки, во многом уникальный для своего времени вассал Токугава.

Эномото Такэаки: лидер лоялистов Токугава

Лидер «Республики» Эномото Такэаки родился 5 октября 1836 г. в городе Эдо, в семье самурая среднего достатка. У Такэаки был шанс получить хорошее образование: сначала он изучал конфуцианские трактаты, а в 1851 г. поступил в школу Сёхэйдзака — высшую правительственную школу сёгуната [Шиплюк, 2020, с. 152]. В 1853 г. он закончил свое обучение, однако его оценки

⁹ О: рэцу рэппан до: мэй — «Союз доменов Муцу, Дэва и Этиго», или просто Северный Союз, условное обозначение доменов северо-восточной Японии, которые решительно выступили против политики Нового Правительства, оказав вооруженное сопротивление. Несмотря на размеры и, в теории, внушительную военную силу, из-за несогласованности действий и устаревшего военно-технического оснащения Северный Союз потерпел поражение в октябре-ноябре 1868 г.

были одними из самых низких на выпуске. Возможно, в том числе из-за этого в 1854 г. Такэаки выбрали в свиту сопровождения управляющего городом Хакодатэ во время его инспекции острова Эдзо и Сахалина. В ходе своей поездки Такэаки впервые познакомился с северными границами Японии и, возможно, уже тогда осознал потенциал их освоения. В 1855 г. он стал слушателем в Военно-морской академии Нагасаки и в 1857 г. поступил туда на обучение. Там он изучал двигателестроение и химию, которые преподавали голландские специалисты. В 1854 г. уже произошло открытие Японии, и способности Такэаки к изучению иностранных наук¹⁰ были очень кстати. В 1858 г. он окончил свое обучение в Нагасаки и сам начал преподавать в Военно-морском учебном центре в районе Цукидзи в Эдо, куда переехали многие ученики и преподаватель из Нагасаки (сам центр в Нагасаки будет закрыт в 1859 г.). Примерно в то же самое время Такэаки изучал английский язык в так называемой «Школе английского языка Джона Мандзиро (1827–1898)» — японца, который, потерпев кораблекрушение, оказался в США и жил там какое-то время. Считается, что в этой школе он познакомился с Оотори Кэйсукэ (1833–1911), своим будущим сподвижником в Республике Эдзо [Като., 2008, с. 141–143].

В 1861 г. Сёгунат Токугава заказал в США 3 военных корабля в рамках своей программы по наращиванию флота. Предполагалось, что в США будет направлена группа вассалов Токугава, которые будут инспектировать строительство, а заодно пройдут там обучение. Среди этих студентов должен был оказаться и 25-летний Эномото Такэаки, однако из-за начавшейся в США гражданской войны планы пришлось спешно корректировать. В марте 1862 г. было принято решение заказать всего один корабль в Голландии, туда же и направили Такэаки с группой других студентов. 18 июня 1862 г. они отплыли из порта Синагава на корабле «Канрин-мару», который в 1853 г. также был куплен в Голландии.

В Нагасаки группа студентов пересела на голландский корабль, и 11 сентября они вышли в море в сторону Нидерландов. 18 апреля 1863 г. они прибыли в город Роттердам. Там их встретили в том числе их бывшие учителя из школы Нагасаки. В Гааге Такэаки изучал теорию управления военным флотом, паровые двигатели, химию и международное право [Камо, 1988, с. 123–124].

Будучи одним из немногих японцев в Европе, с февраля по март 1864 г. Эномото Такэаки в качестве военного наблюдателя был на Австро-пруссско-датской войне 1864 г.¹¹ Сначала он смог наблюдать ситуацию на фронте с немецкой стороны, а затем направился в Данию, чтобы осмотреть всё и там. После этого посетил город Эссен, где осмотрел штаб-квартиру оружейной компании «Крупп». Такэаки участвовал в переговорах с французской делегацией в Париже, обсуждая постройку Францией кораблей для *бакуфу* [Камо, 1988, с. 125]. Путешествовал по Англии, посещая там верфи, мануфактуры и шахты [Акамацу, 1977, с. 189].

Заказанный сёгунатом у Голландии корабль был спущен на воду в октябре 1866 г. и получил имя «Кайё-мару» (слово *кайё* в древние времена означало молитву о большом успехе и исполнении желаний). Его постройка обошлась в 831 000 голландских гульденов, и это был на тот момент самый большой деревянный корабль, построенный на голландских верфях [Blusse, 2000, p. 183]. По сравнению с кораблями, которые до этого времени закупало или заказывало *бакуфу* у иностранных держав, «Кайё-мару» был поистине современным и мощным кораблем. Водоизмещение было равно 2632 т, длина — 72,2 м, ширина — 13,04 м, скорость хода — 10 узлов, экипаж составлял примерно 350–500 человек [Мотоцуна, 2002, с. 341–343]. На вооружении фрегат имел восемнадцать

¹⁰ Рангаку — «голландские науки», собирательный термин для обозначения тех знаний, которые страна получала с Запада, в основном на голландском языке через торговую миссию в Нагасаки.

¹¹ Австро-пруссско-датская война, или Вторая Шлезвигская война — военный конфликт между Данией и Пруссией совместно с Австрией за Шлезвиг и Гольштейн. Одна из первых войн за объединение Германии. Шла с февраля по октябрь 1864 г.

16-сантиметровых орудий и восемь 30-фунтовых гладкоствольных орудий, одну 30-фунтовую карронаду (артиллерийское орудие с коротким стволом), два 12-сантиметровых бронзовых орудия, одно 7-сантиметровое нарезное орудие, два 5-сантиметровых нарезных орудия, две 12-сантиметровые мортиры.

25 октября 1866 г. Эномото Такэаки вместе с другими студентами покинул Нидерланды и отправился в Японию. 26 марта 1867 г. он прибывает в порт Йокогама, когда в Японии уже разворачивались драматические события. На родину Эномото Такэаки вернулся одним из самых образованных людей из числа вассалов *бакуфу*, овладев множеством европейских наук и несколькими языками. Хотя ему был всего 31 год, его по прибытии сразу назначают капитаном фрегата «Кайё-мару» и повышают жалование. Такэаки фактически возглавил эскадру флота.

Уже 26 января 1868 г. корабли вступают в бой с противником, открыв огонь в сторону брига «Хэйун-мару» Сацума-хан. На следующий день, 27 января, началась вышеупомянутая битва при Тоба-Фусими, а 28 января Такэаки провел еще одно морское сражение в заливе Ава (между островами Сикоку и Хонсю)¹² [Кавамура, 2021, с. 74–75].

После поражения в битве при Тоба-Фусими 1 февраля Токугава Ёсинобу отплыл из замка Осака в сторону Эдо на борту «Кайё-мару» [Аоки, 2013, с. 3], пока Эномото Такэаки был на суше. Такэаки, узнав о случившемся, погрузил часть оставшегося оружия и казну на корабль *бакуфу*, сам погрузился на корабль «Фудзияма-мару» вместе с остатками армии *бакуфу* и 8 февраля прибыл в Эдо [Камо, 1988, с. 195].

Мотивы Такэаки и его людей к восстанию

16 марта Эномото Такэаки был повышен в должности до заместителя командующего флотом *бакуфу* — *кайгун-фукусо: сай* [Нарусима, 1907, с. 1621]. Такэаки был одним из немногих высокопоставленных офицеров Токугава, которые сохраняли желание сражаться, но тем не менее первое время он следовал воле своего господина, который решил отказаться от сопротивления.

После того, как в июле 1868 г. город Эдо был сдан без боя войскам Нового Правительства¹³, Эномото Такэаки и его флот, будучи вассалами сёгуна, были обязаны сдать флот Новому Правительству. Как очень образованный человек своего времени, Такэаки остро почувствовал ущемление феодальных прав и свобод самураев-лоялистов Токугава. Здесь следует обратить внимание на первое послание, которое было составлено Такэаки летом 1868 г. после сдачи замка Эдо. Такэаки, выражая обеспокоенность шаткой позицией рода Токугава, пишет:

«Мы просим, чтобы, как только будет избран преемник рода Токугава, Замок Эдо мог бы быть передан под управление Токугава Камэносукэ¹⁴. Хотя это и высокомерно с нашей стороны, мы просим Ваше Императорское Величество даровать нам милость не назначать род Овари [один из родственных Токугава] наследниками Токугава. [...] Дабы уважить военных и их оружие, мы просим, чтобы последнее было сохранено при нас до тех пор, пока Его Величество не восстановит род Токугава, а вопросы земель и доходов не будут урегулированы при сохранении соответствующей

¹² 28 января корабли Эномото Такэаки заметили идущие корабли Сацума и начали преследование, догнав их в заливе Ава. На расстоянии 1,5–2 км корабли начали перестрелку. Они несколько десятков раз выстрелили в сторону друг друга, не нанеся, однако, никакого серьезного урона.

¹³ В июле 1868 г. замок Эдо, по договоренности между двумя сторонами, был бескровно сдан Новому Правительству. Недовольные лоялисты старого порядка оставались в городе, что привело к битве при Уэно 4 июля 1868 г.

¹⁴ К тому времени Токугава Ёсинобу перестал быть главой дома Токугава, передав первенство в роду своему приемному сыну Таясу Камэносукэ (1863–1940), принявшему имя Токугава Иэсато.

пропорции, а оставшееся будет возвращено». Подписывал Такэаки свои петиции так: «Вся армия и флот» [Black, 1881, p. 203–204].

Сразу видно, что Такэаки в первую очередь настаивал на справедливом, по его мнению, обращении с владениями Токугава, в частности просил сохранить их в «соответствующей пропорции». Что здесь имеется в виду? Дело в том, что число вассалов Токугава в тот период начитывало около 300 000 человек, а доходность земель Токугава и самых близких вассалов составляла примерно 8 000 000 *коку* риса в год¹⁵, так что Такэаки в послании просит, чтобы Токугава оставили достаточное количество земли, чтобы прокормить этих людей (если вычесть земли прямых вассалов, то доход земель Токугава составлял 4 000 000 *коку*) [Мураками, 1982, с. 60–74]. Для сравнения, самым богатым *хан* Японии в период 1850–60-х годов считался Кага-хан, доходность которого составляла 1 000 000 *коку*, а следом шел Сацума-хан с 700 000 *коку*.

Однако люди Нового Правительства были настроены решительно, и когда был отдан приказ сдать корабли флота сёгуната, которые находились под командованием Такэаки, он отказался ему следовать и отвёл флот из порта Синагава на юг современной префектуры Тиба, в район провинции Ава (не следует путать с провинцией Ава на западе страны), оправдывая это так:

«Я имею честь сообщить Вам, что причина, по которой корабли Токугава покинули якорную стоянку сегодняшним утром, заключается в следующем: несколько дней назад армия и флот отправили ходатайство на имя главнокомандующего. Хотя весь флот все еще находился в состоянии подозрения и беспокойства по поводу приказа о сдаче военных кораблей, наш сёгун Кэйки [Ёсинобу] послал на стоянку Синагава высокопоставленного офицера, чтобы сообщить, что все корабли должны быть сданы, а нам не следует ждать ответа главнокомандующего. Сей приказ очень сильно задел чувства нас всех: поскольку любой проступок будет прямо противоречить желаниям нашего господина Кэйки, а также станет непростительным в глазах императорского двора, мы отошли к побережью Ава и Кадзуса, чтобы успокоить наши чувства и дожидаться приказа главнокомандующего. Мы сделали это не для того, чтобы скрыться и в выгодном положении следить за развитием событий, и потому надеемся, что офицеры императорского флота не будут подозревать нас в дурных намерениях» [Black, 1881, с. 204–205].

Такэаки на тот момент удалось уговорить следовать воле бывшего сёгуна, и в том же месяце он сдал Новому Правительству корабли «Фудзияма-мару», «Тёё-мару», «Сёкаку-мару» и «Канко-мару» (это были менее значимые суда в сравнении с другими), однако оставил под своим контролем остальные суда, в том числе «Кайё-мару». По-видимому, Эномото Такэаки все еще колебался между следованием воле Токугава Ёсинобу и присоединением к сопротивлению Новому Правительству.

Спусковым крючком для восстания Эномото Такэаки против Нового Правительства послужили карательные меры против рода Токугава — 13 июля 1868 г. был издан указ, который урезал доходы рода Токугава до 700 000 *коку*, а владения отныне ограничивались землями Суруга¹⁶ [Sheldon, 1975, p. 44; Аоки, 2013, с. 219]. Токугава Йэсато, новый глава рода, вместе с Токугава Ёсинобу был помещен под домашний арест в новосозданном домене Суруга-хан. Огромная сумма дохода в сравнении с другими феодальными владениями Японии в 700 000 *коку* была, тем не менее, ничтожно мала по сравнению с 8 000 000 *коку*. Лоялисты Токугава были разгневаны таким решением.

В этот момент Эномото Такэаки на словах еще выражал покорность Новому Правительству, но на деле оказывал разнообразную поддержку воюющим лоялистам Токугава. В августе он

¹⁵ Доходность *коку* рисом являлась в период Токугава главным фактором оценки доходности земельного участка, так как экономика страны строилась на выращивании риса, которым выплачивались жалования и налоги. 1 *коку* примерно равен 180,39 литрам.

¹⁶ Современная префектура Сидзуока, родовые земли Токугава.

неоднократно встречался с представителями Северного союза, который сопротивлялся Новому Правительству, обсуждая возможное сотрудничество. Когда 30 сентября 1868 г. переезд рода Токугава в Суруга-хан на кораблях Такэаки был завершен, он начал действовать [Аоки, 2013, с. 258]. 4 октября 1868 г. Такэаки вместе с другими бывшими вассалами сёгуна на 8 кораблях, включая «Кайё-мару», выдвинулся из Эдо, направляясь на подмогу Северному Союзу в город Сэндай [Хо: я, 2007, с. 267–268]. На борту находились в общей сложности более 2000 человек, а также французские военные советники, пожелавшие примкнуть к повстанцам [Мисаки, 2023, с. 156].

Уходя, Эномото Такэаки передал «командующему армией» (*рикугун-со: сай*) Кацу Кайсю, видному деятелю периода *бакумацу* со стороны сёгуната, послание для императорского двора, или «прокламацию» — *гэкибун*. Основной смысл последнего примерно таков: восстановление императорской власти — это истинное счастье для страны, однако на деле это пустые слова, а Сацума и Тёсю просто захватили земли их Господина, унизили Токугава Ёсинобу, отобрали его замок, оставили гробницы его предков на запустенье и поставили вассалов Токугава в затруднительное положение. В ответ на что они, вассалы Токугава, сами избрав свой жизненный путь, ушли на остров Эдзо, чтобы возделывать его. Цитата:

«Восстановление монаршего правления — радость для всей Империи, и мы также возлагаем на это большие надежды. Однако нынешняя форма правления, хотя она и зовется величайшей справедливостью, на деле не такова. Монаршие войны маршируют на Восток и клеветуют на нашего обездоленного Господина, клеймя его врагом трона. [...] Это всего лишь стремления могущественных хан, а совсем не подлинное монаршее правление. [...] Посему мы вынуждены надолго покинуть эти земли [регион Канто], дабы устроить основы для единения и гармонии во благо нашей Империи. Это единственное, что можно сделать, дабы сохранить кодекс чести воинов всех провинций, смыть дурные привычки сотен лет праздности, воодушевиться, помочь Империи противостоять на равных условиях всем странам мира» [Усуй, 2005, с. 101–102].

По данному посланию отчётливо видно, что Такэаки приветствовал реставрацию императорской власти, что было в целом логично. Однако здесь же он обвиняет Новое Правительство в том, что все это — лишь ширма для оправдания передела собственности и захвата власти и земель его господина.

После этого силы Эномото Такэаки прибыли на остров Эдзо и достаточно быстро заняли его. Предварительно Такэаки отправил властям острова очередное послание, в котором заверял их в мирных намерениях и предлагал не сопротивляться, однако посланники были атакованы и убиты [Ваки, 1988, с. 44]. После эвакуации немногочисленных сил Нового Правительства лоялисты Токугава заняли город Хакодатэ — один из портов, открытых для иностранной торговли договорами 1850-х годов. Этот город, который выступал прекрасной естественной пристанью, находился в тот период под прямой властью сёгуната, а затем и Нового Правительства. После взятия города-замка Мацумаэ, последнего оплота Нового Правительства, 20 декабря 1868 г. Такэаки передал уполномоченным Нового Правительства очередное ходатайство. Там он оправдывал свои силовые действия на острове агрессией со стороны администрации Хакодатэ:

«Поскольку власти Хакодатэ и Мацумаэ-хан внезапно напали на нас, не услышав наше воззвание о том, что мы идем на Север для его защиты, не имея другого выхода, мы вынуждены были обороняться. Люди Мацумаэ действовали жестко, поджигая дома простых людей, поэтому мы изгнали их из замка и спасли людей»¹⁷.

¹⁷ Мэйдзи ганнэн дзюити гацу нанока: Эномото-гун кара син сэйфу э-но тангансё [1 год Мэйдзи, 7 ноября: послание войск Эномото Новому Правительству], MBC Minami Nihon Hoso. 07.11.2018. URL: https://blogs.mbc.co.jp/mbcnews/cat_ishin/10483/ (дата обращения: 27.08.2023).

Следовательно, основной мотив Такэаки к восстанию был вполне прост и понятен: он опасался за экономическую безопасность вассалов Токугава, включая себя. Очевидно, что земель Суруга-хан не хватило бы для обеспечения всех вассалов Токугава работой. Если заглянуть вперед, то в будущем провинция Сидзуока, где находился недолговечный Суруга-хан, станет лидером страны по выращиванию зеленого чая. Именно бывшие вассалы Токугава, вынужденные селиться в тесных домах и принужденные к земельному труду, составили ту «армию труда», которая позволила Сидзуока выйти в лидеры [Hellyer, 2020, p. 178–180].

Отказ от своих воинских привилегий, то есть от возможности возвышаться над остальными сословиями и управлять ими — это именно то, чего Такэаки старался не допустить. Да, на Хоккайдо Такэаки планировал начать масштабное освоение целинных земель, но в его планах самураи Токугава, помимо земледелия, несли бы и присущие воинскому сословию обязанности, заключающиеся в защите северных границ страны от возможного вторжения. Превращение в простых торговцев и земледельцев — вот что претило бывшим вассалам Токугава. Как покажет история — это именно то, что ждет большую часть бывших самураев.

Вопрос об иностранном признании

Еще до взятия Хакодате силы лоялистов Токугава подготовили послание, которое должно было быть передано консулам стран Запада, базировавшимся в Хакодате. Послание начиналось с подписи «Les Kerais exiles de Tokughava» на французском языке, что примерно означает «вассалы-беглецы Токугава» [Хо: я, 2007, с. 270–271]. Заняв город, Такэаки сразу же обратился к иностранным купцам и сотрудникам дипломатических миссий. В данном послании лоялисты сокрушаются:

«Слуги Императора очень сильно урезали доходы Токугава, поэтому большая часть вынуждена отказаться от своих двух мечей [знак принадлежности к самурайскому сословию], чтобы становиться торговцами и земледельцами. Однако все герои армии и флота Токугава не могут признать такого позора. Мы, так же как слуги императора, способны править крестьянами и торговцами и оберегать их [сословные привилегии]. [...] Военные суда Токугава будут заходить в порт Хакодате, однако мы ни за что не станем стрелять по городу. Если корабли сил юга придут в Хакодате для боя, мы будем сражаться с ними в море. Если же они придут с миром, то мы будем их сопровождать во избежание конфликтов. [...] Внутренняя смута вынудила нас покинуть регион Канто, где жили наши предки. Эдзо станет новым владением Токугава. Император обязательно осознает, что здесь мы трудимся и на благо своих интересов, и на благо интересов всей Японии»¹⁸.

Во-первых, Эномото Такэаки отдельно уверил иностранные миссии, что они будут выполнять все обязательства по обеспечению безопасности перед иностранными гражданами, желая, чтобы торговля продолжалась. Сторонники Эномото Такэаки возлагали большие надежды на продолжение торговли с Западом: «Мы решили, что морские пути и все остальное, касающееся торговли в гавани Хакодате, должны оставаться так же, как было раньше»¹⁹.

Во-вторых, Эномото Такэаки и его люди плотно ассоциируют себя с японским государством, а также выражают покорность императору. Однако они, как и прочие лоялисты Токугава, считали, что люди Сацума и Тёсю, которые образовывали собой костяк оппозиции, держат императора в заложниках, реализуя через него свои планы по уничтожению Токугава.

¹⁸ Дассо: гун-но гайко: [Дипломатические связи войска беглецов], Цифровая история города Хакодате, Сборник общепринятых знаний, том 2, собрание 4. URL: http://archives.c.fun.ac.jp/hakodateshishi/tsuusetu_02/shishi_04-01/shishi_04-01-02-03-01.htm (дата обращения: 12.09.23).

¹⁹ Там же.

Там же оговаривался статус отношений с иностранцами: «Мы – воюющая сторона, имеющая законное право жить на своей земле с высоко поднятой головой и защищать это право с оружием в руках. Следовательно, даже если в наихудшем случае война придет сюда, то отношения между нами и европейскими представительствами будут продолжены на основе договоренностей о нейтралитете, достигнутых в Осака 10 месяцев назад»²⁰. Таким образом, Такэаки желал продолжения нейтралитета иностранных держав, а также чтобы его признали стороной конфликта, а не просто мятежником.

Узнав о событиях на Эдзо, Великобритания и Франция, обеспокоенные услышанным, отправили в город объединенную эскадру кораблей, дабы гарантировать безопасность своих граждан. С этим эпизодом связано еще одно заблуждение касательно природы «Республики Эдзо», а именно то, что «Республику» якобы признали иностранные государства. Оно зиждется на следующем событии: 22 декабря 1868 г. Энмото Такэаки встретился с капитаном британского судна «Сателлит», капитаном французского судна «Венера», а также с консулом Великобритании Ричардом Юсденом (1830–?) [Аоки, 2013, с. 309; Ваки, 1988, с. 82]. На этой встрече обсуждались статус временного правительства Эдзо как воюющей стороны и вопрос того, чтобы западные страны заняли позицию невмешательства в гражданскую войну в Японии, а не «нейтралитета»²¹. Иностранцы частично согласились с предложением Энмото Такэаки и признали его «властью де-факто» — Authorities De Facto или 事実上の権力 (*дзидзицудзё:~но кэнрёкү*), хотя лоялисты так и не были признаны воюющей стороной [Кадзунори, 2002, с. 40].

Таким образом, упоминаемое в специальной литературе «иностранное признание» администрации Такэаки было ничем иным, как обычным рабочим моментом. Иностранцы просто признали людей Такэаки той силой, которая фактически контролирует остров, соответственно именно с ними придется иметь дело по вопросам дальнейшего функционирования торговых миссий и консульств. Международно-правовым признанием это назвать никак нельзя.

Была ли попытка сецессии?

14 января 1869 г., когда силы Такэаки гасили последние очаги сопротивления войск Нового Правительства, он через вышеупомянутые корабли Великобритании и Франции отправил Новому Правительству очередное послание, названное «Ходатайство Энмото Такэаки и его сторонников». В этом достаточно длинном послании он подробно объясняет свой замысел, утверждая буквально следующее.

«С момента падения рода нашего господина Ваши [Императора] меры по спасению рода от голодной смерти были услышаны нами, и наша благодарность выше, чем горы, и глубже, чем океан. Однако число вассалов Токугава за более чем два века увеличилось до 300 000 человек, и доход в 700 000 *коку*, который вы установили для нашего Господина, недостаточен, чтобы их прокормить. [...] Мужчины с сердцами самурая не могут стать земледельцами или купцами, так что похоже, что нам остается только голодать. Однако, принимая во внимание неразвитость острова Эдзо, мы сочли, что нам лучше переместиться сюда, дабы, перенося всяческие тяготы, мы бы сровняли крутые горы, возделали пустыни, нашли бы применение оставшимся без дела до сего момента людям в полезном труде и таким образом смогли бы получить самою малость Вашей благосклонности [...].

²⁰ Еще в начале войны Босин Токугава Ёсинобу встретился с иностранными представителями, заключив с ними договор о невмешательстве западных стран в войну в Японии.

²¹ Дассо:гун-но гайко: [Дипломатические связи войска беглецов], Цифровая история города Хакодате, Сборник общепринятых знаний, том 2, собрание 4. URL: http://archives.c.fun.ac.jp/hakodateshishi/tsuusetu_02/shishi_04-01/shishi_04-01-02-03-01.htm (дата обращения: 12.09.23).

Соответственно ранее мы просили Вас со слезами на глазах, чтобы мы могли получить сей великий дар, но получив отказ, поняли, что 300 000 наших людей будут обречены на голод. По этим причинам мы отплыли из порта Синагава в десятом месяце прошлого года [по старому календарю] и прибыли сюда [на Эдзо], дабы поддерживать друг друга в освоении этого региона и защищать северные границы» [Black, 1881, с. 240–241].

Также Такэаки оправдывался перед Императором:

«Когда мы обратились к Симидзутани Дзиндзю [главе администрации Хакодате], он нас не послушал, а просто увидел в нас банду разбойников и атаковал. Люди Мацумаэ также убили нашего посланника, и по этим причинам мы вынуждены были низложить их. [...] Мы молимся, чтобы эта часть Империи была передана нашему новому господину — Токугава Камэносукэ, и в таком случае мы оплатим за вашу благосклонность своей верной службой на северных рубежах» [Black, 1881, р. 240–241; Кадзунори, 2002, с. 36–37].

На основе посланий Энмото Такэаки можно сделать вывод, что он и его люди видели себя частью *Империи*, то есть не мыслили себя вне пределов японского государства. Действительно, Энмото Такэаки поднял против Нового Правительства мятеж во многом вопреки воле своего господина. Однако стоит понимать, что противники Нового Правительства в войне Босин не считали своим врагом императора и императорский двор. Люди Айдзу-хан, Северного Союза и «Республики Эдзо» в целом закономерно предполагали, что император находится под контролем Сацума и Тёсю и используется ими для реализации своих амбиций и воззрений на политическое устройство страны. Для современников событий со стороны Токугава действия Сацума и Тёсю — это однозначно военный переворот. В этом смысле Энмото Такэаки пытался добиться своего через вооруженный протест, и у него были основания полагаться на успех. Военно-морской флот в его подчинении, включая мощнейший корабль Японии — «Кайё-мару», позволил бы силам Такэаки отразить высадку войск Нового Правительства, а богатства Хоккайдо могли позволить ему сохранять экономическую независимость. Едва ли можно сказать, что Энмото Такэаки старался отделиться от Японии.

«Республика Эдзо» и её «президент» — откуда названия?

27 января 1869 г. в «Республике» были проведены выборы, на которых члены воинского сословия избрали себе предводителей. Было учреждено временное правительство, главу которого избрали путем прямого голосования. Это голосование часто называют первыми в Японии демократическими выборами главы государства, однако здесь стоит учитывать, что к голосованию допускались только офицеры, по некоторым данным — только высшего звена (около трети от числа войска лоялистов), а местные жители не допускались. В этом разрезе выборы главы новой администрации можно сравнить с выборами атамана в казачьем войске или выборами капитана у пиратов XVIII в., то есть это было проявление прямой воинской демократии, далекой от современных представлений о демократических выборах.

На этих выборах Энмото Такэаки получил 155 голосов из 174, заняв должность «президента», как принято писать. Здесь стоит прояснить ситуацию с наименованием должности Такэаки. На японском языке она именуется *со: сай*, что можно перевести как «глава, председатель». В словаре определение этого слова звучит так: представительная должность, в полномочия которой входит руководство в органах государственного управления, политических партиях и общественных организациях, имеющих отношение к политике. Стоит между должностями *со: суй* (ниже, обычно переводится как «главнокомандующий») и *со: то:* (выше, переводится как «президент», «фюрер»).

Эта должность впервые была внедрена в ходе реформ годов Бункю²², а именно в 1862 году, когда была учреждена должность «главного политического управляющего» — *сэйдзи-со: сай*. Затем, когда Токугава Ёсинобу получил власть в сёгунате, он предпринял попытку реформировать госаппарат в 1866 году, поставив советников *родзю* над отдельными министерствами, делая из них поддбие министров. Тогда были созданы должности «главнокомандующего сухопутной армии» — *рикугун-со: сай*, а также аналогичные должности во флоте — *кайгун-со: сай*, во внутренних делах — *кокунай-дзиму-со: сай*, во внешних делах — *гайкоку-дзиму-со: сай*, и в финансах — *кайкэй-со: сай* [Beasley, 1972, p. 265]. После оглашения в стенах дворца в Киото «Указа о реставрации императорского правления» 3 января 1868 г. было учреждено Новое Правительство, главной должностью в котором был *со: сай*, то есть «глава, генеральный судья». Однако ни одну из вышеперечисленных должностей, кроме той, которую занял Эномото Такэаки, не переводят как «президент», хотя разница иллюзорна.

Также голосованием была избраны люди на должности заместителя главы — *фуку-со: сай*, министров армии и флота — *рикугун-бугё:* и *кайгун-бугё:*. Ими стали Мацудайра Таро (1839–1909), Оотори Кэйсукэ и Араи Икуносукэ (1836–1909) соответственно.

Остальные основные должности были распределены следующим образом: управляющий Хакодате (*хакодате-бугё:*) — Нагай Гэнба (1816–1896), управляющий Мацумаэ (*мацумаэ-бугё:*) — Хитоми Кацитаро (1843–1922), министр земельного освоения (*кайтаку-бугё:*) — Сава Тородзаэмон (1834–1898), министры финансов (*кайкэй-бугё:*) — Эномото Митиаки (1834–1882) и Кавамура Рокусио, помощник министра сухопутной армии (*рикугун-бугё:-нами*) — Хидзиката Тосидзо (1835–1869). Кроме того, были учреждены должности управляющего Эсаси, старших и младших командиров пехоты, командиров флота, командиров инженерных войск и артиллерии.

Иногда в научной и научно-популярной литературе можно встретить ремарку, что описанная выше политическая система была построена по модели США. Действительно, если поставить знак равенства между «президент» и *со: сай*, а также бегло взглянуть на политическую систему «Республики» с её министрами и министерствами, то можно допустить такое предположение, которое мы считаем ошибочным. Вполне понятно, что Эномото Такэаки как один из немногих японцев, получивших образование в Европе, воспринял целый ряд европейских воззрений на политику и ведение боевых действий. Например, люди Такэаки старались соблюдать права военнопленных и лечили в госпиталях и своих солдат, и врагов. Однако не стоит забывать, что Эномото Такэаки был человеком своего времени, человеком еще феодального мышления. Главной целью авантюры Такэаки было превращение Эдзо в новый домен Токугава, куда можно было бы переселить вассалов Токугава, где всецело правили бы представители рода Токугава. В этом смысле «Республика Эдзо», или, как её следует называть, «Администрация Эдзо» была лишь временной структурой, призванной осуществлять управление островом до признания прав Токугава на эту землю со стороны Нового Правительства. Судя по всему, Эномото Такэаки действительно находил некоторые элементы западной политической системы удачными и старался инкорпорировать их в реалиях Японии, однако результат смешения двух не просто разных культур, а общественно политических формаций давал в результате нечто третье, иное. Более того, принцип разделения власти между министерствами внедрил первым не Такэаки, а его сюзерен Токугава Ёсинобу еще в 1866 г.

Кроме того, подобное использование условных элементов демократии вполне укладывалось в популярное в тот период в Японии представление о *ко: ги-ёрон*, то есть об «управлении с учетом общественного мнения» (公議輿論). Сторонники *бакуфу* видели в этой теории возможность перерождения сёгуната в политическую структуру новой эпохи, а для сторонников свержения

²² Бункю — «грамотная история», девиз правления императора Комэй с 1861 по 1864 г.

сёгуната она была одной из движущих идей «Реставрации Мэйдзи». Вкратце эта идея заключала в себе внедрение элементов Западной парламентской политической системы в Японии. С точки зрения *бакуфу* это можно было реализовать через создание совета влиятельных *даймё* при сёгуне Токугава, который имел бы фактическую власть. Вопрос сохранения поста сёгуна в этом смысле был дискуссионным, но главенство рода Токугава в любом случае сохранялось. Для других же реализация теории *ко: ги-ёрон* должна была представлять создание двухпалатного парламента. В верхней палате заседали бы аристократы *кугэ* и влиятельные феодалы, а в нижней — простые люди. При этом род Токугава оставлял бы за собой высокий пост. Эта теория еще найдет свое отражение в «Клятве Пяти Пунктов» императора Мэйдзи, которая была издана 6 апреля 1868 г.: «Будет создано широкое собрание, и все государственные дела будут решаться в соответствии с общественным мнением» [Очерки, 1958, с. 197; Мещеряков, 2009, с. 145–146]. Вполне можно предположить, что Эномото Такэаки тоже разделял эти воззрения.

Что касается названия «Республика Эдзо», то оно, судя по всему, появилось уже после событий 1868–1869 гг. Сами лоялисты Токугава ни в одном документе не именовали свою администрацию «Республикой» [Ваки, 1988, с. 82]. Если попытаться найти корни того, почему название «Республика» закрепилось в сознании людей, то мы увидим, что «Республикой» временное правительство Эдзо называли некоторые историки, писавшие об этих событиях.

В частности, в 1876 г. в Америке вышла работа «Империя Микадо» за авторством Уильяма Гриффиса (1843–1928), американского востоковеда, который в 1871–1874 гг. был инспектором образования в Фукуи-хан, а потом преподавал химию в Кайсэй-гакко, предшественнике Токийского университета. В своей работе Гриффис писал следующее: «Объединенный флот из 6 кораблей, получив только что переданный США броненосец южан "Stonewall", направился на север. После боя на суше и на море армия повстанцев была повержена. Недолговечная "Республика Хоккайдо" канула в лету, и к концу мая война ушла в прошлое» [Кадзунори, 2002, с. 39].

Также можно упомянуть работу «Новая история Японии» за авторством японского историка Такэкоси Ёсабура (1865–1950), которая публиковалась с 1891 г. Там временное правительство Эдзо упоминается следующим образом: «Долгое время изучавший морское дело во время заграничной учебы в Голландии, а по возвращении на родину ставший заместителем командующего флотом — Эномото Такэаки, а также Мацудайра Таро и Араи Икиносукэ бежали на превосходящем по силе корабле флота *бакуфу* "Кайё-мару", а также [...] прибыли на Хоккайдо, и объединившись с передвигавшимися по суше из одного боя в другой, начиная от [...] до земель Северного Союза — Оотори Кэйсукэ, Хидзиката Тосидзо и Хитоми Кацутаро, захватили Хакодатэ, заняли окрестности, установили на Хоккайдо Республику и провозгласили президента [в тексте используется слово *дайто: рё:*, что означает именно президента страны, в отличие от *со: сай* — Д.Р.], распределили должности в армии и флоте, подняли знамя Восходящего Солнца, разделили правительство на разные министерства и вели пропаганду».

Видимо, первым слово «Республика» упомянул британский дипломат и секретарь консульства в Иокогаме Фрэнсис Адамс (1825–1889), который лично встречался с Эномото Такэаки в декабре 1868 г., так как был в составе англо-французской эскадры, прибывшей в Хакодатэ [Аоки, 2013, с. 309]. В 1874 г. он выпустил книгу «История Японии», в которой называет правительство Эдзо «Республикой» (*republic*), и можно предположить, что остальные потом переняли это наименование.

Ныне название «Республика Эдзо» или 蝦夷共和国 (*эдзо-кё: вакоку*) плотно закрепилось и в профильной литературе, и в японском сознании. Во многом это заслуга романа Кобо Абэ

(1924–1993) «Эномото Такэаки» 1964 г. и ТВ-сериалов, таких как «Горё: каку» 1988 г., сильно романтизовавших события периода *бакумацу*.

Заключение

Суммируя полученную информацию, мы пришли к следующим выводам: во-первых, Эномото Такэаки и подобные ему люди приветствовали «Реставрацию Мэйдзи» и никак не считали императора своим врагом, несмотря на то, что противостояли Новому Правительству в гражданской войне. Во-вторых, камнем преткновения в конфликте лоялистов Токугава и Нового Правительства стали в первую очередь экономические санкции, которые правительство Мэйдзи применило по отношению к имуществу Токугава. Как минимум, это применимо к «Республике Эдзо» и причинам её возникновения; у прочих группировок в этой гражданской войне причины сражаться могли так или иначе отличаться. В-третьих, Эномото Такэаки и его люди рассматривали себя исключительно как часть «Империи» и не вынашивали планов сецессии или установления квази-республики на острове Хоккайдо — как минимум, их слова и действия об этом не свидетельствуют.

С большой долей вероятности можно утверждать, что основным замыслом Эномото Такэаки было превращение малоразвитого и малоизученного острова Эдзо (Хоккайдо) в новый удел для Токугава, куда можно было переселить обездоленных вассалов Токугава и обеспечить их работой как на земле, так и в военном деле. Выиграть гражданскую войну он не планировал — как минимум, не на поле боя. Мощный флот позволил бы купировать любую попытку высадиться, так что ему оставалось только вынудить Новое Правительство принять его власть над островом как данность. Стоит отдельно отметить, что для участников того конфликта совсем не было очевидно, что буквально через несколько лет после «Рестарации Мэйдзи» феодальная система и самурайское сословие уйдут в прошлое. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Эномото Такэаки выстраивал свою военно-политическую стратегию в рамках знакомой ему феодальной системы. Попытка Эномото Такэаки реализовать подобие прямой демократии в своей администрации вполне соответствует востребованному в то время течению в политике *ко: ги-ёрон*, то есть «управление с учетом общественного мнения». Здесь идет речь о некоторой попытке переходе сёгуната Токугава из подобия вотчинной монархии к сословно-представительной монархии, что отражало общую логику развития подобных политических режимов, однако уже совсем не соответствовало тогдашнему развитию производительных сил.

Хотя планам лоялистов и не суждено было реализоваться, мечты Эномото Такэаки по развитию острова во многом были исполнены уже новой Японией. Сам Такэаки в этом активно участвовал, работая после амнистии в комиссии по освоению острова (*хоккайдо:кайтакуси*), куда также привлекались многие обездоленные бывшие вассалы Токугава [Камо, 1988, с. 323–325]. Многие из них стали первыми *тондэнхэй* — «солдатами, размещенными на полях», военными колонистами, которые образовывали военные поселения, сыгравшие огромную роль на первом этапе освоения Хоккайдо.

В целом можно сказать, что «Республика Эдзо», хоть и просуществовала недолго, в определенном смысле включила Хоккайдо в сферу общепонской политики, став на какой-то момент центром гражданской войны. В этой связи понимание причин возникновения столь яркого феномена японской истории видится нам очень важным, так как оно помогает нам не только уяснить логику противостояния 1868–1869 гг. между лоялистами Токугава и Новым Правительством, но и оценить, насколько опасения перед растущим присутствием России на Дальнем Востоке влияло на ход, казалось бы, совсем не связанного с нами конфликта.

Литература / References

- Араи Хакусэки. «Описание эдзо». Предисловие, перевод с японского, комментарии В. В. Щепкина. *Письменные памятники Востока*. Т. 18. № 1 (44). 2021. С. 5–19 [Arai Hakuseki. «Description of Ezo». Preface, translation from Japanese, comments by V. V. Shchepkin. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. Т. 18. № 1 (44). 2021. Pp. 5–19 (in Russian)].
- Бедняк И. Я., Гальперин А. Л. *Очерки новой истории Японии (1640–1917)*. М., 1958 [Bednyak I. Ya., Galperin A. L. *Essays on the modern history of Japan (1640–1917)*. Moscow, 1958 (in Russian)].
- Виноградов К. Г. Хоккайдо при сёгунско-княжеской системе (конец XVI — вторая половина XIX в.). *Япония, 2004–2005: ежегодник*. М., 2005. С. 249–271 [Vinogradov K. G. Hokkaido under the shogun-princely system (late 16th — second half of the 19th century). *Yaponiya, 2004–2005: ezhegodnik*. Moscow, 2005. Pp. 249–271 (in Russian)].
- Мещеряков А. Н. *Император Мэйдзи и его Япония*. М., 2009 [Meshcheryakov A. N. *Emperor Meiji and his Japan*. Moscow, 2009 (in Russian)].
- Молодяков В. Э. *Непрошедшее прошлое. Очерки политической и интеллектуальной истории Японии XIX–XX веков*. СПб., 2019 [Molodyakov V. E. *Unpast past. Essays on the political and intellectual history of Japan in the 19th and 20th centuries*. Saint Petersburg, 2019 (in Russian)].
- Трехсвятский А. В. Хакодате: исторический очерк (с древнейших времен до конца XVIII в.). *Известия Восточного института*. 1998. № 5. С. 226–239 [Trekhsvyatskij A. V. Hakodate: historical outline (from ancient times to the end of the 18th century). *Moscow, Izvestiya Vostochnogo instituta*. 1998. № 5. Pp. 226–239 (in Russian)].
- Шиплюк, В. А. Биография Эномото Такэаки: ранние годы, учеба и начало карьеры. *Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации: сборник материалов III Национальной научной конференции с международным участием, Владивосток, 2019*. Владивосток, 2020. С. 151–158 [Shiptyuk, V. A. Biography of Enomoto Takeaki: early years, studies and early career. *Dialog kul'tur Tibookeanskoj Rossii i sopredel'nyh stran: mezhetnicheskie, mezhhgruppovye, mezhlchnostnye kommunikacii: sbornik materialov III Nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Vladivostok, 2019*. Vladivostok, 2020. Pp. 151–158 (in Russian)].
- Щепкин В. В. Восприятие «Земель айнов» в княжестве Мацумаэ и правительстве Японии во 2-й пол. XVIII в. *Issues of Japanology / Вопросы японоведения*. 2016. № 6. С. 225–234 [Shepkin V. V. Perception of the «Ainu Lands» in the Matsumae domain and the Japanese government in the 2nd half of the 18th century. *Issues of Japanology / Voprosy yaponovedeniya*. 2016. № 6. Pp. 225–234 (in Russian)].
- Щепкин В. В. *Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А. В. Григорьевы*. СПб., 2022 [Shepkin V. V. *Ainu through the eyes of the Japanese: the unknown collection of A. V. Grigorieva*. Saint Petersburg, 2022 (in Russian)].
- Акамацу Нориёси, *Акамацу Нориёси хансэй-ки (Записи о полувеке Акамацу Нориёси)*, 1977 [Akamatsu Noriyoshi, *Half century of Akamatsu Noriyoshi*, 1977 (in Japanese)].
- Аоки Сигэо, *Босин сэно: нэннэ-дзё: (Хронология войны Босин)*, 2013 [Aoki Shigeo, *Chronology of the Boshin War*, 2013 (in Japanese)].
- Ваки Тэцу, *Дарэмо каканакатта Хакодатэ сэно: (Битва за Хакодате, о которой никто не писал)*, 1988 [Waki Tetsu, *The Battle of Hakodate, which no one wrote about*, 1988 (in Japanese)].
- Кавамура Кадзухико, *Рэкиси-но кайсо: Эномото Такэаки (Размышления об Истории — Эномото Такэаки)*, 2021 [Kawamura Kazuhiko, *Reflections on History — Enomoto Takeaki*, 2021 (in Japanese)].
- Кадзунори Накано, Эдзо кё: вакоку но тэнмацу. Абэ Ко: бо: «Эномото Такэаки» то докуруицу-рон (Полная история «Республики Эдзо». Роман «Эномото Такэаки» Кобо Абэ и теория независимости). *Дзёсэцу: бунгаку хихё: 2002*. II — 04. С. 36–46 [Kazunori Nakano, The Complete History of the «Republic of Ezo». Kobo Abe's «Takeaki Enomoto» and the theory of independence. *Interpretation: literary criticism*. 2002. II — 04. (in Japanese)].
- Камо Гиити, *Эномото Такэаки (Эномото Такэаки)*, 1988 [Kamo Giichi, *Enomoto Takeaki*, 1988 (in Japanese)].

Като: Кан, *Киндай Нихон-но банно: дзин — Эномото Такэаки (Могущественные люди Современной Японии — Эномото Такэаки)*, 2008 [Katō Kan, *Powerful People of Modernized Japan — Enomoto Takeaki*, 2008 (in Japanese)].

Мисаки Таро, *Бакумацу-мэйдзи-но сэнран-то гэндай (Военные потрясения периодов Бакумацу-Мэйдзи и наши дни)*, 2023 [Misaki Tarō, *War turmoil at the end of the Edo period and the Meiji period and the present day*, 2023 (in Japanese)].

Мотоцуна Кадзумити, Бакуфу гункан Кайё:-мару-но ё: моку ни цуйтэ (Об основных моментах военного корабля бакуфу Кайё-мару), *Techno marine nihon dzo: сэнгаккай-си (журнал общества военно-морских архитекторов Техно-марин)*. Т. 867. Нихон сэнпаку кайё: ко: гаку-кай. 2002. С. 341–344 [Mototsuna Kazumichi, About the main points of the Shogunate warship Kaiyo-maru, *Journal of the Japan Society of Naval Architects Techno marine*. Vol. 867. Japan Society of Naval Architects and Ocean Engineers. 2002. Pp. 341–344 (in Japanese)].

Мураками Тадаси, Эдо ко: ки бакуфу тэкацу-рё:-но тиики-тэки бунпу ни цуйтэ (Географическое распределение территорий, находящихся под непосредственным контролем сёгуната в поздний период Эдо), *Хо: сэйсигаку (История Законодательства)*. 1982. № 25. С. 60–74 [Murakami Tadashi, Regional distribution of territories under the direct control of the shogunate in the late Edo period. *Legal History*. 1982. № 25. Pp. 60–74 (in Japanese)].

Нарусима Мотонао, *Дзоку Токугава дзикки, дай 5-хэн (Продолженная хроника дома Токугава. Т. 5)*, 1907 [Narushima Motonoao, *Continued Tokugawa family chronicle* Vol. 5. 1907 (in Japanese)].

Усуи Рюитиро:, *Эномото Такэаки кара сэкайси га миэру (Взгляд на мировую историю с перспективы Эномото Такэаки)*, 2005 [Usui Ryuichirō: *See the world from Takeaki Enomoto*, 2005 (in Japanese)].

Хо: я То: ру, *Босин сэнсо: (Война Босин)*, 2007 [Hōya Tōru, *Boshin War*, 2007 (in Japanese)].

Beasley W. G. *The Meiji Restoration*: Stanford University Press, 1972.

Black J. R. *Young Japan. Yokohama and Yedo. A Narrative of the Settlement and the City from the Signing of the Treaties in 1858, to the Close of the Year 1879. With a Glance at the Progress of Japan During a Period of Twenty-one Years*. Vol. II. London: Trubner & Co.; Yokohama: Kelly & Co., 1881.

Blusse L. R. Remmelink W., Smits I. *Bridging the Divide: 400 Years, the Netherlands–Japan*: KIT Publishers, 2000.

Ernest S. *A Diplomat in Japan*. London: Seeley, Service & Co. Limited, 1921.

Hellyer R. *The Meiji Restoration. Japan as a Global Nation*. Cambridge University Press, 2020.

Sheldon C. D. *The politics of the Civil War of 1868*. Routledge, 1975.

Yonemoto M. *Mapping early modern Japan: Space, Place, and Culture in the Tokugawa Period, 1603–1868*. Asia: Local Studies / Global Themes. University of California Press, 2003.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Дассо:гун-но гайко: [Дипломатические связи войска беглецов], Цифровая история города Хакодате. Сборник общепринятых знаний, том 2, собрание 4. URL: http://archives.c.fun.ac.jp/hakodateshishi/tsuusetsu_02/shishi_04-01/shishi_04-01-02-03-01.htm (дата обращения: 12.09.23).

Мэйдзи ганнэн дзюити гацу нанока: Эномото-гун кара син сэйфу э-но тангансё [1 год Мэйдзи, 7 ноября: послание войск Эномото Новому Правительству], MBC Minami Nihon Hoso. 07.11.2018. URL: https://blogs.mbc.co.jp/mbcnews/cat_ishin/10483/ (дата обращения: 27.08.2023).

Сангоку цу: ран ётиротэй дзэнти [Иллюстрированное описание трёх стран], Database of Historical Maps in the Yokohama City University Collection. URL: https://www-user.yokohama-cu.ac.jp/~yuc-rare/pages/WC-1_26.html (дата обращения: 17.09.23).

ОБ ОЦЕНКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАРОНА Р. Ф. УНГЕРНА В ИСТОРИОГРАФИИ МОНГОЛИИ

О. Батсайхан ¹

В статье рассматривается роль барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга в истории Монголии. В феврале 1921 г. Азиатская конная дивизия барона Унгерна изгнала китайских солдат и чиновников из Внешней Монголии. В результате была восстановлена власть *Богдо-хана* и его правительства. 22 февраля 1921 г. состоялась государственная церемония повторного возведения *Богдо-хана* на престол. Проанализирована противоречивость оценок данных событий истории Монголии в социалистический период и в настоящее время. Обсуждается эволюция исторических публикаций по барону Унгерну в Монголии. Обсуждаются контакты *Богдо-хана* и *барона Унгерна* во время штурма столицы Внешней Монголии — *Нийслэл-Хурэ*. После восшествия на престол Богдо-хан в своем указе отметил, что высоко оценил вклад Унгерна в восстановление независимости Монголии. В указе отмечено, что Унгерн «прогнал и уничтожил жесткого врага, сохранив в целостности город, установив и обустроив мир в стране, поддержал и сохранил государственную власть, заслуживает глубочайшей благодарности». За заслуги перед Монголией Унгерн был пожалован *титлом дархан-хошой-чин-вана в степени хана* и другими наградами, такими как *наследственно передаваемый зеленый паланкин, оранжевый жилет, желтая уздечка для лошади, трехглазые павлиньи перья на шапку, звание героя-полководца*. Освобождение монгольской столицы от китайских оккупантов войсками во главе с бароном Унгерном, признание этого события великим ханом Монголии — *Богдо Джебцзундамба-хутухтой VIII* являются важными событиями в истории Монголии.

Ключевые слова: Барон Р. Ф. Унгерн, Богдо-хан, история Монголии, Нийслэл-Хурэ, Урга, Азиатская конная дивизия

Для цитирования: Батсайхан О. Об оценках деятельности барона Р. Ф. Унгерна в историографии Монголии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 43–54. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-043-054

ON THE ESTIMATIONS OF ACTIVITY OF BARON R. F. UNGERN IN HISTORIOGRAPHY OF MONGOLIA

Batsaikhan Ookhnoi

This article investigates the role of Baron R.F. von Ungern-Sternberg in Mongolian historiography. In February 1921, the Asiatic Cavalry Division led by Baron Ungern, expelled Chinese troops from Mongolia and restored the monarchic power of the *Bogd Khaan*. *The Bogd Khaan's government* was also restored, and a solemn

¹ Батсайхан Оохной, доктор исторических наук, профессор Института международных исследований Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия; bagi112005@yahoo.com

Batsaikhan Ookhnoi, D. Sc., Professor, The institute of International studies, Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia; bagi112005@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-5543-5664

ceremony held on February 22, 1921. These events in Mongolian history have been described differently in the socialist time and at present. Different Mongolian publications on Baron Ungern and his role in the Mongolian history are discussed. The article analyzes also collisions of two main viewpoints from socialist time to the present. It also demonstrates respective contacts between the *Bogd Khaan and Baron Ungern* during liberation of the Mongolian capital city *Niislel Khuree* from Chinese occupation. As a reward for ousting the Chinese from *Niislel Khuree*, the *Bogd Khaan* granted Ungern the high hereditary title *darkhan khoshoi ching wang* in the degree of *khan*, and other privileges. Other officers, lamas and nobles who had participated in these events also received high titles and awards. For seizing *Niislel Khuree*, Ungern received from Semenov the rank of lieutenant-general.

Keywords: Baron R.F. Ungern, Bogd Khaan, Mongolia, Niislel Khuree, Asiatic Cavalry Division

For citation: Batsaikhan O. On the estimations of activity of Baron R.F. Ungern in historiography of Mongolia *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 43–54. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-043-054

Барон Р. Ф. Унгерн в историографии Монголии

Осенью 1921 г. в газетной статье от имени *Д. Бодо*, премьер-министра и первого министра иностранных дел Монголии, было написано, что «в 1920 г. в северные пределы Монголии ворвался российский вор барон Унгерн, не имевший права ступить по своей земле» [Магсаржав, 1994, с. 220]. После этого в речах, статьях, отчетах чиновников и в истории Монголии стало нормой нелицеприятно высказываться о Р. Ф. Унгерне.

В книге, написанной в 1928 г. о вопросах, касающихся истории Монгольской народно-революционной партии (МНРП), *Г. Навааннамжил* напечатал раздел «О захвате бароном Унгерном столицы *Хурэ* и о сопротивлении Народной партии» [Навааннамжил, 2004, с. 123], где использовал тот же эпитет: «Российский вор барон Унгерн».

Позже один из представителей «левого уклона» в МНРП *У. Бадрах* в своей книге «Опыт успешной борьбы с правыми лицемерами от партии» [Бадрах, 2001, с. 21–22], опубликованной в 1932 г., использовал эпитет «Барон Унгерн, мятежник из белой партии и враг».

В 1934 г. юбилейная комиссия в честь 13-летия Монгольской народной революции и 10-летия провозглашения республики опубликовала книгу «Краткая история изначального создания Монгольской национальной революции». Авторами указаны *Хорлоо Чойбалсан, Дарьжав Лосол и Гэлэгдорж Дэמיד* [Чойбалсан и др., 1979]. В Монгольской Народной Республике (МНР) эта книга стала основным учебником монгольской истории XX в. Концепция истории Монгольской народной революции, которая изложена в этой книге, стала основой истории МНР и МНРП. До сих пор этот взгляд продолжает существовать в историографии Монголии. Указанная книга повествует о том, как руководили революцией. В ней описывается в деталях, как создавали Монгольскую народную партию (МНП, позже МНРП) и как совершали Народную революцию.

Книга трех авторов, как называли историки эту книгу, начинается так: «Мы написали историю национальной революции 11 года [речь идет о 1921 годе — авт.] в свете Постановления Совета Министров и Центрального комитета».

В первой главе книги под названием «Движение за свободу 11 года и первоначальное положение революции» кратко упомянуто положение монголов в начале XX в. Там написано: «В 1911 году, или 9-го числа 1-го зимнего месяца года Белого кабана, провозгласили *Богдо-хана* с неограниченной властью, создали независимое Монгольское государство, которое названо государством Многими Возведенного, издали прокламацию с призывом об объединении всех монголов».

Позже, в 1919 г., китайский сановник *Чэнь И* в автономной Внешней Монголии подготовил документ из 64 статей об отказе страны от автономии. Из рассматриваемой книги документ *Чэнь И*, который в действительности так никто и не утвердил, и он остался лишь проектом, попал в общеобразовательные учебники истории для монголов.

Далее: «Группа солдат Семенова намерена была прорваться в Монголию, поэтому главной задачей министерств правительства Монголии было защитить границы страны». Вследствие этого *Чэнь И* «хитрым методом ввел китайских солдат в *Хурэ*, накапливал силы у границы, и под предлогом защиты Монголии от войск даурского правительства, ввел войска и потом расположил их в *Хурэ* и *Кяхте*» [Чойбалсан и др., 1979, с. 20]. Так названы главные причины вступления солдат генерала *Сюй Шучжэна* и сановника *Чэнь И* в Монголию в 1919 г. Войска даурского правительства здесь — это войска правительства панмонголистов, которое некоторое время базировалось на российской территории на станции Даурия. Главной причиной введения китайских солдат во Внешнюю Монголию указана опасность вторжения туда белогвардейцев атамана Г. М. Семенова. Однако в книге нет ничего конкретного о той опасности, которую могли представлять белогвардейцы. По факту белые следовали традиционной политике времен Российской империи; много русских купцов проживали и вели свою деятельность в Монголии. Они боялись красных и старались не пропускать через границу Монголии носителей большевистских идей.

То, что в книге сказано об опасности вторжения белых, скрывает тот факт, что китайские солдаты не входили во Внешнюю Монголию из-за проблемы проникновения туда красных солдат и идей из РСФСР.

В главах 20 и 21 книги авторы подробно описали процесс подчинения Китаю: «Прямо попросили и написали документ о подчинении, скрепили печатями пяти министерств, уполномоченные министры поставили свои подписи и поднесли *Сюй Шучжэну* <...> *Бадамдорж* [премьер-министр Монголии — авт.] пришел к выводу, что утверждение о том, что многие вещи неизбежно привели к краху автономного правительства перед лицом иностранных трудностей, не является клеветническим заявлением» [Чойбалсан и др., 1979, с. 22].

Далее авторы подробно описали налоги, взимаемые с *духовных учеников (шабинаров) Джебцундамба-хутухты* в Монголии, заключив, что «именно тот факт, что *Богдо...* не только не помогал людям, но и мучил их, показал пустоту аристократии» [Чойбалсан и др., 1979, с. 25]. Не забыли авторы и других высших лам — хутухт и хубилганов. «Учеников у *Джебцундамбы* было много, среди них было семь великих *хутухт* по очередности, а в других *четырёх аймаках* было много *хубилганов* в дополнение к высшей знати, таких как *Егузэр-хутухта*, *Ялгусан-лама*, *Зая-пандита*, *Лама-гэгэн* и *Джалханцза-хутухта*» [Чойбалсан и др., 1979, с. 25]. По мнению авторов книги, хубилганы и монахи не сделали ничего для блага людей, лишь вводили людей в заблуждение, стали орудием присвоения [Чойбалсан и др., 1979, с. 26].

После длительных не подтверждаемых фактами обвинений против монахов, возглавляемых *Богдо*, о феодалах и высших ламах написано так: «*Ханы четырёх аймаков Халхи*, главы монастырей, правители, вельможи, чиновники, приказчики и т. д. правили подобно гигантской змее. У больших феодалов, дворян, было более 130 подданных, а из других феодалов, подобно волкам скитавшихся в больших количествах, каждый пользовался своими правами и боролся за угнетение народа» [Чойбалсан и др., 1979, с. 26]. Так формировалась прелюдия к Народной революции.

В начале XX в. реализовалась попытка выдать идеологемы за правду о Монголии с ее богатой историей. Понятно, что целью было достучаться до «широких масс». При этом вначале писали о внешней ситуации, потом о жадности «черных и желтых феодалов» (то есть светских и духовных),

из-за которых якобы гибла Монголия. За этим стояла мысль, что в той критической ситуации должна была родиться МНП, которая станет спасителем.

Писали о «желтых и черных феодалах, угнетавших людей», но ни слова не было о действиях солдат барона Р. Ф. Унгерна, которые изгнали солдат генерала *Сюй Шучжэна* и китайскую администрацию из столицы *Внешней Монголии*.

Однако в конце книги несколько раз упомянут *барон Унгерн* по известной «Истории» *Магсара-хурца (Магсаржава)*, но только в критическом образе. В предисловии сказано: «В это время *Унгерн*, вор из погибшей России..., несколько десятков людей были повешены солдатами... вора барона *Унгерна* <...> После захвата столицы основной работы барона Унгерна были вот такие убийства, он не делал ничего полезного для Монголии» [Чойбалсан и др., 1979, с. 13]. В конце этой книги по истории Народной революции сказано: «5 сентября 1921 года в центре Сибирской области городе Омске был расстрелян барон Унгерн по постановлению суда» [Чойбалсан и др., 1979, с. 262]; затем: «Арестовав и экстрадировав в страну, барона Унгерна казнили, и в итоге отпраздновали его кончину» [Чойбалсан и др., 1979, с. 262]. Так заканчивается информация о нем в книге. В действительности *Унгерн* был осужден и казнен 15 сентября 1921 года не в Омске, а в Новосибирске (тогда он назывался Новониколаевск).

Идеологическое направление этой книги такое: барон *Унгерн* был злобным убийцей, отвратительным врагом, который мало что сделал, чтобы помочь монголам, его и китайских солдат из Монголии изгнали МНП и советские солдаты. Это направление строго соблюдалось в книгах по истории Монголии, написанных в годы социализма. Сохраняется эта идеология и сейчас. Раньше она соблюдалась строго и имела успех среди монголов. Поэтому во всех книгах по истории МНРП и МНР проводится идея, что героем, изгнавшим китайцев и освободившим Монголию и ее столицу, является МНРП. Так современную историю Монголии начинали с Народной революции 1921 г., которая недавно встретила свое 100-летие.

В томе 3 «Истории МНР» об Унгерне сказано так: «*Унгерн — враг советского и монгольского народов*» [БНМАУ-ын түүх, 1969, с. 136]. Но в «Истории Монголии» в пяти томах, которые были написаны после Демократической революции 1990 г., сделано несколько другое заключение: «Вместо того чтобы называть Унгерна “спасителем Монголии”, стремились дистанцироваться от него <...> Таким образом, установленный в феврале 1921 года режим Унгерна не только усугубил политический кризис монгольской общественности, но и дал начало военным действиям на территории Монголии, которые явились большим вызовом в борьбе за свободу монгольского народа» [Монгол Улсын түүх, 2004, с. 114–115]. Из этого пассажа видно, что специально не отмечено реальное положение вещей в то время и принижена значимость событий, в которых участвовали войска Унгерна, который перешел монгольскую границу с северо-восточной стороны осенью 1920 г., неоднократно воевал с китайцами, находившимися во Внешней Монголии, изгнал из *Нийслэл-Хурэ* их десяти тысячное войско, восстановил независимость Монголии и вновь провозгласил *Богдо-гэгэна ханом* Монголии.

Реальной силой, которая в Монголии представляла наибольшую угрозу большевикам, были белогвардейцы, *Богдо-хан*, правительство страны и феодалы.

Когда *Богдо-хан* и барон Унгерн установили контакт? Пишут, что осенью 1920 г. Унгерн примерно с 1000, по некоторым данным, с 800 солдатами пересекли границу Монголии с северо-восточной стороны. Унгерн, как сказано в истории, «услышав о беспорядках в Монголии», добровольно прибыл туда.

В т. 3 «Истории МНР» [БНМАУ-ын түүх] изданий 1969 [с. 88] и 1984 г. [с. 355] отмечено: «2 октября 1920 года войска Унгерна численностью 800 солдат прорвались с восточной стороны

границы Монголии». Это основано на книге Б. Цибикова «Разгром унгерновщины» [Цибиков, 1947, с. 64].

Имеется в виду, что барон Унгерн вошел в страну без разрешения монголов. Если это так, то почему, как только он пересек границу, он говорил встречным: «Защищая правительство *Богдо-хана* Монголии, я иду изгнать китайскую армию, оккупировавшую *Хурэ*» [Магсаржав, 1994, с. 174]? Почему китайцы арестовали и заключили Богдо-хана в тюрьму в первый же день, когда Унгерн атаковал город? Почему китайцы жаловались «Богдо-хану, что надо немедленно вознаградить китайских солдат, воевавших с русскими солдатами, приказали выдать десять тысяч лан, которые собрали с большим трудом, и выдали» [Магсаржав, 1994, с. 181]? На вопросы, подобные этим, в монгольской историографии нет ответа.

Также в «Истории» *Магсаржава* отмечено: «13-го числа, когда арестовали Богдо-хана, на центральном здании столицы *Хурэ* было наклеено письмо на монгольском языке с печатью китайского ямыня, где написано, что, когда допрашивали арестованного русского солдата, тот показал, что *Чин-ван* пригласил [барона Унгерна — авт.] от имени *Богдо-хана*» [Магсаржав, 1994, с. 176]. Понятно, что речь идет о главе *хошуна* (удела) *Дархан-чин-вана аймака Тушэту-хана — Лувсанцэвэне*, который поехал приветствовать барона Унгерна, когда тот прибыл к монастырю *Брэвэн-хийд* на востоке страны. То есть глава *хошуна* *Лувсанцэвэн* встретился с Унгерном по приказу *Богдо-хана*. Впоследствии официальное письмо о разрешении на въезд в столицу по совету *Лувсанцэвэна* было составлено Унгерном для передачи *Богдо-хану*. Письмо это было доставлено при помощи *ламы Дэндэвдоржа*. Унгерн вскоре получил ответ: «Одобрено с благодарностью, просим срочно прибыть». Служит доказательством этому и тот факт, что в офис китайского сановника в Урге вызвали *Эрдэнэ-шанцзотбу Дашжава из Хурэ* и угрожали ему, говоря: «Когда внешние враги пришли, все власть имущие, начиная с *Богдо-хана*, молчали, как будто воду в рот набрали. Надо немедленно найти виновного и наказать» [Магсаржав, 1994, с. 175].

Это показывает, что многие монголы считали барона *Унгерна* спасителем от китайских оккупантов.

По-видимому, барон *Унгерн* узнал больше о монголах, еще находясь по ту сторону границы, и получил известие от *Богдо-хана*. Унгерновский военный чиновник Н. Н. Князев писал в своих мемуарах в 1942 г., что еще в июне 1920 г. Унгерн начал готовиться к своему походу в Монголию [Князев, 2004, с. 33]. А в начале 1970 г. во время дискуссии в Институте истории Академии наук МНР ученый *Ш. Нацагдорж* говорил: «*Барон Унгерн*, должно быть, был в контакте с *Богдо*, когда находился по ту сторону границы» [3. Лонджид, личное сообщение]. Вероятно, это не просто фигура речи. Стоит детально изучить вопросы о том, кто перевел унгерновцев через монгольскую границу, встретил ли их на границе *хошуна Дугаржав-мэйрэна из Сан-бэйсэ*. Судя по развитию событий, похоже, им помогли перебраться через границу с помощью проводника, и далее, уже на территории Монголии, с целью формализации своего прибытия они обратились к *Богдо-хану* и получили ответ «быстро прибыть», как писал *Магсар-хури* [Магсаржав, 1994, с. 176].

Какова была ситуация в Монголии в то время?

По определению Я. П. Шишмарева, русская колония в *Нийслэл-Хурэ* была самой большой не только в Монголии, но и среди русских колоний в других азиатских странах. В начале 1917 г. в *Хурэ* проживало более 2000 русских разного социального происхождения. Представителями Российской империи были дипломатический агент, генеральный консул А. А. Орлов, вице-консул А. П. Хионин, агент министерства торговли и промышленности А. П. Болобан, ответственные

за финансово-хозяйственное направление чиновники С. А. Козин, П. А. Витте, М. И. Воллосович [Даревская, 1994, с. 291].

Крупные торговые представители поселились в *Хурэ* и других крупных населенных пунктах, покупали животноводческое сырье по всей Монголии и продавали русские товары монголам. Кроме них там были рабочие типографий и кирпичных заводов, мелких кустарных фабрик и ремонтники. Последний представитель Российской империи в *Нийслэл-Хурэ* — генеральный консул А. А. Орлов был твердым сторонником императорского правительства и всегда оставался верен своим взглядам.

11 апреля 1918 г. исполняющий обязанности наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин из Петрограда направил телеграмму с просьбой установить связь с правительством Монголии. В тот же день А. А. Орлов проинформировал о ситуации в России министра иностранных дел Монголии, а затем заявил, что правительство Монголии не примет большевистское правительство и последует примеру сюзерена — Китая.

Осенью 1920 г., после того как были отбиты первые атаки белых на *Нийслэл-Хурэ*, китайские солдаты (которых монголы называли *гаминнами*) арестовали примерно 30 русских беженцев и колонистов, списки которых в китайский штаб подали члены красной управы российской колонии в городе. Были арестованы также монгольские феодалы, монахи, простые араты. Аресты превращались во взятие заложников ради выкупа. В столичной тюрьме содержалось около 150 русских. Тюрьма была переполнена, не хватало кроватей, а еды выдавали очень мало. Помещение не отапливалось, несмотря на тридцатиградусные морозы. Монголы, буряты и русские обмораживались, умирали, не выдерживая условий содержания, пыток и издевательств китайских тюремщиков. Некоторых освобождали за деньги [Кузьмин, 2011, с. 167].

По подсчетам очевидца М. Г. Торновского [2004], с ноября 1920 по февраль 1921 г. в Монголии китайцы убили около 100 русских, пробиравшихся в Маньчжурию. Вину за это, как и за жестокое обращение с заключенными, он возлагает в основном на В. Н. Чайванова, Ф. А. Парнякова и других членов российской красной управы в *Нийслэл-хурэ* [Кузьмин, 2011, с. 167].

В начале 1918 г. пошли слухи, что большевики, бежавшие из России, вошли в Монголию. Предположительно в середине 1918 г. Я. Янсон, П. Парняков, Л. Д. Клейнман-Муллер и переводчик Э.-Д. Ринчино въехали в Монголию через Кяхту для закупки оружия. По словам Клейнман-Муллера, он и Э.-Д. Ринчино смогли купить оружие у господина «*Цецен-хана*». Это означает, что большевики покупали у монголов не только мясо и сырье, но и оружие [Даревская, 1994, с. 323].

По сообщению И. М. Майского, в 1918 г. «Монголэкс» закупила в Монголии 50 тыс. туш и около 60 000 овец и поставила их Красной армии, в том числе на Забайкальский фронт [Майский, 1959, с. 187]. Майский появился во Внешней Монголии через Потребсоюз, в котором было 333 постоянных сотрудника в Монголии, в том числе агенты, работавшие неполный рабочий день, пастухи и 1850 других рабочих. В марте 1920 г. Верховный совет народного хозяйства РСФСР предоставил Центросоюзу 3,5 млн руб., 80 фунтов серебра, чай и сукно для закупки скота. РСФСР принимала активное участие в распространении большевистской идеологии в Монголии.

Из-за беспорядков на границе с Монголией в июле 1918 г. правительство *Богдо-хана* установило четыре новых пограничных пункта пропуска на монгольско-русской границе, чтобы предотвратить влияние большевиков в Монголии. Правительство *Богдо-хана* также заявило, что считает бывших российских консулов официальными лицами и поддержит их силой против реализации большевистской идеологии.

Несмотря на ужесточение пограничного контроля, к августу 1918 г. *Нийслэл-Хурэ* стал прибежищем для многих советских деятелей и большевиков, в том числе Я. Янсона, Л. Муллера,

К. Волка, М. Рогозина, А. Игумнова, Э. Мельникова. Фактически в конце 1918 — начале 1919 г. в *Хурэ* была создана секретная группа, непосредственно организованная большевиками, которая тайно проживала в Монголии и вела пропаганду.

В феврале 1920 г. по пути из России в Китай тайно посетили Монголию Н. Буртман и И. Сороковиков, ставшие руководителями Дальневосточного отделения Сибирского бюро РКП(б). Они организовали новое заседание местного самоуправления граждан России — Думы. Организация носила секретный характер, но очевидно, что она признала администрацию Дальневосточной Республики и встала на сторону советской власти [Даревская, 1994, с. 334].

Одна из самых интересных встреч — с *Богдо-ханом* Шейнемана, председателя Думы местного самоуправления в *Хурэ*, тайно приехавшего в Монголию позже 4–5 людей Буртмана. Они встретились с *Богдо-ханом* и говорили 45 минут. «Ужин императора был очень роскошным, он подал нам около 40 видов еды, *Богдо-хан* был человеком с обширным знанием социально-политической ситуации в Советской России и природы советской системы правления», — вспоминал позже Шейнеман [Даревская, 1994, с. 334].

Неверно предполагать, что *Богдо-хан* поддержал советское правительство вследствие этой встречи. Основа советской власти *Богдо-хану* была вполне ясна, и он официально заявлял, что не примет правительство без царя. Разумно полагать, что *Богдо-хан* в то время стал более осведомленным о международной обстановке вокруг Монголии.

11 марта 1920 г. в доме М. И. Кучеренко, сотрудника российско-монгольской типографии в *Нийслэл-Хурэ*, И. А. Сороковиков встретился с пятью членами монгольской подпольной группы. После этого он несколько раз тайно посещал Монголию, чтобы организовывать там революционную деятельность и партию.

В книге 1934 г. «Краткая история монгольской национальной революции» [Чойбалсан и др., 1979, с. 170] сказано, что «войска барона Унгерна прибыли на юго-восток из *Хурэ* на заре 13 сентября монгольского десятого года <...> С 13-го дня после захвата *Богдо* внутри и вокруг *Хурэ* возникла большая опасность». Днем 13 сентября, в первый день вторжения барона Унгерна в *Хурэ*, *Богдо-хан* был арестован китайцами.

Уточним дату первого нападения войск Унгерна на *Хурэ* против китайских войск и дату, когда *Богдо-хана* схватили и заключили в тюрьму. По словам *Магсара-хурца*, 10-й год Монголии включает 13 сентября по старому стилю, а согласно астрологическому календарю *Тугсбуянта 13-е число последнего месяца осени года Железной Обезьяны* приходится на 25 октября 1920 г. по европейскому календарю. В таком случае первая атака войск барона Унгерна с целью освобождения *Нийслэл-Хурэ* состоялась 25 октября 1920 г. В тот же день, 25 октября 1920 г., «по приказу Го Сылина вооруженные солдаты во главе с *Самбу*, делопроизводителя министерства, пришли на дворец *Богдо-хана*, арестовали самого *Богдо-хана*, взяли его за руки и привезли в пустой дом рядом с министерством» [Магсаржав, 1994, с. 176].

«Кроме того, когда *Богдо* был схвачен, ряд монахов, таких как лама *Лувсанхаймчиг* и *Джалханица-хутухта*, поехали на лошадях для выяснения ситуации в офис *Го Сылина*. Выяснилось, что там заправляют *солдаты-гаминьы*. Их лошадей забрали. Поэтому они отправились в город *Майма* пешком, встретились с *Го Сылином* и умоляли его выдать *Богдо-ламу*, но тот отказался». Так сказано в «Краткой истории Монгольской народной революции» [Чойбалсан и др., 1979, с. 165].

Так как китайцы согласились «привести повара, который находился рядом с *Богдо*, чтобы позаботиться о его здоровье и готовить ему еду по его усмотрению» во время ареста, «рядом с двумя сойбон-ламами *Богдо* привели еще одного ламу-повара, который в столовой служащих ямыня готовил еду» [Магсаржав, 1994, с. 177].

Когда Чэнь И вновь был назначен китайским сановником, он, как писал *Магсар-хури*, «сразу же освободил *Богдо-хана* на 50-й день со дня его ареста и возвратил в монастырь» [Магсаржав, 1994, с. 180]. «Хотя на 50-й день со дня ареста *Богдо* китайский сановник издал приказ об освобождении *Богдо* и он был возвращен в резиденцию, там он находился под строгим контролем» [Чойбалсан и др., 1979, с. 170]. Так сказано в «Краткой истории Монгольской народной революции», впервые опубликованной в 1934 г.

Китайцы под предлогом, чтобы «занять двадцать тысяч тугриков из фонда *Богдо* в обмен на китайские военные поставки из Пекина», освободили его, взяв «деньги на выкуп, чтобы осудить *Богдо* за разжигание войны» [Магсаржав, 1994, с. 181].

Если предположить, что *Богдо-хан* был арестован и заключен в тюрьму китайцами 25 октября 1920 г. и освобожден на 50-й день, то это 13 декабря 1920 г. По лунному календарю это приходится на 3-й день месяца *Желтой Мыши* в середине зимы в год *Железной Обезьяны*.

Таким образом, с 25 октября 1920 г. по 13 декабря 1920 г. *Богдо-хан* был заключен в тюрьму в общей сложности на 49 дней в *китайском ямыне Го Сылина* и освобожден оттуда на 50-й день. *Нягт-билэгт Пунцагдорж* написал книгу «Раскрытие ворот религии» (*монг. Шашны үүдийг нээгч*) о времени, когда *Богдо-гэгэн* был заключен в тюрьму. В ней описаны жизнь и взгляды *Богдо-гэгэна* в то время. В этой книге упомянуто, что *Богдо-гэгэн* говорил: «Даже если *гаминь* смогут разрушить государство халхасцев, они не смогут одолеть силу *Трех Драгоценностей буддийской религии*. Меня не смогут держать вечно, придет время, и я освобожусь. *Гаминь*, совершившие десять смертных грехов, будут гореть в аду» [Пунцагдорж, Тахиа жил, с. 46]. Кроме того, *Богдо-гэгэн* воодушевлял себя и своих учеников примером легенд о бодхисаттвах и исторических героях.

Китайские солдаты, находившиеся в *Хурэ*, считали, что все это «исходит из *Хурэ*», поэтому обыскивали всех паломников и путешественников, прибывавших туда, грабя их вещи, а также мобилизуя монгольских чиновников и монахов для подготовки домов.

Всех держали под строжайшим контролем, не разрешая покинуть *Хурэ*. *Гаминь* не только обыскивали монахов и отнимали у них деньги и товары, но даже стреляли и убивали монахов, вид которых им не нравился. Было строго запрещено организовывать собрания буддистов, трубить в ритуальные трубы.

В любое время суток китайские военные насильствовали молодых монгольских женщин в городе и в сельской местности. Невозможно сосчитать трагедии, которые обрушились на монголов.

Как отмечал *Магсар-хури*, китайцы вызвали самое большое негодование, схватив и заключив в тюрьму *Богдо-хана*. Хотя, продержав там 50 дней, китайцы вынуждены были освободить его, его храм *Эрдэм-Итгэмжит* охранялся днем и ночью. Рядом поместили китайского переводчика, владевшего монгольским, не позволяли *Богдо* видеться с монголами. Под домашним арестом он содержался под охраной 300 солдат.

Почему освобождение *Хурэ* было спланировано именно на 4 февраля 1921 г.?

Оставалось несколько дней до монгольского праздника Белого месяца (*Цагаан сар*). Этот вопрос связан с глубокой буддийской верой барона Унгерна. Он спросил *хутухту Жамьяндам-бийжанца*, когда он сможет одержать победу при *Хурэ*, если нападет. *Хутухта* ответил Унгерну, что «он сможет победить, если нападет в конце зимы 10-го года Монголии. В противном случае будет разгромлен» [Магсаржав, 1994, с. 209].

Российский ученый С. Л. Кузьмин в своей книге о бароне Унгерне сообщал, что Унгерн перед освобождением *Богдо-гэгэна* 29 января 1921 г. тайно связался с ним и для изгнания китайцев из Монголии получил письмо с печатью на желтом шелке.

Находившийся в то время в *Нийслэл-Хурэ* Д. П. Першин писал, что Унгерн лично разработал план освобождения *Богдо*, выбрал бурята Тубанова, как заслуживающего доверия человека, и поручил задание. В то же время *Магсар-хуриц* сообщал, что данное поручение было выполнено *жанжином (командующим) Лувсаном*. Более 60 тибетцев, заслуживающих доверия, были выбраны в *Хурэ* для этой операции. В других источниках сказано, что были выбраны более 70 монгольских и тибетских солдат. Однако Кузьмин пишет, что особый отряд монголов, тибетцев и бурят был сформирован бароном для освобождения *Богдо*, в него вошли *10 тибетцев во главе с Саж-ламой, 70 монголов во главе с баргутом Лувсаном и буряты во главе с Ц. Тубановым* [Кузьмин, 2010].

По замыслу Унгерна, освобождение *Богдо* началось *24-го числа последнего месяца зимы года Белой Обезьяны 15-го 60-летия*. Перед восходом солнца 1 февраля 1921 г., уничтожая встречавшихся на вершине и склоне *горы Богдо-ула* китайских солдат, члены отряда вышли через *ущелье Их-Тэнгэр*, пишет *Магсар-хуриц*. Но в русских источниках, например, в заметках унгерновского офицера М. Г. Торновского, отмечено: *Богдо* освободили 2 февраля [Торновский, 2004, с. 200]. Монгольские и тибетские воины Унгерна в районе 8–9 часов утра пришли во *дворец Хайстай*, расположенный в северной части долины *реки Толы*, спросили местонахождение *Богдо-хана* и узнали, что он находится в *храме Эрдэм-Итгэмжит*. Так как эти места находятся не так далеко друг от друга, они открыли огонь по не менее 200 китайским солдатам, бросили бомбы в ограды, убили несколько китайских солдат. В то время, когда некоторые солдаты бежали на север, унгерновцы вошли в храм, где находились *Богдо-гэгэн с женой*, объяснили причину и сказали, что приехали забрать его в *монастырь Манджушири*. В бою были ранены восемь монгольских солдат и несколько лошадей.

И в монгольских, и в русских источниках отмечено, что *Богдо-хан* и его супруга поспешно вышли из храма, убывли вначале в карете, но, как только пересекли лед *реки Толы*, опасаясь, что китайские солдаты могут преследовать их, сменили карету на лошадей, перешли *гору Богдо-ула* и достигли *монастыря Манджушири*. Там они расположились на отдых в заранее приготовленной тамошним *ламой* монгольской юрте. Таким образом, *Богдо-гэгэн* был освобожден от китайских рук 1 февраля 1921 г., а по русским источникам — 2 февраля.

Першин, который находился в *Хурэ*, писал: «Хорошо помню 2 февраля 1921 г. В то время обычно и монголы, и китайцы готовились к лунному Новому году, но на этот раз было странно тихо. Никого не видно на улице. От знакомого услышал, что гаминь ходили от дома к дому в поисках лошадей и телег. Они собираются покинуть *Хурэ*, но когда — неизвестно» [Першин, 1999, с. 366]. Из этого видно, что *Богдо-гэгэна* освободили 1 февраля, и на следующий день войска Унгерна, похоже, не атаковали *Хурэ*. А офицер Унгерна Князев писал: «3 февраля мы все отдохнули и набрались сил» [Князев, 2004].

План Унгерна по освобождению *Богдо-хана* из рук китайцев был успешно реализован, и многие бойцы Унгерна, зажигая костры, сумели убедить китайцев в том, будто у него в несколько раз больше солдат.

Солдаты Унгерна обнаружили и застрелили китайских солдат, охранявших *гору Богдо-ула* около *Хурэ*. В 7–8 часов утра *25-го числа последнего месяца зимы года Белой Обезьяны 15-го 60-летия (согласно Магсар-хурицу)* или 2 февраля 1921 г. (в некоторых русских источниках — 3 февраля) на южной стороне города Майма, недалеко от *Хурэ* на *горе Богдо-ула*, несколько раз совершили нападение на китайцев, а затем монголы и русские, объединив свои силы, атаковали *Хурэ* в темноте ночи и вытеснили китайцев. Так писал Магсаржав [2004, с. 218].

Согласно русским источникам, около 5.30 час. утра унгерновцы атаковали Хурэ, повели ожесточенные бои с китайскими войсками, как результат, смогли освободить большую часть Хурэ около 16.00 и изгнать китайские войска на запад и север [Кузьмин, 2011]. *Магсар-хури* заметил, что многие видели, как китайский сановник *Чэнь И* и военные руководители вместе со своими последователями 26-го числа на рассвете бежали по дороге перевала Толгойт, находящейся на северо-западе от Хурэ, на 12 телегах (или автомобилях).

Столица Монголии была освобождена бароном Унгерном

Таким образом, столица Монголии *Нийслэл-Хурэ* была освобождена бароном Унгерном от китайцев 4 февраля 1921 г. В случае, если *Богдо* был освобожден 2 февраля, то они освободили *Хурэ* спустя один день — 4 февраля. Во всяком случае, это произошло на 4–5 дней раньше праздника *Цагаан сар* (1-й день *Цагаан сара* года Белого Петуха по лунному календарю — 8 февраля 1921 г.), как и говорил хутухта. Большинство жителей столицы с радостью приветствовали освобождение.

Барон Унгерн принял буддизм и стал духовным учеником (*монг. шавь*) *Богдо-хана*. Даже перед казнью он носил монгольскую желтую дэли (халат) и монгольские гуталы (сапоги). После получения известия о казни Унгерна *Богдо-гэгэн* повелел служить молебны о нем во всех храмах Монголии.

8 февраля 1921 г. был 1-й день года Белого Петуха по лунному календарю, праздник *Цагаан сар*. Этот праздник отмечали по монгольской традиции. 10 февраля 1921 г., в 3-й день *Цагаан сара*, *Богдо-гэгэн* и его жена были препровождены из *монастыря Манджушири* в свой дворец в *Хурэ*.

В тот же день на собрании было принято решение о дате повторного возведения *Богдо-гэгэна* великим ханом, этот день был назначен на 15-е число Белого месяца (*монг. Цагаан сар*) 11-го года, или 22 февраля 1921 г. [Магсаржав, 2004, с. 222]. В этот знаменательный день состоялась государственная церемония повторного возведения на престол *Богдо-хана*.

Богдо-гэгэн взошел на престол монгольского великого хана и издал указ о создании пяти министерств, назначил министров и полководцев. Кроме того, он приказал накормить народ.

После восшествия на престол *Богдо-хан* в своем указе отметил, что высоко оценил вклад барона Унгерна в восстановление независимости Монголии, «то, что прогнал и уничтожил жестокого врага, сохранив в целостности город, установив и обустроив мир в стране и землях, поддержал и сохранил государственную власть, заслуживает глубочайшей благодарности»; за заслуги перед Монголией Унгерн был пожалован титулом *дархан-хошой-чин-вана в степени хана* и другими наградами, приличествующими званиям, такими как наследственный *зеленый паланкин, оранжевый жилет, желтая уздечка для лошади, трехглазые павлиньи перья, скрепленные аграфом, звание героя-полководца* [Монголын түүхийн эх сурвалж, 2010, с. 368]. Так барон Унгерн стал монгольским аристократом.

Освобождение *Нийслэл-Хурэ* от китайских оккупантов войсками во главе с бароном Унгерном, признание этого события великим ханом Монголии *Богдо Джебцзундамбой*, безусловно, являются выдающимися событиями в истории Монголии. Именно поэтому офицер Унгерна М. Г. Торновский писал, что «ответственно заявляет о том, что барон Унгерн-Штернберг перевернул страницы истории монгольского народа и открыл новую эру народа», а знаменитый шведский путешественник Свен Гедин называл его «освободителем Монголии от китайского гнета».

Литература / References

- Бадрах Ө. *Намаас баруун бөөрөнхийчүүд лүгээ тэмцсэн амжилттай их тэмцлийн туршлага* (эрхлэн хэвлүүлсэн Ч. Болдбаатар, На. Сүхбаатар). Улаанбаатар, 2001 [Badrakh U. *The experience of Party on fight against the right-wing opportunists*. Ulaanbaatar, 2001 (in Mongolian)].
- Батсайхан О. *Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946)*. Улаанбаатар, 2005 [Batsaikhan O. *Mongolia: becoming a nation-state (1911–1946)*. Ulaanbaatar, 2005 (in Mongolian)].
- Батсайхан О. *Последний великий хан Монголии. Богдо Джебцундамба-хутукта VIII. Жизнь и легенды*. М., 2018 [Batsaikhan O. *The 8th Bogdo Jebtsundamba khutuktu. The last emperor of Mongolia*. КМК. Moscow, 2018 (in Russian)].
- БНМАУ-ын түүх*. Гуравдугаар боть. Улаанбаатар, 1969 [History of Mongolian People's Republic. V. 3. Ulaanbaatar, 1969 (in Mongolian)].
- БНМАУ-ын түүх*. Улаанбаатар, 1984. [History of Mongolian People's Republic. Ulaanbaatar, 1984 (in Mongolian)].
- Даревская Е. М. *Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX вв.* Иркутск, 1994 [Darevskaya E. M. *Siberia and Mongolia. History of Russo-Mongolian relations in end of the 19th — 20th centuries*. Irkutsk, 1994 (in Russian)].
- История МНР*. Улаанбаатар, 1967 [History of Mongolian People's Republic. Ulaanbaatar, 1967 (in Russian)].
- Князев Н. Н. *Легендарный барон: Неизвестные страницы Гражданской войны*. М., 2004 [Knyazev N. *The Legendary Baron: Unknown Pages of the Civil War*. Moscow, 2004. Pp. 12–167 (in Russian)].
- Коростовец И. Я. *От Чингис хана до Советской республики. Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени* (отв. ред. О. Батсайхан). Улаанбаатар, 2004 [Korostovets I. Ya. *From Chinggis Khan to Soviet republic*. Ulan-Bator, 2004 (in Russian)].
- Кузьмин С. Л. *История барона Унгерна: опыт реконструкции*. М., 2011 [Kuzmin S. L. *History of Baron Ungern: an experience of reconstruction*. Moscow, 2011 (in Russian)].
- Кузьмин С. Л. Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг — Монголыг чөлөөлөгч. *Монголын түүхэн дэх Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг*. Улаанбаатар, 2021. С. 61–86 [Kuzmin S. L. Baron R. F. von Ungern-Sternberg, the liberator of Mongolia. *Baron R. F. von Ungern-Sternberg in Mongolian history*. Ulaanbaatar, 2021. Pp. 61–86 (in Mongolian and Russian)].
- Магсаржав Н. *Монгол Улсын шинэ түүх* (монгол бичгээс кирилл үсэгт буулган эрхлэн хэвлүүлсэн О. Батсайхан, З. Лонжид). Улаанбаатар, 1994 (переиздание: 2004) [Magsarjav N. *Modern history of Mongolia*. Ulaanbaatar, 1994 (in Mongolian)].
- Майский И. *Монголия накануне революции*. М., 1959 [Maisky I. *Mongolia before revolution*. Moscow, 1959 (in Russian)].
- Монгол Улсын түүх*. 5-дугаар боть.. Улаанбаатар, 2004 [History of Mongolia. V. 5. Ulaanbaatar, 2004 (in Mongolian)].
- Монголын түүхийн эх сурвалж (1911–1921)* (монгол бичгээс кирилл үсэгт буулган эрхлэн хэвлүүлсэн О. Батсайхан). Улаанбаатар, 2010 [Collection of documents on the history of Mongolia (1911–1921). Ulaanbaatar, 2010 (in Mongolian)].
- Навааннамжил Г. Барон Унгерн Нийслэл Хүрээг эзлэн авсан ба Ардын нам лугаа эсэргүүцэн байсан тухай. *Монгол Ардын Хувьсгалт Намын түүхэнд холбогдол бүхий зүйлүүд* (хэвлэлд бэлтгэсэн Г. Дашням, Ц. Гантулга, На. Сүхбаатар, редактор З. Лонжид). Улаанбаатар, 2004 [Navaannamjil G. About Ungern's capture of the Capital Hure and his opposition to the People's Party. *Important sources on the history of the Mongolian People's Revolutionary Party*. Ulaanbaatar, 2004 (in Mongolian)].
- Першин Д. П. *Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века*. Самара, 1999 [Pershin D. P. *Baron Ungern, Urga and Altan-Bulak. Notes of an eyewitness about the time of troubles in Outer (Khalkha) Mongolia in the first third of the 20th Century*. Samara, 1999 (in Russian)].

Пунцагдорж. *Богд ламын зохиолын хувь зүйл нэгээс үүсгэн туурвиж шашны үүдийг нээгч хэмээгдэх оршвой, Их равжин арван тавдугаар, Тахиа жил Улсын Үндэсний төв номын сан* [Государственная национальная центральная библиотека. *Сочинение Пунцагдоржа на основе произведения «Открывающий путь к религии» Богдо-ламы, 15-й год великого рабджуна, год Петуха*], ксилограф [Puntsagdorj. *A religious door created from scratch by Bogd Lama's writings*. National library of Mongolia (in Mongolian)].

Торновский М. Г. События в Монголии — Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания). *Легендарный барон: Неизвестные страницы Гражданской войны*. М., 2004. С. 168–323 [Tornovsky M. G. Events in Mongolia-Khalkha in 1920–1921. *The legendary baron: unknown pages of the Civil war*. Moscow, 2004. Pp. 168–323 (in Russian)].

Цибиков Б. *Разгром унгерновицины*. Улан-Удэ, 1947 [Tsibikov B. *The defeat of Ungern*. Ulan-Ude, 1947 (in Russian)].

Чойбалсан Х., Лосол Д., Дэמיד Г. *Монгол ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэж байгуулагдсан товч түүх* (хэвлэлд бэлтгэсэн Д. Даш). Улаанбаатар, 1979 [Choibalsan Kh., Losol D., Demid G. *The brief history of Mongolian people's national revolution*. Ulaanbaatar, 1979 (in Mongolian)].

СУЭЦКИЙ КРИЗИС В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СССР: ВАЖНАЯ ЗАЯВКА НА САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ РОЛЬ

Т. В. Носенко¹

Суэцкий кризис, возникший вследствие попыток колониальных держав — Великобритании и Франции — противостоять национализации Суэцкого канала, осуществленной египетским правительством во главе с Г. А. Насером в июле 1956 г., стал важной вехой в формировании советской ближневосточной политики. Впервые в послевоенной истории Советский Союз становился самостоятельным игроком на ближневосточной арене, прилагая усилия к тому, чтобы добиться разрешения кризиса мирными политическими средствами, а с началом военной операции не допустить реализации намерений западных государств и Израиля ликвидировать режим Г. А. Насера в Египте.

Военная фаза Суэцкого кризиса совпала по времени с введением в Венгрию частей Советской армии для подавления там антикоммунистического восстания. В зарубежной и отечественной литературе высказывалось немало предположений по поводу того, что выбор даты нападения на Египет был не случайно приурочен ко времени, когда все внимание советского руководства было сосредоточено на Венгрии. Автор предлагает свою точку зрения на то, насколько справедлива увязка этих двух событий и насколько оправданны были опасения прямого советского участия на стороне Египта в отражении интервенции.

На заключительном этапе Суэцкого кризиса, когда предпринятые международным сообществом усилия не остановили действий интервентов в Египте, советское правительство выступило с резкими угрозами в адрес Великобритании, Франции и Израиля. В советской/российской историографии распространено мнение, что так называемые ракетные ноты Хрущева сыграли главную роль в прекращении «тройственной агрессии». На основе анализа реакции всех участников интервенции против Египта на заявления Москвы автор приходит к заключению, что они не были решающим фактором, заставившим британцев и французов остановить военную операцию в Египте, а Израиль — освободить захваченные египетские территории. Египетская сторона, ожидавшая от СССР прямого участия в военных действиях, вообще занижала значение советского демарша.

В Суэцком кризисе Советский Союз подтвердил свой статус великой державы, претендовавшей на участие в решении сложных конфликтных ситуаций по всему миру, в том числе на Ближнем Востоке. В то же время советское правительство действовало крайне осторожно, избегая вовлеченности Вооруженных сил СССР в военные действия.

Ключевые слова: «тройственная агрессия», советская политика в Суэцком кризисе, «ракетные ноты» Хрущева, операция «Мушкетер», США и Суэцкий кризис

Для цитирования: Носенко Т. В. Суэцкий кризис в ближневосточной политике СССР: важная заявка на самостоятельную роль. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 55–65. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-055-065

¹ Носенко Татьяна Всеволодовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nosenkotat@gmail.com

Tatiana V. Nosenko, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nosenkotat@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9872-3324

THE SUEZ CRISIS IN THE MIDDLE EAST POLICY OF THE USSR: AN IMPORTANT PLAN FOR AN INDEPENDENT ROLE

Tatiana V. Nosenko

The Suez crisis, which arose as a result of attempts by the colonial powers — Great Britain and France — to resist the nationalization of the Suez Canal carried out by the Egyptian government led by G. A. Nasser in July 1956, became an important milestone in the formation of Soviet Middle East policy. For the first time in post-war history, the Soviet Union became an independent player in the Middle East arena, making efforts to resolve the crisis through peaceful political means, and with the start of a military operation, to prevent the implementation of the intentions of Western states and Israel to eliminate the regime of G. A. Nasser in Egypt.

The military phase of the Suez crisis coincided with the introduction of Soviet army units into Hungary to suppress the anti-communist uprising there. There have been many suggestions in foreign and domestic literature that the choice of the date of the attack on Egypt was not coincidentally timed to the period when all the attention of the Soviet leadership was focused on Hungary. The author offers her point of view on how fair the linking of these two events is and how justified were the fears of direct Soviet involvement on the Egyptian side in repelling the intervention.

At the final stage of the Suez crisis, when the efforts undertaken by the international community did not stop the actions of the interventionists in Egypt, the Soviet government made harsh threats against Great Britain, France and Israel. It is widely believed in Soviet/Russian historiography that Khrushchev's so-called missile notes played a major role in stopping the 'triple aggression'. Based on an analysis of the reaction of all participants in the intervention against Egypt to Moscow's statements, the author comes to the conclusion that they were not the decisive factor that forced the British and French to stop the military operation in Egypt, and Israel to withdraw from the occupied Egyptian territories. The Egyptian side, which expected direct participation from the USSR in hostilities, generally underestimated the significance of the Soviet demarche.

In the Suez crisis, the Soviet Union confirmed its status as a great power that claimed to participate in resolving complex conflict situations around the world, including in the Middle East. At the same time, the Soviet government acted extremely carefully, avoiding the involvement of the USSR armed forces in hostilities.

Keywords: "triple aggression", Soviet policy in the Suez crisis, Khrushchev's "missile notes", operation "Musketeer", the USA and the Suez crisis

For citation: Nosenko T. V. The Suez Crisis in the Middle East Policy of the USSR: an Important Plan for an Independent Role. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 55–65. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-055-065

Начало тройственной интервенции в Египте и советская политика

На первом этапе Суэцкого кризиса в августе-октябре 1956 г. развернутая международным сообществом политико-дипломатическая деятельность по предотвращению войны на Ближнем Востоке оказалась малоэффективной. Логика развития конфликта и расстановка сил в кризисной ситуации не оставляли надежд на мирное его разрешение.

С первых дней вооруженной интервенции против Египта, начавшейся 29 октября 1956 г., советское правительство выступало с резким осуждением грубого нарушения его законных суверенных прав Англией, Францией и Израилем и предупреждало агрессоров, что на них ложится ответственность за опасные последствия нарушения мира и безопасности [СССР и арабские страны. 1917–1960 гг., 1961, с. 241].

Категорическим противником войны выступил президент Д. Эйзенхауэр, который заявил, что американское правительство отвергает использование силы как способ решения международных споров [Von Tunzelman, 2000, p. 246]. В то же время в американской администрации не считали предосудительными намерения Великобритании, Франции и Израиля покончить с режимом Насера. В итоге, вопреки убежденности советского руководства [Ближневосточный конфликт. Т. 1, 2003, с. 546], англо-франко-израильская операция против Египта не была согласована с США. В военном способе решения Суэцкого кризиса американцы усматривали слишком большой риск разворота арабов в сторону Советского Союза. К тому же в преддверии президентских выборов в США 6 ноября 1956 г. Эйзенхауэру необходимо было сохранять имидж миротворца.

Формальное совпадение позиций США и Советского Союза в осуждении агрессии против Египта не означало, однако, возникновения предпосылок для американо-советского сотрудничества в решении ближневосточного кризиса. Одновременно с англо-французским колониальным пароксизмом на Ближнем Востоке происходило жесткое подавление Советским Союзом антикоммунистического восстания в Венгрии. Подавление советскими войсками венгерского мятежа² вызвало категорический протест со стороны американской администрации, требовавшей немедленного вывода советских вооруженных сил с территории Венгрии и обеспечения венгерскому народу возможности осуществления своих прав и фундаментальных свобод в соответствии с Уставом ООН [Von Tunzelman, 2000, p. 313]. Венгерские события явились для западных союзников удобным предлогом, чтобы отвлечь внимание общественности от собственной авантюры в Египте и сплотить свои ряды перед советской угрозой. Министр иностранных дел Франции К. Пино призывал ООН и «некоторые правительства» (конечно, в первую очередь американцев — *Т. Н.*) не тратить ценное время на спасение египетского диктатора, а сосредоточить внимание на Венгрии [Von Tunzelman, 2000, p. 313].

На протяжении многих лет авторы историографических работ по Суэцкому кризису задаются вопросом, был ли жесткий советский ответ на венгерскую революцию спровоцирован англо-франко-израильским нападением на Египет и, наоборот, были ли увязаны сроки израильского вторжения на египетскую территорию с вовлеченностью СССР в события в Венгрии. Хрущев утверждал в мемуарах, что «империалисты попытались воспользоваться теми трудностями, которые у нас возникли в Польше³ и Венгрии для того, чтобы направить свои войска в Египет для восстановления там колониального господства» [Khrushchev Remembers, p. 475]. Такое видение событий подтверждалось информацией египетской разведслужбы, поступавшей в советское посольство в Каире [Ближневосточный конфликт. Т. 1, 2003, с. 539].

Однако не следует забывать, что англо-французский план «Мушкетер» — операция вторжения в Египет — готовился не один месяц, и его сроки переносились на протяжении сентября-октября 1956 г. не единожды. К середине октября стало ясно, что откладывать военную операцию больше нельзя: в сконцентрированных в Средиземном море военных частях возникали технические проблемы с оборудованием и снаряжением, падал моральный дух армии [Lloyd, 1980, p. 170]. К тому же на Ближнем Востоке усиливались позиции Египта, создавшего вместе с Сирией единое военное командование, к которому присоединилась и Иордания. Во время англо-франко-израильских секретных переговоров в Севре 22–24 октября, то есть фактически одновременно с первым этапом советского военного вмешательства в Будапеште (в ночь с 23 на 24 октября), их

² 23 октября 1956 г. в Венгрии началось вооруженное восстание против просоветского режима, которое было полностью подавлено советскими войсками к середине ноября.

³ Летом-осенью 1956 г. в Польше происходили волнения, в ходе которых выдвигались требования экономических и политических реформ в стране, выведения из правительства маршала К. Рокоссовского, который, будучи советским гражданином, занимал должность министра обороны, и возвращения во власть В. Гомулки.

участники никак не увязывали дату военной операции в Египте с советскими действиями в Восточной Европе. Дата вторжения в Египет — 29 октября — появилась после заседания английского Кабинета 25 октября, в ходе которого министров больше волновал вопрос о реакции Соединенных Штатов, чем советская занятость в Восточной Европе. Что касается Израиля, то соглашение в Севре с установленной затем датой 29 октября дало «зеленый свет» для начала мобилизации и открытия военных действий [Dayan, 1976, p. 286–294].

В то же время 29–30 октября напряженность в венгерской столице несколько снизилась, происходил частичный отвод советских войск из Будапешта. В советском руководстве были разногласия по поводу способов решения венгерской проблемы. В течение нескольких дней Хрущев встречался с лидерами КНР, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Югославии, чтобы убедиться в их солидарности с принятым решением. Только 31 октября по настоянию Хрущева Президиум ЦК КПСС⁴ принял решение об операции «Вихрь» — вводе советского контингента войск на территорию Венгрии и вооруженном подавлении восстания. События на Ближнем Востоке сыграли определенную роль в этом решении, поскольку Н. С. Хрущев считал нападение на Египет первой фазой западной агрессии, за которой последует вторая — Венгрия [Rucker, 2001, pp. 83–85]. Конечно, главная цель состояла в том, чтобы не допустить победы «контрреволюции и внедрения НАТО» в самый центр «социалистического лагеря», что, как указывал Хрущев, представляло бы угрозу не только для Чехословакии, Румынии, Югославии, но и для Советского Союза [Khrushchev Remembers, 1971, p. 459]. По воспоминаниям югославского дипломата, Хрущев принимал во внимание, что война в Египте лишает Запад моральных оснований осуждать советские действия в Венгрии [Von Tunzelman, 2000, p. 283], но это соображение не было решающим для начала операции «Вихрь».

Прямой связи между этими двумя событиями все же не просматривается. Подавление восстания в Венгрии и Суэцкая кампания разворачивались по автономным сценариям, хотя и оказывали психологическое воздействие на стороны в процессе принятия решений.

Использование Советской армии для решения внешнеполитических задач в Восточной Европе вызывало на Западе опасения, что на Ближнем Востоке Москва также может осуществить тот или иной вариант военного вмешательства. Тем более что участие советских военных специалистов, в частности советской авиагруппы, в войне в Корее в 1950–1953 гг. было еще очень живо в памяти⁵. Хрущев в свойственной ему бесцеремонной манере не раз предупреждал в беседах с западными руководителями и дипломатами, что в Египет могут быть направлены добровольцы из СССР и стран Восточной Европы, которые умеют пользоваться поставляемым арабам оружием [Kyle, 2011, p. 105]. Британскому послу в Москве он говорил: «Война Египта против Британии будет священной войной, и если мой сын придет ко мне и спросит меня, должен ли он пойти добровольцем воевать против Британии, я скажу ему «да» [Heikal, 1978, p. 69].

В Каире «египетская улица» вообще требовала, чтобы «русские солдаты прибыли спасать Египет» [Кирпиченко, 1993, с. 41]. Ожидания советского военного вмешательства вылились в распространение слухов о переправке из Советского Союза 40 тыс. мусульман-добровольцев и о бомбардировках советской авиацией английской базы на Кипре [Ближневосточный конфликт. Т. 1, 2003, с. 542]. ЦРУ предупреждало администрацию в Вашингтоне, что арабы в ответ на рекрутирование Израилем бойцов в Европе и Латинской Америке завуалированно угрожают, что будут набирать добровольцев за пределами арабского мира [Von Tunzelman, 2000, p. 170]. По-видимому,

⁴ До 1966 г. руководящий орган партии, затем переименованный в Политбюро ЦК КПСС.

⁵ В конфликте на Корейском полуострове (июнь 1950 – июль 1953 гг.) на стороне Северной Кореи негласно выступили СССР и Китай, а в Южную Корею были введены миротворческие силы ООН, основную часть которых составляли американские войска.

возможность прямого советского участия в военных действиях использовалась арабским руководством для оказания давления на американцев, чтобы вынудить их к более решительным шагам по сдерживанию союзников по НАТО.

Но у Советского Союза в те годы отсутствовали технические возможности для осуществления таких операций. Советская армия не располагала военно-транспортными самолетами достаточной вместимости для срочной переброски больших контингентов войск [Шайкин, 2013, с. 118], а советское военно-морское присутствие в Средиземном море стало разворачиваться лишь во второй половине 1960-х гг. Тем не менее представления о непредсказуемости действий со стороны СССР порождали самые невероятные предположения. Эйзенхауэр, например, интересовался, «не могли ли русские «подсунуть» египтянам несколько атомных бомб» [Even, 2008, p. 74]. Нагнетали атмосферу слухи о больших партиях советского вооружения, в частности самолетов МиГ, поступающих в Сирию⁶. Самое большое беспокойство вероятность советского вторжения вызывала у политического руководства Израиля, не исключавшего, что советское правительство может принять решение о бомбардировке израильских городов и аэродромов [Even, 2008, pp. 72–73].

Однако советское руководство проявляло сдержанность в том, что касается прямого участия в военных действиях. Известный эпизод с обращением сирийского президента Шукри Куватли⁷ к Хрущеву и Жукову⁸ с требованием об оказании Египту немедленной помощи, описанный М. Хейкалом, является ярким свидетельством настроения советского политического и военного руководства. Развернув перед сирийским президентом карту Ближнего Востока, Жуков задал ему вопрос, каким образом Советская армия может помочь Египту: послав войска через Турцию, Иран в Сирию и Ирак и далее в Израиль, чтобы в конце концов атаковать британские и французские силы? [Heikal, 1978, p. 71] Сама абсурдность этого вопроса говорит о том, что у советского командования вряд ли имелись планы вторжения на Ближний Восток⁹.

В ответ на настоятельные просьбы египтян о посылке добровольцев советский министр иностранных дел сообщал о переговорах по этому вопросу с правительствами советских азиатских республик [Ближневосточный конфликт. Т. 1, 2003, с. 551], что, конечно, являлось отговоркой, чтобы не отвечать прямым отказом. Уже после окончания военных действий Д. Т. Шепилов разъяснял, что тема о добровольцах возникла только для того, чтобы оказать морально-политическую поддержку Египту. Видимо, в Москве хотели снять этот вопрос с повестки дня и, противореча собственным заявлениям, стали доказывать египтянам, что речь шла о добровольцах из таких стран, как Индия, Индонезия, Пакистан, а не из Советского Союза [Ближневосточный конфликт. Т. 1, 2003, с. 568].

Советская сдержанность в оказании военной помощи арабам часто связывается с тем, что внимание руководства было сосредоточено на венгерских событиях, и это спасло мир от широкомасштабной войны. Однако, судя по реакции на просьбы арабов о помощи и всевозможным мерам по недопущению втягивания советских Вооруженных сил в боевые действия, у Москвы не было намерений сражаться на Ближнем Востоке. Во-первых, любое военное вмешательство в этом регионе неизбежно повлекло бы ответные меры со стороны США. Во-вторых, в результате «тройственной

⁶ Когда начался Суэцкий кризис, сирийские ВВС имели 25 истребителей МиГ-15бис и 6 учебных МиГ-15УТИ, полученных из СССР. — Розин А. Сотрудничество Сирии и СССР в военно-морской области. Часть 1. Сирийский кризис 1957 г. URL: <http://alerozin.narod.ru/Syria57.htm> (дата обращения: 27.05.2021).

⁷ Президент Сирии Шукри Куватли в начале ноября 1956 г. находился в Москве с официальным визитом.

⁸ Г. К. Жуков — министр обороны СССР в 1955–1957 гг.

⁹ Российские военные историки в постсоветский период утверждали, что советские летчики-инструкторы участвовали в воздушных боях в Египте во время Суэцкой кампании [Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века, 2000, с. 174].

агрессии» не только не последовало свержения режима Насера, как на это рассчитывали те, кто замыслил войну, но египетский народ продемонстрировал сплоченность, отражая иностранную интервенцию. Агрессия против Египта вызвала довольно мощную реакцию в поддержку его борьбы со стороны стран Азии и Африки. Для СССР на первый план выступала задача политико-дипломатической поддержки арабов, тем более что это приносило большие пропагандистские дивиденды в плане разоблачения попыток Великобритании и Франции восстановить колониальные порядки на Ближнем Востоке.

«Ракетные ноты» Хрущева: реальная угроза или блеф?

Для прекращения военных действий на Ближнем Востоке советским правительством в первую очередь были задействованы механизмы ООН. На открывшейся 1 ноября 1956 г. чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи СССР проголосовал за выдвинутый американцами проект резолюции о немедленном прекращении огня и отводе войск Израиля и Египта за линию перемирия.

Но многосторонние дипломатические усилия и политические заявления не останавливали военной эскалации в Египте. 5 ноября советский премьер-министр направил послание президенту США с предложением объединить усилия двух великих держав, обладающих необходимыми военными средствами, для пресечения агрессии против египетского народа¹⁰. Вспоминая об этом эпизоде, Хрущев приводил свои рассуждения: «Конечно, он (Эйзенхауэр — *Т. Н.*) не согласится, но поставив его в положение, когда он вынужден будет отказаться, мы разоблачим всю лицемерность его публичных заявлений, осуждающих нападение на Египет» [Khrushchev Remembers, 1971, p. 479]. Советское руководство полагало, что таким образом миру будет предъявлено доказательство причастности США к агрессии против Египта.

Ответ Эйзенхауэра был довольно резким и враждебным. Поскольку советское послание было опубликовано в советской печати, он также выступил публично, заявив, что письмо Булганина является «очевидной попыткой отвлечь внимание мира от венгерской трагедии», и только подчинившись резолюции по Венгрии¹¹, русские могли бы предлагать шаги по укреплению мира. Он отверг идею объединения усилий с СССР для прекращения военных действий как «немыслимое предложение» и как нарушение Устава ООН, поскольку уже принято решение о том, что в ближневосточном регионе не должно быть никаких вооруженных сил, кроме международных сил ООН¹² [Kyle, 2011, p. 458].

Советскому руководству необходимо было подтвердить свою готовность защищать арабов, нейтрализовать негативную реакцию в арабских странах на уклонение СССР от прямого военного вмешательства, продемонстрировать всему миру, что именно советская военная мощь способна остановить агрессоров. В ночь на 6 ноября для большего психологического воздействия министр иностранных дел Шепилов пригласил послов Англии, Франции и Израиля и вручил им известные ноты, в которых фактически в ультимативной форме правительствам этих стран предлагалось

¹⁰ Одновременно министр иностранных дел направил телеграмму в адрес председателя Совета Безопасности с аналогичным предложением утвердить решение об оказании СССР и США вооруженной помощи Египту как жертве агрессии [СССР и арабские страны. 1917–1960 гг., 1960, с. 253–254].

¹¹ 4 ноября 1956 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 1004, в которой призывала правительство СССР прекратить все вооруженные нападения на народ Венгрии и всякие формы вмешательства, особенно вооруженного, во внутренние дела Венгрии.

¹² 4 ноября на Генеральной Ассамблее ООН было принято канадское предложение о создании международных сил ООН для поддержания мира на Ближнем Востоке.

прекратить военные действия против Египта. В посланиях Великобритании и Франции советское правительство недвусмысленно предупреждало о своих возможностях использовать «современное истребительное оружие», например ракетную технику, для того чтобы силовым путем сокрушить агрессора и восстановить мир на Востоке [СССР и арабские страны. 1917–1960 гг., 1960, с. 257–260]. Эти заявления были восприняты на Западе как угроза применения новейшего ядерного оружия. В советском послании Израилю подчеркивалось, что его безответственная политика может поставить под вопрос само существование Израиля как государства [СССР и арабские страны. 1917–1960 гг., 1960, с. 261]. Израиль уведомлялся об отзыве советского посла из Тель-Авива.

До сих пор у историков нет полной ясности, были ли эти ноты абсолютно намеренным блефом или за ними стояли реальные военные приготовления. В свете новых исследований российских специалистов «ракетные ноты» вполне отражают «особый «способ» осуществления внешней политики путем угрозы войной империалистам», который разрабатывался советским руководством во главе с Н. С. Хрущевым [Скороспелов, 2022, с. 17]. Шепилов утверждал, что он был категорическим противником военных осложнений и что у руководства было твердое решение не доводить дело до военного конфликта [Васильев, 1993, с. 50]. Однако стратегические соперники СССР серьезно оценивали возникшую угрозу, учитывая в своих прогнозах непредсказуемость советского лидера, спонтанность его решений.

В Израиле советское послание было воспринято как прямая угроза его существованию. По словам М. Даяна, Бен-Гурион был взбешен его презрительно-пренебрежительным тоном [Dayan, 1976, p. 317]. Неизжитая психологическая травма, связанная с ужасами нацистского истребления евреев в Европе, породила соответствующие исторические параллели.

Американские спецслужбы располагали сведениями о том, что Советский Союз обладает баллистическими ракетами с ядерными боеголовками малой мощности, которые, будучи расположены в Восточной Европе, могут поражать территории Англии и Франции [Kyle, 2011, p. 639, fn. 35]. Только в 1956 г. такие ракетные установки за пределами СССР не базировались [Golan, 1990, p. 51]¹³. Среди политического руководства, а также в разведсообществах западных стран в ноябре 1956 г. складывалось мнение, что Советский Союз вряд ли пойдет на то, чтобы нанести удары по территории Англии и Франции и предпринять широкомасштабные действия в Восточном Средиземноморье из-за отсутствия военных возможностей. Содержавшиеся в советских нотах угрозы руководители западных держав склонны были рассматривать как преднамеренный блеф, рассчитанный на устрашающее впечатление.

Действительно ли «окрик Москвы», по выражению российского арабиста [Егорин, 1998, с. 87], остановил Синайско-Суэцкую войну? Американские разведслужбы, оценивая ситуацию в зоне Суэцкого канала 6 ноября, указывали именно на советские угрозы применения силы как один из первостепенных факторов, который мог умерить военный раж Англии и Франции¹⁴. Однако в Великобритании, судя по документам и мемуарным источникам, советская угроза произвела небольшое впечатление. К тому времени Великобритания уже сама была ядерной державой, и кроме того, несмотря на всю сложность отношений с США, англичане не сомневались, что Вашингтон не останется безучастным в случае каких-либо резких движений со стороны СССР. Советские угрозы поэтому воспринимались в Лондоне с большой долей скепсиса [Lloyd, 1980, p. 261]. От силовых методов решения Суэцкого вопроса Великобританию заставило отказаться

¹³ Розин А. СССР и Суэцкий кризис — морской компонент. URL: <http://alerozin.narod.ru/Suez56/Suez56USSR-9.htm> (дата обращения: 11.02.2021).

¹⁴ Special National Intelligence Estimate. Washington, November 6, 1956 // Foreign relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26–December 31, 1956, volume XVI, doc.522. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d522> (дата обращения: 01.02.2021).

плачевное состояние ее финансовой системы, к ослаблению которой приложили руку Соединенные Штаты, используя экономический фактор как политический рычаг. Помимо финансово-экономических проблем давление на правительство оказывали широкие массовые протесты против войны не только внутри страны, но и по всему миру, крайне негативные оценки англо-франко-израильской интервенции в ООН.

Во Франции советские угрозы вызвали более паническую реакцию, хотя французы не хотели прекращать огонь в момент, когда, как они полагали, силы вторжения имели существенные преимущества. Но у Франции не было возможностей действовать независимо от Великобритании, что и вынудило французское правительство следовать британской политике.

По-видимому, самую важную роль советские угрозы сыграли в принуждении Израиля к выполнению резолюций ООН. Недаром много десятилетий спустя израильский автор особо подчеркивал, что «если бы не послания Булганина, война могла бы закончиться по-другому, и Ближний Восток мог бы иметь совершенно иной облик» [Even, 2008, p. 67]. В результате наступательных действий в руках израильтян оказался сектор Газа и почти весь Синайский полуостров. К утру 5 ноября Израиль захватил Шарм эль-Шейх, ключевую точку на Синайском полуострове, контролирующую выход из Акабского залива, и израильское правительство заявило о готовности прекратить огонь еще до того, как было получено советское послание. Но даже завуалированный намек на уничтожение еврейского государства, впервые прозвучавший от великой державы, вызвал смятение в правительстве, тем более что венгерские события заставляли рассматривать самые мрачные сценарии. Хотя и израильский посол в Москве, и ряд израильских военачальников придерживались мнения, что советские угрозы не более чем блеф, но Бен Гурион тем не менее говорил: «За этой войной нервов, которые ведут русские, стоит много дивизий» [Even, 2008, p. 78]. Однако это не помешало ему выступить 7 ноября в кнессете с так называемой победной речью, в которой он заявил, что Израиль более не считает действительными ни соглашения о перемирии с Египтом от 1949 г., ни установленные тогда линии перемирия.

Выступление Бен Гуриона с таких жестких позиций в момент, когда Англия и Франция уже заявили о готовности подчиниться требованиям ООН, ставило Израиль в изолированное положение на международной арене. Со стороны США последовали угрозы самых суровых санкций вплоть до прекращения всей американской помощи и исключения из ООН. Но самое главное заключалось в том, что американцы давали понять, что они не будут сдерживать Советский Союз в действиях против Израиля, что в случае разрушительных действий Советского Союза на Ближнем Востоке Израиль будет одной из первых жертв¹⁵. В итоге это манипулирование советской угрозой, предпринятое США, сыграло важную роль в отказе Израиля от радикальной позиции и объявлении уже 9 ноября о готовности уйти с Синая.

Советское руководство и сам Н. С. Хрущев были уверены, что прекращение войны в Египте было достигнуто именно благодаря советским действиям, и рассматривали это как свою большую победу, которая укрепляла престиж СССР не только на Арабском Востоке, но и в глазах всех народов, боровшихся против колониальной зависимости. Действительно, престиж СССР в арабском мире значительно возрос. Советский Союз становился реальным участником разворачивавшихся на Ближнем Востоке событий, подкрепляя свой успех пропагандистскими заявлениями о бескорыстии своей политики в отличие от колониалистских устремлений западных держав. Подтверждая свой статус защитника интересов арабов, советское правительство предлагало Египту выступить

¹⁵ Memorandum of a Conversation, Department of State, Washington, November 7, 1956 // Foreign relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26–December 31, 1956, volume XVI, doc.551. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d551> (дата обращения: 01.02.2021).

с требованием привлечения виновников агрессии к судебной ответственности и не допускать размещения международных сил ООН на каких-либо территориях Египта, кроме пограничных с Израилем областей. На дальнейшее укрепление проарабского имиджа должны были работать и разрыв соглашения с Израилем о поставках советской нефти (хотя аналогичный договор с Францией оставался в силе), и настойчивые предложения арабам координировать в наиболее выгодном для арабской стороны направлении действия по всему комплексу вопросов, связанных с конфликтом.

В то же время в Москве не были заинтересованы в нагнетании напряженности на Ближнем Востоке. Советское руководство отчетливо видело те «красные линии», за которые не следовало переходить. На вопрос Насера о том, смогут ли советские Вооруженные силы прикрыть Египет в случае возобновления военных действий, из советского МИД следовал ответ, что у СССР нет авиабаз вблизи Египта, чтобы осуществлять такое прикрытие. Непосредственно после прекращения военных действий Москва убеждала Насера в необходимости приостановить на некоторое время поставки советских вооружений, прежде всего самолетов, чтобы не давать повода для задержки вывода англо-франко-израильских войск с территории Египта [Ближневосточный конфликт. Т. 1, 2003, с. 567]. Вместе с тем советское правительство ориентировало Насера на то, что и впредь он будет получать из СССР и военную, и экономическую помощь.

Насер вел свою игру и, демонстрируя в беседах с советскими дипломатами дружественное отношение к СССР, был не менее благосклонен и к сотрудничеству с США, подчеркивая в разговорах с американским послом, что теперь на Западе только с Соединенными Штатами Египет и арабские страны могут достичь взаимопонимания¹⁶. Вопреки всем высоким оценкам советской роли в прекращении «тройственной агрессии» египтяне были скупы на практическую благодарность: в советской просьбе об оплате транзита по Суэцкому каналу в египетской валюте было отказано и предложено оплачивать сборы за проход в иностранной валюте, как это делали остальные пользователи [Нейкал, 1978, р. 74]. Насер не был настроен на решительное противостояние с американцами, как того хотелось бы его советским покровителям. Как отмечал Е. М. Примаков, «...он явно не хотел «перегружать лодку» своих отношений с Соединенными Штатами» [Примаков, 2006, с. 50].

Противоречивость египетской позиции в отношении роли СССР в Суэцком кризисе особенно отчетливо проявилась в конце 1950-х годов, в период обострения советско-египетских отношений из-за борьбы Насера с просоветскими коммунистическими силами, его репрессий против коммунистов. В своем известном письме Г. А. Насеру от 12 апреля 1959 г. Н. С. Хрущев доказывал, что советская помощь Египту, осуществлявшаяся с 1955 г., и готовность пойти «на очень далекие шаги для пресечения акций агрессора, направленных против независимости арабских народов», являются фактами, вошедшими в историю [Ближневосточный конфликт. Т. 2, 2003, с. 274–275]. Тем не менее египетский президент неоднократно заявлял, что в период англо-франко-израильской агрессии египтяне «опирались только на Аллаха и на самих себя» и вплоть до окончания боев 6 ноября не видели ни малейшего намека на помощь со стороны Советского Союза [Ближневосточный конфликт. Т. 2, 2003, с. 274]. Египетский лидер оставался при своем мнении, что главный вклад в прекращение войны в 1956 г. внесли американцы. Когда уже в середине 1960-х годов американский журналист задал ему вопрос о том, что спасло его во время Суэцкого кризиса: советские ноты, выступления против войны в Великобритании, ООН, Индия или арабы, Насер ответил: «Эйзенхауэр» [Von Tunzelman, 2000, р. 374].

¹⁶ Telegram From the Embassy in Egypt to the Department of State. November 8, 1956 // Foreign relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26– December 31, 1956, volume XVI, doc.561. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d561> (дата обращения: 11.02.2021).

* * *

Суэцкий кризис стал кульминационной точкой в борьбе арабов за преобразование отношений с Западом. Для СССР он явился серьезным поводом для демонстрации солидарности с Египтом в его борьбе за слом «старого порядка» на Ближнем Востоке. СССР впервые выступал реальным игроком на ближневосточной арене как на стадии политических усилий по урегулированию кризиса, так и в период военных действий.

Совпадение позиций США и СССР, осудивших использование военной силы на Ближнем Востоке, отнюдь не являлось предпосылкой для их выступления единым фронтом. В условиях «холодной войны» на фоне вторжения советских Вооруженных сил в Венгрию для подавления антикоммунистического восстания возможность сотрудничества с США в прекращении трехсторонней интервенции в Египте исключалась.

Военная фаза Суэцкого кризиса и советская войсковая операция в Венгрии совпали по времени, но они развивались по автономным сценариям. Дата нападения на Египет определялась независимо от советских действий в Восточной Европе, так же как и планирование советской операции «Вихрь» не соотносилось с ближневосточной войной. Однако в контексте «холодной войны» каждая из сторон рассматривала обращение противника к силовым методам как угрозу собственным интересам и безопасности.

Москва не была готова, исходя из стратегических расчетов и по техническим причинам, принять прямое участие в военных действиях, как того требовала арабская сторона. Но опасения за судьбу дружественного режима в Египте, стремление убедить арабов в готовности защищать их интересы заставили советское правительство выступить с резкими заявлениями и угрозой применения ракетного оружия против европейских стран-интервентов. Они сыграли важную, хотя и не решающую роль в прекращении военных действий как психологический фактор давления на правительства Великобритании и Франции. Израиль под давлением Соединенных Штатов, угрожавших лишить его американской поддержки в случае советского вторжения на Ближний Восток, вынужден был подчиниться международным решениям об освобождении египетской территории.

Несмотря на жесткую позицию, занятую Москвой в период военной фазы Суэцкого кризиса, советская осторожность в том, что касается прямого участия в боевых действиях, запаздывание с политическими инициативами вызывали раздражение у египетского руководства. Впоследствии Г. А. Насер занижал значение советского демарша устрашения, утверждая, что решающую роль в прекращении военных действий сыграли американцы, хотя и не отрицал важность советской помощи.

Литература/ References

Ближневосточный конфликт 1947–1967. Из документов Архива внешней политики РФ. Отв. редактор Наумкин В. В. Т. 1–2. М., 2003 [*Middle East conflict 1947–1967. From the documents of the Russian Foreign Policy Archive.* Editor-in-chief Naumkin V. V. Volume 1–2. Moscow, 2003 (in Russian)].

Васильев А. М. *Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму.* М.: Наука, 1993 [Vasiliev A. M. *Russia in the Middle East: from messianism to pragmatism.* Moscow: Science, 1993 (in Russian)].

Егорин А. З. *Египет нашего времени.* М.: ИВ РАН, 1998 [Yegorin A. Z. *Egypt of our time.* Moscow: IV RAS, 1998 (in Russian)].

Кирпиченко В. А. *Из архива разведчика*. М.: Международные отношения, 1993 [Kirpichenko V. A. *From the archive of the intelligence agent*. Moscow: International relations, 1993 (in Russian)].

Примаков Е. М. *Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века)*. М.: Российская газета, 2006 [Primakov E. M. *Middle East on stage and behind the scenes (the second half of the XX — the beginning of the XXI century)*. Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 2006 (in Russian)].

Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. / Под ред. Золотарева В. А. М.: Кучково поле, 2000 [*Russia (USSR) in local wars and military conflicts of the second half of the twentieth century*. / Ed. Zolotarev V. A. Moscow: Kuchkovo pole, 2000 (in Russian)].

Скороспелов П. П. “Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы войной империалистам”. *Военно-политическая деятельность Президиума ЦК при Н. С. Хрущеве (1953–1964)*. Часть 1// Восток Oriens. 2022. Вып. 2. С. 9–28 [Skorospelov P. P. “A special way of implementing foreign policy by threatening war to imperialists.” *Military-political activities of the Presidium of the Central Committee under N. S. Khrushchev (1953–1964)*. Part 1//Vostok Oriens. 2022. Issue 2. Pp. 9–28 (in Russian)].

СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961 [*USSR and Arab countries. 1917–1960. Documents and materials*. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1961 (in Russian)].

Шайкин В. И. *История создания и пути развития Воздушно-десантных войск*. Рязань: Типография РВВДКУ, 2013 [Shaikin V. I. *History of the creation and development path of the Airborne Troops*. Riasan: RVVDKU Printing house, 2013 (in Russian)].

Dayan M. *Story of my Life. An Autobiography*. NY: Warner Books, 1976.

Even Y. *A Paper Bear: Similarities and Contrasts in Soviet Involvement in the 1956 and 1967 Wars. The Soviet Union and the June 1967 Six Day War*. Ed. Ro'i Y., Morozov B. Washington: Woodrow Wilson International Center, 2008. Pp. 65–101.

Golan G. *Soviet Policies in the Middle East. From World War II to Gorbachev*. NY, Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Heikal M. *The Sphinx and the Commissar*. NY: Harper & Row Publishers, 1978.

Khrushchev Remembers. NY: Bantam Books, 1971.

Kyle K. *Suez. Britain's end of empire in the Middle East*. L., NY: I. B. Tauris & Co Ltd, 2011.

Lloyd S. *Suez 1956. A Personal Account*. L.: Corronet Books, 1980.

Rucker L. *The Soviet Union and the Suez crisis. The 1956 War, Collusion and Rivalry in the Middle East*. Frank Cass, 2001. Pp. 38–65.

Von Tunzelman A. *Blood and Sand. Suez, Hungary and Eisenhower's campaign for peace* — Sydney: NSW, 2000.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Розин А. Сотрудничество Сирии и СССР в военно-морской области. Часть 1. Сирийский кризис 1957 г. URL: <http://alerozin.narod.ru/Syria57.htm> (дата обращения: 27.05.2021).

Розин А. СССР и Суэцкий кризис — морской компонент. URL: <http://alerozin.narod.ru/Suez56/Suez56USSR-9.htm> (дата обращения 11.02.2021).

Foreign relations of the United States, 1955–1957, Suez Crisis, July 26– December 31, 1956, volume XVI. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v16/d522> (дата обращения: 01.02.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-066-073

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОБРАМЛЕНИЕ РОМАНА А. Х. ТАУФИКА «УТОПИЯ»*

О. А. Банцеровва¹

Роман «Утопия» — одна из известнейших книг египетского писателя Ахмада Халида Тауфика, которая была впервые выпущена в 2008 г. Многие считают, что эта книга стала во многом пророческой, потому что, как и говорил в ней автор, полное уничтожение среднего класса как класса приведет к тотальному расслоению общества на бедных и богатых, что в свою очередь приведет к катастрофе, то есть гражданской войне. Это фактически и произошло, когда во второй половине декабря 2010 г. тысячи людей вышли на улицы с требованиями отставки Хосни Мубарака. Книга является сильным социальным высказыванием на тему расчленения египетского общества на очень богатых и очень бедных. Однако помимо этого данное произведение — хороший пример развития арабской литературы в постколониальный период. Сюжет романа изобилует большим количеством деталей, отсылок и статистических данных, что делает фантастический мир Утопии практически неотличимым от реального. Отдельному рассмотрению стоит подвергнуть и композиционную структуру романа, так как она уникальна не только для арабской, но и для всей мировой литературы. В данной статье детально рассмотрено также место поэзии Абд ар-Рахмана аль-Абнуди, а именно нескольких его стихов из сборника «Обыкновенные печали». Используемые отрывки для автора играют роль «подсветки» событий, происходящих в романе. Именно поэтому в статье проанализировано место использования данной поэзии, её смысловая нагрузка для понимания будущих событий главы, а также метафоры, которые аль-Абнуди поместил в те или иные строки своего творчества.

Ключевые слова: поэзия, Утопия, Египет, роман, литература, Ахмад Халид Тауфик, Абд ар-Рахман аль-Абнуди

Для цитирования: Банцеровва О. А. Поэтическое обрамление романа А.Х. Тауфика «Утопия». *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 1. С. 66–73. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-066-073

POETIC FRAME OF AHMAD KHALID TAWFIK'S NOVEL "UTOPIA"

Olga A. Bantserova

The novel "Utopia" is one of the most famous books of the Egyptian writer Ahmad Khalid Tawfik, which was first published in 2008. Many believe that this book has become largely prophetic, because, as the author said in his book, the complete destruction of the middle class as a class will lead to a total stratification of society into the poor and the rich, which in turn will lead to a catastrophe, that is, a civil war. This happened when in the second half of December 2010, when thousands of people took to the streets demanding the resignation of Hosni

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

¹ Банцеровва Ольга Аркадьевна, студентка 2 курса магистратуры Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова; oll.b-a@yandex.ru

Olga A. Bantserova, student of the 2nd year master's degree of the Institute of Asian and African countries, Moscow State University; oll.b-a@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3234-1515

Mubarak. The book is a strong social statement about the stratification of Egyptian society into the very rich and the very poor. However, apart from this, this work is a good example of the development of Arabic literature in the post-colonial period. The plot of the novel is replete with many details, references, and statistics, which makes the fantasy world of Utopia almost indistinguishable from the real one. The compositional structure of the novel should also be considered separately, as it is unique not only for Arabic, but for the entire world literature. In this article, the place of the poetry of Abd ar-Rahman al-Abnudi, namely, several of his poems from the collection “Ordinary Sorrows” will also be subjected to a detailed consideration. The passages used for the author represent the role of “highlighting” the events taking place in the novel. That is why this article will consider the place of use of this poetry, its semantic load for understanding the future events of the chapter, as well as the metaphors that al-Abnudi placed in certain lines of his work.

Keywords: poetry, Utopia, Egypt, novel, literature, Ahmad Khalid Tawfik, Abd ar-Rahman al-Abnudi

For citation: Bantserova O. A. Poetic Frame of Ahmad Khalid Tawfik’s Novel “Utopia”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 66–73. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-066-073

Роман «Утопия» египетского писателя-романиста Ахмада Халида Тауфика² [Ahmed Khaled Tawfik, 2014] вышел в 2008 г., за два года до начала Арабской весны (зима 2010–2011 гг.), которая в корне изменила ход истории Ближнего Востока. Некоторые исследователи считают, что в своем произведении автор [Pagès-El Karoui, 2013] «предположил» один из вариантов развития событий, а именно хода революции из-за социально-экономического кризиса в Египте. Интерес представляет не только композиционная и сюжетная составляющая романа, но и вставки, которые автор делает в тексте для более широкого понимания читателями сюжета романа. Одним из таких видов вставок являются отрывки из дивана Абд ар-Рахмана Аль-Абдуни «Обыкновенные печали»³.

Ахмад Халид Тауфик — один из известнейших авторов современного Египта. Он писал как на египетском диалекте, так и на литературном арабском языке. Считается первым египетским автором, который писал в жанре научной фантастики, ужасов и фэнтези. Самые известные его работы, помимо романа «Утопия», — перевод романа американского писателя Чака Паланика «Бойцовский клуб» и романы на остросоциальные и политические темы «Эль-Синга» и «Точь-в-точь как Икар». Абд ар-Рахман Аль-Абнуди прославился своей поэзией, которую писал на египетском диалекте, считающемся разговорным. Одно из самых его известных произведений — компилятивный сборник «Хроника аль-Хилалиса», в котором он собрал стихи поэтов Верхнего Египта.

Действие романа происходит в 2023 г. Рассказ ведется от лица двух главных героев, чьи главы чередуются: хищник — Аля и добыча — Джабер. Аля живет в самой Утопии, а Джабер — недалеко от Утопии, на территории, отгороженной от нее. Охваченный скукой Аля, сын фармацевтического миллиардера, является типичным представителем так называемой «золотой молодежи». Он делает все, что ему заблагорассудится. Джабер же живет в нищете, где нет ни правительства, ни безопасности, ни каких-либо коммуникаций для нормальной жизни.

Аля и его девушка Жерминаль оказываются по ту сторону Утопии из-за жажды острых впечатлений. Они стремятся найти подходящего человека, живущего вне утопии, которого можно убить и вернуть руку в качестве трофея своей охоты. Однако пара оказалась под угрозой изнасилования, нанесения увечий и смерти. Их спасает Джабер, который в дальнейшем помогает им вернуться домой. Однако Аля отплатил за доброту жителя вне Утопии жестокостью. Он изнасиловал его больную

² Ахмад Халид Тауфик (1962–2018) — египетский писатель-романист и переводчик; Ахмад Халид Тауфик. Утопия / Х. Т. Ахмад. Каир: Дар аш-Шурук, 2014. Все страницы приведены по данному изданию.

³ Абд ар-Рахман аль-Абдуни (1938–2015) — египетский поэт, писавший как на литературном арабском языке, так и на египетском «разговорном» диалекте.

младшую сестру, затем, по возвращении в Утопию, убил самого Джабера, а его руку забрал в качестве трофея. Из-за этого в конце романа началось нападение жителей бедных земель на Утопию.

Сюжетная концепция романа

Сюжет романа несколько перекликается с сюжетами западных антиутопий. Главным «источником вдохновения» можно назвать «О, дивный новый мир» Олдоса Хаксли⁴. Как и в английской антиутопии, общество Утопии кастово разделено, но на две большие группы — богатых, эгоцентричных жителей Утопии и бедных жителей вне этого региона. Если говорить про расположение, то территория дельты Нила на севере Египта — это богатый регион Утопии, а Верхний Египет и регион выше по течению — территория за Утопией, где живут беднейшие слои населения.

Во вселенной Утопии, как и во вселенной Хаксли, территорией управляет совет старейшин, в полномочия которого входит также наказание за проступки посредством взращивания чувства вины в пресыщенных и ничего не ощущающих жителях Утопии, преступивших закон. Это чувство для них ново, а, соответственно, дискомфортно.

Особое место в мире Утопии отведено флогистону (в мире Хаксли — сома). Это наркотическое средство, которое употребляют абсолютно все жители богатого региона для удовлетворения внутренних потребностей, а также для того, чтобы заглушить или решить внутренние психологические проблемы. Интересно, что сам флогистон является химической субстанцией, а значит, мог быть выведен специально для его употребления в Утопии. По определению флогистон — это субстанция, наполняющая все горючие вещества и высвобождающаяся при горении. На этом можно построить гипотезу: флогистон высвобождает из людей все их «животные порывы», что делает их крайне уязвимыми целями манипуляции.

Во вселенной романа в начале XXI в. страна попала в мальтузианскую ловушку⁵, когда рост экономики оказался недостаточным при экспоненциальном росте населения. Средний класс исчез, остались только самые богатые и самые бедные. Поворотный момент наступил с последовательным крахом столпов экономики: туризма, создания канала Израилем, замыкающим Суэцкий канал, прекращение денежных переводов от эмигрантов, вернувшихся из Персидского залива после того, как нефть стала бесполезной из-за изобретения американским химиком продукта под названием «пирол» в 2010 г.

Чтобы обеспечить поставку пирола, элиты в буквальном смысле продали свое прошлое, заложив все памятники египетских фараонов американцам в обмен на контракт, гарантирующий его поставки в течение пятидесяти лет для исключительного использования в Утопии и других закрытых поселениях. Еще одним следствием этого открытия стало изгнание египетских эмигрантов из стран Персидского залива. «Экономика не выдержала этой дополнительной нагрузки, и государство сняло с себя всю ответственность. Оно прекратило все формы социальной помощи, все приватизировало. Не было больше правительства, которое заботилось бы о нас. Однажды оно просто перестало платить зарплату и предоставлять свои услуги. Полиция исчезла. Тем временем люди, принадлежащие к классу ваших родителей, продолжали богатеть» [Ahmed Khaled Tawfik,

⁴ «О, дивный новый мир» — антиутопия британского писателя Олдоса Хаксли, выпущенная в 1932 г.

⁵ Мальтузианская ловушка — типичная для доиндустриальных обществ периодически повторяющаяся ситуация, в результате которой рост населения в конечном счёте обгоняет рост производства продуктов питания, ограниченного плодородием почвы.

2014, р. 99]. Исчезновение среднего класса и государства привело к разделению страны на два огромных региона и переходом населения в состояние почти животного насилия.

Композиционная структура романа

Роман состоит из пяти глав, все нечётные главы названы «Охотник», все чётные — «Добычча». Каждая из них рассказывает о событиях глазами одного из главных героев — Али' и Джабера. В главах «Охотник» повествование ведётся от лица первого героя. Являясь сыном крупного промышленника, юноша уже в свои шестнадцать лет успел пресытиться жизнью и перестал получать от неё удовольствие. Так, книги не приносят ему достаточного удовлетворения, как и отношения с девушками. Для него они лишь разовое средство для получения удовольствия, и с их чувствами он не привык считаться. Так, однажды его реакция на беременность одной из таких «временных» подруг [Ahmed Khaled Tawfik, 2014, р. 18] была: «Может быть, я и был похотливой свиньёй... Но это же ненаказуемо... Это всё гормоны»⁶. Подобное отношение к женщинам в Утопии — норма. Женщины в принципе не имеют права отказать мужчине в чём-либо, в том числе в совокуплении с ними. Соответственно это даёт и мужчинам право делать с женщинами то, что хочется.

Такая усталость от жизни привела Аля' и его подругу Жерминаль к поискам адреналина по ту сторону Утопии, жизнь в которой стала для обоих откровением. Там они увидели бедность, нищету, голод, нехватку медикаментов и высокий уровень криминала и невольно познакомились с Джабером и его тяжелобольной сестрой Сафией, для которой очень трудно достать лекарства вне Утопии.

Джабер — это «голос» глав «Добычча». Он живет по ту сторону Утопии с тяжелобольной младшей сестрой и пытается всеми силами поставить её на ноги, хотя сделать это в условиях их жизни крайне трудно. Продукты и лекарства беднякам вне Утопии продаются втридорога, что делает их фактически недоступными для населения этого района. На улицах царят безнаказанность и криминал, что делает жизнь в этом регионе невыносимой.

Знакомство главных героев постепенно привело к необратимым последствиям. В ужасе от увиденного, Жерминаль и Але' решили вернуться обратно в Утопию, в чём им, хоть и вопреки собственной совести и разуму, согласился помочь Джабер. Во время подготовки возвращения парочки на родину его сестра Сафия остается один на один с гостями из Утопии, что предreshает её судьбу. Аля' насилует её, а Жерминаль, первый раз за весь роман, обретает голос и называет его «похотливой свиньёй». По возвращении в Утопию главный герой убивает Джабера, а в качестве трофея берёт его руку (рука изображена на некоторых изданиях романа)⁷. Убийство Джабера и изнасилование его сестры стали катализаторами для восстания людей из неУтопии против самой Утопии.

Большую роль в романе играют вставки. Так, практически на полторы страницы автор даёт статистику [Ahmed Khaled Tawfik, 2014, р. 78–79] случаев изнасилования в Египте с 30 июня по 25 декабря 2005 г. Согласно ей, из 150 случаев 13 закончились смертью потерпевших, а большая часть этих преступлений совершалась либо мужьями, либо родственниками жертв. Есть в романе и ещё одна важная статистическая вставка. Автор даёт небольшую газетную статью о том, что число употребляющих в Египте запрещённых веществ — более 1 млн чел. на неназванный год [Ahmed Khaled Tawfik, 2014, р. 93]⁸. Однако самыми ценными авторскими вставками в романе можно считать отрывки из творчества Абд ар-Рахмана аль-Абнуди.

⁶ Здесь и далее — перевод автора статьи.

⁷ [https://ar.wikipedia.org/wiki/%D9%8A%D9%88%D8%AA%D9%88%D8%A8%D9%8A%D8%A7_\(%D8%B1%D9%88%D8%A7%D9%8A%D8%A9\)#/media/%D9%85%D9%84%D9%81:Youtobia.jpg](https://ar.wikipedia.org/wiki/%D9%8A%D9%88%D8%AA%D9%88%D8%A8%D9%8A%D8%A7_(%D8%B1%D9%88%D8%A7%D9%8A%D8%A9)#/media/%D9%85%D9%84%D9%81:Youtobia.jpg) (дата обращения: 15.12.2023).

⁸ Вероятнее всего имеются в виду 2005–2007 гг., время написания романа.

Место поэзии аль-Абнуди в романе «Утопия»

В «Утопии» автором используются два отрывка из уже вышеупомянутого дивана «Обыкновенные печали» в 4-й и 5-й главах. В этом произведении поднято очень много этических и моральных проблем, которые касаются как власти, так и человека и его выбора. Далее эти два отрывка будут рассмотрены более подробно.

إحنا شعبين شعبين شعبين
Ведь мы два народа
شوف الاول فين
Посмотри, где первый
والتاني فين
И где второй
وأدي الخط ماين الاتنين
Граница между ними
بيفوت
стерта
إنتوا بعثوا الارض بفاسها
Они продали родную землю с топорами
بناسها
И её людьми
في ميدان الدنيا فكيتوا لباسها
На поприще вы сняли с неё одежду
بانث وش وضهر
И брюки, вспороли
بطن وصدر
Спину и грудь
ماتت
И она умерла
والريحه سبقت طلعت أنفاسها
А ветер предвосхищал её дыхание.
واحنا ولاد الكلب الشعب
Мы — дети собачьего народа
احنا بتوع الاصعب وطريقه الصعب
Мы идем по нелегкому пути
والضرب ببوزظ الجزمه ويسن الكعب
Чтобы быть битыми каблуками от сапог
والموت في الحرب
И умереть на войне

В этом отрывке говорится о двух народах, которые на самом деле один, потому что между ними нет границ — ни культурных, ни физических. Также есть красноречивая метафора о том, что символически сделали с Родиной, её продав: разделили, вспороли спину и грудь и оставили умирать. Почему в этом отрывке «землю» (الارض) следует воспринимать именно как Родину? Это слово употреблено с определенным артиклем, что говорит о конкретной земле в конкретном месте,

а учитывая, что выше говорилось про два разделенных народа, которые на самом деле один, эта метафора становится более очевидной. Фраза *ولاد الكلب الشعب* (дети собачьего народа) указывает на низкое происхождение тех самых «нас», о которых говорит автор. Собака в исламе считается грязным животным, существует даже грубое оскорбление «сын собаки» в адрес человека. Таким образом показывается, с одной стороны, низость происхождения, а с другой — отношение к людям, о которых пишет поэт. Судьба у них такая же тяжелая, как и жизнь, потому что их судьба в том, чтобы всегда быть «битыми» и умереть на войне. Вероятно, это может служить отсылкой как к Арабо-израильскому конфликту, так и к судьбе бедных слоев населения, потому что они всегда сильнее всего чувствуют любые социальные потрясения, так как зачастую их существование полностью зависит от государства.

Данный отрывок используется в романе трижды. Первый раз — как эпиграф к 4-й части 4-й главы, в которой Джабер всё-таки решает помочь Жерминаль и Але' добраться до Утопии, хоть в конце и понимает, что его, вероятнее всего, убьют. Тут использование отрывка из «Обыкновенных печалей» — иллюстрация к судьбе как страны, так и Джабера, потому что ему в буквальном смысле приходится идти по нелегкому пути сначала жизни вне Утопии, а затем идти на сделку с совестью и помогать чужакам из Утопии возвращаться обратно. Воззвание автора стихотворения к тому, что есть два народа, между которыми нет границ, — отчасти метафора в плане отношения героев друг к другу. Джабер пошел на риск, чтобы помочь паре вернуться обратно, при этом для Али' это было глупостью, а не жестом доброй воли, поэтому он убил своего проводника, поскольку тот «не выучил правила игры» [Ahmed Khaled Tawfik, 2014, p. 170].

Во второй раз стихами аль-Абдуни говорит уже Жерминаль, когда вместе с Аля' добираться благополучно до дома. Она повторяет Але' строки про два народа, спрашивая: разве не это хотел донести поэт? Между ними и теми, кто живёт вне Утопии, нет никакого отличия, кроме физической границы, разделяющей две области. Это, кстати, показывает развитие образа Жерминаль, потому что в начале книги она не могла сказать Але' слово против и послушно следовала за ним, а в этот момент она как будто ставит под вопрос этичность его поступков, правильность мотивации его действий, от чего герой просто отмахивается.

Этот же отрывок, только без первых пяти строчек, становится эпиграфом к концу романа, где Аля' узнает, что из-за его действий началось что-то похожее на гражданскую войну, так как для людей из бедного региона убийство Джабера и изнасилование его сестры жителем Утопии стали последней каплей. В данном контексте отрывок без первых строк про два народа, между которыми нет границ, звучит очень воинственно, как марш тех, кто был угнетен долгое время.

لكن انتم خلقكم سيد الملك

Но вы созданы мастером короля

جاهزين للملك

Готовые к повелениям короля

ايديكم نعمت من طول ما بتفتل ليالينا الحلك

Ваши руки — благословение перед тем, что длится в самые темные наши ночи

احنا الهلك وانت الترك

Мы погибаем, а ты — турок,

سواها بحكمته صاحب الملك

Без мудрости своего хозяина короля

انا المطحون المسجون

Я — пленник

اللى تاريخى مركون

Чья жизнь скрыта в тени

وانت قلاوون وابن طولون ونابليون

А ты Калун, Ибн Тулун и Наполеон

الززانة دى مبنيه قبل الكون

Эта клетка создана до начала бытия

قبل الظلم ما يكسب جولات اللون

До несправедливости, которая выигрывает в различных сражениях

يا عم الضابط

Офицер,

احبسنى

Запри меня

سففنى الحنضل واتعسنى

Я грустен и несчастен

رأينا خلف خلاف

Мы видели разногласия

احبسنى او اطلقنى وادهسنى

Запри меня, отпусти меня или убей меня

رأينا خلف خلاف

Мы видели разногласия

В этом отрывке можно найти противопоставление ничтожного пленника, «грустного и несчастного», с кем-то великим, например Наполеоном. Создается явное различие между «готовыми к повелениям короля» и «благословением» и человеком, чья жизнь скрыта в тени великих. Вероятно, последние строки можно трактовать как просьбу к офицеру от лирического героя стихотворения решить его судьбу, отпустить или же убить. В этом отрывке также примечательно, что *الترك* употреблено в качестве сравнения с теми «нами», кто умирает, то есть это такая возвышенная над большинством людей фигура, которой суждены, вероятно, даже по происхождению «великие свершения»

Этот отрывок — эпиграф к 4-й части 5-й главы, в которой Аля' и Жерминаль возвращаются в Утопию и празднуют своё благополучное возвращение. Именно в этой части героиня проговаривает первые строки предыдущего отрывка про два народа без видимой границы. Вероятно, автор мог нарочно опустить эти строки в эпиграфе и «дать их проговорить» Жерминаль. В таком случае строки второго отрывка звучат как панихида по Джаберу, которому не суждено было прожить такую «возвышенную» жизнь, какой жил герой романа из Утопии. Его жизнь скрыта в тени людей из Утопии, потому что для них он и его смерть — всего лишь развлечение. Также этот эпиграф создает эффект того, что на этом всё и закончится, что юный житель Утопии останется безнаказанным и дальше будет хвастаться своим друзьям отрубленной рукой Джабера, его убийством в благодарность за помощь в возвращении домой, изнасилованием его сестры. Однако, как писалось выше, смерть Джабера и надругательство над его сестрой стали последней каплей для жителей бедного региона. По принципу «зуб за зуб» в конце романа в самом начале восстания Аля' сам получил ранение в руку и, по всей видимости, был убит. В канву описания того, что происходит с этим героем в самом конце романа, удачно вплетены последние четыре строчки вышеприведенного отрывка. Можно предположить, что это ответ на просьбу автора к офицеру сделать с ним что-нибудь.

Таким образом, роман Ахмада Халеда Тауфика «Утопия» исследует большое количество актуальных социальных, экономических и политических вопросов. Часть сюжетных и композиционных деталей были позаимствованы из «О, дивный новый мир» Олдоса Хаксли и удачно переложены на египетскую действительность эпохи заката правления президента Хосни Мубарака⁹ в Египте. Несмотря на достаточно небольшое использование поэзии аль-Абнуди в романе она стала полноценной сюжетной линией, которая позволяет читателю предугадать, о чем пойдет речь в этой части, а также проникнуть в происходящее во вселенной романа ещё глубже.

Литература / References

٢٠١٤. احمد خالد توفيق. يوتوبيا. القاهرة: دار الشروق [Ahmed Khaled Tawfik. *Utopia*. Cairo: Dar al-Shuruq, 2014 (in Arabic)].

Hannan, M. A. Literary review of novel 'Utopia' by Ahmed Khaled Tawfik: the godfather of Arabic horror literature. *Journal of critical reviews*. 2020. № 02. С. 1701–1710.

Pagès-El Karoui. D. Utopia or the Anti-Tahrir. The worst of all worlds in the fiction of A. K. Towfik. K. D. Pagès-El. *Moyen-Orient: espaces et passeurs du changement*. 2013. № 25.

Электронные источники / Electronical sources

[https://ar.wikipedia.org/wiki/%D9%8A%D9%88%D8%AA%D9%88%D8%A8%D9%8A%D8%A7_\(%D8%B1%D9%88%D8%A7%D9%8A%D8%A9\)#/media/%D9%85%D9%84%D9%81:Youtobia.jpg](https://ar.wikipedia.org/wiki/%D9%8A%D9%88%D8%AA%D9%88%D8%A8%D9%8A%D8%A7_(%D8%B1%D9%88%D8%A7%D9%8A%D8%A9)#/media/%D9%85%D9%84%D9%81:Youtobia.jpg) (дата обращения: 15.12.2023).

Utopia by Ahmed Khaled Tawfik. URL: <https://yazidharoun.com/2020/11/22/utopia-by-ahmed-khaled-tawfik-2008/> (дата обращения: 29.06.2023).

أحزاني العادية / PoemsGate. URL: <https://poetsgate.com/poem.php?pm=33336> (дата обращения: 23.08.2023).

⁹ Хосни Мубарак — египетский военный, политический и государственный деятель. Президент Египта в 1981–2011 гг.

ПРЕФИКС КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ^ʔ*a*- В ЧАДСКИХ ЯЗЫКАХ

О. В. Столбова¹

В статье представлен обзор имеющихся сведений об образовании каузативных глаголов в чадских языках и приводятся доказательства образования аналогичных глаголов с помощью префикса ^ʔ*a*. Сделаны некоторые дополнения к материалам, собранным Р. Шу [Schuh, 2017], особое внимание уделено рефлексам АА показателя каузатива **s*. Представляется, что приведенная нами лексика кушитских и омотских языков доказывает существование единого префикса каузатива на пра-афразийском уровне. В статье подчеркивается, что во всех предыдущих исследованиях на материале чадских языков речь шла только о суффиксах каузативных глаголов. Тем не менее при работе над лексической базой удалось обнаружить, что такие глаголы могли формироваться с помощью префикса ^ʔ*a*. В фокусе исследования находятся уже лексикализованные глагольные формы с префиксом (в основном — в вост.-чад. языках) и их когнаты в других чадских и афразийских. Доказательством существования каузативного префикса служат и каузативные глаголы с эйективным звонким согласным (*b* или *d*) в начальной позиции. В подобных случаях эйективный согласный образовался из сочетания ларингала (^ʔ-) и звонкого смычного в анлауте непроемного глагола. В дальнейшем мы продолжим поиск релевантных форм в чадских языках и попытаемся установить, есть ли у префикса ^ʔ*a* параллели вне чадской семьи или это чадская инновация.

Ключевые слова: чадские языки, каузатив, глагол, префикс, суффикс

Для цитирования: Столбова О. В. Префикс каузативных глаголов ^ʔ*a* в чадских языках. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 74–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-074-080

ON CAUSATIVE EXTENSION ^ʔ*a*- IN CHADIC LANGUAGES

Olga V. Stolbova

The aim of the paper is twofold. Firstly, we will observe the list of causative suffixes revealed up to now in Chadic languages by other scholars and presented in [Schuh, 2017]. Some relevant data, not mentioned in the volume will be added. The Afro-Asiatic causative affix **s* will be under discussion. We will argue, that Cushitic and Osmotic data support the reconstruction of a single causative prefix **s* on the Proto Afro-Asiatic level. Secondly, we will present lexical data proving that Chadic languages could form causative verbs with a prefix (namely, with ^ʔ*a*-), but not only by means of different suffixes, as postulated in [Schuh, 2017]. A number of lexicalized verbs with the above mentioned prefix (mostly — in the East branch of the Chadic family) with cognate forms in and outside Chadic will be in the focus of our research. Special attention will be paid to initial ejective voiced posives (*b* and *d*) as the ‘trace’ of the causative prefix ^ʔ*a*-. Further efforts will be directed to the search of more supporting data within Chadic and of cognate forms with the same extension in other Afro-Asiatic languages

¹ Столбова Ольга Валерьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Stolbova.O@yandex.ru

Olga V. Stolbova, DSc (Philology), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; Stolbova.O@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-7589-2854

Keywords: Chadic languages, causative, verb, prefix, suffix

For citation: Stolbova O. V. On Causative Extension ²*a-* in Chadic Languages. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 74–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-074-080

Статья отражает очередной этап исследования а области префиксальной глагольной деривации в чадских языках². Наша задача показать, что в чадских языках сохраняются уже лексикализованные каузативные глаголы, образованные с помощью префикса ²*a-*, притом что модели, активные на синхронном уровне, образуют аналогичные глаголы исключительно с помощью суффиксов.

Граматики любого чадского языка (полные и краткие) практически всегда содержат сведения о каузативных глаголах. Все имеющиеся данные суммируются в монографии Р. Шу [Schuh, 2017]. Свою задачу автор видел в том, чтобы «представить полную картину некоторых наиболее характерных особенностей чадских языков»³. Одной из таких особенностей, по мнению автора, является образование каузативных глаголов с помощью суффиксов, два из которых представлены более чем в одной ветви чадской семьи, а именно:

1. Суффикс **-d* реконструируется для языков зап. и центр. ветвей. Автор приводит несколько примеров, в том числе:

Язык Zaar⁴ (зап.-чад.) *shii* ‘to go down’ > *shiiir* (*-r#* < *-d-*) ‘to take down’.

Язык Mofu (центр. — чад.) *čən* ‘listen’ > *čən-d* ‘learn’ [Schuh, 2017, p. 288].

Среди релевантного материала заслуживают внимания два глагола в близкородственных центр.-чад. языках:

Mofu *-k-* ‘faire; делать’ > *-ka--d-* (caus.) ‘expliquer, montrer, raconter; объяснять, показывать»⁵ [Barreateau, 1988, p. 142].

Mafa *g-* ‘faire; делать’ > *gad-* (caus.) ‘montrer; показывать’ [Barreateau, 1990, p. 45]. Глагол с начальным звонким согласным представлен во всех языках той же подгруппы (например, Mbuko *ga*, Gisiga, Moloko, Merey *ge* ‘make, do; faire’), так что нельзя исключить нерегулярный рефлекс велярного (**kV* > *g-*) в языке Mofu.

См. также: Mafa *sulom-* ‘descendre; спуститься’ > *sulomed* ‘faire descendre; заставить спуститься’ [Barreateau, 1990, p. 322].

2. Суффикс *-t-* обнаружен лишь в трех зап.-чад. языках группы боле (Bolewa, Ngamo, Karekare) и в вост. — чад. языке Муби.

Bolewa *daa* ‘climb, ride on’ > *dāa-tu* ‘lift, raise’ [Schuh, 2017, p. 289].

Bolewa *sunu* ‘to spend the night’ > *sùn-to* ‘to cause to spend the night’ [Gimba, Ali, Bah, 2004, p. 141].

Mubi *sàgé* ‘aller, venir; идти, приходиться’ > *ség-ít* ‘faire aller, faire venir; заставить идти’ [Jungraithmayr, 2013, p. 85].

Mubi *wíríy* ‘I sat down’ > *wíràay-ít hàw* ‘I seated the Sultan’ [Schuh, 2017, p. 290].

Кроме того, тот же суффикс активен еще в двух языках группы боле, а именно:

² Семитские, египетский, берберские, чадские, кушитские и омотские языки образуют афразийскую макросемью. К чадской ветви относится более 150 языков Нигерии, Чада, Камеруна и Нигера.

³ “The intention of this is to present a broad picture of some of the better represented features of languages in the Chadic family” [Schuh, 2017, p. 5].

⁴ Названия языков даются в латинице с заглавной буквы, названия групп языков — в переводе на русский язык и со строчной буквы.

⁵ Значение дается по источнику с переводом с французского и немецкого языков.

Kwami *lòg-àn* ‘hängen; висеть’ > *lòg-it-áy* ‘aufhängen; повесить’, *šèr-àn* ‘stehen; стоять’ > *šèr-ì-áy* ‘stoppen, anhalten; остановить’ [Leger, 1994, p. 221].

Kupto *shèròw* ‘to stand’ > *shèr-it-éy* ‘to stop to make standing’ [Leger, 2004, p. 87], *bàmbbéy* ‘to carry on the back (esp. a child); to support (a child)’ > *bàmbb-it-èy* ‘to make carry a child on the back’ [Leger, 2004, p. 23]. В монографии Р. Шу этих сведений нет.

Автор упоминает также несколько суффиксов с ограниченной дистрибуцией, например, *-e* в центр.-чад. языке Daba (*sa* ‘drink’ > *sa-e* ‘make to drink’) и формант *-n* в языках Dera и Pero (зап.-чад.), который присоединяется к глаголу после других суффиксов, в том числе — после показателя перфекта *-ko*⁶. Например, в языке Pero: *cu* ‘to eat’ > *ma ci-ko-n* ‘You have fed’ [Schuh, 2017, p. 209].

Заметим, что в языке Bura (центр. ветвь) каузативные глаголы образуются с помощью суффикса *-ani*⁷. См., например: *fi* ‘to swell’ > *fi-ani* ‘to make swell’, *hyà* ‘to rise, to stand up’ > *hyà-ni* ‘to raise’. Можно предположить общее происхождение этих суффиксов.

В единственном хорошо изученном чадском языке — Hausa — сохраняется рефлекс АА префикса каузатива **-s-*: «Каузатив образуется с помощью суффикса «*-ar#* (< *-as#*, который иногда и встречается) или *-she*. Форма на *-she* возможна только перед личным местоимением» [Щеглов, 1970, с. 267]. Например, *ganii* ‘видеть’ > *gana-r* ‘показывать’, *shaa* ‘пить’ > *shaaya-r* ‘поить’

Разумеется, в монографии Р. Шу упоминается и этот суффикс, однако автор полагает, что он не может восходить к АА префиксу **s-*, который продуктивен в берб. языках (об отражении префикса в других АА языках он не упоминает). Кроме того, что префикс и суффикс не могут иметь общее происхождение, каузатив с суффиксом *-s-* есть только в языке Hausa⁸. Эти аргументы опровергаются следующими фактами.

Нам удалось обнаружить несколько лексикализованных каузативных глаголов с суфф. *-s-* в других чадских языках, помимо Hausa, а именно:

В зап.-чад. языке Volewa один и тот же глагол со значением ‘есть мягкую пищу’ передается как *tii* и как *tii-si* ‘to eat soft food’ [Jungrathmayr, Ibrishimow, 1994, p. 120]. Очевидно, что вторая форма — это каузатив, ср. зап.-чад. Bure *ta-shi* ‘to feed’. См. ниже аналогичный пример из куш. языка Sidamo.

Приведем также несколько глагольных форм в центр.-чад. языках, которые, по нашему мнению, включают лексикализованный суффикс каузатива *-s-*:

Mafa *tāvā-s-* ‘insister auprès de qqn, presser qqn de faire qqch; настаивать, заставлять кого-то сделать что-то’ [Barreteau, 1990, p. 353];

Gude *ravu-sə* verb i., verb tr. ‘to wrinkle or crumple (cloth or paper)’ [Hokinson, 1983, p. 264].

Buwal *dma-s* ‘to dance, to make dance’ [Vijonen, 2013, p. 432]. Кроме того, в словарь в качестве самостоятельной единицы включен еще один каузативный глагол. А именно, *dāvā-s* ‘to knock down’, без отсылки к исходной форме — Buwal *ndāv* ‘to fall, падать’ [Vijonen, 2013, pp. 658, 639].

Таким образом, можно предположить, что суффикс каузатива был активен не только в языке Hausa.

Второй аргумент Р. Шу — невозможно сопоставлять берберский префикс и чадский аффикс — также можно опровергнуть. Во-первых, АА (а не прото-берберский) префикс каузатива **s-* сохраняет свою позицию в семитских (**š-*), египетском и берберских языках (*s-*), но в чадских,

⁶ “Causative is a particle that is separated from the verb by other affixes” [Schuh, 2017, p. 290].

⁷ “The meaning of the derivative suffix *-ani* is in many cases clearly causative” [Hoffman, 1963, p. 119].

⁸ “This proposal is unsustainable. Aside from the fact that no other Chadic language, as far as I know, has an *-s* marking CAUSATIVE, there is no obvious way to relate a prefixed formative, as in Berber, to the suffixed formative in Hausa” [Schuh, 2017, p. 365].

в большинстве кушитских и в омотских языках наблюдается уже суффикс каузатива. См., например, в кушитских языках:

Sidamo: *it-* ‘to eat’ > *it-i-s-* ‘to feed smb, serve food to smb’ [Kawachi, 2001, p. 328].

Beja *abāb* ‘verachten; презирать’ > caus. *abāb-s* ‘verächtenmachen; заставить презирать’, *šum* ‘eintreten; войти’, caus. *šum-s, šum-š* ‘hineinführen; ввести’ [Reinish, 1895, pp. 5, 215].

Afar *lace* ‘to become hot’ > *laci-she* ‘to heat’ [Reinish, 1886, p. 124].

В омотском языке Kafa каузативные глаголы образуются с помощью суффиксов *-s-* или *-j-*, например: *uw-e* ‘trinken; пить’ > *u-je* ‘zu trinken geben; поить’, *kay-e* ‘aufstehen; вставать’ > *ka-se* ‘aufrichten; поднимать’⁹.

Заметим также, что в чадских языках есть еще один пример продвижения префикса в постпозицию к глаголу. Так, в центр.-чад. языке Bura с помощью суффикса *-na* образуются глаголы, описывающие действие, которое направлено «прочь», например: *tà* ‘to cut’ > *tà-nà* ‘to cut off’, *ndàl* ‘to throw’ > *ndàl-là-nà* ‘to throw away’ [Hoffman, 1963, p. 131]. Очевидно, что этот суффикс восходит к АА префиксу *n-* (N-stem) с семантикой «действие или движение, направленное из исходной точки» (см.: [Столбова, в печати]).

С учетом приведенного материала версия о продвижении АА префикса каузатива в постпозицию кажется вполне правдоподобной. Альтернативный вариант — два независимых (но идентичных на фонологическом и семантическом уровнях) аффикса (**s-* в сем., берб., егип., но **-s-* в чад., куш. и омот. языках) — кажется менее вероятным.

Как следует из приведенных выше данных, каузативные глаголы в чадских языках образуются только с помощью суффиксов.

Однако в процессе работы по составлению этимологической базы данных удалось обнаружить следы каузативного префикса [?]*a-*. Он уже непродуктивен в чадских языках и потому не попал в поле зрения исследователей.

Заметим, что это не единственный случай, когда в чадских языках сохраняются производные глаголы, но утрачиваются исходные. Например, в языке Kurto (по материалам Р. Легера) мн. ч. глаголов регулярно образуется с помощью инфикса *-t-*. При этом есть и несколько лексикализованных форм мн. ч., для которых непроизводный глагол не засвидетельствован (подробнее см.: [Leger, Stolbova, 2019]).

Выше мы приводили пример каузативного глагола с суффикса *-t-* в языке Kwami: *lòg-ìt-áy* ‘aufhängen; повесить, подвесить’ (< *lòg-àn* ‘висеть’). Его очевидным когнатом является лексикализованный глагол с префиксом [?]*a-* в вост.-чад. языке East Dangla *à-lgiyē* ‘accrocher, suspendre; по(д)весить’ [Djibrine, Mongolfier, 1985, p. 11]. Заметим, что исходный глагол ни в Dangla, ни в других вост.-чад. языках не засвидетельствован.

Приведем еще несколько характерных примеров каузативных глаголов с префиксом [?]*a* в вост.-чад. языках. Лексический материал дается в следующем порядке: под индексом а. — каузативный глагол; под индексом б. — соответствующий исходный; под индексом с. — глагол с каузативной семантикой, но утративший префикс.

1а. Вост.-чад. Bidiya [?]*akal* ‘faire tomber un fruit avec une perche; сбить плод длинной палкой’.

1б. Центр.-чад. Glavda *kəl* ‘to bend, fall, drop down’, сем. Ugaritic *ql* ‘to fall (down)’, Š-stem ‘to cause to fall, throw, knock down’, Akkadian *qiālu* ‘to fall’, куш. Beja *koliy* ‘to fall’.

1с. Центр.-чад. Mofu *kəl*, Merey *kál* ‘jeter; бросать’ (< [?]*akal*). См.: [Stolbova, 2011, № 353].

⁹ “Derselbe wird gebildet mittelst Auffügung von *-s* oder *-j* an die Radix” [Reinish, 1888, p. 71].

2а. Вост.-чад. Bidiya ^ʔ*araw* ‘chasser, renvoyer; гнать, выгонять’.

2б. Зап.-чад. **rVw*- ‘to run, бежать’: Diri *riya*, Cagu *rey*, Ngizim *ràwáu*, вост. Toram *reer*. См.: [Stolbova, 2005, № 619].

2с. Зап.-чад. Ngizim *rau* (< ^ʔ*arau*) ‘chase off birds from crops’ [Schuh, 1991, p. 137].

3а. Вост.-чад. Ubi ^ʔ*ürgi*- ‘chasser, гнать’.

3б. Зап.-чад. Tangale *raga* ‘between running and walking’, центр.-чад. Hikalanci *rug* ‘laufen; бежать’. См.: [Stolbova, 2005, № 804].

4а. Вост.-чад. Bidiya ^ʔ*òsòn* ‘apprendre, enseigner, instruire; учить, преподавать’, Somrai *ósen*, Jegu ^ʔ*usun*, Kwan *àsìnē* ‘learn’.

4б. Зап.-чад. Dera *šen*, Warji, *Kariya sən*, центр. Lamang *sina*, Vana *sə̀nà*, Mafa, Daba, Gidar, Logone *sən* ‘know’; вост. Nanchere *sən* ‘know’, Lele *sèn* ‘know smth’, Mokilko *sùuné* ‘know, understand’; егип. *swn* ‘to know’. См.: [Stolbova, 2009, № 290].

5а. Вост.-чад. East Danga *ògilē* ‘faire griller, griller; зажарить’.

5б. Центр.-чад. Logone *gələ́* ‘brennen; гореть’. См.: [Stolbova, 2011, № 586].

6а. центр.-чад. Muyang, Mada *ágàl* ‘to feed, bring up’. См. также производную форму с суффиксом: Ouldem *gələ́-ŋ* ‘élever, nourir; воспитывать, кормить’.

6с. Центр.-чад. Malgwa *gála* ‘to feed animals’, Zulgo *gəl* ‘nourir; кормить’ (< ^ʔ*agəl*). См.: [Stolbova, 2011, № 589].

Как следует из приведенных выше примеров, глагол кормить — это регулярный каузатив от глагола ‘есть, принимать пищу’. В данном случае непроективный глагол найти не удалось.

Очевидно, что каузативный префикс плохо сохраняется в центр. и зап.-чадских языках. Тем не менее каузативный глагол можно опознать по эйективному (звонкому эмфатическому) согласному в первой позиции. Если в исходном глаголе $Cl = b, d$, то у каузативного в анлауте наблюдается эйективный согласный *b*- или *d*-: ^ʔ*Vb*- > *b*, ^ʔ*Vd*- > *d*-. См. следующие примеры:

7а. Зап.-чад. Hausa *dàgà* ‘lift up a little way’ [Bargery, 1934, p. 188], Guus *daga* ‘to lift’ [Caron, 2001, p. 18].

7б. Вост.-чад. Lele *dùgì* ‘monter; подняться’ [Welbeque, Palayer, 1982, p. 19].

8а. Зап.-чад. Hausa *dùúrà* ‘to pour in slowly’ [Bargery, 1934, p. 282], Goemai *dier* ‘to pour some liquid out of a vessel’, Mushere *deer* ‘to pour water from the calabash’ [Takács, 2004, p. 101], Kupto *dèréy* ‘to pour down (water); to filter (water)’ [Leger, 2004, p. 56]; центр. Gude *daarə* ‘to pour off liquid leaving sediment behind’ [Hoskinson, 1983, p. 182], Marba *dër*, Musey *deera* ‘verser; лить’ [Shryok, 1998, p. 10].

8б. Сем. Sem Arabic *drr* ‘ruisseler, couler abondamment; течь обильно’ [Biberstein, 1860, p. 681], куш. Somali *dareeray* ‘leak, gush out, flow’, *durduray* ‘to run, flow (water)’ [Luling, 1987, pp. 110, 164].

Приведем также несколько каузативных глаголов с преф. ^ʔ*a*, для которых нам не удалось пока найти когнаты (причина этого, скорее всего, кроется в недостатке лексического материала).

9а. Вост.-чад. East Dangla *àtkē* ‘poursuivre, chasser; преследовать, гнать’ [Djibrine, Mongolfier, 1985, p. 23].

10а. Зап.-чад. Hausa *dàafà* ‘to cause one thing to adhere to another’ [Bargery, 1934, p. 185].

11а. Вост.-чад. East Dangla *èlnyē* ‘faire sortir (d’une trou); выгнать из норы, заставить выйти’ [Djibrine, Mongolfier, 1985, p. 102].

12а. Вост.-чад. Migama ^ʔ*unnyó* ‘faire monter; заставить подняться’ [Jungrathmayr, Adams, 1992, p. 132].

13а. Вост.-чад. East Dangla *àsirè* ‘forcer, encourager, obliger; заставлять’ [Djibrine, Mongolfier, 1985, p. 22], Migama *’àssârò* ‘obliger par la force; заставить силой’ [Jungrathmayr, Adams, 1992, p. 66].

Представляется, что проанализированный материал подтверждает гипотезу о том, что в чадских языках (предположительно, — еще на прачадском уровне) был активен префикс каузатива [?]a-. Он сохраняется в основном только в вост.-чад. языках (изредка — в центр.), но опознается по вторичным эйективным согласным (*b* и *d*) в анлауте. Таким образом, нам удалось еще раз показать, что суффиксация — это не единственный способ глагольной деривации в чадских языках (на эту тему см.: [Столбова, 2023, в печати]). Дальнейшее исследование будет направлено на поиск релевантной чадской лексики и параллелей вне чадской семьи. Мы предполагаем выяснить, восходит ли префикс каузатива [?]a- к АА состоянию или является чадской инновацией.

Сокращения / Abbreviations

АА — афразийский	
вост. — восточный	сем. — семитский
зап. — западный	центр. — центральный
куш. — кушитский	чад. — чадский
омот. — омотский	caus. — causative
i. — intransitive	tr. — transitive

Литература / References

- Столбова О. В. Комплемент *n*- в семитских и чадских языках. А. С. Зверев, С. Д. Малышева (ред.). *Исследования языков Азии и Африки: традиции и перспективы*. М.: ИВ РАН, 2023 (в печати) [On verbal extension *n*- in Chadic and Semitic Languages. Zverev A. S., Malysheva S. D. (eds.). *Asia and African languages research: traditions and perspectives*. Moscow: IV RAN, 2023 (forthcoming) (in Russian)].
- Щеглов Ю. К. *Очерк грамматики языка хауса*. М., 1970 [Scheglov Yu. K. *Essay on Hausa grammar*. Moscow, 1970 (in Russian)].
- Bargery G. P. *A Hausa-English Dictionary*. London, 1934.
- Barreteau D. *Description du mofu-gudur, v. 2. Lexique*. Paris, 1988.
- Barreteau D., Le Bléis Y. *Lexique mafa*. Paris, 1990.
- Caron B. Guus, aka Sigidi. Grammatical notes and vocabulary. *Afrika und Übersee*. 2001. V. 84. Pp.1–42.
- Djibrine B. A. Z., Montgolfier P. De. *Dictionnaire Dangaleat (parler d’Est)*. Sarh, Tchad, 1975.
- Gimba A. M., Ali M. A., Bah M. *Bole-English-Hausa Dictionary*. Potiskum, Yobe State, Nigeria, 2004.
- Hoffman C. *A Grammar of the Margi language*. London, 1963.
- Hoskinson J. T. *A Dictionary of the Gude Language*. Ph. D. dissertation, Ohio State University, 1983.
- Jungrathmayr H. *La Langue Mubi*. Berlin, 2013.
- Jungrathmayr H., Adams A. *Lexique migama*. Berlin, 1992.
- Jungrathmayr H., Ibrizimow D. *Chadic Lexical Roots*. Berlin, 1994.
- Kawachi, K. *The Grammar of Sidaama (Sidamo). A Cushitic Language of Ethiopia*. State University of New York at Buffalo, 2007.
- Leger R. *Eine Grammatik der Kwami-Sprache*. Köln, 1994.
- Leger, R. *Kupto Dictionary* (unpublished). 2004.
- Leger R., Stolbova O. Internal *-k*- plurals in Kupto and in Chadic. McIntyre J., Schreiber H. (eds.). *Papers from the 8th Biennial International Colloquium on the Chadic Languages. Chadic Linguistics XII*. Köln, 2019. Pp. 37–53.

- Luling U. *Somali-English Dictionary*. Wheaton, 1987.
Reinisch L. *Die Afar-Sprache*. Wien, 1886.
Reinisch L. *Wörterbuch der Kafa-Sprache*. Wien, 1888.
Reinisch L. *Wörterbuch der Beḍaḡye-Sprache*. Wien, 1895.
Sasse H.-J. *Etymological Dictionary of Burji*. Hamburg, 1982.
Schuh R. G. *A Dictionary of Ngizim*. Berkley, 1991.
Shryok A. *Dictionnaire Pratique du Musey*. N'Djaamena, Chad, 1998.
Stolbova O. Chadic Lexical Database. Issue I. Kaluga, 2005, Issue III. Moscow, 2009; Issue IV. Moscow, 2011.
Takacs G. *Comparative Historical Dictionary of the Angas-Sura Languages*. Berlin, 2004.
Welbeque Ch., Palayer P. *Lexique Léle-Français*. Sahr, Tchad, 1982.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Schuh R. G. *A Chadic Cornucopia*. 01.01.2017. URL: <https://escholarship.org/uc/item/5zx6z32d>. (дата обращения: 02.10. 2023).
- Vijonen M. H. *A Grammatical Description of the Buwal language*. 2013. URL: www.sil.org/resources/language-culture-archives. (дата обращения: 02.10. 2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-081-085

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
«НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА. СБОРНИК РАБОТ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ И МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПО ПОИСКОВОЙ
РАБОТЕ НА МЕСТАХ БОЕВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1921 г. НА
ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ И МОНГОЛИИ».
(УЛАН-УДЭ, 2022. 180 с.)**

С. Л. Кузьмин¹

В настоящей рецензии рассматривается сборник работ научно-практической конференции и методических материалов по поисковой работе на местах боев Гражданской войны 1921 г. на территории Республики Бурятия (Россия) и Монголии «Неизвестная война». Данная книга посвящена теме, остающейся предметом дискуссий в исторической науке. В ней представлены анализ проблемы с разных точек зрения, результаты полевых исследований на местах боев в Забайкалье в начале 2020-х годов. Книга представляет интерес для востоковедов, историков Бурятии и Монголии, а также для всех, кто интересуется Гражданской войной в Забайкалье и Монголии в начале XX в.

Ключевые слова: Бурятия, Монголия, Гражданская война, начало XX века

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Рецензия на книгу «Неизвестная война. Сборник работ научно-практической конференции и методических материалов по поисковой работе на местах боев Гражданской войны 1921 г. на территории Республики Бурятия и Монголии». (Улан-Удэ, 2022. 180 с.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 81-85. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-081-085

**REVIEW OF BOOK “UNKNOWN WAR. A COLLECTION OF WORKS OF THE
RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE AND METHODOLOGICAL
MATERIALS ON SEARCH WORK AT THE BATTLEFIELDS OF THE 1921
CIVIL WAR ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA AND
MONGOLIA” (ULAN-UDE, 2022, 180 p.)**

Sergius L. Kuzmin

This review examines the collection of papers of Scientific and Practical Conference, as well as methodological materials on search work at the battlefields of the Civil War of 1921 on the territory of the Republic of Buryatia (Russia) and Mongolia. The book is entitled “Unknown War”. It is devoted to a topic that remains a subject of

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com
Sergius L. Kuzmin, D. Sc. (Hist.), Ph.D. (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

discussion in historical science. It presents analysis of this problem from different points of view, as well as results of field studies on the battlefields in Transbaikalia. The book is of interest to orientalists, historians of Buryatia and Mongolia, as well as to anyone interested in the Civil War in Transbaikalia and Mongolia in the early 20th Century.

Keywords: Buryatia, Mongolia, Civil War, beginning of the 20th Century

For citation: Kuzmin S. L. Review of Book “Unknown War. A Collection of Works of the Research and Practical Conference and Methodological Materials on Search Work at the Battlefields of the 1921 Civil War on the Territory of the Republic of Buryatia and Mongolia” (Ulan-Ude, 2022, 180 p.). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 81–85. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-081-085

События Гражданской войны в России и Монголии в начале XX в. до сих пор являются предметом дискуссий. В отечественной литературе до недавнего времени они трактовались в рамках четко определенной идеологической парадигмы (например, [Гирченко, 1940; Борьба за Советы в Забайкалье, 1947; Цибиков, 1947]). С 1990-х годов происходит переосмысление ряда исторических событий, в том числе Гражданской войны. Кроме того, есть возможности проведения соответствующих полевых исследований. В последние годы такие исследования становятся все более интенсивными, в том числе в Забайкалье (например, [Мельников, 2011; Монголын түүхэн дэх Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг, 2021]). В них участвуют как профессиональные историки и краеведы, так и представители общественности, интересующиеся отечественной историей.

Рецензируемый сборник издан Администрацией Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, РО «Российское военно-историческое общество» Республики Бурятия, РОО «Союз казачьей молодежи ОКО «Верхнеудинское», РОО ДОСААФ России Республики Бурятия и РООД «Поисковое движение России» в Республике Бурятия.

Сборник включает «Вступительное слово» и два раздела с 27 материалами: статьями авторов из России, Монголии, КНР и Австралии, методическими материалами, интервью, отчетами, рекомендациями, документами.

Ниже приводятся краткие сведения об основном содержании данной публикации. Мои замечания касаются ошибок и фактических неточностей — без обсуждения авторских подходов, идеологии, оценок событий и процессов.

Во «Вступительном слове» руководитель проекта «Неизвестная война» В. В. Ефремов обосновывает важность данного проекта по изучению событий Гражданской войны в Бурятии и Монголии, сообщает о проведении в 2022 г. международной конференции по его тематике, о привлечении 200 юных поисковиков из числа юнармейцев и казачьей молодежи, наработки которых нашли отражение в данном сборнике.

В приветственном слове атаман Окружного казачьего общества «Верхнеудинское», председатель РОО «Союз казачьей молодежи» сотник А. В. Туголуков обосновывает важность появления данного сборника, отмечает наличие в нем разных мнений о событиях 1921 г., обращает внимание на наличие уникальных материалов, в том числе собранных во время военно-полевых сборов учащихся на местах сражений у сел Желтура и Новодмитриевка, никогда до этого подробно не исследовавшихся в формате военно-археологических раскопок.

Раздел 1 включает материалы рассматриваемой международной научно-практической конференции. Она проходила 25 февраля 2022 г. в Национальной библиотеке Республики Бурятия (г. Улан-Удэ).

Раздел начинается статьей «Роль барона Унгерна в Монгольской народной революции 1921 года», написанной монгольским исследователем Г. Нямдоржем. В статье по разным

источникам кратко излагаются основные события боевых действий войск Р. Ф. Унгерна в Монголии и авторские оценки его роли в освобождении страны и последующей революции.

В статье Л. А. Зайцевой «Политика большевиков в годы Гражданской войны в Забайкалье» представлен анализ экономического положения данного региона в период Гражданской войны, приведены сведения о боевых действиях и их влиянии на население. Статья не лишена неточностей. «Унгерновцы зверски расправлялись с населением. Очевидцы вспоминали, что часто они привязывали тела красноармейцев, партизан за хвосты лошадей и гоняли до тех пор, пока жертвы не погибали [15, с. 228–229]» (с. 18). Однако с. 228–229 отсутствуют в ссылке 15: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 522. Л. 51; Д. 504. Л. 1, 44. Кроме того, имеющиеся документы не подтверждают это. «Мобилизация в войсковые части Семенова, Унгерна, транспортная повинность, насилие, казни и пытки местного населения. В совокупности вышеизложенные факты не могли не вызывать у крестьян серьезных опасений лишиться главного своего завоевания — земли» (с. 18). Непонятно, как все перечисленное могло вызвать опасения за землю.

В статье Д. Л. Доржиева «Гражданская война в Бурятии в 1918–1921 гг.» особое внимание уделяется ее предпосылкам и причинам. Хотя автор опирается на не очень большое количество источников, его заключения логичны, в целом согласуются с известными фактами, имеют научную новизну.

Статья Д. Б. Жалсараева «Казачьи Трехречья» посвящена теме, привлекающей в последние годы большой интерес. Трехречье — в прошлом часть монгольской Барги с большим российским населением; ныне вся Барга входит в китайский автономный район Внутренняя Монголия. В статье кратко, но емко рассматривается история поселения казаков в Трехречье, ландшафтно-географические причины этого, а также положение трехреченских казаков в Гражданскую войну и после нее.

Статья В. В. Еремеева «Преподаватели Зооветинститута — участники Гражданской войны» посвящена четырем преподавателям. Приводятся биографические данные по каждому из них. Эти сведения полезны для истории и сохранения памяти о них.

Статья И. Я. Заугаровой «Участие К. К. Рокоссовского и 5-й кавбригады в обороне ст. Желтуринская» посвящена боям данной бригады с бригадой помощника барона Р. Ф. Унгерна — генерал-майора Б. П. Резухина. В статье поставленная тема хорошо проработана. Очевидно, в этом проявляется работа автора как руководителя Музея К. К. Рокоссовского в с. Желтура Джидинского района Бурятии.

П. В. Шахматов посвятил свою статью «Казакам в эмиграции». Как выходец из Трехречья, сам ныне живущий в эмиграции, он привел важные сведения о регионе, где родился.

Работа А. В. Анисимовой «Боевой путь братьев Резухиных и Первая мировая война» основана на архивных и других уникальных данных, содержит много новых сведений и представляет несомненный исторический интерес. В виде приложения к статье впервые публикуется послужной список Б. П. Резухина.

П. В. Кургузов в статье «Из истории штурма села Большая Кудара партизанскими отрядами П. Смолина в феврале 1920 года» детально описывает боевые действия данных отрядов. Эта статья представляет собой хороший вариант исторической реконструкции. К сожалению, не указаны источники.

В статье А. Л. Усова «О ходе боев Гражданской войны на территории Селенгинского района» данные события рассматриваются на основе двух источников: рассказов, которые автор слышал

о них с детства, и опубликованных мемуаров участника событий Н. Н. Князева. Такое сочетание позволило автору углубить и детализировать этот эпизод Гражданской войны.

Статья Г. А. Кайгородова «Жизнь казаков в Трехречье» описывает эту жизнь в разные исторические периоды. Статья интересна тем, что содержит рассказы очевидцев, живших там.

В статье А. А. Перенова «Военная антропология Гражданской войны в Забайкалье» вначале дается определение и обоснование предмета военной антропологии. Далее анализируются особенности Гражданской войны с учетом особенностей разных этнических и социальных групп Забайкалья. Судя по обсуждению и выводам, данный подход эффективен. Следует, однако, принимать во внимание необходимость учета нескольких параллельно действующих факторов при его применении.

В статье «Кавалерийский рейд Б. П. Резухина» А. В. Анисимова описывает данный рейд из Монголии в Сибирь по опубликованным документам и мемуарам. Она делает вывод, что к реализации плана боевых действий генерал Резухин подходил грамотно, тщательно продумывая их ход.

А. А. Перенов в статье «Мифопоэтика Гражданской войны в Забайкалье» анализирует основанную на фольклоре и песенной традиции систему и поэтику мифа и обрядов. На этой основе сформировалось уникальное устное народное творчество, которое бытовало в Забайкалье до 1960-х годов.

Статья М. В. Лазарева «Гражданская война в Селенгинском районе. О примирении» посвящена противоречиям красных и белых во времена Гражданской войны и тому, какие усилия прилагают сейчас забайкальские казаки для исторического примирения.

Раздел II составляют методические материалы и конкретные рекомендации по полевым исследованиям.

В статье А. В. Анисимовой содержатся результаты исследований по теме «Генерал Б. П. Резухин. Попытка реконструкции личного опыта поисковой работы (2004–2022)». В ней есть и постановка проблем, и конкретные предложения по их решению на основе изучения рассматриваемой темы.

Следующая статья — «Методика проведения тестирования на знание событий Гражданской войны» посвящена сборам на местах боев Гражданской войны — в селах Желтура и Усть-Урма. Приводятся типовые тесты по Гражданской войне, которые можно использовать при подготовке кадетов, членов поисковых отрядов и учащихся средних общеобразовательных заведений.

Глава «Методика проведения тестирования на знание событий Гражданской войны» является собранием тестов для учащихся по данному вопросу в Забайкалье.

Глава «Военно-полевые сборы» содержит информацию по реализации этапов программы «Неизвестная война». В ней кратко описаны работы поисковиков на местах боев унгерновцев с красными в Забайкалье, известных по мемуарам.

Глава «Методика опроса в полевой поисковой работе» полезна для организации полевых исследований.

Далее идет интересное интервью с военным археологом А. Л. Усовым, позволяющее оценить результаты и перспективы поисковых работ на местах боев Гражданской войны в Забайкалье.

В «Отчете о военно-полевых сборах» поисковик В. Михайлов рассказывает о прохождении маршрута дивизии барона Р. Ф. Унгерна в Бурятии. Сведения о посещении мест, связанных с данными боями, представляют особый интерес.

Следующая глава называется «Поисковые работы на местности». Описанная организация этих работ может быть использована в дальнейших исследованиях.

Глава «Классификация возможных опасных находок на местах боев Гражданской войны 1921 г.» содержит иллюстрации и описания пашки, винтовок разных типов, патронов к ним, ручной противопехотной гранаты времен Гражданской войны.

Далее воспроизводится «Письмо Константина Рокоссовского писателю Марку Гроссману». Это большие выдержки о боях с белыми в Забайкалье из книги [Мельников, 2011]. Следует отметить, что первоисточник этого письма до сих пор неизвестен.

Следующее приложение — «Бой у станицы Желтуринская» по книге о К. К. Рокоссовском из серии «ЖЗЛ».

Рецензируемый сборник содержит цветные и черно-белые иллюстрации на 20 страницах: карты боевых действий, портреты братьев Б. П. и В. П. Резухиных и членов их семей (публикуются впервые), Р. Ф. Унгерна, К. К. Рокоссовского, фотографии находок на местах боев, памятников участникам Гражданской войны, линий окопов красных в Забайкалье, хода поисковых работ на местности.

В целом данный сборник представляет интерес не только для исследователей, но и для всех интересующихся новой историей России. Его статьи могут быть использованы в работах по России и Монголии.

Литература / References

Борьба за Советы в Забайкалье. Чита, 1947 [*Fight for the Soviets in Transbaikalia*. Chita, 1947 (in Russian)].

Гирченко В. *Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1920–1920 гг.)*. Улан-Удэ, 1940 [Girchenko V. *Imperialist intervention in Buryat-Mongolia (1920–1920 gg.)*. Ulan-Ude, 1940 (in Russian)].

Мельников И. Д. *Гражданская война в Джиде 1918–1921 гг. Сборник статей, воспоминаний и биографических сведений участников Гражданской войны*. Улан-Удэ, 2011 [Melnikov I. D. *Civil war in Jida 1918–1921. Collection of papers, recollections and biographic data of participants of the Civil war*. Ulan-Ude, 2011 (in Russian)].

Монголын түүхэн дэх Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг. Улаанбаатар, 2021 [*Baron R. F. von Ungern-Sternberg in the Mongolian history*. Ulaanbaatar, 2021 (in Mongolian and Russian)].

Цибиков Б. *Разгром унгерновщины*. Улан-Удэ, 1947 [Tsbikov B. *The crush of Ungernovshchina*. Ulan-Ude, 1947 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-086-089

ПАМЯТИ АННЫ АРОНОВНЫ СУВОРОВОЙ

В. Я. Белокреницкий, Л. А. Васильева¹

Для цитирования: Белокреницкий В. Я., Васильева Л. А. Памяти Анны Ароновны Суворовой. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 1. С. 86–89. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-086-089

IN MEMORIAM: ANNA ARONOVNA SUVOROVA

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, Ludmila A. Vasilyeva

For citation: Belokrenitsky V. Y., Vasilyeva L. A. In Memoriam: Anna Aronovna Suvorova. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2024. No. 1. Pp. 86–89. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-086-089

Отечественное востоковедение понесло тяжелую утрату: 24 ноября 2023 г. после тяжелой и продолжительной болезни ушла из жизни доктор филологических наук Анна Ароновна Суворова (1949–2023) — блестящий российский востоковед, культуролог,

¹ Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, Doctor of Sciences (History), Professor, Chairman, Centre for the Study of Near and Middle East Countries, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-8471-928X

Васильева Людмила Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ludvas@yahoo.com, ludvas55@bk.ru

Ludmila A. Vasilyeva, PhD (Literature), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow; ludvas@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-2466-3832

искусствовед, историк, политолог, переводчик. Параллельно с многосторонним изучением стран Южной Азии Анна Ароновна занималась и вопросами российского современного изобразительного искусства.

Анна Ароновна Суворова (урожд. Дехтярь) родилась в Москве 11 января 1949 г. Уже со школьной скамьи она очень четко представляла свой жизненный путь: для нее не было альтернативы продолжению учебы в вузе и дальнейшему занятию научной деятельностью. Окончив среднюю школу, она поступила в ИВЯ при МГУ (ныне ИСАА) и в 1971 г. окончила университетский курс по специальности «язык урду и литература Пакистана и Индии». Еще будучи студенткой, Анна начала принимать участие в семинарах Отдела литератур стран Азии и Африки. Е. П. Чельшев, руководившей тогда Отделом, и коллеги-индологи, обратив внимание на неординарные способности студентки, увидели в ней свою «молодую смену». После окончания университета стало вполне закономерным поступление Анны в ИВАН (ИВ РАН), который она не покидала до последних дней своей жизни. В стенах родного Института в 1976 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Проблемы поэтики дастанов урду», а в 1988 г. — докторскую по теме «Становление и развитие драматургии на языке урду». Когда появилась вакансия на должность зав. Отделом литератур стран Азии, было вполне естественным, что Анне Ароновне было предложено ее занять. Вплоть до конца жизни она оставалась руководителем Отдела.

Началом богатого научного наследия Анны Ароновны стала первая монография тогда еще совсем молодого ученого «Поэтика дастана урду» (1979). В те годы продолжалось становление нашей востоковедческой филологии, изучающей современные литературы стран Южной Азии, открывались направления исследований наиболее важных сфер этих литератур. Среди них литература на языке урду, обогащенная традициями многовековой индо-мусульманской культуры, была одной из наиболее развитых. Книга А. А. Суворовой стала продолжением изучения развития прозы урду XIX в., начатого А. С. Сухочевым, но уже не в плане постановки и общего рассмотрения проблемы, а на конкретизированном уровне поэтики. Логическим продолжением этой работы стал перевод промежуточного между дастаном и современным романом произведения Р. А. Сурура «Повесть о чудесах», выполненный (совместно с Л. А. Васильевой) в 1983 г. Русский перевод явился первым переводом «Повести» на иностранный язык.

Вскоре внимание Анны Ароновны привлекла «девственная» в отечественном востоковедении тема драматургии урду. Первым в своем роде исследованием можно назвать ее монографию «У истоков новоиндийской драмы» (1985), посвященную самому популярному театру Индии XIX в. — театру парсов и его драматургии. В ней автор рассматривает важную проблему соотношения литературного и сценического начал в драме урду. Исследуя эстетику театра и драмы парсов, Анна Ароновна увлекательно рассказывает о причудливом сплетении в драме урду элементов индийской, средне-восточной и европейской культурных традиций. Увлеченная темой театра, А. А. Суворова продолжила ее разработку. В 1988 г. вышла ее монография «В поисках театра. Драматургия Индии и Пакистана XX века». Основное внимание в ней уделено истории и практике драматургии на языке урду, влиянию на драматургию и театр субконтинента творчества Ибсена, Шоу и других мастеров мирового театра.

Отдав дань театру, Анна Ароновна вернулась в область классической прозы, обратившись к исследованию авантюрно-любовной поэмы (*маснави*), результаты которого были изложены в монографии «Индийская любовная поэма *маснави*» (1992). На широком литературном и культурологическом материале автор проанализировала концепции любви, выработанные культурой индийских мусульман в XVII–XIX вв.

Научная деятельность Анны Ароновны не ограничивалась кабинетной работой. Она успешно представляла свой Институт на международных конференциях за рубежом, ездила в научные

командировки, во время которых знакомилась со страной «изнутри». Ее всегда сопровождали местные друзья из академической, писательской и художественной среды — «люди пера и кисти». Накопленные впечатления в сочетании с академическими знаниями стали основой для двух монографий, посвященных двум любимым городам исследовательницы в странах изучаемого региона. В Индии это был Лакхнау, один из бывших центров уникальной культуры, тесно связанной с языком урду. Ему посвящена книга А. А. Суворовой «Ностальгия по Лакхнау» (1995). Автор поведала читателю о блистательной столице княжества Авадх (Ауд) XVIII–XIX вв., истории и архитектуре города, его литературе и искусстве, религиозных ритуалах и обычаях, придворных церемониях и развлечениях, о выдающихся деятелях, живших в Лакхнау.

Не менее любимым городом для автора был пакистанский Лахор, о котором Анна Ароновна написала в монографии «Любить Лахор — топофилия восточного города» (2009). Эта книга представляет собой серьезную научную работу, в которой прослеживается эволюция географии, культурного и художественного образов Лахора. В свете современных теорий города автор исследует эмоциональные связи человека с его городом, «топофилию» или «любовь к месту», тесную культурную связь с ним. Книга отличается глубоко личностным подходом к теме. Автор, хорошо знавший все уголки города, рассказывает, как Лахор, пережив множество исторических перипетий, смог не потерять своей красоты и притягательной силы.

Книга «Мусульманские святые Южной Азии» (1999) также написана во многом под впечатлением паломничества самого автора по святым местам Индостана. Благодаря этой книге читатель узнает много нового о культе святых, о ритуалах их почитания, не потерявших свою актуальность и в наше время, об истории святынь и духовном опыте суфиев. О суфизме написано немало. Тем не менее Анна Ароновна представила суфизм как живую традицию, чем вызвала особый интерес к теме. Книга открывает целый материк в океане огромной исламской цивилизации — синкретическую индо-мусульманскую культуру северного Индостана. Более того, она дает возможность взглянуть на ислам на качественно ином уровне, более сложном и высоком по сравнению с тем, который бытует в среде не только российских обывателей, но и нередко в кругах высокообразованных россиян.

Сборник «Волшебный фонарь» (2006), в который вошли избранные статьи и эссе разных лет, посвященные религии, истории, литературе, театру и искусству Южной Азии, можно, пожалуй, назвать кратким «резюме» или «промежуточным итогом» научных исследований автора. В книге, словно в стеклах «волшебного фонаря» — предшественника современного кинопроектора — оживают образы и события культуры стран Востока, о который Анна Ароновна писала на протяжении предыдущего периода. В дальнейшем ее научный интерес сфокусировался на проблемах, имеющих отношение к области современной истории и политологии.

Прежде чем говорить об этой стороне творчества А. А. Суворовой, нужно отметить огромный интерес и признание, которые ее книги вызвали в англоязычном мире, в Индии и особенно в Пакистане. Книга о мусульманских святых была издана в Англии известным издательством Routledge в 2004 г., а затем была издана в Пакистане на языке урду. Монографию о Лахоре читали в переводе на урду не только специалисты, но и рядовые пакистанцы.

В ходе своих многочисленных визитов в Пакистан Анна Ароновна приобрела там большой круг друзей и почитателей ее таланта. В этот круг входили не только ученые и литераторы, но и политические деятели. Знакомство с пакистанской элитой, встречи с ее представителями в Пакистане и Лондоне, вероятно, и побудили А. А. Суворову заняться вопросами современной общественно-политической жизни в Пакистане и Южной Азии, обратив внимание на ту роль, которую играют в ней женщины. Ею были написаны статьи о Малале Юсуфзай, лауреате Нобелевской премии мира, о Фатиме Бхутто, племяннице и сопернице Беназир Бхутто, и о самой Беназир, которая два раза

становилась премьер-министром Пакистана, а в конце 2007 г. была убита исламистами. Убийство человека, который вызывал у нее искреннюю симпатию, подвигло А. А. Суворову на написание книги о Беназир. На русском языке книга «Беназир Бхутто. Портрет в двух ракурсах» была опубликована в Москве издательством «Восточная литература» в 2013 г., а в 2015 г. крупнейшее пакистанское издательство Oxford University Press выпустило английский перевод книги под названием «Беназир Бхутто. Многомерный портрет». Блестящая книга Анны Ароновны стала бестселлером, во время визита в Карачи ее у себя дома принимал овдовевший муж Беназир, президент Пакистана в 2008–2013 гг. А. А. Зардари и ее сын, лидер одной из крупнейших партий страны Билавал. В Пакистане подчеркивали, что русский автор оказался первым из иностранцев, написавших книгу о Б. Бхутто.

Развивая тему о роли женщин в политике, А. А. Суворова в 2016 г. издает в той же «Восточной литературе» монографию «Дочери и вдовы: гендер, происхождение и власть в Южной Азии». В ней собраны портреты премьер-министров Индии (Индиры Ганди), Шри Ланки (С. Бандаранайке и Ч. Камаратунга), Бангладеш (Шейх Хасины и Халиды Зия), дан интересный анализ феномена женщины-лидера на Востоке. В 2019 г. в Oxford University Press выходит переработанное английское издание книги. В эту книгу вошел очерк об еще одной женщине, сыгравшей заметную роль в жизни Пакистана, — сестре основателя страны М. А. Джинны Фатиме.

Последней крупной работой Анны Ароновны оказалась монография «Разум и чувства. Личная жизнь Мохаммеда Али Джинны». Она первая написала книгу, посвященную не публичной, а личной жизни выдающегося политического деятеля, сыгравшего решающую роль в возникновении мусульманского государства на обломках Британской империи. Книга вышла в издательстве Института востоковедения в 2021 г. и переиздана в 2022 г.

В короткой статье, посвященной памяти А. А. Суворовой, трудно отдать должное всему ее творчеству: оно многогранно и заслуживает специального анализа. Заслуги А. А. Суворовой высоко оценены у нас и за рубежом. За вклад в изучение литературы урду ей была вручена одна из высших государственных наград Пакистана — орден «Звезда отличия» («Ситара-и-имтияз»), которым президент страны награждает военных и гражданских лиц, в том числе иностранцев, за выдающиеся профессиональные достижения. В саду Департамента национального языка в Исламабаде растет посаженное ею дерево, о чем говорит табличка рядом с ним. А. А. Суворова являлась членом Королевского Азиатского общества (Великобритания) и членом Британской Ассоциации южноазиатских исследований, членом Союза художников РФ.

Вращаясь в кругу друзей своего мужа, известного отечественного художника-графика, Анна Ароновна пользовалась симпатией и уважением представителей художественной и интеллектуальной элиты. Она имела много друзей и коллег в нашем Институте, в других научных учреждениях России. Она была любящей матерью и посвятила одну из лучших своих книг сыну Кириллу. Светлая память об Анне Ароновне Суворовой навсегда сохранится в наших сердцах.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
д.э.н. ЮРИЯ ГЕОРГИЕВИЧА АЛЕКСАНДРОВА
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 65-ЛЕТИЮ РАБОТЫ В ИВ РАН

LIST OF THE RESEARCH WORKS
BY DR YURI GEORGIEVICH ALEXANDROV
ON THE OCCASION OF HIS 90TH BIRTHDAY AND 65 YEARS OF WORK
IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

КРАТКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследования автора можно разделить на четыре тематических направления (или блока), которые, постепенно сближаясь, выходили на генеральную тему «человеческого капитала» в странах Востока — проблему превращения их трудовых ресурсов в активных участников экономической и социальной модернизации общества.

Блок 1. Аграрный вопрос (1950–1970-е годы). Самыми острыми проблемами деревни стран Востока в то время предстали: аграрное перенаселение и массовая бедность сельского населения; крестьянские выступления и другие формы борьбы вокруг земельных реформ; неспособность сельского хозяйства обеспечивать товарную продукцию для городской экономики. С 1960–1970-х годов научно-технологический прогресс в сельском хозяйстве («зеленая революция») стал придавать всем процессам в этой сфере динамизм и сделал их частью общей модернизации в странах Востока. Эта тематика изучалась автором в широком диапазоне — от Индонезии через регион Юго-Восточной Азии до макрорегиона всего Востока.

Блок 2. Тема индустриализации для стран Востока (1960–1970-е годы). В это время автор вышел за пределы аграрной экономики в общую дискуссию востоковедов по проблемам промышленного развития стран региона. В ее центре оказался вопрос об их способности, опираясь на заимствуемые индустриальные технологии и капитальные инвестиции передовых стран мира («большой толчок»), вовлекать массу трудовых ресурсов своего «традиционного» сектора в «современный» сектор их экономики. Среди отечественных востоковедов полемический характер приобрел вопрос о возможности решить эту задачу с использованием рыночных механизмов или только при социалистической ориентации экономик. Автор тогда включился в дискуссию, которую можно обозначить как «капитализм и трудовые ресурсы Востока». Но ряд его работ по этой теме относится уже к следующему блоку публикаций.

Блок 3. Восток и глобализация мировой экономики. В 1980–1990-е годы тема индустриализации оказалась отодвинутой на задний план вовлечением стран Востока в процесс глобализации мировой экономики, когда им были предложены новые технологии, рассчитанные на свободное

перемещение капиталов по миру навстречу странам с массой низкоквалифицированной и трудолюбивой рабочей силы. Именно тогда появился феномен «азиатских тигров», и страны Востока начали активнее выстраиваться в ранжир «догоняющего» развития вслед за лидерами мировой экономики. Для автора это стало временем переноса акцента исследований на политэкономическую тему «человеческого капитала» в странах Востока.

Блок 4. Большой евразийский регион и «переходные» экономики. С начала 1990-х годов автор, используя опыт изучения экономических реформ в странах Востока, приступил к исследованию нового исторического феномена — переходных экономик на месте бывших плановых социалистических систем в Евразии. Поскольку их кризис был вызван исчерпанием ресурсов экстенсивного роста, на авансцену строительства новых экономик фактически вышла задача мобилизации трудовых ресурсов через рыночные механизмы — повышение уровня человеческого капитала. Автор в работах этих и последующих лет поставил в центр два крупнейших постсоциалистических государства — Китай (с 1980 г.) и Россию (с 1992 г.). При этом особый интерес вызвало сопоставление в них процессов «запуска» рыночной экономики через реформы типа «НЭП», первоначального «постсоциалистического» накопления капитала, структурных реформ и включения в глобальную экономику.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

Монографии

Александров Ю. Г. *Политика Республики Индонезия в сельском хозяйстве*. / Отв. ред. Г. Г. Котовский / М.: Наука, ГРВЛ, 1964. — 182 с.

Александров Ю. Г. *Современная Индонезия: аграрная политика 1965–1975 гг.* / Отв. ред. В. Г. Растянников / М.: Наука, ГРВЛ, 1977. — 230 с.

Александров Ю. Г. *Юго-Восточная Азия: проблемы аграрной эволюции*. / Отв. ред. Н. А. Симония / М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — 255 с.

Александров Ю. Г. *Аграрное перенаселение в странах Востока* / Отв. ред. Л. И. Рейснер / М.: Наука, ГРВЛ, 1988. — 168 с.

Александров Ю. Г. *Переходная экономика: российская версия*. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. — 400 с.

Александров Ю. Г. *Может ли Россия стать «Евроазиатским тигром»*. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. — 480 с.

Александров Ю. Г. *Казахстан перед барьером модернизации*. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. — 288 с.

Александров Ю. Г. *Переходные экономики: Россия, Казахстан, Китай*. М.: ИВ РАН. Официальный сайт ivran.ru, 2016. — 140 с. URL: <http://book.ivran.ru/f/perehodnaya-ekonomika-rossiya-kazakhstan-kitaj.1>. <http://book.ivran.ru/f/perehodnaya-ekonomika-rossiya-kazakhstan-kitaj>.

Александров Ю. Г. *Евразийская экономическая интеграция: ЕАЭС*. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. — 178 с.

Александров Ю. Г. *Человеческий капитал в переходных экономиках. Россия — Китай*. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2020. — 236 с.

Коллективные работы и сборники статей

Александров Ю. Г. Переселенческий вопрос в Индонезии // *Актуальные проблемы экономики стран Востока*. М.: Наука, ГРВЛ, 1965. С. 150–167.

Александров Ю. Г. Аграрный вопрос в современной Индонезии // *Социально-экономические последствия аграрных реформ и социальная структура деревни в развивающихся странах Азии и Северной Африки*. М.: Наука, ГРВЛ, 1966. С. 96–104.

Александров Ю. Г. Крестьянское движение в Индонезии // *Крестьянское движение в странах Востока*. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. С. 48–89.

Александров Ю. Г. О социальной структуре яванской деревни // *Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии*. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 182–208.

Александров Ю. Г. Аграрный строй стран Востока к середине. XX в. // *Аграрный вопрос в странах Азии и Северной Африки*. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 14–63.

Александров Ю. Г. Крестьянское движение в период аграрных реформ и в пореформенные годы // *Аграрный вопрос в странах Азии и Северной Африки*. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.

Александров Ю. Г. Крестьянское движение // *Национально-освободительное движение в Азии и Африке*. Т. 3., разд., 2, гл. 2. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 269–279.

Александров Ю. Г. Некоторые социально-экономические аспекты продовольственной проблемы в Индонезии // *Продовольственная проблема в странах Азии и Северной Африки*. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 122–133.

Александров Ю. Г. К вопросу о социальной характеристике крестьянства стран Востока (тезисы) // *Деревня современного Востока: основные пути эволюции*. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. С. 32–41.

Александров Ю. Г. Крестьянское движение // *Зарубежный Восток и современность: Основные закономерности и специфика развития освободившихся стран*. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. С. 329–337.

Александров Ю. Г. «Зеленая революция» в развивающихся странах Азии: первые десять лет // *Научно-технический прогресс в развивающихся странах*. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. С. 133–156.

Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение в развивающихся странах (на примере стран Юго-Восточной Азии) // *Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования*. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 137–156.

Александров Ю. Г. Аграрные отношения в Юго-Восточной Азии // *Экономические проблемы стран Юго-Восточной Азии*. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 4–37.

Александров Ю. Г. Социально-экономические сдвиги и некоторые тенденции классообразования в восточной деревне // *Исследования социологических проблем развивающихся стран*. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 27–43.

Александров Ю. Г. Государство и сельское хозяйство в развивающихся странах Юго-Восточной Азии // *Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки*. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. С. 131–154.

Александров Ю. Г. Зарубежный Восток и современность. В 3 томах. Т. 1: разд. 2, гл. 2, § 3. Т. 2: разд. 3, гл. 1, § 3; гл. 2, § 3; гл. 5, части § 1. *Подробнее см. Предисловие*. М.: Наука, ГРВЛ, 1980.

Александров Ю. Г. Продовольственная проблема в Индонезии // *Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки*. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. С. 211–228.

Александров Ю. Г. Индонезия // *Восток. Продовольствие и развитие*. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 182–187.

Александров Ю. Г., Славный Б. И. Капитал и трудовые ресурсы Востока. Опыт теоретического анализа // *Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока*. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 269–289.

Александров Ю. Г. Деревня Востока: От социальной напряженности к политической борьбе (аграрные социальные конфликты 70–80-х годов). М.: Наука, ГРВЛ, 1987. — 288 с.: Рук. авт. колл., отв. ред. совм. с С. А. Панариным, тексты в главах, внутр. закл-ях, общем закл.

Александров Ю. Г. Капитализм в сельском хозяйстве Юго-Восточной Азии // *Юго-Восточная Азия. Развитие капитализма*. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 9–30.

Александров Ю. Г. Теоретические проблемы формационного процесса и цели аграрных преобразований в условиях социалистической ориентации // *Национально-демократическая революция: сущность и перспективы*. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. С. 27–51.

Александров Ю. Г. А. В. Чаянов и проблемы марксистской теории // *Чаянов и Восток* / Отв. ред. Ю. Г. Александров. М.: ИНИОН, 1991. С. 17–65.

Александров Ю. Г. Предисловие (с. 3–11); Будущее колхозно-совхозного строя в России (с. 12–55) // *Крестьянство и индустриальная цивилизация* / Отв. ред. Ю. Г. Александров и С. А. Панарин. М.: Наука, 1993. — 275 с.

Александров Ю. Г. Аграрная реформа на базе общественного согласия // *Свободная мысль*. 1993. № 18. С. 40–50.

Александров Ю. Г. Средняя Азия: проблемы стратегии развития // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. М.: ИВ РАН, 1993. Ч. 1. С. 170–183.

Александров Ю. Г. Экономические изменения, этносоциальная стратификация и межэтнические отношения // *Национализм и безопасность в постсоветском пространстве* / Ред. С. Панарин. М.: Прогресс-комплекс, 1994. С. 18–25.

Александров Ю. Г. Опыт аграрных преобразований в Японии // *Японский опыт для российских экономических реформ*. М.: ИВ РАН, 1995. С. 5–14.

Александров Ю. Г. Судьба общественной собственности в России: взгляд востоковеда // *Частная собственность на Востоке*. Сб. ст. ИВ РАН, ИЭППП. М., 1998. С. 141–200.

Александров Ю. Г. Сельское общество Востока // *Социальный облик Востока*. Гл. 5–8. М.: Восточная литература, 1999. С. 77–139.

Александров Ю. Г. Предисловие, отв. ред. // *Этнический национализм и государственное строительство*. М.: ИВ РАН, 2001. С. 4–15.

Александров Ю. Г. Россия: метаморфозы индустриального общества // *Восток — Запад — Россия*. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 186–215.

Александров Ю. Г. Социальная политика Российского государства (1992–2004) // *Страны СНГ: социальная политика государства и ее результаты*. М.: Наталис, 2005. С. 8–66.

Александров Ю. Г. В погоне за ускоряющимся временем // *Что догоняет догоняющее развитие. Поиск понятия*. / Сб. ст. М.: ИВ РАН, 2011. С. 349–369.

Александров Ю. Г. Трудовые ресурсы и человеческий капитал в развивающихся и переходных экономиках // *Материалы общероссийской конференции экономистов-востоковедов ИВ РАН: особенности, проблемы и перспективы экономического развития стран и регионов Востока (Азии и Северной Африки)*. М.: ИВ РАН, 20.03.2017. С. 13–16. URL: http://ivran.ru/sites/28/files/Sbornik_konferencii_s_dopolneniyami_3.pdf.

Александров Ю. Г. Человек как «вторая нефть»: Россия, Белоруссия, Казахстан // *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 10: Отдел общих проблем ИВ АН СССР и исследование современных проблем стран Востока в наши дни / Отв. ред. Александров Ю. Г., Бибикина О. П., Цветкова Н. Н. М.: ИВ РАН, 2018. С. 97–112.

Справочники

Александров Ю. Г., Котовский Г. Г. Библиография // Аграрный вопрос в странах Азии и Северной Африки. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 325–341.

Александров Ю. Г. Сельское хозяйство // Индонезия. Справочник. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. С. 211–229.

Александров Ю. Г. Аграрные отношения в Малайзии // Малайзия. Справочник. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 216–224.

Александров Ю. Г. Сельское хозяйство // Юго-Восточная Азия (несоциалистические страны). Справочник. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 79–91.

Статьи

Александров Ю. Г. О характере крестьянского движения в развивающихся странах Азии и Северной Африки // *Народы Азии и Африки*. 1966. № 2. С. 3–14.

Александров Ю. Г. Аграрный вопрос и аграрная политика в современной Индонезии // *Народы Азии и Африки*. 1973. № 2. С. 3–14.

Александров Ю. Г. Особенности аграрной эволюции в азиатских странах // *Мировая экономика и международные отношения*. 1975. № 5. С. 119–124.

Александров Ю. Г. Крестьянство развивающихся стран как общественный класс // *Народы Азии и Африки*. 1975. № 3. С. 7–19.

Александров Ю. Г. «Зеленая революция» и яванская деревня // *Азия и Африка сегодня*. 1977. № 4. С. 18–21.

Александров Ю. Г. О простом товарном производстве в сельском хозяйстве развивающихся стран // *Народы Азии и Африки*. 1978. № 1. С. 13–24.

Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение в развивающихся странах: механизм образования и роста // *Азия и Африка сегодня*. 1978. № 12. С. 24–27.

Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение в развивающихся странах: новые тенденции // *Азия и Африка сегодня*. 1979. № 4. С. 28–31.

Александров Ю. Г. Особенности аграрных преобразований в развивающихся странах // *Азия и Африка сегодня*. 1980. № 12. С. 37–40.

Александров Ю. Г. Относительное перенаселение и экономическая слаборазвитость // *Азия и Африка сегодня*. 1982. № 3. С. 30–34.

Александров Ю. Г., Славный Б. И. Человек в системе производительных сил докапиталистических восточных обществ // *Азия и Африка сегодня*. 1985. № 4. С. 23–26.

Александров Ю. Г., Славный Б. И. Капитализм и трудовые ресурсы стран Востока // *Азия и Африка сегодня*. 1985. № 10. С. 20–25.

Александров Ю. Г., Максименко В. И. Еще раз о проблеме социалистической ориентации // *Азия и Африка сегодня*. 1987. № 10. С. 22–26.

- Александров Ю. Г. О формационной специфике доколониальных восточных обществ // *Народы Азии и Африки*. 1988. № 2. С. 55–65.
- Александров Ю. Г. Товарные отношения и капитализм в развивающихся странах // *Азия и Африка сегодня*. 1988. № 10. С. 14–18.
- Александров Ю. Г. Развивающиеся страны: индустриализация и крестьянство // *Азия и Африка сегодня*. 1989. № 6. С. 24–27.
- Александров Ю. Г. Будущее экономической истории Востока («крутлый стол») // *Народы Азии и Африки*. 1989. № 4. С. 76–92.
- Александров Ю. Г. Перестройка и востоковедение // *Народы Азии и Африки*. 1989. № 6. С. 4–6.
- Александров Ю. Г. В чем суть проблемы занятости в развивающихся странах? // *Азия и Африка сегодня*. 1990. № 4. С. 16–18.
- Александров Ю. Г. Еще раз о том, что такое перенаселение // *Восток (Oriens)*. 1991. № 4. С. 212–221.
- Александров Ю. Г. Средняя Азия: специфический случай экономической слабозрелости // *Восток (Oriens)*. 1991. № 5. С. 142–154.
- Александров Ю. Г. Среднеазиатский мир в поисках выхода из кризиса // *Независимая газета*. 06.06.1992.
- Александров Ю. Г. Полезен ли нам опыт развивающихся стран? // *Восток (Oriens)*. 1992. № 4. С. 5–10.
- Александров Ю. Г. Аграрная реформа на базе общественного согласия // *Свободная мысль*. 1993. № 18. С. 40–50.
- Александров Ю. Г. Критика экономической реформы // *Власть*. 1994. № 12. С. 58–64.
- Александров Ю. Г. Восточное крестьянство: актуальные проблемы изучения // *Восток (Oriens)*. 1995. № 2. С. 175–187.
- Александров Ю. Г. Хлеб и политика // *Новое русское слово («Russian Daily»)*. 09.01.1995.
- Александров Ю. Г. Этносоциальные изменения и стабильность евразийских обществ // *Вестник Евразии*. 1996. № 1(2). С. 131–144.
- Александров Ю. Г. Мифологема «номенклатурного капитализма» // *Россия и мусульманский мир*. 1997. № 11. С. 25–29.
- Александров Ю. Г. Возвращение к истокам // *Азия и Африка сегодня*. 1998. № 12. С. 2–5.
- Александров Ю. Г. О Восточном технологическом способе производства // *Восток (Oriens)*. 1998. № 5. С. 218–220.
- Александров Ю. Г. Когда экономика денежная, но не рыночная // *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. № 11. С. 79–91.
- Александров Ю. Г. Бегство от социализма // *Pro et Contra*. 2001. Т. 6. № 3. С. 23–45.
- Александров Ю. Г. Стратегия развития для востока России: останется ли Дальний Восток российским? // *Восток (Oriens)*. 2006. № 3. С. 5–23.
- Александров Ю. Г. Россия в зеркале «Тигров» и «Дракона» // *Восток (Oriens)*. 2009. № 1. С. 171–183.
- Александров Ю. Г. Казахстан: форсированная модернизация в действии // *Восток (Oriens)*. 2015. № 3. С. 80–91.
- Александров Ю. Г. Глобализация и новые виды капитала // *Восток (Oriens)*. 2017. № 5. С. 138–145.

Обзоры и рецензии

Александров Ю. Г. Аграрно-крестьянский вопрос в развивающихся странах Азии и Северной Африки на современном этапе (*обзор*) // *Народы Азии и Африки*. 1964. № 5. С. 209–222.

Александров Ю. Г. Аграрно-крестьянский вопрос в странах Востока (*обзор научно-теоретической дискуссии в ИНА АН СССР*) // *Вестник АН СССР*. 1964. Т. 34. № 8. С. 104–106.

АЖИ (Александров Ю. Г., Жабреев А. Ф., Искольдский В. И.). Аграрный вопрос в Юго-Восточной Азии (*обзор дискуссии в Отделе ЮВА ИНА АН СССР*) // *Народы Азии и Африки*. 1965. № 6. С. 216–219.

Александров Ю. Г. *Рец. на кн.*: Ананьев П. Г. Сельское хозяйство современной Индонезии. М.: Наука, ГРВЛ, 1965. — 199 с. // *Народы Азии и Африки*. 1966. № 1. С. 162–165.

Александров Ю. Г. Конференция по проблемам крестьянского движения (*обзор*) // *Народы Азии и Африки*. 1966. № 2. С. 234–239.

Александров Ю. Г., Симония Н. А. *Рец.*: По поводу монографии «Классы и классовая борьба в развивающихся странах». В 3 т. М.: Мысль, 1967–1968 // *Народы Азии и Африки*. 1969. С. 44–53.

Александров Ю. Г. *Рец. на кн.*: Маслов Ю. Н. Плантационное хозяйство Цейлона. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. — 182 с. // *Народы Азии и Африки*. 1969. № 6. С. 200–201.

Александров Ю. Г. Опыт аграрных преобразований в среднеазиатских республиках (*обзор*) // *Народы Азии и Африки*. 1972. № 1. С. 216–220.

Александров Ю. Г. *Рец. на кн.*: Гурвич Р. П. Индия. Продовольствие — возможности и перспективы. М.: Наука, 1970. — 180 с. // *Народы Азии и Африки*. 1972. № 2. С. 196–197.

Александров Ю. Г. *Рец. на кн.*: Сдвиги в производительных силах сельского хозяйства стран Южной Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. — 304 с. // *Народы Азии и Африки*. 1977. № 1. С. 169–172.

Александров Ю. Г. Эгалитаристские концепции и аграрный вопрос (материалы «круглого стола» Классовая борьба и концепции эгалитаризма в развивающихся странах) // *Народы Азии и Африки*. 1978. № 6. С. 8–10.

Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение и социально-экономические процессы в деревне развивающихся стран (на примере Юго-Восточной Азии). *Автореферат ...дисс. доктора эк. наук* // Институт востоковедения АН СССР. М., 1980. — 32 с. (*на правах рукописи*).

Александров Ю. Г. *Рец. на кн.*: Славный Б. И. Проблема занятости в развивающихся странах (критический анализ теорий и методов исследования). М.: Наука, ГРВЛ, 1979. — 237 с. // *Народы Азии и Африки*. 1981. № 6. С. 197–204.

Александров Ю. Г. Острая глобальная проблема (*рец. на кн.*): Продовольственная проблема в современном мире. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. — 207 с. // *Мировая экономика и международные отношения*. 1983. № 8. С. 143–145.

Александров Ю. Г. Интернационализм и взаимная выгода. *Рец. на кн.*: Сотрудничество стран — членов СЭВ с развивающимися государствами в разрешении продовольственной проблемы. М.: Наука, 1983. — 175 с. // *Азия и Африка сегодня*. 1984. № 6. С. 62.

Александров Ю. Г. Мировой капитал и развивающиеся страны. *Обсуждение кн.*: Славный Б. И. Немарксистская политэкономия о проблемах отсталости и зависимости в развивающемся мире. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. — 248 с. // *Народы Азии и Африки*. 1984. № 6. С. 155–158.

Александров Ю. Г. *Предисловие к кн.*: Вяткин А. Р. Юго-Восточная Азия. Демографический анализ. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С. 3–5.

Александров Ю. Г., Славный Б. И. *Рец. на кн.: Развивающиеся страны в современном мире. Единство и многообразие.* М.: Наука, ГРВЛ, 1983. — 304 с. // *Народы Азии и Африки.* 1986. № 5. С. 164–169.

Александров Ю. Г. *Рец. на кн.: Зарубежный Восток: вопросы экономической истории.* Сб. ст. / Отв. ред. А. М. Петров. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. — 128 с. // *Народы Азии и Африки* 1988. № 3. С. 186–188.

Александров Ю. Г. Послесловие (К обсуждению монографии: Александров Ю. Г. Аграрное перенаселение в странах Востока. М.: Наука, 1988. — 168 с.) // *Восток (Oriens).* 1991. № 2. С. 167–169.

Александров Ю. Г. *Рец. на кн.: Гордон А. В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность.* М.: Наука, ГРВЛ, 1989. — 222 с. // *Восток (Oriens).* 1991. № 3 («Круглый стол»). С. 149–152.

Александров Ю. Г. Восточное крестьянство: актуальные проблемы изучения (*обзор*) // *Восток (Oriens).* 1995. № 2. С. 175–187.

Александров Ю. Г. *Рец. на кн.: Туркмены. Альманах.* Т. 1, 2. М., 1996. // *Вестник Евразии.* 1996. № 2 (3). С. 178–194.

Александров Ю. Г. Вспоминая Бориса Славного // *Восток (Oriens).* 1997. № 2. С. 219–220.

Александров Ю. Г. *Рец. на кн.: Н. Л. Роголина. Борис Бруцкус — историк народного хозяйства России.* М.: АО «Московские учебники», 1998. — 192 с. // *Вопросы истории.* 2001. № 3. С. 150–153.

Александров Ю. Г. *Рец. на кн.: Постиндустриальный мир и Россия / Ред. В. Хорос, В. Красильщиков.* М.: ИМЭМО РАН, Эдиториал УРСС, 2001. — 614 с. // *Pro et Contra.* 2002. № 2. С. 169–177.

Александров Ю. Г. Китай глазами китаеведа. (*Рец. на кн.*): Чудодеев Ю. В. На глазах меняющийся Китай. М., ИВ РАН, 2008. — 160 с. // *Азия и Африка сегодня.* 2009. № 4. С. 78–79.

Александров Ю. Г. *Отв. ред.* // Грозин А. В. Вооруженные Силы Казахстана и национальная безопасность республики. М.: ИВ РАН, 2008. — 184 с.

Александров Ю. Г. Россия в зеркале «тигров» и «дракона» (*по результатам дискуссии вокруг кн.: Ю. Г. Александров. Может ли Россия стать «Евразийским тигром».* М.: ИВ РАН, 2007. — 480 с.) // *Восток (Oriens).* 2009. № 1. С. 173–183 (*Окончание.* Начало см.: *Восток (Oriens).* 2008. № 5. С. 156–177; № 6. С. 150–159).

Александров Ю. Г. Прогноз до 2300 г. — заметки на полях: (*Обсуждение статьи:* А. В. Акимов. Долгосрочный прогноз численности народонаселения и перспективы цивилизационного взаимодействия // *Восток (Oriens).* 2010. № 2. С. 108–112.

Александров Ю. Г. Кто сильнее: слон или кит?/ *Обсуждение статьи:* Салицкий А. И., Таций В. В. Мировая экономика: время переоценок. *Восток (Oriens).* 2011. № 6. С. 72–83 // *Восток (Oriens).* 2012. № 2. С. 100–107.

На иностранных языках

Alexandrov Yu. Masalah makanan dinegeri Asteng dan djalan penjelesaiannya [Продовольственная проблема в странах Юго-Восточной Азии и пути ее решения (индон. яз.)] // *Panorama,* Moskow. Novosti press agency. November 1970.

Alexandrov Yu. The Peasant Movement // *Asia and Africa: Fundamental Changes.* Moscow: Novosti press agency publishing house, 1972. P. 173–176.

Alexandrov Yu. The Peasant Movements in Developing Countries of Asia and North Africa after the Second World War // *Rural Protests: Peasant Movements and Social Change*. Ed. by H. A. Landsberger. The Macmillan Press Ltd., London, 1974. Pp. 351–377.

Alexandrov Yu. The Peasant Movement // *Oriental Countries Today*. Calcutta: Statistical Publishing Society, 1976. Pp. 50–56.

Alexandrov Yu. Agrarian Overpopulation in Asian Countries. Some Aspects of Formation and Growth // *Asia and Africa Today*. 1979. № 2. Pp. 40–42.

Alexandrov Yu. Central Asia: Specific Case of Economic Underdevelopment» // *State, Religion and Society in Central Asia: a Post-Soviet Critique*. Reading, 1993. Pp. 106–123.

Alexandrov Yu. Agrarian Reform in Russia Based on Public Agreement» // *Problems of Economic Transition*. Armonk, 1994. N. Y N. Y. Vol. 37/. No. 6. Pp. 3–18.

Agrarian Reform in Russia Based on Public Agreement // *Problems of Economic Transition*. Armonk, 1994. Vol. 37. No. 6. Pp. 3–18.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-099-107

**ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВОСТОКОВЕДНЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ Д. Д. ВАСИЛЬЕВА»
(11–13 ОКТЯБРЯ 2023 г.)**

А. Д. Васильев, Ю. И. Дробышев, О. М. Курникова, Д. М. Тимохин¹

В настоящей статье представлен обзор Второй международной научной конференции «Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д.Д. Васильева». Мероприятие прошло в очно-дистанционном формате 11–13 октября 2023 г. на базе Института востоковедения РАН (Москва) и было организовано Отделом истории Востока. Конференция стала продолжением научной традиции, заложенной в 2021 г., и выступила площадкой для дискуссии специалистов, занимающихся изучением эпиграфики стран Азии, Африки и Латинской Америки. Ученые из разных регионов смогли обменяться знаниями, представить результаты своих исследований и обсудить актуальные вопросы в области эпиграфики. В работе форума приняли участие исследователи из России, Грузии, Кыргызстана, КНР. Россия на конференции была представлена специалистами из различных регионов и городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска, Волгограда, Республики Бурятия (Улан-Удэ), Республики Дагестан (Махачкала), что свидетельствует о большом интересе к заявленной тематике. Мероприятие началось с торжественных приветствий руководства Института востоковедения РАН участникам конференции. За три дня работы было заслушано более 50 докладов отечественных и зарубежных специалистов. Тематика докладов участников конференции была разнообразна, затрагивала различные аспекты исследований эпиграфических памятников. Работа проходила в шести секциях, сформированных по принципу тематической, региональной и временной близости исследований в докладах участников: «Тюркская эпиграфика», «Эпиграфика Кавказа», «Эпиграфика Египта», «Эпиграфика

¹ Васильев Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, зав. Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. Vasilyev, PhD (History), Head of Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2947-4413

Дробышев Юлий Иванович, кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; altanus@mail.ru

Yuliy I. Drobyshev, PhD (History), PhD (Biology), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; altanus@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9318-4560

Курникова Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; o.kurnikova@ivran.ru

Oxana M. Kurnikova, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; o.kurnikova@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-9593-8912

Тимохин Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. Timokhin, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9093-5269

Китая», «Эпиграфика Индии и Юго-Восточной Азии», «Эпиграфика Мезоамерики». Выступления участников продемонстрировали широкий спектр исследуемых тем, а вопросы и комментарии со стороны аудитории показали живой интерес к представленным докладам. Конференция «Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д. Д. Васильева» показала, что изучение эпиграфики стран Азии, Африки и Латинской Америки вызывает большой интерес в международном научном сообществе.

Ключевые слова: эпиграфика Востока, востоковедение, тюркология, эпиграфические памятники

Для цитирования: Васильев А. Д., Дробышев Ю. И., Курникова О. М., Тимохин Д. М. Вторая международная конференция «Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д. Д. Васильева» (11–13 октября 2023 г.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 99–107. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-099-107

SECOND INTERNATIONAL CONFERENCE “ORIENTAL EPIGRAPHIC READINGS IN THE MEMORY OF DMITRY D. VASILYEV” (OCTOBER 11–13, 2023)

Alexander D. Vasilyev, Yuliy I. Drobyshev, Oxana M. Kurnikova, Dmitry M. Timokhin

This article presents an overview of the Second International Scientific Conference “Oriental Epigraphic readings in memory of Dmitry D. Vasilyev”. The event was held in a face-to-face and remote format on October 11-13, 2023 at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow) and was organized by the Department of Oriental History. The conference was a continuation of the scientific tradition established in 2021, and served as a platform for discussion of specialists engaged in the study of epigraphy of Asian, African and Latin American countries. Scientists from different regions were able to exchange knowledge, present their research results and discuss topical issues in the field of epigraphy. The forum was attended by researchers from Russia, Georgia, Kyrgyzstan, China. Russia was represented at the conference by researchers from a variety of regions and cities: Moscow, St. Petersburg, Kazan, Novosibirsk, Volgograd, the Republic of Buryatia (Ulan-Ude), the Republic of Dagestan (Makhachkala), which indicates a great interest in the declared topics of the conference. The event began with solemn greetings from the leadership of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences to the participants of the conference. During the three days of the forum, more than 50 reports of domestic and foreign experts were heard. The topics of the reports of the conference participants were diverse, touched upon various aspects of the research of epigraphic monuments. The conference was held in six sections formed according to the principle of thematic, regional and temporal proximity of research in the reports of participants: “Turkic epigraphy”, “Epigraphy of the Caucasus”, “Epigraphy of Egypt”, “Epigraphy of China”, “Epigraphy of India and Southeast Asia”, “Epigraphy of Mesoamerica”. The presentations of the participants demonstrated a wide range of topics under study, and questions and comments from the audience showed a keen interest in the presented reports. Conference “Oriental Epigraphic readings in memory of Dmitry D. Vasilyev” showed that the study of the epigraphy of the countries of Asia, Africa and Latin America is of great interest among the international scientific community.

Keywords: epigraphy of the East, Oriental studies, Turkology, epigraphic monuments

For citation: Vasilyev A. D., Drobyshev Yu. I., Kurnikova O. M., Timokhin D. M. Second International Conference “Oriental Epigraphic Readings in the Memory of Dmitry D. Vasilyev” (October 11–13, 2023). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 99–107. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-099-107

11–13

октября 2023 г. в Институте востоковедения РАН состоялась Вторая международная научная конференция «Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д. Д. Васильева», организованная Отделом истории Востока ИВ РАН. Целью этого научного мероприятия было обсуждение актуальных проблем, достижений и перспектив изучения эпиграфики стран Азии, Африки и Латинской Америки. Конференция проходила в очно-дистанционном формате.

В работе конференции приняли участие свыше пятидесяти исследователей из ряда научных и учебных учреждений России: Института востоковедения РАН, Российского государственного гуманитарного университета, Института этнологии и антропологии РАН, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Дагестанского государственного университета (Махачкала), Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Государственного музея Востока, Музея истории религии, Санкт-Петербургского государственного университета, Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Института языка, литературы и истории Коми Научного центра УрО РАН, Института общественных наук РАНХиГС, Института лингвистических исследований РАН, а также из Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызстан), Института гуманитарных исследований Фуданьского университета (Шанхай, КНР), Института востоковедения им. Церетели / Государственного университета (Тбилиси, Грузия).

На конференции обсуждался широкий круг вопросов:

- Древние и средневековые эпиграфические памятники стран Востока и проблемы дешифровки;
- Приемы и методы эпиграфических исследований;
- Особенности публикации эпиграфических памятников;
- Эпиграфические памятники и вопросы ономастики;
- Современные проблемы древнетюркской эпиграфики;
- Полевые исследования эпиграфических памятников;
- История изучения памятников древнетюркской рунической письменности;
- Эпиграфические памятники Мезоамерики;
- Эпиграфические памятники Древнего Египта.

С приветственным словом к участникам конференции обратились академик РАН, д. и. н., научный руководитель ИВ РАН В. В. Наумкин, д. и. н., директор ИВ РАН А. К. Аликберов, к. и. н., зам. директора ИВ РАН Н. Г. Романова, к. и. н., зав. Отделом истории Востока ИВ РАН А. Д. Васильев.

На пленарном заседании прозвучали доклады д. и. н., г. н. с. Отдела истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН **Э. Е. Кормышевой** «Египетский диалект Нубии. Исследование эпиграфики»; к. и. н., доцента Мезоамериканского центра им. Ю. В. Кнорозова исторического факультета РГГУ, с. н. с. Института этнологии и антропологии РАН **Д. Д. Беляева** «Иероглифическая надпись на стеле 7 из Йашхи (Гватемала): новые данные о династической истории царств майя Петена в V–VI вв.»; к. и. н., в. н. с., заведующего Центром Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН **В. О. Бобровникова** и д. и. н., профессора кафедры востоковедения Дагестанского государственного университета **З. Ш. Закарияева** «Историко-правовые памятники мусульманского общинного права в надписях Южного Дагестана XIV — начала XX вв.: классификация и формуляр по итогам полевых обследований»; к. и. н., с. н. с. Отдела искусства и материальной

культуры ИВ РАН **А. А. Столярова** «Построение схемы записи формуляра жалованных грамот династии Гахадавала (Северная Индия, XI–XII вв.)».

Работа конференции проходила на шести следующих друг за другом секциях: «Тюркская эпиграфика», «Эпиграфика Кавказа», «Эпиграфика Египта», «Эпиграфика Китая», «Эпиграфика Индии и Юго-Восточной Азии», «Эпиграфика Мезоамерики».

* * *

На секции «Тюркская эпиграфика» было представлено шесть докладов, тематика которых охватывала тюркоязычный мир от Центральной Азии до Крыма и хронологически простиралась от первых веков н. э. до начала XX в.

Белек Кайрат, представляющий Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (г. Бишкек), сообщил новые сведения о памятниках караханидской письменности на южном побережье Иссык-Куля. Автор отметил, что, хотя отдельные памятники написаны арабской графикой, в содержании текстов прослеживается культурная преемственность между носителями древнетюркских традиций и мусульманской культуры. Это проявляется в датировке некоторых текстов в соответствии с древнетюркским календарем, а также упоминании вместо Аллаха древнетюркского божества Тенгри и даруемого им счастья (кут).

А. М. Гайнутдинов из Института истории им. Ш. Марджани АН РТ выступил с докладом «Аяты Корана, написанные на татарских надмогильных памятниках XIII — начала XX вв.». Докладчик подчеркнул, что правильно делить древние татарские эпитафии на четыре большие части: введение, основная часть, молитвенная часть и дополнительная часть, а также классифицировал аяты по частоте их употребления на могильных камнях.

В. В. Понарядов (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН) в своем докладе обсудил руническую надпись на Солтыковском серебряном блюде иранской работы из Прикамья и сопоставил ее с орхоно-енисейской руникой. Попытка прочтения этой надписи позволила автору предположить, что она выполнена на автохтонном для региона пермском языке посредством обычной восточно-тюркской руники.

В. В. Тишин (ИВ РАН) рассмотрел различные варианты прочтения надписи древнетюркским руническим письмом на стеле, происходящей с территории Хакасии и именуемой по месту обнаружения первой Алтын-кельской (индекс Е 28). Особую сложность вызывает выражение “bars tāgim-ä”. По мнению докладчика, большее внимание к грамматике памятников, осторожность и сдержанность в их толкованиях дают возможность пресечь появление далеко идущих, но чисто гипотетических выводов исторического характера.

Сотрудник Института лингвистических исследований РАН **А. А. Туранская** рассказала об эстампажах енисейских рунических памятников сибирского просветителя, этнографа, путешественника и археолога А. В. Адрианова, хранящихся в фонде Центральной Азии и Сибири ИВР РАН. Из 105 эстампажей особую ценность для исследователей древнетюркской культуры и истории имеют копии 30 памятников, изготовленные А. В. Адриановым за период с 1904 по 1916 г.

М. А. Усеинов из Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ представил доклад «Элементы оформления датированных мусульманских эпиграфических памятников г. Солхат/Кырым», в котором привел результаты исследований хронологического распределения этих памятников, относящихся к XIII–XV вв. Были выявлены закономерности и аномалии, связанные как с типологией и формой надгробий, так и с элементами оформления памятников. Обнаружено несколько маркеров, которые помогут в будущем определить временные рамки памятников, чья датировка под вопросом.

Секцию завершил совместный доклад **А. С. Лапшина** (ИВ РАН) и **И. Ю. Лапшиной** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет) на тему «Амулет с арабографической надписью XIV в. из раскопок на Водянском городище». Литой бронзовый нателный амулет с арабографической надписью на одной из сторон и изображением т. н. «магического квадрата» был обнаружен еще в 2014 г., однако интерпретация надписи до сих пор не осуществлялась. Вероятно, она связана с короткой исламской охранительной молитвой «О Аллах, о безопасность [всех] испуганных!».

* * *

Секция «Эпиграфика Кавказа» была представлена девятью докладами.

Е. Гиунашвили из Института востоковедения им. Церетели (Тбилиси, Грузия) представила научное наследие академика К. Церетели, изучавшего древнеарамейскую эпиграфику Грузии.

Руководитель Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН **Р. С. Абдул-мажидов** выступил с докладом «Новые эпиграфические источники из юго-западного Дагестана». В своем докладе исследователь представил новые находки эпиграфики из горного Дагестана. Интерес представляют обнаруженные в ряде домов и культовых сооружений новые арабографические надписи, которые содержат даты сооружения и имена владельцев и представителей аристократии.

В докладе «Надгробная эпиграфика горских евреев в Южном Дагестане: материалы полевых исследований Центра “Сэфер”» **М. Е. Васильев** (ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова) представил материалы, собранные в ходе экспедиций, организованных Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН и Научно-гуманитарным центром «Сэфер» в 2018–2020 гг. На конкретных примерах были рассмотрены некоторые содержательные особенности полученных эпиграфических данных, обсуждено их значение в качестве исторического источника, а также показаны перспективы дальнейшего изучения и публикации.

З. Ш. Закарияев (Дагестанский государственный университет) в своем сообщении «Арабская эпитафия 1382 г. из Дербента (новое прочтение)» отметил, что данная эпитафия, датированная 784 г. хиджры (1382), нуждается в новом прочтении. Автору удалось выявить местонахождение стелы, которую около 60 лет никто не изучал, и исследовать памятник на месте. Предлагается корректировка прочтения основной части текста, включая имя владельца эпитафии.

Н. В. Кашовская (Музей истории религии, Санкт-Петербург) ознакомила участников конференции с эпиграфическими особенностями еврейских эпитафий Южного Дагестана, основываясь на собранных полевых материалах. На девяти некрополях селений Южного Дагестана найдено более 1000 уцелевших надгробий, изучено порядка 780 эпитафий. Зафиксированные стилистические и языковые параллели говорят о сохранении языковой письменной традиции (ивритской) вплоть до конца XX в. Стилистические обороты эпитафий, как и подбор евлогий, сближают еврейские общины Дагестана с остальными регионами диаспоры.

Доклад **Х. М. Магомедовой** (Дагестанский государственный университет) был посвящен содержанию обнаруженной в 2022 г. в мечети дагестанского (даргинского) селения Урари арабской строительной надписи 1716 г., которая впервые вводится в научный оборот. В надписи приводится имя организатора ремонта мечети, который совершил паломничество в Мекку. Текст оканчивается известным хадисом, который часто сопровождает дагестанские эпиграфические памятники о строительстве либо ремонте мусульманских культовых сооружений.

Три доклада были подготовлены сотрудниками Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН **Ш. М. Хапизовым** («Грузинографическая надпись из Геничутля») и **Ш. М. Хапизовым** совместно с **М. Г. Шехмагомедовым** («Иранские имена личные

в средневековой эпиграфике Нагорного Дагестана», «Средневековая арабоязычная эпиграфика из Хунзаха как исторический источник»). В ходе комплексного исследования эпиграфики Нагорного Дагестана в разных аварских населенных пунктах авторами были выявлены эпиграфики XV–XVI вв., содержащие иранские имена. Почти все эти тексты ранее не публиковались. Докладчики привели описания памятников и переводы шести эпиграфий. Привлек внимание и доклад о находке редкой грузинографической надписи из Геничутля, обнаруженной в основании родовой башни. Этот интересный источник свидетельствует о династических и родственных связях местных правителей и грузинской аристократии в средние века.

* * *

На секции «Эпиграфика Египта» было заслушано семь докладов.

В докладе **Е. О. Барсукова** (Центр египтологии РГГУ) «Проблема датировки новой формы названий царских поминальных храмов в Фивах» было рассмотрено несколько вариантов названий этих сооружений эпохи Нового царства. Опираясь на данные эпиграфики, автор предложил свою датировку изменений идеологической парадигмы.

А. Е. Демидчик (СПбГУ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет) озвучил тему «Формула “я хоронил не имеющего сына” и подобные ей в древнеегипетских кладбищенских жизнеописаниях Старого и Среднего царства». Первоначальное определение погребяемого за счет «благодетелей» покойника как «не имеющего сына», вероятно, вызвано тем, что лишь последний, будучи наследником, считался ответственным за похороны. В I Переходный период египтяне, похоронившие не только собственных родителей, хвалились этим как выдающимся деянием. После Старого царства погребенного за чужой счет покойника перестали называть «не имеющим сына», т. к. в пору массового обнищания средств на должное погребение часто недоставало даже при наличии у покойного сына, и заботу о похоронах брали на себя местные правители и храмы.

Н. В. Лаврентьев (ИВ РАН) в докладе «К вопросу о датировке текстов проклятий Среднего царства» предложил сравнение отдельных графем трех корпусов «текстов проклятий» (Миргисса, Берлин, Брюссель) с графемами источников как Среднего царства, так и II Переходного периода. По мнению исследователя, эта работа даст возможность внести дополнительные корректировки данных Б. Уильямса и рассмотреть варианты более точной датировки «Текстов проклятий».

На основе анализа археологических контекстов надписей времени Натакамани и Аманигоре **М. А. Лебедев** (ИВ РАН) в своем сообщении «Архитектурные памятники Натакамани и Аманигоре в контексте эпиграфических источников: проблемы локализации и датировки» предлагает свою реконструкцию практики преобразования монументальных ландшафтов Меровитского царства в I в. н. э. и формулирует основные проблемы, стоящие в этой связи перед исследователями сегодня.

Авторы доклада «Принципы передачи личных имён в двуязычных грекофиникийских надписях» **В. С. Тимофеев** и **С. О. Хижнякова** (Институт классического Востока и Античности НИУ ВШЭ) пришли к выводу, что эллинизированные финикийцы наряду с родным именем могли иметь и греческое. Это имя выбиралось по принципу соответствия греческого божества финикийскому. Значение второго компонента имён при этом не принималось во внимание.

Н. С. Чиж (ИВ РАН) доложил результаты своего исследования по теме «Идеограмма mSa (A12): идеография и детерминация». В докладе описаны проблема перевода лексемы mSa и некоторые особенности эпиграфики идеограммы A12, выступающей в качестве детерминатива или логограммы mSa. Первая часть доклада была посвящена тому, что многие переводы египетских текстов несправедливо трактуют слово mSa как «армия», хотя при чтении текстов становится очевидно,

что под *mSa* египтяне понимали любую организованную массу людей, собранную для выполнения не только военных задач, но и общественных работ вне Египта. Вторая часть доклада была посвящена особенностям эпиграфики идеограммы *mSa*, подробное исследование которой может пролить свет на исторические обстоятельства, в которых возникли вариации знака.

В совместном докладе **В. И. Ярмолович** (Центр египтологических исследований РАН) и **Н. В. Макеевой** (СПбГУ) «Исследование надписей и изображений на кальцитовых канопах из гробницы вельможи Чаи (ТТ 23) в Луксоре» отмечалось, что в ходе археологических раскопок помещений гробницы было найдено много предметов погребального инвентаря и быта, архитектурных деталей, мумифицированных человеческих останков. Особое внимание авторы уделили фрагментам кальцитовых (египетского алебаstra) расписных каноп, венчики и часть тулов которых украшены изображениями и заупокойными формулами.

* * *

Секция «Эпиграфика Китая» охватила шесть докладов.

Р. В. Березкин (Институт гуманитарных исследований Фуданьского университета (Шанхай, КНР), ИВ РАН) посвятил свой доклад «Культе “почтительного сына” Чжоу в эпиграфике уезда Чаншу пров. Цзянсу (Китай) XIV–XVII вв.» одному из наиболее популярных местных божеств. Автор подчеркнул, что развитие культа Чжоу отражено в эпиграфических надписях в его честь. Они прославляют чудеса, которые явило божество, а также представляют популярные аспекты его культа, связанные с предсказаниями, врачеванием и т. д. Эпиграфика отражает сочетание официальных и простонародных аспектов в развитии и распространении культа Чжоу в этой местности.

Д. В. Дубровская (ИВ РАН) в сообщении «Эпитафия Маттео Риччи (1552–1610) на кладбище Чжалань: краткое резюме жизни миссионера» поставила цель ввести в научный оборот надпись на могиле основателя миссии иезуитов в Китае Маттео Риччи, умершего в столице Минской империи, и кратко осветить как события, окружавшие смерть знаменитого миссионера и обстоятельства получения земельного лота для его упокоения, так и историю старейшего христианского кладбища, на котором сохранилось около семидесяти миссионерских могил.

Доклад **И. С. Колнина** (ИВ РАН) «Жанр эпитафий (мужимин 墓志銘) в минском Китае на примере эпитафий участников экспедиций Чжэн Хэ (1405–1433)» был посвящен трем сравнительно недавно обнаруженным эпитафиям соратников знаменитого китайского морехода: Чжоу Вэня 周聞, Ян Цина 杨庆 и Хун Бао 洪保. В ходе изучения и перевода текста эпитафий автор пришел к выводу, что все три персоны были военными. Хун Бао и Ян Цин имели очень схожий жизненный путь: родились в провинции Юньнань, рано в детстве поступили на службу ко Двору, стали евнухами, участвовали в военных походах Чжу Ди. Аналогично дела обстояли и с самим Чжэн Хэ, более того, вполне возможно, что Чжэн Хэ и Хун Бао имели общих предков.

Объектом исследования **Д. Е. Куликова** (ИВ РАН) послужили шанские гадательные надписи из восточного сектора Хуаюаньчжуан (Иньской). Центральный персонаж этих надписей, выступающий в роли заказчика гаданий и иногда — гадателя, именуется Цзы, но по поводу того, кем он являлся, мнения исследователей до сих пор расходятся. Пока, по мысли докладчика, можно лишь утверждать, что хуадунский Цзы был героем эпохи царствования У-дина 武丁 (1250–1192 до н. э.).

Т. А. Сафин (ИВ РАН, Институт общественных наук РАНХиГС) выступил с докладом «Знаки на неолитической керамике Китая в контексте надписей на керамике из Иньсюя: к вопросу о маркерах письменности», где отметил, что на неолитической керамике Восточной Азии встречаются графические знаки, сущность которых не до конца ясна. Они могут быть образцами древней письменности, «протописьменности» или знаками, которые напрямую не связаны с развитием

собственно письма. Автор подчеркнул, что отсутствие пространных текстов на керамике не может являться маркером наличия или отсутствия письменности. Они могли представлять собой альтернативную знаковую систему, существовавшую параллельно с письменностью для записи древнекитайского языка.

М. С. Целуйко (Институт Китая и современной Азии РАН) представил сообщение «Циньские надписи на бронзе и формирование циньской государственности».

* * *

Секция «Эпиграфика Индии и Юго-Восточной Азии» насчитывала три доклада.

Н. А. Гожева (Государственный музей Востока) предложила вниманию участников конференции доклад «Особенности “лаковой эпиграфики” Мьянмы (на материале коллекции Государственного музея Востока)». Анализ надписей на примерах произведений из коллекции мьянманского искусства в Государственном музее Востока привел автора к выводу, что в целом «лаковая эпиграфика» Мьянмы остается в рамках буддийской парадигмы накопления и передачи религиозных заслуг.

В докладе **И. А. Зайцева** (Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН) «“Бирманское” летоисчисление в надписи царя Харикелы Дева-тидевы: исследование текста и критика историографии» отмечается, что одной из особенностей указанной надписи является использование особой системы летоисчисления для датировки событий, упомянутых в тексте. Докладчик подверг сомнению выводы предшествующей историографии по ряду вопросов и предположил, что в таких надписях использовалось как минимум два принципа датирования событий: по году двенадцатиричного календарного цикла, а также по году, прошедшему с момента париниббаны Будды.

Сообщение представителя Российской Федерации в Эфиопии **Я. В. Тарасюка** «Надобщинная структура наду в южноиндийском царстве Паллаво по данным эпиграфики» было посвящено вариантам составов наду, их взаимодействию с царской властью и другими общинно-территориальными образованиями, а также возможным внешним факторам, которые оказывали влияние на развитие наду. К этим факторам, характерным именно для периода правления Паллаво и последующих династий, могло относиться распространение храмовых культов и религиозных владений, а также реализация ирригационных проектов.

* * *

Заключительная секция «Востоковедных эпиграфических чтений памяти Д. Д. Васильева» была посвящена эпиграфике Мезоамерики и включала в себя семь докладов.

А. И. Давлетшин из Института восточных культур и античности РГГУ вынес на обсуждение две темы: «Таблицы как основная коммуникативная стратегия астекских иероглифических текстов» и «Эпиграфический памятник из Салинас-де-Лос-Нуеве-Серрос в Этнологическом музее г. Берлина». В первом докладе автор обратил внимание на тот факт, что для астекских иероглифических памятников основными коммуникативными стратегиями являются тексты-карты, тексты-списки, тексты-таблицы и их сочетания. В большинстве случаев весь текст представляет одну или несколько таблиц, причем некоторые из таких текстов насчитывают сотни страниц и тысячи иероглифических блоков. Данное наблюдение, по мнению автора, можно интерпретировать как дополнительный аргумент в пользу определения астекской иероглифической системы как ранней письменности. Второй доклад посвящен уникальному майяскому памятнику, ныне хранящемуся в Берлине. Анализ реконструированного текста и иконографии позволил предположить, что эта «стела» представляет собой гигантскую курильницу, изображающую основателя царской династии.

Г. А. Борисова (Учебно-научный Мезоамериканский центр им. Ю. В. Кнорозова (РГГУ)) в докладе «Надписи в теотиуаканском стиле на сосудах из озера Амаститлан (Гватемала)» обсудила надписи, сохранившиеся на фрагментах так называемых амаститланских цилиндров. Автор полагает, что наличие надписей в теотиуаканском стиле на курильницах из озера Амаститлан свидетельствует о том, что это озеро в целом и памятник Мехиканос в частности являлись важным ритуальным центром.

С. В. Вепрецкий (ИЭА РАН, Учебно-научный Мезоамериканский центр им. Ю. В. Кнорозова (РГГУ)) представил результаты нового анализа Стелы 77 из Калакмуля (штат Кампече, Мексика), основанного на выполненных автором фотографиях, с помощью которых была построена трехмерная фотограмметрическая модель, позволившая распознать сохранившуюся надпись. В тексте реконструируются две даты: первая относится к военной победе над правителем Тикаля, а вторая маркирует окончание десятилетнего периода в 682 г., к которому и была приурочена установка данной стелы. Кроме того, в надписи присутствуют имена родителей Йукном-Ч'ена II, верховного царя Кануля того времени.

Независимый исследователь из Санкт-Петербурга **Я. А. Науменко** выступил с докладом «Таблица из Шультуна: эпиграфический ключ к лунному календарю индейцев майя». Автор показал, что данная таблица является прикладным математическим инструментом, предназначенным для вычисления Лунной серии для любой, наперед заданной, даты, что позволяет эффективно установить внутреннее устройство лунного календаря майя. Также была продемонстрирована реконструкция практики ручного расчета Лунной серии с использованием шультунской таблицы.

А. В. Сафронов (МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Топонимика области Верхней Усумасинты по эпиграфическим памятникам древних майя» представил особенности анализа топонимики в надписях древних майя, критерии и подходы к локализации топонимов (район событий, этимология топонима и ассоциация с характером местности, современные топонимы и их возможное древнее происхождение), а также рассмотрел конкретные примеры упоминания топонимов в эпиграфических памятниках майя Верхней Усумасинты и их роль в исследовании исторической географии древних майя классического периода.

Работу секции завершило сообщение **Д. С. Секачевой** (Учебно-научный Мезоамериканский центр им. Ю. В. Кнорозова (РГГУ)) «К вопросу о придворном титуле на панели К'ан-Ток (Паленке, Мексика)». Несмотря на сложности с восстановлением целостности всего текста, существующие 10 фрагментов повествуют о повторяющемся назначении придворных царями Паленке на некую должность на временном отрезке как минимум в 332 года. Среди исследователей существует мнение, что на панели К'ан-Ток присутствует один из вариантов записи недешифрованного придворного титула, получившего в историографии название «птица в повязке». Докладчик полагает, что выводы ученых, изучавших эту надпись, не представляются вполне убедительными.

* * *

В заключение участники отметили высокий научный уровень прозвучавших докладов и глубину состоявшихся дискуссий. Конференция послужила площадкой продуктивного обмена мнениями среди специалистов различных направлений эпиграфических исследований и позволила наметить новые направления научного поиска.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «75 ЛЕТ ГОСУДАРСТВУ ИЗРАИЛЬ: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ»

В. Ю. Смирнов¹

В настоящей статье представлен обзор научного мероприятия, организованного 31 мая 2023 г. Отделом Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН по случаю знаменательной вехи в истории Государства Израиль — 75-летия со дня его образования. В рамках «круглого стола» были зачитаны обстоятельные доклады российских экспертов-израиловедов по основным направлениям развития Израиля, прошедшего за три четверти века сложный и насыщенный событиями путь становления государственности, формирования общественных отношений, создания сильной национальной экономики. Обсуждение актуальных вопросов внешней и внутренней политики Израиля, социально-экономических аспектов жизни государства и общества, истории этой страны было продолжено в ходе состоявшейся заинтересованной дискуссии, в которой приняли участие собравшиеся на «круглый стол», в их числе приглашенные израильские специалисты. Особое внимание было уделено 75-летию со дня установления российско-израильских отношений, отмечающемуся одновременно с юбилеем Государства Израиль.

Ключевые слова: Израиль, 75-летие государства, развитие, внешняя политика, внутривластное положение, социально-экономические проблемы, российско-израильские отношения

Для цитирования: Смирнов В. Ю. Круглый стол «75 лет Государству Израиль: проблемы и достижения». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 108–117. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-108-117

ROUND TABLE “75 YEARS OF THE STATE OF ISRAEL: PROBLEMS AND ACHIEVEMENTS”

Victor Y. Smirnov

This article presents an overview of a scientific event organized on May 31, 2023 by the Department of Israel and Jewish Communities of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences on the occasion of a significant milestone in the history of the State of Israel, the 75th anniversary of its creation. Within the framework of the Round table, detailed reports were presented on the main directions of Israel’s development, which has passed over three quarters of a century a complex and eventful path to the formation of statehood, the formation of public relations, and the creation of a strong national economy. In the course of an interesting discussion between the participants of the forum and Israeli specialists being also invited, the exchange of views followed on topical issues of Israel’s foreign and domestic policy, socio-economic aspects of the life of the state and

¹ Смирнов Виктор Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН, Москва; v.smirnov@ivran.ru
Victor Yu. Smirnov, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; v.smirnov@ivran.ru
ORCID: 0009-0008-2895-6473

society, the history of this country. Particular attention was attributed to the 75th anniversary of the establishment of Russian-Israeli relations, which is celebrated simultaneously with the anniversary of the State of Israel.

Keywords: Israel, the 75th anniversary of the state, development, foreign policy, domestic political situation, socio-economic problems, Russian-Israeli relations

For citation: Smirnov V. Yu. Round Table “75 Years of the State of Israel: Problems and Achievements”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 108–117. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-107-117

В Институте востоковедения РАН 31 мая 2023 г. по инициативе Отдела Израиля и еврейских общин был организован «круглый стол», посвященный 75-летию со дня образования Государства Израиль. С приветственным словом к участникам и гостям мероприятия обратился директор Института востоковедения РАН, доктор исторических наук А. К. Аликберов, который, в частности, обратил внимание на то, что 75-летие со дня создания Израиля имеет значение не только для этого государства и его граждан, еврейского народа, но и приглашает, в том числе нас, востоковедов, к обстоятельному осмыслению непростых региональных процессов, развивавшихся на ближневосточном пространстве на протяжении многих десятилетий, активным участником которых был Израиль. Приветственное письмо в адрес участников и гостей форума направил Специальный представитель Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации М. Л. Богданов. Участников мероприятия также приветствовали посол Израиля в России А. Бен Цви и посол России в Израиле А. В. Викторов.

Работа «круглого стола» проходила в четырех секциях, посвященных идеологическим, внешнеполитическим, экономическим и социальным аспектам развития современного израильского общества. Секция по идеологическим проблемам открылась докладом научного сотрудника Отдела Израиля и еврейских общин Л. Р. Хлебниковой, в котором были затронуты такие вопросы, как основополагающие ценности современного израильского общества, конфликт ценностных ориентиров в контексте внутривосточного развития Израиля. Докладчик отметила, что в Израиле складывается беспрецедентная ситуация, когда неделя за неделей продолжаются протесты против судебной реформы. Согласно опросам общественного мнения, внутривосточные вызовы беспокоят сейчас израильтян намного больше, чем внешнеполитические. Серьезный раскол в обществе касается в первую очередь перспектив политического развития государства.

Л. Р. Хлебникова считает, что Израиль стал более правым. Кроме того, он становится более религиозным, хотя, по данным Института израильской демократии, ультраортодоксальная община Израиля составляет не более 13,5%. Помимо этого, в обществе происходит рост насилия, радикализация определенных групп населения. Причем это относится не только к арабскому сектору Израиля, но и к ситуации в других группах населения, в частности поселенцев.

Возникает очень важный вопрос о сущностном характере Государства Израиль, в котором демократические принципы, провозглашенные при его создании, входят в противоречие с его еврейским характером. В результате в Израиле происходит серьезный кризис политической системы, причем кризис не только партий и лидерства, но и политических установок, программ, предлагаемых обществу подходов. Среди еврейской части общества теряется доверие к государственным институтам, к партиям, к кнессету. В то же время среди израильских арабов сохраняется доверие к Верховному суду Израиля, который воспринимается как единственный институт, способный защитить их права. На этом фоне набирают вес антидемократические тенденции в израильской политике, направленные на слом баланса между законодательной, исполнительной и судебной властями. Л. Р. Хлебникова приходит к выводу, что демократические основы современного Израиля

подвергаются серьезным испытаниям со стороны тех общественно-политических сил, для которых сохранение его еврейского характера является превалярующей задачей.

В дискуссии по докладу Л. Р. Хлебниковой ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Т. А. Карасова указала, что нынешний этап развития политической системы Израиля характеризуется полиморфизмом, т. е. наличием множества мелких партий, с которыми ведущие партии вынуждены договариваться для создания коалиционных правительств. Требования мелких партий нужно удовлетворять, и это меняет картину политического взаимодействия в Израиле. Для новой модели отношений характерен сиюминутный политический заказ, формирование сиюминутных политических комбинаций.

Т. А. Карасова считает, что важной характеристикой современного идеологического состояния политической системы Израиля является существенное ослабление левого фланга, в то время как на правом фланге происходит смещение правого блока Б. Нетаньяху в центр. При этом ни у одной политической партии нет идеологической программы. Т. А. Карасова высказала мнение, что поляризация в израильском обществе наблюдалась всегда, но сегодня она идет не по идеологическим направлениям, а по линии секулярно-религиозного раскола. На этом фоне, заключила Т. А. Карасова, нет уверенности в справедливости утверждения докладчика, что демократия в Израиле полностью проигрывает еврейскому фактору. Скорее речь может идти о том, что борьба продолжается.

Старший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин И. В. Масюкова согласилась с мнением Т. А. Карасовой о том, что одним из самых острых вызовов для Израиля является раскол по линии светского и религиозного развития израильского общества. Причем обостряет противостояние светского и религиозного Израиля увеличившийся приток негалахических иммигрантов.

И. В. Масюкова отметила, что сегодня в Израиле обсуждается возможность создания новой категории «расширенного еврейского населения», в которую будут входить все израильтяне, обладающие правом на получение гражданства в соответствии с Законом о возвращении, независимо от того, являются ли они евреями по Галахе или нет. С другой стороны, ультраортодоксальные лидеры выдвигают требование о внесении изменений в Закон о возвращении, предполагающих запрет внукам евреев репатриироваться как не имеющим никакого отношения к еврейству. Дискутируется также вопрос об ужесточении правил получения гражданства, в соответствии с которыми новый репатриант должен будет подтвердить готовность связать свою судьбу с трудностями страны, а не будет использовать израильское гражданство и получаемые льготы в своих личных целях.

С точки зрения старшего научного сотрудника Отдела Израиля и еврейских общин А. Е. Локшина укрепление позиций национально-религиозного лагеря в современном Израиле свидетельствует о девальвации ценностей политического сионизма. Происходит по сути дела новая поляризация между евреями и «миром других». В отличие от сионизма Герцля, политики из национально-религиозного лагеря полагают, что изолированность Израиля является естественным следствием «особости» еврейского народа, под которой понимается прежде всего необходимость развития поселенческого движения и еврейского населения Эрец-Исраэль. Этот процесс в религиозных кругах рассматривается как один из этапов мессианского избавления. Национально-религиозный лагерь в Израиле явно не соответствует канону классического сионизма, заключил А. Е. Локшин.

Известный представитель израильской культурной общественности Й. Тавор в своем комментарии по ходу дискуссии заметил, что Израиль является очень импульсивным государством. Он напомнил, например, что после убийства И. Рабина, когда победа его соратника Ш. Переса на выборах в 1996 г. казалась предрешенной, несколько террористических актов накануне выборов

изменили настроения в стране. Победу одержали правые партии. По мнению Й. Тавора, Израиль, живущий в эпоху постсионизма, по-другому смотрит на сионизм. Но пока в Израиле в один и тот же день основная масса населения отмечает Йом Киппур, в один и тот же день отмечает Рош ха-Шана, в один и тот же день садится за пасхальный стол, Израилю ничего не угрожает физически.

Продолжая дискуссию, Т. В. Носенко отметила, что, по-видимому, одним из важных моментов в политическом раскладе, который сегодня формируется, является идеологический эклектизм. Нет ярко выраженного деления на правых и левых. Даже в религиозной среде нет четкого, единого идеологического направления. Этот идеологический эклектизм свойственен сегодня не только Израилю — он характерен для всего мира. Партийные идеологии больше не являются определяющим элементом той или иной политической системы, которая функционирует в конкретной стране.

Особенностью современной политической системы Израиля, как считает Т. В. Носенко, является отсутствие альтернативных Нетаньяху лидеров. Нетаньяху — один из самых успешных и умелых израильских лидеров. Но вопрос в том, сможет ли он контролировать своих ультраправых партнеров по коалиции.

Т. В. Носенко также обратила внимание на совершенно непропорциональное влияние поселенческого сектора, которое он приобрел с точки зрения идеологии и политики за последние годы. К сожалению, Израиль создал это явление собственными руками, и поселенческое движение в том виде, в котором оно сегодня существует, переигрывает многие другие политические силы.

В. Ю. Смирнов высказал мнение, что Израилю предстоит решать актуальную задачу, связанную с предпринятым поселенческим движением «походом во власть». Установление им контроля за ключевыми постами в государственном управлении — перспектива вполне реальная. Тем более после «падения» левого фланга в стране.

Докладчик Л. Р. Хлебникова согласилась с мнением о том, что израильская демократия, как и любая демократия в мире, имеет свои особенности и отвлечения, отклонения от идеалов либеральной демократии. Но если это не либеральная демократия, то какая тогда? Она напомнила, что в свое время был предложен термин «этническая демократия» как нечто среднее между этнократией и либеральной демократией...

В дополнение дискуссии о том, кто является левым, а кто правым на современной политической карте Израиля, научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Е. А. Якимова высказала точку зрения, что в последние годы ориентиры в этом вопросе сместились: левые в Израиле обозначают себя как противники Нетаньяху. Теперь здесь проходит линия разлома.

Вторая сессия «круглого стола» открылась докладом Е. А. Якимовой «75-летие Израиля в зеркале внешней политики: опыт периодизации». Е. А. Якимова отметила, что внешнюю политику Израиля можно рассматривать в региональном контексте, определяя, как его отношения с непосредственными соседями соотносятся с теми целями, которые у Израиля есть в глобальной сфере. Второй подход, который называют «доместикацией» внешней политики, состоит в том, чтобы попытаться понять внешнюю политику страны, исходя из интересов конкретного израильского правительства, из интересов элит и противоборства между ними.

Предложив свое видение периодизации внешней политики Израиля, Е. А. Якимова полагает, что несмотря на проявления кризиса в различных сферах жизни израильского общества, во внешнеполитической сфере на современном этапе благодаря усилиям израильской дипломатии сохраняется определенная преемственность. Для внешнеполитического курса Израиля по-прежнему актуальны такие сюжеты, как выстраивание разного рода союзов, создание внешнеполитических форумов, стремление к укреплению отношений с диаспорой, решение разного рода задач во внешнеэкономической области. Кроме того, по мнению Е. А. Якимовой, есть основания считать

нынешний этап внешней политики Израиля «персонифицированным», поскольку определение внешнеполитических приоритетов Израиля зависит от того, кто находится во главе министерства иностранных дел и насколько глубоко в решение внешнеполитических вопросов вовлечен тот или иной глава правительства Израиля.

В. Ю. Смирнов высказал мнение, что характер политической линии Израиля действительно менялся — от поиска союзников до применения совершенно жестких действий, причем ставка на жесткость и силу во внешней политике государства, как представляется, всегда отдавался приоритет. Не случайно нынешний премьер-министр Израиля в полной мере демонстрирует фактор жесткости, когда заявляет: «Пусть наши противники не думают, что наши разногласия на улице что-то для них значат. Мы все едины».

Т. А. Карасова обратила внимание на то, что Израиль сейчас вышел на новый уровень своего положения на Ближнем Востоке. Это связано прежде всего с процессами в рамках Авраамических договоренностей при всех вопросах к перспективе их поступательного развития. Если говорят о региональных центрах силы, то сегодня Израиль наряду с Саудовской Аравией и некоторыми странами Персидского залива можно отнести к этой категории государств на Ближнем Востоке. Как можно оценить деятельность Израиля с целью расширения Авраамических соглашений с точки зрения этапов развития его внешней политики?

Е. А. Якимова ответила, что относительно политики Израиля в настоящее время активно внедряется новое понятие «миллелатеральность», которое предполагает сближение средних по своему потенциалу и влиянию государств с целью минимизировать для себя негативное давление глобальной среды. Авраамовы соглашения вполне могут претендовать на такое движение к взаимодействию наряду с большим интересом Израиля к Азербайджану и Индии.

Профессор НИУ ВШЭ А. Г. Бакланов в продолжение состоявшегося обсуждения нынешних тенденций в развитии Израиля задался вопросом, как во внешнеполитическом плане все это может повлиять на такую матрицу, как преемственность и договороспособность израильского государства. Он указал, что чрезмерное влияние партийных установок на внешнеполитические обязательства государства делает ситуацию еще более зыбкой. Возникает вопрос: можно ли вообще с израильянами договариваться? Существует ли устойчивость обязательств, которые на каждом отдельном этапе может брать на себя представитель Государства Израиль?

Е. А. Якимова отметила, что, как было сказано в докладе, дипломатия старается обеспечить преемственность на существующих направлениях. При этом договороспособность страдает там, где внутривосточный кризис отражается на принятии решений, тех или иных документов. Внешнеполитическая преемственность вынужденно зависит от степени стабильности правительства. Это очень большая проблема для иностранных партнеров Израиля, который из-за этого несет имиджевые потери.

Е. А. Усова предложила по-новому взглянуть на феномен создания Государства Израиль 75 лет назад, рассматривая его с точки зрения формирующегося многополярного мира. В связи с этим она поставила под сомнение тезис о том, что Израиль до последнего времени не был центром силы. Она полагает, что эта страна всегда была центром силы, и хотя находилась в изоляции, считаться с ней все были вынуждены. Продолжая эту тему, В. Ю. Смирнов обратил внимание на то, что центром силы Израиль, возможно, и был, но силы военной, а не той, что может оказать влияние на определение политической перспективы Ближнего Востока. Л. Р. Хлебникова предложила участникам дискуссии ответить на вопрос: каково содержание понятия регионального центра силы? Ибо существует определенное понятие в политологической науке, и там есть критерии, под которые Израиль не подходит, а главный среди них, по замечанию Т. А. Карасовой,

предполагает способность государства предложить программу действий и располагать возможностями ее продвигать.

По замечанию В. Ю. Смирнова, «Авраамовы договоренности» с этой точки зрения имеют прекрасную перспективу. Они уникальны не только как возможность превращения Израиля в центр силы, но и как фактор ликвидации вообще конфликтного потенциала на Ближнем Востоке. Один вопрос при этом остается — израильско-палестинские отношения, поскольку в отсутствие политического урегулирования на первый план выходит фактор военной силы, когда все споры решаются с применением сторонами именно ее. «Авраамовы договоренности» способны увести от этого.

Известный специалист по странам Персидского залива Е. С. Мелкумян высказала мнение, что без встречного движения со стороны Израиля дальнейшего прогресса в отношениях с арабскими странами не будет. Она отметила, что помимо интересов обеспечения своей безопасности в регионе и осуществления экономических планов арабские страны должны видеть прогресс в урегулировании палестинской проблемы, иметь надежду на то, что она будет решена. Для Саудовской Аравии это принципиально важно, тем более когда королевство проводит политику разрядки напряженности по всем направлениям. Это касается новых моментов в отношениях не только с Ираном, но и с Сирией. Для Израиля ситуация складывается иначе — то, что происходит внутри Израиля, сказывается на возможностях продолжения этого процесса.

Дискуссию продолжил профессор МГИМО А. В. Крылов, который назвал проблематику ближневосточного урегулирования наиболее актуальной для Израиля. Если взять программу любой политической партии, она начинается именно с того, что эта партия предлагает по ближневосточному урегулированию. Активное участие США в процессе ближневосточного урегулирования не сдвинуло «палестинский воз», так как все американские инициативы на палестино-израильском треке отвечают только интересам Израиля, но ущемляют интересы палестинцев. Они также парализуют, по утверждению А. В. Крылова, деятельность квартета международных посредников как основного медиатора ближневосточного урегулирования. Между тем, по мнению эксперта, время играет на руку Израилю, а известные резолюции 242 и 338 Совета Безопасности ООН постепенно утрачивают свою актуальность, как это происходит и с резолюцией ГА ООН 181/2 о разделе Палестины и создании на ее территории двух государств.

Третья часть заседания «круглого стола» была посвящена современной израильской экономике, о состоянии которой шла речь в докладе ведущего научного сотрудника Отдела Израиля и еврейских общин Д. А. Марьясиса. Он остановился на влиянии ряда внутренних и внешних факторов на экономику Израиля и указал на то, что в сильной высокотехнологичной инновационной экономике страны занято всего лишь 10–12% населения, в то время как 80–90% жителей Израиля работают в менее развитых секторах с очень низкой производительностью труда. Кроме того, указал Д. А. Марьясис, в Израиле существуют проблемы с внедрением технологий в экономику и их реальным использованием. Если не решить эти проблемы, то Израиль будет по ряду позиций все больше отставать от стран ОЭСР. Докладчик, ссылаясь на мнение ряда ведущих экономистов Израиля, отметил негативное влияние на израильскую экономику планируемой судебной реформы.

Что касается факторов внешнего влияния, то докладчик пришел к выводу, что в 2021 г. Израиль впервые за все годы своего существования перестал быть в экономической изоляции в ближневосточном регионе благодаря процессу, начатому «Авраамовыми соглашениями». В отличие от договоров, подписанных с Египтом и Иорданией, соглашения с Бахрейном и ОАЭ наполнены экономическим содержанием, и в них можно увидеть не только политический, но и очень понятный экономический результат.

Д. А. Марьясис отметил рост значения Китая для Израиля в экономическом плане. Хотя нельзя говорить о том, что у Китая и США равновесные интересы в Израиле, а уровень экономического партнерства между Израилем и США несоизмеримо выше, чем у Китая с Израилем, тем не менее отношения Израиля с Китаем находятся на подъеме.

Сложности существуют сегодня для российско-израильских деловых контактов из-за российско-украинского конфликта. Хотя Израиль и не присоединился к санкциям, он плотно взаимодействует в деловом плане с США и Европой, и для ряда компаний, которые работают с этими странами, существуют потери в виде утечки клиентуры. На уровне частного бизнеса присутствует нежелание начинать на данном этапе новые проекты с Российской Федерацией.

Д. А. Марьясис пришел к заключению, что Израиль успешнее справляется с внешнеэкономическими проблемами, чем с проблемами эффективности, занятости, распространения новых технологий на собственной территории, вообще с выравниванием экономической структуры национального хозяйства.

Дискуссию о ситуации в израильской экономике продолжил ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин, профессор МГИМО А. В. Федорченко, который заметил, что Израиль в своем экономическом развитии прошел очень сложный путь. Одно время в стране большой вес имели государственный и профсоюзно-кооперативный сектора, существовала некая полусоциалистическая модель. На самом деле только за счет такого хозяйственного механизма можно было мобилизовать финансовые и материальные ресурсы и направить их в нужное русло — и эти усилия полностью себя оправдали. Затем страна стала переходить на путь интенсификации экономики при увеличении доли частного сектора. Сегодня это постиндустриальная страна с очень высоким уровнем развития, в которой производительность труда в обрабатывающей промышленности, по замечанию А. В. Федорченко, выше, чем в Японии.

Лаборант-исследователь Отдела Израиля и еврейских общин Д. А. Голубев отметил значение для Израиля «соглашений Авраама» с точки зрения не только развития его международных экономических, инвестиционных и внешнеторговых связей, но и возможных положительных последствий для арабского населения. Тенденция к увеличению взаимных инвестиций откроет перед арабской группой населения Израиля возможность преуспеть и повысить уровень своего благосостояния.

В дискуссию включился профессор З. Ханин из Израиля, который считает, что задача Израиля состоит в том, чтобы сделать свою экономику частью глобальной экономики. Бюджет Израиля, как считает эксперт, отражает эти намерения, в том числе касающиеся религиозного сектора. Например, в нем предпринята попытка ввести в систему религиозных школ технологические или математические дисциплины и английский язык, с тем чтобы потом эта категория учащихся могла выйти на рынок труда и получать более высокую зарплату. На сегодняшний день число студентов из религиозных школ в высших учебных заведениях растет, но 80% из них не заканчивает курс из-за недостаточного базового образования.

В рамках четвертой сессии был заслушан доклад ведущего научного сотрудника Отдела Израиля и еврейских общин Т. В. Носенко, посвященный социально-культурным проблемам современного Израиля. Т. В. Носенко обратила внимание на то, что Израиль — общество переселенческое и в нем не сработал принцип плавильного котла, не получилось создать коллективную идентичность израильских евреев и израильтян вообще в том виде, как ее интерпретировала правящая элита в первые десятилетия существования государства. С некоторыми вариациями специалисты называют в Израиле такие этно-религиозные культурные группы, как секулярный высший и средний класс (преимущественно выходцы из стран Европы и Америки); традиционалисты «мизрахим»

(выходцы из стран Ближнего Востока и Северной Африки); ортодоксальный сектор; национально-религиозный сектор; израильские арабы; новые иммигранты из бывшего СССР; эфиопские евреи. Каждая из этих групп вкладывает свой собственный смысл в понятие «быть израильянином».

В сегодняшнем противостоянии по поводу судебной реформы отчетливо проявляются эти разные понимания и представления о том, что такое Израиль. В размышлениях о причинах кризиса, возникшего вокруг реформы, высказывается такая точка зрения: с одной стороны, это попытка ашкеназийских привилегированных элит удержать свой последний бастион власти — Верховный суд, а с другой — это борьба тех, кто на протяжении десятилетий был мишенью этой судебной системы — «мизрахим», поселенцы, «харедим», жители периферийных районов.

Очень болезненный процесс ассимиляции (абсорбции) «русских» израильянов, проходивший на протяжении последних 30 лет, дал свои плоды. Уровень благосостояния повысился. На политическом поле фактически отпала необходимость в собственных партийных объединениях, представляющих интересы только русскоязычной алии.

Заметным разломом в израильском обществе является противостояние между светским Израилем и национально-религиозным сектором. Оно возникает уже не на этно-культурной почве, а является следствием различия в ценностных ориентирах. Попытка диалога между активными участниками демонстраций протеста против судебной реформы и поселенцами показала, что сталкиваются два взаимоисключающих взгляда: поселенцы не признают прав другого народа на землю, на которую они претендуют, не признают за арабами права на сопротивление. Если для их оппонентов территориальная проблема — это политическая проблема, то для радикального религиозного поселенца — это проблема исполнения религиозных установок, религиозных заповедей, которые не подлежат обсуждению.

С ортодоксальным религиозным сектором израильского общества связаны самые пессимистичные прогнозы. Есть вполне реальная перспектива того, что к 2060 г. в силу демографических условий ультраортодоксальные партии будут иметь от четверти до трети депутатских мест в кнессете. Но образовательная система «харедим» не обеспечивает необходимого уровня подготовки для участия в современной экономической жизни.

В Израиле проживают около 170 тыс. иммигрантов эфиопского происхождения. Примерно треть из них родилась в Израиле. Средний доход на душу населения ненамного отличается от общеизраильского, но доля дел, открытых полицией в отношении выходцев из Эфиопии в 2019–2022 гг., вдвое превышает их долю в населении.

Что касается израильских арабов, то, по мнению специалистов, среди них идет процесс «израилизации»: 46% определяют себя как израильские арабы. Однако в этой среде нет лидеров и партий, которые отвечали бы таким ожиданиям. Соответственно велика степень недоверия израильских арабов к государственным институтам. Тем более что ни израильское общество, ни политики не склонны допускать арабских представителей в высшие эшелоны власти.

Разломы в израильском обществе определяют и многие проблемы, связанные с образованием, призывом в армию, наконец, даже с формированием единой израильской идентичности, не говоря уж об их явном влиянии на характер политической системы.

В дискуссии по докладу Л. Р. Хлебникова более подробно остановилась на положении эфиопских евреев, в среде которых так же, как среди «харедим» и израильских арабов, самые высокие показатели безработицы, бедности и криминогенности. Касаясь характера протестного движения в Израиле, она отметила, что участие в нем упомянутых выше групп израильского населения, чувствующих себя уязвимыми, минимально, несмотря на то, что протесты касаются самих демократических основ общества.

На взгляд Й. Тавора, Израиль — молодое государство, и оно все еще движется по пути своего формирования. Приезд новых репатриантов всякий раз не сдерживает развитие, но привносит какие-то новые вызовы тому, что происходит в израильском обществе. Большое число приехавших за последнее время вошли в различные области израильской культуры, израильской жизни и чувствуют себя очень хорошо. Они не участвуют в опросах, они от них дистанцируются. Что касается арабов, которые не высказывают своих взглядов, не выходят на демонстрации, то можно сделать вывод, что они тем самым выражают свое отношение к реформе, так как хорошо знают, что Высший суд справедливости придет скорее на помощь им, нежели встанет на сторону правящей элиты.

В. Ю. Смирнов сказал, что существует «хорошее» израильско-ивритское понятие «сабра». И процесс формирования общества «сабр» продолжается. Й. Тавор согласился с его утверждением, подчеркнув, что в этом процессе немало трудностей, потому что с каждой новой волной репатриантов общество в первую очередь «обслуживает своих». И это будет так, пока каждая группа вновь прибывших не станет частью израильского общества.

Е. Э. Носенко-Штейн предложила к тем, кто приехал в Израиль из России, использовать термин иммигранты, а не репатрианты. По ее оценке, «негалахических» евреев в России и на постсоветском пространстве большинство, исповедуют иудаизм не более 10–20 процентов, а три четверти вообще не являются религиозными. Израиль в идентичности российских евреев всегда занимал очень скромное место, и мало кто считал его своей исторической родиной. Так что правильным будет вести речь об иммигрантах, которые не устремлялись на историческую, духовную, «доисторическую» родину, а бежали от экономических проблем и политических кризисов. Не будем забывать, указала Е. Э. Носенко-Штейн, что одним из сионистских мечтаний было создать некий дом-убежище для евреев. Вот они и едут в это самое убежище, и перед нами обычная парадигма интеграции именно очередной группы диаспоры.

В. Ю. Смирнов задался вопросом, чем отличается Израиль, даже если оперировать понятным словом эмиграция? И ответил: в Израиле создана инфраструктура приема эмигрантов и потому эти люди там — желанные эмигранты, и государство определяет прием этих эмигрантов в качестве своей важнейшей государственной, политической, социальной, любой другой национальной цели.

Й. Тавор согласился с такой постановкой вопроса, обратив внимание на то, что от «легендарной» второй «алии» в Израиле осталось не более двух-трех процентов — все остальные уехали дальше, в Америку, в Европу, вернулись в Россию. Он предложил для внимательного изучения процесс формирования израильской диаспоры в различных частях мира. На примере большой израильской общины в Берлине он показал, что израильтяне поддерживают тесные связи между собой и с Израилем, но при этом не менее интегрированы и в немецкое общество.

Н. А. Семенченко в развитие обсуждаемой темы русскоязычных иммигрантов в Израиле предложила посмотреть на нее с израильского «государственного» угла зрения. Одной из важных задач, с самого начала стоявшей перед правительством Израиля, было формирование иммиграционной политики, которая сразу была разделена на два русла — внешние проблемы и внутренние проблемы. Не зря в Израиле существует «министерство иммиграции и абсорбции». Сегодня преодолены проблемы с выездом евреев из бывшего СССР. Другой вопрос, который имеет внутриизраильское измерение, — это адаптация, принятие тех, кто приезжает. С самого начала в основе израильской политики абсорбции иммигрантов была все-таки концепция «плавильного котла», которая себя не оправдала; она уступила место постоянно развивающемуся мультикультурализму. В результате новые иммигранты оказались лишь частично адаптированными, далеко не все правила израильского образа жизни были ими усвоены, они сохранили связь со своей культурой.

Й. Тавор заметил, что, как ему представляется, репатриация осуществлялась исключительно из западных стран. А из России шла эмиграция. Почему так? Религиозные лидеры утверждают, что Тора спасла народ Израиля. Это не так — от ассимиляции народ Израиля спас антисемитизм.

В заключение дискуссии В. Ю. Смирнов поблагодарил всех, кто откликнулся на приглашение и принял заинтересованное участие в обсуждении. Особые слова благодарности были адресованы тем, кто оказал содействие в подготовке и проведении мероприятия, — прежде всего волонтерам-студентам кафедры иудаики ИСАА МГУ.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ,
РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА
СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА:
СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

В. В. Лебединский, Ю. А. Пронина¹

В статье представлен обзор материалов VII Международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока», которая проходила в Севастополе с 29 мая по 5 июня 2023 г. Соорганизаторами данного мероприятия выступили Институт востоковедения Российской академии наук, Севастопольский государственный университет, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», на базе которого проходил данный научный симпозиум. За прошедшие годы конференция стала одним из наиболее значимых и востребованных ежегодных научных мероприятий в Крыму. Среди участников были представители научных организаций, музеев, высшей школы из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Краснодар, Саратова, Казани, Симферополя, Бахчисарая, Судака, а также из дальнего зарубежья — Сирии, Швейцарии. В общей сложности в данном научном симпозиуме приняло участие более 150 человек, было представлено 73 доклада. На конференции обсуждались проблемы политических, торговых и культурных связей Крыма с государствами Средиземноморского региона и странами Востока в древности, средневековье и новое время; вопросы, связанные с этнической историей Крыма и сопредельных территорий в прошлом и настоящем; проблемы историографии и картографии Черноморской и Средиземноморской акваторий; исследования и новые данные письменных источников по истории Крыма, Средиземноморского региона и стран Востока; результаты современных исследований Крыма археологических, нумизматических и эпиграфических; межнациональные и политические отношения народов Крыма в прошлом и настоящем. К началу работы мероприятия был опубликован сборник материалов конференции в двух томах.

Ключевые слова: Средиземноморский регион, Крым, Восток, история, культура, археология, политика

Для цитирования: Лебединский В. В., Пронина Ю. А. Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: седьмая международная научная конференция. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 118–125. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-118-125

¹ Лебединский Виктор Викторович, кандидат исторических наук, заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН, Москва; v_lebedinski@mail.ru

Victor V. Lebedinsky, PhD (History), Head of the Center for Historical and Archaeological Research of the Crimea and the Mediterranean, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; v_lebedinski@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6801-0497

Пронина Юлия Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; julia_pronina@mail.ru

Julia A. Pronina, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow; julia_pronina@mail.ru

HISTORICAL, CULTURAL, INTERNATIONAL, RELIGIOUS AND POLITICAL RELATIONS OF THE CRIMEA WITH THE MEDITERRANEAN REGION AND COUNTRIES OF THE EAST: SEVENTH INTERNATIONAL CONFERENCE

Victor V. Lebedinsky, Julia A. Pronina

The article provides an overview of the materials of the VII International Scientific Conference “Historical, cultural, interethnic, religious and political relations of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East”, which was held in Sevastopol from May 29 to June 5, 2023. The co-organizers of this event were the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Sevastopol State University, the State Historical and Archaeological Museum-Reserve Tauric Chersonesus, on the basis of which this scientific symposium was held. Over the past years, the conference has become one of the most significant and sought-after annual scientific events in the Crimea. Among the participants were representatives of scientific organizations, museums, higher education from different cities of Russia: Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Krasnodar, Saratov, Kazan, Simferopol, Bakhchisarai, Sudak, as well as from far abroad — Syria, Switzerland. In total, more than 150 people took part in this scientific symposium, 73 reports were presented. The conference discussed the problems of political, trade and cultural relations of the Crimea with the states of the Mediterranean region and the countries of the East in antiquity, the Middle Ages and modern times; issues related to the ethnic history of Crimea and adjacent territories in the past and present; problems of historiography and cartography of the Black Sea and Mediterranean waters; research and new data from written sources on the history of the Crimea, the Mediterranean region and the countries of the East; results of modern archaeological, numismatic and epigraphic studies of the Crimea; interethnic and political relations of the peoples of Crimea in the past and present. By the beginning of the event, a collection of conference materials was published in two volumes.

Keywords: Mediterranean region, Crimea, East, history, culture, archeology, politics

For citation: Lebedinsky V. V., Pronina Yu. A. Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East: the Seventh International Scientific Conference. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 118–125. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-118-125

С 29 мая по 5 июня 2023 г. в г. Севастополе прошла VII Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». Организаторами конференции выступили Институт востоковедения Российской академии наук, Севастопольский государственный университет и Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», на базе которого проходил данный научный симпозиум. С началом конференции стартовала целая череда крупных международных мероприятий, которые будет проводить Институт востоковедения РАН по случаю празднования 300-летия Российской академии наук.

Конференцию открыла директор Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» Е. А. Морозова С приветственным словом к участникам форума от дирекции Института востоковедения РАН обратилась заместитель директора по научной работе к. и. н. Н. Г. Романова От Севастопольского государственного университета участников конференции приветствовал проректор по развитию и цифровой трансформации к. т. н. В. В. Мешков.

За прошедшие годы эта конференция превратилась в одно из наиболее значимых и востребованных ежегодных научных мероприятий в Крыму. Участниками ее стали представители научных организаций, музеев, высшей школы из разных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Краснодара, Саратова, Казани, Симферополя, Бахчисарая, Судака, а также из дальнего зарубежья — Сирии, Швейцарии. Среди основных научных институтов и центров можно назвать Институт востоковедения РАН, Москва; Институт археологии РАН, Москва; Институт Всеобщей истории РАН, Москва; Институт археологии Крыма РАН, Симферополь; Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Москва; Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; Научно-исследовательский институт и музей антропологии им. Д. Н. Анучина Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва; Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. Среди музеев и вузов — это «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», г. Севастополь; Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник; «Музей-заповедник «Судакская крепость», Судак; Музей истории города Симферополя, г. Симферополь; Российский православный университет им. Апостола Иоанна Богослова, Центр палеонтологических исследований, г. Москва; Севастопольский государственный университет; НИУ ВШЭ, Москва; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва; Московский педагогический государственный университет, Москва; Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь; Кубанский государственный университет; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва; Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь; Уральский федеральный университет, Екатеринбург. Круг участников конференции не ограничился докладчиками — в работе мероприятия приняли участие преподаватели и студенты Севастопольского государственного университета. В общей сложности в данном научном симпозиуме приняло участие более 150 человек, было представлено 73 доклада.

Работа конференции проходила на протяжении трех дней в трех заседаниях: утреннем, дневном и вечернем, в смешанном формате — очном и он-лайн. К началу мероприятия был опубликован сборник материалов конференции в двух томах общим объемом 488 страниц (Исторические, культурные, межнациональные..., 2023, т. 1; Исторические, культурные, межнациональные..., 2023, т. 2). В рамках работы конференции была организована выставка фоторабот сотрудников Института, сделанных во время экспедиций в Египте, Судане, Сирии, Эфиопии.

На конференции обсуждались проблемы политических, торговых и культурных связей Крыма с государствами Средиземноморского региона и странами Востока в древности, средневековье и новое время; вопросы, связанные с этнической историей Крыма и сопредельных территорий в прошлом и настоящем; проблемы историографии и картографии Черноморской и Средиземноморской акватории; исследования и новые данные письменных источников по истории Крыма, Средиземноморского региона и стран Востока; результаты современных исследований Крыма — археологических, нумизматических и эпиграфических; межнациональные и политические отношения народов Крыма в прошлом и настоящем.

Среди двадцати докладов, представленных в первый день научного форума, можно отметить следующие.

Т. Е. Белорусова (Институт всеобщей истории РАН) посвятила свой доклад проблеме греко-латинского синтеза в архитектуре, изобразительном искусстве и литературе позднесредневекового Пелопоннеса (XIII–XIV вв.). На основе анализа архитектурных сооружений, например,

таких как монастырь св. Марины близ Андравида, церкви Панагии в Мербаке, Влахернский монастырь в Элиде, церкви св. Георгия в Андрусе и в Гераки, церковь св. Праскевы в Гераки, автор выделяет черты, характерные для местной византийской архитектуры, и привнесенные черты, присутствующие западной традиции. Примером латино-византийского искусства, по мнению автора, является икона св. Георгия XIII в. в Кастории и роспись над гробницей 1 в церкви св. Франциска в Кларенце. Примером социокультурного взаимодействия письменной культуры стала «Морейская хроника», сохранившаяся в восьми рукописях на четырех языках. Тем не менее, заключает автор, несмотря на подобное культурное сближение греков и латинян, единой смешанной формы греко-латинской культуры все же не существовало.

Е. С. Зайцева (Уральский федеральный университет) в своем докладе «Средиземноморские экскурсы в сочинениях Прокопия Кесарийского и концепт *mare nostrum* в VI в.» рассказала о значении морского пространства как отправной точки в географических представлениях Прокопия Кесарийского. Автор подчеркнула, что в сочинениях этого историка содержится много описаний самого Средиземноморья, в которых города разделены в зависимости от их удаленности от моря, что отражает значимость морских коммуникаций для римлян, и пришла к выводу, что несмотря на разрушительные и победоносные нашествия вандалов на Римскую империю в этот период, ситуация коренным образом не изменилась: Средиземноморье все еще входило в зону геостратегического господства Римской империи.

Помимо вопросов по истории и культуре Крыма, его взаимосвязи с сопредельными регионами на форуме были представлены новые данные, полученные в ходе исследований археологических экспедиций. Совместный доклад **А. А. Крола** (НИИ и музей им. Д. Н. Анучина МГУ) и **Е. Г. Толмачевой** (Российский православный университет им. Апостола Иоанна Богослова, Центр палеонтологических исследований) был посвящен исследованиям памятника Дерахейб (Аль-Алаки), расположенного в области Вади-аль-Алаки. На основе анализа письменных источников и археологических данных, полученных в ходе работы Нубийской археолого-антропологической экспедиции, авторы сообщили, что Дерахейб, древний и современный центр золотодобычи, был важным центром караванной торговли из Асуана в порт Айзаб и перевалочным пунктом на паломнических маршрутах. Обнаруженные при раскопках Северной крепости, возведенной, по мнению авторов, во второй половине IX в., фрагменты керамики, стекла, тканей, относящихся к IX–XI вв., позволили предположить, что Дерахейб был крупным поселением, возникшим вокруг замка правителя и золотых приисков на пересечении сухопутных и морских путей.

Результаты новейших подводно-археологических исследований в Сирийской Арабской Республике были представлены в совместном докладе **В. В. Лебединского** (Институт востоковедения РАН, Севастопольский государственный университет), **Ю. А. Прониной** (Институт востоковедения РАН), **М. И. Тюрина** (Институт востоковедения РАН). Авторы рассказали об особенностях организации работ в полевой сезон 2021–2022 гг.,² в ходе которого было продолжено обследование акватории населенного пункта Хараб Маркия с остатками морской крепости Маракли, акватории напротив устья реки Эль Хсейн, где выявлено вероятное место якорной стоянки, акватории вокруг острова Арвад, а также необитаемых островов, входивших в систему древней навигации, — Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар, Макруд с остатками древних каменоломен и некрополей, и береговой линии портовой части городища Амрит, которая, по мнению авторов, в настоящее время находится на суше, под песчаными напластованиями.

Среди выступлений дневного и вечернего заседаний можно отметить доклады, в которых были затронуты проблемы по этнической истории Крыма, например, сообщение

² Исследования проводятся и финансируются в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет–2030».

Н. Э. Демешко и **Ю. В. Калинин** (Севастопольский государственный университет), посвященное проблеме крымских татар и зарубежным механизмам противодействия геополитическому усилению Российской империи в Причерноморье; доклад **А. В. Ефимова** (Институт востоковедения РАН, Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева) о регистрационных книгах тапу-тахрир начала XVI в. провинции Кефе, ныне хранящихся в Османском архиве при премьер-министре Турецкой Республики, изучение которых позволило выявить данные по истории Крыма этого периода; доклад **А. В. Баранова** (ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет), в котором автор на основе анализа сведений государственных информационных сводок и обзоров ВЧК-ОГПУ политического состояния республики рассказал о межнациональных отношениях народов Крыма в 1920-х гг. Наибольший интерес, по мнению автора, представляют документы Восточного отдела ОГПУ о политических настроениях мусульман и их активности, в которых содержатся сведения о деятельности партии «Милли фирка», о создании «Народного управления религиозными делами мусульман» (НУРДМК). Одним из главных направлений национальной политики в Крыму в 20-е гг., вызвавшим наибольшие противоречия среди народов полуострова, стал земельный вопрос. В результате в 1928 г. была проведена земельная реформа на основе уравнительного пользования угодьями, способствовавшая централизованному контролю над ситуацией.

Исследованию топонимики Крыма в контексте политической региональной идентичности было посвящено выступление **Д. А. Мальцевой, О. Д. Сафоновой, П. Р. Тузовой** (Санкт-Петербургский государственный университет). Авторы выделили региональные и локальные топонимы, среди которых наименования, выступающие символами советского, древнерусского, московского и имперского периодов; более 150 географических топонимов, связанных с крымским ландшафтом; относящихся к греческому периоду (Южный Берег Крыма). Особенности топонимов, по мнению авторов, указывают на региональную тенденцию поиска идентичности «в самом себе». Также авторы проанализировали тенденции в переименовании объектов в Крыму вплоть до настоящего времени, когда в 2023 г. было переименовано тринадцать улиц в честь героев, погибших при исполнении воинского долга во время проведения спецоперации на Украине. В заключение авторы отметили, что руководство РК проводит работу в области исторической политики на местах, что способствует гармонизации общественных и политических процессов.

В своем докладе **В. В. Лебединский** (Институт востоковедения РАН, Севастопольский государственный университет), **А. В. Сазанов** (Институт археологии РАН, Севастопольский государственный университет), **В. И. Двухшорстнов** (Севастопольский государственный университет) рассказали о реализации в Севастопольском государственном университете проекта «Морской культурный ландшафт» и создании системы оперативного мониторинга текущего состояния археологических объектов³. Эта геоинформационная система состоит из нескольких программ, в которые будут вноситься данные об объектах подводного культурного наследия, а именно: их описание, изображение, географические координаты местонахождения, данные письменных источников, картографии, топографии, гидрологии, гидробиологии. Одной из задач проекта является автоматизированное прогнозирование изменения состояния объекта исходя из учета воздействия на него природных и антропогенных факторов, что является, по мнению авторов, наиболее актуальной задачей данных исследований.

Второй день конференции был наиболее многочисленным по количеству выступлений – представлено тридцать докладов.

А. А. Роменский (Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический») посвятил свой доклад изучению обычая дарения по данным Начальной летописи,

³ Проект «Морской культурный ландшафт» подпрограммы развития «Археонет» программы развития университета на 2021–2030 гг. в рамках реализации стратегического академического лидерства «Приоритет–2030».

статьи 6479 (971) года, о походе русской дружины в Болгарию, в которой приведены сведения о дарах ромеев князю Святославу. В летописи сообщается, что к золоту и шелковым тканям князь остался равнодушным, а оружие его восхитило, что подчеркивало для ромеев его воинственные намерения, и Василевс согласился на выплату дани. Автор приводит исторические примеры по данным письменных источников и отмечает, что дарение было частью дипломатического ритуала, а дары в виде драгоценных металлов и шелка были традиционны для ромейской дипломатии. Дарение мечей и оружия, по его мнению, было характерно для скандинавской традиции и символизировало мирные намерения дарителя — вероятно, именно так это было воспринято Святославом, — как знак стремления к миру.

Исследованию похожей проблемы посвящался доклад **Т. В. Куц** (Уральский федеральный университет) «Дары как инструмент поздневизантийской дипломатии». Автор анализирует «язык даров» как одно из средств политического и дипломатического урегулирования, который использовал Мануил II Палеолог в сложный для Византии период сопротивления османской угрозе. В поисках внешней помощи в свою поездку по Западной Европе в 1399–1403 гг. император помимо предметов роскоши вез целый ряд особо почитаемых в христианском мире святынь. Согласно источникам, среди них был шип тернового венца, икона Богоматери Агиосоритиссы, туника Христа. Автор приходит к выводу, что подобные дары символизировали общность интересов империи и европейских правителей, в сложившейся ситуации они стали наиболее подходящим средством выражения призыва встать на защиту христианской веры.

А. В. Чудинов (Институт всеобщей истории РАН, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернашевского) выбрал темой своего выступления эпидемия в Восточной армии Бонапарта в 1798–1801 гг. Анализируя воспоминания Бонапарта о его египетской кампании, написанные императором уже в изгнании на о. Св. Елены, автор пишет об избирательном характере представленных событий, в которых полностью отсутствует упоминание о смертоносных эпидемиях и болезнях (дизентерии, чуме и др.), унесших жизни почти половины личного состава французской армии в Египте. Сопоставив эти описания с данными других исторических источников, таких как письма участников французской египетской кампании, военнослужащих, врачей, а также письма генерала Клебера, ставшего преемником Бонапарта на посту командующего Восточной армией, автор приходит к выводу, что Наполеон в своих мемуарах, продолжая дискуссию с оппонентами, считал необходимым представить себя потомкам в образе непобедимого полководца, возложив всю вину за последовавший крах на своих преемников.

В докладе «На идеологических фронтах Крымской войны: Л. А. Леузон Ле Дюк как виртуоз политической пропаганды» **Н. П. Таньшина** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Московский педагогический университет) исследовала проблему влияния русофобии на принимаемые политические решения на примере Крымской или Восточной войны. Антироссийские публикации в зарубежных газетах и журналах того времени, пишет автор, стали важным идеологическим фактором подготовки войны. Анализируя работы французского путешественника и писателя Леузона Ле Дюка «Современная Россия», «Русский вопрос», «Россия и европейская цивилизация», опубликованные в 1853–1854 гг., накануне и в период начала Крымской кампании, автор отмечает, что они представляли собой настоящие русофобские пропагандистские пособия, в которых подверглись жесткой критике православная церковь как «мертвый институт», самодержавие как антиевропейский институт, целью которых было показать пропасть между «варварской» Россией и «цивилизованной» Европой. И даже окончание войны не изменило взглядов Леузона Ле Дюка, который продолжал писать на русскую тематику, в которых все так же присутствовало убеждение превосходства европейца над «дикими варварами».

На дневном заседании был представлен целый ряд докладов по исследованию керамики, среди которых можно выделить доклад **И. И. Вдовиченко** (Музей истории г. Симферополя), которая рассказала о коллекции расписной керамики из раскопок Керкинитиды 1981 г. в коллекции Евпаторийского краеведческого музея; совместный доклад **Е. В. Кузнецовой, С. Ю. Монахова, Н. Б. Чурековой** (Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского) об амфорах позднеархаического и раннеклассического времени из коллекции Ялтинского музея; **М. И. Тюрина, К. С. Ушаковой** (Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический») о находках чернолаковой керамики группы Самрапа А из Херсонеса и его хоры; доклад **А. В. Сазанова** (Институт археологии РАН) о керамических комплексах второй половины II в. поселения «Ильич-1» на Таманском полуострове.

Обсуждение данной проблемы было продолжено и на вечернем заседании. В своем докладе **Д. А. Костромичев** (Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический») представил новые данные по снабжению римского гарнизона Херсонеса на основе исследования фрагмента амфоры с надписью, обнаруженной при раскопках Южного пригорода в Херсонесе в 2022 г. По мнению автора, эта амфора с воронковидным горлом, как следует из прочтения надписи, служила тарой для транспортировки оливкового масла, предназначенного для нужд IX Клавдиева легиона римской армии.

Находкам монет из Ближневосточного региона античного периода, обнаруженным в Херсонесе и его округе, был посвящен доклад **Н. А. Алексеенко** (Институт археологии Крыма РАН), в котором автор сообщил об уже известных трех монетах, хранящихся в коллекциях российских музеев, и представил новую находку, обнаруженную в Южном пригороде древнего городища, — монету с изображением головы Медузы Горгоны на аверсе и фигурой бодающегося быка с греческой литерой кси на реверсе. По аналогии с подобной серией монет автор относит обнаруженный экземпляр к сирийской группе — периоду, когда территория Сирии входила в состав царства Селевкидов, и датирует его концом III в. до н. э. Данная монета, по мнению автора, так же как и другие находки из этого ближневосточного региона того периода, является еще одним свидетельством контактов Крыма с Сирией.

В. В. Майко (Институт археологии Крыма РАН) рассказал о двух редких находках, обнаруженных в ходе археологических исследований Сутдеи генуэзского периода в 1997 г., — крупном фрагменте итальянской керамики XIV в. и литом бронзовом посеребренном корабельном свистке XV в. Автор детально исследовал изделия, привел аналогии и заключил, что эти находки являются свидетельством контактов города со Средиземноморским регионом.

В заключительный день работы конференции было представлено шестнадцать докладов. Проблеме межнациональных отношений народов Крыма посвящалось выступление **В. В. Калиновского** (Санкт-Петербургский государственный университет). Автор, исследуя политическое, идеологическое и религиозное влияние Османской империи на крымских татар в начале XX в., подчеркивает, что оно стало важным фактором в политике и культуре всего Черноморского региона в тот период. Турецкой ассимиляции крымских татар способствовала возможность для молодежи обучения в Турции, где они проникались идеями тюркизма, влиявшими на рост национального самосознания крымских татар, их политическую активность. Автор сделал вывод, что существенное влияние на события на полуострове оказали Младотурецкая революция и русская революция 1905–1907 гг., способствовавшие радикализации крымско-татарской интеллигенции.

К вопросу по этнической истории Крыма обратился в своем докладе **Е. А. Хвальков** (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), проанализировав на основе данных массарий и нотариальных актов этнический и конфессиональный состав населения Каффы (Феодосия) XV в., среди которого выделил пять групп, исходя из их принадлежности

к религиозной общине: латиняне, греки, армяне, мусульмане и евреи. Автор проследил демографические процессы в этих группах, трансформации их идентичности и взаимодействие между собой. Этой же проблемы коснулся **В. Н. Байбуртский** (Институт археологии Крыма РАН). В своем докладе автор исследовал вопрос о переселении армян в Крым в XIII–XIV вв. в сопоставлении данных письменных и археологических источников.

На закрытии конференции был отмечен высокий научный уровень представленных докладов, широкий и актуальный круг обсуждаемых проблем, важность данного научного форума и необходимость продолжения его работы в ежегодном формате.

Литература / References

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29 мая — 5 июня 2023 г.). В 2-х томах. Т. 1. Отв. ред. В. В. Лебединский, ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. М.: ИВ РАН, 2023. 246 с. [*Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Materials of the VIIth International Scientific Conference (Sevastopol, May 29 — June 5, 2023).* In 2 v. V 1. Ed. V. V. Lebedinski; eds.-compilers: N. V. Ginkut, Yu. A. Pronina. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2023. 246 p.]

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29 мая — 5 июня 2023 г.). В 2-х томах. Т. 2. Отв. ред. В. В. Лебединский, ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. М.: ИВ РАН, 2023. 242 с. [*Historical, Cultural, Interethnic, Religious and Political Relations of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Materials of the VIIth International Scientific Conference (Sevastopol, May 29 — June 5, 2023).* In 2 v. V 2. Ed. V. V. Lebedinski; eds.-compilers: N. V. Ginkut, Yu. A. Pronina. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2023. 242 p.]

Х ЕЖЕГОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО ТАЙВАНЬСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ «ТАЙВАНЬ: ОТ ПРОШЛОГО К СОВРЕМЕННОСТИ»

В. А. Перминова¹

Вниманию читателей предлагается краткий обзор X ежегодного научного семинара по тайваньским исследованиям «Тайвань: от прошлого к современности», который состоялся 26 сентября 2023 г. в Институте востоковедения РАН. В семинаре приняли участие представители 10 научных институтов и вузов из Москвы, Владивостока и Токио. В ходе заседания обсуждался широкий круг проблем, связанных с историческим, современным и будущим развитием Тайваня.

Ключевые слова: итай, Тайвань, Япония, Тайваньский пролив

Для цитирования: Перминова В. А. X ежегодный научный семинар по тайваньским исследованиям «Тайвань: от прошлого к современности». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 126–129. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-126-129

TENTH ANNUAL SEMINAR ON TAIWAN STUDIES “TAIWAN: FROM PAST TO PRESENT”

Vera A. Perminova

The article presents brief review of the X annual academic seminar on Taiwan studies ‘Taiwan: from past to present’, which was held on the 26th of September, 2023 in Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Scholars and experts from Moscow, Vladivostok and colleagues from Tokyo participated in this seminar. In the course of discussion questions related to historical, contemporary and future development of Taiwan were touched.

Keywords: China, Taiwan, Japan, Taiwan Strait

For citation: Perminova V.A. Tenth Annual Academic Seminar on Taiwan Studies “Taiwan: from Past to Present”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 126–129. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-126-129

26 сентября 2023 г. в Институте востоковедения РАН состоялся X ежегодный научный семинар по тайваньским исследованиям «Тайвань: от прошлого к современности».

Семинар был организован сотрудниками отдела Китая и межотдельского центра тайваньских исследований. В заседании приняли участие коллеги из Москвы, Владивостока и Токио, всего было заслушано 11 научных докладов, в обсуждении которых участвовали представители разных научных институтов и вузов: ИВ РАН, ИКСА РАН, Дипломатической академии МИД России,

¹ Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН, Москва; verger177@yandex.ru

Vera A. Perminova. PhD (History), Researcher in Department of China, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; verger177@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-6626-7395

МГИМО МИД России, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, МПГУ, НИУ ВШЭ, Университета Такусёку (Токио), Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Института США и Канады РАН, а также представители из Русского дома Международного научно-технического сотрудничества.

На семинаре обсуждался широкий круг проблем, связанных с колониальным управлением островом и восприятием японского проникновения на Тайвань в западной публицистике, были затронуты вопросы влияния японской культуры и японского языка на Тайвань в послевоенное время, проблемы изучения Тайваня в России, особенности современного развития острова и его связи с внешним миром, а также специфика сложившейся международной обстановки в АТР в настоящее время.

Заместитель директора ИВ РАН В. Ц. Головачёв поприветствовал всех участников и гостей семинара, отметив, что за прошедшие 10 лет сотрудники отдела Китая и межотдельского центра тайваньских исследований совместно с коллегами из других институтов опубликовали десятки статей и несколько монографий по тайваньским исследованиям, было защищено несколько диссертаций. В. Ц. Головачёв выразил искреннюю благодарность всем коллегам, которые на протяжении многих лет принимают активное участие в работе семинаре.

В первом докладе **С. Ю. Врядий** (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН) рассказал о новых фактах, касающихся редкой этнографической находки — каменной стелы храма богини Мацзу. Этот эпиграфический памятник конца XIX в., обнаруженный на берегу Уссурийского залива в 2006 г., содержит ценные сведения о жизни китайской общины на юге Дальнего Востока. Как отметил докладчик, интересен этот памятник тем, что он является свидетельством существования на российском Дальнем Востоке храма в честь наиболее почитаемой на Тайване богини Мацзу (покровительницы путешественников и мореплавателей).

Серию докладов о японском влиянии на Тайване открыло выступление **В. Э. Молодякова** (Университет Такусёку, Токио), доклад которого был посвящен французскому публицисту Эдмону Плошю. На примере книги Э. Плошю «Армии цивилизаций» (1876), написанной на основе очерков о японской военной экспедиции на Тайвань в 1874 г., автор доклада проанализировал возможные причины прояпонской позиции Э. Плошю, который одним из первых французских публицистов начал выступать в печати за продолжение колониальной экспансии Франции, обращая внимание своих читателей на успешный опыт модернизирующейся Японии в деле «цивилизации» «дикарей» и обеспечения, таким образом, мира и спокойствия в регионе. В. Э. Молодяков отметил, что помимо личной симпатии к японцам и приятных воспоминаний от посещения Японии в 1860 г. при написании своей книги Э. Плошю путем приукрашивания результатов японской военной экспедиции 1874 г., вероятно, стремился показать французской политической элите не только возможность, но и необходимость продолжения колониальной политики ради поддержания спокойствия и безопасности во всем мире.

Продолжая тему японской экспансии, **В. А. Перминова** (ИВ РАН) в своем докладе рассказала о жизни, работе, а также общественной и культурно-просветительской деятельности одного из самых ярких представителей тайваньской элиты — «отца» тайваньского парламента Линь Сяньтана, его попытках вести борьбу с колониальным режимом ненасильственными методами и добиваться расширения прав тайваньцев, находившихся в первой половине XX в. под управлением Японии. Докладчик отметила, что Линь Сяньтан, заставший три эпохи правления на Тайване, сторонник сохранения китайской идентичности среди тайваньцев и «оплот сопротивления японскому режиму», в послевоенное время вынужденный уехать в Японию и там окончить свой жизненный путь, является прекрасным примером того, какие изменения претерпевали тайваньцы в период смены власти на острове, как менялась не только их жизнь, но и восприятие окружающей действительности, как менялась их «самоидентичность».

Влиянию японской культуры и японского языка на Тайване, в частности заимствованиям лексики и грамматических форм из японского языка в китайском языке, был посвящен доклад **П. В. Кульневой** (ИВ РАН). В своем сообщении докладчик рассмотрела предпосылки такого заимствования и этапы японского влияния на китайский язык, познакомила с конкретными примерами заимствований в *гоюй* (пекинском диалекте на Тайване) и *тайюй* (местном, тайваньском диалекте). Как отметила П. В. Кульнева, в числе основных факторов проникновения элементов японского языка в китайский — исторические предпосылки: масштабная работа по переводу на японский язык трудов западных ученых в период Мэйдзи, японизация и внедрение японских стандартов образования на Тайване в колониальный период, усиление лексических расхождений языка в материковой и островной частях Китая после 1949 г., появление моды на японский язык и японскую культуру на Тайване с началом демократизации общества в 1990-х гг.

Изучению японского правления на Тайване в трудах отечественных востоковедов посвятил своё выступление аспирант НИУ ВШЭ **Чэнь Цзао Хун**. Он обратился к исследованиям известного китаевода Ф. А. Тодер, опубликовавшей ряд работ по истории и историографии Тайваня. Представив краткий обзор её жизненного пути, докладчик остановился на фундаментальной работе Ф. А. Тодер — «История Тайваня. XIX век», дав высокую оценку этой монографии, где представлена объективная картина происходивших на острове событий. Чэнь Цзао Хун изучил не только опубликованные работы Ф. А. Тодер, но и текст её диссертации. Особое внимание докладчик обратил на дневники Ф. А. Тодер, опубликованные в виде «Записок востоковеда» в двух номерах журнала «Восток» за 1999 г.

Знакомство российского читателя, в том числе студентов, изучающих китайский язык, с Тайванем, его культурой и языком стало темой доклада **Тан Мэн Вэй** (МПУ, МГУ им. М. В. Ломоносова). В своём выступлении он рассказал о формировании образа Тайваня и тайваньцев при разработке учебных пособий по китайскому языку. Тан Мэн Вэй отметил, что в российских учебниках практически нет информации о Тайване и тем более нет специальных изданий, в которых рассказывалось бы об этом острове. Учебник «Знакомимся с Тайванем» (2022, авторы — Тан Мэн Вэй, Д. А. Жигульская) стал первым таким пособием, которое может также служить справочником для тех, кто желает поехать на Тайвань учиться или работать. В числе основных тем этого пособия — история, география, политика, экономика. Следующая за ним книга «10 текстов о современном Тайване» (2023) стала логическим продолжением первого учебника, в нём авторы (Тан Мэн Вэй, Д. А. Жигульская) знакомят с культурными и языковыми особенностями тайваньцев (основные темы — религиозные обычаи, кинематограф, СМИ, повседневная жизнь на Тайване).

Роли Тайваня и «тайваньской проблемы» в современных международных отношениях в АТР было посвящено несколько докладов. **А. Д. Дикарёв** (МГИМО МИД России) рассказал о преемственности и новациях в новом тексте «Белой книги» КНР по тайваньскому вопросу, опубликованной Канцелярией при Госсовете КНР в 2022 г. Как отметил докладчик, в отличие от «Белой книги» 1993 г. в новом издании не только зафиксирован курс на воссоединение материкового Китая с островами, но и дана крайне отрицательная оценка действиям правящей партии на Тайване — Демократической прогрессивной партии (ДПП), которая считается руководством КНР главной сепаратистской силой. Подробно разъясняя в «Белой книге» обстоятельства, которые могут вынудить китайскую сторону применить силу в отношении Тайваня, китайское руководство предполагает все же разрешать конфликт мирными средствами.

А. С. Каимова (ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова) в своём докладе рассказала о проблеме взаимоотношений между двумя берегами Тайваньского пролива в публичных заявлениях председателя Демократической прогрессивной партии (ДПП) Лай Циндэ. Докладчик остановилась на его «Плане по сохранению мира в Тайваньском проливе», в который входят задачи

по укреплению обороноспособности и продолжению военной реформы на Тайване, укреплению экономической безопасности острова, культивированию «тайваньской идентичности» в противоположность «китайскому самосознанию», а также стремление сохранить статус-кво в Тайваньском проливе. Как отметила А. С. Каимова, ДПП продолжает линию на укрепление позиций Тайваня на международной арене и стремится к увеличению военного потенциала острова, что не может не вызывать обеспокоенность со стороны Пекина.

В продолжение темы предвыборной риторики на Тайване **А. В. Волошина** (ИКСА РАН) подробнее остановилась на энергетической политике. Она представила обзор развития энергетики за последние годы, в частности, рассказала об особенностях энергоёмкой экономики острова, показала структуру энергопотребления и производства электроэнергии в зависимости от источника (ископаемое топливо, атомная энергия, возобновляемые источники энергии), представила данные за 2016 и 2022 гг. по производству электроэнергии на Тайване, а также предполагаемые объемы производства в 2025 г. За последние годы проблема недостатка вырабатываемой энергии стоит на Тайване особенно остро, при этом возможности реального увеличения энергопроизводства за счет «зелёной энергетики» не отвечают целевым показателям по энергопотреблению. Говоря о предвыборной риторике, А. В. Волошина отметила, что большинство кандидатов выступают за восстановление атомной энергетики на острове.

Специфике современных японо-тайваньских отношений и анализу ситуации в АТР посвятила своё выступление **И. В. Гордеева** (НИУ ВШЭ). Докладчик обратила внимание на расширение сотрудничества между США и Японией по вопросам безопасности в АТР, в частности, на предпринятые конкретные шаги сторон по укреплению обороноспособности в районах, прилегающих к Японии (в состав которых, как считается, входит и Тайвань). Помимо этого правительство Японии одобрило три новых документа, связанных с национальной безопасностью (стратегия национальной безопасности, стратегия национальной обороны, программа наращивания оборонного потенциала), где Тайвань занимает центральное место. Как отметила докладчик, Токио придает также большое значение экономическому сотрудничеству с Тайванем, поддерживает расширение политических контактов с Тайбэем. Несомненно, это вызывает критику со стороны Пекина, который видит в действиях японской стороны игнорирование заявляемого ею принципа «одного Китая».

Выступление **В. Н. Добровольского** (ИАМП Дипломатической академии МИД России) было посвящено «тайваньскому сюжету» в контексте актуальной геополитической ситуации в АТР — с акцентом на дестабилизирующую роль США и их союзников, проявляющуюся как в проводимых ими провокационных военно-политических мероприятиях в зоне Тайваньского пролива, так и в целевых информационных потоках, в алармистском ключе обыгрывающих «тайваньскую тему». Докладчик отметил, что исходящие от западных СМИ и экспертов политизированные и непрофессиональные оценки создают неблагоприятный фон, способствующий искусственному наращиванию напряженности, а дискурс «тайваньской проблемы», сопровождающий подобные оценочные рассуждения о Китае, равно как и необоснованные попытки представить КНР в качестве «угрозы безопасности», наблюдающиеся в публичных заявлениях западных политиков, не могут не вызывать озабоченности с учетом хрупкости равновесия геополитических интересов, особенно при попытках прибегнуть к опасной тактике «повышения ставок».

В обсуждении докладов принял активное участие заведующий отделом Китая ИВ РАН А. И. Кобзев, а также коллеги из Института Китая и современной Азии РАН и Института США и Канады РАН. Семинар по тайваньским исследованиям оказался полезным для всех участников заседания.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«75-ЛЕТИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ СССР/РОССИЕЙ И ПАКИСТАНОМ»**

И. Н. Серенко¹

В данной статье представлен обзор двухдневной международной конференции «75-летие установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном». Мероприятие проходило 22–23 мая 2023 г. в Институте востоковедения РАН в смешанном, онлайн-офлайн формате с помощью использования платформы Zoom. Выступления и доклады многочисленных участников международного форума, представленных главой и сотрудниками российской и пакистанской дипломатических миссий в Исламабаде и Москве, членами высокопоставленной делегации пакистанских сенаторов, а также руководителями, сотрудниками, молодыми учеными, преподавателями и студентами ведущих аналитических центров, институтов и различных учреждений России и Пакистана, охватывали широкий спектр проблем, связанных с эволюцией и современным состоянием двусторонних межгосударственных отношений. Помимо официальных приветствий и обращений почетных гостей конференции в ее программе нашли отражение актуальные исследования отечественных и пакистанских ученых по основным направлениям многостороннего сотрудничества Москвы и Исламабада на глобальном и региональном уровне, включая возможности расширения пакистано-российского взаимодействия с территориально близкими государствами в векторе евразийской интеграции.

Большое внимание на форуме было уделено необходимости укрепления социокультурного взаимопонимания народов России и Пакистана, в том числе на основе межкультурного философского диалога, для успешного развития приоритетных практических сфер сотрудничества. Этому вопросу в рамках международной конференции было посвящено знаменательное событие торжественной передачи всемирно известным отечественным философом-востоковедом профессором М. Т. Степанянц нового издания ее перевода на русский язык книги выдающегося мыслителя и поэта Востока Мухаммада Икбала (1873–1938) «Реконструкция религиозной мысли в исламе» (М., 2020) в дар его внуку — почетному спикеру и председателю данной международной конференции, председателю Постоянного комитета Сената Пакистана по правам человека, сенатору Валиду Икбалу. В великолепном исполнении российских студентов ИСАА МГУ прозвучали на урду и стихотворения М. Икбала.

Ключевые слова: межкультурный философский диалог, официальная дипломатия, пакистано-российские отношения, публичная дипломатия, Анвар-уль-Хак Какар, Мухаммад Икбал, Валид Икбал

Для цитирования: Серенко И. Н. Международная конференция «75-летие установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном». *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 1. С. 130–159. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-130-159

¹ Серенко Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; serenko9@mail.ru
Irina N. Serenko, PhD (Education), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; serenko9@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4949-254X

**INTERNATIONAL CONFERENCE
“75TH ANNIVERSARY OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN
USSR/RUSSIA AND PAKISTAN”**

Irina N. Serenko

This article is a review of the two-day International conference “75th Anniversary of Diplomatic Relations Establishment between USSR/Russia and Pakistan”. The event was held on May 22–23, 2023 at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in a mixed, offline and online format by using the Zoom platform. Speeches and reports of numerous participants of the international conference, presented by the head and staff of the Russian and Pakistani diplomatic missions in Islamabad and Moscow, members of a high-ranking delegation of Pakistani senators, as well as by the chief executives, staff, young scholars, teachers and students of leading analytical centers, institutes and various institutions of Russia and Pakistan, covered a wide range of problems related to the evolution and current state of bilateral interstate relations. Besides the official greetings and addresses by Honorable Guests of this International conference, its program also reflected relevant studies of domestic and Pakistani scholars on main areas of Moscow and Islamabad multilateral cooperation at the global and regional levels, including the options of enhancing Pakistan-Russia interaction with the territorially close states in the vector of Eurasian integration. Much attention at the conference was paid to the necessity of strengthening the socio-cultural understanding between the Russian and Pakistani peoples, including means of intercultural philosophical dialogue, for the successful development of cooperation in prioritised practical areas. A significant event was devoted to this issue within the framework of the International conference, connected with the solemn ceremony of presenting as a gift by the world-famous Russian philosopher-orientalist Professor M.T. Stepanyants the new Edition of her translation into Russian of the book by the outstanding thinker and poet of the East Muhammad Iqbal (1873–1938) “Reconstruction of Religious Thought in Islam” (Moscow, 2020) to his grandson — Honorary Speaker and Chair of this International conference, Chairman of the Pakistan Senate Standing Committee on Human Rights, Senator Walid Iqbal. The poems of M. Iqbal were also superbly recited in Urdu by the Russian students from Moscow State University, ISAA.

Keywords: intercultural philosophical dialogue, official diplomacy, Pakistan-Russia relations, public diplomacy, Anwaar-ul-Haq Kakar, Muhammad Iqbal, Walid Iqbal

For citation: Serenko I.N. International Conference “75th Anniversary of Diplomatic Relations Establishment between USSR/Russia and Pakistan”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 130–159. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-130-159

В Институте востоковедения РАН 22–23 мая 2023 г. состоялась международная конференция «75-летие установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном». Она была организована сектором Пакистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока при содействии Сената Исламской Республики Пакистан и посольства ИРП в Москве. В ее работе приняли участие более 70 докладчиков и приглашенных гостей: глава и сотрудники российского и пакистанского посольств в ИРП и РФ, делегация сенаторов Пакистана, а также эксперты, ученые, преподаватели и студенты ведущих аналитических центров, институтов и общественных учреждений, представители деловых кругов России, Пакистана, Белоруссии и Франции.

Данное мероприятие проходило в смешанном очно-заочном формате, рабочими языками были русский и английский.

Участникам конференции была предложена следующая тематика выступлений:

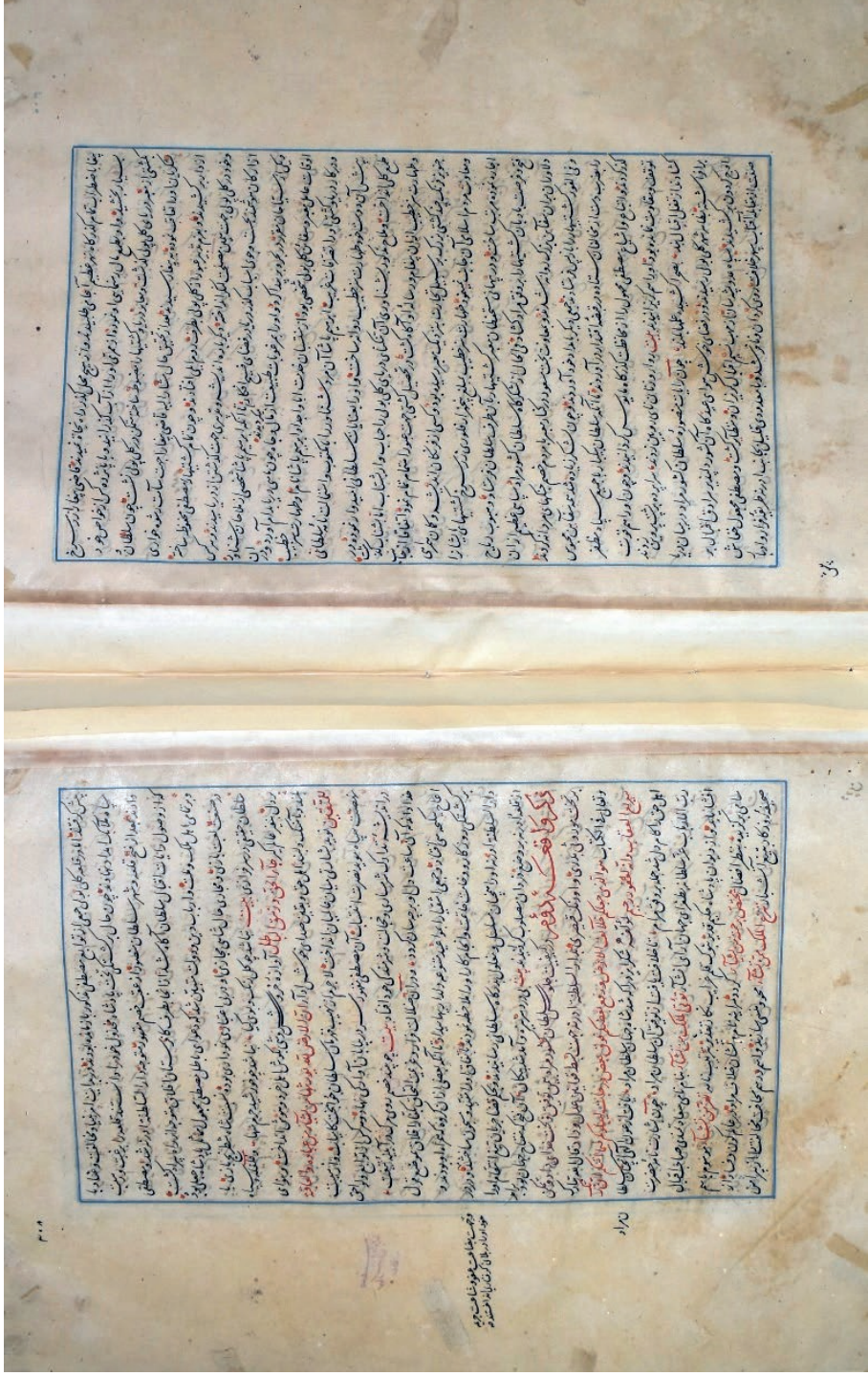
1. Исторический контекст установления дипломатических отношений между СССР и Пакистаном;
 2. Отношения в треугольнике СССР—Афганистан—Пакистан. Проблема Пуштунистана;
 3. Начальные годы в политике СССР по отношению к Индии и Пакистану;
 4. Этапы и основные факторы в эволюции отношений между СССР/Россией и Пакистаном в 1948–2023 гг.;
 5. Современный этап российско-пакистанских отношений — проблемы и перспективы;
 6. Современная ситуация в мире — политика Пакистана и России;
 7. Культурно-гуманитарное сотрудничество двух стран.
- Работа конференции прошла в формате 3-х сессий.

Международный форум открыл и провёл сессию I заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН профессор **Вячеслав Яковлевич Белокреницкий**. Директор ИВ РАН **Аликбер Калабекович Аликберов** и заместитель директора по научной работе **Василий Александрович Кузнецов** обратились к собравшимся со словами приветствия и пожеланиями успешной работы участникам этой важной совместной российско-пакистанской конференции для укрепления двустороннего сотрудничества России и Исламской Республики Пакистан.

Вступительную речь по случаю 75-летия установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном произнес в онлайн формате посол РФ в ИРП **Данила Викторович Ганич** (на англ.яз.). Он выразил благодарность Институту востоковедения РАН за инициативу проведения столь значимого международного форума с участием представителей академических, дипломатических кругов и широкой общественности двух стран в деле укрепления межгосударственных российско-пакистанских отношений. Российский посол сконцентрировал внимание многочисленных участников конференции на необходимости дальнейшего тесного взаимодействия науки и дипломатической практики для эффективного продвижения внешнеполитического курса России и Пакистана по пути взаимовыгодного сотрудничества с учетом общих подходов двух стран в выстраивании на современном этапе многополярного мира. Он выразил оптимизм в отношении будущего российско-пакистанских отношений с учетом проводимой Москвой и Исламабадом взвешенной внешней политики, их приверженности классической дипломатической школе и предпринимаемых усилий, направленных на поиск баланса интересов двух стран. Глава российской дипмиссии в Пакистане выразил также уверенность в успехе проводимой в ИВ РАН международной конференции (полный текст его выступления см. *Danila V. Ganich*. С. 162).

Почетные гости международной конференции — председатель постоянного комитета Сената Пакистана по правам человека сенатор **Валид Икбал** (текст его выступления см. *Walid Iqbal*. С. 163–165) и сенатор **Анвар-уль-Хак Какар** (полный текст его выступления см. *Anwaar-ul-Haq Kakar*. С. 160–161) также обратились к ее участникам с приветственными речами (в очном формате), выразив восхищение огромным интеллектуальным потенциалом старейшего научно-исследовательского Института востоковедения России (1818), перешагнувшего свой 200-летний юбилей и получившего международное признание в качестве ведущего аналитического центра в мире. Анализируя различные исторические этапы эволюции двусторонних отношений, они выразили уверенность в том, что Пакистан и Россия смогут достичь успеха в построении эффективных, прочных и взаимовыгодных отношений, основанных на общих интересах и уважении суверенитета друг друга, что потребует определенных усилий для преодоления между странами существовавшего

Иллюстрации к статье:
Mustafa Dehqan. Variant Readings in Focus: Selecting the Word Sā' at from the
Autograph Patma 533 (Hašt Bihišt VI)

Иллюстрации к статье:

И. Н. Серенко. Международная конференция «75-летие установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном»

Общее фото участников конференции

Почетные гости — сенаторы В. Икбал и А. Какар

Выступление посла РФ в Пакистане Д. В. Ганича

Вручение подарков почетным гостям

Иллюстрации к статье:
 Marietta T. Stepanyants. Pakistani Philosophers

Иллюстрации к статье:

Л. А. Васильева. Культурный фактор в развитии российско-пакистанских отношений

Освещение презентации сборника Фаиза в пакистанских газетах

в прошлом недоверия. При этом было высказано мнение, что наблюдаемая восходящая траектория двусторонних отношений поддерживается за счет достигнутого устойчивого взаимодействия сторон на высшем уровне и создания прочных институциональных механизмов сотрудничества, включая расширение двусторонних межпарламентских обменов, а также налаживание евразийской экономической взаимосвязанности государств.

Почетный гость — председатель постоянного комитета Сената Пакистана по обороне сенатор **Мушахид Хуссейн Сайед** обратился ко всем собравшимся с приветственной речью онлайн. Он поделился своими яркими впечатлениями о давних связях на протяжении последних 35 лет с великой Россией, с Институтом востоковедения, о неоднократных визитах в нашу страну в качестве редактора независимой пакистанской газеты «Muslim». По его словам, он первым выступил с критикой участия Пакистана в так называемом «афганском джихаде» на американские деньги. Ему впервые удалось посетить Институт востоковедения в 1985 г. в бытность директорства известного востоковеда-арабиста Е. М. Примакова. В ходе этого визита, по его словам, он имел возможность поделиться своими мыслями с советскими учеными по текущей политической и экономической ситуации в Пакистане и вокруг него, а также о перспективах двустороннего сотрудничества Москвы и Исламабада. С особой теплотой спикер отозвался о своей встрече в 1988 г. с новым директором ИВ АН СССР М. С. Капицей (посол СССР в Пакистане в 1960–1961 гг.), а также о своем дальнем перелете Москва–Владивосток в крупный дальневосточный город, впервые открывшийся тогда для посещения иностранными гражданами. Далее, как следует из воспоминаний М. Х. Сайеда, в качестве сенатора ИРП он содействовал укреплению межпарламентских российско-пакистанских связей, обмену парламентскими делегациями, налаживанию конструктивных рабочих и дружеских отношений с ведущими российскими парламентариями в лице К. И. Косачева, А. А. Климова и других.

Анализируя основные этапы сложных двусторонних межгосударственных отношений за истекшие 75 лет, сенатор в качестве ключевой области в геополитике XXI в. выделил необходимость формирования региональной взаимосвязанности стран. Он подчеркнул, что у Исламабада и Москвы нет фундаментального конфликта интересов по региональной ситуации, а также по глобальной повестке. Пакистан воздерживается от принятия чьей-либо стороны в украинском конфликте. Это продемонстрировало не только нынешнее (на тот момент — *И.С.*) правительство Шех-база Шарифа, но и предыдущее правительство Имран Хана. Нейтралитет в отношении украинского конфликта разделяют также Китай и Индия. Впервые за последние 25 лет и Индия, и Китай, и Пакистан имеют общую позицию по глобальной проблеме. Россия важна для Пакистана в контексте зарождающегося регионализма, где Пакистану отводится связующая роль хаба со странами Центральной Азии и Евразии через Китайско-пакистанский экономический коридор как составной части Инициативы Пояса и Пути. Региональная интеграция отвечает национальным интересам не только Пакистана и России, но и других территориально близких государств, определяя их взаимодействие на долгосрочную перспективу. В политическом и стратегическом отношении у Пакистана и России также общие интересы в Афганистане. Обе страны выступают против возрождения на его территории терроризма, за создание там стабильного государства и невмешательство внешних сил в его развитие. После вывода американских сил из Афганистана для Пакистана, России, Китая, а также других стран региона появилось стратегическое пространство для взаимодействия в афганском векторе, включая возможности по линии ШОС. Исламабад в прошлом обращался с предложением к российскому президенту Владимиру Путину посетить Пакистан для улучшения двусторонних отношений. Начавшееся российско-пакистанское энергетическое сотрудничество, региональная интеграция, отрицание любой новой «холодной войны», глобальные изменения в мире

способствуют сближению двух стран. Баланс политической и экономической сил, по справедливой оценке сенатора, сместился с Запада на Восток, «американский век» завершился, и мир вступает в «азиатский век», как было давно предсказано дедом Валида Икбала — Мухаммадом Икбалом. Завершая приветственную речь, сенатор подчеркнул, что Пакистан рассматривает Россию в качестве азиатской державы, партнера для построения совместными усилиями лучшего будущего.

Участников данного форума в онлайн формате приветствовала также председатель старейшего пакистанского научно-исследовательского института международных отношений д-р **Масума Хасан** (Карачи). Она подчеркнула давние связи своего аналитического Центра с Институтом востоковедения — старейшим научно-исследовательским учреждением СССР/РФ, выразив восхищение проводимыми на протяжении более 200 лет глубокими востоковедными исследованиями, включая появившиеся значительно позже пакистановедческие при участии таких советских и российских ученых, как Ю. В. Ганковский, В. Я. Белокреницкий и другие. Анализируя развитие пакистано-советских/российских отношений, опытный дипломат и ученый остановилась на основных вехах двусторонних отношений, отметив региональную взаимосвязанность в качестве основного фактора российско-пакистанского сближения на современном этапе в условиях формирования многополярного мира. Было подчеркнуто, что для реализации всех существующих региональных транспортно-энергетических проектов, включая и проекты с участием российской стороны, жизненно важным моментом является достижение мира в Афганистане. Перспективы российско-пакистанских отношений на фоне быстро меняющегося геостратегического сценария представляются вполне позитивными и обнадеживающими, хотя Пакистану при этом надо будет умело сбалансировать свои отношения между США, все еще остающимися основной мировой державой, и их соперниками — Россией и Китаем (полный текст ее выступления см. *Masuma Hasan*. С. 166–169).

В онлайн формате с приветственным словом к собравшимся обратился бывший посол Пакистана в РФ (2016–2019), исполнительный директор Центра международных стратегических исследований Синда **Кази Мухаммад Халилулла** (Карачи). Он поблагодарил директора Института востоковедения РАН А. К. Аликберова и его сотрудников за огромную работу по организации и проведению чрезвычайно важной международной конференции, посвященной знаменательной дате — 75-летию установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном. Посол поделился с участниками форума своими теплыми воспоминаниями о его работе в Москве на дипломатическом поприще, сотрудничестве с коллегами из МИД РФ и других правительственных ведомств, с учеными ИВ РАН, экспертами, представителями средств массовой информации и друзьями Пакистана, которые внесли свой весомый вклад в укрепление российско-пакистанских отношений в различных сферах. Он, в частности, с удовлетворением отметил свое плодотворное сотрудничество, нередкие встречи и полезный обмен мнениями с российскими пакистановедами — профессором В. Я. Белокреницким и И. Н. Серенко по широкому спектру вопросов, охватывающих пакистано-российские отношения, региональную ситуацию и глобальные проблемы, представляющие взаимный интерес в двусторонней повестке. По мнению высокопоставленного дипломата, Пакистан и Россия имеют тесные и многоплановые отношения, основанные на взаимном уважении, доброй воле и доверии. За последние 20 лет обе стороны тесно сотрудничают в различных областях и достигли заметных успехов двустороннего взаимодействия в сфере экономики, энергетики и безопасности. Пакистан и Россия также эффективно сотрудничают на многосторонней основе в различных международных организациях, включая ШОС. Ее потенциал значительно увеличивается со вступлением в нее Ирана и возрастающим интересом Саудовской Аравии к участию в ШОС. Происходящие интеграционные изменения в регионе позволяют говорить о зарождении «евразийского миропорядка». В настоящее время в регионе существует ряд таких важных организаций, как ШОС,

ОЭС, ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, имеющих в целом общие цели развития и охват стран-участниц. При этом в Евразийском регионе нет единого объединения, подобного по масштабам НАТО или Европейскому Союзу. По мнению спикера, стоит подумать об объединении всех евразийских организаций в одну для обеспечения безопасности и взаимосвязанности входящих в нее стран, создания баланса сил на глобальном уровне (полный текст его выступления см. *Qazi M. Khalilullah*. С. 170-172).

Участников конференции в онлайн формате приветствовал также давний друг ИВ РАН, активный участник Международного дискуссионного клуба «Валдай», генеральный директор аналитического Центра международных отношений «Pakistan House» в Исламабаде **Мухаммад Атар Джавед**, который выразил благодарность Институту востоковедения, директору ИВ РАН и организаторам конференции за предоставленную возможность ее участникам обсудить актуальные проблемы, затрагивающие интересы Пакистана и России. Он указал на совпадение подходов двух стран по большинству вопросов международной повестки. По его словам, двусторонние пакистано-российские отношения неуклонно развиваются, несмотря на весь режим международных санкций и осложнения в двусторонних отношениях по линии Россия—Индия, Пакистан—США, Пакистан—ЕС, Пакистан—Украина. Было подчеркнуто, что в непростых условиях формирования нового экономического порядка Китай, Пакистан, Россия, Иран и другие члены ШОС заинтересованы в большей региональной взаимосвязанности государств. Потенциал этого нового экономического порядка огромен. Европа и Ближний Восток, а также другие страны осознали необходимость «перекалибровки» международных отношений в практической плоскости их применения. Они должны быть не взаимоисключающими, а инклюзивными. В то время как Пакистан взаимодействует с США, Западом и другими странами, у России исторически сложились хорошие отношения с Индией, против чего Пакистан не имеет возражений. Международные отношения должны иметь не взаимоисключающий, а всеохватывающий характер. Для этого есть ряд причин, таких, как политические вопросы, а также взаимозависимость друг от друга.

По мнению спикера, роль Пакистана в регионе остается исключительно важной, особенно для России, Китая и стран Ближнего Востока. При этом с сожалением было отмечено, что Пакистан стал жертвой спонсируемых из-за рубежа группировок боевиков и ряда разведывательных служб, действующих с территории Афганистана. Было указано, что Исламабад заинтересован в согласовании региональных связей и базовой доктрины международных отношений, касающейся совместных усилий Пакистана, России и Китая по созданию нового экономического коридора, отвечающего их современным потребностям. Пакистан неуклонно приближается к формированию экономически ориентированных стратегических отношений, основной концепцией которых является энергетика. Россия, находясь под санкциями, не только сумела их выдержать, но и сильно ударила по другим экономикам, заставив покупать у нее нефть по неофициальным каналам. Соединенные Штаты сделали некоторые исключения из своего запрета на импорт российской нефти. Более того, Франция, Германия и другие европейские страны по-прежнему покупают нефть и газ у России. Товарооборот Китая и Индии с Россией резко возрос, поскольку обе страны импортировали рекордные объемы российской нефти. Кроме того, Индия не только покупала нефть, но и продавала ее со скидкой на международных рынках.

По заверениям спикера, Пакистан открыт для расширения отношений с Россией. Особенно важными являются контакты между людьми. Он с сожалением отметил, что русский язык в Пакистане не известен должным образом. На его взгляд, создание языкового центра на базе Института востоковедения или других аналитических центров могло бы способствовать росту взаимопонимания народов, двусторонней торговли и деловой активности между странами.

Пакистан заинтересован в укреплении двусторонних отношений с Россией в области обороны. Исламабад считает, что не только Россия, но и другие страны должны сбалансировать обычные виды вооружений в регионе. Россия уже поставила Пакистану в 2021 г. вертолеты Ми-35М и другое военное оборудование. С точки зрения взаимодействия и безопасности важным является сотрудничество по Афганистану в области предотвращения незаконного оборота наркотиков, представляющих угрозу для соседних государств, России и региона, а также в борьбе с международным терроризмом.

Спикер с удовлетворением подчеркнул, что для развития пакистано-российских отношений не существует особых проблем. Бывшие и нынешние послы двух стран, несмотря на смену правительств в Пакистане, вносят огромный вклад в улучшение российско-пакистанских отношений. Это связано с основной доктриной безопасности и внешней политики Пакистана, которая в настоящее время включает экономическую и энергетическую безопасность. С экономической точки зрения сейчас трудное время для России, Пакистана, а также для региональной и глобальной экономик. При этом эксперт выразил надежду на неуклонное продвижение к расширению российско-пакистанских связей, в рамках которых у сторон не будет никаких возражений против исторически сложившихся отношений между Россией и Индией или Пакистаном со странами Запада (полный текст его обращения см. *Rana Athar Javed. С. 173–174*)

В рамках первой и второй сессий конференции свои доклады в смешанном очно-заочном формате представили ведущие ученые и эксперты из академических институтов, центров и организаций Пакистана и России.

Председателем и сопредседателем сессии II выступили сенаторы **Валид Икбал** и **Анвар-уль-Хак Какар**.

М. Т. Степанынц (ИФ РАН), обосновывая актуальность темы своего доклада «Пакистано-российские философские связи», отметила, что установление дипломатических отношений является первым шагом к межгосударственному взаимодействию, за которым следует развитие отношений во многих сферах общественной жизни, приоритетное место в которых занимают торговля, экономика, политика, вплоть до военного сотрудничества. Далее следуют наука, образование, культура. Однако она с сожалением констатировала, что далеко не всегда политики осознают значимость понимания общественного сознания, формируемого историческим опытом, традициями, культурой, религиозной верой, в деле успешного развития приоритетных практических сфер сотрудничества (подробнее см.: [Степанынц М. Т. Пакистано-российские философские связи. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 3. С. 263–269; М. Т. Stepanyants. Pakistan Philosophers. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 216–221]).

В заключительной части сессии II международной конференции состоялась передача профессором М. Т. Степанынц в дар сенатору Валиду Икбалу — внуку выдающегося философа и поэта Востока Мухаммада Икбала нового издания ее перевода на русский язык книги «Реконструкция религиозной мысли в исламе» (М., 2020).

В великолепном исполнении студентками 3 курса ИСАА МГУ **Н. Д. Бабкиной**, **М. С. Толмачевой** и **А. А. Тамаревской** (под руководством и при организационной поддержке доцента кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ **А. Л. Филимоновой**) прозвучали на урду стихотворения М. Икбала.

Кроме того, к участникам международной конференции обратилась руководитель проектов Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, преподаватель ИСАА МГУ **Д. В. Сапрынская**. Она подчеркнула важность данного высокого международного собрания для внешнеполитической повестки Российской Федерации, а также для такой общественной

организации, как Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова. Докладчиком была отмечена чрезвычайная репрезентативность форума по составу его участников, представивших интересные доклады и выступления, включая замечательное исполнение студентками 3 курса ИСАА МГУ стихотворений М. Икбала на урду. Она передала приветствие и пожелания успехов участникам международной конференции от Исполнительного директора Фонда поддержки публичной дипломатии, бывшего заместителя министра иностранных дел России Л. В. Драчевского. Было отмечено, что в рамках деятельности Фонда началась активная работа по направлению Южной Азии. Была реализована большая программа, посвященная Пакистану, в которой приняли участие и сотрудники Института востоковедения РАН. С пакистанской стороны, например, выступил и участвующий в данной конференции Мухаммад Атар Джавед. По мнению Д. В. Сапрынской, прозвучавшие на конференции утверждения о переориентации России в современных условиях на Восток абсолютно справедливы. Глобальный Восток и Юг устали от западной интерпретации мировой истории и американоцентричной идеологии восприятия современных процессов. Для США и их союзников регион важен в качестве площадки распространения конфронтации вокруг России или внутри нее. Это своего рода новая «Большая игра». В Институте востоковедения и ряде других научных учреждений, как следует из представленных на этой международной конференции докладов, ведется большая исследовательская работа по странам Востока. Поворот на Восток всегда был в центре внимания проводимых в нем исследований. В качестве примера докладчик указала на заложенную учеными Академии наук инициативу изучения уникальности формирования национальной идентичности, национализма, принципов создания государств, их моделей и других проблем, которые становятся как никогда актуальными сегодня. Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова намерен продолжить озвученные востоковедами на данной конференции результаты научных исследований и учитывать в своей работе их практические рекомендации по укреплению российско-пакистанских отношений. В частности, его сотрудниками была разработана обширная научно-образовательная программа «Азиатский диалог». Первое мероприятие в его рамках должно состояться 4–8 июня в Санкт-Петербурге. Платформу «Азиатского диалога» планируется использовать для передачи научных знаний и практического опыта российскими и пакистанскими экспертами представителям научной и студенческой молодежи двух стран. Была выражена надежда на то, что данная международная конференция в ИВ РАН послужит прекрасным стартом для продолжения работы Фонда публичной дипломатии в этом важном направлении по сближению государств и народов Востока.

Профессор **А. А. Суворова** (д. ф. н., заведующая Отделом литератур народов Азии ИВ РАН) в своем докладе «Видные пакистанские женщины в дипломатии и их роль в содействии пакистано-российским отношениям» обратилась к малоизученной отечественными и зарубежными исследователями теме. Был дан исторический анализ становления и развития женской дипломатии в Пакистане, показаны особенности и проблемы трудов пакистанских женщин на дипломатическом поприще, активная роль выдающихся женщин-дипломатов, достойно представлявших Пакистан на международной арене и выступавших за развитие дипломатических отношений с СССР/Россией. Был также прослежен карьерный дипломатический путь таких видных пакистанских женщин, как Шайста Сухраварди Икрамулла, Рана Лиакат Али Хан, Малиха Лодхи, Асма Аниса, Масума Хасан (давний друг Института востоковедения, принимавшая по приглашению руководства ИВ РАН в 2018 г. участие в торжествах в Москве по случаю 200-летия этого старейшего аналитического центра в СССР/России и выступившая с приветственной речью на данной международной конференции, посвященной 75-летию установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном. — С.И.) и др.

Известный литературовед **Л. А. Васильева** (к. ф. н., в. н. с. ИВ РАН), раскрывая тему доклада «Культурный фактор в развитии российско-пакистанских отношений», отметила, что с первых лет существования Пакистана отношения России (правопреемницы СССР) с новой страной складывались весьма сложно. В биполярном мире второй половины XX в. Пакистан оказался в сфере влияния Запада, что естественным образом в политической сфере противопоставило Исламскую Республику странам социалистического лагеря и их союзникам.

Однако, несмотря на напряженные отношения в области политики, стороны всегда принимали попытки по налаживанию контактов в области науки и культуры, что свидетельствовало о доброжелательности сторон друг к другу, хотя научное общение было все же весьма незначительным. В несравненно большей степени развивались контакты в области культуры, которая более объемно отражает и представляет любую страну.

В Москве были организованы несколько выставок пакистанских художников, благодаря которым жители и гости Москвы могли ознакомиться с работами как мастеров старшего, так и молодого поколения (участники выставок в рамках московской биеннале современного искусства, персональные выставки).

Особое внимание в докладе было отведено литературе как наиболее широкой и репрезентативной сфере культурного пространства. Было отмечено, что изучению литературы Пакистана и переводам произведений пакистанских авторов на русский язык, а посредством русского — на языки других народов СССР/России уделялось и уделяется большое внимание. Переводная литература способствовала знакомству читателей со всеми сторонами жизни пакистанского общества. При этом, хотя и в гораздо меньшем объеме, вниманию пакистанских читателей предлагались переводы русской классики и современной литературы.

В докладе также было отмечено большое значение переводов на английский язык и на урду научных трудов отечественных востоковедов, включая работы сотрудников Института востоковедения. Было подчеркнуто, что в последнее время российские исследователи расширили поле своего научного интереса и чаще занимаются вопросами на стыке изучения культуры и литературы, социологии и политологии. Так, в области пакистановедения на темы, относящиеся к разряду междисциплинарных, за последние два десятилетия был опубликован целый ряд таких работ.

Востоковед выразила уверенность в том, что российско-пакистанские отношения вступили на современном этапе в стадию динамичного развития с позитивными перспективами. Тем не менее контакты в области культуры остаются слабыми, и стороны проявляют свое стремление к двустороннему взаимопониманию достаточно пассивно. В этом контексте Л. А. Васильева правомерно считает, что одной из актуальных задач для российских востоковедов является активизация их деятельности, направленной на сближение народов двух стран.

Профессор **Шабир Ахмад Хан** (директор Центра региональных исследований, Пешаварский университет) в своем докладе «Отношения СССР/России — Пакистана» остановился на основных исторических этапах в развитии взаимодействия между двумя странами. Было отмечено, что межгосударственные отношения в советский и постсоветский период строились на основе реализма, структурного реализма и нового либерализма в контексте складывавшихся международных отношений. В частности, было указано, что рождение Пакистана совпало с разделением мира на два блока: капиталистический и коммунистический, возглавляемых соответственно США и СССР. Из-за своего географического положения он оставался важной страной для обеих сверхдержав, подобно значимости Кубы в американо-советском противостоянии. Советский Союз на первоначальном этапе (1947–1953) занимал нейтральную позицию по проблеме Кашмира и даже поддерживал в 1949 г. проведение там плебисцита под эгидой ООН. Однако в январе 1952 г. он посчитал, что

США и Великобритания планируют использовать территорию Кашмира в качестве военной базы против СССР и КНР. В конце 1953 г. советская сторона выразила протест Пакистану по поводу его переговоров о военном сотрудничестве с США, которое положило начало роли Пакистана в качестве ключевого прифронтового игрока западного мира во времена холодной войны по сдерживанию коммунизма. В целях обеспечения своей безопасности в 1955 г. Пакистан вступил в альянс со странами капиталистического лагеря, присоединившись к военным блокам СЕАТО и СЕНТО. Советский Союз, в свою очередь, во время визитов Н. С. Хрущева в ноябре-декабре 1955 г. в Индию и Афганистан поддержал позицию Индии по Кашмиру и требования Афганистана о проведении плебисцита на пуштунской территории. С приходом к власти Л. И. Брежнева в 1964 г. советско-пакистанские отношения заметно улучшились. В апреле 1965 г. состоялся первый официальный визит в Москву президента Пакистана Айюб Хана. Период с 1966 по 1970-е годы, по справедливой оценке докладчика, был пиковым в развитии пакистано-советских отношений. На этапе постсоветского межгосударственного взаимодействия подобный подъем наблюдался в 2000–2010 гг.

В целом, подводя итог проведенному анализу двусторонних отношений государств в советский и постсоветский периоды, спикер выразил уверенность в том, что современные глобальные и региональные изменения, поворот внешней политики России на Восток с выдвинутой концепцией создания Большого Евразийского партнерства (2016), сопряженной с Инициативой Пояса и Пути, начавшиеся процессы евразийской интеграции, достижение региональной безопасности путем урегулирования совместными усилиями афганской проблемы, формирование многоплановой взаимосвязанности Центральной и Южной Азии гарантируют долгосрочную перспективу сотрудничества России и Пакистана.

Профессор **Захид Хан** (директор Центра китаеведения Пешаварского университета), раскрывая тему своего доклада «Пакистан, Афганистан и отношения с Россией: прошлое, настоящее и будущее», напомнил о многолетнем конфликте между Российской и Британской империями в Центральной Азии в контексте «Турнира теней» или «Большой игры», о завоевании Россией Центральной Азии и британской оккупации Индии, о расширении границ Британской Индии после первой и второй англо-афганских войн, когда река Амударья стала границей между Россией и Афганистаном, а линия Дюранда — между Британской Индией и Афганистаном. В этой связи нельзя игнорировать значение протоколов Памирской пограничной комиссии (сентябрь 1895 г.) и англо-российской конвенции (август 1907 г.).

Было отмечено, что вопрос о Пуштунистане всегда оставался яблоком раздора между Пакистаном и Афганистаном. С момента создания Пакистана 14 августа 1947 г. между двумя государствами существовали разногласия по этому вопросу. В первые годы своего существования Пакистан столкнулся со многими проблемами. Во время холодной войны он присоединился к СЕАТО и СЕНТО и стал союзником Западного блока под руководством США. С другой стороны, СССР в рамках Варшавского договора объединил своих союзников для противодействия Западному блоку НАТО. США поддерживали позицию Пакистана по вопросу Пуштунистана, а СССР поддерживал позицию Афганистана. Холодная война не позволила Пакистану и СССР укрепить свои отношения, тем не менее две страны сотрудничали друг с другом. Примером тому может служить Пакистанский сталелитейный завод, построенный при поддержке СССР. В 1971 г. Советский Союз подписал договор о дружбе с Индией, что еще больше ухудшило отношения между ним и Пакистаном, а апрельская революция в Афганистане в 1978 г. и ввод туда советских войск в декабре 1979 г. углубили взаимное недоверие. При этом Пакистан укреплял свои отношения с Китайской Народной Республикой даже во время холодной войны, когда Китай был союзником СССР и важным членом социалистического блока. Это свидетельствует о прагматичном подходе пакистанского руководства

при разработке внешней политики. Несмотря на расхождение мнений между Пакистаном, Афганистаном и СССР по вопросу Пуштунистана, все три страны сосредоточились на сближении интересов для укрепления сотрудничества. История помогает понять настоящее, а современные тенденции — разворачивающееся будущее.

С окончанием в 1991 г. холодной войны в международной политике произошла смена парадигмы. Мир стал многополярным, а Российская Федерация и Китай — важными полюсами в глобальной политике. Регион продолжает сталкиваться с новыми угрозами. Их формы и проявления требуют того, чтобы Афганистан, Китай, Пакистан и Россия сотрудничали во имя стабильности и процветания региона, ликвидации совместными усилиями международного терроризма. Народ Афганистана страдает уже почти полвека. Афганцы, как и любой другой народ, заслуживают достойной, мирной и процветающей жизни. В Афганистане и регионе существует бедность, у населения практически нет доступа к здравоохранению и образованию. Цивилизованному миру необходимо решать эти проблемы для ликвидации терроризма. С целью обеспечения глобальной и региональной стабильности странам необходимо сотрудничать друг с другом в реализации таких совместных проектов, как CASA 1000, Инициатива Пояса и Пути, Китайско-пакистанский экономический коридор, ТАП(И), Евразийский союз. Новые события в Южной Азии свидетельствуют, что страны региона пришли к консенсусу относительно совместной работы во имя стабильности и развития.

Сикандер Афзал (генерал-лейтенант, председатель Центра «Экономический форум Золотого кольца»), приступая к раскрытию темы доклада «Современное состояние российско-пакистанских отношений: проблемы и перспективы», заострил внимание участников конференции на том, что наследие, оставленное британцами в умах пакистанской элиты, политиков, деловых кругов и государственных служащих, настроило их мышление в сторону Запада, поскольку большинство из них получили там свое образование и имели собственные экономические интересы. Этим во многом объясняется тот факт, что внешняя политика склонялась в сторону Запада, особенно Великобритании и США. С другой стороны, русские также идентифицировали себя скорее как европейскую державу, чем как азиатскую нацию. Таким образом, их политические интересы также были направлены на Запад, такими были и подходы, которые доминировали во внешней политике России. Они, по мнению докладчика, были больше европейскими, а не азиатскими. Только сейчас россияне и пакистанцы начали искать пути сближения интересов, ментальности, региональной и глобальной ориентации.

Было выражено мнение, что для Пакистана важно осуществлять независимую внешнюю политику, руководствуясь своими национальными интересами, а не теми, которые навязываются ему посредством политического и экономического принуждения со стороны США. Для расширения российско-пакистанских отношений было указано на необходимость укрепления контактов между народами двух стран, упрощения визового режима для взаимных поездок, организации и проведения различных совместных мероприятий (роуд-шоу, культурных фестивалей, спортивных соревнований), использования телевидения и средств массовой информации, чтобы помочь им лучше понять и узнать друг друга. С этой целью стоит также открывать совместные учебные центры и кафедры в университетах, расширять программы образовательного обмена, взаимодействие делового сообщества для упрощения ведения совместного бизнеса.

В качестве перспективных направлений сотрудничества докладчиком были выделены области транзитной и бартерной торговли, создание совместных складов, банковского дела, рыболовства, судоходства, строительство на побережье эксклюзивных российских курортов, используя наличие международного аэропорта и нетронутых пляжей вдоль береговой линии и т. д. По мнению докладчика, России будет выгодно присоединиться к проектам КПЭЖ (Китайско-пакистанский

экономический коридор) для предоставления ей доступа к альтернативным маршрутам. Пакистану и России следует также совместно работать в области обороны, инвестиций, науки, техники, сельского хозяйства и образования. Было отмечено, что большинство из этих вопросов рассматривались в рамках Пакистано-Российской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, восьмое заседание которой состоялось в декабре 2022 г. в Исламабаде.

Зайнаб Ахмед (доцент, заведующая кафедрой международных отношений, Гарнизонный университет, Лахор), раскрывая тему своего доклада «Текущая ситуация в мире: политика Пакистана и России», отметила, что мир проходит через детерминированную трансформацию, изменяющую геостратегический ландшафт. Начавшийся XXI век был представлен однополярной глобальной структурой власти, сформировавшейся после окончания «холодной войны» во главе с США. Остальной мир распределил свои властные позиции по периферийным структурам вокруг ядра, определяемым двусторонними отношениями с ядром. Нынешнему миру, как полагает докладчик, еще предстоит определиться в отношении тенденций многополярности и многосторонности.

Однако трансформация структуры власти и появление новых точек силы вполне очевидны. Превращение Китая в конкурирующую с Соединенными Штатами державу и его быстро растущее влияние на региональную безопасность и межрегиональные связи в беспрецедентных масштабах представляют собой самую большую проблему для США. На данный момент Китай, по всей видимости, имеет значительное влияние на глобальном уровне, что, несомненно, подрывает гегемонию США. Возрождение России как мировой державы оказывает влияние на традиционный баланс сил в Европе, имеет тектонический эффект и тоже подрывает интересы США. Оно затрагивает, в частности, мировые рынки нефти и продовольствия, которые до сих пор создавались в интересах западных держав. США ясно дали понять, что их главной национальной и оборонной целью является сдерживание Китая. С 2015 г. академические круги США были сосредоточены на усилении американо-китайской конкуренции и объявлении ее основной проблемой предстоящего глобального конфликта. США объявили Россию фатальным фактором в этом уравнении. Вся политика США и их союзников направлена на то, чтобы ослабить Китай. Наиболее заметная ее часть – Индо-Тихоокеанская политика, результатом которой стало создание альянсов QUAD и AUKUS. Возобновление партнерских отношений США в Индо-Тихоокеанском регионе затрагивает все государства региона, в частности, в Южной Азии.

В настоящее время вызовы, с которыми сталкивается мир, многочисленны и разнообразны по своей природе. После пандемии COVID-19 насущной проблемой становится экономический кризис, который более распространен и заметен в развивающихся странах и усугубляется энергетическими проблемами. Кроме того, изменение климата обостряется проблемами с водой, продовольствием и здравоохранением. К тому же охваченный кризисом мир осложняют различные межнациональные конфликты.

Исторически Пакистан и Россия имели сложные отношения, однако фундаментальной реальностью этих отношений остается глобальное геостратегическое позиционирование. Оба государства давно прошли фазу «холодной войны». Теперь новые реалии мира определяют зарождающиеся подходы, фундаментально связывающие оба государства. Интересы США в Индо-Тихоокеанском регионе по сдерживанию и окружению Китая и России в значительной степени затрагивают Пакистан, поскольку последний является близким союзником Китая, а пакистанский порт Гвадар — стержнем Инициативы Пояса и Пути. Возможности США резко сокращаются по мере усиления влияния Китая в регионах, о чем свидетельствует его содействие в разрядке напряженности в отношениях между Ираном и Саудовской Аравией.

Основные проблемы Пакистана в настоящее время — глубоко укоренившийся экономический кризис, отсутствие продовольственной безопасности, дефицит энергии, существующие укрытия террористов в Афганистане и соперничество с Индией. Сотрудничество США с Индией в рамках расширенного двустороннего партнерства (основополагающие соглашения: ЛЕМОА, COSMOA, ВЕАСА), направленное на соперничество с Китаем, негативно сказывается на балансе сил в Южной Азии и непосредственным образом затрагивает Пакистан. Рычаги влияния, которыми располагает Россия в отношениях с Индией, могут оказать, по мнению докладчика, значительное воздействие на снижение региональной напряженности.

Региональный потенциал экономической интеграции, торговых связей, энергетического сотрудничества, экономических коридоров и координации ресурсов тесно связывают Пакистан и Россию, учитывая текущие глобальные обстоятельства. Политика США по сдерживанию Китая и России открывает возможности для российско-пакистанского сотрудничества. Потребность Пакистана в дешевой энергии — одно из важных направлений, по которому Исламабад и Москва могут наладить конструктивное сотрудничество.

Сайед Моаззам Али Хашми (доцент Школы исследований проблем мира и борьбы с терроризмом Университета Минхадж, Лахор), выступая с докладом «Пакистано-российские дипломатические отношения на фоне новой нормы многополярности», подчеркнул, что после трех четвертей века дипломатических отношений между Пакистаном и Российской Федерацией (правопреемницей Советского Союза) две динамично развивающиеся страны нацелены на то, чтобы принять смену парадигмы в региональной внешней политике. Развивающийся экономический сценарий как сила, с которой приходится считаться, разрушил миф об однополярном доминировании и изменил ход международных отношений. Теперь полярность, основанная на военном потенциале, в значительной степени скомпрометирована и сдерживается новой нормой многополярности, когда экономическая мощь и передовые технологии определяют курс действий в рамках взаимозависимой системы национальных государств.

Докладчиком были выделены три следующих этапа в двусторонних отношениях с момента установления 1 мая 1948 г. дипломатических отношений между Пакистаном и бывшим Советским Союзом:

1. Начальный период (с 1958 г.) — переход от гражданского правления к военному, что еще больше приблизило Пакистан к западному лагерю. И хотя предпринимались попытки сгладить трудности в двусторонних отношениях Пакистана с Советским Союзом, они были тщетными, а с открытием афганского «джихада» в 1979 г. окончательно разладились;
2. Фаза после окончания холодной войны — от отчужденных отношений к началу нового этапа постепенного, медленного межгосударственного сближения из-за сохранявшегося наследия отчужденности в двусторонних взаимосвязях. В то время как другие государства региона значительно выиграли от довольно сбалансированного регионального внешнеполитического подхода в отношениях с Российской Федерацией и Западом;
3. Современная эра многополярности с потеплением двусторонних отношений, но все еще не преодолевших былой отчужденности, несмотря на различные инициативы по укреплению пакистано-российских связей, включая дебютные совместные военные учения в 2016 г. и газопровод Pakistan Stream (Карачи–Касур), а также предоставление Российской Федерации доступа ко всегда желанным теплым водам Аравийского моря через разработанный Китаем глубоководный морской порт Гвадар. Улучшению отношений между двумя странами стал препятствовать и украинский кризис еще до того, как Пакистан и Российская Федерация отпраздновали 70-летие установления дипломатических отношений.

Несмотря на былую «лагерную» политику и оказываемое давление, влияющие на внешне-политический дискурс Пакистана, неорегионализм и возвышение Китая как экономической сверхдержавы в целом являются реальностью целостного измерения и соотносятся с национальными интересами Пакистана и мировой политикой. Принимая во внимание, что китайско-пакистанское стратегическое партнерство изменило региональную динамику, пакистано-российские отношения не следует рассматривать через призму Индии. Последней удалось сохранить отношения с Россией, несмотря на тесное взаимодействие с Соединенными Штатами. У Пакистана также есть достаточно возможностей для укрепления своих связей с Российской Федерацией при сохранении баланса в отношениях с США и Китаем.

На фоне прорывных технологий, таких как информационное обучение, искусственный интеллект и т. п., а также происходящих изменений климата Пакистан сталкивается с многочисленными вызовами, на которые стране необходимо достойно ответить. Всемирный экономический форум (ВЭФ) прогнозирует, что Пакистан в течение следующих пяти лет может потерять 83 млн рабочих мест, а создать новых – только 69 млн и стране надо будет преодолеть дефицит в 14 млн потерянных рабочих мест. Докладчик считает, что для решения своих проблем Пакистану надо учитывать международные тенденции и подключиться к процессам региональной взаимосвязанности.

В то время как Пакистан уже работает и сотрудничает со своим старым, проверенным временем другом — Китаем, дальнейшее расширение сотрудничества с Российской Федерацией может открыть перспективы для создания новой нормы многополярности. Это взаимное региональное сотрудничество способно гарантировать устойчивое развитие государств в стратегическом и экономическом плане и позволит им воспользоваться преимуществами регионального Золотого кольца, формирующегося в результате реализации реальных экономических планов.

Россия, Китай, Пакистан, Иран, Турция и государства Центральной Азии, составляющие это Золотое кольцо стран, обладают изобилием природных ресурсов и огромным энергетическим потенциалом для преодоления современного энергетического кризиса и удовлетворения потребностей в энергии в будущем. Энергетическая безопасность — это национальная безопасность. Россия и Иран располагают крупнейшими в мире запасами природного газа и наряду с мощным энергетическим потенциалом Центральноазиатских государств могут проложить столь необходимый энергетический коридор до теплого Аравийского моря, где Китай уже обеспечил свои с Пакистаном коллективные стратегические интересы. Естественный глубоководный морской порт Гвадар, работающий круглый год, соединяет основные мировые судоходные маршруты Индийского океана через китайскую Жемчужную нить. Китай также способствовал налаживанию сотрудничества и прагматических отношений между Ираном и Саудовской Аравией.

По мнению докладчика, для того чтобы иметь тесные отношения со странами Центральной Азии в области энергетических ресурсов, Пакистану не следует игнорировать факт того, что Россия была и остается важной страной в регионе, и хорошие отношения с ней являются ключом доступа к республикам Центральной Азии. Им были выделены следующие основные области сотрудничества: энергетическая безопасность; борьба с терроризмом/безопасность; торговля и региональная взаимосвязанность.

В заключение эксперт резюмировал, что пришло время принять новую «норму многополярности», региональных связей и сотрудничества. На его взгляд, современный мир — это прежде всего прагматичный подход, а не идеология политики существования военно-политических лагерей двадцатого века. Позиция Пакистана по отношению к Российской Федерации основана на принципе, закрепленном в «Политике национальной безопасности страны» (NSP), согласно

которой Пакистан не желает присоединяться к какому-либо лагерю, а стремится к сбалансированным отношениям со всеми странами в национальных интересах своего собственного государства.

Зафар Икбал Чима (президент/исполнительный директор (в отставке), Институт стратегического видения, Исламабад), раскрывая тему «Проблемы и перспективы нынешних пакистано-российских отношений», обосновал наличие современных трудностей в двусторонних связях отсутствием автономности во внешней и внутренней политике Пакистана, сохранением его зависимости от влияния внешних игроков, прежде всего от США, у которых наработаны тесные связи с пакистанской элитой, особенно с военным руководством страны. Он обратил внимание участников конференции на исторические события, связанные с убийством в 1951 г. первого премьер-министра Пакистана Лиаката Али Хана при участии Соединенных Штатов, о чем свидетельствуют рассекреченные недавно архивные материалы. Пакистанский лидер, по мнению докладчика, поплатился жизнью за то, что попытался проводить независимую от США внешнюю политику, начав улучшать свои отношения с Советским Союзом. При этом эксперт выразил сожаление по поводу сохраняющегося влияния США и Запада на современный Пакистан, что отрицательно сказывается на развитии пакистано-российского сотрудничества. Несмотря на это, докладчик с удовлетворением отметил, что за последние 27 лет Пакистан и Россия достигли заметного прогресса в дипломатическом и политическом взаимодействии, хотя экономическое и военное сотрудничество двух стран все еще остается незначительным.

Важным событием в двусторонних отношениях стал официальный визит в 2021 г. министра иностранных дел РФ С. Лаврова в Пакистан во время правления премьер-министра Имран Хана. В результате встреч на высшем уровне, состоявшихся в теплой, доверительной и дружественной атмосфере, стороны пришли к ряду двусторонних соглашений, было достигнуто взаимопонимание о необходимости практической реализации намеченных совместных экономических проектов, включая прокладку магистрального газопровода из Карачи в Лахор, а также о расширении двустороннего военно-технического сотрудничества. Эти важные позитивные события в российско-пакистанских отношениях были омрачены последовавшим смещением Имран Хана через вынесение ему вотума недоверия при непосредственном участии, по заявлению смещенного премьера, проамерикански настроенного начальника штаба армии генерала Камара Джаведа Баджвы.

На развитие пакистано-российских отношений, по мнению докладчика, сильное влияние оказывает также индийский фактор, исторически тесные российско-индийские связи при сохраняющемся пакистано-индийском противостоянии двух пограничных ядерных государств. При этом спикер отметил важный вклад России в содействие снижению эскалации напряженности между Исламабадом и Дели в период серьезного обострения в 2019 г. пакистано-индийских отношений из-за Кашмира. Он подчеркнул важность сотрудничества Пакистана и России в рамках ШОС для налаживания региональной взаимосвязанности и стабильности. В заключение докладчик выразил надежду на то, что, несмотря на существующие проблемы в пакистано-российских отношениях, они будут развиваться на дружественной, доверительной и взаимовыгодной основе.

Талат А. Визарат (независимый исследователь, бывший профессор кафедры международных отношений, Университет Карачи) в начале своего доклада «Пакистано-российские отношения в меняющемся мире» дала негативную оценку мировому порядку, провозглашенному США после того, как они утвердились в качестве единственной мировой сверхдержавы, отметив, что в настоящее время он полностью изжил себя. Американская политика, по мнению докладчика, была основана на односторонности однополярного мирового порядка, преобладании военной мощи и опоре на силу при разрешении споров. Но теперь стержень этой системы, то есть превосходство США как единственной сверхдержавы, подорван. Поражение США в Афганистане, сцены хаотичного вывода войск из Кабула и события, связанные со штурмом Капитолия 6 января 2021 г. после победы Джо

Байдена на президентских выборах, все еще остаются свежи в общественной памяти. Она указала на ряд научных исследований о том, чего можно ожидать от сверхдержавы, находящейся в упадке.

В докладе было отмечено, что важным изменением, произошедшим в последнее время, является возвышение Китая как крупной державы. Подобное успешное развитие в значительной степени объясняется его экономическими достижениями. Страна смогла развить свою военную мощь и в случае возможной провокации способна дать эффективный отпор. В качестве другого позитивного развития событий в мире эксперт отметила растущую самодостаточность России, которая продемонстрировала готовность при необходимости защитить свои национальные интересы даже с помощью силы. Усилия США по окружению и изоляции России в связи с ее действиями на Украине были подорваны.

Однако наиболее важным аспектом глобальной политики, по мнению докладчика, является исчезновение враждебности между Китаем и Россией. Две страны сотрудничают в Центральной Азии и Евразийском регионе. Их сотрудничество в экономической и политической сферах рассматривается как стабилизирующий фактор в мировой политике. Формирующийся новый порядок основан на достижении консенсуса вместо односторонности, а также на стремлении к миру вместо конфронтации и конфликтов. На ее взгляд, процесс развития инфраструктуры мог бы привести страны к большей интеграции. Развивающиеся государства, желающие стать частью китайской Инициативы Пояса и Пути (ИПП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), осознают, что сейчас появились платформы, возглавляемые Китаем и Россией, которые могут открыть для них новые возможности. Пакистан имеет важное стратегическое расположение и планирует воспользоваться возникающим новым сценарием, основанным на сотрудничестве. В прошлом США втягивали Пакистан в свои войны, которые разделили страну, повредили ее инфраструктуру и разрушили экономику. После того, как США достигли своих целей, Пакистан был брошен на произвол судьбы, столкнувшись с негативными последствиями. Этот устаревший сценарий, по мнению докладчика, необходимо изменить, и Пакистан может сделать это с помощью своих новых друзей и союзников.

По заявлению докладчика, народ Пакистана заинтересован в построении лучшего будущего для своей страны. Имидж России среди пакистанцев таков, что она ценит своих союзников и не отказывается от них после достижения собственных целей. Пакистан хотел бы развивать более тесные отношения с Россией, сохраняя при этом дружественные связи, которые у него уже сложились с Китаем. В соответствии с новым сценарием эти цели не противоречат друг другу. Первым приоритетом Пакистана было бы развитие торговых связей с Россией. Дешевая нефть и газ из России могли бы помочь оживить экономику Пакистана, создать новые рабочие места, сократить в определенной мере масштабы нищеты. Было отмечено, что Индия извлекает выгоду из закупок дешевой российской нефти. Теперь даже Саудовская Аравия подписала соглашения с Россией, чтобы получать российскую нефть. Российскую пшеницу следует импортировать в Пакистан для обеспечения продовольственной безопасности населения, предотвращения дестабилизации внутренней ситуации в стране из-за отсутствия продовольствия по доступным ценам. Российская пшеница хорошего качества, она дешевле по стоимости по сравнению с другими предложениями. Реальность такова, что, хотя Пакистан является сельскохозяйственной страной, он не в состоянии удовлетворить свои потребности в продовольствии из-за проводимой Индией против Пакистана политики «водного терроризма». Стихийные бедствия, нехватка мощностей для хранения воды и неадекватная координация действий являются другими факторами, приводящими к отсутствию продовольственной безопасности.

Пакистану следует извлечь уроки из своего собственного опыта, а также из опыта дружественных стран, чтобы улучшить ситуацию. Российский опыт был бы полезен для восстановления Пакистанского сталелитейного завода. Его необходимо модернизировать для возрождения

и эффективной эксплуатации. Оборудование для создания различных отраслей промышленности первоначально следует импортировать из России с осуществлением в дальнейшем совместного производства по лицензии. Это дало бы толчок промышленному развитию и открыло бы двери для экспорта оборудования в государства-члены Инициативы Пояса и Пути. Но это возможно при условии, что электричество и необходимое оборудование не будут слишком дорогими. Для развития горнодобывающего сектора в Белуджистане и других провинциях Пакистана можно обратиться за помощью к российским и китайским компаниям. Пакистан богат такими ресурсами, как медь, литий, редкоземельные элементы и др., которые требуются различным отраслям промышленности. Опыт Пакистана в работе с западными компаниями до сих пор был менее чем удовлетворительным. Российские компании также могли бы помочь Пакистану в разведке нефти и газа. Все эти шаги должны быть предприняты для достижения обоюдных целей. А создание новых рабочих мест для местного населения способствовало бы сокращению масштабов нищеты.

Другой важной задачей должно стать развитие профессиональных навыков и умений местной рабочей силы с помощью учебных программ, финансируемых правительством и частным сектором Пакистана при техническом содействии России. Молодые люди, которые составляют большинство в Пакистане, могли бы получить профессионально-техническое образование, соответствующее международным стандартам. Пакистану необходимо развивать свою модель высшего образования по новым принципам. Доступ к американским и европейским университетам должен сохраняться, но следует также предпринять усилия для достижения диверсификации в получении образования за рубежом. Существует острая необходимость в развитии академического сотрудничества с высшими учебными заведениями России и Китая. В рамках КПЭЖ, в частности, были объединены конкретные университеты в Пакистане и Китае, их можно расширить за счет подключения российских университетов. Аналитическим центрам этих трех стран следует работать вместе и дополнять друг друга. Докладчик также отметила, что определенные двусторонние контакты в области образования существовали еще до создания Пакистана. Она сообщила участникам конференции, что ее отец еще в далекие 1930-е годы получил медицинское образование в Советском Союзе, и в его домашней библиотеке сохранился ряд книг на русском языке, к которому в ее семье относятся с большим интересом.

Эксперт подчеркнула, что Пакистан страдает от нескольких уровней западных санкций. И ему вместо того, чтобы периодически обращаться с просьбой об их отмене, следует разработать новые независимые подходы для удовлетворения своих потребностей в обороне. Пакистан мог бы пополнить оборонное вооружение за счет закупок в других странах. Российские зенитные установки С-400 считаются самыми современными и эффективными системами в мире. В прошлом Китай и Пакистан совместно производили самолеты JF-17 Thunder и танк Al-Khalid, которые заслужили репутацию очень эффективных и достаточно дешевых. Россия и Пакистан могут сотрудничать в этой сфере на взаимовыгодной основе. Уже сформировался рынок продаж эффективной военной техники, цена на которую не слишком высока. Монополия США на производство и продажу оружия нуждается в контроле для создания более мирной атмосферы на планете.

Проведенные экспертом в течение последних двух лет исследования позволили ей сделать вывод о том, что две сферы могут представлять большую угрозу для человечества в будущем. Использование климата в качестве оружия — реальная возможность, и после дальнейших исследований по этому вопросу ведущие государства международного сообщества должны принять совместную стратегию по этой проблеме. Кроме того, в ходе начатой Россией операции на Украине на ее территории были обнаружены американские биологические лаборатории. Поступали сообщения о наличии таких лабораторий США и в ряде других стран. Вся концепция, по мнению докладчика, была разработана США для достижения преимущества над своими соперниками. Это

может представлять серьезную угрозу для человеческой цивилизации. Применение ядерного оружия в Японии и оружия с ядерными боеголовками Великобританией и США против Ирака привело к уродствам и врожденным дефектам у новорожденных детей. Страны, которые могут стать вероятными целями этих нападений, должны позаботиться о своей защите. Им следует развивать оборонительный потенциал, работая совместно, чтобы лучше понять возникающие проблемы (подробнее см. *Talat A. Wizarat. С. 253–259*).

Сессия III международной конференции, состоявшаяся полностью в очном формате на следующий день, 23 мая, также прошла под председательством двух сенаторов — **Валида Икбала** и **Анвар-уль-Хак Какара** совместно с профессором **В. Я. Белокреницким** при участии двух сопредседателей — старших научных сотрудников ИВ РАН кандидатов наук **И. Н. Серенко** и **Н. А. Замааровой**.

В рамках третьей сессии доклады по широкой тематике пакистановедческих исследований, включая историю и современное состояние дипломатических отношений двух стран, а также взаимодействие с регионально близкими Пакистану государствами, были представлены российскими учеными и экспертами.

Профессор **Н. В. Галищева** (д. э. н., МГИМО), выступая с докладом «Экономическое сотрудничество России и Пакистана в 1990–2010-е гг.: основные проблемы и перспективы», отметила изменение масштабов экономического взаимодействия двух стран, ослабление в пореформенный период российского вектора в системе приоритетов внешнеэкономической политики Пакистана. Объем российско-пакистанской торговли в 2010–2017 гг. в среднем составлял \$450–550 млн долл. (по результатам 2015 г. — 395,1 млн долл.), в 2018–2021 гг. — в среднем около \$700 млн долл. (по результатам 2021 г. — 696,99 млн долл.). Между тем доля России во внешнеторговом обороте Пакистана в этот период, по данным пакистанской таможенной статистики, по-прежнему составляла 0,5% (в экспорте — 0,7%, в импорте — 0,4%). Доля Пакистана, по данным российской таможенной статистики, не превышала 0,1% (0,07% — в экспорте и 0,12% — в импорте).

Среди положительных тенденций последних лет докладчиком было выделено наращивание интенсивности взаимной торговли. Об этом свидетельствует рассчитанный индекс интенсивности взаимной торговли в 2010–2021 гг. между Россией и Пакистаном и Пакистаном и Россией. В обоих случаях он показывает существенный рост.

Среди негативных тенденций эксперт выявила слабую диверсификацию взаимной торговли, а также ее «вертикальный характер». Анализ индекса Грубеля-Ллойда свидетельствует, что по трем относительно крупным товарным позициям (овощная продукция, фармацевтические товары, изделия из пластмасс) внутриотраслевая российско-пакистанская торговля на протяжении последнего десятилетия нарастала и в 2021 г. находилась на относительно продвинутом уровне. Так, для фармацевтической продукции этот показатель составлял 0,6, овощной продукции — 0,3, изделий из пластмасс — 0,2. Между тем даже по анализируемым группам товаров эффективность внутриотраслевой торговли невысока; взаимная торговля двух стран носит межотраслевой характер, что не обеспечивает ей устойчивости на будущее. В целом статистические данные свидетельствуют о том, что доля высокотехнологичной продукции во взаимном товарообороте невелика, он имеет сырьевой профиль и базируется на узкой номенклатуре товаров, чувствительных к конъюнктуре.

Подводя итог своему выступлению, докладчик сделал вывод о том, что взаимная торговля России и Пакистана — весьма слабое звено двусторонних отношений, и ее существующий уровень, очевидно, ниже потенциально возможного. Перспективы российско-пакистанского торгового сотрудничества в значительной степени зависят от успешности реформ в обеих странах, а также от способности России в короткие сроки диверсифицировать свою экономику, сделав упор на ее

реальном секторе и сфере науки и технологий в условиях ряда негативных внешних факторов, и прежде всего введенных западными странами санкций.

Профессор **Л. А. Черешнева** (д. и. н., Липецкий государственный педагогический университет) свой доклад «Несостоявшийся визит премьер-министра Пакистана Лиаката Али Хана в СССР» посвятила истории установления дипломатических отношений между СССР и Пакистаном. В частности, был дан историографический анализ несостоявшегося в 1949 г. официального визита пакистанского премьера Л. А. Хана в Москву. Было показано, что весь мир в тот год ожидал этого события, размышляя, к каким договоренностям придут «Пакистанский полумесяц» и «Красная звезда» и как советско-пакистанское сближение повлияет на геополитику в послевоенном мире. Однако пакистанский премьер-министр не приехал в Советский Союз. Более того, весной 1950 г. он отправился с официальным визитом в Вашингтон, что положило начало долгосрочному сотрудничеству между Пакистаном и США. Докладчиком был проанализирован исторический фон исследуемых событий, отношение СССР и США к разделу колониальной Индии, в результате которого возник Пакистан. На основе материалов Архива внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации и Национального архива Индии ею были проанализированы причины и цели намечавшегося визита Лиаката Али Хана в СССР в 1949 г., а также советско-пакистанские контакты в процессе подготовки визита (подробнее см.: *Chereshneva L. A. С. 195–202*).

И. Н. Серенко (к. п. н., с. н. с. ИВ РАН), раскрывая тему «Усилия публичной и официальной дипломатии в укреплении российско-пакистанских отношений», обратила внимание участников конференции на сложный исторический путь развития двусторонних связей СССР/России и Пакистана. Они, несмотря на все имевшиеся трудности в межгосударственных отношениях, как показали результаты проведенного докладчиком исследования, фактически не прерывались благодаря налаживанию научно-культурного диалога между народами двух стран. Было показано, что общественные и научные круги обоих государств, включая представителей Института востоковедения АН СССР/РАН, даже в непростых условиях межгосударственного взаимодействия продолжали поддерживать взаимные контакты по линии народной дипломатии с дальнейшим выходом на официальную. Это в конечном счете не в последнюю очередь способствовало сближению внешнеполитических подходов Москвы и Исламабада, выходу двух территориально близких государств на новый уровень конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества в современных условиях региональной интеграции и формирования многополярного мира (подробнее см.: *И. Н. Серенко. С. 222–232*).

П. В. Топычканов (к.п.н, с. н. с. ИВ РАН), выступая с докладом на тему «Проблемы ядерного оружия и разоружения в отношениях между Пакистаном, СССР/Россией», подчеркнул значение фактора ядерного оружия в международных делах. Пакистан, став ядерной державой, смог во многом обеспечить свою безопасность. При этом Москва достаточно нейтрально относилась к процессу обретения Исламабадом доступа к военным ядерным технологиям, хотя и не скрывала разочарования в связи с нуклеаризацией Южной Азии. Многие помнят реакцию российского президента Б. Н. Ельцина на известие об испытании ядерного оружия Индией и Пакистаном в мае 1998 г.: «Подвели». Политика России и в дальнейшем в целом совпадала с политикой других пяти держав «ядерного клуба». Эта политика включает в себя элемент беспокойства по поводу возможного дальнейшего распространения ядерного оружия в мире. Россия заинтересована в том, чтобы Пакистан не стал экспортировать ядерные технологии другим государствам, прежде всего соседним. Отсутствие сведений о такого рода действиях Исламабада служит, по мнению докладчика, важным фактором доверия к нему со стороны Москвы и способствует развитию между двумя государствами отношений сотрудничества и кооперации, в том числе и в военной области.

Н. В. Мелёхина (к. и. н., с. н. с. ИВ РАН) при раскрытии темы «Российско-пакистанские отношения: взгляд из Нью-Дели», подчеркнула тот факт, что в силу исторических обстоятельств в числе внешнеполитических приоритетов Москвы преимущество отдавалось дружбе и сотрудничеству с Индией, Пакистан же традиционно не входил в орбиту московского влияния. Позитивные перемены в отношениях двух стран обозначились лишь с 2000-х гг., в особенности после того, как оба государства начали активно расширять свое взаимодействие на антитеррористическом направлении.

Наметившаяся в последние годы активизация двусторонних отношений России и Пакистана главным образом затронула сферы военно-технического и энергетического сотрудничества, в практическую плоскость была переведена совместная борьба с терроризмом и наркоугрозой, значительно расширилось взаимодействие по афганской проблематике.

Расширение сотрудничества России и Пакистана, в первую очередь в военно-технической сфере, по понятным причинам вызывает повышенное внимание и обеспокоенность в Нью-Дели. Наиболее резкую реакцию Нью-Дели вызвала готовность Москвы и Исламабада к взаимовыгодному долгосрочному сотрудничеству в военно-технической сфере, в том числе в плане поставок вооружения, военной техники и иной продукции военного назначения.

Ряд индийских экспертов выражали озабоченность относительно улучшения двусторонних отношений России и Пакистана, отмечая, что после вступления Индии и Пакистана в ШОС Москва изменила риторику в отношении Исламабада. В Нью-Дели довольно скептически отнеслись к заявлениям Москвы о том, что Пакистан предпринимает серьезные меры для борьбы с терроризмом, и в целом негативно восприняли намерение России к союзническим отношениям с Пакистаном на антитеррористическом направлении.

Учитывая объективные причины активизации пакистано-российских отношений на фоне изменяющейся внешнеполитической картины в мире и в Южноазиатском регионе, особое беспокойство в Нью-Дели вызывало не столько двустороннее сближение Москвы и Исламабада, сколько возможность формирования оси Москва—Исламабад—Пекин с учетом слишком тесного, по мнению индийского истеблишмента, партнёрства России с Китаем.

Докладчик также отметила, что повышенное внимание у Индии неизменно вызывает и афганское направление российско-пакистанских отношений, а именно восприятие Москвой Исламабада как одного из важнейших участников афганского урегулирования и подключение Пакистана к московской инициативе проведения консультаций по афганской проблеме в многосторонних форматах. Нью-Дели ревностно следит за сближением позиций Москвы и Исламабада на «афганском треке», очевидно, стремясь играть ключевую роль в предлагаемых Москвой «афганских форматах», участие в которых представляется чрезвычайно важным для Индии. Дипломатическим успехом Нью-Дели в этом плане, по мнению докладчика, можно считать перспективы подключения Индии к диалоговому формату расширенной «тройки», куда уже входит Пакистан. При этом нежелание Москвы навредить отношениям со своим стратегическим партнером вынуждает ее в контактах с Исламабадом действовать с постоянной оглядкой на то, как это сближение с Пакистаном будет воспринято в Индии.

В целом же, анализируя мнение индийских экспертов, докладчик приходит к выводу о том, что у Нью-Дели отсутствуют серьезные основания для беспокойства относительно сближения Москвы и Исламабада. Там с пониманием относятся к заявлениям Москвы о том, что Россия развивает отношения с Пакистаном, исходя из собственных интересов (в первую очередь экономических), а не «в пику» какой-либо третьей стране, тем более Индии, стратегическое партнерство

с которой и по объемам, и по насыщенности, и по многовекторности, и по перспективам многократно превышает отношения Москвы и Исламабада.

По мнению докладчика, интенсификация торгово-экономических связей России с Пакистаном или реализация энергетических и инфраструктурных проектов едва ли будут встречать негативную реакцию или тревогу со стороны Нью-Дели. Скорее всего, индийская сторона наиболее болезненно и критически будет воспринимать именно качественное наращивание взаимодействия России и Пакистана в сфере военно-технического сотрудничества. Однако Москва демонстрирует уважение к обеспокоенности Нью-Дели в этом плане, и едва ли в ближайшем будущем следует ожидать какой-либо интенсификации российско-пакистанских отношений в оборонной сфере. Скорее всего, как представляется докладчику, они останутся весьма ограниченными и будут в основном направлены на контртеррористическое сотрудничество. В своих взаимоотношениях с Исламабадом Россия будет стараться избегать шагов, которые могли бы вызвать лишнее подозрение Индии, нанести ущерб интересам Нью-Дели или поставить под угрозу стратегическое партнёрство двух стран. Однако, по мнению эксперта, Москве следует, соблюдая баланс, проводить более гибкую и многовекторную политику, направленную на максимально эффективную реализацию собственных политических и экономических интересов, в том числе и в Пакистане.

И. Б. Дежкин (к. и. н., доцент, Липецкий государственный педагогический университет), анализируя «Отношения Пакистана со странами социалистического лагеря при правительстве З. А. Бхутто (1971–1977)», отметил, что внешняя политика правительства Пакистанской народной партии (ПНП) во главе с Зульфикаром Али Бхутто, пришедшего к власти в «усечённом» Пакистане после индийско-пакистанской войны 1971 г., была продолжением внешнеполитической линии Пакистана 1960-х годов, которая вырабатывалась министром иностранных дел З. А. Бхутто в правительстве фельдмаршала М. Айюб-хана.

Докладчик продемонстрировал, что, как и в предшествующее десятилетие, Пакистан в 70-е годы стремился развивать свои отношения в первую очередь с западными странами и государствами мусульманского мира. Вместе с тем возглавляемое З. А. Бхутто правительство проявило готовность к диверсификации внешней политики, заинтересованность в более активном развитии взаимовыгодных отношений со странами социалистического мира, прежде всего с КНР и СССР. Несмотря на недовольство тесным советско-индийским сотрудничеством, З. А. Бхутто хотел установить хорошие отношения с Советским Союзом, рассчитывая на его экономическую помощь и поддержку в урегулировании ситуации в регионе.

Официальный визит президента Пакистана в СССР состоялся 16–18 марта 1972 г., в ходе которого он встречался с Генеральным секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежневым и главой советского правительства А. Н. Косыгиным. Был обсуждён широкий круг вопросов. В результате обмена мнениями выявились совпадение или близость подходов двух стран по большинству вопросов международной политики. Советские руководители выразили готовность помочь Пакистану в решении сложных экономических проблем, в деле национальной реконструкции с целью преодоления последствий тяжелейшего социально-политического кризиса 1970–1971 гг. Стороны достигли соглашения о восстановлении прерванных в 1971 г. экономических и торговых связей. СССР заявил о готовности способствовать установлению мира в Южной Азии. Второй визит З. А. Бхутто в СССР состоялся 24–26 октября 1974 г.

Советский Союз и Исламская Республика Пакистан регулярно обменивались визитами правительственных, парламентских, профсоюзных, общественных делегаций. В Москву по приглашению Комитета советских женщин приезжала супруга пакистанского руководителя г-жа Нусрат Бхутто. В 1972 г. СССР возобновил оказание экономической помощи Пакистану, содействовал

строительству металлургического завода близ г. Карачи — самого крупного промышленного объекта страны, а также ТЭС в Гудду, трёх радиостанций, разведке нефтяных и газовых месторождений и подготовке кадров. С 1974 г. наблюдался неуклонный рост торгового оборота между двумя странами. Пакистан охотно покупал советские машины и оборудование, популярные у пакистанских фермеров тракторы «Беларусь», телевизоры, удобрения, чугун, транспортные средства. Пакистанский экспорт в Советский Союз состоял в основном из ковровых изделий, продукции обувной и хлопчатобумажной промышленности. СССР покупал даже низкокачественную пакистанскую продукцию, которую иные страны брать отказывались. После разрушительного наводнения в 1973 г. советское правительство направило Пакистану 12 тонн медикаментов.

Активно развивались и культурные контакты, включая обмен учёными. В Пакистане широко отмечались дни рождения В. И. Ленина, юбилейные годовщины Октябрьской революции и образования СССР. Большим тиражом издавалась на месте или завозилась из Советского Союза марксистская литература, работы Ленина, Брежнева. Таким образом, сотрудничество с СССР, довольно выгодное для Пакистана, особенно в экономической сфере, не только было восстановлено, но и укреплялось из года в год до последних дней правления администрации ПНП, свергнутой 5 июля 1977 г. военными во главе с генералом М. Зия-уль-Хаком. Более того, советско-пакистанские отношения в середине 1970-х гг. приобрели, в известной степени, и идеологическую окраску.

Союзнические отношения с Китаем при правительстве З. А. Бхутто вообще переросли в дружбу между двумя странами, тем более что у обоих государств имелись территориальные противоречия с Индией. После вторжения индийской армии на пакистанскую территорию в декабре 1971 г. постпред Китая при ООН Хуан Хуа назвал политику Индии «гангстерской». Будучи главой правительства, З. А. Бхутто трижды посещал Пекин. Он был последним зарубежным политическим деятелем, которого принял умирающий Председатель Мао Цзедун. Стороны обменивались государственными, военными, экономическими делегациями. Китай способствовал восстановлению мощи пакистанской армии, развитию пакистанской экономики. Дефицит в торговле Пакистана с Китаем покрывался экономической помощью из КНР.

Дружеские отношения связывали Пакистан в те годы и с КНДР. Северная Корея вслед за КНР поддерживала Пакистан в кашмирском вопросе, а Пакистан признавал правительство Корейской Народно-Демократической Республики законным представителем корейского народа. Две страны вели активное тайное сотрудничество в сфере разработки ядерного оружия.

Одновременно Пакистан развивал торговые отношения с Республикой Корея. Торговый оборот с Южной Кореей в эти годы даже превосходил объём его торговли с северокорейским режимом, что, впрочем, неудивительно, учитывая феноменальный экономический рост в Южной Корее, быстро становящейся одной из ведущих промышленных держав мира с высокотехнологичными отраслями экономики.

Тёплые отношения существовали у Пакистана и с режимом Н. Чаушеску в Румынии. Румынское руководство проявляло значительную активность в развитии контактов с государствами Запада и странами Третьего мира. Румынский руководитель дважды побывал в Исламабаде, демонстрируя поддержку позиции Пакистана в спорных вопросах отношений с Индией.

Пакистан в рассматриваемый период развивал также сотрудничество с другими социалистическими странами. Пакистан 15 ноября 1972 г. стал 33-м государством, признавшим Германскую Демократическую Республику, установив с ГДР дипломатические отношения, как и в случае признания в том же месяце Демократической Республики Вьетнам. Это было сделано пакистанской стороной раньше большинства других стран.

Внешняя политика бхуттовского правительства, по мнению докладчика, отличалась прагматизмом и, несомненно, отвечала национальным интересам страны. Её сбалансированный характер оставлял мало возможностей оппозиции для критики. Во время внутривластного кризиса 1977 г., завершившегося военным переворотом, оппозиция, обрушивавшаяся на правительство ПНП почти по всем направлениям внутренней политики с резкой критикой, практически не затронула внешнеполитическую деятельность администрации. Проведенный анализ позволил сделать докладчику вывод о том, что внешняя политика кабинета З. А. Бхутто, в том числе в отношении социалистических стран, была действительно успешной, чего нельзя сказать о его внутривластных и социально-экономических мероприятиях (подробнее см.: *И. Б. Дежкин*. С. 203–215).

В. П. Кашин (к. и. н., в. н. с. ИВ РАН), выступая с докладом «Независимый Пакистан и Сталин», который был подготовлен на основе анализа отечественных архивных материалов внешнеполитического ведомства, пришел к выводу о том, что Сталин и руководство СССР с подозрением отнеслись к подготовке и проведению в августе 1947 г. деколонизации Британской Индии. В немалой степени это было обусловлено политическим статусом доминионов, приобретаемым Пакистаном и Индийским Союзом. В Кремле были уверены, что в данном конкретном случае изменения затронули только верхние эшелоны власти и привели к замене администрации вице-короля соглашательскими буржуазными правительствами Лиаката Али Хана и Джавахарлала Неру.

Было отмечено, что установление советско-пакистанских дипломатических отношений 1 мая 1948 г. способствовало развитию экономических и культурных связей между государствами. Однако после того, как Лиакат Али Хан оставил без ответа неофициальное предложение посетить Москву, переданное ему в мае 1949 г., и отправился с визитом в США, Сталин и руководство СССР сделали выбор в пользу сближения с Индией. Во время беседы с послом Индии в СССР К.П.Ш. Меномом, состоявшейся 19 февраля 1953 г., Сталин также высказал пожелание о будущем объединении Пакистана и Индии в федеративное государство. «Это стало бы идеальным решением», — подчеркнул он (подробнее см.: *В. П. Кашин*. С. 187–194).

Г. Г. Мачитидзе (к. и. н., с. н. с. МГИМО МИД РФ), раскрывая тему своего доклада «Проблемы безопасности в регионе АфПак и интересы России», напомнил, что обширный регион в Южной Азии, где расположены Афганистан и Пакистан и который, с точки зрения безопасности, привлекает внимание многих государств, принято называть аббревиатурой АфПак. Общая граница между двумя государствами означает и их определенную взаимосвязь. Целей в сфере безопасности в Афганистане трудно достичь без учета обстановки в Пакистане и наоборот.

По мнению докладчика, будущее обеих стран остается чрезвычайно важной проблемой, причем не только для региона Южной Азии. Привязка Афганистана и Пакистана друг к другу в сфере безопасности — один из важных аспектов региональной стабильности. Поэтому и Россия смотрит на афгано-пакистанскую ситуацию через призму угроз собственной безопасности и безопасности своих союзников в Центральной Азии. Обстановка в зоне АфПак в определенной степени влияет на отношения России с США, Китаем, Индией, Ираном и Центральноазиатскими государствами. Кроме того, эскалация террористического насилия в Пакистане волнует Россию с точки зрения обеспечения ядерной безопасности, которая может быть нарушена в связи с террористической угрозой в стране. Определенное беспокойство вызывает то, что победа талибов в Афганистане произвела демонстрационный эффект, оказывающий вдохновляющее воздействие на исламистские круги Пакистана.

По мнению докладчика, Исламабад обладает большими, чем любая другая страна, возможностями для оказания воздействия на Кабул, но и стимулов у него значительно больше, чем у других стран, поскольку он сильнее других страдает от нестабильности в Афганистане. Рост напряженности

в регионе Аф-Пак свидетельствует о том, что проблемы обеспечения безопасности Пакистана не могут быть решены без решения проблем безопасности Афганистана, так как эти страны неразрывно связаны между собой.

Пакистан, как и Россия, обеспокоен сохраняющейся нестабильностью в Афганистане, который на фоне продолжающихся западных санкций и замораживания донорской помощи находится на грани экономического коллапса с потенциальными трансграничными последствиями, включая новые волны беженцев, ищущих убежища на территориях соседних государств. Исламабад отслеживает потенциальное влияние исламистского правления афганских властей на пакистанские радикальные группировки. Сохраняются опасения, что в результате ситуация в зоне АфПак может превратиться в дестабилизирующий фактор для всего региона.

Экспертом были выделены несколько факторов, влияющих на политику Пакистана в отношении Афганистана: нерешенность проблемы «линии Дюранда», проблема Пуштунистана, экономический и геополитический факторы. На его взгляд, в Пакистане наблюдается нестабильная внутривнутриполитическая ситуация, которая характеризуется хаотизацией общественно-политической жизни, проблемами в административно-хозяйственной деятельности и неспособностью политических партий нормализовать партийно-политическую деятельность в стране. Кризисные явления во внутривнутриполитической жизни Пакистана получили дополнительный импульс в связи с ростом напряженности в зоне АфПак, активизацией деятельности международных террористических организаций и местных радикальных исламистских партий и движений.

По мнению докладчика, улучшение и интенсификация отношений с Пакистаном в торгово-экономической, военно-технической, гуманитарной сферах, а также в сфере безопасности весьма существенны для упрочения российского влияния в регионе Центральной и Южной Азии, а также на пространстве Большого Ближнего Востока. Сотрудничество России с Пакистаном в вопросе поддержания региональной стабильности и противодействия терроризму отвечает интересам не только России и Пакистана, но и Афганистана. Российско-пакистанское взаимодействие на антитеррористическом треке в целях сохранения региональной стабильности является одной из ключевых сфер пересечения интересов двух стран.

У России и Пакистана схожий подход и относительно тех угроз, которые создает присутствие в Афганистане боевиков ИГИЛ–Хорасан, необходимости предпринимать конкретные шаги, чтобы не допустить проникновения террористов на территорию обоих государств. Отдавая приоритет взаимодействию в таких ключевых сферах, как поддержание безопасности и региональной стабильности, Москве и Исламабаду, по мнению эксперта, предстоит пройти еще довольно долгий путь, чтобы сотрудничество на этих и других направлениях приобрело необратимый характер и было бы не подвержено конъюнктурным внешнеполитическим изменениям.

По утверждению докладчика, Россия, проводя гибкую политику в регионе АфПак, направленную на максимально эффективную реализацию собственных политических и экономических интересов, стремится к соблюдению сбалансированных отношений с Пакистаном и Афганистаном, которые являются важными партнерами России в Южной Азии. На его взгляд, Москва, Исламабад и Кабул готовы продолжать сотрудничество в различных сферах с учетом собственного видения двусторонних и геополитических интересов. Несмотря на сохраняющуюся напряженность в афгано-пакистанских отношениях, Исламабад по-прежнему считает своих бывших афганских союзников основным инструментом сохранения позиций Пакистана в Афганистане и по-прежнему готов оказывать помощь Кабулу в преодолении экономических и гуманитарных проблем, с которыми сталкивается соседняя страна.

В заключение эксперт сделал вывод, что пакистанские власти считают для себя возможным убедить афганских талибов принять изменившиеся международные реалии, и у них это получится лучше, чем у любого другого регионального или нерегионального игрока. Поэтому дипломатические усилия Пакистана направлены на то, чтобы убедить Запад проводить по отношению к талибам политику убеждения и стимулирования, а не оказания на них давления для налаживания с ними диалога. С учетом новой реальности в Афганистане Исламабад призывает внешних игроков разработать дорожную карту, которая со временем приведет к дипломатическому признанию де-факто афганского правительства.

И. Е. Федорова (к. и. н., с. н. с. ИВ РАН) в своем докладе «Ирано-пакистанские отношения в современном контексте» рассмотрела основные проблемы и тенденции развития двусторонних отношений в сложных условиях мировой и региональной трансформации. По мнению эксперта, избрание президентом Исламской Республики Иран представителя консервативных кругов Эбрахима Раиси в 2021 г. и приход к власти в Пакистане правительства Шехбазы Шарифа в 2022 г. увеличивают интерес к этой теме. Взаимодействие на политическом треке лежит в центре сотрудничества двух стран. Ситуация в Афганистане, сложившаяся после вывода в 2021 г. американских войск, предоставляет новые возможности для согласованных действий двух столиц на афганском направлении. Положительное влияние на различные аспекты пакистано-иранских отношений может также оказать потепление отношений между Саудовской Аравией и Ираном.

Взаимодействие между Исламабадом и Тегераном осложняется проблемами, связанными с действиями террористических организаций на ирано-пакистанской границе, разделяющей пакистанскую провинцию Белуджистан и иранскую провинцию Систан и Белуджистан. Экономическое сотрудничество в целом и в области энергетики в частности развивается крайне медленно, несмотря на острую нехватку энергоресурсов в Пакистане. Негативный эффект на кооперацию двух стран в этой сфере оказывает санкционная политика США в отношении ИРИ, отметила докладчик.

Г. Г. Макаревич (м. н. с., ИМЭМО РАН), говоря «О возможной роли МТК «Север—Юг» в российско-пакистанских отношениях», выделил транспортную региональную взаимосвязанность в качестве важного фактора укрепления российско-пакистанского сотрудничества. По его оценке, с выводом в августе 2021 г. американских сил из Афганистана взаимодействие РФ и ИРП по транспортной региональной интеграции значительно активизировалось не только на двусторонней, но и на многосторонней основе.

Докладчиком было отмечено, что с середины 2010-х гг. в российско-пакистанских отношениях наблюдается развитие взаимодействия во всех областях — наращивается политическое, экономическое и даже военно-техническое сотрудничество. Несмотря на существенные успехи в двусторонних отношениях, показатели положительной динамики объясняются в основном эффектом низкой базы. Советские, а затем российские политические элиты десятилетиями отдавали предпочтение сотрудничеству с Индией, а потому связи с Пакистаном во многих областях были фактически «заморожены».

За прошедшее неполное десятилетие России и Пакистану, по мнению эксперта, удалось согласовать свои позиции по многим глобальным и региональным проблемам, объединить усилия на «афганском треке», нарастить объемы двусторонней торговли, наладить военно-техническое сотрудничество как в рамках взаимодействия родов войск и видов вооруженных сил, так и на рынке вооружений.

При этом политическое взаимодействие между Москвой и Исламабадом все же видится докладчику ситуативным, его ощутимых результатов пока что не наблюдается. Проекты экономического сотрудничества реализуются с задержкой или откладываются. ВТС России и Пакистана

подразумевает такое количество «красных линий», что прорывов на этом направлении пока также не стоит ожидать. Причина отсутствия впечатляющих результатов российско-пакистанских отношений объясняется докладчиком отсутствием стратегического целеполагания и проведением в основном реактивной политики с обеих сторон. На его взгляд, Россия и Пакистан пока что заинтересованы лишь в гипотетическом сотрудничестве друг с другом: их не связывают проекты, отвечающие их национальным интересам на десятилетия вперед, а потому вовлечение Пакистана в реализацию проектов МТК «Север—Юг» может изменить ситуацию к лучшему.

По мнению докладчика, на протяжении двух десятилетий МТК «Север—Юг» воспринимался в качестве дискриминационного проекта по отношению к Пакистану. В индийском экспертном сообществе не скрывали, что одной из причин использования порта Чабхар и территории Ирана является стремление наладить связи с Центральноазиатскими республиками «в обход» Пакистана. Исламабад и Пекин стали развивать конкурирующий проект — КПЭК с портом Гвадар, строившийся в том числе с целью замкнуть на себе внешнюю торговлю Центральноазиатских республик.

К началу 2020-х гг. ситуация в регионе изменилась: китайские элиты, по всей видимости, как полагает докладчик, оказались недовольны замедлением темпов развития мегапроекта КПЭК в результате недостатка финансовых ресурсов в Пакистане, а также из-за проблем обеспечения безопасности — в том числе китайских инженеров и рабочих.

Пекин начал рассматривать Тегеран в качестве альтернативы Исламабаду, а иранские элиты выразили готовность интегрировать инфраструктурные проекты на своей территории в Инициативу Пояса и Пути (ИПП). Поскольку пакистанским элитам вряд ли удастся повлиять на изменение стратегических приоритетов КНР, эксперт предположил, что Макранское побережье станет единым хозяйственным комплексом. На его взгляд, если даже Нью-Дели воспринимает «сопряжение» МТК «Север—Юг» и ИПП со сдержанным оптимизмом, то Москве также стоит приложить усилия со своей стороны для интеграции Исламабада в проект с российским участием. Такой шаг, с одной стороны, отвечает интересам России по развитию инфраструктуры для переориентации экспорта ее товаров в страны Глобального Юга, а с другой — придает российско-пакистанским отношениям стратегический характер. В настоящий момент, как полагает докладчик, у России и Пакистана есть возможность добиться создания основы для долгосрочного взаимодействия, выгодного для обеих сторон. Упустить его — значит удовлетвориться спорадическими всплесками активности в двусторонних связях и сослаться на традиционную привязку России к Индии как главное препятствие на пути развития российско-пакистанских отношений.

С. А. Чекалин (магистр МГИМО МИД РФ), анализируя «Концептуальные основы центральноазиатского направления внешней политики Пакистана», отмечает, что регион Центральной Азии выступает одним из главных приоритетов внешнеполитического курса Пакистана. Взаимодействие с Центральноазиатскими государствами соотносится с внешнеполитической направленностью ИРП на стратегическое соперничество с Индией и повышение статуса пакистанского государства как в Южноазиатском регионе, так и в исламском мире. Развивая сотрудничество с Центральной Азией, Пакистан стремится расширить круг дружественных государств, на которые Исламабад имеет определенные рычаги влияния.

Пакистан активно продвигает наращивание взаимодействия со странами Центральной Азии в многосторонних форматах, сопряжение с ними на макрорегиональном уровне. Так, он активно выступал за включение Центральноазиатских республик в состав Организации экономического сотрудничества, Организации исламского сотрудничества и др. Немаловажная роль отводится

и китайскому фактору в рамках Инициативы Пояса и Пути по интеграции в данный проект государств Центральной Азии.

Было отмечено, что Пакистан долгое время не имел четко сформулированной центральноазиатской стратегии в отличие от индийской концепции «Соединение с Центральной Азией» (2012). Подобное положение было исправлено правительством Имран Хана, объявившего в июле 2021 г. о реализации государством политики «Взгляд на Центральную Азию». Ее основные положения были закреплены в новой «Национальной политике по вопросам безопасности на 2022–2026 гг.». Пакистанская сторона все более активно продвигает повестку обеспечения взаимосвязанности регионов Центральной и Южной Азии путем установления прочного мира в Афганистане.

Проведенный анализ позволил докладчику сделать вывод о том, что внешнеполитическая стратегия Пакистана на центральноазиатском направлении обладает устойчивой преемственностью. После распада СССР внешнеполитический курс Исламабада был направлен на усиление своего влияния в регионе Центральной Азии в противовес укреплению индийско-центральноазиатских отношений (подробнее см. *С. А. Чекалин*. С. 280–286).

М. В. Хайцева (соискатель ИВ РАН), раскрывая тему своего доклада «Урбанизация в Пакистане и российский опыт (на примере Москвы)», напомнила, что Пакистан является одной из самых густонаселенных стран мира. По оценкам Всемирного банка, в 2021 г. его население превышало 230 млн человек, а по официальным данным национальной статистики его городское население за последние 20 лет увеличилось практически в два раза, почти сравнявшись с численностью сельских жителей. При этом в три раза увеличилась и плотность населения, достигнув 261 чел на 1 кв. км. Кроме того, свыше половины его городского населения (54,27%) проживает в крупных городах численностью 500 000 человек и выше. Таковых насчитывается 21. Крупнейшим из них является Карачи (14,9 млн человек по данным переписи 2017 г.). На его долю приходится 7,2% от общей численности населения страны и 19,7% от всех городских жителей Пакистана. Лахор — второй по величине город с населением 11,1 млн человек. За ним следуют Фейсалабад (3,2 млн чел.) и Гуджранвала (2,2 млн чел.). Население лишь этих четырех городов составляет 15,12% от общей численности, что означает, что каждый седьмой житель Пакистана проживает в одном из этих мегаполисов. При этом за период 1998–2017 гг. Лахор был самым быстрорастущим городом, за ним следовали Пешавар и Гуджранвала. Это свидетельствуют не столько о росте урбанизации, сколько о значительной концентрации населения в ограниченном количестве городов.

В настоящее время основной причиной роста городского населения является внутренняя миграция, а не естественный прирост. Для Пакистана характерна высокая мобильность граждан. По данным Национального института демографических исследований, уровень миграции (как внутренней, так и внешней) составляет 11%. Это означает, что 1 из 9 человек переехал на свое нынешнее место жительства из другого места.

В целом городское население Пакистана отличают равномерные гендерные пропорции с небольшим преобладанием мужчин. Аналогичная ситуация была свойственна и для сельских жителей согласно переписям 1981 и 1998 гг. Однако уже в 2017 г. во всех возрастных категориях сельского населения стало очевидным преобладание женщин. Это объясняет значительную миграцию мужчин в города из сельской местности. Кроме того, Пакистан традиционно обладает большой долей молодых граждан. Так, на возрастную группу 15–59 лет приходится 59% населения и еще 27% — на возраст от 15 до 29 лет.

При рассмотрении половозрастной структуры населения, по данным трех национальных переписей за 1981, 1998 и 2017 гг. можно говорить о значительном и последовательном росте пожилого населения в городах. Так, за 36 лет, прошедших между переписями 1981 и 2017 гг., возрастная

категория горожан 65+ увеличилась в 3,4 раза. Для сравнения — количество жителей сельской местности этой возрастной группы в рассматриваемый период увеличилось в 1,8 раза.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о наличии взрывоопасного человеческого потенциала для развития городов. Во-первых, с учетом комплекса проблем в сельскохозяйственном секторе (перенаселенность, нехватка сельхозугодий и измельчание земельных владений) тенденция оттока мужчин из сельской местности в города на заработки будет сохраняться и дальше. Обеспечение возрастающего количества молодого населения работой, а также социальный уход за резко возросшим пожилым населением станет серьезным испытанием как для городской инфраструктуры, так и для городских властей, что может оказать негативное воздействие на и без того слабую систему городского здравоохранения.

Наиболее ярко социальное неравенство в отношении здоровья человека, а также разрушение инфраструктуры здравоохранения проявляются в городской местности. Здесь наряду с богатыми и благоустроенными районами есть большое количество трущоб, где населению не оказывается какой-либо медицинской помощи. Исторически система здравоохранения в Пакистане развивалась в основном за счет увеличения сети частных больниц и медицинских кабинетов, что привело к ее элитарности. Также значительно превосходящая численность врачей (среди женщин исключительно специализация гинекология) в ущерб подготовке кадров среднего медперсонала привела к тому, что для большинства населения ввиду его бедности современные медицинские услуги стали просто недоступны. Таким образом, в Пакистане по сути существуют две медицинские системы — одна общественная и слабо развитая, испытывающая массу проблем от недофинансирования, отсутствия квалифицированных работников и базовой медицинской инфраструктуры, а вторая — современная, но частная и дорогостоящая, доступная лишь обеспеченным горожанам.

Российская сторона, Москва в частности, обладает большими возможностями в сфере здравоохранения и готова поделиться наработанным опытом с Пакистаном. Это не только традиционное обучение медицинского персонала различным специальностям. Столица уже больше 10 лет занимается цифровизацией системы здравоохранения. Сегодня одной из главных задач является развитие единой цифровой платформы, которая помогает вести учет состояния пациентов на всех этапах. Успешный пример — сервис единой медицинской информационно-аналитической системы (ЕМИАС), в которой все данные доступны онлайн как врачам, так и пациентам.

Кроме того, Москва активно развивает такое направление, как телемедицина. В феврале 2022 г. во время омикрона в московских поликлиниках для пациентов с диагнозом ОРВИ и COVID-19 был внедрен сервис телемедицины в формате «врач — пациент». Телемедицинская консультация — это онлайн-прием у врача, во время которого происходит то же, что на приеме, но дистанционно: врач оценивает состояние пациента, дает рекомендации по лечению и отвечает на вопросы. При необходимости его записывают на очный прием. Получить телемедицинскую консультацию можно с помощью приложения в ЕМИАС. Телемедицина в Москве доказала свою эффективность, позволив освободить 380 тысяч пациентов от лишних визитов в поликлиники с момента ее запуска. Данный сервис позволяет пациенту не посещать медучреждения лишней раз, что удобно в условиях городской перенаселенности. Кроме того, снижается нагрузка на врачей, особенно узкого профиля, когда их часто не хватает в конкретных больницах.

В заключение выступления докладчиком была выражена уверенность в том, что Москва будет рада поделиться своим передовым опытом в организации городской системы здравоохранения с пакистанской стороной.

Кроме того, на конференции были дополнительно заслушаны доклады еще двух российских ученых.

Н. А. Замараева (к. и. н., с. н. с. ИВ РАН) в своем докладе «Христианство в Пакистане» отметила малую степень изученности проблемы христианской общины в ИРП не только отечественными, но и пакистанскими исследователями. Было показано, что Православие в Пакистане представлено Константинопольским и Московским патриархатами, а также Старообрядческой церковью. В первой декаде XXI в. количество православных христиан в Пакистане составляло около 500 верующих. В настоящее время численность значительно выросла до 3000 человек или 0,0002% населения страны.

Ю. П. Лалетин (к. и. н., с. н. с. ИВ РАН), исследуя тему «Язык пушту в Пакистане и язык пушту в Афганистане: сближаются или расходятся?», приходит к выводу о том, что разные общественно-политические условия одного и того же народа, проживающего по разные стороны афгано-пакистанской границы, сказываются на лингвистических различиях одного и того же языка, но они не абсолютны.

Докладчик полагает, что можно говорить о пушту и как о международном языке, имеющем отличия в разных странах, в том числе в Афганистане и Пакистане. Жители двух стран разделены государственной границей. Давно прекратились сезонные передвижения афганских кочевников, которые доходили до берегов Инда. В результате наречия пуштунов Афганистана и Пакистана характеризуются разными грамматическими особенностями, имеют разную лексику. Например, слово «возделанный, населённый» в Афганистане будет произноситься как *aabaad*, а в Пакистане — *bisyaa*, «дружба» соответственно *dosti* и *dostaana*, «в тот же день» — *hamdayawradz* и *amruza* и т. д. Кроме того, в пакистанском пушту часто используются слова урду и английская лексика.

Однако, по мнению востоковеда, подобное разделение не абсолютно. У афганцев, в частности, нет такого представления, что Пешавар как-то отделён от них. Они едут туда по любому поводу (лечиться, учиться и т. п.). Таким образом, происходит постоянное общение пуштунов, проживающих по разные стороны государственной границы. И если афганские пуштуны сталкиваются со словами урду, то они их прекрасно понимают, в том числе и потому, что с детства смотрят индийские фильмы. Более того, пакистанский пушту оказывает всё больше влияние на афганский пушту. В частности, такая его особенность, как окончание — *e* в женском роде множественного числа имён существительных и прилагательных характерна теперь и для пушту Афганистана. Одна из причин подобного явления заключается в том, что носителей пушту в Пакистане в два раза больше, чем в самом Афганистане.

* * *

При подведении итогов международной конференции участниками форума было выражено общее мнение о позитивной динамике российско-пакистанских отношений благодаря усилиям официальной и публичной дипломатии двух стран, возрастающей роли России и Пакистана в процессах региональной интеграции для обеспечения безопасности и стабильности в Евразии².

Работа данной международной научной конференции получила освещение в пакистанских и российских средствах массовой информации:

On Participation of Russian Ambassador to Pakistan Danila Ganich in an International Conference organized by the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. — https://pakistan.mid.ru/en/news/on_participation_of_russian_ambassador_to_pakistan_danila_ganich_in_international_conference/;

² Подробнее об этом см. также: Новости науки ИВ РАН. Международная конференция «75-летие установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном». URL: <https://www.ivran.ru/novosti-nauki?artid=212469> (дата обращения: 11.11.2023).

Pakistan and Russia commemorate 75th Anniversary of establishment of Diplomatic Relations — Ministry of Foreign Affairs. <https://mofa.gov.pk/pakistan-and-russia-commemorate-75th-anniversary-of-establishment-of-diplomatic-relations-relations/>;

Conference on 75th anniversary of diplomatic relations between Pakistan and Russia (22–23 May 2023). <http://parepmoscow.com/en/media/news/conference-on-75th-anniversary-of-diplomatic-relations-between-pakistan-and-russia-22-23-may-2023/>;

Conference held to boost Pak Russia ties. — The Frontier Post. <https://thefrontierpost.com/conference-held-to-boost-pak-russia-ties/>;

Speakers laud positive trajectory of Pak-Russia bilateral relations. <https://www.nation.com.pk/23-May-2023/speakers-laud-positive-trajectory-of-pak-russia-bilateral-relations/>;

Speakers emphasize importance of Pakistan-Russia relations for regional stability. <https://www.app.com.pk/national/speakers-emphasize-importance-of-pakistan-russia-relations-for-regional-stability/>;

О международной конференции «75-летие установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном». https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/o_mezhdunarodnoi_konferentsii_75letie_ustanovleniia_diplomaticheskikh_otnoshenii_mezhdu_ssrrossiei_i_pakistanom_62586;

Конференция «75-летие установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном». https://mgimo.ru/about/news/departments/75-letie-ustanovleniya-diplomaticheskikh-otnoshenij-mezhdu-sssr-rossiej-i-pakistanom/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru;

Международная конференция «75-летие установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном» | Общество | Селдон Новости. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/284819711>.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-160-161

H. E. ANWAAR UL-HAQ KAKAR¹

I have been privileged to visit Moscow last September, thanks to this Institute. I will be very frank, I was mesmerized by Moscow and I fell in love with St. Petersburg. As a frequent visitor to Western Europe, it never crossed my mind that the east of Europe has developed in such an amazing way, though I had a slight idea through written word that Moscow was regarded once as ‘the third Rome’.

When I see or attempt to understand Russia, I view it is an old country, its personality is more than 1000 years old. It initiated in the Kievan Rus, the principality of Moscow was relatively small, but then it reached new heights in the era of Peter the Great and Catherine the Great and then the last Tsar Nicolas II and the Bolshevik revolution. This old country eventually was the one bold enough to challenge the entire international order. This old and unique country had a certain confidence and did not shy away from the values and beliefs it had chosen for its people. For me Russia is an expression and that expression needs to be conveyed and articulated not just within its own territorial boundaries, but related to the whole region.

And what was happening on our (Pakistan’s) side? Probably, we were being viewed through the prism of United India. I mean, we were known by the intervention of Ubaidullah Sindhi and all the communists which were referred to by my colleague (Walid Iqbal). **There was a lot of acceptance and welcoming thoughts from the left of Pakistan for the former Soviet Union, particularly in the province of Baluchistan where I hail from.**

Anyway, Pakistan’s history is as unique as Russia’s. Russia long ago took the nascent steps and reached its adulthood. We on the other hand I feel are still at an embryonic stage, but we have very deep philosophical and spiritual tendencies which are shaping our future. I would quote here the great inspiration of our region Dr. Iqbal; there was a debate within Pakistan movement and most of the clergy and scholars of Islam **were initially not in favor of the idea of a nation state as they said Islam as a religion as well as way of life transcended national boundaries.** People say there is only one person, the sole spokesperson Jinnah. Yes, he was one for practical purposes, but as far as the cognitive activity and philosophy is concerned, Iqbal was the only honest, open, candid man who spoke otherwise. I quote him:

*“Ajam hunuznada’nad ramuzedeewerna
Ze deobandhussainahmedaenchebualajbiast”*

Deoband order is the equivalent of the Eastern Orthodox Church in Sunni Islam. It was a reformist movement in united India and its director at that time was Hussain Ahmed who was well revered like the chief patriarch of so to say Eastern orthodoxy in Islam. I have heard that he was well known here in Russia. **Hussain Ahmed insisted on a secular idea of Muslim nationalism** and he (Iqbal) approaches him and tells him, that you do not have the slightest idea, ajam, of the essence of religion. And what was

¹ Anwaar-ul-Haq Kakar, Senator, later Caretaker Prime Minister, Pakistan.

Анвар-уль-Хак Какар, сенатор, позже исполняющий обязанности премьер-министра Пакистана.

this essence he referred to? It was the experiment of the Medina city-state, that small polity of the Prophet. In Makkah the Prophet tried, with his 313 followers for 13 years to convey the Message, but he faced stiff resistance. And it was only after that he migrated to Medina and formed a polity and established territorial control had the Message received wide reception. After ten years in Medina the Message was accepted by the entire Arabian Peninsula and to this day the Prophet has more or less 1.4 billion followers. Creating that territorial polity was crucial for Islam in the historical context.

Pakistan was an expression of a new enlightened and spiritual democracy. This concept brings a myriad of intellectual and spiritual challenges at a regional, national and global level and we are aware that it will continue to present challenges till the end of time. There is no end of history, it was a fallacy this idea. We, human beings, are creative and kaleidoscopic. We can come up with new ideas and approaches and no force can halt this human spirit. Some ideas are universal and last for ages, while others fade away into history. The lasting quality of an idea is determined by its value for the people, as well as how acceptable the idea is to people.

I personally believe that at this stage Russia and Pakistan have a lot in common. I come from Baluchistan where Gwadar port gives access to warm waters which, on one hand, opens up the African continent, while on the other hand, the Arabian civilization and it also connects to the Xinjiang area. Where it is lacking in connectivity is to Eurasia. I sometimes envisage, that there is motorway which starts in Gwadar and ends in Moscow and it will happen someday and this connectivity of physical infrastructure will translate to better understanding between people. This will contribute to free flow of ideas, as people will learn each other's languages and have access to each other's literature. We know Dostoyevsky, we know Gorky but it is our failure that Baba Ghulam Farid, Khushal Khattak, Jam Duurak are unknown to this part of the world, as these are great literary minds of their time and in my opinion no less genius than Goethe or Shakespeare, but due to the lack of understanding of language we have been unable to appreciate each other's literature, culture, civilization. We have more proximity to Russia in terms of being part of the larger Asian family. If we initiate a motorway, probably, in twenty-four hours I will be able to drive to Moscow.

We need to see the future in a unique way with a new spirit. There are a lot of opportunities for all of us. We in Pakistan are nearly 250 million people, according to a new census, that makes a huge consumer market and the majority of the population consists of young able people who can contribute to the advancement of the country.

Above all, Pakistan and Russia no doubt share not the same religion, but the same value system which has the same source — the Abrahamic religious system and all the Abrahamic religions are cousins which kindles a positive spirit amongst followers.

I Thank You!

DANIILA V. GANICH¹

Ladies and Gentlemen!

It is a really great honor for me to address such a distinguished audience comprising reputable academicians, scholars, researchers, politicians, diplomats. Definitely, I am very grateful to the Institute of Oriental Studies for its decision to hold a conference on the occasion of the 75th anniversary of diplomatic relations between the Russian Federation and the Islamic Republic of Pakistan. I wish I were there with you in person.

The other day I watched an interesting video posted on the Institute's website. Professor V. Belokrenitsky summed up last year's developments and trends in Pakistan on completion of the year 2022. Noteworthy is his point that Pakistan, though faced with a number of serious problems, is very resilient and has a potential to improve things. Doctor I. Serenko upon her return from Karachi where she participated in an international conference noted that in Pakistan there is a consensus in favor of Russia. I can tell you that working in Islamabad I feel it every day — while interacting with politicians, bureaucrats as well as with ordinary people.

I also feel another thing which is no less important: the Pakistanis are open to reason. They are not indoctrinated, despite the dominance of Western media. The Pakistanis are true to the traditional values in all spheres of life. Both countries have similar views on what the future multipolar world should look like. Speaking not long ago at the Islamabad Security Dialog, Minister of State for Foreign Affairs Her Excellency Hina Rabbani Khar said that any nation should preserve the right to pursue its interests and that diplomacy is an instrument for engagement.

Could not agree more. Ultimatums, arm-twisting, sanctions, threats — something that the West likes to do — is not diplomacy.

Moscow and Islamabad's openness to reason, their commitment to classic diplomatic school and steps aimed at finding a balance of interests are inspiring optimism about the future of Russian — Pakistani relations.

Sincerely wish all the participants wellbeing. I am absolutely confident that this conference will be a success.

Thank you for your attention!

¹ Danila V. Ganich, Russian Ambassador to Pakistan in Islamabad.
Данила Викторович Ганич, посол России в Пакистане, Исламабад.

WALID IQBAL¹

Prof. Dr. Alikber Alikberov, Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Dr. Vasily Kuznetsov, Deputy Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Prof. Dr. Vyacheslav Belokrenitsky, Head of the Department of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

The Ambassador of the Russian Federation to the Islamic Republic of Pakistan, H. E. Danila V. Ganich.

The Ambassador of the Islamic Republic of Pakistan to the Russian Federation, H. E. Mr. Shafqat Ali Khan.

My fellow Parliamentarians from Pakistan: Senator Anwaar-ul-Haq Kakar (In Person) and Senator Mushahid Hussain Sayed (Online).

Distinguished academicians, colleagues, fellow speakers.

Ladies and Gentlemen!

It is a pleasure and an honour for me to be present here at the International Scholarly Conference dedicated to the 75th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations between USSR/Russia and Pakistan.

I would like to congratulate the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences for successfully hosting this wonderful event. Strong institutions such as this Institute lie at the heart of progressive development. I also want to convey my deepest gratitude to the hosts of the conference for warm welcome and excellent hospitality that continues to win our hearts.

Ladies and Gentlemen!

After extending my felicitations, I would also like to express my admiration for the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, founded in 1818. The excellence we are witnessing today has been earned over more than 200 years of academic research with great intellectual potential of the scholars working here. The Institute has truly developed Russian knowledge of the East and represents it proudly across the world, being internationally recognized as one of the most prominent academic think tanks in the world.

Ladies and Gentlemen!

Today, we are honoured to be a part of 75th Anniversary celebrations of diplomatic relations establishment between USSR/Russia and Pakistan here in Moscow in the presence of our distinguished colleagues.

On 14th August 1947, Pakistan was born in a complex and challenging situation: it had very little infrastructure, very little resources and was virtually devoid any military assets. The lion's share went to

¹ Walid Iqbal, Senator, Chairman of the Senate Standing Committee on Human Rights, Pakistan.

Валид Икбал, сенатор, председатель Постоянного комитета Сената Пакистана по правам человека, Исламабад.

India. Pakistan was also born in a dangerous neighbourhood as it faced territorial disputes with India over Kashmir and with Afghanistan over the Durand Line.

Its desperate need to build itself economically and militarily, and keeping in mind the magnitude of its requirements, Pakistan could only turn to the more distant yet highly developed and prosperous United States, instead of the neighbouring yet relatively backwards and war-ravaged Soviet Union, in choosing its benefactor between the principal Cold War adversaries.

There were some ideological leanings involved as well. In September 1947, when the Pakistani Cabinet was preparing to despatch Pakistan's first delegation to the United Nations, Quaid-e-Azam Mohammed Ali Jinnah observed, 'Pakistan was a democracy and communism did not flourish in the soil of Islam. It was clear, therefore, that our interests lay more with the two great democratic countries, namely, the UK and the USA rather than with Russia'².

That said, there ended up being a mismatch of expectations between Pakistan and the United States in this matrix. There was no bond of a common adversary — the primary US goal was containing the spread of communism, while Pakistan's primary goal was to secure itself against India. That is what I believe from the 1960s onwards became the cause of a Soviet–Pakistan détente.

And we have come a long way from then until now. I am pleased to note that Pakistan and Russia have come to enjoy close, multidimensional relations based on mutual goodwill and trust. Bilateral ties are marked by cooperation in diverse areas, including the economic, energy and security realms. The two countries also consult at various multilateral fora on regional and global issues of mutual interest.

Despite limited interactions, bilateral cooperation between the two countries dates back to the Soviet times. The Soviet Union agreed to provide techno-financial assistance for the construction of a coastal based integrated steel mill at Karachi, the Karachi Steel Mills. Additionally, major thermal power facilities at Muzaffargarh, Multan-II and Guddu were built by Soviet Union. Besides Soviet Union also helped Pakistan in the establishment of the Oil and Gas Development Corporation Ltd. (OGDCL) and in the development of agriculture sector of Pakistan.

My Dear colleagues!

I strongly believe that Pakistan and Russia will be successful in building an effective, strong and mutually beneficial relationship based on common interests and respect for each other's sovereignty. It will require sustained efforts from both sides to overcome past mistrust and build a foundation for a more cooperative and prosperous future.

Ladies and Gentlemen!

The upward trajectory of bilateral relations is being maintained through sustained high-level interactions and strong institutional mechanisms. Pakistan's accession to the Shanghai Cooperation Organization (SCO), as a full member, has infused a new energy to our ties with the Russian Federation. Pakistan highly values the support extended by the Russian Federation during its membership process.

2017 was particularly important year from political point of view for both countries as significant meetings took place including bilateral meetings between the Prime Minister of Pakistan and the President of the Russian Federation in Astana on 9th June 2017 and Prime Ministers of both countries in Sochi on 30th November 2017. Besides, there have been eight (08) visits from Pakistan at the ministerial levels including Ministers from Foreign Affairs, Defence, Water & Power, Science and Technology, Industries and Production, Defence Production, Commerce and Textile and National Health Services in 2017.

² Minutes of Pakistan Cabinet Meeting, 9 September 1947, CF/47, National Documentation Centre, Islamabad, as cited by Dennis Kux, "A Ride on the Roller Coaster: US-Pakistan Relations 1947–1997", in *Pakistan: Founder's Aspirations and Today's Realities*. Op. cit. P. 287.

Ladies and Gentlemen!

The Russian Foreign Minister Sergei Lavrov visited Pakistan on 6th and 7th April 2021. During the visit, wide-ranging talks covering bilateral relations and regional and global issues were held.

Both sides have maintained regular contacts at the highest level. Former Prime Minister Imran Khan visited Russia on 23rd and 24th February 2022 and held summit talks with President Putin.

Most recently, Pakistan's current Prime Minister and the Russian President met in Samarkand on 15th September 2022 in a significant move that highlights that despite the change of government in Islamabad both the sides are keen to deepen their bilateral cooperation. The two leaders discussed bilateral ties and exchanged views on regional and international issues. Besides political relations, bilateral exchanges at Parliamentary level have also expanded in recent times.

In this regard, at the invitation of the government of the Russian Federation, a delegation of Pakistan Senate and National Assembly (I was also a member of that delegation) visited Moscow to be a part of International Observers Mission for the Russian State Duma elections held from 17–19 September 2021. Under the requirements of Pakistan's Constitution, 2023 is the year of general elections to the National Assembly as well as all four Provincial Assemblies of Pakistan. Accordingly, I very much hope that in reciprocation of what we experienced in Russia in 2021, a Parliamentary delegation from Russia is invited to Pakistan as election observers in 2023.

Ladies and Gentlemen!

I also want to highlight that pursuant to an Agreement on Cooperation in the fields of Culture, Science and Education signed on 8th July 1997, Russia and Pakistan signed a Programme to Implement Cultural, Educational and Scientific Exchanges for the period 2003–2006 which was renewed for the period of 2007–2009. Currently, a draft of the Programme for renewal/extension is under consideration of the two sides, I would press upon all concerned that it be finalized and executed as early as possible. When our two foreign ministers met in Goa earlier this month, they discussed bilateral, regional and international matters of mutual interest and assured each other of working closely to further deepen cooperation between their countries in the areas of food security, energy and people-to-people contact.

And it is on this last item, people to people contact, that I want to emphasize the most in view of my own personal experience.

It is widely believed that in order to build strong bridges and to come closer to Russia, you have to understand its people and their way of life — Russia is best approached through its culture rather than the more common avenues of politics and economics.

“Russia loves to be mysterious,” the British Ambassador at the time I lived here told me. He said, “Russia is unique. Russia, as the Russians love to say, has its own ‘spetsifika’, its own rules”. Richard Nixon is known to have written to an eminent journalist about how while in college he had developed an early interest in Russia while reading Lev Tolstoy's “Anna Karenina”. His readings, Nixon said in later conversations, played a central role in the way he approached Nikita Khrushchev in their high-level talks, and in his subsequent policies towards Moscow.

I Thank You!

DR. MASUMA HASAN¹

It is a great privilege for me to be given the opportunity to speak at this esteemed forum to celebrate 75 years of the establishment of diplomatic relations between Pakistan and the Soviet Union, now the Russian Federation.

I wish to express my admiration for scholarship ranging over 200 years of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. The institution, which I represent, The Pakistan Institute of International Affairs, is the oldest think tank in Pakistan. It was established in 1947. When we reached out to the Institute of Oriental Studies in Moscow, it was through that great scholar, Professor Yuri Gankovsky, author of *The Peoples of Pakistan: An Ethnic History* and the book he co-authored with Hafeez Malik, *The Encyclopedia of Pakistan*. And this tradition of research on Pakistan has been kept alive by Professor Vyacheslav Ya Belokrenitsky in his magnum opus — *A Political History of Pakistan: 1947–2007*.

I look at contemporary Pakistan — Russia relations through the lens of Russia's status as a great power — its incomparably large Eurasian landmass, its vast natural resources, its achievements in science and technology, its nuclear capability and its outer space programs. Above all, its resilience in standing tall and holding together after the dissolution of the Soviet Union in 1993.

The Soviet Union recognized Pakistan in August 1947 and diplomatic relations were established between the two countries 75 years ago. The relations between Pakistan and the Soviet Union, and now the Russian Federation, have seen many vicissitudes. Today, however, there is a convergence of strategic interests as a multipolar world order is emerging which both countries support and for Pakistan there is also the importance of the growing proximity on global issues between Russia and China, its principal ally. I will deal with these relations both at the multilateral and bilateral levels, with some references to the history of important events.

At the multilateral level, foremost is the conflict in Ukraine, which the Western nations regard as an all out war and Russia views as a special military operation. In this conflict, Pakistan has remained neutral although it had defence ties with Ukraine. In the General Assembly resolution adopted on 2 March 2022, which criticized Russia's invasion of Ukraine and demanded the withdrawal of Russian forces from Ukraine, Pakistan abstained from voting. There were 35 abstentions in all. Nor does Pakistan support the expansion of Nato to Russia's doorstep in Europe. Finland gained membership of Nato after the conflict in Ukraine started. Sweden is among those countries aspiring for membership, including Ukraine itself.

Pakistan and Russia also collaborate in the Shanghai Cooperation Organization (SCO). In fact, apart from the original five founding members, Pakistan was the first country to apply for membership of SCO. It is one of nine SCO members. In SCO both countries focus on regional security, the fight against regional terrorism and religious extremism, with which Pakistan has been so affected. Pakistan's foreign minister, Bilawal Bhutto Zardari attended the SCO Council of Foreign Ministers meeting in Goa, India, on 4–5 May 2023.

¹ Dr. Masuma Hasan, Chairperson, Pakistan Institute of International Affairs. Karachi, Pakistan.

Доктор Масума Хасан, председатель Пакистанского института международных отношений, Карачи, Пакистан.

The India factor has always been important in Pakistan — Russia relations. During the Cold War, India and Russia had a strong strategic relationship, which has continued after the dissolution of the Soviet Union. Both countries are members of BRICS, G20 and SCO. The Soviet Union, and now Russia, has been the largest supplier of arms and military hardware to India although India has now somewhat diversified its acquisition of arms and weapons. In 2014, for the first time, Russia lifted its embargo on arms sales to Pakistan, disregarding India's objections, and delivered Mi 35 gunship helicopters to Pakistan under the defence cooperation agreement of November 2014.

I speak of the Kashmir issue because it is as important for Pakistan today as it was 75 years ago. Russia does not support Pakistan's position on Kashmir, which is one of the core elements of Pakistan's foreign policy. The Soviet Union's stand on Kashmir was set during the Cold War in 1955 when Nikita Khrushchev visited India and endorsed India's claim. In the UN Security Council, the Soviet Union was the only country, which vetoed resolutions in 1957, 1962 and 1971 seeking UN intervention in Kashmir. It has never agreed to internationalize the Kashmir issue.

Russia has always maintained that the Kashmir issue should be resolved bilaterally between Pakistan and India according to the Shimla Agreement of 1972, and the Lahore Declaration which was a bilateral agreement between Pakistan and India signed on 21 February 1999 to ease tensions between the two countries, and was ratified by their respective parliaments. In fact, when India revoked Articles 370 and 35A of its constitution on 5 August 2019, stripping Kashmir of its autonomy and divided Kashmir into two union territories, Russia maintained that it was India's internal matter. Nor have we heard of concern about human rights violations in Kashmir which the world has condemned. Holding the meeting of the G20 Working Group on tourism in Srinagar on 22–24 May 2023 will be like putting salt on the wounds of the Kashmiris.

During the crisis in East Pakistan also, Russia vetoed resolutions moved in the Security Council calling for a ceasefire on 5 and 13 December 1971 to end the crisis. In the months building up to the civil war in East Pakistan, seeing the writing on the wall, India and Russia signed the Indo-Soviet Treaty of Peace, Friendship and Cooperation which facilitated India's invasion of East Pakistan.

Analysts and historians in Pakistan sometimes claim that Pakistan broke up in 1971 only because of Indian military intervention. While it is true that India invaded East Pakistan with the moral support of the Soviet Union and it supported the *Mukti Bahini*, we should not forget our own follies. When Dacca fell, Indira Gandhi told her parliament that it was "a deed well done".

Notwithstanding some ups and downs, however, much water has flowed under the bridges of the Amur River and the Indus River. In spite of political differences, the Soviet Union invested in Pakistan and it was with Soviet financial assistance and expertise that the giant project of Pakistan Steel was established in 1973. Major thermal power projects in Muzaffargarh, Multan and Guddu were also built by the Soviet Union.

As we live in the Asian century and are witnessing a dramatic change in the geopolitical world order, Pakistan seeks new avenues in its foreign policy. Since the 1990s, according to the Russian ambassador in Islamabad, trade with Russia has increased from \$100 million to \$500 million. Bilateral trade reached an all time high in 2020 at \$758 million. Numerous memoranda of agreement have been signed between the two countries — on trade, the economy, research technology and culture, military technical cooperation, cooperation on the development of the North-South gas pipeline project, on defence cooperation, between PTV and Russia Today TV, agreement on air services and on enhancing energy cooperation, energy trade and energy infrastructure investment. The latter agreements were reached at the 8th session of the Pakistan — Russia Intergovernmental Commission in January 2023.

They say that *Druzhba* is the Russian word for friendship and many military drills under that name have been held between Pakistan and Russia in recent years. The first ever such military drills were held between Pakistan and Russia from 2016 to 2021. These training exercises were conducted at different locations in both countries. Also, Russia was among the 45 countries, including Nato countries, which took part in the multi — national AMAN exercises hosted by the Pakistan Navy in Karachi between 2017 and 2021.

It is in the energy sector that Russia's help can be most critical. Russia is the largest exporter of natural gas in the world and the second largest of oil. As Pakistan faces energy shortages, the roadmap for future cooperation includes the construction of a \$2.5 billion natural gas pipeline, which is part of a \$14 billion investment package promised in 2019. Most recently, Russia has also expressed interest in Pakistan's mega hydropower projects, Diamer Bhasha and Dasu and in providing electro-mechanical machinery for these projects — which offer was made during the intergovernmental meeting in January 2023. *Rostec*, a state controlled Russian company is now a stakeholder in the 1100 km Pakistan Stream Gas Pipeline Project (PSGP) which will carry LNG from Karachi and Gwadar to Lahore. Pakistan's stake in this project is 74 per cent but because of Western sanctions on Russia, its future is currently uncertain. In spite of American sanctions, Pakistan has now placed its first order to buy discounted Russian oil, the first cargo to dock at Karachi Port in the current month, May 2023.

Turning now to Pakistan — Russia relations on Afghanistan, it is said that the security of Pakistan lies in stability in Afghanistan. During the long war in Afghanistan, Pakistan and the Soviet Union were on opposite sides. However, the Soviet Union was a guarantor, along with the United States of the accords signed on 14 April 1988 in Geneva. This was a settlement reached between Pakistan and Afghanistan about non-interference and non-intervention, and the voluntary return of Afghan refugees. Also a timetable for the withdrawal of Soviet troops from Afghanistan, which withdrew by 15 February 1989. The Mujahideen, who were not a party to the accords, refused to accept them and the civil war continued.

After the Taliban established their government in Kabul on 15 August 2021, thousands of people fled Afghanistan and sought shelter in Pakistan or used it as a transit to migrate to other countries. Also, Pakistan has become the victim of unrelenting violence from across the border. There has been no let up in the violence inflicted on Pakistan. The Tehreek-i-Taliban Pakistan (TTP) has sanctuaries in Afghanistan from which it attacks security installations and other targets while the people of these regions clamour for peace, — as repeatedly reported from Swat. It is estimated that 80,000 to 100,000 lives have been lost in this violence.

Russia's policy on Afghanistan is reflected in the words of President Vladimir Putin at the Valdai Discussion Club in Sochi on October 2021: "Afghanistan is aspiring to be a modern state ... and Pakistan plays a no less important part in this than Russia and China. That is why we are interested in promoting cooperation — including with Pakistan — to achieve a common desirable result". Russia had hosted conferences on Afghanistan, which were attended by representatives of the then Afghan government, the US, Chinese and Pakistani diplomats and also by the Taliban to explore ways for achieving peace in Afghanistan. Last month, in April 2023, representatives of Russia, China, Iran and Pakistan met in Samarkand to discuss the need to cooperate and engage with the Afghan authorities for the sake of political stability and to avoid a humanitarian crisis. Both Pakistan and Russia recognize the reality of the Taliban government but insist on the formation of an inclusive government and respect for human rights, especially the rights of women. As the Russian foreign minister, Sergey Lavrov, has stated, respect for women's rights and an inclusive government are keys to Taliban recognition. Russia, however, has entered into a preliminary economic deal with the Taliban government.

Turning now to the issue of connectivity in the region and the dream of a trade and transport corridor from the border of Russia, through the Central Asian Republics and Afghanistan, to Pakistan's ports on the Arabian Sea. The challenges are formidable, especially financial, the terrain is difficult, and the uncertain security situation in Afghanistan. There are many projects in this repertoire. Take for instance, the Pakistan — Afghanistan — Uzbekistan (ПАКАFUZ) railway line, 573 km long, announced by Uzbekistan in 2018, which is critical for that landlocked state. Russian railways have agreed to help Uzbekistan to conduct a feasibility and provide technical assistance, and the Taliban authorities have offered security guarantees for the railway line. But the Islamic State Khorasan has vowed to kill anybody working on the project. The line, if built, would reach Peshawar through Torkham and goods would be transferred to Karachi, Gwadar and Bin Qasim ports. There is also the trans — Afghanistan railway project which is expected to connect Tashkent to likely export markets, including China.

Better known connectivity projects, CASA 1000 and TAPI, are still awaiting completion. TAPI, the Turkmenistan — Afghanistan — Pakistan — India natural gas pipeline will carry natural gas from Turkmenistan through Afghanistan into Pakistan. It will pass from Kandahar to Quetta and Multan in Pakistan and onwards to India. Some construction was begun, but has now been stalled.

CASA 1000, the Central Asia South Asia power project, is an electricity project linking Kyrgyzstan, Tajikistan, Afghanistan and Pakistan, covering 1357 km. It will transport surplus energy from Kyrgyzstan and Tajikistan to Afghanistan and Pakistan. It is hoped that the project will be completed this year.

For all the connectivity energy projects, whether for gas or electricity, peace in Afghanistan is absolutely essential. It is in that country's own interest to benefit from these projects, as it will also gain financially through transit fees. But it is also true that for the success of these trade and interconnectivity projects, especially for the Central Asian Republics, the backing of Russia would be crucial.

Finally, in the fast changing geostrategic scenario, Russia itself can reach the warm waters of the Arabian Sea by having access to the use of Gwadar port. That will be a game changer in connectivity for the entire region, as much as CPEC is expected to be a game changer for Pakistan.

From my speech, the prospects for Pakistan — Russia relations would appear positive and encouraging. The problems will flow from the nature of the current transition taking place in the world order. Great statesmanship will be required in Pakistan to balance its relationship between the United States which continues as a major power in world affairs, and Russia and China. The enormous sanctions slapped on Russia, especially as a result of the Ukraine war, will also pose a challenge in meeting its commitments.

H. E. QAZI M. KHALILULLAH¹

Dear Chairman,
Honorable Director of the Institute of Oriental Studies,
Excellences,
Dear Guests,
Ladies and Gentlemen,
Good Afternoon.

At the outset, let me on behalf of the Center for International Strategic Studies Sindh, which I am heading as Executive Director, as well as on my own behalf, as former Ambassador of Pakistan to the Russian Federation, convey my profound gratitude to Director of the Institute of Oriental Studies Prof. Dr. Alikber Alikberov and his team for making an extraordinary effort to gather a galaxy of luminaries from Pakistan and Russia to participate physically and virtually in this Conference to celebrate the 75th Anniversary of the establishment of diplomatic relations between Pakistan and the Soviet Union/Russia.

I am grateful for the invitation and honored to speak on this important occasion. I am pleased to recall that during my diplomatic assignment as Ambassador of Pakistan to the Russian Federation from March 2016 to December 2019, I worked closely with my counterparts in the Russian Ministry of Foreign Affairs and other government departments, Institute of Oriental Studies, think tanks, media and friends of Pakistan to contribute to efforts to enhance Pakistan-Russia relations in diverse fields.

I worked very closely with Prof. Dr. Vyacheslav Y. Belokrenitsky and Dr. Irina Serenko to exchange views on bilateral, regional and global issues of mutual interest from time to time.

Pakistan and Russia enjoy close and multifaceted relations based on mutual respect, goodwill and trust. Over the last two decades, both sides have worked closely and succeeded in enhancing relations in various areas including economic, energy and security. Pakistan and Russia also enjoy close cooperation in multilateral fora.

I am happy to note three recent developments that will go a long way in enhancing trade between Pakistan and Russia: (i) First shipment of Russian discounted oil imported by Pakistan; (ii) Protocol on customs cooperation between Pakistan and Russia signed recently in Kazan; and (iii) Commencement of direct shipping service between St. Petersburg and Karachi, with Russian NECO Line vessel “MV Crystal St. Petersburg”. We hope that this will be helpful in making Karachi a trans-shipment hub for containerized cargo to and from St. Petersburg.

As it has been pointed out by other Speakers, Pakistan-Soviet relations developed gradually after establishment of diplomatic relations on 1st May 1948. Although Pakistan was in the Western bloc during the Cold War, Pakistan and Soviet Union were able to cooperate on a number of important projects such as establishment of Pakistan Steel Mills, power projects at Guddu and Muzaffargarh and OGDCL.

¹ Qazi M. Khalilullah, H. E. former Ambassador of Pakistan to the Russian Federation. Executive Director Center for International Strategic Studies Sindh, Karachi, Pakistan.

Кази М. Халиллулла. Бывший посол Пакистана в Российской Федерации. Исполнительный директор Центра международных стратегических исследований Синда, Карачи, Пакистан.

As during the Soviet period, focus of economic cooperation between Pakistan and Russia has remained on energy projects. These projects include: Agreement on 1100 km long Pakistan Stream gas pipeline from Karachi to Kasur, Agreement on purchase of LNG from Russia signed in October 2017 and MoU on Feasibility Study of an undersea gas pipeline from Persian Gulf to South Asia signed in 2019. Both sides also have the possibility to cooperate on regional energy related projects such as TAPI gas pipeline from Turkmenistan to Pakistan and India via Afghanistan and CASA-1000 electricity transmission project from Tajikistan to Pakistan as building blocks of a regional energy corridor.

Pakistan's membership of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has opened up new opportunities for cooperation with Russia and other member states within the framework of SCO.

While speaking on current situation in the world, policy of Pakistan and Russia, I wish to share with you some thoughts for the future of our region which has suffered due to foreign interventions and ongoing geopolitical contestation, unilateralism and imbalance created at the global level due to common policies of Western economic cooperation and security institutions.

End of Cold War, dismantling of the Warsaw Pact, coming down of the Berlin Wall and assurances given to Russia, that NATO would not expand even an inch eastward, had given rise to hopes of a relatively peaceful world with all countries having the opportunity to freely choose their economic and strategic partners. However, today the world stands on the edge of a precipice due to a number of well-known reasons. Let me highlight some of them: (i) Collective action by Western countries against so called countries of concern; (ii) Use of sanctions as an instrument of foreign policy; (iii) Economic strangulation of developing countries; (iv) Penchant for military solution of disputes; (v) Rejection of multipolarity to maintain global preponderance of certain countries; (vi) Trade and Tech wars against adversaries; (vii) Branding competitors as revisionist countries; (viii) Containment of adversaries through security alliances; and (ix) Selective application of rules of the so called rules-based international order.

However, recently some important developments have taken place in the Middle East which are likely to have significant impact on the region. I am referring to the emergence of Saudi Arabia as peace-maker with support and indulgence of China. Recent rapprochement between Saudi Arabia and Iran, Saudi Arabia's efforts to promote peace in Yemen and Syria, readmission of Syria in the Arab League and willingness of Riyadh to play a role in the settlement of Ukraine crisis are noteworthy initiatives.

No less significant are many other developments, that have taken place in the region. These include chaotic withdrawal of foreign forces from Afghanistan, enhanced opportunities for transit trade between Pakistan, Russia and Central Asian States through Afghanistan, MoU signed between Pakistan and Uzbekistan for railway link through Afghanistan, Chinese investment of over 25 billion dollars in the China Pakistan Economic Corridor (CPEC) since 2015, decision of China, Pakistan and Afghanistan to include Afghanistan in the CPEC, China's agreement to invest US dollar 400 billion in Iran over the next 25 years, Russia's investment in Iran for development of infrastructure, agreement between Pakistan and Iran for opening of six border trading points and import of electricity by Pakistan from Iran, inclusion of Iran in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and interest shown by Saudi Arabia in becoming a dialogue partner of the SCO. These important developments have prompted many observers to talk about an emerging Eurasian Order.

At the moment, we have a number of potent and important organizations in the Eurasian region, including the SCO, Economic Cooperation Organization, Eurasian Economic Union, Collective Security Treaty Organization and Common Wealth of Independent States, which have common objectives to a great extent and overlapping membership. However, the Eurasian region does not have organizations of the size, scale, scope and effectiveness of NATO and European Union. I am wondering whether

organizations of that kind can be established in the Eurasian space by merging some or all of the organizations that exist today to create balance of power at the global level.

In my view, priority areas for a Eurasian Order could be: (i) To develop a Eurasian security architecture for protection of sovereignty and territorial integrity of regional countries; (ii) Resolution of outstanding disputes in the region; (iii) Cooperation to combat terrorism and trans-national crimes; (iv) Intra-regional trade in local currencies to the extent possible; (v) Developing mechanisms to protect member states from the impact of unilateral or collective sanctions; (vi) Adopting common policies on global and regional issues; and (vii) Promoting connectivity for development.

Thank you.

MUHAMMAD ATHAR JAVED¹

Thank you very much, Gentlemen, for giving me the floor!
And I really appreciate the Institute of Oriental Studies, the Director and all the organizers which made it possible for all of us to assemble here!

I also welcome our friends from Pakistan!

We know all of them very well!

It has been very incisive discussion from the very beginning and it shows that there is a convergence of ideas between Pakistan and Russia. Therefore, both the countries are steadily growing in bilateral relationship. Currently, there are two important points that is connectivity which complements with the efforts to secure Pakistan's energy needs. The other one is approach in the way Russia is progressing towards Pakistan and Pakistan is progressing towards Russia, despite of all the international sanctions regime and complications between bilateral relations of Russia-India, Pakistan-United States, Pakistan-EU, Pakistan-West, and Pakistan-Ukraine. There is a need to address this issue as well as realize that it is a very complex emerging new economic order, and it is very much on the course with China, Pakistan, Russia, Iran and other willing SCO members who are really interested about something to carve more independent and also interdependent in terms of the connectivity.

The potential of this new economic order is huge; the main evidence is during Ukraine crisis. Europe and Middle-East, and other countries realized that there is a need to recalibrate the IRs sort of practical implications for the countries. It should not be mutually exclusive relationship, whereas Pakistan has relations with U.S., West and other countries. On the other side, Russia has historically good relations with India on which Pakistan has no objection. It should not be mutually exclusive but mutually inclusive. There are number of reasons for that i. e. policy issues, dependency of each other. Pakistan's role in the region has remained absolutely important. The new role can be decided within the parties such as Russia, China, and Middle-Eastern countries. At the same time, Pakistan has also been a victim in Afghanistan by the foreign sponsored militant groups and other intelligence agencies operating there. Pakistan has suffered the most in terms of loss of lives. Therefore, we are always alert to this happening to us unfortunately. We have been into alignment of the regional connectivity and the basic doctrine of international relations that Pakistan, Russia and China need to compliment the endeavors of emergence of new economic corridor. It is neither a challenge to the existing one nor a competition to capitalism or any other economic system in the world. But actually it is important for Pakistan's evolving and modern needs. Pakistan is interested to expand its relations with Russia, which cannot be called as strategic relationship but more of cordial relations. Pakistan is steadily approaching towards forming an economically oriented strategic relations and that has main component i. e. energy needs.

¹ Muhammad Athar Javed, Director General, Pakistan House, Islamabad, Pakistan.

Мухаммад Атар Джавед, генеральный директор аналитического Центра международных отношений «Дом Пакистана», Исламабад, Пакистан.

Russia is under sanctions, but the country has not only managed to sustain sanctions but came out hard on other economies. The countries who imposed sanctions decided to continue buying oil informally from Russia. The United States made some exceptions to its ban on Russian oil imports. Moreover, France, Germany and other European countries are still buying oil and gas from Russia. China and India's trade with Russia soared highly as the two countries imported record volumes of Russian oil. Also, India not only bought the oil but also sold it on discount in the international markets.

In case of Pakistan, the efforts of the current and previous Governments must be appreciated for the contribution in initiating and deconstructing the complexity between Russia-Pakistan. Pakistan's approach towards Russia is that Pakistan is open to enhance two areas, especially people to people contact which is very important. Russian is not known in Pakistan properly, it could be an interesting venture between the Institute of Oriental Studies, or other think-tanks of two countries to develop a language center where Russian language as well as potential of bilateral trade and chamber of commerce can be promoted and projected. These are the practical steps that can be taken, which do not need high end foreign policy and security, but it needs a few requirements to consider. But since there is a possibility emerging between the bilateral currency exchange, the two countries are still testing that method, so this could be another area that Pakistan and Russia should contemplate.

In case of defense and military, Pakistan always considers that not only Russia but also other countries have to balance the conventional forces in the region. At the moment, Pakistan does not have weapons like other countries due to the lack of capacity, but Pakistan is focused to enhance its capacity and improve bilateral relations in defense area with Russia. Pakistan is interested to seek and discuss that how Russia can help the country to acquire conventional weapons which are more related and can configure to its existing weapon system. Already, Pak-Russia has exchanged defense weapons and military equipment and in 2021 Russia also supplied a batch of Mi-35M helicopters. In terms of connectivity and security, cooperation in Afghanistan is important. There are two areas i. e. prevention of drug trafficking which is a threat to adjacent states, Russia and the region. Second area of cooperation is that Russian authorities should consider neutralizing those militant groups which are being transported by the regional countries from outside in Afghanistan to contest and compete Taliban and also stress Pakistan's security practices inside the country.

There is no problem in advancing Pakistan-Russian relations. Former and current ambassadors of the countries are contributing enormously in improving relations even if the Government changes in Pakistan. It is because of the basic doctrine in Pakistan's security and foreign policy, which now includes economic and energy security. Economically, it is a difficult time for Russia, Pakistan as well as for regional and global economies, but there is a hope to move towards steady progress and enhance the relationship in which we can establish a mutually inclusive system of relationship where we don't have any objection whatever Russia and India had historically and Russia should also not have objection whatever we will have with the West in order to fulfill other requirements of our population.

I thank you very much and appreciate your kind opportunity!

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В. Я. Белокреницкий¹

В статье выделены главные, по мнению автора, периоды в развитии отношений между российским государством (до 1991 г. — СССР) и Пакистаном (с 1956 г. — Исламской Республикой Пакистан). Намечены несколько этапов, на которые распадается более чем 75-летняя история двусторонних связей, начиная с низкого старта в первые годы после образования Пакистана и заканчивая неопределенностью последних лет. Автор выделяет ряд базовых причин прохладного отношения Москвы к созданию доминиона Пакистан в августе 1947 г. и достаточно детально характеризует два этапа улучшения взаимных связей в политической и экономической областях в 1960–70-х и в 2000–10-х гг. Особое внимание уделено влиянию пакистано-афганских отношений и проблеме Пуштунистана, а также содействию СССР в экономическом развитии Пакистана.

Ключевые слова: Россия, Пакистан, Индия, Афганистан, полет У-2, Пакистанский металлургический завод, газопровод

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Основные вехи и этапы развития российско-пакистанских отношений. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 175–186. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186

MAIN MILESTONES AND STAGES IN DEVELOPMENT OF RUSSIA-PAKISTAN RELATIONS

Vyacheslav Y. Belokrenitsky

The article highlights the main, in the author's opinion, periods in the development of relations between the Russian state (until 1991 — the USSR) and Pakistan (since 1956 — the Islamic Republic of Pakistan). Several stages have been outlined into which the more than 75-year history of bilateral relations breaks down, beginning with a low start in the first years after the formation of Pakistan and ending with the uncertainty of recent years. The author identifies a number of basic reasons for Moscow's lukewarm attitude towards the creation of the dominion of Pakistan in August 1947 and characterizes in details the two stages of improved mutual relations in the political and economic fields in the 1960s–70s and in the 2000–10s. Particular attention is paid to the influence of Pakistani–Afghan relations and the problem of Pashtunistan, as well as the assistance of the USSR in the economic development of Pakistan.

Keywords: Russia, Pakistan, India, Afghanistan, flight of U-2, Pakistan Steel Mills, gas pipeline

For citation: Belokrenitsky V. Y. Main milestones and stages in the development of Russia-Pakistan relations. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 175–186. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186

¹ Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН; enitsky@yandex.ru.

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, Doctor of Sciences (History), Professor, Chairman, Centre for the Study of Near and Middle East Countries, Institute of Oriental Studies, RAS; enitsky@yandex.ru.
ORCID: 0000-0001-8471-928X

С момента появления на политической карте мира государственного образования под названием Пакистан прошло уже почти восемь десятилетий. То же самое можно сказать и о независимой Индии, поскольку оба государства возникли, по сути, одновременно с разницей в один день в результате вынужденной самоликвидации Британской Индии и передачи власти английскими колонизаторами местным национальным элитам. Менее чем через год, 1 мая 1948 г., между Советским Союзом и Пакистаном были установлены дипломатические отношения и началась, таким образом, эпоха двусторонних связей.

В задачи статьи входит рассмотрение основных причин трудного на первых порах установления контактов между Москвой и Карачи (первой столицей Пакистана), характеристика первой фазы более тесных и плодотворных взаимосвязей в различных областях в 1960–1977 гг., второго этапа оживления взаимосвязей в 2001–2021 гг. и оценка перспектив взаимодействия в экономической и политической областях в свете формирующейся новой геополитической ситуации в регионе и мире в целом.

Низкий старт

Подчеркивая решающую роль, которую сыграл Каид-и-Азам (Великий вождь) М. А. Джинна в становлении Пакистана, А. Джалал среди прочего подчеркивает разницу между отношением Джинны и возглавляемой им Всеиндийской мусульманской лиги и Индийского национального конгресса к британской власти. В то время как Джинна вплоть до начала 1947 г. придерживался мнения, что уходящие британские правители могут остаться в Индии на некоторое время, чтобы гарантировать равенство между мусульманской Индией (Пакистаном) и индуистской Индией (Хиндустаном), его оппоненты из Конгресса были полны решимости увидеть скорейший конец британского присутствия на субконтиненте [Jalal, 2014, p. 174].

Для Советского Союза, победившего во Второй мировой войне, степень независимости Индии имела немаловажное значение. И. В. Сталин стремился ослабить позиции Великобритании, и затягивание ее ухода из колоний расходилось с его интересами. А потому точка зрения Джинны, которая могла быть замечена в Кремле, очевидно, не приветствовалась.

Кроме того, раздел Индии до последнего момента казался крайне маловероятным для внешнего мира, в то время как для Москвы он представлялся спланированным уходящими колонизаторами для сохранения своих интересов и влияния в Индии. Тезис о политике «разделяй и властвуй» неоднократно повторялся, когда речь заходила в послевоенное время о разделе колониальной Индии. Вот что отмечала в связи с этим уже несколько позднее Л. Р. Гордон-Полонская в написанной совместно с Ю. В. Ганковским книге «История Пакистана»: «В созданных английскими империалистами условиях противопоставления различных религий и каст, расчленения целых народов... в условиях разгула религиозного фанатизма родилось на свет государство мусульман Индии — Пакистан» [Ганковский, Гордон-Полонская, 1961, с. 108].

В то же время позиция Москвы в отношении независимой Индии в 1940-х гг. тоже не была однозначной. Известно, что Сталин изначально предвзято относился к Дж. Неру и всему руководству ИНК, считая их недостаточно самостоятельными, следующими в фарватере политики британских стратегов². Характерно, что прибывшая в Москву в августе 1947 г. в качестве первого

² Вот что написано в поздней советской литературе, посвященной становлению советско-индийских связей: «После завоевания Индией независимости и образования правительства, возглавляемого Национальным конгрессом, в Советском Союзе не сразу сумели оценить антиимпериалистические возможности вставшей у власти национальной буржуазии. В первые годы в теории и политической практике сохранялся старый подход к оценке буржуазии, сформулированный И. В. Сталиным и заключавшийся в том, что соглашательская национальная буржуазия и ее партии вступили в сговор с империалистами» [СССР и Индия, 1987, с. 135]; см. также: [Кашин, 2022, с. 164–165].

посла Индии сестра Неру В. Л. Пандит не была принята Сталиным и через восемь месяцев уехала из СССР, получив назначение послом в США [Кашин, 2022, с. 153–157]. Официальная пропаганда и научная литература в СССР в первый послевоенный период весьма критически относились к предоставлению независимости Индии, зачастую особо подчеркивая буржуазный характер новых властей и их лишь фиктивное освобождение из-под гнета Англии. Постепенно, однако, такое отношение менялось. И оно существенно изменилось уже ко времени установления дипотношений с Пакистаном в мае 1948 г. и обмена послами в конце 1949 и начале 1950 г. Большую роль в колебаниях Москвы по поводу Индии играла позиция Компартии Индии, которая проводила в начальные после войны годы активную политику, направленную против правительства молодой индийской республики, поддерживала, в частности, оппозиционные вооруженные выступления на юге Индии, в Теленгане [Черешнева, 2015, с. 214–215].

Стоит напомнить, что реакция Москвы на тему возможного раздела Индии была в годы войны неопределенной, тоже вследствие особой позиции коммунистов. Известно, что несколько видных руководителей Компартии Индии поддерживали разделение Индии по национальному принципу, исходя из права наций на самоопределение, а поскольку М. Джинна и Мусульманская лига выступали с лозунгом о мусульманах Индии как об особой нации, то кажется объяснимым, что в сентябре 1942 г. ЦК КПИ принял резолюцию в поддержку идеи автономных государств на базе единой территории, общей исторической традиции, общего языка, культуры, психологического склада в рамках свободного Индийского союза с правом выйти из его состава [Malik, 1994, p. 12]. Такую точку зрения отстаивали в первую очередь некоторые мусульманские интеллектуалы в КПИ во главе с будущим лидером Коммунистической партии Пакистана Саджад Захиром³. Такая позиция коммунистов нашла отражение на страницах первой изданной в СССР книги с названием «Пакистан» в заглавии — «К вопросу о Пакистане». Она была написана представителем первого послереволюционного поколения индологов В. В. Балабушевичем и вышла из печати в 1943 г. в Ташкенте, где в годы Великой Отечественной войны проживали многие советские ученые [Балабушевич, 1943].

Несмотря на отмеченные выше колебания, отношение к Индии в Москве было всё же более предпочтительным, чем к Пакистану как явному продукту английских интриг и вероятному стратегическому союзнику Англии и США. После подавления восстания в Теленгане и персональных изменений в руководстве КПИ у советского руководства не оставалось надежды на приход к власти в Индии коммунистов, а потому был взят курс на развитие связей с правительством ИНК. Сменившему В. Л. Пандит в качестве посла Индии в Москве д-ру С. Радхакришнану (будущему президенту Индии) довелось дважды быть принятым Сталиным, а третий индийский посол К. П. Ш. Менон имел беседу с верховным советским руководителем в феврале 1953 г. незадолго до его смерти [СССР и Индия, с. 140–141].

На более предпочтительное отношение Москвы к Индии, чем к Пакистану, повлиял, очевидно, помимо отмеченных факторов, и вопрос о «Пуштунистане». Когда во время войны Кабулу стало известно о планах Великобритании уйти из своей колонии, предоставив ей независимость, афганские власти выдвинули претензии на афганские, т. е. населенные пуштунами (афганцами) земли, причем не только на территорию пограничных «независимых» племен, но и всю

³ Х. Малик цитирует слова С. Захира из введения к изданной в Бомбее на английском языке в 1944 г. работы «Необходимость единства Конгресса и Лиги»: «Конгрессисты не видят антиимпериалистической, освободительной роли Мусульманской лиги, не видят того, что требование мусульманского самоопределения под лозунгом Пакистана — это справедливое, прогрессивное и национальное требование и что оно является позитивным выражением той свободы и демократии, за которые члены Конгресса боролись и страдали в течение всех этих лет», и далее отмечает, что благодаря такой позиции коммунисты обрели популярность у лидеров Мусульманской лиги и в 1945–1947 гг. участвовали во многих публичных мероприятиях Лиги [Malik, 1994, p. 12].

Северо-Западную пограничную провинцию Индии и северные княжества Сват, Дир и даже Кашмир. Москва, по-видимому, с некоторым сочувствием отнеслась к этим претензиям. По сведениям, приводимым в книге Ю. Тихонова, ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Афганистана рассказал о них в ноябре 1942 г. советскому послу в Кабуле. Тот назвал их в отправленной в Москву секретной телеграмме «прогрессивными», предложив, впрочем, не спешить с их поддержкой вплоть до окончания войны [Тихонов, 2008, с. 405–406].

С появлением Пакистана на месте Британской Индии сепаратистские традиции остались сильными среди пуштунов, особенно в поясе горных племен, таких как вазирь, масуды, афридии и др. Афганский фактор способствовал тому, что даже начальный этап пакистано-российских отношений был нелегким, поскольку первый кандидат на пост советского посла (И. Н. Бакулин) был отвергнут Пакистаном из-за его работы до этого в качестве советского посла в Афганистане [Malik, 1994, p. 42]⁴. Первый посол (А. Г. Стеценко) прибыл в Карачи лишь в марте 1950 г., почти через два года после установления дипломатических отношений и через полтора после рождения Пакистана.

Хорошо известно, что Афганистан был единственной страной, которая в сентябре 1947 г. выступила против членства Пакистана в ООН. Тем самым Кабул выразил протест против включения Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии в состав Пакистана, поскольку это было сделано без предоставления избирателям (коллегии выборщиков) провинции возможности проголосовать за «независимый Пуштунистан». Последний вице-король Великобритании лорд Л. Маунтбэттен отклонил требование тогдашнего правительства СЗПП во главе с доктором Ханом Сахибом включить этот вариант в анкету на референдуме. Союзные с ИНК пуштунские лидеры, возглавляющие организацию «Худай Хитмаргаран» («Божьи слуги») во главе с А. Гаффар Ханом (братом Хана Сахиба), призвали к бойкоту референдума, но не получили необходимой поддержки⁵. Это не помешало афганскому правительству использовать лозунг Пуштунистана в течение нескольких десятилетий. Особенно ярко в этом отношении проявилась политика кабульской администрации в 1953–63 гг., когда ее возглавлял принц Мухаммад Дауд Хан [Пойя, 2022, с. 272–393]. Невысокий уровень отношений между СССР и Пакистаном в первые годы после образования последнего объяснялся рядом глубинных факторов и непосредственных причин. Помимо уже обозначенных, следует назвать идеологические различия двух государств (атеизм в одной стране и вера в Аллаха в другой), а также традиционные расхождения в установках военных, связанные с британским и российским геостратегическим наследием.

Пакистан, зажатый между Индией и Афганистаном, предпочел опереться на союз с Западом, прежде всего с США. Характерно, что одним из главных инициаторов этого выбора явились быстро и эффективно становившиеся на ноги пакистанские вооруженные силы. Делегация пакистанских военных была одной из первых официальных делегаций, посетивших в 1949 г. США [Shah, 2014, p. 87]. Таким образом, это произошло еще до первого визита в Соединенные Штаты премьер-министра Пакистана Лиаката Али Хана. Между тем хорошо известен факт, что Москва

⁴ Вот что пишет об этом эпизоде известный отечественный афганист, сам занимавший в начале 2000-х гг. пост Чрезвычайного и Полномочного Посла в Кабуле М. А. Конаровский: «С 1947 года после завершения службы в Кабуле он (Иван Николаевич Бакулин — В.Б.) возглавил ближне- и средневосточное направления в МИД. После установления дипломатических отношений с Пакистаном в 1948 году пробыл в этой стране в течение трех месяцев (в конце 1949 — начале 1950 года). Не успев вручить верительные грамоты и формально вступить в должность посла, был отозван» [Конаровский, 2020, с. 102–103].

⁵ Результаты референдума приведены, например, в книге А. Джалал. Хотя сторонники Пакистана получили лишь незначительное большинство голосов (50,49%) коллегии выборщиков, учрежденной Законом об управлении Индией 1935 г., не следует делать вывод, что все остальные члены коллегии были против варианта присоединения СЗПП к Пакистану. Значительная ее часть могла не принять участия в голосовании. Если брать за ориентир реальное число участвовавших в провинциальных выборах 1946 г., то пакистанский вариант получил 77% голосов (289 244 голоса из 375 989) [Jalal, 1994, p. 293].

была первой, кто пригласил пакистанского премьера нанести официальный визит. Сделано это было в мае-июне 1949 г. опосредованно через пакистанского посла в Иране Газанфар Али Хана [Malik, 1994, p. 42–44; Khan, 1994].

В силу до конца не выясненных причин визит Лиаката в Москву не состоялся, и в мае 1950 г. он отправился в США, где провел больше месяца. Хотя конкретные причины отмены визита в СССР неясны и обе стороны могут винить друг друга, представляется, что даже если бы он имел место, изменить формирующуюся геополитическую картину он, по нашему мнению, не смог бы.

Надо учитывать, что Москва была удовлетворена тем, что поездка индийского премьера в США, состоявшаяся в конце 1949 г., не принесла ожидаемых результатов. Дж. Неру отказался занять сторону Вашингтона в начавшейся холодной войне и открыто заявил о курсе на неприсоединение к военным блокам.

Главной заботой Пакистана с самого начала была безопасность перед лицом предполагаемой угрозы со стороны Индии. По ряду причин СССР вряд ли мог помочь Пакистану в противостоянии с Индией. Куда более серьезной опорой для него могли стать США, которые, однако, испытывали на первых порах склонность к Индии. Именно с этим и была связана задержка в установлении тесных связей в политической и военной области между Вашингтоном и Карачи.

Визит Лиакат Али Хана в США способствовал двусторонним контактам. За ним последовали новые визиты в Америку пакистанских военных, в том числе первого пакистанца, занявшего в январе 1951 г. пост главнокомандующего армией генерала М. Айюб Хана, будущего военного правителя страны. Подлинный прорыв в американо-пакистанских отношениях наметился после прихода к власти в США в начале 1953 г. Республиканской администрации во главе с президентом Д. Эйзенхауэром и началом проведения ею политики по сколачиванию военно-политических блоков по периметру южных границ СССР.

Хотя советское руководство, казалось, не обращало большого внимания на оскорбление, нанесенное ей отказом пакистанского премьера посетить страну, формирование двусторонних связей началось с низкой точки, если не считать короткого всплеска контактов весной-осенью 1949 года. В 1953–1955 гг. они еще больше скатились вниз в связи с присоединением Пакистана к СЕАТО и Багдадскому пакту и заключением в мае 1954 г. двустороннего соглашения с США о взаимной обороне [Компанцев, 1970, с. 63–66; Malik, 1994, p. 102–103].

Обреченность советско-пакистанских взаимосвязей на прозябание ввиду сложившегося геополитического расклада ярко проявилась в конце 1955 г., когда тогдашние лидеры Советского Союза Н. С. Хрущев, Первый секретарь ЦК КПСС, и Н. А. Булганин, Председатель Совета министров СССР, нанесли государственные визиты в Индию, Афганистан и Бирму. В Индии они полностью поддержали позицию Нью-Дели по Кашмиру, а в Кабуле — афганскую политику в отношении Пуштунистана (см. напр.: [Пойя, 2022, с. 183–194].

Пакистан попытался смягчить откровенно критическое отношение СССР и пригласил Москву принять участие в церемонии, связанной с принятием его Конституции. Визит первого заместителя Председателя Совета министров СССР А. И. Микояна в Пакистан в марте 1956 г. явился признаком начавшегося улучшения двусторонних отношений. Как отмечал И. М. Компанцев, вплоть до военного переворота 1958 г. был заметен прогресс в области советско-пакистанских связей, особенно в период нахождения у власти правительства во главе с бенгальским политиком Х. Ш. Сухраварди. На это время, кстати, пришелся Суэцкий кризис и антиправительственные выступления в Венгрии [Компанцев, 1970, с. 98–104; Malik, 1994, p. 131–133].

Первый военный переворот осенью 1958 г. отрицательно сказался на отношениях между Пакистаном и СССР. В начале 1959 г. военное правительство М. Айюб Хана пошло на заключение

нового соглашения с США о сотрудничестве, в том числе в сфере безопасности. Москве было, очевидно, известно о предоставлении Пакистаном особых привилегий США в использовании его воздушного пространства и аэродромов. Неоспоримые доказательства этого принес произошедший 1 мая 1960 г. инцидент с американским самолетом-разведчиком «Локхид У-2», сбитым над Уралом советской ракетой.

Подъем в 1960–70-е годы

Растущее сотрудничество между СССР и Пакистаном, особенно в экономической сфере, началось почти сразу после фиаско, которое потерпел У-2. Советское руководство отреагировало резко, обвинив Пакистан, наряду с Турцией и Норвегией, в содействии американскому вторжению в советское воздушное пространство с целью шпионажа. Советский лидер Н. С. Хрущев незамедлительно вызвал 7 мая 1960 г. посла Пакистана в Москве С. Али и, как утверждается, обвел Пешавар на карте кружком как цель советского возмездия [Икбал, 2004, с. 91; Malik, 1994, р. 171].

Подробно останавливаясь на этом вопросе, Х. Малик подчеркивал значение этого события для пакистано-советских отношений и общей международной атмосферы. Как и большинство людей, живших в то время, а также ученых и наблюдателей, он был убежден, что неудача с У-2 сыграла решающую роль в советской политике в отношении Запада, сорвав встречу на высшем уровне с лидерами США, Великобритании и Франции, запланированную на 16 мая 1960 г. в Париже. Однако советские архивы, изученные директором Архива внешней политики в Москве П. П. Скороспеловым, свидетельствуют о том, что инцидент дал Н. С. Хрущеву повод избежать поездки в Париж, так как для Москвы к тому времени было ясно, что саммит будет бесполезен для разрешения обстановки в Европе, которая привела в следующем году к Берлинскому кризису [Скороспелов, 2022, с. 26].

Это может частично объяснить, почему гнев по поводу участия Пакистана в американской шпионской программе представляется несколько театральным, а обида на Пакистан неглубокой. Примечательно, что, хотя до конца мая Москва выражала недовольство разъяснениями правительства Пакистана о своей роли в полетах над СССР, уже в июне две страны приступили к переговорам по вопросу о советской помощи в разведке нефтяных и газовых месторождений в Пакистане. Новый пакистанский посол А. Хилали 2 августа 1960 г. сообщил первому заместителю Председателя Совета министров СССР А. И. Микояну о том, что правительство Пакистана согласилось с советским предложением о начале сотрудничества в области геологоразведки [Компанцев, 1970, с. 135].

Более того, после визита группы ведущих советских геологов пакистанская делегация высокого уровня во главе с тогдашним министром топлива, энергетики и природных ресурсов З. А. Бхутто отправилась в СССР и провела там почти месяц — с середины декабря 1960 г. до начала января 1961 г. Визит в Советский Союз произвел на З. А. Бхутто особое впечатление, поскольку пакистанской делегации была предоставлена редкая возможность побывать в советских республиках Средней Азии [Bhutto, s. a., p. 129–132].

Менее чем через год после того, как отношения, казалось, упали до низшей точки, в марте 1961 г. в Карачи было подписано соглашение о советской экономической и технической помощи в разведке нефти и газа. Советский кредит в 27 млн руб. был получен сроком на 12 лет под 2,5% годовых и подлежал уплате пакистанскими экспортными товарами [Компанцев, 1970, с. 136].

Одновременно с подписанием соглашения обсуждались возможности широкого экономического сотрудничества, включая, по-видимому, строительство сталелитейного завода по образцу проектов, реализованных СССР сначала в Индии, а затем и в других странах вдоль советской южной границы, в Иране и Турции.

Разведка нефти и природного газа, проводимая с советской помощью специально созданной государственной нефтегазовой корпорацией, увенчалась частичным успехом — было обнаружено несколько нефтяных месторождений на Потварском плато (север Панджаба), крупнейшие из которых — Тут и Саранг. Но надежда на то, что Пакистан расположен на платформе, аналогичной той, что существует на Аравийском полуострове и в районе Персидского залива, не оправдалась, и к концу 1960-х годов значение этой сферы сотрудничества уменьшилось.

К тому времени большее значение приобрела политическая подсистема двусторонних отношений. Советский Союз воспользовался ухудшением американо-пакистанских связей и сыграл крупную роль в истории Южной Азии, организовав встречу руководителей Индии и Пакистана, призванную подвести черту под вооруженным конфликтом между двумя соседними государствами в августе-сентябре 1965 г. Переговоры в Ташкенте, тогдашней столице Советского Узбекистана, прошедшие в начале января 1966 г., ознаменовались подписанием декларации, открывшей, как казалось, перспективу длительного мира в регионе. Хотя такие надежды не оправдались, вторая половина 1960-х гг. была временем расцвета советско-российских взаимосвязей. На этот период пришлось визиты в СССР президентов Пакистана фельдмаршала Аюба Хана и генерала Яхья Хана в 1967 и 1970 гг. и два визита в Пакистан премьер-министра СССР А. Н. Косыгина в 1968 и 1969 гг. В результате переговоров, состоявшихся при подготовке и в ходе визитов, СССР продал Пакистану на льготной основе 12 вертолетов МИ-8 и 170 бронетранспортеров. Очень долго это оставалось единственным примером российской военной помощи Пакистану [Икбал, 2004, с. 95].

Несмотря на хорошие отношения Москвы с военными правителями Пакистана, события 1971 г. привели к резкому их ухудшению. Обострение внутривосточной обстановки в составе из двух территорий государстве после проведения в декабре 1970 г. первых всеобщих выборов привело в марте следующего года к подавлению силой развернувшегося в восточной части Пакистана движения за создание своего государства Бангладеш. Призывы советского руководства к военным правителям Пакистана найти политическое решение национальных проблем ни к чему не привели. Индия решительно поддержала движение за образование Бангладеш и в декабре 1971 г. нанесла поражение Пакистану, заставив капитулировать его армию в Восточном Пакистане и захватив в плен около 100 тыс. пакистанцев. В отличие от США и большинства стран Запада Москва поддержала Индию [Народная Республика Бангладеш, 1972, с. 19–21].

От нового лидера Пакистана З. А. Бхутто потребовались большие усилия, чтобы вернуть советско-пакистанские отношения в нормальное русло. Он совершил две поездки в Москву — в марте 1972 г. и ноябре 1974 г. — и среди прочих достижений доработал условия сооружения первого в Пакистане металлургического завода полного цикла. Проект комплекса мощностью в 1,1 млн т стали, чугуна и кокса в год стал символом советской помощи в промышленном развитии Пакистана. СССР предоставил на его сооружение кредиты в размере 470 млн советских рублей (около 1 млрд долл. США по тогдашнему курсу) [СССР и Пакистан, 1984, с. 174].

Доля Пакистана в общих расходах составила около 25%. Пакистан построил новый морской порт для импорта железной руды и коксующегося угля. Существенно, что советская сторона помогла в строительстве учебного центра при заводе. Около 2000 пакистанцев прошли подготовку в нем только за период с 1975 по 1979 г. В середине 1970-х годов на сооружении Карачинского металлургического завода работало более 500 советских инженеров, механиков и других квалифицированных специалистов [СССР и Пакистан, 1984, с. 176–177].

В то время как строительство началось при правительстве З. А. Бхутто, который заложил символический камень в его основание на церемонии в декабре 1973 г., комплекс был завершен в 1980-е гг. во времена генерала М. Зия-уль-Хака, который изменил название завода с Карачинского

на Пакистанский. Торжественное открытие предприятия состоялось в августе 1981 г., когда был завершен первый этап (76% работ) [Viewpoint, 1981, p. 10]. Окончательно завод вступил в строй действующих в 1985 г. и со следующего года начал работу на полную мощность.

Экономическое сотрудничество в 1970–80-х годах включало также советскую помощь в строительстве ТЭС Гудду (210 МВт), 11 радиовещательных станций, ряда линий электропередач и т. д. Но после военного переворота 1977 г. и особенно после ввода советских войск в Афганистан в самом конце 1979 г. импульс для расширения рамок сотрудничества был утрачен. Несмотря на всемерную помощь, оказанную афганским моджахедам военной администрацией М. Зияуль-Хака, определенный уровень двусторонних связей между Москвой и Исламабадом сохранялся, о чем свидетельствуют приведенные выше данные о продолжавшемся экономическом сотрудничестве. Поддержка Пакистаном сил, сражающихся с советскими воинскими частями и дружественным Советскому Союзу правительством в Кабуле, не афишировалась. К концу 1980-х годов доля СССР в импорте Пакистана составляла довольно внушительные 2,4%, между тем как в его экспорте равнялась всего 0,6% [Viewpoint, 09.11.1989, p. 23–24].

После распада СССР в конце 1991 г. и появления Российской Федерации в качестве его главного преемника двусторонние отношения оставались на весьма низком уровне. Объем торговли опустился в конце до менее чем 100 млн долл. В первой половине десятилетия он еще составлял порядка 300–400 млн поскольку осуществлялось ранее согласованное содействие Москвы пакистанской экономике. Так, госкорпорация «Технопромэкспорт» построила в 1993–95 гг. в Музаффаргархе ТЭС мощностью 660 Мвт. Военное сотрудничество отсутствовало, хотя определенные возможности для более тесного взаимодействия имелись на рубеже 1980–90-х годов, после вывода в 1989 г. ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) из Афганистана. На двусторонние связи в 1990-х годах оказывали воздействие два обстоятельства — восстановление к середине десятилетия тесного партнерства России с Индией и поддержка Пакистаном исламистских сил в Афганистане. Что касается экономических связей, то их невысокий уровень объяснялся к тому же глубоким и затяжным кризисом российской экономики и низкими темпами экономического роста Пакистана.

Неровный подъем в начале XXI в.

К началу второго цикла повышения в развитии двусторонних взаимосвязей контекст международных отношений существенно изменился. Претерпел перемены фактор исламского возрождения и исламистской радикализации. С 1970-х годов он усиливался, о чем говорили и исламская революция в Иране, и джихад в Афганистане, и политика исламизации в Пакистане, и усиление исламистских течений на Арабском Востоке. В начале 1990-х годов «исламская волна» распространилась на Северный Кавказ и в какой-то мере на Волго-Уральский регион России. Вкупе с этническим компонентом этот фактор поставил под угрозу ситуацию с безопасностью в России и в регионе к югу от ее границ. Но к концу 1990-х годов после нормализации отношений в Чечне, Дагестане, а также в Таджикистане и других республиках Центральной Азии вновь появились возможности для расширения российско-пакистанских контактов.

Этому в немалой степени способствовал разворот в позиции Исламабада по отношению к режиму талибов в Афганистане. От полной его поддержки правящий тогда в Пакистане военный режим перешел к полному отказу от сотрудничества с ним вследствие воздушной атаки «Аль-Каиды» на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г. и отказа талибов выдать главу «Аль-Каиды» У. бен Ладена.

Приглашение приехать в Россию, направленное тогдашнему президенту Пакистана генералу П. Мушаррафу, следует рассматривать в свете этих перемен. Его визит в феврале 2003 г. был успешным [Belokrenitsky, Moskalenko, 2013, p. 412–413]. Стороны подписали соглашение о сотрудничестве в области науки, культуры и образования и решили возродить функционирование Межправительственной комиссии по научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству. Состоялись переговоры о закупке Пакистаном российских грузовых вертолетов. Также обсуждалось расширение Пакистанского металлургического завода (ПМЗ) в Карачи с целью достижения мощности в 1,5 млн т. стали и стальной продукции с дальнейшим расширением до 3 млн т [Россия и страны Востока, 2014, с. 161–162].

Однако результаты визита сказались не сразу. Поставки военно-грузовой техники состоялись, хотя и с определенной задержкой, а работа Межправительственной комиссии началась только семь лет спустя. Более того, договоренность о расширении Пакистанского металлургического завода сыграла определенную роль в падении режима П. Мушаррафа. Дело в том, что в 2006 г. правительство Пакистана объявило о решении приватизировать ПМЗ и провело тендер, выигранный консорциумом с российской металлургической компанией («Северсталь») в качестве основного акционера. Широкая общественность в Пакистане сочла цену покупки явно заниженной, и Верховный суд аннулировал результаты тендера. Этот инцидент, по-видимому, послужил одной из причин, по которой военные власти объявили в марте 2007 г. об отстранении главного судьи И. Чаудхри от должности. Решение Мушаррафа оказалось для военного режима роковым. Он вступил в полосу кризиса, который завершился через год с небольшим уходом генерала-президента в отставку. Сделка по приватизации ПМЗ была отменена. Завод остался в государственной собственности и, не давая прибыли, стал обузой для бюджета. Россия и позднее не отказывалась от намерения взять на себя его модернизацию и расширение до мощности в 1,5, а затем и 3 млн т. Такие предложения поступали уже со стороны государственных структур, в частности, в 2013 г. от компании «Технопромэкспорт». На эти цели компания была готова выделить 1 млрд долл.⁶ Однако до реализации этих планов дело не дошло. В 2015 г. деятельность предприятия была прекращена, а в 2022 г. вслед за последней неудачной попыткой приватизировать завод было принято решение о его ликвидации и создании на его месте промышленного парка и экспортной зоны.

Как следует из приведенных выше фактов, усилия по углублению российско-пакистанского сотрудничества продолжались и после того, как режим П. Мушаррафа уступил место гражданской администрации во главе с президентом А. А. Зардари (овдовевшим мужем Беназир Бхутто, которая дважды в истории страны становилась ее премьер-министром и была убита исламистами в конце декабря 2007 г.). Стоимость двустороннего товарооборота выросла со скудных 100–150 млн долл. в начале века до 400–500 млн в первой половине 2010-х годов. Президент А. А. Зардари дважды посещал Россию — в 2009 и 2010 гг. — и провел переговоры с тогдашним президентом России Д. А. Медведевым. Переговоры проходили как в двустороннем формате, так и в рамках многостороннего взаимодействия с участием президентов Афганистана и Таджикистана. Они были сосредоточены на урегулировании афганского кризиса и в то время рассматривались как весьма значимые.

В рамках этого четырехстороннего взаимодействия в октябре 2012 г. в Исламабаде должен был состояться четвертый саммит так называемой «душанбинской четверки». Ожидалось, что на нее приедет президент РФ В. В. Путин, но за неделю до события он прислал свои извинения. Отказ российского президента вызвал острое разочарование в Пакистане. Нужно иметь в виду, что правящие круги и широкая публика в этой стране придают большое значение персональным

⁶ Russia offers funds to revive Pakistan Steel Mills//The Express Tribune, August 1, 2013//<http://tribune.com.pk/story/585216/Russia-offers-funds-to-revive-pakistan> (дата обращения: 01.08.2013).

контактам и гипертрофированно реагируют на факт непосещения их страны первым лицом России. При этом Москва пыталась затушевать неприятный момент визитом в Пакистан министра иностранных дел С. В. Лаврова. Отказ В. В. Путина приехать в Исламабад вызвал оживленную дискуссию о причинах такого шага Кремля. В дебатах в России отмечались три вероятные причины. Во-первых, возможная реакция раздражения Индии на улучшение отношений России с ее региональным соперником Пакистаном. Во-вторых, американский фактор и, наконец, неподготовленность визита с точки зрения значимого участия российских компаний, прежде всего «Газпрома», в строительстве газопровода ИПИ — из Ирана в Пакистан, а затем в Индию и ТАПИ — из Туркменистана в Пакистан через Афганистан и далее в Индию [Россия и страны Востока, 2014, с. 166–168].

Индийский фактор в то время казался наиболее важным, поскольку российский президент, как известно, проявлял личный интерес к связям с Индией и, например, накануне визита Мушаррафа в 2003 г., как утверждается, позвонил тогдашнему премьер-министру Индии А. Б. Ваджпайи, чтобы сообщить ему, что визит не окажет негативного влияния на российско-индийские отношения. Опасения по поводу негативной реакции США представляются весьма сомнительными. Можно даже утверждать, что визит был бы воспринят Вашингтоном как играющий им на руку.

Оглядываясь назад, можно предположить, что решение, принятое В. В. Путиным, было одним из первых шагов в направлении утверждающей себя внешней политики Москвы. Она, видимо, приняла во внимание, что ничего не выиграет от подыгрывания Пакистану, который остро нуждался в улучшении своего имиджа независимого государства, запятнанного вторжением американских военных в воздушное пространство Пакистана с целью убийства У. бен Ладена в мае 2011 г. и беспомощностью Исламабада в расследовании дела сотрудника ЦРУ, который, спасаясь бегством от преследователей, убил днем на людной улице в Лахоре двух агентов пакистанских спецслужб в январе того же года и был освобожден из тюрьмы после уплаты выкупа⁷.

После второй неудачи в попытках существенно повысить уровень двусторонних связей наступила пауза до середины 2010-х годов, когда новое правительство ПМЛ-Н во главе с Н. Шарифом сконцентрировало внимание на экономических вопросах в своей внешней политике. Это привело, в частности, к успешному подписанию весной 2015 г. соглашения о КПЭК (Китайско-пакистанский экономический коридор). Одновременно с проведением переговоров с КНР Пакистану удалось заключить соглашение и с Москвой о выделении крупной российской помощи в 2–2,5 млрд долл. на строительство газопровода для прокачки сжиженного природного газа (СПГ) из Карачи в Лахор протяженностью 1,1 км [Каменев, 2019, с. 349]. Трубопровод, известный сначала как «Север–Юг», а затем переименованный в «Пакистанский поток», был призван стать новым символом двустороннего сотрудничества, но из-за различных препятствий его реализация до сих пор не началась.

В целом период с 2000-х по начало 2020-х годов, несомненно, можно рассматривать как фазу медленного, но поступательного улучшения пакистано-российских отношений. По сравнению с предыдущей продолжительной волной 1980–90-х годов на втором этапе позитивная тенденция наблюдалась практически во всех сферах, за исключением, пожалуй, культурных, научных и гуманитарных контактов. Увеличился объем товарооборота, укрепилось политическое сотрудничество, усилились связи между военными двух стран, имеющими одних и тех же противников — международный терроризм, контрабанду наркотиков, пиратство и подрывную деятельность. Помимо совместных военных учений, проходящих почти ежегодно с 2016 г., Москва согласилась поставить Исламабаду четыре вертолета Ми-35 с перспективами дальнейших закупок [Каменев, 2019, с. 356–358].

Помимо двусторонних политических связей развивалось и многостороннее региональное сотрудничество. Пакистан вместе с Индией получил сначала статус наблюдателя, а в 2015 г. стал

⁷ Pakistan frees Raymond Davis after 'bloody money' deal. Indian Express, Mar. 16, 2011//<https://www.indianexpress.com/story-print/763315/pakistan-frees-raymond-davis-after-bloody-money-deal> (дата обращения: 17.03.2011).

полноправным членом ШОС (Шанхайской организации сотрудничества). Ситуация в Афганистане оставалась в центре пристального внимания международного сообщества, и до смены режима в августе 2021 г. Россия и Пакистан были участниками переговоров и консультаций в различных форматах.

Заключение

Завершая краткий анализ истории российско-пакистанских отношений, следует повторить, что они следовали во многом predetermined курсом. Первый период в их развитии (1940–60-е годы) был в целом детерминирован глобальным соперничеством времен холодной войны, третий период (1980–90-е годы) — регионально-глобальной ситуацией подъема исламского радикализма и экстремизма. Ослабление противоречий, связанных с этими факторами, сделало возможным два промежуточных этапа — 1960–70-е и 2000–10-е годы. Надо надеяться, что в перспективе исламистский фактор будет по-прежнему в значительной степени неактуален, а соперничество времен холодной войны не наберет новые обороты. В этом случае есть основания полагать, что в 2020-х годах отношения между Россией и Пакистаном укрепятся и получают более широкое и разностороннее развитие.

Наиболее перспективными областями сотрудничества представляются уже не раз обсуждавшиеся проекты участия двух стран в повышении региональной взаимосвязанности. Речь идет о большом Евразийском регионе, включающем Россию на севере и Пакистан на юге и охватывающем Центральную Азию и Афганистан. Строительство путей сообщения, шоссе и железных дорог, способно радикально изменить географию грузовых потоков, соединив центр Евразии с Аравийским морем и через него — с мировым океаном. Весьма ценным может оказаться содействие России в модернизации и расширении сети пакистанских железных дорог. Нужно иметь в виду, что основная часть железнодорожных путей была построена еще в колониальное время и остро нуждается в техническом переоснащении. Пакистан был бы заинтересован в развертывании совместных с Россией геологоразведочных работ. Выгодной для Пакистана сферой приложения российского капитала была бы гидроэнергетика, причем не только большая, требующая огромных инвестиций, но и малая. Да и в целом энергетика, сооружение ТЭС, в которой накоплен немалый опыт сотрудничества, и реализация заключенных договоренностей о развитии трубопроводного транспорта является, безусловно, приоритетной сферой. В перспективе было бы желательным возобновление прямого воздушного сообщения между странами и использование возможностей, которые Пакистан имеет для туризма и альпинизма. Велик, наконец, потенциал углубления человеческих контактов через увеличение, в частности, числа обучающихся в России пакистанских студентов и аспирантов, прежде всего по техническим и медицинским специальностям. В свете происходящих ныне в мире серьезных геополитических сдвигов и перемен сотрудничество в вышеотмеченных направлениях (причем это далеко не полный их перечень) плюс к тому кооперация в военной и военно-технической областях способны вывести двусторонние отношения на качественно новый, более высокий уровень..

Литература / References

Балабушевич В. *К вопросу о Пакистане*. Ташкент, 1943 [Balabushevich V. *To the question of Pakistan*. Tashkent, 1943 (in Russian)].

Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р. *История Пакистана*. М., 1961 [Gankovsky Y. V., Gordon-Polonskaya L. R. *History of Pakistan*. Moscow, 1961 (in Russian)].

Кашин В. П. *Индия: независимость, раздел и диалог с Россией*. М., 2022 [Kashin V. P. *India: Independence, Partition and Dialogue with Russia*. Moscow, 2022 (in Russian)].

Компанцев И. М. *Пакистан и Советский Союз*. М., 1970 [Kompantsev I. M. *Pakistan and the Soviet Union*. Moscow, 1970 (in Russian)].

Конаровский М. А. *Афганистан на рубеже веков: новый перекресток судьбы*. М., 2020 [Konarovskiy M. A. *Afghanistan at the Turn of Centuries: A New Crossroads of Destiny*. Moscow, 2020 (in Russian)].

Икбал В. *Пакистано-российские отношения* // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. Памяти Ю. В. Ганковского. М., 2004 [Iqbal W. *Pakistani-Russian relations* // Pakistan, countries of South Asia and Middle East. To the memory of Y. V. Gankovsky. Moscow, 2004 (in Russian)].

Каменев С. Н. *История экономических процессов в Пакистане. XX–XXI вв.* М., 2019 [Kameney S. N. *History of Economic Processes in Pakistan. 20th-21st Centuries*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Народная Республика Бангладеш. Справочник / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1972 [*People's Republic of Bangladesh. A Reference Book* / Ed. Y. V. Gankovsky. Moscow, 1972 (in Russian)].

Поя С. *Афганистан при премьер-министре Мухаммад Дауд-Хане (1953–1963 гг.)*. М., 2022 [Poya S. *Afghanistan under Prime-Minister Muḥammad Daud-Khan (1953–1963)*. Moscow, 2022 (in Russian)].

Россия и страны Востока в постбиполярный период / Под ред. Д. В. Стрельцова. М., 2014 [*Russia and Countries of the East in the Post-Bipolar Period* / Ed. D. V. Streltsov. Moscow, 2014 (in Russian)].

Скороспелов П. П. 'Особая форма проведения внешней политики путем угрозы войны империалистам'. Пример военно-политической деятельности Президиума ЦК при Н. С. Хрущеве, 1953–1964 гг. Часть 1 // Восток (Oriens). 2022. № 2 [Skorospelov P. P. 'A Special type of conducting the foreign policy by the threat war against imperialists'. A case of military-political activity of the Presidium of the Central Committee under N. S. Khrushchev, 1953–1964. Part I // Vostok (Oriens). 2022. No. 2.

СССР и Индия / Отв. ред. Г. Г. Котовский, А. Н. Хейфец, П. М. Шаститко. М., 1987 [*USSR and India* / Ed. G. G. Kotovskiy, A. N. Heifets, P. M. Shastitko. Moscow, 1987 (in Russian)].

СССР и Пакистан / Отв. ред. И. В. Халевинский. М., 1984 [*USSR and Pakistan* / Ed. I. V. Halevinskyy. Moscow, 1984 (in Russian)].

Тихонов Ю. *Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию*. М., 2008 [Tikhonov Y. *Stalin's Afghan War. Battle for Central Asia*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Черешнева Л. А. *Региональный мусульманский национализм в Индии в 1947–1949 гг. (на примере княжества Хайдерабад)* // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015 [Chereshneva L. A. *Regional Muslim nationalism in India in 1947–1949 (a case of princely state Hyderabad)* // Nations and Nationalism in the Muslim East. Moscow, 2015 (in Russian)].

Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *The Political History of Pakistan, 1947–2007*. Karachi: Oxford University Press, 2013.

Bhutto Z. A. *Reshaping Foreign Policy*. Lahore, s. a.

Jalal, A. *The Sole Spokesman. Jinnah, the Muslim League and the Demand for Pakistan*. Cambridge, 1994. Amazon Kindle edition.

Malik, H. *Soviet-Pakistan Relations and Post-Soviet Dynamics, 1947–92*. L., 1994.

Khan, T.A. 'An Aborted Moscow interlude'. *The News*. 11 June 1994.

Shah, A. *The Army and Democracy. Military Politics in Pakistan*. Cambridge (Mass.), 2014. Amazon Kindle edition.

Viewpoint, Lahore, Nov. 9, 1989.

Viewpoint, Lahore, Sept. 3, 1981.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Pakistan frees Raymond Davis after 'bloody money' deal. *Indian Express*. Mar. 16, 2011. URL: <https://www.indianexpress.com/story-print/763315/pakistan-frees-raymond-davis-after-bloody-money-deal> (дата обращения: 17.03.2011).

Russia offers funds to revive Pakistan Steel Mills // *The Express Tribune*. August 1, 2013. URL: <http://tribune.com.pk/story/585216/Russia-offers-funds-to-revive-pakistan> (дата обращения: 01.08.2013).

СТАЛИН И НЕЗАВИСИМЫЙ ПАКИСТАН

В. П. Кашин¹

По мнению автора статьи, Пакистан не был для И. В. Сталина экзотической, диковинной страной. Сталин был знаком с проблемами современного ему Пакистана, возлагал надежды на сотрудничество с ним и 2 июня 1949 г. пригласил главу пакистанского правительства Лиаката Али Хана посетить Москву с официальным визитом. В 1948–1949 гг. Советский Союз закупил в Пакистане партию хлопка и джута и оказал ему помощь, поставив 124 тыс. тонн пшеницы. Одновременно с экономическими развивались советско-пакистанские культурные связи. В ноябре 1949 г. в Пакистане находилась делегация советских литераторов. Однако в мае-июне 1950 г. Лиакат Али Хан посетил США и Канаду, и на этом потепление в советско-пакистанских отношениях завершилось. Оно было непродолжительным и охватывает период с весны 1948 г. по конец 1949 г. После этого Сталин переключил внимание на Индию. Как показатель растущего интереса Сталина к Индии можно рассматривать приемы им 14 января 1950 г. и 5 апреля 1952 г. посла Индии в СССР Сарвепали Радхакришнана и 17 февраля 1953 г. его преемника К. П. Ш. Менона.

Ключевые слова: СССР, Пакистан, Сталин, Лиакат Али Хан, дипломатические отношения

Для цитирования: Кашин В. П. Сталин и независимый Пакистан. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 187–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-187-194

STALIN AND THE INDEPENDENT PAKISTAN

Valeriy P. Kashin

According to the author, Pakistan was neither an exotic nor an unusual country for I.V. Stalin. Stalin was acquainted with the problems of the contemporary Pakistan; he put his hopes in cooperation with Pakistan, so on June 2, 1949 he invited the head of the Pakistani government, Liaquat Ali Khan to pay an official visit to Moscow. In 1948–1949, the Soviet Union purchased a batch of cotton and jute in Pakistan, and helped Pakistan with the shipment of 124,000 tons of wheat. Soviet-Pakistani cultural ties strengthened simultaneously with the economic ones. In November 1949, a delegation of Soviet literature workers visited Pakistan. However, in May-June 1950 Liaquat Ali Khan visited the USA and Canada, and this brought the warming of Soviet-Pakistani relations to the end. The warming of relations was not long and lasted since the spring of 1948 until the end of 1949. Since then, Stalin diverted his interests to India. Official receptions of the ambassador of India in the USSR, Sarvepalli Radhakrishnan on January 14, 1950 and April 5, 1952, and of his successor, K. P. S. Menon on February 17, 1953, were the signs of the growing interest of Stalin in India.

Keywords: India, feminism, women's movement, emancipation, women's rights, suffragettes, cultural code

For citation: Kashin V. P. Stalin and the Independent Pakistan. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 187–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-187-194

¹ Кашин Валерий Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; indology@mail.ru
Valeriy P. Kashin, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; indology@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0119-9157

Генералиссимус, «отец народов» и «Ленин сегодня», Иосиф Виссарионович Сталин возлагал надежды на установление отношений и сотрудничество между СССР и Пакистаном и пригласил главу пакистанского правительства Лиаката Али Хана посетить Москву с официальным визитом. После того, как этот визит не состоялся и все планы, связанные с ним, себя не оправдали, он и его окружение стали ориентироваться на диалог с соседней Индией.

От дипломатических отношений к обмену послами

Так получилось, что при И. В. Сталине Советский Союз устанавливал дипломатические отношения с Пакистаном дважды. Первый раз это произошло 13 апреля 1947 г. В конкретном случае советская сторона вела переговоры с временным правительством колониальной Индии кануна «передачи власти», в состав которой до 14 августа того же года входили Западный Панджаб, Синд, Белуджистан, Северо-Западная пограничная провинция и Восточная Бенгалия, а также дистрикт Силхет провинции Ассам. А второй раз — 1 мая 1948 г., уже после того, как Западный Панджаб, Синд, Белуджистан, Северо-Западная пограничная провинция и Восточная Бенгалия, а также дистрикт Силхет провинции Ассам получили независимость и название Пакистан, до 23 марта 1956 г. — доминион, а в дальнейшем — Исламская Республика.

Западную и восточные части Пакистана разделяла территория Индийского Союза, и они отстояли друг от друга на расстояние в 1500 километров по прямой. «Такое государство не может долго существовать», — прокомментировал Сталин карту новых британских доминионов в 1947 г. [Andrew, Mitrokhin, 2005, p. 347]. Высказанное им суждение впоследствии часто повторяли сотрудники Отдела стран Юго-Восточной Азии МИД СССР. События 1971 г. и создание Народной Республики Бангладеш подтвердили обоснованность этих слов.

В 1948 г. дипломатическая инициатива исходила от пакистанской стороны. 13 апреля министр иностранных дел Пакистана Ч. Зафрулла Хан обратился к находящемуся в Нью-Йорке заместителю министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с предложением установить дипломатические отношения между СССР и Пакистаном. Правительство СССР ответило согласием. 1 мая 1948 г. произошел обмен нотами между министерствами двух стран. В тексте ноты министра иностранных дел Пакистана на имя министра иностранных дел Советского Союза В. М. Молотова говорится: «Ваше Превосходительство, мое правительство придерживается того взгляда, что, принимая во внимание многие вопросы, представляющие взаимный интерес для моего правительства и правительства СССР, будет полезно для обеих стран, если бы между двумя правительствами был установлен обмен дипломатическими представителями в ранге послов» [Правда, 02.05.1948]. Это решение получило поддержку пакистанской общественности. «Теперь фактом установления дипломатических отношений с Советским Союзом открываются новые возможности для улучшения взаимопонимания и установления более дружественных отношений. Теперь нет никаких преград для укрепления экономических связей между обеими странами», — отмечала влиятельная пакистанская газета “Dawn” в передовой статье [Dawn, 04.05.1948].

Намечалось, что первым послом Пакистана в СССР станет женщина, а именно депутат Учредительного собрания Бегам Шахнаваз. Однако кандидатура Шахнаваз не была утверждена ввиду ее отсутствия на заседании высшего законодательного органа [АВПРФ, ф. 0117, оп. 3, п. 2, д. 4, л. 1]. Возможно, что Бегам Шахнаваз опасалась соперничества со стороны Виджайи Лакшми Пандит, посла Индии в Москве, сестры Неру и одной из первых красавиц своего времени. Поэтому 13 октября 1949 г. послом Пакистана в СССР был назначен Шуэб Куреши. Он обучался в Алигархском и Оксфордском университетах, по образованию юрист. Во время Балканской войны

1912–1913 гг. был членом индийской медицинской миссии в Турции, в 1930–1948 гг. — министром внешних сношений в княжестве Бхопал. Русский язык изучал в Праге в 1929 г. [АВПРФ, ф. 117, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 3]. Куреши прибыл в Москву 22 декабря 1949 г.

С 22 ноября 1949 г. по 12 февраля 1950 г. Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Пакистане номинально считался Иван Николаевич Бакулин, заведующий Отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР в 1948–1949 гг. и посол в Афганистане в 1943–1947 гг. Но в должность посла в Пакистане он не вступил по состоянию здоровья, и 13 февраля 1950 г. послом СССР в Пакистане был назначен Александр Георгиевич Стеценко. У него высшее техническое образование. До 1930 г. он работал в Торгпредстве СССР в Японии, а с 1944 по 1950 г. был советником советского посольства в Великобритании. 18 марта 1950 г. Стеценко прилетел в Карачи.

Сталин и деколонизация Южной Азии

Сталин и руководство СССР с крайней подозрительностью и недоброжелательностью отнеслись к подготовке и проведению деколонизации Южной Азии. Немаловажное значение для формирования позиции советского правительства в рассматриваемый период имели установки идеологического характера. В первую очередь речь идет о довоенных оценках Сталиным национальной буржуазии колониальных и зависимых стран как «соглашательской» и «контрреволюционной» силы, вступившей в «сговор» с империализмом за спиной собственных народов. В «соглашательский» лагерь были отнесены представители наиболее влиятельных кругов индийской буржуазии и такие деятели, как Махатма Ганди. «Господа буржуа рассчитывают залить эти страны кровью и опереться на полицейские штыки, призвав на помощь людей вроде Ганди», — подчеркнул Сталин 27 июня 1930 г., в тот момент, когда в Британской Индии проходила Вторая общенациональная компания гражданского неповиновения 1930–1931 гг. [Сталин, 1949, т. 12, с. 252].

При непосредственном участии Сталина в программу Коминтерна было внесено положение о колониальной революции как пути достижения независимости угнетенными народами Востока. Ликвидация господства иностранного империализма увязывалась в ней с насильственными действиями малоимущих классов при одновременном свержении власти феодалов и помещичьей бюрократии, установлении демократической диктатуры пролетариата и крестьянства на основе Советов, организации революционной рабоче-крестьянской армии и перерастании буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую.

Процесс «передачи власти» в Южной Азии едва ли мог претендовать даже на отдаленное соответствие с подобного рода теоретическими построениями. Неслучайно советские периодические издания либо отказывались помещать информацию о ситуации на субконтиненте, либо представляли его освобождение не иначе, как «политический фарс», умело инсценированный колониальной администрацией.

Предвзятое отношение Сталина и руководства СССР было в немалой степени обусловлено политическим статусом доминионов, приобретаемым Пакистаном и Индийским Союзом. В Кремле были уверены, что в августе 1947 г. изменения затронули только верхние эшелоны власти и привели к замене администрации вице-короля соглашательскими буржуазными правительствами Лиаката Али Хана и Джавахарлала Неру.

При всем том позиция Кремля в отношении Пакистана в отличие от Индийского Союза отличалась некоторой лояльностью. Первым генерал-губернатором доминиона Пакистан был Каид-и азам, (Великий лидер) и руководитель массового движения за образование независимого государства мусульман на Индостане Мухаммед Али Джинна, тогда как первым генерал-губернатором

доминиона Индийский Союз — бывший вице-король Британской Индии лорд Маунтбэттен. Премьер-министра Индийского Союза Джавахарлала Неру И. В. Сталин вообще никогда не жаловал. По мнению Г. Г. Котовского, долгие годы руководившего Отделом Индии и стран Южной Азии Института востоковедения АН СССР, Сталин и его соратники считали Неру агентом американского империализма, а министр иностранных дел В. М. Молотов и его окружение причисляли индийского премьера к агентам британских спецслужб.

Советские военные круги исходили из того, что в случае войны с США, Англией и их союзниками Индия, будучи членом Британского Содружества, неизбежно выступит в качестве противника СССР, а индийские аэродромы и другие военно-стратегические объекты будут использоваться для нанесения бомбовых ударов по южным границам Советского Союза. В пользу ориентации Индии на военно-политическое сотрудничество с бывшей метрополией указывало и то обстоятельство, что из 19 английских генерал-майоров в Индии осталось 16, а из 280 бригадиров службу продолжали 260 [Правда, 10.08.1947]. В этой связи картина в Пакистане была несколько иной. Как заявил 8 мая 1948 г. на пресс-конференции в Карачи генерал-майор пакистанской армии Н. М. Раза, количество английских офицеров в Пакистане составляло 394 человека, и почти все ключевые посты были заняты пакистанскими офицерами [АВПРФ, ф. 117, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 6].

Первые вехи сотрудничества

Сталину было лестно личное обращение к нему главы временного правительства Свободного Кашмира Сардара Ибрагима с просьбой о помощи и признании. «Четыре миллиона населения Кашмира ходатайствует о поддержке со стороны свободолюбивого правительства и народа Советского Союза в этот критический час нашей борьбы за свободу против феодальной аристократии Магараджи, которого поддерживает Индийский Союз. Признание Вами нашего временного правительства окажет значительную помощь нашему благородному делу, а также вдохновит все прогрессивные силы мира в их борьбе за действительную свободу», — говорилось в телеграмме, направленной 4 ноября 1947 г. из Равалпинди в Москву [АВПРФ, ф. 0117, оп. 1, п. 1а, д. 2, л. 1]. Но Сталин не ответил на эту телеграмму, чтобы не нарушать линию СССР в «кашмирском вопросе» в Совете Безопасности ООН.

Создание в феврале 1948 г. Коммунистической партии Пакистана во главе с Саджад Захиром и ее легальная деятельность до июля 1954 г., в отличие от Коммунистической партии Индии, практически вынужденной с весны 1948 г. и до осени 1950 г. действовать в условиях подполья, также располагали Кремль к диалогу и сотрудничеству с Пакистаном [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 107]. В 1948 г. Советским Союзом было закуплено и вывезено из Пакистана 33 тыс. тонн хлопка и 6,3 тыс. тонн джута-сырца на сумму 154 млн рублей и продано Пакистану товаров на 56 млн рублей, в том числе пшеницы 64 тыс. тонн и хлопчатобумажных тканей 4 млн метров. На 15 февраля 1949 г. СССР закупил в Пакистане 6 тыс. тонн джута-сырца и 2 тыс. тонн хлопка на сумму 20 млн рублей. На это же число он продал Пакистану 60 тыс. тонн пшеницы на сумму 37 млн рублей [АВПРФ, ф. 0117, оп. 3, п. 2, д. 7, л. 10]. Стало быть, в 1948–1949 гг. Советский Союз оказал помощь Пакистану, поставив 124 тыс. тонн необходимого продовольственного зерна. Аналогичная помощь Индии была оказана им только через два года и предусматривала поставки 100 тыс. тонн пшеницы.

Тогда же в Пакистане находилась советская торговая делегация во главе с заместителем министра внешней торговли СССР В. П. Мигуновым. Она прибыла в Пешавар из Кабула 24 июля 1949 г. в составе 12 человек. Пакистан проявил интерес к советским сельскохозяйственным машинам

и оборудованию, различным минералам, изделиям из кожи и шерсти, а СССР — к хлопку и джуту. Но стороны не сошлись в объемах поставок и ценовой шкале, и торговый договор не был подписан. Через три месяца советская делегация вернулась в Москву.

Одновременно с экономическими устанавливались и развивались советско-пакистанские культурные связи. Так, с 14 по 29 ноября 1949 г. в Пакистане находилась делегация советских литераторов, которая приняла участие в собрании Ассоциации прогрессивных писателей Пакистана (АППП), посетила Лахорский университет и встретила с деятелями профсоюзов, пакистанскими журналистами и студентами Лахора и Карачи. Руководителем делегации был Николай Семенович Тихонов, известный советский поэт, писатель и публицист, лауреат трех Сталинских премий первой степени. В приветственной речи 19 ноября на встрече с 500 представителями профсоюзов в Лахоре он пожелал успехов рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции Пакистана и призвал укреплять дружескую связь между советским и пакистанским народами. Гостей приветствовали лозунгами: «Да здравствует Советский Союз — великий борец за дело мира во всем мире!», «Да здравствует товарищ Сталин — вождь мирового пролетариата!» и «Да здравствует Красное Знамя — символ передового прогрессивного человечества!» [АВПРФ, ф. 117, оп. 3, п. 2, д. 9, л. 41]. К сожалению, не обошлось без эксцессов. 18 ноября советские писатели подарили пакистанским коллегам 36 книг и около 400 фотоснимков и журналов о жизни в СССР, но утром следующего дня полиция их изъяла во время обыска квартиры секретаря АППП [Правда, 22.11.1949]. По окончании визита члены советской делегации пригласили пакистанских литераторов посетить в 1950 г. Советский Союз, но приглашение это осталось нереализованным.

Нематериализовавшийся визит премьера

Апогеем советско-пакистанского сближения эпохи Сталина стало сенсационное приглашение главы правительства Пакистана Лиаката Али Хана в Москву с официальным визитом. Дело обстояло следующим образом. 16 мая 1949 г. премьер-министр Пакистана прибыл из Каира в Тегеран и в беседе с поверенным в делах СССР в Иране Али Абдул оглы Алиевым выразил желание увидеть Сталина. Информация была оперативно передана в Москву. Приглашение Лиакату Али Хану, подписанное Сталиным, датировано 2 июня 1949 г. В российских архивах документ не обнаружен. 4 июня приглашение было передано в посольство Пакистана в Тегеране, и 8 июня с ним ознакомился Лиакат Али Хан [Kundi, Afridi, 2018, p. 136]. 5 июля он сообщил, что предполагает выехать в Москву 20 августа на 10–14 дней и намерен встретиться с советскими руководителями, ознакомиться с экономическим планированием, развитием промышленности и сельского хозяйства и повышением образования и культуры в СССР. Он хотел бы также посетить одну или две мусульманские республики и надеется, что советское правительство пришлет за ним самолет [АВПРФ, ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, л. 5].

Ему был дан ответ, что удобной датой его прибытия в Москву для принимающей стороны является 15 августа. Лиакат Али Хан, сославшись на то, что 14 августа — национальный праздник Пакистана, высказал пожелание прилететь 18 августа. На это ему сообщили, что с 20 августа и до начала ноября у советского руководства обычно отпускной период. Тогда он принял решение вылететь в СССР 7 ноября. 18 октября Высокий комиссар Пакистана в Индии прислал послу СССР в этой стране К. В. Новикову паспорта Лиаката Али Хана, его жены и 8 сопровождающих их лиц с просьбой выдать въездные советские визы. В связи с этим 30 октября по поручению МИД СССР Новиков сообщил пакистанскому коллеге, что посещение Москвы премьер-министром

Пакистана «лучше всего осуществить после фактического обмена послами между Советским Союзом и Пакистаном» [АВПРФБ, ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, л. 7].

Но до обмена послами между СССР и Пакистаном Лиакат Али Хан в начале декабря 1949 г. принял приглашение президента Г. Трумэна посетить США. В справке от 19 января 1950 г. «О переговорах по вопросу приезда в СССР премьер-министра Пакистана», подготовленной помощником заведующего Отделом Юго-Восточной Азии М. Бахитовым и направленной министру иностранных дел А. Я. Вышинскому, высказываются сомнения в подлинности намерений премьер-министра Пакистана нанести визит в Советский Союз и целесообразности дальнейших переговоров по этому поводу. «Следует иметь в виду, что выраженное нам Лиакатом Али Ханом желание посетить Москву, как и вся шумиха, поднятая в конце 1949 г. в пакистанской печати вокруг возможной поездки Лиаката Али Хана в Москву, были направлены в основном на то, чтобы поуготать Англию и выторговать у нее ряд уступок в пользу Пакистана в финансовых, торговых и экономических вопросах, а также заставить Англию более определенно поддерживать Пакистан в споре между Пакистаном и Индией по кашмирскому и другим вопросам», — утверждает в документе [АВПРФ, ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, л. 8]. Нет сомнений, что эта точка зрения была незамедлительно доведена до Сталина.

Во время визита в США и Канаду в мае-июне 1950 г. Лиакат Али Хан неоднократно выступал с заявлениями в поддержку позиции Вашингтона и его союзников по корейскому вопросу. Он даже хотел направить в Корею пакистанскую дивизию, но большинство министров его правительства выступило против, указав, что США не сдержали своих обещаний в отношении Кашмира [АВПРФ, ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, л. 12]. В связи с поездкой пакистанского лидера в США 12 июля 1950 г. в журнале «Новое время» в разделе «Из международной жизни» была помещена критическая заметка: «Лакейское усердие Лиаката Али Хана», а 25 июля 1950 г. в «Литературной газете» — заметка: «Ли Сын Ман пакистанского образца».

На пресс-конференциях в Нью-Йорке и Бостоне Лиакат Али Хан заявил, что собирается поехать в Москву, но не знает, когда, так как для него не было намечено даты приезда, хотя приглашение ему и было сделано. Последний раз он вернулся к этому вопросу осенью 1950 г., 17 ноября. В беседе с послом СССР в Пакистане Стеценко он пожаловался на то, что его поездка в Москву не состоялась «не по его вине, а из-за нежелания советской стороны видеть его в Москве и нежелания показать ему жизнь советских среднеазиатских республик, имеющих мусульманское население» [АВПРФ, ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, л. 16]. На этом потепление в советско-пакистанских отношениях завершилось. Оно было непродолжительным и охватывает период с весны 1948 г. по конец 1949 г.

Поворот к Индии

Одновременно с указанными событиями происходило сближение Москвы и Нью-Дели. После безрезультатного визита Неру в Вашингтон в октябре 1949 г. и отказа американской стороны предоставить Индии продовольственную помощь правительство Индии обратилось с аналогичной просьбой к Советскому Союзу. Как показатель растущего интереса Сталина к Индии можно рассматривать приемы им 14 января 1950 г. и 5 апреля 1952 г. посла Индии в СССР Сарвепалли Радхакришнана и 17 февраля 1953 г. его преемника К. П. Ш. Менона. Причем в последние годы жизни Сталин лично принял четырех послов иностранных государств, и два из них были послами Индии, а еще два — Франции и Аргентины.

В ходе первой беседы Радхакришнана и Сталина последний интересовался состоянием отношений Индии и Пакистана и общим языком этих стран. Радхакришнан отметил, что

индийско-пакистанские отношения остаются достаточно напряженными, и Пакистан пытается заручиться поддержкой мусульман всего мира. Радхакришнан обращался к Сталину «маршал», Сталин к Радхакришнану — «профессор». Первый вопрос индийского посла к советскому лидеру был — почему так трудно встретиться с ним. Когда вопрос перевели на русский язык, Сталин улыбнулся: «Трудно со мной встретиться? А что вы делаете сейчас?» [Satchidananda, Vohra, 1990, p. 121].

Разговор Сталина с Меноном получился более содержательным и продолжительным. Менон подробно рассказал о нем в книге «Летящая тройка» и выделил три главные, с его точки зрения, особенности Сталина — пронизательность, суровость и простота в общении и личной жизни: «Все, что связано с ним, отличается простотой — его одежда, его комната, его манеры, его стиль речи. Есть что-то буколическое в том, как он говорит, и в его метафорах, напоминающих метафоры крестьян и пастухов. Это человек, чья воля сберегла Россию ради коммунизма, а коммунизм ради мира, который, как он считал, не устоял бы перед натиском Гитлера. Его воспринимают как «лидера и учителя всего прогрессивного человечества» не только в его собственной стране, но и далеко за ее пределами. Его портреты заняли место икон в каждом русском доме. При упоминании его имени аудитория в России встает с продолжительными аплодисментами, переходящими в овации. При этом лесть скатывается с него, как с гуся вода. В нем нет ни следа хвастовства или притворства» [Menon, 1963, pp. 30–31].

Сталин снова поднял языковой вопрос, в частности, происхождение языков хинди и урду и их отличие друг от друга. Он спросил Менона, верно ли, что у Пакистана есть свой язык? На что посол Индии ответил, что язык урду близок к хинди и отличается от него заимствованием персидских и арабских слов. «В этом случае он не может считаться национальным языком», — заключил Сталин [Menon, 1963, p. 28].

Разногласия между Индией и Пакистаном по «кашмирскому вопросу», признание Китайской Народной Республики и режима Бао Дая во Вьетнаме и намерение Пакистана присоединиться к Средневосточному оборонительному союзу Сталин оставил без комментариев. Но он высказал пожелание об объединении Пакистана и Индии в будущем в федеративное государство. «Это стало бы идеальным решением», — подчеркнул советский лидер [Menon, 1963, p. 29].

Согласно изложению Менона, Сталин заявил: «Как это примитивно!» в отношении политики «разделяй и властвуй», проводимой в течение долгого времени британскими колониальными властями на Индостане, и создания на субконтиненте государств на основе принципа религиозной принадлежности провинций [Menon, 1963, p. 29]. «Как все это абсурдно!»² — подвел он итог рассуждениям Менона о наличии исламских положений в конституции Пакистана и влиянии мулл на законодательство страны.

Таким образом, в глазах Сталина Пакистан не был экзотической, диковинной страной. «Отец народов» был знаком с проблемами современного ему Пакистана и имел собственное представление о путях их решения. В условиях «холодной войны» Сталин стремился обрести в лице Пакистана возможного союзника СССР в Южной Азии, а когда это не удалось, переключил внимание на Индию. При этом, что важно подчеркнуть, его личные симпатии и антипатии уступали место политической целесообразности, масштабности поставленных задач и текущим целям и интересам. Таково было веяние времени, и с этим приходилось считаться даже Сталину.

² Three Conversations of J. V. Stalin an Indian Ambassadors 1950–1953. URL: <https://www.revolutionarydemocracy.org/rdv12n1/3convers.htm> (дата обращения: 05.08.2023).

Литература / References

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). The Foreign Policy Archive of the Russian Federation (FPARF), ф. 0117, оп. 1, п. 1а, д. 2, л. 1.
- АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 3, п. 2, д. 4, л. 1.
- АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 3, п. 2, д. 7, л. 10.
- АВПРФ (FPARF), ф. 0117, оп. 4, п. 3, д. 10, лл. 5, 7, 8, 12, 16.
- АВПРФ (FPARF), ф. 117, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 6.
- АВПРФ (FPARF), ф. 117, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 3.
- АВПРФ (FPARF), ф. 117, оп. 3, п. 2, д. 9, л. 41.
- Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана. XX век*. М., 2008 [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *History of Pakistan. The 20th Century*. Moscow, 2008 (in Russian)].
- Правда*, 10.08.1947 [*Pravda*, 10.08.1947].
- Правда*, 02.05.1948 [*Pravda*, 02.05.1948].
- Правда*, 22.11.1949 [*Pravda*, 22.11.1949].
- Сталин И. В. *Собрание сочинений*. Т. 12. М., 1949 [Stalin J. V. *Collected Works*. V. 12. Moscow, 1949 (in Russian)].
- Andrew C., Mitrokhin V. *The Mitrokhin Archive II. The KGB and the World*. London, 2005.
- Dawn*, 04.05.1948.
- Kundi M. A., Afridi M. K. Why Visit to Moscow not Materialized: Myths and Realities. *Journal of the Research Society of Pakistan*. 2018.1. Pp. 131–141.
- Menon K. P.S. *The Flying Troika*. London, 1963.
- Three conversations of J. V. Stalin an Indian Ambassadors 1950–1953*. URL: [https:// www.revolutionarydemocracy.org/rdv12n1/3convers.htm](https://www.revolutionarydemocracy.org/rdv12n1/3convers.htm) (дата обращения: 05.08.2023).
- Satchidananda M., Vohra A. *Radbhakrishman: His Life and Ideas*. New York, 1990.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-195-202

**BETWEEN MOSCOW AND WASHINGTON:
WHY THE 1949 VISIT OF PAKISTANI PRIME MINISTER LIAQUAT ALI KHAN
TO THE USSR DID NOT TAKE PLACE?**

Larisa A. Chereshneva¹

The article is devoted to the problems of foreign policy orientation of the post-colonial world in the conditions of the bipolar system of international relations that had been created after the Second World War. The object of the study is the foreign policy of Pakistan, which arose with the transfer of British power colonial India and its division along religious lines into the Indian Union and Pakistan. As a subject, the author proposes a conflict in the history of the formation of Pakistani-Soviet relations — the planned but failed visit of Pakistani Prime Minister Liaquat Ali Khan to the Soviet Union in 1949. Against the background of the geopolitical interests of the USA and the USSR, an analysis of this diplomatic story and its consequences is given. The work is based on the materials from the archival collections of the Ministry of Foreign Affairs, the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, the National Archives of India, and published documents from Pakistan, the USA, and Great Britain. The author uses general and specialized literature, it is characterized by a virtual lack of comprehensive research on the topic of Liaquat Ali Khan's visit to Moscow, its consequences for bilateral relations.

Keywords: Pakistan, India, USSR, Liaquat Ali Khan, J. V. Stalin

For citation: Chereshneva L. A. Between Moscow and Washington: Why the 1949 Visit of Pakistani Prime Minister Liaquat Ali Khan Did Not Take Place? *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 195–202. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-195-202

**МЕЖДУ МОСКВОЙ И ВАШИНГТОНОМ:
К ВОПРОСУ О ВИЗИТЕ ПАКИСТАНСКОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА
ЛИАКАТА АЛИ ХАНА В СССР В 1949 г.**

Л. А. Черешнева

Статья посвящена проблемам внешнеполитической ориентации постколониального мира в условиях биполярной системы международных отношений, сложившейся после Второй мировой войны. Объектом

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00108, <https://rscf.ru/project/23-28-00108/>

The research was carried out with the financial support of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00108, <https://rscf.ru/project/23-28-00108/>

¹ Larisa A. Chereshneva, DSc (History), Professor, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of History, Law and Social Sciences of the Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shan, Lipetsk; chara.62@mail.ru

Черешнева Лариса Александровна, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского, Липецк; chara.62@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1491-4968

исследования является внешняя политика Пакистана, возникшего в результате передачи власти Великобританией политическим силам колониальной Индии и ее разделения по религиозному признаку на Индийский Союз и Пакистан. Предметом изучения автор предлагает коллизию истории становления пакистано-советских отношений — запланированный, но не состоявшийся визит премьер-министра Пакистана Liaquat Ali Khan в Советский Союз в 1949 году. На фоне геополитических интересов США и СССР дан анализ этого дипломатического сюжета и его последствий для пакистано-советских отношений. Работа основана на материалах архивных фондов министерств и ведомств иностранных дел: Архива внешней политики РФ, Национального архива Индии, а также опубликованных документах Пакистана, США и Великобритании. Автор использует общую и специальную литературу, для нее характерно фактическое отсутствие комплексного исследования темы визита Liaquat Ali Khan в Москву, его последствий для двусторонних отношений.

Ключевые слова: Пакистан, Индия, СССР, Liaquat Ali Khan, И. В. Сталин, Дж. Неру

Для цитирования: Черешнева Л. А. Между Москвой и Вашингтоном: к вопросу о визите пакистанского премьер-министра Liaquat Ali Khan в СССР в 1949 г. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 195–202. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-195-202

Pakistan was born on August 14, 1947 as a result of the partition of British India into two dominions — India and Pakistan. The All India Muslim League leader Muhammad Ali Jinnah became the Governor-General of it, the Secretary General of the League Liaquat Ali Khan held the post of the Prime Minister. Jinnah's death in of 1948 led to a change in the status of Liaquat Ali Khan. He retained the post of the Prime Minister [Belokrenitsky, Moskalenko, 2008, pp. 92–93]. Pakistan became a member of the British Commonwealth, which united the dominions and ex-colonies of the Empire. Independence was accompanied by a deterioration of relations between the new Hindustan and Pakistan, primarily due to territorial claims to each other. The dispute over which of them should join the State of Jammu and Kashmir led to the outbreak of hostilities in October 1947 [Shaumyan, 2002, pp. 61–76]. In May 1949, the State was occupied by the Indian Army (Jammu, Kashmir Valley, Ladakh) and Pakistani troops (Gilgit, Mirpur, Baltistan).

The leaders of the bipolar world — the USA and the USSR — entered into a competition for influence on the South Asia. For the USA Pakistan's strategic importance was no more significant than India's. But it was the Indian Prime Minister Nehru who was the first to receive an invitation to pay an official visit to the USA [Yurlov, Yurlova, 2010, pp. 616–617]. This visit was a diplomatic blow for Pakistan, which already had diplomatic relations with Washington. The USSR's attitude towards Pakistan was also built on a complex basis. Information about Anglo-American 'intrigues' in Pakistan regularly appeared in the Soviet press [Novoye Vremya, 1950, p. 22]. Moscow understood that the Central Asian part of the USSR was predominantly Muslim and could contact the co-religionists of Kashmir. The actions of the United States posed a threat to the security of the USSR from the territory of Northern Kashmir.

The diplomatic relations between the USSR and Pakistan were established on May 2, 1948 as a result of an exchange of letters in New York between the Soviet representative to the UN A. A. Gromyko and the Minister of Foreign Affairs of Pakistan Zafrullah Khan. Due to the absence of the Pakistani Embassy in Moscow and the Soviet Embassy in Karachi, the parties' communication was carried out through their diplomatic representatives in Iran. On May 16, 1949, at a reception in Tehran with local authorities, Liaquat Ali Khan, in an interview with the Soviet Charge d'affaires in Iran Aliyev, said that he would have been very happy to visit the USSR if the Government had invited him' [AFP RF, f. 0117, inv. 3, f. 2, file 6, p. 1–2]. Later, in an interview with journalists, Liaquat stated: 'Pakistan's desire is to have friendly relations with all countries of the world. The decision to exchange ambassadors with Russia is in line with this policy' [Speeches and Statements of Quaid-i-Millat, 1967, p. 145]. The invitation

of I. V. Stalin to Liaquat Ali Khan took place on June 2, 1949. Stalin invited Liaquat to come to Moscow on an official visit on August 14. The invitation was conveyed by Aliyev through Pakistan's Ambassador Gazzanfar Ali Khan when Liaquat was in Tehran. This was followed by the announcement by the Pakistani side that 'the Prime Minister and Mrs. Liaquat Ali Khan had received an invitation to visit the USSR, and that it had been accepted' [NAI, 1949, p. 4].

On July 9, 1949, the Soviet Minister of Foreign Affairs A. Ya. Vyshinsky informed Stalin that Gazzanfar Ali Khan had handed Aliyev a written request regarding the visit about Liaquat Ali Khan's intention to leave Karachi on about August 20 for a stay in the USSR from 10 days to two weeks. He was very interested in studying economic planning, industrial development, agriculture, education and culture of the USSR. Liaquat would also like to visit one or two Muslim republics of the USSR [AFP RF, f. 07, inv. 22-a, f. 16, file 249, p. 19]. Gazzanfar made it clear to Aliyev: Liaquat hopes that 'the Soviet Government will send a plane to Karachi or Tehran for him' [AFP RF, f. 07, inv. 22-a, f. 16, file 249, p. 19]. The Soviet Government was ready to receive Liaquat Ali Khan in Moscow at the end of August-beginning of September, provide him with 2 aircraft to Tehran or Karachi, at his discretion, and fulfill all wishes' [AFP RF, f. 07, inv. 22-a, f. 16, file 249, p. 19, p. 19–20]. It was decided to accommodate Liaquat with his wife and part of the accompanying persons in the mansion on Ostrovsky Street, 8, and all the other members of the delegation in the hotel 'National' [AFP RF, f. 07, inv. 22-a, f. 16, file 249, p. 19, l. 22]. To meet the distinguished Pakistani guests, it was planned to send F. F. Molochkov to Baku, who there, accompanied by the leaders of the Azerbaijani SSR. In Moscow, he was waiting for a meeting personally with Stalin in the Kremlin. From the Muslim republics, the Uzbek SSR was chosen for his visit [AFP RF, f. 0117, inv. 3, f. 2, file 6, p. 13–15]. However, the author of this article has not yet found any documents indicating that Liaquat was given a satisfactory answer at that time regarding the dates of the visit indicated by him.

On July 21, 1949, Vyshinsky again reported to Stalin:

'According to our Charge d'affaires in Tehran, in connection with the Independence Day of Pakistan — August 14 and the ceremony associated with this date, at which the presence of the Prime Minister is mandatory, Liaquat Ali Khan can fly out of Karachi only on August 18 and arrive in Moscow by August 20' [AFP RF, f. 07, inv. 22-a, f. 16, file 249, p. 25]. On July 23, on the text of this memo to Stalin, Vyshinsky had already added the following: 'To Comrade Gromyko. Postpone until early October. Signed by A. Vyshinsky' [AFP RF, f. 07, inv. 22-a, f. 16, file 249, AFP RF, f. 07, inv. 22-a, f. 16, file 249, p. 25]. And on a separate blank sheet with a pencil he added: 'Pakistan. All this can be done, but better... To do, after the exchange of Ambassadors. Approved by Comrade Stalin' [AFP RF, f. 07, inv. 22-a, f. 16, file 249, p. 27]. Thus, on July 23, by Stalin's decision, Pakistan was, in fact, denied his first request for the timing of the visit.

How did Karachi react to Moscow's proposal 'on the desirability of postponing Liaquat Ali Khan's visit to the Soviet Union until the end of October or early November of this year'? On August 4, 1949 Pakistan declared the Prime Minister's readiness to fly from Karachi on November 7 and arrive in Moscow on November 9–10 and asked the Soviet Government to give an answer to this. The USSR Foreign Ministry was also informed through Aliyev that 'the Government of Pakistan is not going to appoint its Ambassador to the USSR before November of this year'. The department of Vyshinsky decided that 'the answer can be given in the first half of September. Aliyev will tell the Pakistani Ambassador in Tehran that the USSR considers it desirable that the establishment of normal actual, and not nominal, diplomatic relations between the USSR and Pakistan should precede the arrival of the Prime Minister in Moscow' [AFP RF, f. 0117, inv. 3, f. 2, file 6, p. 27–28]. Thus, the issue of the appointment of the Pakistani

Ambassador to Moscow acquired a fundamental character in the preparation of Liaquat's visit to the USSR, and there was no final agreement on the date of his arrival in Moscow.

The aims of that visit were specific for each of the parties.

It was important for Pakistan to gain the support of the USSR in resolving the Kashmir issue at the level of the UN Commission. The invitation of Nehru to the USA, the admission of the Indian Republic to the Commonwealth of Nations decided the outcome of the case [Cheresheva, 2016, pp. 57–60]. Liaquat Ali Khan decided: 'Pakistan is obliged to make friends — wherever it finds them' [Pakistan News, 1949, November 6]. This point of view is shared by modern Pakistani researchers, for example, Shahid Amin [Amin, 2000, p. 41]. They also put forward the thesis that Liaquat used the Soviet invitation only to get an invitation from the USA [Dawn, 1994, January 1]. The Soviet official point of view under Stalin was that Pakistan was forced to establish its ties with the USSR in view of the changes in British policy towards it. The activation of the Anglo-American policy to create a bloc hostile to the USSR in the countries of the South and Southeast Asia, prompted the British to focus more on India and to make some concessions in the settlement of disputes between the dominions at the expense of Pakistan [AFP RF, f. 0117, inv. 3, f. 2, file 6, p. 5–6; USSR and Pakistan, 1984, pp. 21–22]. Modern Russian scholars emphasize that 'Liaquat zealously followed India's activity in the international arena. Having learned that Nehru was invited to the USA, he hurried to accept the invitation to come to the USSR that had come to him in a roundabout way' [Belokrenitsky, Moskalenko, 2008, p. 98]. In Britain and the USA, it was found that 'Liaquat was shocked by the fact that the Anglo-American bloc considered India to be the main base of the anti-communist movement in the South-East Asia and even canceled from investment in Pakistan' [AFP RF, f. 0117, inv. 3, f. 2, file 6, p. 30].

Official Delhi also analyzed the aims of Liaquat's visit to the USSR. The Ministry of Foreign Affairs sounded: 'If the United Kingdom and the USA have shown their willingness to be friends with India, then Pakistan will become an ally of another great power. If the Indian Prime Minister goes to Washington, Liaquat will go to Moscow' [NAI, 1949, p. 4]. Or: 'What Liaquat really expects from this visit, no one can say. Pakistan should become a republic, withdraw from the Commonwealth, and all foreign personnel (primarily the British) should be removed from key posts in the state' [NAI, 1949, p. 4]. On July 14, 1949 the Charge d'affaires of the Indian Embassy in Moscow reported in Delhi that 'Liaquat intends to take military experts with him to Moscow to conclude a non-aggression treaty with Russia,' and that 'negotiations on Gilgit' are planned between him and Stalin [AFP RF, f. 07, inv. 22, f. 35, file 200, p. 5–6].

The Soviet leadership made contact with Pakistan based on its own vision of not at all rosy prospects for this rapprochement. In Karachi's failure to comply with the procedural points of principle for the Kremlin with the appointment of the Ambassador, it saw signs of certain ambivalence in its behavior. Moscow believed that 'if the Government of Pakistan were headed by the people who care about the national interests of their country, and not the Government of Liaquat Ali Khan, known for its pro-English orientation, then one would expect that the Government of Pakistan would take decisive steps towards the practical establishment and normalization of bilateral ties. It could be expected that having established diplomatic relations with us on May 2, 1948, the Government of Pakistan would not delay the issue of appointing its Ambassador to Moscow' [AFP RF, f. 0117, inv. 3, f. 2, file 6, p. 30].

Moscow did not rule out the most seemingly implausible scenario — that 'Liaquat Ali Khan, declaring his intention to come to the USSR, does not really have this intention'. And it was ready for that. The USSR Foreign Ministry believed that 'even in this case our consent to Liaquat's arrival in Moscow could only contribute to exposing the real intentions of the Pakistani leadership towards the USSR in the future' [AFP RF, f. 0117, inv. 3, f. 2, file 6, p. 6]. Among the many aims of the Soviet Union, according to which this visit would contribute to 'strengthening our ties with Pakistan, identifying the

real needs of Pakistan, speeding up the exchange of ambassadors between our countries, 'I would like to highlight one more. The Kremlin hoped that 'after this arrival of Liaquat Ali Khan in Moscow, Jawaharlal Nehru, of course, would also have to come to the USSR' [AFP RF, f. 0117, inv. 3, f. 2, file 6, p. 6].

London was monitoring all the nuances of Liaquat's upcoming visit. In the diplomatic circles of the Commonwealth countries, information was spread that it would take place in November, and, finally, the candidacy of the Ambassador of Pakistan to the USSR was selected, and that 'someone has already talked about this with His Majesty'. London did not hide the fact that Pakistan nevertheless took care that the Ambassador arrived in Moscow 'earlier or at the same time as the Prime Minister' [NAI, 1949, p. 40]. As a bolt from the blue for the British Government, information received by the Intelligence Services appeared that 'Russia has already supplied heavy weapons to Pakistan with a promise to give even more' [NAI, 1949, p. 41].

In London, there was no doubt that an offer of military supplies would be made to Liaquat during the visit, but the news that they were already being implemented caused a shock. Having repeatedly rechecked that data, the British 'completely excluded any agreements already reached between the USSR and Pakistan, as well as found no evidence of at least one case of the supply of military materials' [NAI, 1949, p. 41]. Nevertheless, it was clear to everyone that if the Liaquat mission in Moscow was successful, it was only a matter of time before Soviet military supplies began. In reports to the Prime Minister K. Attlee, Secretary of Commonwealth Affairs P. Noel Baker, assured him that the acceptance of Stalin's invitation by Liaquat did not mean that Pakistan was going to move to the communist camp. However, Attlee was not convinced by these arguments. As a result, Noel Baker's Office began to actively contact the US Embassy in London and put pressure on the Americans, openly making it clear that Britain wanted the US to officially invite Liaquat to visit Washington [Kazimi, 2003, p. 300; Riaz, 1985, p. 1].

November of 1949 came — the month of the Pakistani Prime Minister's visit to Moscow, which had been preparing for so long. However, day after day passed, but nothing significant happened in this regard. On November 15, the Indian Foreign Ministry and Bajpai personally made an urgent secret request to their representative in Karachi: 'Liaquat Ali Khan probably postponed his visit to Moscow. We would be grateful for any reliable information about the reasons for the postponement and the date of his possible visit' [NAI, 1949, p. 44]. Kripalani replied: 'The latest information received from the British Ambassador and confirmed by American sources is that the Pakistani Press Department issued a release marked 'For internal use only' that this visit would not take place until next spring, but a day later this release was removed without any clear explanation' [NAI, 1949, p. 47]. Analyzing the reason for the postponement of the visit, Kripalani stressed upon 'the slowness with which the Soviets corresponded with Pakistan about the program and even on the issue of visas'. Kripalani pointedly concluded: 'The winter months are not the best time to travel to this country... Everything will be postponed until spring... Until then, a lot of water will flow down the Moscow River' [NAI, 1949, p. 47].

The situation around Liaquat's visit has become unclear. Pakistani Ambassador S. Qureshi, appointed on October 30, 1949, arrived in the USSR in December (The Soviet Government appointed A. G. Stetsenko as the Ambassador to Pakistan on February 13, 1950. He arrived in Karachi on March 18 and presented his credentials to the Governor-General of Pakistan on March 22. — L. Ch.) [AFP RF, f. 0117, op. 3, item 2, d. 2, p. 1]. The protocol was maintained. The Pakistani Ambassador arrived in Moscow ahead of the Prime Minister. However, the question of the arrival time of the Liaquat itself remained open.

In December 1949, it became known that Liaquat Ali Khan was invited to pay an official visit to the United States on May, 1950. Liaquat postponed his visit to the USSR and went on a two-month tour of the USA and Canada. His visit to the USA took place in May 2–31, 1950. During his visit to

Washington, Liaquat Ali Khan met with President H. Truman, delivered a speech before the House of Representatives and the Senate [Dawn, 1950, May 3]. The result was the President Truman's program for Pakistan, approved on June 5, 1950, and envisioned the allocation of \$34.5 million to Karachi [Kazimi, 2003, p. 299]. However, during all these months Liaquat thought about the Soviet Union [Liaquat Ali Khan, 1976, p. 24]. In the USA, when asked about his visit to the USSR, Liaquat replied: 'An exact date was not set for this. As soon as this happens, I will inform the press' [Speeches and Statements of Quaid-i-Millat, 1967, p. 374]. The Prime Minister of Pakistan himself did not make any attempts to resume the story with a visit to the USSR.

Why did not Liaquat's visit to the USSR take place? In modern Russian research, the reason is defined as follows: 'Under the pressure of the British and Americans, Liaquat soon changed his mind, and his visit to Moscow did not take place' [Belokrenitsky, Moskalenko, 2008, pp. 98–99].

Pakistani authors put forward a number of their explanations. One of them: the invitation of the USSR, allegedly, was canceled due to the intervention of India. When Liaquat Ali Khan was in the United States, Nehru requested information from the American authorities about his actions. The American officials replied that the State Department had not received any complaints or comments from the Pakistani Government during Nehru's visit to the United States [Kazimi, 2003, p. 297]. The Pakistanis consider it quite possible that Nehru expressed his dissatisfaction with the Soviet Union, but, unlike the United States, the USSR could listen to his words. Another Pakistani version boils down to the fact that Moscow rejected the idea of accepting Liaquat because they learned about the plans of the Communist Party of Pakistan to carry out a coup against him [Kazimi, 2003, p. 297].

Walid Iqbal, grandson of Pakistani poet and philosopher Muhammad Iqbal, calls Liaquat's failed visit 'a public insult to the Soviet Union' [Iqbal, 2004, p. 89]. He sees the reason in the fact that the situation was used by Pakistan 'as a lever of pressure on the American administration of President Truman' and allowed Liaquat by December 1949 to 'literally snatch an invitation from that to pay an official visit to the United States' [Iqbal, 2004, p. 89].

Shahid Amin, without identifying Liaquat's goals with the reasons for his failed tour to the USSR, calls the version that the root of evil lies in the Pakistani prime minister's agreement to accept the US invitation and 'betrayal of agreements with Stalin' a 'myth'. He is sure that 'Liaquat Ali Khan is not personally responsible for the disruption of the visit to Moscow,' and blames the USSR exclusively for that. Amin writes: 'For reasons that still remain shrouded in secrecy, the Soviets could not agree on a mutually acceptable date for the visit. Liaquat has repeatedly stressed that he has not given up the idea of going to Moscow. Even while on a visit to the United States, he stated that he would visit the USSR as soon as the issue of timing was resolved. However, no progress was made, and in 1951 he tragically died' [Amin, 2000, p. 41–42].

The Indian researchers are looking for reasons, trying to take a comprehensive look at the problem. In their opinion, the mission did not take place because of Pakistan's desire to become the leader of pan-Islamist forces, this was a stumbling block for the development of relations with the USSR [Kau-shik, 1971, p. 38]. The growing pro-Western orientation of Pakistan increased the suspicion of the Russian side. The visits of the Americans to Pakistan, including to its northern regions adjacent to the border with the Soviet Union, could not but irritate the Kremlin.

Common in the approaches of the authors of various national schools is the mention of Pakistan's attitude to the Korean War, which prevented the warming of relations with the USSR. For closer cooperation with the United States on this issue, the White House was ready to provide not only economic and military assistance to Pakistan, but also actively support it in the Kashmir issue. Liaquat Ali Khan publicly declared his full support for the UN position on this war and called North Korea's actions

a clear act of aggression [Kaushik, 1971, p. 38–39]. He offered 5,000 tons of wheat to the UN for needs in South Korea. By the way, *Novoye Vremya* described this as the ‘slavish zeal’ of Liaquat [Novoye Vremya, 1950, № 28, pp. 19–20].

As for the consequences of Liaquat’s failed visit to the USSR, in our opinion, they cannot be assessed unambiguously. On the one hand, their vision by Shahid Amin (a former diplomat of the Pakistani Foreign Ministry, ambassador to the USSR, Libya, Saudi Arabia, France, Nigeria) seems convincing. He claims that after, in 1949–1953, there were no sudden aggravations in the bilateral relations between Moscow and Karachi. The USSR, which was especially important for Pakistan, did not veto UN Security Council resolutions on the Kashmir issue. The states exchanged ambassadors. Until 1951–52 and later, Pakistan had a consistently favorable trade balance with Russia. Amin is right when he puts such an emphasis: ‘The relationship deteriorated not because of a failed visit in 1949, but somewhere in 1954 after Pakistan joined the pro-American military blocs’ [Amin, 2000, p. 42]. In international diplomacy invitations are often promising, but they are not always justified. A visit that did not take place in response to an invitation hardly ever became and will become the cause of a long-term cooling of interstate relations. On the other hand, it is impossible not to notice that Liaquat, willingly or unwittingly, with the help of a Soviet invitation, fueled the West’s interest in Pakistan and his person, and then, assessing the more tempting prospects for American assistance to Pakistan, decided to visit Washington instead of Moscow. The American position on the communist threat, on the Kashmir issue, turned out to be much more attractive than the Soviet one. The main consequence of the failed visit to the USSR was the impetus for the development of American–Pakistani economic, political and military cooperation, which in turn marked a turn in the development of the political history of Hindustan. Pakistan began to turn into a zone of influence of the United States.

There is no point in ‘putting a good face on a bad game’ and hush up that the choice to which the USSR itself pushed Liaquat, partly by its, somewhere justified, diplomatic bureaucracy, absolutely destroyed Stalin’s hopes for control in the Muslim world, in particular in Jammu and Kashmir. The Americans more successfully attracted Pakistan to their side and, despite all the efforts of Moscow, gained military bases in Northern Kashmir aimed against the USSR.

But that’s not all. In the changed circumstances, Stalin decided to abandon his passive position on the Kashmir issue. The change in the behavior of the USSR at the UN was so obvious and occurred solely in the interests of the Soviet Union, however, it entailed a new round of events. Politically, the most important of them was the correspondence between Nehru and Stalin on the Korean War. The Indian prime minister, who initially stood on the side of the United States, changed his mind and advocated the unification of Korea. Stalin truly ‘honored’ Nehru by sharing his ‘point of view and peaceful intentions’. Another manifestation of the Soviet interest in India was Stalin’s conversations with Indian diplomats, with the Ambassador Radhakrishnan. He spoke with respect about India’s efforts to maintain peace, despite the difference in the approaches of Moscow and Delhi to many international problems. From 1950 until his death, Stalin held only 5 meetings with foreign diplomats, three of which were with Indian ones [Chereshneva, 2021, pp. 150–151]. This could not but mean a gesture of friendship towards India. The first Indian Ambassador Lakshmi Pandit did not see Stalin even once. However, after her departure, the ice broke in Indo-Soviet bilateral relations. Ahead was the fruitful visit of Jawaharlal Nehru to the Soviet Union in 1955 and the beginning of the great partnership. The struggle for South Asia continued.

References

- Amin S. M. *Pakistan’s Foreign Policy. A Reappraisal*. Oxford, 2000.
The Archive of Foreign Policy of the Russian Federation (AFP RF). F. 0117; 07.

- Belokrenitsky V. Ya., Moskalenko V. N. *History of Pakistan. XX century*. Moscow, 2008 [in Rus.].
- Cheresheva L. A. *Rainbow over the Red Fort: the Partition of Colonial India in 1947*. Moscow, 2012 [in Rus.].
- Cheresheva L. A. *The Visit of First Prime Minister of India J. Nehru to the USA in 1949* // Eurasian Report. New Delhi. 2016. Vol. 10. No 4. Pp. 57–60.
- Cheresheva L. A. *India-Russia Diplomatic Engagement: The Stalin Years* // Hundred Years of the Russian Revolution, Its Legacies in Perspective / Ed. by A. Chenoy and A. Upadhyay. New Delhi, 2021. Pp. 139–159.
- Dawn* (Karachi). 1994.
- Iqbal V. *Pakistani-Russian Relations* // Pakistan, the Countries of South Asia and the Middle East: History and Modernity. Collection of Articles in Memory of Yu. V. Gankovsky / Edited by V. Ya. Belokrenitsky, S. N. Kamenev, V. N. Moskalenko. Moscow, 2004. Pp. 87–97 [in Rus.].
- Kaushik D. *Soviet Relations with India and Pakistan*. Delhi, 1971.
- Kazimi M. R. *Liaquat Ali Khan. His Life and Work*. Karachi, 2003.
- Liaquat Ali Khan. *Pakistan, the Heart of Asia*. Karachi, 1976.
- The National Archives of India (NAI)*. Government of India. Europe II. Branch, File No. 1 (66), Eur. II/1949. Ministry of External Affairs. *New Time* (Moscow). 1950. № 21 [in Rus.].
- Pakistan News* (Karachi). 1949.
- Riaz M. *Who Secured to US Invitation* // Dawn. 1985.
- Shaumyan T. L. *The Dispute over Kashmir: the Origins of the Conflict* // India. Achievements and Problems. Moscow, 2002. Pp. 61–76.
- Speeches and Statements of Quaid-i-Millat. Liaquat Ali Khan* / Ed. by M. Rafique Afzal. Lahore, 1967.
- USSR and Pakistan* / Ed. by I. V. Halevinsky. Moscow, 1984 [in Rus.].
- Yurlov F. N., Yurlova E. S. *History of India. XX Century*. Moscow, 2010 [in Rus.].

ОТНОШЕНИЯ ПАКИСТАНА СО СТРАНАМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО МИРА ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ З. А. БХУТТО (1971–1977 гг.)

И. Б. Дежкин¹

Статья посвящена различным аспектам отношений Исламской Республики Пакистан с социалистическими государствами в 1971–1977 гг. при правительстве З. А. Бхутто. Особое внимание уделяется вопросам взаимоотношений Пакистана с Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой, которые находились между собой в то время в крайне враждебных отношениях. Освещаются также отношения, складывавшиеся между Пакистаном и другими социалистическими странами Центральной и Восточной Европы, Восточной Азии — как государствами, принадлежащими к «социалистическому содружеству» во главе с СССР: Германской Демократической Республикой, Польской Народной Республикой, Чехословацкой Социалистической Республикой, Венгерской Народной Республикой, Социалистической Республикой Румынией, Народной Республикой Болгарией, Демократической (с 1976 г. — Социалистической) Республикой Вьетнам, так и с теми социалистическими государствами, которые занимали обособленную позицию в мире социализма: Корейской Народно-Демократической Республикой, Социалистической Федеративной Республикой Югославией, Народной Социалистической Республикой Албанией. В круг исследования автора вошли политические, экономические, торговые отношения, военное и научно-техническое сотрудничество в контексте общей картины международных отношений, геополитической обстановки, отношений, складывавшихся на Индостанском полуострове. Автор опирался на достаточно широкий круг российских и иностранных источников, научные публикации отечественных и зарубежных авторов, материалы советской и иностранной прессы, данные статистики, дипломатические и архивные документы.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика; социалистические страны; правительство ПНП; З. А. Бхутто

Для цитирования: Дежкин И. Б. Отношения Пакистана со странами социалистического мира при правительстве З. А. Бхутто (1971–1977 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 1. С. 203–215. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-203-215

RELATIONS OF PAKISTAN WITH THE COUNTRIES OF THE SOCIALIST WORLD UNDER THE GOVERNMENT OF Z. A. BHUTTO (1971–1977)

Igor B. Dezhkin

¹ Дежкин Игорь Борисович, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского, Липецк; bcp1176@yandex.ru

Igor B. Dezhkin, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Institute of History, Law and Social Sciences of the Lipetsk State Pedagogical P. P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk; bcp1176@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-8267-6197

The article is devoted to various aspects of relations between the Islamic Republic of Pakistan and the socialist states in 1971–1977, under the government of Z. A. Bhutto. Particular attention is paid to the issues of Pakistan's relations with the Union of Soviet Socialist Republics and the People's Republic of China, which at that time were in extremely hostile relations with each other. The relations that developed between Pakistan and the socialist countries of Central and Eastern Europe, East Asia are also covered — as states belonging to the “socialist commonwealth” headed by the USSR: the German Democratic Republic, the Polish People's Republic, the Czechoslovak Socialist Republic, the Hungarian People's Republic, the Socialist The Republic of Romania, the People's Republic of Bulgaria, the Democratic (since 1976 — Socialist) Republic of Vietnam, and with those socialist states that occupied an isolated position in the world of socialism: the Korean People's Democratic Republic, the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, the People's Socialist Republic of Albania. The scope of the author's research included political, economic, trade relations, military, scientific and technical cooperation in the context of the overall picture of international relations, the geopolitical situation, and relations that developed on the Hindustan Peninsula. The author relied on a fairly wide range of Russian and foreign sources, scientific publications by domestic and foreign authors, materials from the Soviet and foreign press, statistics, diplomatic and archival documents.

Keywords: international relations, foreign policy; socialist countries; PPP government; Z. A. Bhutto

For citation: Dezhkin I. B. Relations of Pakistan with the Countries of the Socialist World under the Government of Z. A. Bhutto (1971–1977). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 203–215. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-203-215

Внешняя политика правительства Пакистанской народной партии (ПНП) во главе с Зульфикаром Али Бхутто, которое пришло к власти в «усечённом» Пакистане после Индийско-пакистанской войны 1971 г., была продолжением внешнеполитической линии Пакистана 1960-х гг., которая вырабатывалась в бытность Бхутто министром иностранных дел в правительстве фельдмаршала М. Айюб-хана, когда он, по словам советского посла в Пакистане А. А. Родионова, «умело балансировал между тремя великими державами: СССР, США и КНР» [Родионов, 1997, № 1, с. 129]. Уже тогда глава Советского правительства А. Н. Косыгин «разглядел в Бхутто незаурядного государственного деятеля» [Родионов, 1997, № 2, с. 119].

Как и в предшествующее десятилетие, Пакистан в 70-е годы проявлял стремление к развитию отношений в первую очередь со странами Запада и мусульманскими государствами. В то же время правительство, возглавляемое З. А. Бхутто в качестве президента, а с августа 1973 г. — премьер-министра, показало гораздо большую готовность к диверсификации внешней политики и заинтересованность в более активном развитии взаимовыгодных отношений со странами социалистического мира, прежде всего — с КНР и СССР. Внук выдающегося мыслителя Мухаммеда Икбала сенатор Валид Икбал совершенно справедливо положительно оценивает внешнюю политику З. А. Бхутто как «политику открытости», стремление развивать отношения со всеми великими державами без ущерба для отношений с другими великими державами [Икбал, с. 96].

Несмотря на недовольство тесным советско-индийским сотрудничеством, «однозначной», по оценке д. и. н. А. Ю. Рудницкого, симпатией Советского Союза по отношению к Индии в конфликте 1971 г. [Рудницкий, с. 119], когда СССР в августе прекратил военные поставки Пакистану, заключил с Индией договор о дружбе и сотрудничестве, а затем трижды налагал при голосовании в Совете Безопасности ООН вето на резолюции о прекращении огня на невыгодных для Индии условиях [Mukerjee, p. 151–153; Siddugui, p. 208]; невзирая на распространяемые западной пресой слухи о том, что СССР наряду с Индией, Ираном и Афганистаном вынашивает планы раздела Пакистана, поощряя сепаратистов в СЗПП и Белуджистане [Кременюк, с. 220–221; За рубежом.

1973, № 16], Бхутто стремился установить хорошие отношения с Советским Союзом, рассчитывая на его экономическую помощь и участие СССР в урегулировании отношений на субконтиненте.

Даже в кризисные времена 1971 г., упрекая СССР в открытом вмешательстве во внутренние дела Пакистана и в однозначной поддержке Индии, что, по словам лидера ПНП, никак не вязалось с ленинскими принципами внешней политики, З. А. Бхутто не забывал называть Советский Союз «великим соседом Пакистана» и не уставал высказывать своё восхищение Страной Советов [Bhutto, 1971, p. 198–199, 275–276].

С послом Советского Союза А. Родионовым у З. А. Бхутто установились очень тёплые отношения — они дружили семьями. Неудивительно, что Родионов издал книгу воспоминаний, посвящённую Зульфикару Бхутто [Колбенеv, с. 8]. Придя к власти, он незамедлительно заверил советского посла в искреннем намерении установить хорошие отношения с СССР, распорядился прекратить антисоветские выпады в официозных СМИ [Родионов, 1997, № 1, с. 133–134]. Затем публично заявил: «Советский Союз был и остаётся большим другом Пакистана. Мы стоим за развитие широкого сотрудничества, дружбу и контакты с ним» [Мукиmdжанова, 1981, с. 116; СССР и Пакистан, с. 124].

16–18 марта 1972 г. президент Пакистана находился в СССР с официальным визитом, в ходе которого он встречался с Генеральным секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежневым и главой советского правительства А. Н. Косыгиным. Главной целью визита пакистанский президент обозначил улучшение испорченных в 1971 г. двусторонних отношений с «великим северным соседом», и данной цели, вне всякого сомнения, удалось, по оценке главы пакистанского государства, достигнуть [Bhutto, 1972, vol. I, p. 41]. Был обсуждён широкий круг вопросов. В результате обмена мнениями выявилось совпадение или близость подходов двух стран по большинству вопросов международной политики. Советские руководители выразили готовность помочь Пакистану в решении сложных экономических проблем, в деле национальной реконструкции с целью преодоления последствий тяжелейшего социально-политического кризиса 1970–1971 гг.

В частности, было достигнуто соглашение о восстановлении прерванных в 1971 г. экономических и торговых отношений [Совместное советско-пакистанское коммюнике о пребывании в СССР Президента Пакистана, с. 45]. СССР заявил о готовности способствовать установлению мира в Южной Азии [СССР и Пакистан, с. 124–126; Ежегодник БСЭ. 1973, с. 43; За рубежом. 1973, № 13, 14]. Оценивая итоги визита, начальник отдела Южной Азии МИД Пакистана А. Саттар заявил, что «Бхутто был очень доволен встречей с советскими руководителями». Карачинская «Доон» писала, что «в результате визита отношения между двумя странами нормализовались». Сам З. А. Бхутто, выступая на апрельской сессии Национального Собрания, отмечал: «Я отправился в Советский Союз с целью улучшения наших взаимоотношений. Эта цель была достигнута» [За рубежом. 1973, № 13; СССР и Пакистан, с. 127]. Озабоченность Индии улучшением советско-пакистанских отношений была снята визитом Л. И. Брежнева в Индию в ноябре 1973 г. [Белокреницкий, с. 41]. В Совместной советско-индийской декларации содержалась полная поддержка Симлского соглашения и выражалась надежда на улучшение индийско-пакистанских отношений [Кауль, с. 111].

После подписания пакистано-индийского соглашения в Симле, нормализовавшего отношения на субконтиненте, Бхутто выразил благодарность советскому руководству за его посреднические усилия. В начале февраля 1973 г. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принимал спецпосланника президента Пакистана А. Х. Пирзаду. В мае того же года пакистанская делегация во главе с министром труда М. Ханифом присутствовала на первомайских торжествах в Москве, в октябре 1974 г. с официальным визитом Москву посетила делегация пакистанских

парламентариев во главе с председателем Сената Хабибуллой Ханом, а в конце декабря — министр промышленности Рафи Раза [Пакистан. Справочник, с. 188–189].

Выступая в парламенте в начале 1974 г., Бхутто заявил, что ни у кого не должно быть никаких сомнений в том, что «мы хотим дружественных отношений с Советским Союзом» [Овсяный и др., с. 125–126].

Важное значение для укрепления советско-пакистанских отношений имел визит в СССР З. А. Бхутто уже в качестве премьер-министра в октябре 1974 г. На переговорах глав правительств СССР и Пакистана А. Н. Косыгин и З. А. Бхутто с удовлетворением отмечали значительный прогресс в двусторонних отношениях за последние два с половиной года, прошедших со времени первого визита Бхутто как главы правительства в Москву в марте 1972 г. [За рубежом. 1974, № 45]. В совместном коммюнике, выпущенном по итогам второго визита Бхутто в СССР 24–26 октября 1974 г., стороны констатировали, что СССР и Пакистан «не разделяют конфликты или несовместимость интересов» [Цит. по: Вайдеман, с. 125]. В ходе визита пакистанский лидер возобновил приглашения руководителям КПСС и СССР: генсеку Л. И. Брежневу, главе государства Н. В. Подгорному и главе правительства А. Н. Косыгину посетить СССР [Пакистан. Справочник, с. 189]. Приглашение было с благодарностью принято, хотя ни один из них Пакистан так и не посетил. Визиты З. А. Бхутто в Москву вызвали одобрение в обществе и способствовали укреплению внутривизитных позиций правительства ПНП в середине 1970-х гг. [Шерковина, с. 174].

Советский Союз и Исламская Республика Пакистан регулярно обменивались визитами правительственных, парламентских, профсоюзных, общественных делегаций. В Москву по приглашению Комитета советских женщин приезжала супруга пакистанского руководителя Нусрат Бхутто.

В 1972 г. СССР возобновил оказание экономической помощи Пакистану. На завтраке в Кремле во время визита 1972 г. Бхутто недвусмысленно дал понять, что его страна нуждается в советской помощи. «Мы приветствуем помощь Советского Союза и хотим, чтобы он участвовал в нашей борьбе за преодоление вековой отсталости... Вы, будучи нашими друзьями и соседями, можете оказать нам помощь, поделившись опытом в области техники» [Советско-пакистанские отношения, 1972, с. 12–14²; СССР и Пакистан, с. 170, 205].

Советский Союз оказал широкое содействие в строительстве металлургического завода близ города Карачи — самого крупного промышленного объекта страны [Агеев, с. 92–93]; нескольких хлопкопрядильных фабрик и других промышленных объектов, в строительстве ТЭЦ и ТЭС в Гуду мощностью 210 мвт. [Клюев, с. 250; За рубежом. 1977, № 7], трёх радиостанций, в том числе самой мощной по тем временам средневолновой радиостанции близ Исламабада; в разведке нефтяных и газовых месторождений; подготовке кадров [За рубежом. 1973, № 17; 1977, № 37; Каменев, 2005, с. 80–82; Morning News, 22.10.1975].

С 1974 г. неуклонно рос торговый оборот между двумя странами. Пакистан охотно покупал у нас машины и оборудование, популярные у пакистанских фермеров тракторы «Беларусь», телевизоры, удобрения, чугун, машины и оборудование, транспортные средства, медикаменты. Пакистанский экспорт в СССР состоял в основном из ковровых изделий, продукции обувной и хлопчатобумажной промышленности. СССР покупал даже низкокачественную пакистанскую продукцию, которую иные страны брать отказывались. [Внешняя торговля ССР за 1974 г., с. 262–263; Внешняя торговля СССР в 1979 г., с. 231–233; За рубежом. 1974, №№ 8, 21, 44].

² Речь президента Пакистана З. А. Бхутто на завтраке, данном им в честь председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина 17 марта 1972 г. [Speech of the President of Pakistan Z. A. Bhutto at the Breakfast Given by Him in Honor of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR A. N. Kosygin on March 17, 1972].

СССР принимал активное участие в оказании Пакистану помощи гуманитарного характера. После разрушительного наводнения 1973 г. советское правительство направило Пакистану 12 тонн медикаментов. Советский теплоход «Брянск» перевёз много сотен пакистанских репатриантов из Бангладеш [За рубежом. 1973, № 31].

Таким образом, сотрудничество с СССР, довольно выгодное для Пакистана, особенно в экономической сфере, не только было восстановлено, но и укреплялось из года в год до последних дней правления администрации ППН, свергнутой, как известно, в результате военного переворота М. Зия-уль-Хака 5 июля 1977 г.

Более того, советско-пакистанские отношения в середине 1970-х гг. приобрели и, в известной степени, идеологическую окраску. В Пакистане при правительстве Бхутто, позиционировавшем себя как социалистическое, широко отмечались дни рождения В. И. Ленина, юбилейные годовщины Октябрьской революции и образования СССР. Большими тиражами издавалась на месте или завозилась из Советского Союза марксистская литература, работы Ленина, Брежнева³ [АВП РФ. Ф. 187. Оп. 30. П. 64. Д. 7. Л. 169; Ульяновский, с. 94]. При этом Бхутто не раз подчёркивал принципиальную разницу между своей концепцией «исламского демократического социализма» и советским коммунизмом [Bhutto, 1972, vol. IV, p. 157, 234; 1973, p. 76–77, 94–95]. Лидер ПНП объявлял себя сторонником «научного социализма», как и марксисты [Pakistan Times, 02.01.1974], но подчёркивал, что в марксизме его партия принимает только экономический анализ капиталистического строя⁴.

Очень активно развивались и культурные контакты, включая обмен визитами учёных, читавших лекции. Например, большой интерес пакистанской аудитории вызвали гастроли Таджикского театра музыкальной комедии им. А. С. Пушкина. В Пакистане ставились пьесы советских драматургов [За рубежом. 1972, № 25; 1974, № 11]. В сентябре 1973 г. в Ташкенте прошёл «круглый стол» литераторов СССР и стран субконтинента [Народная Республика Бангладеш, с. 56].

Л. И. Брежнев в 1974 г. отмечал: «Мы в СССР высоко ценим сложившиеся у нас хорошие отношения с Пакистаном [Брежнев, с. 557]. По словам В. Я. Белокреницкого, согласно некоторым сведениям, в период острейшего социально-политического кризиса 1977 г. Бхутто уже готов был обратиться к СССР с предложением разместить на аравийском побережье Пакистана советские военно-морские базы [Белокреницкий, с. 29] в пику Соединённым Штатам, которые пакистанский лидер обвинял в провоцировании кризиса и стремлении скинуть его правительство [За рубежом. 1977, №№ 20, 25].

Кстати, когда в годы военной диктатуры Зия-уль-Хака З. А. Бхутто был приговорён по недоказанному обвинению в организации убийства политического оппонента к смертной казни и десятки лидеров государств и правительств стран мира обращались к диктатору с просьбой о помиловании свергнутого премьер-министра, не осталось в стороне и руководство СССР. Л. И. Брежнев в качестве главы Советского государства — Председателя Президиума Верховного Совета СССР дважды обращался к Президенту Пакистана с просьбой помиловать Бхутто [Советско-пакистанские отношения, 1978, с. 16⁵, 35⁶]. Но генерал-диктатор слишком опасался оставить жизнь всё ещё очень популярному предшественнику [Капица, с. 404–405].

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AFP RF)]. Фонд 187. Опись 30. Папка 64. Дело 7. Лист 169.

⁴ АВП РФ [AFP RF]. Ф. 187. Оп. 30. П. 64. Д. 8. Л. 82.

⁵ Послание Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева Президенту Пакистана Ф. И. Чоудри в связи с вынесением смертного приговора бывшему премьер-министру Пакистана З. А. Бхутто от 30 марта 1978 г. [The Message of the Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR L. I. Brezhnev to the President of Pakistan F. I. Choudry in Connection with the Death Sentence of Former Prime Minister of Pakistan Z. A. Bhutto Dated March 30, 1978].

⁶ Обращение Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева к Президенту Пакистана М. Зия-уль-Хаку в связи с утверждением Верховным Судом Пакистана смертного приговора бывшему премьер-министру Пакистана З. А. Бхутто от 8 февраля 1979 г. [The Appeal of the Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR

Отказ диктатора помиловать харизматичного, хорошо известного на весь мир и влиятельного ещё недавно на международной арене смещённого пакистанского лидера, по словам министра иностранных дел СССР в те годы А. А. Громыко, «произвёл тягостное впечатление на советское руководство», а сама казнь, произведённая в апреле 1979 г., «превратилась в акт бессмысленной мести» [Громыко, с. 122].

Союзнические отношения с Китаем при правительстве З. А. Бхутто вообще переросли в дружбу между двумя странами, тем более что у обоих государств имелись территориальные противоречия с Индией. Бхутто небезосновательно утверждал, что ему принадлежит главная заслуга в сближении с КНР, когда он был министром иностранных дел [Васькин, с. 167]. Позицию Бхутто тогда даже часто называли «пропекинской», на что сам Бхутто отвечал, что «он пропекинский постольку, поскольку китайцы — пропакистанцы» [Голубев, с. 144]. Китайскую Народную Республику Бхутто характеризовал как «беспорного защитника угнетённого народа и справедливого дела» [Цит. по: Sharan, p. 345]. Руководство КНР осенью 1971 г. тайно заверило Яхья-хана, что китайская армия перейдёт границу Индии в течение двух суток после начала индо-пакистанского вооружённого конфликта [Луговской, с. 30–31]. После вторжения индийской армии на пакистанскую территорию в декабре 1971 г. постпред Китая при ООН Хуан Хуа назвал политику Индии «гангстерской». Правда, расчёты военного правительства Яхья-хана и самого Бхутто на оказание Соединёнными Штатами и Китаем прямой военной поддержки не оправдались [Mankekar, p. 47; Singh, p. 200–205]. Пока само пакистанское руководство не было готово признать Бангладеш, Китай в Совете безопасности ООН блокировал резолюции о принятии Народной Республики Бангладеш (НРБ) в ООН [За рубежом. 1972, № 36].

Будучи главой правительства, Бхутто трижды посещал Пекин. Он был последним зарубежным политическим деятелем, которого принял умирающий Председатель КНР и КПК Мао Цзэдун [Шебаршин, с. 89]. Согласно воспоминаниям Б. Бхутто, «его кепка, подаренная отцу, всегда висела в его комнате» [Бхутто, с. 54]. Самому Бхутто тоже нравилось, когда его называли «председатель Бхутто» [Wolpert, p. 227]. Стороны обменивались государственными, военными, экономическими делегациями. Китай официально характеризовал Пакистан как «антиимпериалистическую страну» [Chopra, p. 69]. Он способствовал восстановлению мощи пакистанской армии, осуществив в 1972 г. массированные поставки вооружения [Датт, с. 209; Ежегодник БСЭ. 1973, с. 303–304].

Китай содействовал осуществлению ядерной программы Пакистана, продолжив помогать своему партнёру и после свержения З. А. Бхутто. Правда, сотрудничество в ядерной области Китаем дважды свёртывалось — после военного переворота 5 июля 1977 г. и после казни Бхутто, которого Пекин очень высоко ценил. Но всё равно геополитические интересы перевесили неприязнь к палачу свергнутого пакистанского премьера [За рубежом. 1980, № 4]. Позднее Зия-уль-Хак признавал, что военная помощь Пекина Исламабаду за 1966–1980 гг. превысила 2 млрд долларов, что было в 6 раз больше всей экономической помощи, предоставленной Китаем Пакистану за 1955–1980 гг. [За рубежом. 1984, № 12].

КНР активно содействовала также развитию пакистанской экономики. Дефицит в торговле Пакистана с Китаем покрывался экономической помощью из КНР. Правда, тогдашний Китай не был в состоянии поставлять современное промышленное оборудование, и в пакистанских деловых кругах часто выражалась неудовлетворённость низким качеством китайских машин [Белокреницкий, Москаленко, 1981, с. 79]. Пакистан устами премьер-министра Бхутто в 1974 г. заявил о поддержке усилий китайского народа по освобождению Тайваня. Очень продуктивно развивались

L. I. Brezhnev to the President of Pakistan M. Zia-ul-Haq in Connection with the Approval by the Supreme Court of Pakistan of the Death Sentence of Former Prime Minister of Pakistan Z. A. Bhutto Dated February 8, 1979.

культурные контакты между двумя странами [Москаленко, 1984, с. 206–208; Мукиджанова, 1984, с. 39–41; Пакистан. Справочник, с. 192–193].

Серьёзным ударом по планам Бхутто создать новую коалицию ряда стран Третьего мира во главе с КНР в противовес Движению Неприсоединения, где очень сильным было влияние Индии, стала кончина за один 1976 г. двух высших и очень авторитетных руководителей Китайской Народной Республики — сначала Премьера Госсовета Чжоу Эньлая, затем — Председателя Мао [Wolpert, p. 223]. Впрочем, новое китайское «коллективное руководство» во главе с Хуа Гофэном в целом не торопилось менять внешнеполитический курс [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 275].

Дружеские узы связывали Пакистан в те годы и с Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР). Северная Корея вслед за КНР поддерживала Пакистан в кашмирском вопросе, а Пакистан признавал правительство КНДР законным представителем корейского народа. Обе страны вели активную деятельность в сфере разработки собственного ядерного оружия.

В феврале 1973 г. в Пакистан приезжал министр иностранных дел Северной Кореи Хо Дам, тогда между Пакистаном и КНДР было подписано торговое соглашение [Васильев, с. 80]. Уже в марте 1973 г. доверенное лицо президента Бхутто А. Х. Пирзада побывал в Пхеньяне, а в ноябре того же года дипломатические отношения между двумя странами были возведены в ранг посольств [Ежегодник БСЭ, 1973, с. 351]. В марте 1974 г. Исламабад посетил вице-президент КНДР Кан Рян Ук. В июле было подписано новое соглашение о торговле и взаиморасчётах [Дмитриев, 1975, с. 81; Ежегодник БСЭ, 1974, с. 354]. В январе 1975 г. Пакистан и КНДР подписали соглашение об авиатранспортном сообщении [Ежегодник БСЭ, 1975, с. 366; Пакистан, Справочник, с. 151]. Вершиной в отношениях двух стран стал визит пакистанского премьер-министра в Пхеньян в мае 1976 г., во время которого были подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве [Дмитриев, 1977, с. 99].

Одновременно Пакистан развивал торговые отношения с Республикой Корея. Торговый оборот с Южной Кореей в эти годы даже превосходил объём торговли Пакистана с северокорейским режимом [Москаленко, 1984, с. 209], что, впрочем, неудивительно, учитывая феноменальный экономический рост в Южной Корее, быстро становящейся одной из ведущих промышленных держав мира с высокотехнологичными отраслями экономики.

Тёплые отношения существовали у Пакистана и с режимом Н. Чаушеску в Румынии, игравшем в «социалистическом содружестве», возглавляемом СССР, роль некоторого рода «диссидента». Румынское руководство проявляло (иногда — даже в пику СССР) значительную активность в развитии контактов со странами Запада и Третьего мира.

Румынский руководитель дважды (в январе 1973 г. и в апреле 1975 г.) побывал в Исламабаде, демонстрируя поддержку позиции Пакистана в спорных вопросах отношений с Республикой Индия. Во время первого из этих визитов была подписана торжественная декларация, содержащая, в частности, принципы межгосударственных отношений; в 1974 г. была учреждена совместная межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству [Потапов, 1974, с. 114]. Второй из этих визитов завершился подписанием программы обмена в области науки и культуры [Пакистан, Справочник, 1977, с. 190–191; Потапов, 1976, с. 120–121].

В октябре 1975 г. Бухарест посетил пакистанский премьер. Были заключены соглашения о предоставлении Румынией Пакистану кредита на сумму 250 млн рупий, о помощи Пакистану в разведке нефтяных месторождений, строительстве электростанции, ряда предприятий, в том числе тракторного, цементного и других заводов, текстильных фабрик, участия в расширении и модернизации нефтеперерабатывающего завода [Белокреницкий, Москаленко, 1981, с. 77; Ганковский, с. 253; Жмуйда, гл. 3].

Несколько расширились и связи с Албанией. В апреле 1973 г. между двумя странами было подписано соглашение о культурном сотрудничестве [Ежегодник БСЭ, 1974, с. 354]. Государственный министр обороны и иностранных дел Пакистана Азиз Ахмад во время зарубежного вояжа посетил Бухарест и Тирану [Родионов, 2004, с. 210]. VII съезд Албанской партии труда, состоявшийся в начале ноября 1976 г., подтвердил готовность НСРА к расширению торговых связей республики с Пакистаном [Рудаков, с. 72].

Развивал сотрудничество в рассматриваемый период Пакистан также с другими социалистическими странами, несмотря на то, что признание Монголией, Болгарией, Венгрией, Польшей, Чехословакией и Югославией в январе 1972 г. только что провозглашённой Народной Республики Бангладеш стало поводом для разрыва правительством Бхутто дипломатических отношений с этими социалистическими странами. Посольства закрыты, однако, не были. Бхутто заявил тогда: «В конце концов, когда пыль уляжется, я не вижу причин, почему бы нам не рассмотреть вопрос о возобновлении отношений». Газета «Доон» по этому поводу резонно заметила: «Когда уляжется пыль... Когда уляжется пыль, Пакистан вполне могут спросить: “а, собственно, зачем он её поднял?”» [Цит. по: За рубежом. 1972, № 7].

Вскоре Пакистан восстановил дипломатические отношения со всеми вышперечисленными соцстранами [Москаленко, 1984, с. 192]. Уже в октябре 1972 г. в Пакистане находилась экономическая делегация Югославии, установилось двустороннее сотрудничество в области развития гидротехнических ресурсов и водного хозяйства. Осуществлялся и ряд других совместных технических проектов. В апреле 1975 г. союзный секретарь по иностранным делам (так назывался пост министра иностранных дел в социалистической Югославии) Милош Минич посетил Пакистан [Тягуненко, Каменецкий, с. 135]. З. А. Бхутто всегда высоко оценивал конструктивную роль президента Югославии И. Б. Тито на международной арене [Bhutto, 1977, p. 38].

Польская Народная Республика подписала с Пакистаном 25 января 1975 г. соглашение о развитии морских торговых перевозок, был подписан также ряд экспортно-импортных контрактов между странами [Ежегодник БСЭ, 1973, с. 351; Пакистан, Справочник, с. 151].

В апреле 1977 г., незадолго до свержения правительства Бхутто, Пакистан посетил глава внешнеполитического ведомства ЧССР Б. Хнёупек, а в мае здесь побывала торговая делегация Болгарии. Чехословакия поставила Пакистану генераторы для ТЭС, а Болгария предоставила Пакистану в кредит оборудование и денежные средства на сумму 8 млн долл. на строительство предприятий обрабатывающей промышленности, участвовала в организации животноводческих ферм. С Венгрией в том же месяце было подписано сообщение о прямом воздушном сообщении; с ноября 1974 г. действовало соглашение о сотрудничестве в сфере науки, техники, просвещения и спорта, в ноябре 1975 г. были подписаны протоколы о товарообмене с Болгарией и о бартерной торговле с Венгрией [Белокреницкий, Москаленко, 1981, с. 77; Ганковский, с. 253; Ежегодник БСЭ, 1978, с. 331; Ключев, с. 250; Пакистан, Справочник, с. 151].

15 ноября 1972 г. Пакистан стал 33-м государством, признавшим Германскую Демократическую Республику и установившим с ГДР дипломатические отношения. Пакистан и Восточная Германия договорились значительно расширить сотрудничество [За рубежом, 1972, № 48]. В том же месяце Пакистан признал Демократическую Республику Вьетнам, и это было сделано пакистанской стороной раньше большинства других стран, но позднее того времени, когда такой акт мог повлечь за собой осложнение отношений с Западом. Ещё в апреле 1972 г. Ханой посетил министр просвещения, культуры и координации между провинциями Пакистана А. Х. Пирзада [Ежегодник БСЭ, 1973, с. 240]. В январе 1973 г. пакистанское правительство приветствовало соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, расценив его как победу вьетнамского народа

[Москаленко, 1976, с. 56]. В Совместном коммюнике, выпущенном по итогам визита премьер-министра Бхутто в Москву в октябре 1974 г., стороны подчеркнули, что «проблемы Вьетнама, Лаоса и Камбоджи должны решаться народами этих стран на основе строгого уважения их законных прав и без какого-либо иностранного вмешательства» [Совместное советско-пакистанское коммюнике о пребывании в СССР Премьер-министра Пакистана, с. 154].

Вообще внешняя политика бхуттовского правительства отличалась прагматизмом и, несомненно, отвечала национальным интересам страны [Jalal, p. 66]. Индийский исследователь С. Н. Каушик отмечает, что Бхутто «боролся за достойное место своей страны в системе международных отношений... не желая для Пакистана роли молчаливого статиста» [Kaushik, p. 325–326]. Индийский журналист Вержес характеризует внешнюю политику З. А. Бхутто как реалистическую [Verghese, p. 6]. Её сбалансированный характер оставлял мало возможностей оппозиции для критики, и во время внутривнутриполитического кризиса 1977 г., завершившегося, как известно, военным переворотом, оппозиция, буквально обрушивавшаяся на правительство ППН практически по всем направлениям внутренней политики с ожесточённой критикой, практически не затрагивала внешнеполитические аспекты деятельности администрации ППН.

Это даёт нам основание утверждать, что внешняя политика кабинета З. А. Бхутто, в том числе проводимая в отношении социалистических стран, была действительно успешной. И, более того, по-настоящему успешной была только внешняя политика режима Бхутто, чего нельзя сказать с подобной определённостью о его внутривнутриполитических и социально-экономических мероприятиях.

Литература / References

Агеев В. Ф. Карачи: некоторые социальные и экономические проблемы развития. *Ближний и Средний Восток. Экономика и история. Сб. ст.* / Под ред. Ю. В. Ганковского. М., 1983. С. 75–96 [Ageev VF Karachi: Some Social and Economic Problems of Development. *Near and Middle East. Economy and History*. Col. Art. / Ed. by Yu. V. Gankovsky. Moscow, 1983. Pp. 75–96 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. Россия и Пакистан: взлёты и падения двусторонних отношений. *Азия и Африка*. 2001. № 5. С. 28–30 [Belokrenitsky V. Ya. Russia and Pakistan: Ups and Downs of Bilateral Relations. *Asia and Africa*. 2001. No. 5. Pp. 28–30 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. Пакистан. М., 1981. 160 с. [Belokrenitsky V. Ya., Moskalenko V. N. *Pakistan*. Moscow, 1981. 160 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана. XX век*. М., 2008. 576 с. [Belokrenitsky V. Ya., Moskalenko V. N. *History of Pakistan. XX century*. Moscow, 2008. 576 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Празиускас А. А., Шаумян Т. Л. *Южная Азия: конфликты и геополитика*. М., 1999. 173 с. [Belokrenitsky V. Ya., Moskalenko V. N., Prazauskas A. A., Shaumyan T. L. *South Asia: Conflicts and Geopolitics*. Moscow, 1999. 173 p. (in Russian)].

Брежнев Л. И. Под знаменем братской дружбы. Из речи в Улан-Баторе на совместном торжественном заседании Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии и Великого Народного Хурала Монгольской Народной Республики, посвящённом 50-летию III съезда МНРП и провозглашения МНР 26 ноября 1974 г. *Во имя мира на земле. Советский Союз в борьбе за мир и сотрудничество народов. Кн. 1. 1971–1974 гг.* М., 1977. С. 554–560 [Brezhnev L. I. Under the Banner of Fraternal Friendship. From a Speech in Ulaanbaatar at a Joint Ceremonial Meeting of the Central Committee of the Mongolian People's Revolutionary Party and the Great People's Khural of the Mongolian People's Republic, Dedicated to the 50th Anniversary of the III Congress of the MPRP and the Proclamation of the Mongolian People's Republic on November 26, 1974. *In the Name of Peace on Earth. The Soviet Union in the Struggle for Peace and Cooperation of Peoples. Book. 1. 1971–1974*. Moscow, 1977. Pp. 554–560 (in Russian)].

Бхутто Б. *Дочь Востока. Автобиография*. М., 1991. 429 с. [Bhutto B. *Daughter of the East. Autobiography*. Moscow, 1991. 429 p. (in Russian)].

Васильев Е. Корейская Народно-Демократическая Республика. *Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1974* / Под ред. В. Я. Аболтина. М., 1974. С. 78–82 [Vasiliev E. Korean People's Democratic Republic. *International Yearbook. Politics and Economics. Issue 1974* / Ed. by V. Ya. Aboltin. Moscow, 1974. Pp. 78–82 (in Russian)].

Вайдеман Д. Тенденции в развитии внешней политики Пакистана и их предпосылки (1972–1977 гг.). *Пакистан. История и экономика* / Под ред. Ю. В. Ганковского. М., 1980. С. 119–127 [Weideman D. Tendencies in the Development of Pakistan's Foreign Policy and Their Background (1972–1977). *Pakistan. History and Economics* / Ed. by Yu. V. Gankovsky. Moscow, 1980. Pp. 119–127 (in Russian)].

Васькин И. Партия пакистанского народа и её лидер З. А. Бхутто. *Специальный бюллетень. Основные проблемы внутривосточного развития и внешней политики Пакистана (Выпуск № 13 (104), 1968 г.)*. М., 1969. С. 160–168 [Vaskin I. Party of the Pakistani People and Its Leader Z. A. Bhutto. *Special Bulletin. Major Problems in Pakistan's Domestic and Foreign Policy Development (Issue No. 13 (104), 1968)*. Moscow, 1969. Pp. 160–168 (in Russian)].

Внешняя торговля СССР в 1979 г. Статистический сборник. М., 1980. 286 с. [*Foreign Trade of the USSR in 1979. Statistical Collection*. Moscow, 1980. 286 p. (in Russian)].

Внешняя торговля СССР за 1974 г. Статистический обзор. М., 1975. 314 с. [*Foreign Trade of the USSR in 1974. Statistical Review*. Moscow, 1975. 314 p. (in Russian)].

Ганковский Ю. Пакистан. *Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1976* / Под ред. В. Я. Аболтина. М., 1976. С. 249–253 [Gankovsky Y. Pakistan. *International Yearbook. Politics and Economics. Issue 1976* / Ed. by V. Ya. Aboltin. Moscow, 1976. Pp. 249–253 (in Russian)].

Голубев К. О некоторых пропагандистских аспектах деятельности КНР в Пакистане. *Специальный бюллетень. Пакистан в 1970 году*. М., 1971. С. 116–154 [Golubev K. On Some Propaganda Aspects of the PRC's Activities in Pakistan. *Special Bulletin. Pakistan in 1970*. Moscow, 1971. Pp. 116–154 (in Russian)].

Громыко А. А. *Памятное. В 2-х кн. Кн. 2*. М., 1988. 414 с. [Gromyko A. A. *Memorable. In 2 books. Book. 2*. Moscow, 1988. 414 p. (in Russian)].

Датт В. П. *Внешняя политика Индии*: Пер. с англ. М., 1988. 440 с. [Dutt V. P. *Foreign Policy of India*: Translated from English. Moscow, 1988. 440 p. (in Russian)].

Дмитриев Ю. КНДР: борьба за темпы. *Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1975* / Под ред. В. Я. Аболтина. М., 1975. С. 78–82 [Dmitriev Y. North Korea: Struggle for Pace. *International Yearbook. Politics and Economics. Issue 1975* / Ed. by V. Ya. Aboltin. Moscow, 1975. Pp. 78–82 (in Russian)].

Дмитриев Ю. КНДР: укрепление материально-технической базы социализма. *Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1977* / Под ред. В. Я. Аболтина. М., 1977. С. 97–100 [Dmitriev Y. DPRK: Strengthening the Material and Technical Base of Socialism. *International Yearbook. Politics and Economics. Issue 1977* / Ed. by V. Ya. Aboltin. Moscow, 1977. Pp. 97–100 (in Russian)].

Ежегодник Большой Советской Энциклопедии (БСЭ). Выпуск 17. 1973 / Под ред. С. М. Ковалёва. М., 1973. 640 с. [*Yearbook of the Great Soviet Encyclopedia (BSE). Issue 17. 1973* / Ed. by S. M. Kovalev. Moscow, 1973. 640 p. (in Russian)].

Ежегодник БСЭ. Выпуск 18. 1974 / Под ред. С. М. Ковалёва. М., 1974. 620 с. [*Yearbook of the Great Soviet Encyclopedia (BSE). Issue 18. 1974* / Ed. by S. M. Kovalev. Moscow, 1974. 620 p. (in Russian)].

Ежегодник БСЭ. Выпуск 19. 1975 / Под ред. С. М. Ковалёва. М., 1975. 656 с. [*Yearbook of the Great Soviet Encyclopedia (BSE). Issue 19. 1975* / Ed. by S. M. Kovalev. Moscow, 1975. 656 p. (in Russian)].

Ежегодник БСЭ. Выпуск 22. 1978 / Под ред. С. М. Ковалёва. М., 1978. 592 с. [*Yearbook of the Great Soviet Encyclopedia (BSE). Issue 22. 1978* / Ed. by S. M. Kovalev. Moscow, 1978. 592 p. (in Russian)].

Жмуйда И. В. *Внешнеэкономические связи Пакистана*. М., 1981. 190 с. [Zhmuysda I. V. *Foreign Economic Relations of Pakistan*. Moscow, 1981. 190 p. (in Russian)].

За рубежом. М., 1972–1974, 1977, 1980, 1984 [*Abroad*. Moscow, 1972–1974, 1977, 1980, 1984 (in Russian)].

Икбал В. Пакистано-российские отношения. *Пакистан в современном мире. Сборник статей*. М., 2005. С. 87–97 [Iqbal V. Pakistani-Russian Relations. *Pakistan in the Modern World. Collection of Articles*. Moscow, 2005. Pp. 87–97 (in Russian)].

Каменев С. Н. Российско-пакистанские экономические отношения. *Пакистан в современном мире. Сборник статей*. М., 2005. С. 71–107 [Kamenev S. N. Russian-Pakistani Economic Relations. *Pakistan in the Modern World. Collection of Articles*. Moscow, 2005. Pp. 71–107 (in Russian)].

Капица М. С. *На разных параллелях. Записки дипломата*. М., 1991. 479 с. [Kapitsa M. S. *On Different Parallels. Notes of a Diplomat*. Moscow, 1991. 479 p. (in Russian)].

Кауль Т. Н. *Индия и Азия*: Пер. с англ. М., 1989. 240 с. [Kaul T. N. *India and Asia*: Translated from English. Moscow, 1989. 240 p. (in Russian)].

Клюев Б. Пакистан: у власти снова военный режим. *Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1978* / Под ред. В. Я. Аболтина. М., 1978. С. 246–250 [Klyuev B. Pakistan: the Military Regime is in Power Again. *International Yearbook. Politics and Economics. Issue 1978* / Ed. by V. Ya. Aboltin. Moscow, 1978. Pp. 246–250 (in Russian)].

Колбенева Э. К. Слово об авторе и его герое. Родионов А. А. *Зульфикар али Бхутто. Каким я его знал*. М., 2004. С. 6–10 [Kolbenev E. K. A Word about the Author and His Hero. Rodionov A. A. *Zulfikar Ali Bhutto. How I Knew Him*. Moscow, 2004. Pp. 6–10 (in Russian)].

Кременюк В. А. *США и конфликты в странах Азии (70-е гг. XX в.)*. М., 1979. 222 с. [Kremen'yuk V. A. *The United States and Conflicts in Asian Countries (70s of the XXth Century)*. Moscow, 1979. 222 p. (in Russian)].

Луговской Ю. Индостан: ставка на провокации. *Азия и Африка*. 1976. № 2. С. 29–31 [Lugovskoy Yu. Hindustan: Stake on Provocations. *Asia and Africa*. 1976. No. 2. Pp. 29–31 (in Russian)].

Москаленко В. Н. Внешняя политика Пакистана. Основные этапы развития. *Современный Пакистан. Экономика. История. Культура* / Под ред. Ю. В. Ганковского. М., 1976. С. 41–57 [Moskalenko V. N. Foreign Policy of Pakistan. The Main Stages of Development. *Modern Pakistan. Economics. History. Culture* / Ed. by Yu. V. Gankovsky. Moscow, 1976. Pp. 41–57 (in Russian)].

Москаленко В. Н. *Внешняя политика Пакистана*. М., 1984. 301 с. [Moskalenko V. N. *Foreign Policy of Pakistan*. Moscow, 1984. 301 p. (in Russian)].

Мукиджанова Р. М. Пакистан в системе международных отношений. *Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция)*. М., 1981. С. 109–116 [Mukimdzhanova R. M. Pakistan in the System of International Relations. *Problems of Development of the Countries of the Modern Near and Middle East (Iran, Pakistan, Turkey)*. Moscow, 1981. Pp. 109–116 (in Russian)].

Мукиджанова Р. М. *Пакистан и империалистические державы. 70-е — начало 80-х гг.* М., 1984. 175 с. [Mukimdzhanova R. M. *Pakistan and the Imperialist Powers. 70s — early 80s*. Moscow, 1984. 175 p. (in Russian)].

Народная Республика Бангладеш. Справочник / Под ред. Ю. В. Ганковского. М., 1974. 198 с. [*People's Republic of Bangladesh. Handbook* / Ed. by Yu. V. Gankovsky. Moscow, 1974. 198 p. (in Russian)].

Овсяный И. Д., Богущ Е. Ю., Грачёв В. А. и др. *Внешняя политика Советского Союза*. М., 1975. 414 с. [Ovsyany I. D., Bogush E. Yu., Grachev V. A. and Others. *The Foreign Policy of the Soviet Union*. Moscow, 1975. 414 p. (in Russian)].

Пакистан. Справочник / Под ред. Ю. В. Ганковского. М., 1977. 485 с. [*Pakistan. Handbook* / Ed. by Yu. V. Gankovsky. Moscow, 1977. 485 p. (in Russian)].

Потапов В. Социалистическая Республика Румыния. *Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1974* / Под ред. В. Я. Аболтина. М., 1974. С. 110–115 [Potapov V. Socialist Republic of Romania. *International Yearbook. Politics and Economics. Issue 1974* / Ed. by V. Ya. Aboltin. Moscow, 1974. Pp. 110–115 (in Russian)].

Потапов В. Социалистическая Республика Румыния. *Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1976* / Под ред. В. Я. Аболтина. М., 1976. С. 117–121 [Potapov V. Socialist Republic of Romania. *International Yearbook. Politics and Economics. Issue 1976* / Ed. by V. Ya. Aboltin. Moscow, 1976. Pp. 117–121 (in Russian)].

Родионов А. А. Записки посла СССР в Пакистане в 1971–1974 гг. *Новая и новейшая история*. 1997. № 1. С. 122–143; № 2. С. 113–125 [Rodionov A. A. Notes of the USSR Ambassador to Pakistan in 1971–1974. *Modern and Current History*. Moscow, 1997. No. 1. Pp. 122–143; No. 2. Pp. 113–125 (in Russian)].

Родионов А. А. *Зульфикар али Бхутто. Каким я его знал*. М., 2004. 301 с. [Rodionov A. A. *Zulfikar Ali Bhutto. How I Knew Him*. Moscow, 2004. 301 p. (in Russian)].

Рудаков Е. Народная Социалистическая Республика Албания. *Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1977* / Под ред. В. Я. Аболтина. М., 1977. С. 70–72 [Rudakov E. People's Socialist Republic of Albania. *International Yearbook. Politics and Economics. Issue 1977* / Ed. by V. Ya. Aboltin. Moscow, 1977. Pp. 70–72 (in Russian)].

Рудницкий А. Ю. О российских подходах к развитию отношений с Индией и Пакистаном // *Пакистан в современном мире. Сборник статей*. М., 2005. С. 118–130 [Rudnitsky A. Yu. On Russian Approaches to the Development of Relations with India and Pakistan // *Pakistan in the Modern World. Collection of Articles*. Moscow, 2005. Pp. 118–130 (in Russian)].

Советско-пакистанские отношения. Сборник документов. 1972. М., 1973. 74 с. [Soviet-Pakistani Relations. *Collection of Documents*. 1972. Moscow, 1973. 74 p. (in Russian)].

Советско-пакистанские отношения. Сборник документов. 1978. М., 1979. 37 с. [Soviet-Pakistani Relations. *Collection of Documents*. 1978. Moscow, 1979. 37 p. (in Russian)].

Совместное советско-пакистанское коммюнике о пребывании в СССР Президента Пакистана. *Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. док. 1972 г.* М., 1973. С. 45–46 [Joint Soviet-Pakistani Communiqué on the Visit of the President of Pakistan to the USSR. *Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations. Collection of Documents*. 1972. Moscow, 1973. Pp. 45–46 (in Russian)].

Совместное советско-пакистанское коммюнике о пребывании в СССР Премьер-министра Пакистана. *Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. док. 1974 г.* М., 1975. С. 153–156 [Joint Soviet-Pakistani Communiqué on the Visit of the Prime Minister of Pakistan to the USSR. *Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations. Collection of Documents*. 1974. Moscow, 1975. Pp. 153–156 (in Russian)].

СССР и Пакистан / Под ред. И. В. Халевинского. М., 1984. 224 с. [USSR and Pakistan / Ed. by I. V. Khalevinsky. Moscow, 1984. 224 p. (in Russian)].

Тягуненко Л., Каменецкий В. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. *Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1977* / Под ред. В. Я. Аболтина. М., 1977. С. 132–135 [Tyagunencko L., Kamenetsky V. Socialist Federal Republic of Yugoslavia. *International Yearbook. Politics and Economics. Issue 1977* / Ed. by V. Ya. Aboltin. Moscow, 1977. Pp. 132–135 (in Russian)].

Ульяновский Р. А. *Современные проблемы Азии и Африки: политика, экономика*. М., 1978. 294 с. [Ulyanovskiy R. A. *Modern Problems of Asia and Africa: Politics, Economics*. Moscow, 1978. 294 p. (in Russian)].

Шебаршин Л. В. *Рука Москвы. Записки начальника внешней разведки*. М., 2022. 447 с. [Shebarshin L. V. *Hand of Moscow. Notes of the Head of Foreign Intelligence Service*. Moscow, 2022. 447 p. (in Russian)].

Шерковина Р. М. *Политические партии и политическая борьба в Пакистане (60–70-е годы)*. М., 1983. 264 с. [Sherkovina R. M. *Political Parties and Political Struggle in Pakistan (60–70s)*. Moscow, 1983. 264 p. (in Russian)].

Bhutto Z. A. *Awakening the People. Statements, Articles, Speeches*. 1966–1969. Pakistan Publications, 1973. 244 p.

Bhutto Z. A. *Marching Towards Democracy*. 1970–1971. Karachi, 1971. 276 p.

Bhutto Z. A. *Speeches and Statements. Vol. I (December 20, 1971 — March 31, 1972)*. Karachi, 1972. 164 p.

Bhutto Z. A. *Speeches and Statements*. Vol. IV (October 1, 1972—December 31, 1972). Karachi, 1972. 275 p.

Bhutto Z. A. *The Third World: New Directions*. Quartet Books, 1977. 144 p.

Chopra V. D. *Asian Peace and Neoimperialist Axis. Pakistan and Asian Peace* / Ed by V. D. Chopra. New Delhi, 1985. Pp. 43–108.

Jalal H. *Pakistan: Past & Present: a Comprehensive Study Published in Commemoration of the Centenary of the Birth of the Founder of Pakistan*. London, 1977. 288 p.

Kaushik S. N. *Pakistan under Bhutto's Leadership*. New Delhi, 1985. 362 p.

Mankekar D. R. *Pakistan: Cut to Size. The Authentic Story of the 14-day Indo-Pak War Told For the First Time by the Veteran Writer*. New Delhi, 1972. 175 p.

Morning News. Dallas, 1975.

Mukerjee D. *Zulficar Ali Bhutto. Quest for Power*. Delhi, 1972. 230 p.

Pakistan Times. Lahore, 1974.

Siddugui K. *Conflict, Crisis and War in Pakistan*. London, 1972. 217 p.

Sharan P. *Government of Pakistan. Development Working of the Political System*. Meerut, 1975. 348 p.

Singh D. *Dismemberment of Pakistan. 1971 Indo-Pakistan War*. New York, 1988. 244 p.

Verghese B. G. *An and to Confrontation (Bhutto's Pakistan)*. New Delhi, 1972. 158 p.

Wolpert S. *Zulfi Bhutto of Pakistan. His Life and Times*. New York, 1993. 408 p.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-216-221

PAKISTANI PHILOSOPHERS

Marietta T. Stepanyants¹

Relations between Russia and Pakistan have always been comprehensive. They were not limited only to pragmatic state goals of a material nature, but embraced a wide range of spiritual life inherent in our peoples. In the practice of international state relations, there are very rare cases of priority establishment of relations between philosophers. But this is exactly what happened thanks to the initiative of Pakistan philosophers. Two months before March agreement on the development of bilateral economic ties the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR received an invitation to participate in the work of the Pakistan Congress of Philosophy (January 11–14, 1961, Karachi). The author of this article was fortunate to be one of the three members of the delegation. Marietta Stepanyants has been a fellow of the main academic Center of research in philosophy since 1959. Here she got her academic dissertations, received Ph.D., Professorship, created and chaired during 32 years the Center for Oriental Philosophies Studies. Now at the age 88 she continues her research and teaching as the principal researcher of the Institute of philosophy of the Russian Academy of sciences.

Prof. Marietta Stepanyants shares her personal experience of meeting Pakistani philosophers and intellectuals at the Eighth and Twelfth Philosophical Congresses (1965, Lahore), at the celebration of the 100th anniversary of the famous Lahore Oriental College, at international conferences, congresses and forums in Great Britain, Greece, Egypt, Iran, Canada, At the same time, two persons are singled out: the founder of the Pakistan Congress of Philosophy, the creator of the world-famous encyclopedia of Islamic philosophy — Muhammad M. Sharif and the son of Muhammad Iqbal Senator Javed Iqbal, who received a brilliant philosophical and legal education (University of Cambridge), a member of the Supreme Court of Pakistan, a member of the Senate (Upper House of Parliament of Pakistan).

A special place in the article is given to the poet-philosopher Muhammad Iqbal, who was and remains a “spiritual father” for Pakistanis. Marietta Stepanyants translated in Russian Alama Muhammad lectures “The Reconstruction of Religious Thought in Islam” and widely commented them. She argues that the significance of the project to reconstruct the religious thought of Islam allows to consider him the most Enlightened Muslim thinker of the twentieth century, whose influence of ideas will continue and will increase in the transforming world in general and the Muslim world, in particular.

Keywords: Pakistan, Muhammad Iqbal, Russia, congress, philosophy, reconstruction

For citation: Stepanyants M. T. Pakistani philosophers. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 216–221. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-216-221

¹ Marietta T. Stepanyants, Doctor of Philosophy, Professor, Honoured Scholar of the Russian Federation, Principal Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow; marietta_35@mail.ru

Степанянц Мариэтта Тиграновна, д. филос. н., профессор, заслуженный деятель наук РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва; marietta_35@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6176-5718

ПАКИСТАНСКИЕ ФИЛОСОФЫ

М. Т. Степанянц

Отношения между Россией и Пакистаном всегда были всесторонними. Они не ограничивались только прагматическими государственными целями материального характера, но охватывали широкий спектр духовной жизни, присущей нашим народам. В практике международных государственных отношений встречаются очень редкие случаи приоритетного установления отношений между философами. Но именно это и произошло благодаря инициативе пакистанских философов. За два месяца до мартовского соглашения о развитии двусторонних экономических связей Институт философии Академии наук СССР получил приглашение принять участие в работе Пакистанского философского конгресса (11–14 января 1961 г., Карачи). Автору этой статьи посчастливилось быть одним из трех членов делегации. Мариэтта Степанянц является научным сотрудником главного академического центра исследований в области философии с 1959 г. Здесь она защитила научные диссертации, получила степень доктора философии, звание профессора, создала и возглавляла в течение 32 лет Центр изучения восточной философии. Сейчас, в возрасте 88 лет, она продолжает свою исследовательскую и преподавательскую деятельность в качестве главного научного сотрудника Института философии Российской академии наук.

Профессор Мариэтта Степанянц делится своим личным опытом встреч с пакистанскими философами и интеллектуалами на Восьмом и Двенадцатом философских конгрессах (1965, Лахор), на праздновании 100-летия знаменитого Лахорского восточного колледжа, на международных конференциях, конгрессах и форумах в Великобритании, Греции, Египте, Иране, Канаде, выделяя двух из них: основателя Пакистанского философского конгресса, создателя всемирно известной энциклопедии исламской философии — Мухаммада М. Шарифа и сына Мухаммада Икбала сенатора Джаведа Икбала, получившего блестящее философское и юридическое образование (Кембриджский университет), члена Верховного суда Пакистана, члена Сената (Верхняя палата парламента Пакистана).

Особое место в статье отведено поэту-философу Мухаммаду Икбалу, который был и остается «духовным отцом» пакистанцев. Мариэтта Степанянц перевела на русский язык лекции Аламы Мухаммада «Реконструкция религиозной мысли в исламе» и всесторонне прокомментировала их. Она утверждает, что значимость проекта по реконструкции религиозной мысли ислама позволяет считать его самым просвещенным мусульманским мыслителем двадцатого века, влияние идей которого будет продолжаться и усиливаться в трансформирующемся мире в целом и в мусульманском мире в частности.

Ключевые слова: Пакистан, Мухаммад Икбал, Россия, конгресс, философия, реконструкция

Для цитирования: Степанянц М. Т. Философы Пакистана. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 1. С. 216–221. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-216-221

The establishment of diplomatic relations is the first step, followed by the development of relations in many other spheres of public life, in which trade, economics and politics up to military cooperation are in priority. This is followed by science, education, culture. Politicians are not always aware of the importance of understanding public consciousness, formed by historical experience, traditions, culture, religious faith, in the successful development of priority practical areas of cooperation.

The first after the establishment of relations between the USSR and Pakistan was a bilateral trade Agreement (1956). The starting point in the development of economic cooperation was the March 1961 Agreement, which was followed by the development of scientific, technical and cultural ties in the 2nd half of the 60s. Surprisingly, philosophers of Pakistan initiated communication with colleagues in the

USSR before many others. Two months before the above-mentioned March Agreement, the Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences received an invitation to take part in the work of the Pakistan Congress of Philosophy (Jan. 11–14, 1961, Karachi). No less striking is the fact, that the Soviet bureaucracy worked astonishingly quickly, giving permission for scholars to fly out on time. The delegation included Deputy Director of the Institute of Philosophy E. V. Shorokhova, Editor-in-Chief of the journal “Problems of Philosophy” V. S. Semenov and one of the youngest fellows of the Institute. By virtue of happy circumstances, it turned out to be a graduate of the Oriental Faculty of the University, who received in 1959 a referral to work at the Institute of Philosophy. This was explained by the fact, that the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences needed employees with the knowledge of oriental languages in preparing world history of philosophy (in 5 volumes). The trip to Pakistan was an incredible success for me, truly fateful.

Six years of university education allowed me to master the Urdu language, gave knowledge of the history and culture of India, in general, and of Indian Muslims, in particular. Thanks to the wonderful Indian Muslim teacher Zoe Ansari, I was fond of translations, some of which were published. Moreover, my master’s thesis was devoted to the work of Saadat Hassan Manto, an outstanding master of the short story, who was compared to Chekhov in Urdu. But all this was bookish knowledge, incomparable with being in a country whose people professed Islam and spoke Urdu [Stepanyants M. T. 1966, 304–307; 1962, 180–192].

Our delegation was fortunate enough to participate in the Pakistan Congress of Philosophy, led by its founder and President for life Muhammad M. Sharif (1893–1965), a recognized authority among Muslim philosophers in India and Pakistan. It is noteworthy, that he was the president of the Indian Congress of Philosophy, before the formation of Pakistan.

Muhammad Sharif was born in Lahore, the true center of British Indian Muslim culture. He received his primary and secondary education at the Anglo-Eastern College of Aligarh and at the Aligarh Muslim University. After receiving a bachelor’s degree in philosophy, he continued his studies in the UK, where he received a master’s degree at the University of Cambridge, and then defended his doctoral dissertation under the supervision of the famous English philosopher George Edward Moore, who, together with Bertrand Russell, Ludwig Wittgenstein, was one of the founders of the analytic tradition of philosophy. Upon his return to his homeland, M. Sharif was the head of the Department of Philosophy at Aligarh Muslim University. In 1945 he became Rector of the Institute of Islamic Culture (Lahore). In the years preceding the partition of India and the formation of Pakistan, M. M. Sharif was a supporter of the Muslim League and shared its idea of an independent Muslim state. Until the end of his life, he remained a member of the Council for Islamic Ideology and a professor at Islamiyah College. His most famous work is the fundamental 8-volume “History of Muslim Philosophy”, in which he acted as a developer of the concept, compiler and author of many articles [Sharif, M. (Ed.) 1963–1966].

In total, I was presented with two large boxes of books and magazines, including the Pakistan Philosophical Journal and Iqbal Review sets. This book “treasure” allowed me to prepare and successfully defend my dissertation in 1963, on the basis of which a monograph on philosophy in Pakistan was published in 1967, soon translated into English and published in Pakistan [Stepanyants, M. 1967, 1972].

The publication unexpectedly attracted attention abroad (in England and Germany) even before it was published in Pakistan [Evans H. 1967; Braker H. 1969]. In Pakistan, however, my modest book in translation was reviewed in 1972 by an authoritative philosopher, as well as by a journalist-columnist [Qadir, C.F. 1972]; Zeno. 1972]. I confess that I had to hide my foreign responses before the political and ideological changes that took place in the country, since the reviewers drew attention to the difference in my attitude towards Islam in comparison with the previously dominant one in the works of the famous

Soviet atheist L. I. Klimovich. As for the Pakistani reviews, they supported me in their determination not to succumb to criticism from domestic colleagues, who argued, that my work would cause an “anti-Soviet explosion” (on this occasion a denouncement was even written to the director of the publishing house “Eastern Literature”) Oleg Dreyer.

M. M. Sharif died and was buried in his native Lahore in 1965. Hence, our second meeting with him could not take place when I took part in the work of the Pakistan Congress of Philosophy (12th session) in Lahore for the second time. Finally, in 1973, I was able to visit Pakistan in connection with the celebration of the centenary of the famous Lahore Oriental College, the graduate of which was Muhammad Iqbal. Subsequently, my personal life developed in such a way that it was no longer possible to visit Pakistan, but this did not prevent me from continuing to write about Allama Muhammad Iqbal for almost all subsequent years, whom I value as the most enlightened Muslim thinker of the twentieth century. I have spoken about this in reports and speeches not only at the scientific conferences in the USSR, but also at sessions of the World Philosophical Congress (Great Britain, Turkey, Greece, Korea, China), as well as at “Congresses of Philosophers of the East and West” (USA, Honolulu), at the international conferences in Egypt, India, Iran, Canada, Morocco, Turkey, USA. There are published by me articles about Iqbal’s philosophical views in Russian encyclopedias (included sections on Iqbal’s worldview) in various textbooks, in the university textbook of anthology on Eastern philosophies (three editions in Russian, one in English) [Stepanyants, 1997, 2002, 2011]. The main thing is that it was possible to prepare and publish 2 editions of the academic translation of M. Iqbal’s famous lectures “Reconstruction of religious thought in Islam” [Степанынц, 2002, 2020].

Thanks to the philosophical legacy of Muhammad Iqbal, I was fortunate enough to meet a number of prominent Pakistani intellectuals outside Pakistan. First of all, I mean Hafiz Malik, professor of history and political science at Villanova University (Pennsylvania). As Managing Editor of “Volume 7 of Iqbal” in Columbia University’s Studies in Oriental Culture series, he invited me to contribute to the preparation of the volume. The invitation was a great honor. In 1971, by a happy coincidence, I found myself in New York as part of a delegation of Soviet women. Hafiz took the opportunity to meet (before that, we had only corresponded) and specially came from Villanova to hand over the volume that had just been published [Stepanyants, 1971]. The meeting marked the beginning of our long-term correspondence and several meetings: my month-long visit to the Center for Islamic Studies of Villanova University in October 1992, initiated by Hafiz Malik; a few years later, I organized the visit of Hafiz and the rector of his university to Moscow.

In January 1995 the VII East-West Philosophers’ Conference took place in Honolulu. The Hawaiian conferences had laid the foundation for the institutionalization of the comparative philosophy. These Conferences were always held by the University of Hawaii and are distinguished by the highest professional level of invited participants. While being a Director of this high forum, I had the privilege of preparing the Conference for five years (1990–1995) and then serving as its President. Representatives of Western, Chinese, Indian and Japanese philosophical traditions were usually invited as plenary speakers. Using my right of the Program Council’s Chair, I decided to ensure the participation of intellectuals from the previously ignored Muslim world by inviting plenary speakers from Egypt, Jordan, Pakistan and Iran. The Conference theme “Justice and Democracy: Cross-Cultural Perspectives” determined the choice of Javed Iqbal as the Pakistani participant. Nobody could be better than the son of the world-famous poet and philosopher Muhammad Iqbal, who received a brilliant philosophical and legal education (University of Cambridge); for many years had legal practice, judicial — in the Supreme Court of Pakistan, and finally — parliamentary, as an elected member of the Senate (Upper House of Parliament of Pakistan).

Javed Iqbal's report was one of the best and had been included in the volume of selected presentations at the VII Conference [Iqbal J. 1997]. I believe, that the success of the report was due to the fact that it refuted two common stereotypes. The first is about the legal system of Islam, which is supposedly fundamentally incompatible with democracy. Javed Iqbal noted the fallacy of this point of view, referring to the (sura 3:159): "It is reported that Prophet said: "Differences of opinion in my community are [a manifestation of Divine] Mercy" and "My community will never accept a mistake." The command to the Prophet in this regard was for no other purpose than to emphasize the importance of "consultation" (*shura*) to the Muslims in the managing of affairs of state. The Prophet is reported to have said, "Difference of opinion in my community is [the manifestation of Divine] Mercy", and "My community would never agree on an error". The Prophet always consulted with a group of prominent members of the community on the conduct of public affairs. It was an advisory body, and this practice was subsequently followed by its successors, the Righteous Caliphs (632 CE to 661 AD). The second stereotype, refuted by Javed Iqbal, is that justice is achievable only by the Western democratic system. I believe, that the theme of the Conference was conceived as a demonstration of the justification of the Western world claim to exclusive possession of the practice of a democratic state system. However, unlike the American and European participants, representatives of India, China, Korea, the USSR and the countries of the Muslim world argued the possibility and, moreover, the need for a democratic legal system, taking into account historical experience, cultural and religious traditions. In this regard, Javed Iqbal reminded that "Muhammad Iqbal was the only thinker who used the expression "spiritual democracy" to define an Islamic state. However, if the state is an integral part of Islam, his conception, at least in a political sense, was a departure from the conventional wisdom. But it should be understood that the traditional literature on the Islamic political order was compiled at a time when the world of Islam was touched by an absolute, or rather perverse, monarchy, and when, in Iqbal's terms, the political ideals of Islam were "repaganized" [Iqbal J., 1997, p. 243].

Pakistan for me has always been personified by Allama Muhammad Iqbal. This explains why, during my 60 years of academic career, I have maintained an interest in writing articles about his philosophy. With future generations in mind, I named a recent article "I am the voice of the poet of tomorrow" [Stepanyants, 2022, pp. 13–25], using Iqbal's self-evaluation in his widely known poem "Secrets of the Self". The Russian-language textbook on Oriental philosophies for university students is addressed to the younger generations, in which an anthology of selected sources translated into Russian is attached to the lecture course, including the final lecture from "Reconstruction of Religious Thought in Islam" by Muhammad Iqbal.

References / Литература

- A History of Muslim Philosophy*. Vol. 1–8. Al-Islam.org.
- Braker H. *Kommunismus und Islam. Religions dskussion und Islam in der Sowjetunion. Kommunismus und Wetreligionen Asiens. Zur Religions — und Asien Politik der Sowjetunion*, Bd. 1, 1. Tubingen, Mohr, 1969.
- Hubert E. *Recent Soviet Writing on Pakistan. Central Asian Review*. L., 1967. Vol. XV. No. 2. Pp. 148–156.
- Iqbal J. *Democracy and Justice: Islam' Political Message Restated /Justice and Democracy: Cross Cultural Perspectives*. Eds. Ron Bontekoe and Marietta Stepaniants. University of Hawaii Press. Honolulu, 1997. Pp. 241–256.
- Iqbal M. *Reconstruction of Religious Thought in Islam* [Iqbal M. Rekonstrukciya religioznoj mysli v islame (in Russian)]. M, 2002; M., 2020.
- Qadir C. *Contemporary Pakistan Philosophy*. The Pakistan Times, Lahore. 24.12.1972. Sharif M. (Ed.) *A History of Muslim Philosophy*. Vol. I–II. Wiesbaden, 1963–1966.
- Sharif M. *Dialectical Monadism*. The Contemporary Indian Philosophy. L., 1952.

Stepanyants M. T. *Saadat Hussein Manto* // Vostochny Almanakh. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1958, pp. 304–307; Social problems of stories by S. Kh. Manto // Modern Indian prose. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1962. P. 180–209.

Stepanyants M. *Demise of Fatalism / Iqbal. Poet-Philosopher of Pakistan*. Ed. Hafeez Malik. N.Y.—London: Columbia University Press, 1971. Pp. 301–310.

Stepanyants M. Philosophy and Sociology in Pakistan. Essays [Stepanyants M. Filosofiya i sociologiya v Pakistane. Ocherki (in Russian)]. M.: Hayka, 1967; Pakistan: Philosophy and Sociology. Lahore: People's Publishing House, 1972.

Stepanyants M. Eastern Philosophy. Introductory Course and Selected Texts [Stepanyants M. Vostochnaya filosofiya. Vvodnyj kurs izbrannykh tekstov (in Russian)]. M., 1997; 2002.

Stepanyants M. *Introduction to Eastern Thought*. Walnut Creek-Lanham-New York-Oxford: AltaMira Press. A Division of Rowman & Littlefield Publishers, INC., 2002.

Stepanyants M. Eastern Philosophies. Textbook for Universities [Stepanyants M. Vostochnye filosofii. Uchebnik dlya vuzov (in Russian)]. M., 2011.

Stepanyants M. Muhammad Iqbal. *The Voice of the Poet of Tomorrow / Muhammad Iqbal. The Development of Metaphysics in Persia: Towards the History of Muslim Philosophy* [Muhammad Iqbal. Razvitie metafiziki v Persii: k istorii imusul'manskoj filosofii (in Russian)]. M., 2022. C. 13–25.

Stepanyants M. T. *Russia-Pakistan philosophical relations*. Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2023. No. 3. Pp. 263–269. DOI: 10.31696/2618–7302–2023–3–263–269.

Zeno. As *Others See Us*. The Pakistan Times. 13.10.1972.

УСИЛИЯ ПУБЛИЧНОЙ И ОФИЦИАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ В УКРЕПЛЕНИИ РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

И. Н. Серенко¹

В данной статье была сделана попытка проанализировать эволюцию взаимодействия народной и официальной дипломатии России (главной правопреемницы СССР) и Пакистана, которые прошли сложный исторический путь развития своих взаимоотношений, перешагнув в 2023 г. 75-летний юбилей установления двусторонних дипломатических связей. Как показали результаты проведенного исследования, двусторонние отношения, несмотря на все имевшиеся трудности и проблемы, фактически не прерывались благодаря налаживанию научно-культурного диалога между народами двух стран. Было выявлено, что в непростых условиях межгосударственного взаимодействия, снижавшегося порой до противостояния сторон, общественные и научные круги обоих государств, включая ученых из Института востоковедения АН СССР/РАН, продолжали поддерживать взаимные контакты по каналам публичной дипломатии для укрепления межгосударственных связей по линии официальной. В конечном итоге это способствовало преодолению негативных стереотипов народов двух стран по отношению к друг другу, сближению внешнеполитических подходов Москвы и Исламабада по большинству представляющих взаимный интерес вопросов международной повестки, снижению напряженности в их отношениях, постепенному выходу двух территориально близких государств на новый уровень конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества в современных условиях региональной интеграции и формирования многополярного мира.

Ключевые слова: дипломатические отношения, научно-культурный диалог, российский Центр открытого образования, Пакистан, Россия

Для цитирования: Серенко И.Н. Усилия публичной и официальной дипломатии в укреплении российско-пакистанских отношений. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 1. С. 222–232. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-222-232

EFFORTS OF PUBLIC AND OFFICIAL DIPLOMACY IN STRENGTHENING RUSSIA-PAKISTAN RELATIONS

Irina N. Serenko

In this article, an attempt has been made to analyze the evolution of public and official diplomacy interaction between Russia (the main successor of the USSR) and Pakistan, which have passed by a difficult historical path of their relations development, stepping over the 75th anniversary of their bilateral diplomatic ties establishment in 2023. The results of this study showed, that despite of all difficulties and problems, bilateral relations actually had not been interrupted due to the establishment of the scientific and cultural dialogue between the peoples

¹ Серенко Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; serenko9@mail.ru
Irina N. Serenko, PhD (Education), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; serenko9@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4949-254X

of these two countries. It was revealed, that in the complicated environment of their interstate interaction, which sometimes decreased to the level of confrontation, the public and scientific circles of both states, including scholars from the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences/RAS, continued to maintain mutual contacts through the channels of public diplomacy, so as to strengthen the interstate ties through the official one. It has been actually contributed to the negative stereotypes overcoming by the peoples of two countries, bringing closer Moscow and Islamabad in their foreign policy approaches on the most mutual interest issues of the international agenda, reducing tension in their relations, bringing the two geographically close states to a new level of constructive and mutually beneficial cooperation in the current scenario of regional integration and multipolar world formation.

Keywords: diplomatic relations, scientific and cultural dialogue, Russian Center for Open Education, Pakistan, Russia

For citation: Serenko I. N. Efforts of Public and Official Diplomacy in Strengthening Russia-Pakistan Relations. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 222–232. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-222-232

Становление и развитие межгосударственного взаимодействия России и Пакистана прошли испытание временем. Оно, по оценке пакистанской стороны, имеет общую «длительную историю развития исторических и культурных связей, хотя отношения между странами зачастую складывались непросто» [Kamran, 2018, с. 88]. И это несмотря на то, что изначально в своей внешней региональной политике «Советский Союз даже отдавал предпочтение Пакистану» и проголосовал в сентябре 1947 г. за его принятие в ООН, что, однако, так и не смогло ускорить затянувшийся практически на целый год процесс установления дипломатических отношений между СССР и Пакистаном, который взял курс на союз с США в начавшейся холодной войне [Икбал В., 2004, с. 88]. Как отмечалось и в других работах пакистанских [Javed, 2018, с. 55–68] и отечественных исследователей [Мелёхина, 2018, с. 19–29], существовавшие осложнения и ограничения в двустороннем сотрудничестве государств были обусловлены раскладом сил на международной арене в тот или иной период развития двусторонних отношений, которые, вместе с тем, «следовали во многом predetermined курсом» [Белокреницкий, 2024, с. 185].

На современном этапе российско-пакистанские отношения постепенно выходят на новый уровень конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества. Глава МИД РФ С. В. Лавров в ходе совместной пресс-конференции с министром иностранных дел ИРП Билавалом Бхутто-Зардари по итогам состоявшихся 30 января 2023 г. в Москве официальных переговоров с удовлетворением выразил общее мнение сторон о том, что «российско-пакистанские отношения носят конструктивный, взаимовыгодный характер и не подвержены колебаниям международной конъюнктуры»². При этом он подчеркнул необходимость дальнейшей интенсификации политического диалога между двумя странами, в том числе на высшем уровне.

Как представляется, постепенному выходу двустороннего межгосударственного сотрудничества на такой высокий уровень в немалой степени способствовала активизация не только официальной, но и публичной дипломатии в укреплении российско-пакистанских отношений, налаживание научно-культурного диалога между народами двух стран. Он, по сути, не прекращался даже в сложные периоды истории межгосударственных отношений, когда научные и общественные круги продолжали поддерживать взаимные контакты по линии народной дипломатии с дальнейшим

² Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Б. Бхутто-Зардари по итогам переговоров, Москва, 30 января 2023 года — Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1851133/ (дата обращения: 12.10.2023).

выходом на официальную. Научное сотрудничество осуществлялось как в фундаментальных, так и прикладных науках. Примером тому может служить и проводимая в Институте востоковедения РАН научно-исследовательская работа по Пакистану, взаимодействие отечественных пакистановедов с пакистанскими коллегами, что во многом способствует выстраиванию взаимопонимания между сегодняшней Россией (основной преемницей бывшего Советского Союза) и Пакистаном, расширению их научно-культурных и общественных связей.

Большой вклад в процесс двустороннего сближения внес всемирно известный отечественный ученый-востоковед профессор Юрий Владимирович Ганковский (1956–2001). Несомненно, его по праву можно считать основоположником не только пакистановедения в СССР, но «и еще одного актуального направления — академической дипломатии, подпитывающей официальную в выстраивании конструктивных советско/российско-пакистанских отношений» [Серенко, 2021, с. 224]. Он долгое время возглавлял общество СССР — Пакистан, основанное в 1966 г. в период потепления отношений, когда между СССР и Пакистаном, по словам известного пакистано-американского историка и политолога Хафиза Малика (1930–2020), стали складываться «реалистичные взаимоотношения» с налаживанием двусторонних торгово-экономических связей и развитием научно-культурного сотрудничества (1960–1970)[Malik, 1990, с. 170]. В то время общие научные интересы сблизили и двух профессоров — Хафиза Малика и Ю. В. Ганковского, проводивших совместные исследования по востоковедной тематике, включая пакистановедение, что способствовало со временем и налаживанию их дружеских отношений. В конце 1990-х годов автору статьи, еще только начинавшей свою работу в ИВ РАН, довелось по просьбе профессора Ю. В. Ганковского несколько раз сопровождать профессора Х. Малика и его американских коллег в поездках по Татарстану и Башкортостану для ознакомления со складывающейся ситуацией в этих преимущественно мусульманских республиках новой России, занимающих важное геостратегическое положение на евразийском пространстве. Результаты проведенных в то время полевых исследований нашли отражение в вышедшей под редакцией Х. Малика коллективной монографии «Российско-американские отношения: исламские и тюркские измерения в Волго-Уральском бассейне» с участием американских и российских ученых [Malik, 2000, 314 с.]. В ней, в частности, помимо особой роли Татарстана и Башкортостана в евразийских интеграционных процессах подробно анализируются отношения России и США с такими странами, как Турция, Иран, Афганистан и Пакистан, играющими важную роль в Евразии.

В ходе очередных визитов американского профессора в Москву он познакомил российских ученых с пакистанским философом, сенатором, старшим судьей Верховного суда Пакистана Джаведом Икбалом — сыном выдающегося поэта и философа Востока, «духовного отца» пакистанской нации Мухаммада Икбала, а также с его только начинавшим карьеру юриста-международника внуком — теперь уже сенатором Валидом Икбалом. Еще тогда молодой человек проявил большой интерес к России, а немного позже, в 2000 г., вернулся в Москву и до 2004 г. проработал здесь представителем престижной международной корпорации, совмещая бизнес с наукой, поддерживая отношения с Институтом востоковедения и принимая участие в международных конференциях и публикациях ИВ РАН для расширения интеллектуального диалога, сближения между народами двух стран и укрепления межгосударственного сотрудничества РФ и ИРП [Икбал, 2004, с. 87–97; 2018, с. 364–373; 2022, с. 150–152; 2024, с. 163–165]. На примере этой семьи, учитывая ее богатое интеллектуальное наследие, традиционный интерес и тяготение к России с теперешним высоким статусом сенатора Валида Икбала можно говорить о преемственности и взаимосвязанности усилий публичной и официальной дипломатии в укреплении российско/советско-пакистанских отношений. Думается, что подрастающее поколение этой семьи (двое сыновей и дочь) также продолжит традицию укрепления дружественных отношений с Россией, без которой, по мнению их отца

Валида Икбала, невозможно предсказанное их прадедом Аллама Икбалом «азиатское возрождение», наблюдаемое в современном мире [Iqbal, 2022, с. 152]. Без преувеличения можно сказать, что богатое наследие Мухаммада Икбала, в котором нашел отражение и его интерес к социальным преобразованиям в тогдашней советской России, способствовало сближению народов двух стран, став «эффективным инструментом в создании фундамента российско-пакистанского социокультурного взаимодействия, которое определяет сегодня архитектуру нашего взаимного многопланового сотрудничества в парадигме регионально-планетарной гражданственности» [Serenko, 2019, с. 86]. Его философско-литературное наследие по-прежнему остается актуальным и востребованным в международных научных кругах, занимающихся проблемами Востока, в чем могла убедиться и автор статьи, приняв участие в международной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Аллама Мухаммада Икбала. Она проходила 6–8 ноября 2017 г. в Исламабаде с участием свыше 500 представителей различных государственных и общественных структур, научной и культурной интеллигенции, духовных лидеров мусульман и студенческой молодежи из 18 стран, включая государства Центральной Азии и России [Serenko, 2019, с. 79–87].

В рамках проходившей в Институте востоковедения РАН 26 сентября 2022 г. международной конференции «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)» состоялось знаковое событие презентация уникального издания, трехтомника «Энциклопедии Мухаммада Икбала» (на урду), с торжественной церемонией его передачи сенатором Валидом Икбалом в дар российским востоковедам [Серенко, 2022, с. 138–141]. В свою очередь, не менее значимым событием для укрепления социокультурного диалога и взаимопонимания между народами России и Пакистана, стало и торжественное вручение в дар сенатору В. Икбалу всемирно известным отечественным философом-востоковедом профессором М. Т. Степанянц нового издания ее перевода на русский язык сборника лекций его деда М. Икбала «Реконструкция религиозной мысли в исламе» (Степанянц М. Т., 2020). Эта торжественная церемония состоялась в рамках двухдневной международной конференции «75-летие установления дипломатических отношений между СССР/Россией и Пакистаном», которая проходила в ИВ РАН 22–23 мая 2023 г., где почетные гости форума — пакистанский сенатор Валид Икбал вместе со своим коллегой-сенатором парламента ИРП Анваром уль-Хак Какаром успешно выступили в качестве председателей и сопредседателей Сессий II и III [Серенко, 2024, с. 136, 147]. Почетным спикером конференции Анваром уль-Хак Какаром (временный премьер-министр Пакистана с 14 августа 2023 г.) также была дана высокая оценка философскому и поэтическому наследию «великого вдохновителя» создания мусульманского государства Пакистан Мухаммада Икбала, была высказана уверенность в близости Пакистана с Россией с точки зрения их принадлежности к «большой азиатской семье» [Anwaar-ul-Haq Kakar, 2024, с. 161]. Кстати, в ходе состоявшейся 17 октября 2023 г. в Пекине встречи главы переходного правительства Пакистана с президентом России В. В. Путиным на полях III Международного форума «Один пояс, один путь» Анвар уль-Хак Какар, ссылаясь на свой последний визит в Москву в качестве сенатора, сказал российскому лидеру, что он очарован Россией, особенно ее храмовой архитектурой, подчеркнув, что две страны близки друг другу с точки зрения культурных и нравственных ценностей, тем самым повторив высказанные им мысли в ходе состоявшегося интеллектуального диалога России и Пакистана на площадке ИВ РАН. В ответной речи В. В. Путин подчеркнул, что в этом году Россия и Пакистан отметили 75-летие установления дипломатических отношений. Отмечая сложившиеся между странами дружественные двусторонние связи, он указал на то, что у них существует огромный потенциал для дальнейшего сотрудничества³.

³ P. M. Kakar, Russian President Putin review defence, trade ties during meeting in Beijing — World — DAWN.COM. URL: <https://www.dawn.com/news/1781568> (дата обращения: 31.10.2023).

И здесь наглядно просматривается эффективность взаимодействия публичной и официальной дипломатии, реализуемого, в том числе, на различных совместных международных научных конференциях, симпозиумах, конвентах и диалоговых аналитических площадках, включая Институт востоковедения РАН. Проведение в его стенах этих и других подобных форумов, судя по составу их участников, включая академические круги, членов парламента, сотрудников посольств и представителей общественности двух стран, а также прозвучавшим на них выступлениям, свидетельствует о плодотворном научно-культурном взаимодействии России и Пакистана с подключением официальной дипломатии, что способствует дальнейшему укреплению их двусторонних многоплановых отношений.

Среди представителей научных кругов Пакистана, внесших свой вклад в развитие сотрудничества двух стран, нельзя не вспомнить и крупнейшего физика-теоретика, Нобелевского лауреата (1979), профессора Абдус Салама (1926–1996), ставшего за свои заслуги сначала Почетным международным членом Академии наук СССР (1971), а затем Российской Федерации (1992). Он также был награжден и высшей наградой АН СССР – Большой золотой медалью имени М. В. Ломоносова (1983), а в 1992 г. получил диплом почетного доктора наук Санкт-Петербургского университета. Профессор Абдус Салам лично знал многих видных советских и российских ученых, включая лауреата Нобелевской премии академика Л. Д. Ландау (1908–1968), лауреата Ленинской премии академика Е. М. Лифшица (1915–1985), лауреата Нобелевской премии мира академика А. Д. Сахарова (1921–1989), лауреата Ленинской премии, директора Курчатовского института, вице-президента АН СССР Е. П. Велихова и др. Его академическая дипломатия ученого способствовала укреплению контактов международного научного сообщества, несмотря на существовавшую конфронтацию между Востоком и Западом в период холодной войны, содействовала созданию уникального Международного Центра по теоретической физике в Триесте (МЦТФ), где побывали несколько десятков крупных советских и российских физиков для участия в международных научных симпозиумах и чтения лекций для слушателей МЦТФ, носящего теперь имя его основателя.

Ряд российских ученых стали обладателями учрежденной профессором Абдус Саламом медали имени Поля Дирака (1902–1984) за выдающиеся достижения в области физики. Ее, в частности, был удостоен в 1992 г. крупный советский физик-теоретик и математик, академик Н. Н. Боголюбов (1909–1992), долгое время (1965–1988) возглавлявший Объединенный институт ядерных исследований в Дубне (ОИЯИ). Довольно символично, что учрежденная в МЦТФ премия в честь выдающегося советского академика Н. Н. Боголюбова была вручена в 1987 г. пакистанскому ученому Абдулле Садику за научные успехи в области математики и физики. На протяжении более 30 лет Абдус Салама и Н. Н. Боголюбова связывали научные и дружеские отношения. Государственный комитет СССР по использованию атомной энергии и Комиссия по атомной энергии Пакистана приступили к реализации подписанного 20 мая 1970 г. соглашения о совместной деятельности в области мирного использования атомной энергии, рассчитанной на десятилетний период (1970–1980) [СССР и Пакистан. М., 1984, с. 203]. Между ОИЯИ и МЦТФ было налажено взаимовыгодное сотрудничество, регулярный обмен ведущими сотрудниками и несекретной научной информацией, проведение совместных конференций и симпозиумов по различным аспектам теоретической и прикладной физики, включая атомную энергию и ее использование в мирных целях. Именно по рекомендации советского академика Н. Н. Боголюбова Абдус Салам задолго до получения Нобелевской премии был избран иностранным членом АН СССР, а позже награжден медалью им. Ломоносова [Халиуллин, 2008, с. 72]. Эти награжденные знаки отличия за научные достижения в совместной работе Абдус Салама с советскими и российскими коллегами заняли достойное место среди прочих многочисленных высоких международных наград в рабочем кабинете его

лондонского особняка, где автору данной статьи удалось побывать в августе 2016 г. и побеседовать с двумя из его дочерей Азизой Рахман и Бушрой Салам. Они попытались сохранить атмосферу научной, творческой деятельности своего отца, оставив в рабочем кабинете все как было при его жизни: письменный стол с высокими стеллажами аккуратно расставленных книг и разложенных повсюду многочисленных премий и наград, полученных выдающимся ученым за вклад в мировую науку.

В честь 90-летия со дня рождения всемирно известного пакистанского ученого профессора Абдус Салама 14 февраля 2016 г. в Институте востоковедения РАН состоялось заседание круглого стола, проведенное с участием представителей общественных и научных кругов двух стран. Все выступавшие на нем докладчики, включая автора статьи, высоко оценили заслуги уникального ученого, крупнейшего физика-теоретика XX столетия, достигшего высот не только на ниве научных изысканий, связанных с исследованиями законов взаимодействия элементарных ядерных частиц, но и в академической дипломатии по укреплению российско/советско-пакистанского научного сотрудничества, в том числе по каналам ОИЯИ и МЦТФ, расширению взаимодействия ученых всего мира в структурах таких организаций, как ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ во благо прогресса всего человечества. На торжественном мероприятии присутствовал и член-корреспондент РАН, профессор, доктор физико-математических наук Н. Н. Боголюбов-младший, продолживший научную стезю своего отца. Он поделился своими воспоминаниями с присутствующими об академике Н. Н. Боголюбове, его творческих и дружеских отношениях с Абдус Саламом, которого его отец первым пригласил в СССР и который стал первым Почетным международным членом Академии наук СССР в области ядерной физики⁴. Кроме того, пакистанской стороной было зачитано письменное обращение к участникам торжественного собрания младшего сына Абдус Салама — доктора математических наук Омара Салама, который также пошел по стопам своего отца и ведет курс лекций по высшей математике в Кембриджском университете. Он изучает русский язык, побывал с отцом в Москве и продолжает поддерживать творческие и дружеские отношения с семьей академика Н. Н. Боголюбова, не прерывая связь поколений двух выдающихся ученых Пакистана и СССР/России.

Известный отечественный дипломат-востоковед Юлдуз Халиуллин, долгое время проработавший в 1960–70-х годах на дипломатической службе в Пакистане, посвятил одну из своих книг профессору Абдус Саламу, с которым дипломата познакомил в 1968 г. его друг, выдающийся пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз (1911–1984 гг.), удостоенный высшей советской награды — Международной Ленинской премии мира (1962). Встреча состоялась в Панджабском университете Лахора, где пакистанский ученый Абдус Салам выступал с лекций по квантовой физике перед многочисленной аудиторией слушателей. Как следует из воспоминаний карьерного дипломата, впечатленный академическими и личностными качествами пакистанского профессора, он подготовил соответствующую справку в Москву за подписью советского посла о том, что «Абдус Салам — выдающийся физик Пакистана, что его надо принять иностранным членом Академии наук СССР» [Шаехов, 2022, с. 95]. Таким образом, его предложение абсолютно точно совпало с мнением академика Н. Н. Боголюбова, и за восемь лет до получения Нобелевской премии Абдус Салам был принят в Академию наук СССР (1971). Кстати сказать, успешность и плодотворность своей почти сорокалетней дипломатической карьеры сам Юлдуз Халиуллин — выпускник МГИМО МИД СССР (1964), Дипломатической академии МИД СССР (1978), кандидат экономических наук (1980) со знанием европейских и восточных языков, в том числе урду, связывает с необходимостью «хорошо знать экономику, культуру, историю и язык» страны пребывания, чем он всегда умело пользовался в своей практической дипломатической работе в восьми странах Европы и Азии, включая Пакистан [Шаехов, 2022, с. 43].

⁴ Новости ИВ РАН. URL: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=3923> (дата обращения: 27.10.2023).

Помимо Абдус Салама, в ряду выдающихся мусульманских ученых XX века опытный отечественный дипломат-востоковед Юлдуз Халиуллин выделяет также заслуги и двух других близких друзей профессора: крупного юриста, профессора, первого министра иностранных дел Пакистана Зафруллы Хана (1893–1985), а также экономиста-практика Мирзы Музаффера Ахмада (1913–2002), внесших заметный вклад в укрепление двусторонних отношений между нашими странами, в том числе и в строительство Карачинского металлургического завода, осуществленного при техническом и финансовом содействии СССР [Халиуллин, 2017, с. 131–174]. К слову сказать, автору статьи в 1983–1984 гг. довелось работать переводчиком на завершающем этапе строительства этого сталелитейного комплекса полного цикла. Его ввод в эксплуатацию в 1985 г. фактически ознаменовал создание в стране новой отрасли — металлургической. Царившая тогда на многочисленных объектах и площадках завода (в административном комплексе, цехах, Центре по подготовке металлургических кадров, городке для проживания сотрудников и др.) деловая и доброжелательная атмосфера сотрудничества между пакистанскими и советскими специалистами, которые приехали на реализацию совместного флагманского проекта из разных республик СССР, включая Россию и Украину, мало напоминала о происходивших в ту пору трагических событиях в соседнем Афганистане (1979–1989), где Советский Союз и Пакистан находились по разные стороны военного противостояния. О нем, пожалуй, напоминали лишь предпринимаемые пакистанской стороной повышенные меры безопасности по охране советских специалистов, отсутствие у них даже минимальной мобильности за пределами городка метзавода да редкие недолгие коллективные выезды за покупками в Карачи под охраной военных. При этом в Культурном центре, функционировавшем на территории жилого комплекса специалистов металлургического комбината, по-прежнему проводились различные совместные мероприятия, выставки, концерты, посвященные национальным праздникам и знаменательным датам в общественной и культурной жизни народов двух стран, хотя они стали носить уже эпизодический характер и не были столь массовыми, как прежде.

Положительный опыт гуманитарного взаимодействия между двумя странами с их общей исторической и социокультурной памятью, уходящей в советские времена, можно также проследить на примере сотрудничества неординарных по своему масштабу личностей и других двух друзей — уже упомянутого ранее пакистанского поэта Фаиза Ахмад Фаиза и советско-российско-киргизского прозаика и дипломата Чингиза Торекуловича Айтматова (1928–2008), чья насыщенная литературная и общественная деятельность способствовала расширению межгосударственных отношений в сфере культуры, науки и общественных связей, подготовила почву к наблюдаемому на современном этапе сближению народов на обширном евразийском пространстве. Помимо литературного творчества, их связывали и самые дружеские, теплые человеческие отношения. Все это способствовало налаживанию межкультурного диалога по линии народной дипломатии и формированию общей исторической памяти дружественных народов. Активное участие всемирно известных мастеров пера в Движении прогрессивных писателей стран Азии и Африки, созданном в 1958 г. на съезде афро-азиатских писателей в Ташкенте, позволило постепенно выйти на уровень международного культурного взаимодействия, развития единого межкультурного пространства [Серенко, 2022, с. 174–180]. И здесь нельзя не вспомнить о совместном проекте посольства ИРП в РФ и Института востоковедения РАН, связанном с публикацией уникального сборника произведений Фаиза Ахмад Фаиза, приуроченного к 75-летию создания Пакистана. Он был составлен всемирно признанным востоковедом-литературоведом, ведущим научным сотрудником ИВ РАН Людмилой Александровной Васильевой, которая лично знала прославленного пакистанского поэта и общественного деятеля, будучи его переводчиком во время его неоднократных визитов в Советский Союз. Презентация книги стихов пакистанского поэта состоялась 22 июня 2022 г. в Восточном

культурном центре ИВ РАН⁵. Выступая на этом совместном торжественном мероприятии, посол ИРП в РФ Шафкат Али Хан вновь справедливо подчеркнул, что российско-пакистанское сближение на современном этапе «в немалой мере было заложено «культурным послом» Пакистана в Москве Фаизом Ахмадом Фаизом и его проникновенной поэзией» [Фаиз, 2021, с. 7].

Для дальнейшего укрепления российско-пакистанских межгосударственных отношений целесообразно, как представляется, активизировать академические, научные, образовательные, просветительские, культурные, спортивные, туристические обмены, а также совместные проекты с опорой на достижения новых информационных технологий, имеющиеся богатые ресурсы человеческого капитала и публичной дипломатии. Это позволит преодолеть негативные представления и предубеждения прошлого и продвинуть на новый уровень многоплановое сотрудничество и доверие между двумя странами через расширяющиеся контакты между людьми, их растущее взаимопонимание благодаря изучению истории, культуры, стиля жизни друг друга, налаживанию научно-культурного диалога.

Важность такой публичной дипломатии для развития дружественных отношений между странами через налаживание прямых человеческих контактов, экспорт российского образования была подчеркнута и на 8-м заседании Российско-Пакистанской межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которое состоялось 18–20 января 2023 г. в пакистанской столице Исламабаде. Стороны достигли договоренности о дальнейшем расширении совместных научных и образовательных проектов по вопросам изменения климата, развития высшего образования в постковидный период, дистанционного онлайн-обучения, академических обменов студентами и преподавателями, а также присоединения Пакистана к Сетевому Университету ШОС⁶. Как следствие принятых двусторонних решений, сотрудничество в сфере науки и образования заметно активизировалось в последнее время. Достаточно сказать, что при активном содействии российского посла в Пакистане Даниила Викторовича Ганича 21 августа 2023 г. в Исламабаде состоялось важное событие — торжественное открытие первого Центра открытого образования Министерства образования и науки РФ. Выступая на этом мероприятии, он назвал его «началом долгого пути к тесному партнерству и взаимодействию в области образования между Россией и Пакистаном»⁷. Российский Центр создан в рамках сотрудничества Открытого университета имени Аллама Икбала, который входит в пятерку крупнейших учебных заведений мира, и Уральского государственного педагогического университета. Центр специализируется на преподавании в смешанном формате (онлайн и офлайн) русского языка как иностранного (РКИ), чтении просветительских лекций, посвященных культуре и традициям России, проведении мастер-классов и панельных дискуссий с участием Уральского госпедуниверситета.

Кроме того, стоит отметить, что в Сектор Пакистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН за экспертной оценкой потенциала различных пакистанских университетов в научно-образовательной сфере и их рейтинговых показателей обратилась проректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) по международному сотрудничеству профессор В. З. Заботкина, имеющая большой опыт ведения проектов ООН (ЮНИСЕФ и ЮНЕСКО) по межкультурному диалогу и социальному взаимодействию (в основном со странами Запада). Теперь вектор образовательного сотрудничества разворачивается на Восток и, в частности, на Пакистан для налаживания взаимодействия с пакистанскими учебными заведениями. На состоявшейся в марте 2023 г. встрече

⁵ Презентация сборника переводов Фаиза. URL: <http://parepmoscow.com/ru/media/news/prezentaciya-sbornika-perevodov-faiza/> (дата обращения: 31.10.2023).

⁶ Россия и Пакистан укрепляют сотрудничество в сфере высшего образования и науки. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/63288/> (дата обращения: 31.10.2023).

⁷ On the inauguration of the first Russian Open Education Center in Pakistan. URL: https://pakistan.mid.ru/en/news/on_the_inauguration_of_the_first_russian_open_education_center_in_pakistan/ (дата обращения: 31.10.2023).

с руководством РГГУ посол Пакистана в РФ Шафкат Али Хан с сожалением констатировал, что в российских вузах обучаются только 250 пакистанских студентов, и это крайне незначительное число. Он выразил надежду на сотрудничество между Пакистаном и Россией в области высшего образования, отметив, что наука способствует объединению людей из разных государств и укреплению международных отношений. В свою очередь ректор РГГУ профессор А. Б. Безбородов подчеркнул, что у российского университета есть необходимые ресурсы для взаимодействия с университетами Пакистана⁸.

При этом стоит сказать, что Российский университет дружбы народов уже подписал Меморандум о взаимопонимании с пакистанской стороной при активном участии в этом своего бывшего выпускника и аспиранта Института востоковедения, кандидата исторических наук господина Шахида Хасана. В настоящее время он является членом управленческого совета пакистанского бизнес-центра экономического форума «Золотое кольцо» (GREF) и руководителем его российского отделения. С участием руководства данного аналитического центра 7 декабря 2022 г. в Центре Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН состоялся круглый стол, посвященный состоянию российско-пакистанских отношений в новых реалиях глобальной трансформации миропорядка. В ходе встречи стороны обсудили возможности дальнейшего развития межгосударственного сотрудничества в условиях смещения вектора экономической активности в Азию с упором на интенсификацию взаимодействия деловых кругов России и Пакистана, расширения двусторонних научных и образовательных контактов на долгосрочной основе⁹. Результаты этой встречи были доведены пакистанской стороной до соответствующих правительственных органов и способствовали подготовке состоявшегося в январе 2023 г. официального визита министра иностранных дел Пакистана Билавала Бхутто-Зардари в Москву, о чем председатель GREF генерал-лейтенант Сикандер Афзал уведомил Институт востоковедения РАН.

Таким образом, как показал проведенный анализ эволюции взаимодействия народной и официальной дипломатии России (главной правопреемницы СССР) и Пакистана, двусторонние отношения, несмотря на все имевшиеся проблемы и вызовы, фактически не прерывались благодаря налаживанию научно-культурного диалога между народами двух стран. Поддержание взаимных контактов даже в периоды осложнения межгосударственных отношений по каналам публичной дипломатии общественными и научными кругами двух стран, включая ученых из Института востоковедения АН СССР/РАН, способствовали налаживанию и укреплению межгосударственного взаимодействия по линии официальной дипломатии, постепенному выходу двух дружественных государств, отметивших в 2023 г. 75-летний юбилей установления дипломатических отношений, на уровень конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества в современных условиях региональной интеграции и формирования полицентричного мира.

Литература / References

Белокреницкий В. Я. Основные вехи и этапы развития российско-пакистанских отношений. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 175–186 [Belokrenitsky V. Y. Main Milestones and Stages in the Development of Russia-Pakistan Relations. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. № 1. Pp. 175–186 (in Russian)].

Васильева Л. А. *Фауз Ахмад Фауз. Жизнь и творчество*. М., 2002 [Vasilyeva L. A. *Faiz Ahmad Faiz. Life and Creative Work*. Moscow, 2002 (in Russian)].

⁸ Российский государственный гуманитарный университет. URL: <https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=902658> (дата обращения: 31.10.2023).

⁹ Новости ИВ РАН. URL: <https://bsv.ivran.ru/novosti?artid=211437> (дата обращения: 28.10.2023).

Икбал В. Пакистано-российские отношения. *Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. Памяти Ю. В. Ганковского*. М., 2004. С. 87–97 [Iqbal W. Pakistan-Russia Relations. *Pakistan, Countries of South Asia and Middle East. To the Memory of Y. V. Gankovsky*. Moscow, 2004. Pp. 87–97 (in Russian)].

Мелехина Н. В. Россия и Пакистан: общие интересы и потенциал двусторонних отношений. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы*. М., 2018. С. 19–29 [Melekhina N. V. Russia and Pakistan: Common Interests and Perspectives of Bilateral Relations. *Works of the Institute of Oriental Studies. Issue 8: Pakistan: History and Current Problems*. Moscow, 2018. Pp. 19–29 (in Russian)].

Серенко И. Н. О вкладе Ю. В. Ганковского в отечественное и мировое пакистановедение (к 100-летию со дня рождения). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 2. С. 224–233 [Serenko I. N. On Yu. V. Gankovsky's Contribution to the National and World Pakistani Studies (To the 100th Anniversary). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2021. No. 2. Pp. 224–233 (in Russian)].

Серенко И. Н. Международная научная конференция «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3. С. 132–149 [Serenko I. N. International Scientific Conference “Islamic Republic of Pakistan: Problems and Prospects of Development (to the 75th Anniversary of Independence)”. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. No. 1. Pp. 132–149 (in Russian)].

Серенко И. Н. Россия — Пакистан — Кыргызстан: общая социокультурная память в контексте евразийской интеграции. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3. С. 174–180 [Serenko I. N. Russia — Pakistan — Kyrgyzstan: Shared Sociocultural Memory in Eurasian Integration Context. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. No. 3. Pp. 174–180 (in Russian)].

Халиуллин Ю. Н. *Лауреат Нобелевской премии Абдус Салам*. М., 2008. [Khaliullin Yu. N. *Nobel Prize Laureate Abdus Salam*. Kazan, 2008 (in Russian)].

Халиуллин Ю. Н. *Выдающиеся мусульманские ученые XX века*. М., 2017 [Khaliullin Yu. N. *Outstanding Muslim Scholars of the XX Century*. М., 2017 (in Russian)].

Шаехов Л. М. *Ученый-дипломат Юлдуз Халиуллин: биографический очерк*. Казань, 2022 [Shaekhov L. M. *Scholar-Diplomat Yulduz Khaliullin: Biographical Sketch*. Kazan, 2022 (in Russian)].

Anwaar-ul-Haq Kakar. Senator, later Caretaker Prime Minister, Pakistan. Address to the International Conference on 75 Years of Pakistan-Russia Diplomatic Relations Hosted by the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences in Moscow on 22–23 May 2023. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 160–161 [Anwaar-ul-Haq Kakar. Senator, later Caretaker Prime Minister, Pakistan. Address to the International Conference on 75 Years of Pakistan-Russia Diplomatic Relations Hosted by the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences in Moscow on 22–23 May 2023. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 160–161 (in English)].

Iqbal W. Nature and Values of M. Iqbal's Ideal Society. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы*. М., 2018. С. 364–373 [Iqbal W. Nature and Values of M. Iqbal's Ideal Society. *Works of the Institute of Oriental Studies. Issue 8: Pakistan: History and Current Problems*. Moscow, 2018. Pp. 364–373 (in English)].

Iqbal W. Senator, Chairman of the Senate Standing Committee on Human Rights (Pakistan). Address to the International Conference at the 75th Anniversary of Pakistan's Independence. 26th September 2022. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3. С. 150–152 [Iqbal W. Senator, Chairman of the Senate Standing Committee on Human Rights (Pakistan). Address to the International Conference at the 75th Anniversary of Pakistan's Independence. 26th September 2022. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. 150–152 (in English)].

Iqbal W. Senator, Chairman of the Senate Standing Committee on Human Rights, Pakistan. Address to the Two Days International Conference on the Occasion of the 75th Anniversary of Diplomatic Relations between USSR/Russia and Pakistan. 22–23th May 2023. Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences, Moscow. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 163–165 [Iqbal W. Senator, Chairman of the Senate Standing Committee on Human Rights, Pakistan. Address to the Two Days International Conference on the Occasion of the 75th Anniversary of Diplomatic Relations between USSR/Russia and Pakistan. 22–23th May 2023. Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences, Moscow. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 163–165 (in English)].

Javed R. A. Overview of 70 Years of Relationship between Russia and Pakistan. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы*. М., 2018. С. 54–68 [Javed R. A. Overview of 70 Years of Relationship between Russia and Pakistan. *Works of the Institute of Oriental Studies. Issue 8: Pakistan: History and Current Problems*. Moscow, 2018. Pp. 54–68 (in English)].

Kamran S. Pakistan-Russia Relations: An Overview. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы*. М., 2018. С. 32–54 [Kamran S. Pakistan-Russia Relations: An Overview. *Works of the Institute of Oriental Studies. Issue 8: Pakistan: History and Current Problems*. Moscow, 2018. Pp. 32–54 (in English)].

Malik, H. *Pakistan's Troubled Relations with the Soviet Union//Domestic Determinants of Soviet Foreign policy towards South Asia and the Middle East*. L., 1990.

Russian-American Relations: Islamic and Turkic Dimensions in the Volga-Ural Basin. Ed. Hafeez Malik. New York, 2000.

Serenko I. N. Muhammad Iqbal's Legacy in Russia-Pakistan Socio-Cultural Relations. *MUSLIM PERSPECTIVES*. Volume IV, Issue 1. Islamabad, 2019. Pp. 79–87.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Б. Бхутто-Зардари по итогам переговоров, Москва, 30 января 2023 года — Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1851133/ (дата обращения: 12.10.2023).

Новости ИВ РАН. URL: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=3923> (дата обращения: 27.10.2023).

Новости ИВ РАН. URL: <https://bsv.ivran.ru/novosti?artid=211437> (дата обращения: 28.10.2023).

Презентация сборника переводов Фаиза. URL: <http://parepmoscow.com/ru/media/news/prezentaciya-sbornika-perevodov-faiza/> (дата обращения: 31.10.2023).

Российский государственный гуманитарный университет. URL: <https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=902658> (дата обращения: 31.10.2023).

Россия и Пакистан укрепляют сотрудничество в сфере высшего образования и науки. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/63288/> (дата обращения: 31.10.2023).

P. M. Kakar, Russian President Putin review defence, trade ties during meeting in Beijing — World — DAWN.COM. URL: <https://www.dawn.com/news/1781568> (дата обращения: 31.10.2023).

On the inauguration of the first Russian Open Education Center in Pakistan. URL: https://pakistan.mid.ru/en/news/on_the_inauguration_of_the_first_russian_open_education_center_in_pakistan/ (дата обращения: 31.10.2023).

КУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Л. А. Васильева¹

В статье рассматриваются российско-пакистанские контакты в области культуры. Они не прерывались практически со времени возникновения Исламской Республики Пакистан, несмотря на непростые отношения между обеими странами в политике. Культурные контакты между нашими странами постепенно расширялись в основном в таких областях, как литература, изобразительное искусство, образование, СМИ. Основным языком «культурного диалога» с народом Пакистана стала литература, во многом подготовившая российскую аудиторию к восприятию своего *vis-a-vis*. В России наиболее известна литература на национальном языке Пакистана урду. Именно переводы произведений пакистанских авторов на русский язык, а также работы отечественных исследователей (по литературе, культуре, философии, истории, религиям стран Южной Азии) явились главным источником информации о культурных и духовных ценностях народа Пакистана. Контакты в сфере искусства и образования дополняют значимость литературных связей. В настоящее время российско-пакистанские отношения вступили в стадию динамичного развития с позитивными перспективами. Однако теперь оживление двустороннего сотрудничества происходит прежде всего в таких областях, как политика и экономика. Контакты в области культуры стали более пассивными. Активизацию процесса сближения народов наших стран российские востоковеды могут рассматривать как одну из своих актуальных задач.

Ключевые слова: российско-пакистанские отношения, политика, культурные контакты, средства массовой информации, литература, искусство, урду, актуальные задачи

Для цитирования: Васильева Л. А. Культурный фактор в развитии российско-пакистанских отношений. Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 1. С. 233–245. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-233-245

CULTURAL FACTOR IN DEVELOPMENT OF RUSSIA-PAKISTAN RELATIONS

Ludmila A. Vasilyeva

The article examines the culture field of Russia-Pakistan contacts. They have developed uninterruptedly since the emergence of the Islamic Republic of Pakistan, despite the quite complicated political relations between both countries. Our cultural contacts have gradually expanded mainly in such fields as literature, fine arts, education and media. Literature became the major “language of cultural dialogue” with the people of Pakistan. It prepared the Russian audience for the perception of their *vis-à-vis*. The Russian readers know primarily their literature in the national language of Pakistan, Urdu. There are the translations of fiction and poetry by Pakistani authors into Russian, as well as the works of Russian scholars (on literature, culture, philosophy, history, and religions of the countries of South Asia) that have been the main sources of information about the cultural and spiritual values

¹ Васильева Людмила Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ludvas@yahoo.com

Ludmila A. Vasilyeva, PhD (Literature), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow; ludvas@yahoo.com; ludvas55@bk.ru
ORCID: 0000-0002-2466-3832

of the people of Pakistan. Contacts in the fields of art and education supplement the importance of literary contacts. Currently, Russia-Pakistan relations have entered a stage of dynamic development with positive prospects. However, the bilateral cooperation is taking place primarily in such areas as politics, economics, etc. Contacts in the fields of culture seem to be quite passive. Russian specialists in South Asia can consider the intensification of mutual cultural contacts as one of their urgent goals.

Keywords: Russian-Pakistani relations, policy, cultural contacts, literature, art, Urdu language, main targets

For citation: Vasilyeva L. A. Cultural factor in the development of Russia-Pakistan relations. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 233–245. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-233-245

С первых лет существования Исламской Республики Пакистан отношения России (тогда — СССР) с новой страной складывались весьма сложно. В биполярном мире второй половины XX в. Пакистан оказался в сфере влияния Запада, что естественным образом противопоставило новообразованную исламскую республику странам социалистического лагеря и их союзникам в политической сфере.

Российско-пакистанские взаимоотношения за все время своего существования пережили немало взлетов и падений. Однако, несмотря на резкое обострение отношений в области политики в определенные периоды, так или иначе проявлялось обоюдное желание сторон налаживать контакты. Это можно считать свидетельством потенциальной доброжелательности обоих государств по отношению друг к другу. Наиболее благоприятной сферой для ее проявления служила сфера культуры в широком смысле этого понятия. Важно помнить, что культура — та область, которая отражает и представляет свою страну. На протяжении почти семидесяти пяти лет, включая периоды наиболее острых осложнений в международной обстановке, когда Россия (а ранее — СССР) и Пакистан находились «по разные стороны баррикад», наши контакты в области культуры не прерывались. Такие контакты ведут к диалогу стран даже с разными традиционными культурами, способствуют созданию атмосферы взаимного интереса и взаимопонимания между их народами, что касается и нашего случая.

Конечно, привлечь внимание широких кругов населения к духовному миру народа с иными культурными традициями нелегко. Тем не менее связи между нашими странами продолжали существовать и даже развиваться и после того, как с приходом к власти Зия-уль-Хака в 1978 г. закончился «период потепления» в советско-пакистанских отношениях. Благоприятный период продолжался, пока у власти находился Зульфикар Али Бхутто (1971–1977), но в связи с военным переворотом в Пакистане, афганскими событиями и всесторонней поддержкой Советским Союзом регионального соперника Пакистана — Индии «охлажденные» отношения намного и надолго ухудшились. В наши дни ситуация начала заметно меняться к лучшему.

75 лет — немалый срок в истории развития российско-пакистанских отношений, который позволяет подвести некоторые итоги нашего общения в упомянутых областях на основе нескольких конкретных примеров, вписанных в летопись российско-пакистанских культурных связей. Информационная составляющая этих примеров также представляется немаловажной, тем более что число публикаций, касающихся непосредственно российско-пакистанских контактов в области гуманитарной сферы, совсем немного.

Забывтый эпизод

Политическая обстановка в мире и сложные межгосударственные отношения с Пакистаном во многом тормозили процесс сближения народов наших стран. Как правило, немногочисленные

мероприятия в рамках «российско-пакистанской дружбы» и редкие визиты пакистанских гостей проходили довольно неприметно с точки зрения их освещения в средствах массовой информации. С пакистанской стороны также проявлялась настороженность к визитам в СССР своих граждан, даже имеющих высокий общественный статус. В этой связи можно вспомнить один весьма наглядный пример.

В ноябре 1989 г. по приглашению ССОД² советскую страну посетил Хаким Мухаммад Саид³. Во время визита почетному гостю была вручена награда им. Авиценны за вклад в развитие медицины и здравоохранения. Хаким-сахиб, как к нему обращались в Пакистане, был уникальной в своем роде личностью. У себя в стране он пользовался большим авторитетом в высших кругах власти — как светской, так и религиозной, и поистине всенародной любовью. Особенно популярен был Хаким-сахиб среди малоимущих и самых бедных слоев населения, которым оказывали безвозмездную медицинскую и социальную помощь сам доктор и его ассистенты, а также его организация «Хамдард».

В Пакистане ни самому визиту, ни весьма почетной советской награде, впервые присужденной гражданину Пакистана, не было уделено достойного внимания. По-видимому, распространение информации о визите М. Саида в СССР на его родине не приветствовалось властями. Показательно, что на вручении премии им. Авиценны М. Саиду предполагалось присутствие специального корреспондента газеты «Джанг», которого заранее уведомили о времени и месте события. (Кажется, в то время он был единственным пакистанским журналистом, аккредитованным в Москве). Но на церемонию вручения награды он не явился. Со свойственной ему иронией Хаким-сахиб заметил: «Представитель “Джанга”, как мне сказали, занимается в Москве прежде всего своими личными делами. По-видимому, дела “Джанга” для него — вторичные!» [Саид, 1989, с. 331]. Но вряд ли причина была только в личных делах спецкора...

Однако и в СССР этот визит не получил должного освещения — вероятно, потому, что в те годы для советского руководства наиболее важными считались вопросы политического и экономического характера; сферы культуры и науки оказались на периферии. Не удивительно, что визит гостя ССОД — «специалиста по восточной медицине» — не вызвал особого интереса у партийных лидеров, а тогда лишь они могли дать «зеленый свет» для той или иной информации. Скромная новость о вручении премии им. Авиценны пакистанскому гостю промелькнула в нескольких газетах, радио- и теленовостях. Правда, сюжет о награждении пакистанского гостя был подготовлен сотрудниками вещания на урду «Московского радио», благодаря чему радиослушатели в городах Пакистана могли в первую очередь узнать о событии в подробностях. А ведь более широкое освещение такого визита в советской прессе, возможные радио- и телеинтервью М. Саида, рассказы журналистов о нем и его деятельности на ниве здравоохранения и образования, да и сама незаурядная личность пакистанского гостя могли бы многое рассказать огромной советской аудитории о пакистанцах и их стране. (Нельзя забывать, что в то время еще отсутствовали возможности электронной сети, выступающей сегодня основным средством массовой информации).

И все же визит М. Саида оставил зримый след в истории отношений наших стран: вскоре после возвращения Хакима-сахиба на родину в Пакистане были опубликованы его путевые заметки «По России» (*Darūn-e rūṣ*) [Саид, 1989]. В книге объемом в 360 стр., изданной в красочной твердой обложке и иллюстрированной многими фотографиями, автор с большой теплотой вспоминает

² Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами.

³ Хаким Мухаммад Саид (Hakim Muhammad Said, 1920–1998) — один из крупнейших современных исследователей в области восточной медицины, известный филантроп, автор около 200 научных публикаций, а также путевых очерков и рассказов для детей, основатель благотворительной и образовательной организации «Фонд Хамдард» (*Hamdard Foundation*) и Университета Хамдард (*Hamdard University*). Занимал пост губернатора Синда (1993–1994). Подробнее о М. Саиде см.: [Syed Zillur Rahman, 1999; Mughul, 2009].

свое двухнедельное путешествие по стране Советов, рассказывает соотечественникам о гостеприимстве, которым он был постоянно окружен, о встречах с российскими мусульманами и посещениях мечетей в Узбекистане и Азербайджане, повествует о бережно охраняемых государством исторических памятниках, о бесценных коллекциях восточных рукописей в советских книгохранилищах и о многом другом⁴.

По всей вероятности, основными читателями заметок о России стали друзья и поклонники Хакима-сахиба. И вряд ли на них не произвели должного впечатления написанные от души строки, между которыми явно просматривалась лояльность автора по отношению к советской стране и симпатии к принимавшим его людям. По всей вероятности, многие из этих читателей ранее имели весьма смутное представление о российской действительности, которое складывалось, как правило, на основе отрицательной информации, поступавшей с Запада. Конечно, среди них было немало оппозиционно настроенных по отношению ко всему, что связано с коммунистическими идеями и лагерем социализма. Но вполне возможно, что впечатления Хакима-сахиба и новые сведения о России заставили многих по-иному взглянуть на «безбожную страну», в которой, оказывается, осталось место для религии, а верующие открыто молятся в храмах и мечетях... Но сколько было таких читателей среди малограмотных или вовсе безграмотных миллионов пакистанцев? И все же книгу М. Саида «По России» можно назвать одним из первых успешных шагов на пути к диалогу между пакистанцами и нашими соотечественниками.

По этому эпизоду из истории российско-пакистанских отношений можно судить, с каким трудом пробивались сквозь многочисленные препоны ростки добрососедства и взаимопонимания между обеими странами.

«Говорит Москва»

На протяжении долгих десятилетий вещание на урду Московского радио⁵ оставалось важнейшим инструментом «мягкой силы», надежном «мостиком», связующим обе страны. Увы, он более не существует. На протяжении долгих десятилетий *Yeh redio masco hei* («Говорит Москва») — эти слова на урду, звучащие в эфире ежедневно по нескольку раз, приковывали внимание огромной аудитории радиослушателей в Пакистане. Среди них были прежде всего жители небольших пакистанских городов и деревень, где в большинстве домов еще не было телевизоров, да и радиоприемники были не у всех, поэтому передачи часто слушались коллективно. В материалах «официальной» части — новостях и политических комментариях — советская точка зрения на события в мире противопоставлялась западным пропагандистским материалам. А затем начинались познавательные программы о культуре народов СССР, об их искусстве, музыке и национальных традициях. В радиостудии урду перед микрофоном выступали пакистанские гости и делились со своими соотечественниками впечатлениями о Москве, о России. Специальные репортажи рассказывали радиослушателям о значительных событиях в жизни Москвы. «Изюминкой» были литературные передачи, в которых слушателей знакомили с лучшими произведениями русской и советской классики. Они нередко инсценировались, и этот «театр у микрофона» пользовался большим успехом у слушателей, не отпускал их от радиоприемников. Обладатели магнитофонов записывали эти передачи на пленку. Из Пакистана шел поток писем с хвалебными отзывами и просьбами повторить ту или иную передачу. На письма

⁴ С некоторыми рассуждениями М. Саида и точкой зрения автора на отдельные вопросы истории и политики согласиться трудно, но эта тема касается уже непосредственно книги и выходит за рамки статьи.

⁵ Радиовещание на языке урду из России началось в 1942 г. — еще до раздела Индии и образования Пакистана и было окончательно закрыто в 2016 г.

радиослушателей сотрудники редакции едва успевали отвечать — письменно или в эфире. При этом к авторам писем обращались по именам, что было для них лестно и вызывало особую заинтересованность в прослушивании передач из Москвы. Такие радиопередачи создавали у слушателей ощущение близости со страной, «голос» которой они слышали ежедневно. В Пакистане в различных городах существовали Клубы друзей Московского радио. Они объединяли десятки людей, собиравшихся вместе, чтобы послушать и обсудить очередную передачу. Во многих пакистанских провинциях, где были организованы такие клубы, совместное прослушивание передач «Московского радио» превратилось в легкодоступный и желанный вид коллективного досуга. К сожалению, эта замечательная традиция вместе с самим «Московским радио» канула в Лету. Можно с уверенностью сказать, что многие из поколения пакистанцев 60х — 90-х годов благодаря передачам на урду из Москвы были намного лучше осведомлены о нашей стране, чем нынешнее поколение.

Вещание на урду «Московского радио» заменили несколько сайтов на урду в Интернете, но об их посещаемости и популярности пока мало известно. Многие российские журналисты выразили глубокое сожаление по поводу закрытия радиовещания на иностранных языках⁶.

В настоящее время в Москве проживает несколько пакистанских журналистов. Среди них нельзя не упомянуть Иштияака Хамдани, который с 2015 г. аккредитован в МИДе РФ, сотрудничает с пакистанской и британской прессой и, как сказано в одной из интернетных справок, «представляет позитивный имидж России». Кстати, журналист получил высшее образование в России; с ним знакомы многие наши пакистановеды. Он старается не пропускать мероприятия, так или иначе связанные с Пакистаном, и дает подробную информацию о них. Встречаясь с самой разной аудиторией, пакистанские журналисты, работающие в России, стали «звеном народной дипломатии», значение которой для расширения сферы взаимопонимания чрезвычайно важно.

Литературная область

Наиболее широкой и репрезентативной сферой культурного общения всегда оставалась литература. Общеизвестно, что литература наиболее полно и выразительно аккумулирует и отражает духовные устремления народа той или иной страны. При культурном обмене возникают проблемы передачи информации особого рода, связанной с духовными ценностями, для восприятия которой необходим язык общения и определенная подготовленность аудитории. Не будет преувеличением утверждать, что долгое время основным языком общения, языком диалога с народом Пакистана, оставалась литература на национальном языке Пакистана урду, прежде всего переводы ее на русский язык⁷. Благодаря этим переводам отечественные читатели знакомились с произведениями многих самых известных пакистанских прозаиков и поэтов. Все переводимые произведения снабжались краткой справкой об авторе, а все книги — предисловием, в котором, как правило, довольно подробно говорилось об авторе и содержался краткий анализ его творчества. Таким образом, с каждой новой публикацией знакомство с пакистанскими прозаиками и поэтами, а через их произведения — с их страной постепенно расширялось. Люди, живущие в Пакистане, становились понятнее и ближе, обнаруживались многие общие культурные и духовные ценности, сближающие их с жителями Исламской республики.

⁶ Даниил Туровский. Теперь их слышат только небеса. URL: Wayback Machine, архив, 14.03.2016 // Lenta.ru, 18.12.2013 (дата обращения: 29.08.2023).

⁷ Как исключение следует упомянуть небольшой сборник «Браслеты» [Браслеты, 1967], в который вошли переводы новелл с языка пушту. Обстоятельное предисловие Г. Ф. Гирса вводило читателей в мир языка пушту и литературы на нем. Авторы вошедших в сборник рассказов — Амир Хамза Шинвари, Мастер Абдулкарим, Сеид Рахат Захейли, Аджмаль Хаттак, Сеид Мир Махди Шах Махди, Вали Мухаммад Туфан, Самандар-хан Самандар, Хафиз Мухаммад Идрис, Акмаль Асад Абади, Каландар Моманд.

Это в особой степени касалось мусульманской части населения СССР. Неудивительно, что в восточных союзных республиках пакистанская литература пользовалась особой популярностью. В короткие сроки произведения, выходявшие на русском языке, переводились на узбекский, таджикский, казахский и другие языки советских республик и, как правило, становились бестселлерами. При активной миграции населения восточных республик за их пределы в российские города вместе с иммигрантами «прибывал» и распространялся образ Пакистана, созданный в воображении наших мусульманских соотечественников на основе прочитанных книг.

Проза

В 70–80-е годы прошлого века переводы с урду рассказов и повестей время от времени печатались в российских литературных журналах и сборниках, издавались отдельными книгами. Правда, этих публикаций было немного. Ахмад Надим Касми был первым пакистанским прозаиком, представленным нашим читателям отдельной книжкой рассказов [Касми, 1957]. Через несколько лет российские читатели встретились в новом томе уже с целой плеядой пакистанских авторов [Рассказы, 1965]. В этот 294-страничный том вошли рассказы десяти авторов в переводах В. Быковой и А. Сухочева⁸. Этот сборник необычен тем, что его составителями выступили два лауреата Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»: советский писатель, поэт и публицист Н. Тихонов (1896–1979) и выдающийся пакистанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз (1911–1984). Это был первый пример плодотворного российско-пакистанского сотрудничества в области литературы.

Следующий сборник содержал рассказы Мирзы Адиба (1914–1999) — одного из известнейших прозаиков и драматургов Пакистана [Адиб, 1967]. С образцом крупного жанра познакомил наших соотечественников роман Шауката Сиддики (1923–2006) «Божий поселок» в переводе Р. Каюмовой [Сиддики, 1965], названный «выдающимся произведением критического реализма в литературе урду» [Глебов, Сухочев, 1967, с. 191].

Все пакистанские произведения приветствовались в советском литературном пространстве. Ведь их авторами были убежденные *тараккипасанд* — «прогрессивисты», участники или сторонники Движения прогрессивных писателей⁹. Поэтому при выборе авторов произведений, предназначенных для перевода на русский язык, особых трудностей с идеологической точки зрения не было, и ориентиром служили в основном их оценка критиками и их популярность у себя на родине. Писатели-прогрессивисты знали и одобряли принципы социалистического реализма и старались следовать им. Это выражалось прежде всего в выборе тем и в подходе к ним. В своих сочинениях они поднимали важные социальные проблемы, ярко описывали жизнь «маленьких людей», добывающих хлеб собственным, часто весьма нелегким трудом, критиковали устои эксплуататорского общества — в общем, как принято было писать о них, «высоко несли знамя гуманистических идеалов и революционных традиций». Именно эти идеалы, воплощенные в яркие литературные образы, привлекали как переводчиков, так и читателей.

Шестидесятые — семидесятые годы остаются наиболее плодотворной (по числу публикаций) и результативной (по популярности у читателей) областью переводов пакистанской прозы на русский язык.

⁸ Авторы рассказов сборника — Гулям Аббас, Хамид Ахтар, Ахмад Надим Касми, Саадат Хасан Манто, Хаджра Масрур, Патрас, Абул Фазл Сиддики, Шаукат Сиддики, Кудратулла Шахаб, А. Хамид.

⁹ Движение прогрессивных писателей Пакистана (до раскола — Индии) — крупнейшее литературное движение XX в., лидировавшее вплоть до 70-х годов, когда прогрессивизм резко пошел на спад, а в силу вошли модернистские течения. К прогрессивистам относилось абсолютное большинство прозаиков и поэтов Пакистана.

Поэзия

С богатейшей поэзией Пакистана, которая продолжила общие традиции поэзии урду, ведущие начало от Амира Хосрова (1253–1325), российский читатель начал знакомиться с самого начала шестидесятых годов. Поэзия урду наложила определенный отпечаток на образ мышления, психологию и мировосприятие пакистанцев, органически вплелась в сложный орнамент культуры этой страны. Поэтому поэзия занимает особое место не только в литературном пространстве, но и в обыденной жизни пакистанцев.

Мухаммад Икбал (1887–1938) и Фаиз Ахмад Фаиз (1911–1984) — самые известные у нас пакистанские поэты. Оба вошли в плеяду поэтов, художественное наследие которых стало достоянием не только национальной, но и мировой литературы. Безусловно, даже между лучшим переводом стиха и оригиналом существует непреодолимая стена, за которой остается основная часть поэтической магии. Но все же русские переводы дают возможность понять и воссоздать в образах своей культуры поэтический мир пакистанских мастеров слова, их мировосприятие и русскую версию их интонаций. Причина кроется в том, что мысли, надежды и духовные поиски пакистанских поэтов (как и их собратьев — прозаиков), трансформированные в общечеловеческие ценности, созвучны устремлениям их переводчиков на русский язык и в такой же мере близки и понятны читателям.

В России среди любителей поэзии немало поклонников этого вида восточного творчества. После знакомства с Икбалом и Фаизом они узнали немало имен и других пакистанских поэтов, которые стали известны из публикаций переводов в различных сборниках и литературных журналах. Как всегда, эти переводы печатались в сопровождении кратких сообщений, заметок или эссе об авторах. Сегодня российские почитатели восточного стиха знают имена Ифтихара Ариффа, Джоша, Каюма Назара, Кишвар Нахид, Фахмиды Рияз, Хамзы Шинвари.

В свою очередь через литературные переводы русской классики и современной литературы на языки английский и урду¹⁰ пакистанские читатели, знакомясь с жизнью и традициями нашего народа, также вовлекаются в орбиту знакомства с нами, хотя это происходит в гораздо меньшей степени.

В Пакистане знают и ценят труды наших востоковедов — людей, влюбленных в предмет своего исследования: историю, философию, языки, литературу и культуру изучаемой страны. Это касается в основном работ, переведенных на английский язык и на урду. Среди них первенство принадлежит работам сотрудников ИВ РАН. Можно назвать уникальным тот факт, что трое из них стали кавалерами ордена «Ситара-е имтияз» («Звезда отличия»)¹¹. Эта одна из самых высоких наград Пакистана присуждена им за вклад в изучение литературы урду и особой культуры, связанной с этим языком. В последнее время отечественные филологи расширили поле своего научного интереса и чаще занимаются вопросами на стыке литературы и культуры, социологии и политологии.

Икбал и Фаиз — знаковые фигуры в истории наших культурных контактов

Фигура Мухаммада Икбала — поэта, политика, общественного деятеля Британской Индии, но, пожалуй, прежде всего — философа и мыслителя, ставшего провозвестником создания Пакистана, занимает весьма солидную нишу в отечественном востоковедении. Икбал носит титул «Поэт Востока», его считают «духовным отцом Пакистана», к его имени прибавляют исламский титул

¹⁰ По всей вероятности, в новом тысячелетии уже существуют опыты переводов русской литературы также на языки, имеющие свою литературную традицию (прежде всего синдхи и пенджаби), но сведения о таких переводах пока не встречались.

¹¹ Орденом «Ситара-е имтияз» награждены Л. А. Васильева (2006), А. А. Суворова (2009), Н. И. Пригарина (2009).

Аллама — почетное звание, которое носят выдающиеся мусульманские ученые исламского *фикха* (юриспруденции) и философии.

Первые работы об Икбале вместе с переводами его стихов на русский язык появились у нас в начале 60-х гг. XX в., и с тех пор обращение к его творческому наследию продолжается непрерывно. Работы Н. П. Анিকেева, А. Д. Литмана, Л. Р. Полонской, М. Т. Степанянц и других знакомят наших соотечественников с социально-политическими, религиозными и философскими взглядами М. Икбала. Но пальма первенства в отечественном икбаловедении принадлежит филологам, и прежде всего Н. И. Пригариной, получившей мировое признание в области исследования поэтического творчества Поэта Востока. Именно в поэзии М. Икбала отражены его философские концепции, политические и социальные взгляды, морально-этические установки. Переводы произведений Икбала открывают русскому читателю художественный мир Икбала, поэтически воплотивший мечту об идеальной личности, о справедливом социальном устройстве общества, мечту, вместившую все боли и надежды его времени, актуальные и сегодня. Икбал положительно оценивал Октябрьскую революцию в России и личность В. И. Ленина. Это мнение поэта оказало определенное воздействие на страстных поклонников его поэзии, для которых и сегодня Аллама Икбал остается непререкаемым авторитетом в вопросах мусульманской духовности и мировосприятия. Переводы стихов Икбала на русский язык и научные работы о нем помогают раскрыть нашим читателям многогранность и глубину таланта Икбала, секрет его мировой славы. Общегуманная направленность его поэзии, вера в человека и его созидательную силу импонирует русскому читателю, а необычные для европейской поэтической традиции образы и символы обладают большой притягательной силой, как, например, в стихотворении «Разговор Творца с человеком»: [Икбал, 1964, с. 125]:

Ты создал ночь, но я огонь достал. // Ты создал глину, я слепил фиал.
Пустыню создал ты и глыбы скал, // Я создал сад, чтоб мир благоухал
<...>
Я тот, кто превратил в стекло песок // И смертоносный яд в сладчайший сок.
(Перев. М. Петровых)

С Фаизом Ахмадом Фаизом по числу переводов его на русский язык¹² не может соперничать какой-либо другой современной поэт Южной Азии. Особенно популярной стала в России личность Фаиза после присуждения ему в 1965 г. Ленинской премии за укрепление мира. Но даже яркая политическая лирика Фаиза обрела признание отнюдь не в силу своей «идеологической выдержанности». Никакие шаблонные эпитеты минувшего времени, как «поэзия борьбы», «поэзия, обличающая язвы современного мира» и т. д., не могут заслонить ее истинной сути, заключенной в глубине мысли, мощном гуманистическом потенциале и заряде оптимизма, но более всего — в тонком лиризме и высочайшем художественном уровне.

Если вчитаться в строки Фаиза, то, наверное, можно почувствовать созвучие в мыслях и настроениях поэта и российского читателя. Возможно, причина кроется в определенной сопричастности к трагическим поворотам истории, схожим с историческим опытом любого народа, пережившего трагедию распада своей страны. Драматично звучит, например, стихотворение «Утро свободы» [Фаиз, 2021, с. 91]:

¹² С творчеством Фаиза любители поэзии в России познакомились в 1960 г., раньше других зарубежных читателей. Первый сборник переводов избранных стихотворений Фаиза на английский язык появился лишь в 1971 г. [Poems, 1971].

Испещренное ранами утро, искусанный ночью рассвет.
Не такого восхода мы ждали так долго с тобой!
И зари, о которой мечтали так пламенно — нет,
И с другой мы хотели в пути повстречаться судьбой.
< ... >

Для ума и для сердца к свободе далек еще путь.
Все же — к цели, друзья! Да низвергнется ночь навсегда!
(Перев. А. Суркова)

Стихи Фаиза и сегодня остаются востребованными и продолжают играть немаловажную роль как весомая часть «культурного диалога» между нашими странами.

Два недавних события

В связи с именами Икбала и Фаиза нельзя не упомянуть о двух недавних событиях, которые можно назвать «показателем» определенного расширения наших культурных связей с Пакистаном.

В конце 2021 г. в Москве вышел в свет очередной, отличный от других публикаций сборник поэзии Фаиза, в который вошли все существующие на русском языке переводы его поэтических произведений [Фаиз, 2021]. Эта книга увидела свет благодаря инициативе посла Исламской Республики Пакистан в России г-на Шафката Али Хана, а также усилиям, связанным с публикацией книги, и финансовой помощью со стороны посольства Пакистана. Презентация книги имела широкий резонанс в пакистанской прессе: почти все крупные газеты, выходящие на английском и урду языках, откликнулись на это событие¹³. Шафкат Али Хан в своем предисловии к новому сборнику писал: «За последние десятилетия между нашими странами установилось глубокое взаимопонимание <...>. Не будет преувеличением утверждать, что успех нашего движения навстречу друг другу в немалой мере был заложен “культурным послом” Пакистана в Москве Фаизом Ахмадом Фаизом и его проникновенной поэзией» [Фаиз, 2021, с. 7].

Второе событие касается прежде всего востоковедов, читающих на языке урду. В 2022 г. библиотека Института востоковедения РАН, которая может гордиться внушительным числом научных изданий по Пакистану и художественных произведений пакистанских авторов как в переводах, так и в оригинале, пополнилась уникальным изданием — трехтомной Энциклопедией Мухаммада Икбала. Эта энциклопедия — бесценный источник информации, связанный со всеми сторонами жизни Поэта Востока и его произведениями, и большое подспорье для икбаловедов. Заслуживает внимания и то, что этот трехтомник был торжественно передан в дар Институту сенатором Валидом Икбалом — внуком Мухаммада Икбала. Презентация Энциклопедии и сама церемония передачи состоялись в рамках международной научной конференции «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)», состоявшейся в сентябре 2022 г. [Серенко, 2022, с. 138–141].

Наука и образование

Вышеупомянутая конференция — одно из ежегодных мероприятий, которые проводятся Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, причем некоторые из них — при

¹³ К автору статьи пришло 15 сообщений и ссылок на публикации в пакистанской прессе — от ведущих газет до небольших, имеющих местное значение. В этом случае следует отдать должное активности сотрудников посольства Пакистана в Москве и пакистанских корреспондентов, живущих в России.

содействии посольства Исламской Республики Пакистан в Москве и участия его представителей. Такие мероприятия, как правило, проходят в смешанном формате — очном и онлайн, что дает возможность участвовать в них значительному числу пакистанских коллег. Эти конференции обычно широко освещаются в пакистанских СМИ и таким образом вовлекают в орбиту российско-пакистанского диалога не только научные, но и общественные круги Пакистана. Внимание российских организаторов бывает сосредоточено в основном на научной части форумов, и информация о них не выходит за пределы узких научных кругов. Но материалы конференций публикуются в журналах или в отдельных сборниках, выкладываются на сайте ИВ РАН. Поэтому с ними может ознакомиться каждый, кто следит за новостями востоковедческой науки и кого интересуют проблемы, поднятые на том или ином форуме.

Развитие Интернета стало действенным пособником в расширении взаимодействия в области научных контактов. Пакистанские коллеги, приезд которых в Россию всегда осложнен многими обстоятельствами, обрели возможность присутствовать на конференциях, проводимых в формате онлайн. В свою очередь, наши исследователи регулярно приглашаются на конференции и различные культурные мероприятия в Пакистане и часто принимают в них не только виртуальное, но и реальное участие, поскольку проблемы с формальностями, связанными с поездкой, у них возникают крайне редко.

В область наших контактов входит сотрудничество в области образования¹⁴. Ряду российских студентов и аспирантов выпадала возможность стажироваться в пакистанских университетах. Но непоставимо большее число студентов из Пакистана проходят обучение в российских вузах. Эта сторона сотрудничества заслуживает намного большего внимания, чем ей уделяется, поскольку в студентах, прошедших обучение или практику в России, содержится немалый потенциал информации о нашей стране. Ведь эта страна становится неотъемлемой частью их жизни и во многом корректирует их прежнее представление о ней. Проживая среди местного населения, молодые люди воочию знакомятся с внутренней жизнью страны, которая перестает быть для них чуждой, и в то же время вольно или невольно становятся проводниками своей культуры. Такой опыт общения, как одна из форм «народной дипломатии», намного плодотворнее любых виртуальных контактов или краткосрочных знакомств.

Изучение в России языка урду заслуживает отдельного внимания. Очень многое изменилось в этой области после распада СССР: перестали существовать такие учреждения, заинтересованные в языковых специалистах, как Московское радио и восточные редакции издательства «Радуга» и «Прогресс», а еще раньше — журнал *Совет юниен* («Советский Союз»), выходивший в Москве на языке урду. Естественно, что с сокращением рабочих мест число желающих изучать урду существенно уменьшилось. Тем не менее интерес молодежи к национальному языку Пакистана не пропал вовсе, что оставляет надежды на лучшее. При этом изучение урду и «культуры урду» в России представляется во многом связанным со статусом и развитием языка в самом Пакистане, что обременено своими проблемами¹⁵.

В настоящее время новой важной сферой научного партнерства наших стран стало исследование космических технологий. При этом приоритет отдается сотрудничеству, а не конкуренции, что играет немаловажную роль в улучшении российско-пакистанских политических отношений.

Изобразительное искусство

Изобразительное искусство также входит в сферу наших культурных контактов, хотя и занимает в ней небольшой сегмент. Можно, например, вспомнить несколько художественных выставок,

¹⁴ См. подробнее: [Серенко, 2010, с. 210–219].

¹⁵ О проблемах, связанных с языком урду в Пакистане, см.: [Васильева, 2020].

благодаря которым жители и гости Москвы в разные годы могли ознакомиться как с мастерами старшего поколения, так и с молодыми живописцами Пакистана. Портреты и зарисовки с фигурами людей и животных на полотнах пакистанских художников скорректировали убеждения многих наших соотечественников о жестком запрете в исламе на изображение живых существ.

В октябре 1975 г. в Москве и в Ленинграде весьма успешно прошла выставка Сайида Садекайна (1930–1987) — непревзойденного каллиграфа и художника, многие произведения которого хранятся в коллекциях таких знаменитых музеев мира, как Метрополитен в Нью-Йорке, Музей современного искусства в Париже и другие. Для многих посетителей выставки Садекайна были настоящим открытием уникального вида искусства Востока.

Знакомство с работами пакистанских художников-каллиграфов продолжилось и в новом веке: в 2016 г. в Москве были представлены 40 работ шести современных пакистанских каллиграфов¹⁶. Комментаторы выставки подчеркивали, что представленные работы, помогая зрителям приобщиться к миру искусства Пакистана, показывают, как развивается современное искусство в контексте мусульманского государства. Эта выставка явилась первым совместным российско-пакистанским проектом в области изобразительного искусства. Партнерами выступили российский Центр творческих индустрий «Фабрика» и пакистанская галерея «Джарока» (*Jharoka*)¹⁷ сотрудничество с которой продолжается и теперь, внося заметный вклад в развитие наших контактов.

В 2019 г. в музее современного искусства «Гараж» состоялась выставка-ретроспектива известного пакистанского художника Рашида Араина, который приобрел мировую известность благодаря использованию своеобразной техники письма и необычным формам изображения. В новом столетии москвичи познакомились также с самым молодым поколением художников Пакистана. Это были в основном участники выставок в рамках московской биеннале современного искусства. Среди них привлекла внимание Икра Танвир своим личным обаянием и необычной техникой письма. В 2012 г. она приняла участие в III Московской биеннале молодого искусства и затем получила возможность провести персональную выставку в 2013 г. в Москве, в Московском музее современного искусства.

В 2019 г. довольно громкий успех имела выставка картин Нурин Наз «Россия глазами пакистанской художницы». Кроме работ, посвященных российской тематике, на выставке были представлены полотна с традиционными сюжетами, портретная и этническая живопись. Художница не столь известна, как, например, ее коллеги по цеху — лауреаты международных престижных премий, но тем не менее Нурин Наз вызвала большую симпатию зрителей самобытностью своего творчества и искренностью воспроизведения своих впечатлений от ее путешествия по России.

Зарубежные выставки работ женщин-художниц — одно из новых явлений в пакистанском обществе. Сегодня женщины занимают ведущие позиции в художественной системе Пакистана, управляя престижными галереями и возглавляя ключевые художественные институты, такие как Школа визуальных искусств в Лахоре (под руководством Салимы Хашми) и Национальный колледж искусств Лахора (который курирует Назиш Атаулла). Сегодня женщины-художницы бросают вызов гендерным стереотипам Пакистана и авторскими работами утверждают свои права во всех областях жизни. Выставки их полотен в российских городах можно назвать новым вкладом в историю наших культурных контактов.

В рамки культурного сотрудничества вписывается и персональная выставка «Горный Пакистан» фотохудожника и журналиста Ивана Дементиевского, побывавшего в Гилгит-Балтистане и гостившего у племени *хунза*. Его уникальные фотографии демонстрировались в Центре восточной

¹⁶ На выставке были представлены работы Бухари, Бинкаландера, Ахмеда Хана, Аждаб Хана, Мухаммада Арифа Хана, Элахи Бахша Мутти.

литературы РГБ в 2012 г. На них Горный Пакистан с его захватывающей природной красотой и местными жителями предстал в необычном свете — совершенно не похожем на стереотипный образ Пакистана, который мог сложиться, например, при просмотре теленовостей.

Таким образом, изобразительное искусство — одна из областей культуры, которая во многом способствует формированию образа Пакистана в сознании широкой российской аудитории.

Заключение

Следует отметить, что в настоящее время российско-пакистанские отношения вступили в стадию динамичного развития с позитивными перспективами. Однако в отличие от прежних времен сегодня особое оживление двустороннего сотрудничества происходит в таких областях, как политика, экономика, энергетика, военная сфера. Контакты в области культуры остаются слабыми. Пожалуй, основную причину в весьма пассивном стремлении к культурному диалогу с обеих сторон следует искать в сложившейся внутренней обстановке в обеих странах. Из Пакистана редко доходят сведения о событиях, как-то связанных с темой нашего разговора. В России, как уже упоминалось, почти прекратились переводы литературных произведений пакистанских авторов на русский язык, заметно снизился интерес к изучению языка урду. Но исключением остается область пакистановедения и академической литературы, в рамках которой постоянно появляются новые и новые исследовательские работы по Пакистану. Российские востоковеды, в которых не ослабевает интерес и любовь к предмету своего изучения, могут рассматривать активизацию процесса сближения народов наших стран как одну из своих актуальных задач.

Свой рассказ о российско-пакистанских взаимоотношениях в области культуры хочу закончить словами Шафката Али Хана:

«Осведомленность друг о друге, ощущение “похожести”, принадлежности к единому миру людей сближают народы России и Пакистана, создают прочную основу многомерного сотрудничества, что в конечном результате ведет к региональной стабильности и глобальной безопасности» [Фаиз, 2021, с. 7].

Литература /References

Адиб, Мирза. *Муниципалитет, доктор и Соломоград. Рассказы*. М., 1967 [Adib, Mirza. *Municipality, doctor and Solomograd. Short stories*. М., 1967 (in Russian)].

Браслеты. Новеллы пуштунских писателей Зап. Пакистана. М., 1967 [Bracelets. Novels by Pashtun writers of West Pakistan. М., 1967 (in Russian)].

Васильева Л. А. История языка урду и его статус в Пакистане. *Восток (Oriens)*. 2020. № 4. С. 138–149 [Vasilyeva L. Urdu Language, Its Role and Status in Pakistan. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 4. Pp. 138–149 (in Russian)].

Глебов Н., Сухочев А. *Литература урду*. М., 1967 [Glebov N., Sukhochov A. Urdu Literature. М., 1967 (in Russian)].

Икбал, Мухаммад. *Звон караванного колокольчика*. М., 1964 [Iqbal, Muhammad. *Caravan bell ringing*. М., 1964 (in Russian)].

Касми, Ахмад Надим. *Золотая печатка*. М., 1957 [Qasmi, Ahmad Nadim. *Golden signet*. М., 1957 (in Russian)].

Рассказы писателей Пакистана. М., 1965 [Short stories by Pakistani writers М., 1965 (in Russian)].

Серенко И. Н. Россия — Пакистан: потенциал научно-технического, образовательного и культурного сотрудничества. *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2010. № 5. С. 210–219 [Russia-Pakistan: potential for scientific, technical, educational and cultural cooperation. *Islam in the Near and Middle East*. 2010. No. 5. Pp. 210–219 (in Russian)].

Серенко И. Н. Международная научная конференция «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3. С. 132–149 [Serenko I. N. International Scientific Conference “Islamic Republic of Pakistan: Problems and Prospects of Development (to the 75th Anniversary of Independence)”. *Journal of the Institute of Oriental Studies*. 2022. No. 3. Pp. 132–149 (in Russian)].

Фаиз. Сост. Л. Васильева. М.: Худ. лит., 2021 [Faiz. Compl. L. Vasilyeva. M., 2021 (in Russian)].

Шаукат Сиддики. *Божий поселок*. М., 1965 [Shauqat Siddiqi. *God's village*. M., 1965 (in Russian)].

Hakeem Muhammad Saeed. *Darun-e Rus* (“*In Russia*”). Karachi, 1991 (in Urdu).

Poems by Faiz. Transl. by V. G. Kiernan. London, 1971.

Mughul. Shaheed Hakim Muhammed Said: a distinguished personality. *Pakistan Library & Information Science Journal (PLISJ)*. June 2009. Vol. 40. No. 2.

Syed Zillur Rahman. Hakim Muhammed Said — *Shakhsyat aur Fun* (Personality and oeuvre). *Fikr-o-Nazar*. Aligarh. 1999. Vol. 36. No. 1. Pp. 5–14 (in Urdu).

Электронные ресурсы / Electronic sources

Даниил Туровский. *Теперь их слышат только небеса*. URL: Wayback Machine, архивная копия 14.03.2016 // Lenta.ru, 18.12.2013 (дата обращения: 29.08.2023).

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ МЕНЬШИНСТВ ПАКИСТАНА НА ПРИМЕРЕ ИНДУССКОЙ ОБЩИНЫ РЕГИОНА ТАР

О. П. Чекризова¹

В статье анализируется положение индульской общины пустыни Тар в Пакистане, основные трудности и перспективы для ее дальнейшего существования и развития. Выбор пустыни Тар обусловлен социальными особенностями и особыми межконфессиональными отношениями в данном пакистанском регионе, в связи с чем его положение заметно отличается от ситуации в целом по стране. Кроме того, заложенный в регионе Тар значительный потенциал для экономического развития Пакистана способствует возрастанию интереса к нему со стороны иностранных инвесторов, особенно из стран Персидского залива, рассматривающих возможности инвестирования в расположенные на территории региона проекты. Этот фактор также способен оказать ощутимое воздействие на отношения между проживающими там последователями разных религий, включая индульскую общину.

Ключевые слова: Пакистан, религиозные меньшинства, пакистанские индульсы, Тар

Для цитирования: Чекризова О. П. Современные вызовы и перспективы развития религиозных меньшинств Пакистана на примере индульской общины региона Тар. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 246–252. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-246-252

CURRENT CHALLENGES AND PROSPECTS FOR RELIGIOUS MINORITIES IN PAKISTAN: THE CASE OF THE HINDU COMMUNITY IN THE THAR REGION

Olga P. Tchekrizova

The article analyses the situation of the Hindu community of the Thar desert in Pakistan as well, as the main difficulties and prospects for its further existence and development. The choice of the Thar desert is determined by the unique social characteristics and peculiarities of the interfaith relations in this Pakistani region, due to which the situation there is notably different from the situation in the whole country. In addition, the significant potential of the Thar region for the economic development of Pakistan promotes the growing interest in it from the foreign investors, especially from the Persian Gulf countries, exploring their investment opportunities in projects located in the region. This factor might also have a tangible impact on the relations between the followers of different religions living there, including the Hindu community.

Keywords: Pakistan, religious minorities, Pakistani Hindus, Thar

¹ Чекризова Ольга Павловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; pakdesk@yandex.ru
Olga P. Tchekrizova, PhD (History), senior research fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; pakdesk@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9201-915X

For citation: Tchekrizova O. P. Current Challenges and Prospects for Religious Minorities in Pakistan on Example of Hindu Community in Thar Region. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 246–252. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-246-252

Индусская община Пакистана, как и другие религиозные меньшинства, находится в непростом положении. Согласно данным переписи населения Пакистана 2017 г., она составляет чуть более 2 млн чел., или 1,73% всех жителей страны²(следует заметить, что представители пакистанских религиозных меньшинств критикуют власти за намеренное занижение численности немусульманских конфессий). На нее, прежде всего, оказывает влияние характер национальной идентичности пакистанского государства, основанный на исламе. Политика исламизации Пакистана, распространение исламского образа жизни на всех граждан — мусульман как членов уммы и немусульман как граждан исламского государства оказали заметное воздействие на последних. В законодательном плане это нашло выражение в том, что с конца 1970-х годов в стране был введен ряд законодательных норм, которые заложили глубокое разделение между мусульманским большинством и религиозными меньшинствами. Это законодательное разделение религиозных общин на мусульман и остальных по-прежнему актуально для Пакистана. Кроме того, конфессиональные меньшинства (ахмадийцы, христиане, индусы) и некоторые этноконфессиональные группы (шииты-хазарейцы) находятся в зоне риска ввиду угроз со стороны экстремистских организаций мусульман-суннитов на фоне нетерпимых к иноверию общественных настроений [Белокреницкий, 2019, с. 443].

Как и другие религиозные меньшинства, индусы в Пакистане сталкиваются с рядом проблем, в том числе сегрегацией и маргинализацией, как со стороны представителей властных структур, так и со стороны мусульманского большинства; принуждением к переходу в ислам (особенно это влияет на женщин, которых похищают и насильно выдают замуж); неспособностью властей разного уровня противостоять нападениям на религиозные меньшинства и осквернению культовых объектов (индуистских храмов, церквей, гурудвар); нетерпимым отношением со стороны исламских радикальных и экстремистских структур. Заметную обеспокоенность у экспертов и правозащитников вызывают частные случаи использования положений «закона о богохульстве» против представителей конфессиональных меньшинств, что зачастую подаётся как средство давления и устрашения в отношении немусульман.

Несмотря на общую, скорее склоняющуюся в отрицательную сторону картину положения религиозных меньшинств в Пакистане в целом и индусской общины в частности, существуют отдельные примеры, которые контрастируют с этим. Речь идет об особой атмосфере терпимости и поддержания межконфессионального диалога среди религиозных общин региона пустыни Тар, точнее — ее пакистанской части. Пустыня Тар, площадью свыше 200 тыс. кв. км, находится на территории двух государств — на северо-западе Индии и юго-востоке Пакистана. В Пакистане пустыня приходится на восточную часть провинции Синд и юго-восточную часть провинции Панджаб.

Население этого засушливого региона насчитывает 1,6 млн чел., большинство из них занимается скотоводством. На территории региона содержится 7 млн голов крупного и мелкого рогатого скота (коров, верблюдов, коз, овец). Он обеспечивает более половины потребности провинции в молочной, мясной и кожаной продукции. В то же время сам регион Тар считается одним

² При этом следует отметить, что в статистических таблицах в отношении ахмадийской общины используется пребрежительное название «кадиани». Salient features of final results Census-2017. URL: https://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/population_census/salient_feature_%20census_2017.pdf. (дата обращения: 10.12.2021); Pakistan National Census Report 2017. Pakistan Bureau of Statistics. URL: https://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/population/census_reports/ncr_pakistan.pdf (дата обращения: 31.10.2023).

из наименее развитых в Пакистане. Многие его жители проживают в бедности³. Эта часть страны отличается отсутствием дорожной сети и, соответственно, труднодоступностью населенных пунктов; отсутствием объектов инфраструктуры и услуг, а также проблемами с водой как в силу засушливого климата, так и из-за трудностей с водоснабжением.

При этом данный регион служит примером межконфессионального взаимодействия и терпимости. В этой части страны проживает самая крупная в Пакистане индульская община: в округе Тхарпаркар — последователи индуизма составляют около 50%⁴. Подобное соотношение наблюдается в целом и по региону. Индульская и мусульманская общины проживают в условиях религиозного мира, доброго отношения друг к другу и взаимного проникновения религиозных культур. Так, у индульцев и мусульман имеются общая культура, костюмы и традиции, особенно проведения праздников и брачных церемоний. Кроме того, существует традиция приглашения представителей другой религии для совместного проведения основных праздников, таких как мусульманские *ид-уль-фитр* и *ид-уль-азха*, индульские *холи*, *дивали* и т. д. Во время священного для мусульман месяца *рамадан* индульская община в качестве жеста уважения устраивает для мусульманских соседей *ифтар*⁵, причем нередко в индульских храмах⁶. Индульцы также держали пост вместе с мусульманами во время месяцев *рамадан* и *мухаррам* и принимали участие в религиозных процессах.

Можно согласиться и с идеей о сформированной в регионе Тар особо инклюзивной идентичности, получившей одноименное название «тари» (или «тхари»). Уместным выглядит и выигрышное для нее в плане межконфессиональной терпимости сравнение с общей пакистанской идентичностью, построенной на основе ислама как доминирующей религии и культуры. Основана эта идентичность на вынужденной зависимости проживающих в пустыне Тар людей от окружающей среды и друг от друга без учета принципа религиозной принадлежности, выводя на первый план вопросы выживания в принципе. Соответственно, удаленность региона способствовала выработке у его жителей привычки опоры на традиционные знания и обычаи предков, обеспечивала преобладание чувства принадлежности к своему окружению и общине именно по территориальному принципу, а также служила основой для складывания этой особой территориальной идентичности. С учетом того, что подобное сосуществование длилось веками, можно также говорить о сформировавшемся «этноландшафте». Наряду с этим необходимо отметить, что при описании идентичности *тари* используется санскритское название концепции родины (*дхарти*), которая воплощается в общих для обеих религиозных общин песнях, поэмах и культурных традициях. Кроме того, перечисленные факторы наряду с труднодоступностью района в значительной степени оградили его жителей от последовавших за разделом Британской Индии 1947 г. резкого роста националистических настроений и религиозно-политической розни, как и проявившегося на этом фоне насилия⁷.

Обращает на себя при этом любопытная деталь: при описании гармонии в отношениях между индульцами и мусульманами пустыни Тар в публикациях СМИ используются термины, указывающие на разницу восприятия религий в стране. Так, например, в статье пакистанской газеты «The Dawn» отмечается, что мусульмане «никогда не отказываются принять участие» (*never decline to attend Hindu religious festivals*) в религиозных празднованиях индульцев, а индульцы «гордятся тем, что обмениваются

³ Development Boom in Pakistan's Thar Desert. South Asia Investor Review. 28 August 2016. URL: <https://www.southasiainvestor.com/2016/08/development-boom-in-pakistans-thar.html> (дата обращения: 31.10.2023).

⁴ The truth about forced conversions in Thar. The Dawn. 17 July 2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1345304> (дата обращения: 31.10.2023).

⁵ Вечерний прием пищи во время месяца Рамадан.

⁶ Thari Hindus also host Iftar in great show of religious harmony. The Dawn. 29 April 2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1687279> (дата обращения: 31.10.2023).

⁷ Thar — the desert that lost its soul. The Dawn. 11 April 2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1743740> (дата обращения: 31.10.2023).

поздравлениями по священным» для мусульман дням (take pride in exchanging greetings with Muslims on holy occasions)⁸. То есть при описании межрелигиозного мира и согласия указывается на доминирующее положение ислама. Если вынести в скобки эти детали в восприятии религий в пакистанском обществе, то с основной упомянутой здесь идеей можно согласиться: сформировавшаяся в регионе пустыни Тар уникальная межрелигиозная общность фактически является воплощением видения идеального пакистанского государства его основателем М. А. Джинной как подлинным лицом страны.

В последнее время в регионе происходят изменения. Связано это прежде всего с тем, что в районе пустыни Тар открыты запасы каменного угля, а также других полезных ископаемых. Пакистанские власти возлагают большие надежды на эти месторождения, поскольку они могут помочь развитию собственных промышленных мощностей Пакистана и одновременно помочь сберечь валютные резервы, идущие на оплату импорта необходимого сырья. Вопросы развития энергетики имеют большое значение для функционирования всей пакистанской экономики. Как справедливо отметил отечественный пакистановед С. Н. Каменев, критическая ситуация в области энергетики оказывает крайне негативное влияние на развитие промышленности страны и в конечном итоге на общий рост экономики [Каменев, 2014, с. 157–158].

Разработка месторождений в регионе Тар подается властями как образец развития пакистанских регионов за счет государственно-частного партнерства. Так, указывается, что развитие эксплуатации полезных ископаемых будет способствовать созданию новых рабочих мест для жителей региона, увеличению их доходов и, соответственно, росту уровня жизни местного населения. В этом ключе, в частности, были выстроены заявления официальных пакистанских лиц, включая выступление 11 октября 2022 г. премьер-министра Ш. Шарифа на церемонии запуска второй очереди разработки угольных запасов добывающей компанией «Sindh Engro Coal Mining Company» (SECMC), расположенной неподалеку от г. Исламкота (дистрикт Тарпаркар). По его словам, проект занимает важное место в повестке пакистанского правительства, поскольку добыча угля на территории страны снижает стоимость производства электроэнергии для потребителей. Он также заявил, что планы властей по разработке совместно с правительством провинции Синд «дорожной карта» по развитию угольного проекта в пустыне Тар предполагают соединить его с остальными угольными электростанциями в стране. Власти видят еще один заметный плюс в проекте — его развитие поможет Пакистану сэкономить до 6 млрд долл. в год за счет сокращения импорта энергоносителей, который по состоянию на октябрь 2022 г. уже превысил отметку в 24 млрд долл. Настрой властей на комплексное развитие угольных месторождений подтверждает и то, что наряду с запуском второй очереди их разработки Ш. Шариф открыл новую электростанцию компании «Thar Energy Ltd.» мощностью 330 мегаватт⁹.

Кроме того, в 2023 г. в очередной раз возобновилась дискуссия о потенциале земель Пакистана, в частности, региона Тар для развития агросектора, а конкретно производства продуктов питания и возможности их экспорта в арабские страны Персидского залива¹⁰. Эта дискуссия активизировалась на фоне запуска летом 2023 г. новой гибридной военно-гражданской структуры — Специального совета по содействию инвестициям (Special Investment Facilitation Council, SIFC).

⁸ Thari Hindus also host Iftar in great show of religious harmony. The Dawn. 29 April 2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1687279> (дата обращения: 31.10.2023).

⁹ Thar coal is a game changer, says PM Shehbaz. The Dawn. 11 October 2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1714366/thar-coal-is-a-game-changer-says-pm-shehbaz> (дата обращения: 31.10.2023).

¹⁰ Интересно, что в публикациях в середине 2010-х гг. о заинтересованности арабских государств в продовольственных и агропроектах в Пакистане уже говорилось о переходе пакистанских властей от практики продажи сельхозземель арабским странам для строительства на них агропредприятий к попыткам самостоятельного создания аграрных компаний с привлечением арабских инвестиций, но с теми же конечными целями — экспорт сельскохозяйственной продукции в страны Персидского залива. См., например: Why Gulf Money Did Not Flow into Agriculture? The Dawn. 20 October 2014. URL: <https://www.dawn.com/news/1139007> (дата обращения: 31.10.2023).

Сообщения о запуске структуры дополнялись упоминанием заинтересованности государств Персидского залива инвестировать в проекты в Пакистане¹¹. Для того чтобы обеспечить юридическую поддержку работе Совета, пакистанский парламент в июле 2023 г. принял ряд поправок к закону об армии Пакистана и постановлению о Совете по инвестициям (Board of Investment), направленных на то, чтобы ускорить реализацию одобренных Советом инвестиционных проектов.

Специальный совет в принципе утвердил 28 подобных проектов на общую сумму около 30 млрд долл. Они будут предложены странам Персидского залива для инвестирования. В числе потенциальных стран-инвесторов значатся 23 государства, основное внимание из которых уделяется Катару, Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейн. Предварительные схемы относятся к продовольственному, сельскохозяйственному, информационно-технологическому, горнодобывающему, нефтяному и энергетическому секторам экономики. Среди них — животноводческие фермы, а также строительство железнодорожного сообщения для угольных шахт на территории Тар «Thar Coal Rail». Большинство проектов планируется реализовывать в формате межгосударственного сотрудничества.

Проекты в области животноводства предполагают создание в районе пустыни Холистан (примыкает к пустыне Тар) агрохолдинга с используемыми площадями в 10 тыс. акров с возможностями расширения до 85 тыс. акров; создание молочной компании, содержащей 20 тыс. голов коров на одной ферме; создание откормочной фермы на 30 тыс. голов; верблюжьей фермы на 10 тыс. голов. Во всех случаях предусматривается, что число подобных ферм может быть увеличено до пяти и более. Вероятным инвестором в эти проекты называют Катар, который заинтересован в таких хозяйствах для обеспечения своей продовольственной безопасности¹². Несомненно, строительство таких ферм будет способствовать созданию дополнительных рабочих мест в регионе и как следствие — росту благосостояния жителей. За запуском в регионе Тар уже действующих добывающих проектов последовали изменения в жизни местных жителей. Промышленное развитие региона способствовало развитию дорожной сети, расширению инфраструктуры и в целом повышению уровня жизни в нем.

Но наряду с этим экономическое развитие региона Тар принесло и новые проблемы. Прежде всего следует отметить такой значимый аспект, как возможные изъятия или выкуп земель, на которых проживают люди, для расширения зоны добычи полезных ископаемых. В этой ситуации в Пакистане не уникальна, поскольку во многих странах мира имеют место конфликты между добывающими компаниями и властями, с одной стороны, и жителями территорий, включая коренные народы, проживающими на территориях месторождений или использующих их в своих целях традиционными способами, с другой. Многие проекты расширения добывающих комплексов вызывают недовольство местных жителей, которые вынуждены покидать места своего проживания. Нередки также и случаи, когда компании выкупают у жителей земли по заниженным ценам, а в ряде случаев даже оказывают на владельцев давление. Безусловно, подобное не проходит спокойно. Согласно приводимым в СМИ данным, около четверти населения пакистанского региона Тар живут там, где разрабатываются угольные шахты¹³. Соответственно, их дома уже являются потенциальными источниками конфликтов и возможного роста недовольства со стороны местных жителей в случае расширения разрабатываемой площади месторождений.

Помимо этого, развитие региона Тар, где ведется не только разработка угля, но и многих других полезных ископаемых, влечет за собой и ряд иных проблем. По мнению пакистанского

¹¹ Pakistan aims for transformative \$30–50b investment boost in agri sector. The Tribune Express. 10 July 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2425578/pakistan-expects-30b-to-50b-investment-in-agriculture-sector> (дата обращения: 31.10.2023).

¹² Pakistan opens gates for Gulf investment. The Tribune Express. 29 July 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2428452/pakistan-opens-gates-for-gulf-investment> (дата обращения: 31.10.2023).

¹³ Development Boom in Pakistan's Thar Desert. South Asia Investor Review. 28 August 2016. URL: <https://www.southasiainvestor.com/2016/08/development-boom-in-pakistans-thar.html> (дата обращения: 31.10.2023).

исследователя, писателя и урбаниста Арифа Хасан, многие проблемы привнесены именно вследствие экономического и промышленного развития. Так, отмечены нехватка или захваты пастбищных земель, что особенно важно для тех, кто занимается разведением скота, а таких, напомним, в регионе весьма значительное количество. Строительство дорог привело к росту цен на землю, из-за чего только богатые люди могут покупать ее, чтобы разместить там свои увеличившиеся семьи. С появлением дорог участились случаи краж, и старые методы расследования преступлений уже не работают. Кроме того, значительно выросло число несчастных случаев с участием крупного рогатого скота. Еще одним негативным эффектом стало то, что жители Тар теперь вынуждены тратить свои деньги на то, что раньше им было не нужно. Например, свежее молоко в г. Тарпаркар вполне доступно, но жители все большее предпочтение отдают стерилизованному молоку в пакетах, все более популярным становится употребление минеральной воды. Еще одной новой проблемой, вызванной развитием региона, стал рост среди молодежи желания отказаться от традиционных занятий и покинуть родные места. Необходимость профессиональной подготовки по новым специальностям, а также нехватка учителей в местных учебных заведениях способствуют оттоку молодежи в крупные города провинции Синда и за ее пределы¹⁴.

Наряду с этим развитие региона непосредственно отразилось и на жизни индусской общины. Так, по замечанию А. Хасана, оно повлияло на планировку поселений индусов. Старые части города Тарпаркара были разделены по кастовому признаку. Низшие касты, которые убирали город и выполняли другую грязную работу, жили на окраинах. Чистота в кварталах была обусловлена наличием потомственной профессиональной касты, в обязанности которой входило поддержание этой самой чистоты. Ситуация в значительной степени изменилась за последние 20 лет в связи с масштабной миграцией населения, в том числе из низших каст, из сельской местности в города¹⁵.

Развитие городов и поселений принесло индусской общине и более серьезные проблемы, а именно изменение конфессионального состава населения, причем не в пользу индусов. Журналист И. Рехман отмечал, что к 2016 г. численность немусульман, которые еще в недавнем времени составляли 74% населения г. Тарпаркар, снизилась до 45%. Это стало не результатом значительной миграции немусульман, хотя, несомненно, эти процессы также имели место, а результатом прибытия в регион мусульманских поселенцев. И намерения у них оказались не самые мирные. В качестве негативного примера можно привести случай выделения участка земли в г. Нагарпаркар для одной из пенджабских исламистских боевых организаций — «захватчиков земель для создания медресе»¹⁶. Предположительно, подобное не могло произойти без ведома местных властей.

Таким образом, влияние экономического развития на регион пустыни Тар оказывается неоднозначным. Нельзя отрицать его положительных сторон, выражающихся, прежде всего, в развитии транспортной и общественной инфраструктуры, появлении большого количества рабочих вакансий для местных жителей и росте их благосостояния в целом. В то же время справедливы опасения, что новый уклад жизни подрывает сформировавшиеся в регионе традиции мирного, взаимоуважительного сосуществования последователей разных религий и сформировавшуюся на этой основе особую идентичность *тхари*, в основе которой лежат не религиозные мотивы, а общая принадлежность к этому краю.

Безусловно, сама по себе данная проблема не нова. Напротив, с подобным сталкиваются многие традиционные общины в процессе экономического развития территорий их проживания. Уникальность ситуации, как представляется, заключается именно в том, что освоение территории

¹⁴ Hasan A. How Roads Changed Tharparkar. The Dawn. 9 October 2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1714144> (дата обращения: 31.10.2023).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Rehman I. A. Multiple crisis in Thar. The Dawn. 11 February 2016. URL: <https://www.dawn.com/news/1238661> (дата обращения: 31.10.2023).

пустыни Тар в экономических целях ставит под угрозу существование особенной модели сосуществования различных религий, причем модели успешной.

С учетом описанных выше масштабных ожиданий пакистанских властей от региона и их расчета на крупные вложения иностранных инвесторов представляется маловероятным, что правительство откажется от реализации здесь различных промышленных проектов. В то же время от властей и их курса в отношении жителей региона, поощрения или не поощрения миграции населения из других частей страны будет зависеть возможность сохранения мирного межрелигиозного сосуществования в регионе Тар. Для пакистанского общества такая модель может быть полезной с точки зрения ее возможного распространения на другие части страны, где проживание религиозных меньшинств сопряжено с конфликтами, дискриминацией и иными проявлениями межконфессиональной розни.

Литература / References

Белокреницкий В. Я. Культурная сложность пакистанского общества: этнические и этноконфессиональные аспекты. *Труды Института востоковедения РАН. Вып.26: Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика.* М., 2019. С. 420–446 [Belokrenitsky V. Ya. Cultural Complexity of the Pakistani Society: Ethnic and Ethnoconfessional Aspects. *The proceedings of the Institute of oriental studies RAS. Vol. 28. Social and political processes in the East.* Moscow, 2019. Pp. 420–446 (in Russian)].

Каменев С. Н. *Экономическое развитие Пакистана (1947–2012): макроэкономический анализ.* М., 2014 [Kamenev S. N. *Economic Development of Pakistan. The Macroeconomic Analysis.* Moscow, 2014 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Development Boom in Pakistan's Thar Desert. South Asia Investor Review. 28 August 2016. URL: <https://www.southasiainvestor.com/2016/08/development-boom-in-pakistans-thar.html> (дата обращения: 31.10.2023).

Hasan A. How Roads Changed Tharparkar. The Dawn. 9 October 2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1714144> (дата обращения: 31.10.2023).

Pakistan aims for transformative \$30–50b investment boost in agri sector. The Tribune Express. 10 July 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2425578/pakistan-expects-30b-to-50b-investment-in-agriculture-sector> (дата обращения: 31.10.2023).

Pakistan National Census Report 2017. Pakistan Bureau of Statistics. URL: https://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/population/census_reports/ncr_pakistan.pdf (дата обращения: 31.10.2023).

Pakistan opens gates for Gulf investment. The Tribune Express. 29 July 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2428452/pakistan-opens-gates-for-gulf-investment> (дата обращения: 31.10.2023).

Rehman I. A. Multiple crisis in Thar. The Dawn. 11 February 2016. URL: <https://www.dawn.com/news/1238661> (дата обращения: 31.10.2023).

Thar coal is a game changer, says PM Shehbaz. The Dawn. 11 October 2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1714366/thar-coal-is-a-game-changer-says-pm-shehbaz> (дата обращения: 31.10.2023).

Thar — the desert that lost its soul. The Dawn. 11 April 2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1743740> (дата обращения: 31.10.2023).

Thari Hindus also host Iftar in great show of religious harmony. The Dawn. 29 April 2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1687279> (дата обращения: 31.10.2023).

The truth about forced conversions in Thar. The Dawn. 17 July 2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1345304> (дата обращения: 31.10.2023).

Why Gulf Money Did Not Flow into Agriculture? The Dawn. 20 October 2014. URL: <https://www.dawn.com/news/1139007> (дата обращения: 31.10.2023).

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «75-ЛЕТИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР/РОССИЕЙ И ПАКИСТАНОМ»**
ПАКИСТАН, РОССИЯ И СТРАНЫ РЕГИОНА В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-253-260

PAKISTAN-RUSSIA RELATIONS IN A CHANGING WORLD

Talat A. Wizarat¹

This article attempts to explore the evolution of Pakistan- Russia relations' development in the context of historical retrospective and current scenario of the World Order, which has been gradually going through transformation. This process is considered to be a positive development by a majority of developing states. The demise of Soviet Union led to the end of bipolar system. The emergence of US as sole super power led to an era of turmoil, military domination and even US occupation of Afghanistan and Iraq. Russia's reemergence as a major military power coupled with the rise of China as an economic giant and growing cordiality in their relations has paved the way for changes in global political system. The new world order is expected to be multipolar based on cooperation rather than conflict. Trade will grow leading to dividends in the form of poverty alleviation. Pakistan is eager to take advantage of this new situation. Pakistan-China relations have been cordial ever since the emergence of Peoples Republic of China. Now Pakistan is eager to develop close relations with Russia. There is a scope to develop trade between the two countries. Cooperation in energy sector, industry and agriculture is also expected to grow.

Keywords: Cold War, conflict, cooperation, changing world order, biolabs, military-industrial complex, natural resources, weaponisation of climate

For citation: Talat A. Wizarat. Pakistan-Russia Relations in a Changing World. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 253–259. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-253-259

ПАКИСТАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Талат А. Визарат

В данной статье предпринята попытка исследовать эволюцию развития пакистано-российских отношений в контексте исторической ретроспективы и текущего сценария мирового порядка, который постепенно претерпевает трансформацию. Большинство развивающихся государств рассматривают этот процесс как позитивное событие. Распад Советского Союза привел к концу биполярной системы. Становление США как единственной сверхдержавы привело к эпохе потрясений, военного господства и даже оккупации Афганистана и Ирака США. Возрождение России как крупной военной державы в сочетании с возвышением Китая как экономического гиганта и растущей добросердечностью в их отношениях проложили путь к изменениям в глобальной политической системе. Ожидается, что новый мировой порядок будет многополярным, основанным на сотрудничестве, а не на конфликте. Торговля будет расти, что приведет к получению дивидендов в виде сокращения масштабов нищеты. Пакистан стремится воспользоваться этой новой

¹ Dr. Talat A. Wizarat, Independent Scholar, Retired as Professor from Dept. International Relations, University of Karachi, Pakistan; talatawizarat1@gmail.com

Д-р. Талат А. Визарат, независимый исследователь, профессор факультета международных отношений, Карачинский университет (в отставке), Пакистан; talatawizarat1@gmail.com

ситуацией. Пакистано-китайские отношения были добросердечными с момента образования Китайской Народной Республики. Сейчас Пакистан стремится развивать тесные отношения с Россией. Существуют возможности для развития торговли между двумя странами. Ожидается также расширение сотрудничества в энергетическом секторе, промышленности и сельском хозяйстве.

Ключевые слова: Холодная война, конфликт, сотрудничество, меняющийся мировой порядок, биологические лаборатории, военно-промышленный комплекс, природные ресурсы, климатическое оружие

Для цитирования: Талат А. Визарат. Пакистано-российские отношения в меняющемся мире. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 253–259. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-253-259

The victors of World War II established a world order more favorable to themselves. The US emerged as the leader of capitalist countries; it was able to bring West European states under its sway. It was not a difficult task for two reasons: (i) US military-industrial complex² had gained more influence during the 2nd World War and its control over domestic policy making was unprecedented. (ii) The US could exploit the fear of Communism, thus gaining an upper hand.

Soviet Union was an ideological state and the appeal of Communism the ideology it adhered to was increasing. The Eastern European states experienced Socialist revolution as a result of the challenges which they faced. Several Asian states also experienced a wave of Socialist movements as the young and educated people considered this ideology to be indispensable for facing the challenge of neo-imperialism.

The Cold War which emerged as a result of ideological divisions resulted in the emergence of two rival military camps. The US administration used the opportunity to win allies in the third world, drawing newly independent states into a web of military alliances which only superficially addressed the challenges facing these states. The long-term challenges remained largely unaddressed.

Pakistan and Soviet Union decided to establish diplomatic relations on 1st May 1948. However, the two envoys assumed their positions in 1949–50. The relationship appeared to be moving in the right direction but Soviet Union refrained from supporting India or Pakistan at the UN on Kashmir issue. The relationship declined when Pakistan decided to join US sponsored military alliances. Pakistan had to pay a heavy price, as Soviet Union started using veto power in the UN against issues of importance for Pakistan.

At this stage it might be appropriate to examine the factors which led to Pakistan's entry into military alliances launched by the West. The logic of ideology being a motivating factor for Pakistan is on weak grounds for two reasons. Firstly, Pakistan did not feel any threat from a communist country, had that been the case Pakistan-China relations would have also soured.

Another factor which is also mentioned in this context is the approach of Western educated ruling elite in Pakistan. It is assumed that the elite had a tilt towards the West. This argument is also devoid of logic since the same elite established cordial relations with China much against the wishes of the US and other Western powers.

In my opinion, the geo-political environment prevailing at that time shaped Pakistan's policy more than anything else. There was agreement between civilian and military leadership that India posed major threat to Pakistan's security. Since Pakistan was much smaller in size compared to India the threat assumed serious consequences. Pakistan joined the pacts in order to get financial and military assistance from the Western camp. It was a gamble which harmed Pakistan as Soviet Union supported India in 1965 and 1971 Wars. Ironically, the US refrained from supporting Pakistan as it did not want to displease India.

Another complicating factor in Soviet-Pakistan relations was the beginning of ideological tussle between Soviet Union and Peoples Republic of China. For Pakistan ideological factor was irrelevant,

² President Eisenhower in his farewell speech in January 1961 mentioned the problem. He believed that increase in the influence of military-industrial complex could carry serious consequences for the future.

but China was a close friend who had helped Pakistan in its hour of need. Even the US had failed to dissuade Pakistan from developing close relations with China. When Soviets launched the Asian Collective Security Pact in June 1969, Pakistan did not join it as it was seen as an attempt to encircle China. This further widened the gulf between the two States. Soon after this in August 1971 Soviet Union and India decided to sign the Indo-Soviet Treaty of Peace Friendship and Cooperation. Under its Frame-work India received full Soviet support in its war against Pakistan in 1971.

Soviet military intervention in Afghanistan in December 1979 further aggravated an already tense relationship. During that time a non-democratic government was in power in Pakistan. It was not difficult for the US to manipulate the situation and involve Pakistan in a proxy war which hurt Pakistan in more ways than one. Terrorism became rampant, economy was ruined and at the end of it US also turned its guns on Pakistan. Pakistan has not been able to come out of the adverse consequences of this US launched war using Pakistani territory.

This was a period of severe tension in Pak-Soviet relations. Soviet Intelligence Agency along with the Afghan agency (KHAD) launched several terrorist groups against Pakistan as retaliation. The US was not using Pakistani soil for the first time. In 1962 a US spy plane was shot down by the Soviet forces. On this occasion Pakistan received stern warning from Soviet leadership, a few years later Pakistan closed down US air base, but by then damage had been done. Hostile relationship between Pakistan and Soviet Union overshadowed the few positive aspects of the relationship. During 1960's Soviet Union offered Pakistan 3 million dollars. It is also well known, that Pakistan Steel Mill (PSM) was established by Soviet Union during 1970's when Mr. Bhutto paid a visit to USSR. PSM was expected to become the backbone of industrial development. The US had never offered any such help to Pakistan even during the peak years of Pak-US relations. My assessment of the relationship so far suggests, that during democratic governments tenure relations with the Soviet Union/Russia improve, where as during dictatorial regimes the relationship nosedives. During non-democratic governments relations with US thrive.

In 1991 the Soviet Union launched series of economic and political reforms, which resulted in abandonment of communism. Emergence of Russian Federation was a momentous development, but initial years were marked by turmoil. The country was preoccupied with the internal problems therefore it could not give its full attention to political situation at international level. The United States wanted to seize the opportunity to develop a new balance of power before Russia gained stability. There was a lot of discussion in the West regarding the emergence of a new world order [Kissinger, 1994, p.23]. The US launched a war against Iraq, as it was perceived to be an ally of Russia. Its natural resources were also occupied by the US. Civil wars were launched by the United States against Libya and Syria, regime was changed in Libya and a pro-US government was installed. However, US machinations failed in Syria and President Bashar al Asad survived. It is difficult to spell out the real objectives of the West, however, economic and strategic objectives cannot be ruled out. The Western states also tried to isolate Iran, the Iran-Saudi Arabia rivalry proved to be quite lucrative for arms manufacturing companies belonging to the US and other Western nations.

The US foreign policy formulators tried to take advantage of Russia's temporary absence from word scene, they tried to rewrite the global balance of power in their favor. In the West Asia and North Africa, it took the form of replacing regimes friendly towards Russia with the US puppets. Resources of these nations are still under US control. The US followed a similar policy against Russia in Europe and Central Asia. Regime change in Ukraine and expansion of NATO were provocative developments³. The US and its Western allies were trying to encircle Russia, it is obvious that they have not been able to come out of the Cold War mentality.

³ According to several accounts US gave verbal assurances to Russia that Ukraine will not be offered inclusion into NATO but later reneged on its word saying that there was no written agreement.

India has been selected by the West as its strategic ally. When India became an overt nuclear power in May 1998, US accepted that as they were grooming India as counter weight against China. The US was however, interested in stopping Pakistan from going nuclear.

The US has signed 'Civilian Nuclear Deal' with India, which is civilian only in name. India might try to give the impression that it is interested in keeping good relations with the US as well as Russia. The context behind the scenario will not allow India to succeed in this venture. India looks upon China as a rival and would therefore try to drive a wedge between China and Russia. If this happens it will be detrimental to the interests of both China and Russia.

Pakistan which was known as the most allied ally of the US has lost faith in this relationship. Pakistan was used by the West during Cold War era and then abandoned when Cold War was over. After Socialist revolution in Afghanistan the US again knocked on the door of Pakistan and got it involved in the internal affairs of Afghanistan. There are two reasons in my opinion why Pakistan got involved in this dangerous war. Afghanistan had claims over Pakistani territory and was behind Pashtunistan stunt of 1950's. It was considered to be under Indian influence and therefore a threat to Pakistan's security. Soviet Union was also seen as an ally of India. But above all, there was a non-democratic government in power in Pakistan.

After Soviet forces pulled out of Afghanistan the US once again abandoned Pakistan. Pakistan remained engulfed in the adverse consequences of this conflict and it has not come out of the crisis even now. After 9/11 the US launched yet another war, the so-called "war on terror"⁴. Pakistan was invited to become an ally of the US and because the country was again under the spell of a dictatorship it agreed to cooperate. The US defeat in Afghanistan brought the war to an end, but by this time many Muslim countries had been destroyed. Pakistan's economy was shattered and the nation was in the grip of terrorism. As usual, the US once again abandoned Pakistan to face the consequences. For those who wonder why Pakistan committed the same mistake again and again, Daniel Markey's *No Exit From Pakistan* would be a real eye opener. He has given an in depth analysis of US goals and objectives against Pakistan and clearly stated that US policy is designed to keep Pakistan in a state of regulated destabilisation [Markey, 2020]. As a result of this policy Pakistan's economy is in perpetual crisis which is then exploited by the US. If and when Pakistan becomes economically stable US will lose its leverage over Pakistan.

The political elite in Pakistan has learnt many lessons in the past few decades, it is another matter that the lessons were learnt the hard way. Many public opinions surveys held in Pakistan indicate that public opinion in Pakistan regards US to be an adversary and not a friend⁵. The goals and objectives of a nation are defined by the national interest. There can be no long-lasting understanding between Pakistan and the US in the absence of convergence of national interest. An assessment of past developments has been going on. The desire to improve relations with Russia and other countries has gained momentum.

The changing international environment is conducive to the development of Russia-Pakistan relations. Among changes in global politics realignment of forces and relationships is important. Pakistan as an erstwhile ally of US has decided to adopt a course of action more conducive to its interests. India from being non-aligned country has become US's strategic ally. There are other nations who are also in the process of reformulating their policies; they are opting for less dependence on the West. Iran has been out of the US influence since February 1979. Now Turkey, although still a member of NATO, is also charting a course of action which would ensure greater freedom of action. The days of the US dominance in

⁴ Since Soviets were busy putting their house in order the US tried to exploit this opportunity to rebuild the world order according to its own interests. 9/11 attacks were staged giving US the opportunity to occupy Afghanistan and later also Iraq.

⁵ According to public opinion survey conducted in 2019 in major cities of Pakistan the majority of Pakistanis (65%) do not consider US to be a friend of Pakistan.

economic and strategic spheres are over. A multi-polar order is emerging with greater focus on economic cooperation, rather than conflict and war.

Other positive developments are the rise of China as a major economic giant focusing on infrastructure development and means of easy communication between nations. Russia's assertiveness to protect its interests and stop the US onslaught is also a positive development. It carries long term benefits for Russia and for the stability of international system. However, the factor which carries greatest significance for the future is China-Russia rapprochement. The two powers are cooperating with each other in economic and political spheres. As already mentioned, this is a positive development for the emerging international order. The growing China-Russia understanding augurs well for the future of Eurasian region.

Pakistan is planning to focus on promotion of economic cooperation and CPEC has provided an ideal platform. Pakistan would like to develop closer relationship with Russia while maintaining the extremely friendly ties it already enjoys with China. There is no contradiction in these objectives under the new scenario. Pakistan's first priority would be to promote trade ties with Russia. Comparatively cheaper oil and gas from Russia can help revive Pakistan's economy. PTI government took a big step when ex-Pakistani PM Imran Khan visited Russia in February 2022. MOUs were signed, but before formal deals could be signed his government was removed.

Pakistan and Russia signed bilateral trade agreement with the aim to facilitate trade and reduce the cost of trade. Russian Federation has agreed to reduce the tariff on Pakistani goods and Pakistan will reciprocate the concession. The deal was signed in Tatarstan (Russia) conference which brought together representatives from 85 countries⁶. Under this deal, Pakistan will be able to import oil and gas in order to revive its economy. Even Saudi Arabia and India have been benefiting from the availability of cheap oil and gas from Russia. Under the deal Russia has offered to sell wheat at a discount for flood affected people of Pakistan. Wheat production in Pakistan has declined due to a number of factors including "water terrorism" launched by India⁷. Non-availability of food or high cost of food items has the capacity to undermine political stability in a country of 225 million people. Russian Federation's assistance will help Pakistan avert this major crisis. Pakistan should focus on improving its agricultural sector by learning from the experience of other countries.

Pakistan Steel Mill could play a vital role in regeneration of Pakistan's economy if other conditions are met. Good managerial skills, cheap electricity and availability of raw materials are required. Russian expertise would be valuable in reviving PSM. It needs to be modernized and put back on track. Machinery for the PSM should initially be imported from Russia with ultimate objectives of co-production under license. This would give a boost to development and open the door for export of machinery to developing states in BRI. Russian and Chinese companies' assistance can be sought to develop the mining sector in Baluchistan and other provinces of Pakistan.

Pakistan is rich in resources like Copper, Lithium, Rare-earth elements and others which are required by specific industries. Pakistan's experience with the Western companies so far has been less than satisfactory⁸. The Russian companies could help Pakistan in oil and gas exploration as well. All these ventures should be designed to create jobs and to contribute towards poverty alleviation. Skill development is

⁶ Pakistan, Russia sign deal to boost economic cooperation — World — DAWN.COM. URL: <https://www.dawn.com/news/1754513> (accessed: 16.10.2023).

⁷ India is depriving Pakistan of 25% of its share of water in violation of Indus water Agreement signed in 1960. India's Dams and Pakistan's Water Crisis — The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/10/indias-dams-and-pakistans-water-crisis/> (accessed: 16.10.2023).

⁸ The deal signed with Tethyan Copper Company a joint venture between Barrick Gold (Canada) and Antofagasta (Chile) is a typical example.

also necessary for improving the quality of workforce. This can be achieved through training programmes financed by private sector and government of Pakistan, technical support of Russia will be imperative.

The young people who constitute the majority in Pakistan would come up to international standard. Pakistan needs to develop its higher education model on new lines. Access to the US and European universities should continue, but efforts should be launched to achieve diversification. There is a dire need to promote academic cooperation with centers of higher learning in Russia and China. Under CPEC, for example, specific universities in Pakistan and China have been linked together [Wizarat, 2023, pp. 30–31]. It can be expanded to include Russian universities. Think Tanks in the three countries should also work together and supplement each other. Russia's S400 has earned repute as the most modern and effective system. Pakistan suffers from several layers of Western sanctions, instead of approaching them every now and then to lift the sanctions; Pakistan should evolve independent new approaches to meet its defense requirements. Pakistan could supplement the defense equipment in the use of its defense forces through purchases from Russia, China and other non-Western countries.

In the past China and Pakistan co-produced JF-17 Thunder aircraft and Al-Khalid tank both of which have earned the reputation of being very effective and less expensive. Russia and Pakistan can work on these lines for mutual benefit. There is a ready market for effective military equipment which does not carry too high a price tag. The US monopoly in production and sale of weapons needs to be checked in order to build a more peaceful world.

My Research carried out over a two-year period suggests that two areas might pose a formidable threat to humanity in future. Weaponisation of climate is a real possibility. The US launched HAARP programme has been there for several years [Wizarat, 2023, p. 293.]. After further research on this subject a joint strategy should be adopted by leading states in the international system. The Ukraine operation launched by Russia has unearthed the US biological labs in that country. It has been reported that some other countries are also hosting the US biological labs. The whole concept has been designed by the US to achieve an edge over its rival states [Blum, 2002, Pp.113–119]. This could pose a serious threat to human civilization. The use of nuclear weapons in Japan and nuclear tipped weapons by UK and US against Iraq have led to deformities and birth defects in newborns⁹. However, the use of biological agents to promote Western pharmaceutical companies and bioweapons for military purposes are two sides of the same coin. Countries which could be likely targets of these attacks should be in a position to at least defend themselves.

There can be two approaches to settle these threats. By acquiring the ability to control climate or develop bioweapons a kind of deterrence can be created. The other approach can take the form of opposing weaponisation of weather and bioweapons. This would require working with other nations to create an understanding of the emerging threats. By launching a strong movement at global level to prevent future threats to humanity we could unite a large number of states for a good cause.

⁹ The occurrence of Cancer particularly among children in Iraq after the use of depleted Uranium weapons by UK and US became wide spread.

References

Henry Kissinger. *Diplomacy*. London, US: Simon and Schuster, 1994.

Daniel S. Markey. *No Exit From Pakistan*. Karachi: Liberty Publisher, 2022.

Survey conducted in 2019 in major cities of Pakistan. Pakistan Centre for Research and Statistics (CRS), Karachi, Pakistan, 2020.

Talat Ayesha Wizarat, *Belt and Road Initiative: Emerging World Order*. Singapore: Partridge Publishing, 2023.

William Blum. *Rogue State*. London, UK: Zed Books, 2002.

Electronic resources

Pakistan, Russia sign deal to boost economic cooperation — World — DAWN.COM. URL: <https://www.dawn.com/news/1754513> (accessed: 16.10.2023).

India's Dams and Pakistan's Water Crisis — The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/10/indias-dams-and-pakistans-water-crisis/> (accessed: 16.10.2023).

РОССИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПАКИСТАНА (2022–2023 гг.)

Н. А. Замаева¹

Пакистано-российские отношения — одно из активно развивающихся направлений внешней политики Пакистана на современном этапе. Однако внутренние политические разногласия, глубокий экономический кризис, глобальные трансформационные процессы, блоковая проамериканская политика прошлых лет и давление администрации президента США Дж. Байдена продолжают оказывать влияние на Исламабад. В этом кроется одна из причин отсутствия прочных позиций России в стратегическом содержании внешней политики Пакистана.

Пакистан взаимодействует с Россией в рамках Шанхайской организации сотрудничества. В последние годы ему в одиночку все сложнее дается решение непростых дипломатических и экономических вызовов:

– со второй декады XXI в. Исламабад опирается на консультативную поддержку Пекина и Москвы для урегулирования внутриафганского кризиса. Вывод коалиционных сил МССБ/НАТО из Афганистана в августе 2021 г. породил новый вызов — по сути, отказ лидеров афганского движения Талибан от данных мировому сообществу обещаний (инклюзивность центрального правительства, гарантия прав женщин и т.д.); и страны региона, включая Пакистан, пришли к выводу, что только коллективные региональные силы могут убедить лидеров афганских талибов выполнить обещания. Мир в Афганистане — одно из составляющих мира в регионе;

– топливно-энергетический кризис в Пакистане убеждал местные власти искать альтернативные, в обход санкциям США, пути сотрудничества с богатой углеводородами Россией. Пакистан официально не критиковал специальную военную операцию России на Украине в феврале 2022 г. и был занят поиском новых возможностей в сложившейся ситуации. Москва переориентировала логистику потоков сырой нефти и природного газа на Восток, и это стало удачным предложением для Исламабада для покупки российской сырой нефти по сниженному тарифу.

Ни один значимый государственный документ, как, например, Стратегия национальной безопасности 2022 г., не упоминает Российскую Федерацию в качестве жизненно необходимого партнера Пакистана. Краткий анализ, проведенный в статье, подтверждает, что Исламабад обращается к Москве в критически сложные для национальной безопасности периоды: борьба с терроризмом, содействие внутриафганскому урегулированию, выход из топливно-энергетического кризиса и т.д.

Ключевые слова: Россия, Пакистан, Шанхайская организация сотрудничества, торгово-экономические отношения, безопасность, экономический кризис, сырая нефть.

Для цитирования: Замаева Н. А. Россия во внешней политике Пакистана (2022–2023 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 260–270. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-260-270

¹ Замаева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; olunja@mail.ru

Natalia A. Zamaraeva, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; olunja@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2457-0000

RUSSIA IN PAKISTAN'S FOREIGN POLICY (2022-2023)

Natalia A. Zamaraeva

Pakistani-Russian relations are one of the actively developing areas of Pakistan's foreign policy at the present stage. However, internal political disagreements, a deep economic crisis, global transformation processes, the pro-American bloc politics in the past and pressure from the administration of US President Joe Biden continue to influence Islamabad. This is one of the reasons for the absence of Russia's strong position in the strategic content of Pakistan's foreign policy.

Pakistan cooperates with Russia within the framework of UN, the Shanghai Cooperation Organization and others organizations. In recent years, Islamabad has found it increasingly difficult to resolve complex diplomatic and economic challenges alone:

– from the second decade of the 21st century. Islamabad relies on the advisory support of Beijing and Moscow to resolve the intra-Afghan crisis. The withdrawal of ISAF/NATO coalition forces from Afghanistan in August 2021 gave rise to a new challenge: in fact, the refusal of the leaders of the Afghan Taliban movement from their promises to the world community (inclusiveness of the central government, guarantee of women's rights, etc.); and the region's countries, including Pakistan, realizes that only a collective steps can persuade the Afghan Taliban leaders to follow through on their words. Peace in Afghanistan is one of the components of peace in the region;

– the fuel and energy crisis in Pakistan convinced local authorities to look for alternative ways of cooperation with hydrocarbon-rich Russia, bypassing US sanctions. Pakistan did not officially criticize Russia's military operation in Ukraine in February 2022, and was busy looking for new opportunities in the current situation. Moscow from its side redirected the logistics of crude oil and natural gas flows to the East, and this became a good excuse for Islamabad to buy Russian crude oil at a reduced tariff.

Not a single significant government document, such as the National Security Strategy 2022, etc. mentions the Russian Federation as a vital partner. A brief analysis carried out in the article confirms that Islamabad turns to Moscow in critically difficult periods for national security: the collective fight against terrorism, promoting intra-Afghan settlement, overcoming the fuel and energy crisis, etc.

Keywords: ARussia, Pakistan, Shanghai Cooperation Organization, trade and economic relations, security, economic crisis, crude oil

For citation: Zamaraeva N. A. Russia in Pakistan's Foreign Policy (2022–2023). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 1. Pp. 260–270. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-260-270

В 2014 г. в силу разных причин Россия и Пакистан приняли решение перейти к более тесным отношениям. Пакистанские СМИ писали, что в прошлом связи «... были затруднены из-за стратегических связей России с Индией»². Но вспомним еще одно обстоятельство тех лет. В январе 2014 г. в соседнем Афганистане в разгар международной террористической кампании США/НАТО контроль за режимом безопасности в Афганистане командование Североатлантического альянса передало афганским силам национальной безопасности, пообещав скорый вывод иностранных войск из региона.

В последующие годы Москва и Исламабад выступали с близких позиций по большинству актуальных вопросов международной и региональной повестки дня; расширялось сотрудничество как на двусторонней основе, так и в многосторонних форматах, в ООН и ШОС, где основными

² Chaudary N. Pakistani troops for Saudi Arabia. *The Nation*. 12.03.2018. URL: <https://nation.com.pk/12-Mar-2018/pakistani-troops-for-saudi-arabia> (дата обращения: 15.08.2023); Pakistan's foreign policy is well past its shelf life. Here's why it needs a paradigm shift. *Dawn*. 04.10.2023 URL: <https://www.dawn.com/news/1778939/pakistans-foreign-policy-is-well-past-its-shelf-life-heres-why-it-needs-a-paradigm-shift> (дата обращения: 24.10.2023).

темами до сегодняшнего дня остаются борьба с терроризмом, положение дел в Афганистане, на Украине, сирийская, палестинская проблематика и т. д.

Страны подтвердили «...нацеленность на продвижение объединительной повестки дня и выстраивание конструктивного политического диалога в сфере межгосударственных отношений, развитие торгово-экономической и энергетической кооперации»³.

Старт активизации российско-пакистанских отношений был дан в 2014 г. с визита военной делегации Министерства обороны Российской Федерации в Исламабад. С тех пор на регулярной основе проходят двусторонние морские учения «Аравийский муссон», в ходе которых отрабатываются совместные действия по борьбе с наркотиками, терроризмом и пиратством. Несколько лет проводятся совместные военные тактические учения на территории обеих стран, например, «Дружба» (с 2016 г.) для отработки взаимодействия при выполнении антитеррористических операций в горных условиях. Опыт сотрудничества дал сторонам основание подписать Межправительственное соглашение о военно-техническом сотрудничестве в апреле 2017 г.

Торгово-экономические отношения

В отличие от контактов по линии военных ведомств, торгово-экономические связи развиваются значительно медленнее, объемы товарооборота «замерли» на отметке 709,8 млн долл. в 2022 г. Пакистанская сторона объясняла подобное положение санкциями США, направленными против ряда российских компаний. Конечно, было, но незначительное, увеличение объемов, всего на 1,31% по сравнению с 2021 г. Российский экспорт вырос до 481 млн долл. (за счет увеличения поставок пшеницы), в то же время поставки импорта сократились до 228,8 млн долл. Основную долю российского экспорта в Пакистан составили продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (88%, 423,2 млн долл.), топливо, минеральное сырье, сырая нефть и продукты ее переработки и т. д.

В структуре пакистанского импорта преобладали текстиль, хлопчатобумажные изделия и обувь (46,9%, 107,4 млн долл.), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (25,8%, 59 млн долл.), кожаные изделия, пушнина (11,1%, 25,4 млн долл.)⁴.

Весна в российско-пакистанских отношениях наступила еще в конце февраля 2022 г. Государственный визит премьер-министра Имран Хана в Москву 24 февраля 2022 г. стал историческим. Это был первый визит высокого уровня за долгие годы и переговоры с президентом России В. В. Путиным. Но важность события «заглушили» мировые СМИ, обрушившись на Москву с критикой в связи с началом специальной военной операции (СВО) России на Украине.

Специальная военная операция России на Украине

Официальный Исламабад заверял общественность в совпадении даты событий; утверждал, что Пакистан не был информирован об СВО; занимает нейтральную позицию в российско-украинском конфликте. Западные страны во главе с США оперативно формировали широкую антироссийскую коалицию. Аккредитованные в Исламабаде дипломаты из 22 стран опубликовали совместный пресс-релиз, в котором призывали власти поддержать резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) с осуждением СВО на Украине. В ответ внешнеполитическое ведомство

³ К предстоящим переговорам Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с Министром иностранных дел Пакистана Б. Бхутто-Зардари. МИД РФ. 30.01.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1850870/ (дата обращения: 30.07.2023).

⁴ Двусторонние отношения со страной Пакистан. МИД РФ. 10.08.2022. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1102920/> (дата обращения: 10.08.2023).

Пакистана назвало их действия «неприемлемыми» и «противоречащими дипломатическим нормам»⁵. Премьер-министр И. Хан публично раскритиковал представителей этих стран.

Тогдашний глава внешнеполитического ведомства М. Куреши выразил озабоченность по поводу неблагоприятных экономических последствий СВО для развивающихся стран, констатируя резкий взлет цен на топливо и продовольствие в связи с нарушением логистики международных поставок⁶. Сохраняя принципиальную позицию, основанную на уважении суверенитета и территориальной целостности всех государств, Исламабад призвал к деэскалации и разрешению споров посредством диалога и дипломатии.

В российско-украинском конфликте Исламабад сверял свою позицию с Пекином, и стороны «...подчеркивали необходимость быть внимательными к негативным последствиям украинского кризиса, в частности, ... предотвращении его влияния на развивающиеся страны, и призвали вовлеченные в конфликт страны разрешать разногласия и споры посредством дипломатии и диалога»⁷.

Пакистан на международном уровне постепенно дистанцировался от Соединенных Штатов по вопросу украинского кризиса; он вошел в число 32 стран, которые воздерживались от голосования каждый раз, когда США включали в повестку дня СБ ГА ООН резолюцию по Украине. Тем самым Исламабад оставлял для себя возможность вести переговоры с Москвой по ряду вопросов, включая поставки углеводородов. Развивающиеся страны стремились «уклониться от усиливающегося противостояния между Соединенными Штатами, Россией и Китаем. Исламабад балансировал, чтобы, с одной стороны, не растерять традиционных западных экономических партнеров, и с другой стороны, стремился поддерживать статус всепогодных стратегических отношений с Китаем, открывать новые рынки в Центральной Азии и России.

Госдепартамент США выразил недовольство нейтральной позицией лидера Пакистана по украинскому конфликту и предупредил о последствиях, если тот останется у власти. В недавнем прошлом администрация президента Дж. Байдена неоднократно критиковала главу кабинета министров страны после его отказа предоставить Пентагону территорию для развертывания американской базы после вывода коалиционных войск США/НАТО из соседнего Афганистана в августе 2021 г.

Сказала свое слово и пакистанская оппозиция. Местные СМИ писали, что политические оппоненты использовали визит в Москву, и главное, критику США/западных стран как один из поводов для атаки на премьер-министра И. Хана. По итогам голосования в нижней палате парламента о вотуме недоверия в апреле 2022 г. он был смещен с поста главы федерального кабинета министров. В сложившихся обстоятельствах Исламабаду было важно найти баланс между «восстановленной» дружбой с Россией, с одной стороны, и Западом с другой. Мир быстро менялся, и успех внешней политики заключается в том, чтобы умело балансировать, т. е. расширять перспективы, а не сужать возможности. Именно такой стратегии последовал Исламабад.

Одновременно с фронтальным походом мировых держав против России усилились американо-китайские противоречия, обострилась длившаяся уже несколько лет торговая война, война тарифов. Глава оборонного ведомства России С. К. Шойгу заявил, что «...истинной целью западных стран в украинском конфликте является нанесение России стратегического поражения,

⁵ As Russian Federation's Invasion of Ukraine Creates New Global Era, Member States Must Take Sides, Choose between Peace, Aggression, General Assembly Hears. UN. 01.03.2022. URL: <https://www.un.org/press/en/2022/ga12406.doc.htm> (дата обращения: 01.08.2023).

⁶ Qureshi discusses Russia-Ukraine conflict with Chinese counterpart. The Tribune. 08.03.2022. URL: <https://tribune.com.pk/story/2347011/qureshi-discusses-russia-ukraine-conflict-with-chinese-counterpart> (дата обращения: 08.08.2023).

⁷ China-Pakistan Joint Statement (Full Text). FMPRC. 22.05.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202205/t20220522_10690893.html (дата обращения: 22.08.2023).

а также создание угрозы Китаю и сохранение монопольного положения в мире...»⁸. Введенные США и западными странами санкции в отношении Москвы означали, что начиная с конца февраля 2022 г. России пришлось перестроить логистические цепочки транспортировки углеводородов на Восток и избежать оплаты в долларах. Это повлекло за собой рост объемов товарооборота между Россией и Китаем. Оплата в юанях в российско-китайских торговых операциях увеличилась в 80 раз. В марте 2023 г. Москва объявила о долгосрочном плане использования юаня в качестве предпочтительной валюты. [Zeeshan, 2023].

Экономический кризис в Пакистане и тестовая закупка российской сырой нефти

Начиная с 2018 г. Пакистан пережил затяжной политический кризис (борьба оппозиции за отстранение премьер-министра Имран Хана (август 2018 — апрель 2022 г.), шестнадцатимесячное правление коалиционного правительства во главе с Шехбазом Шарифом (апрель 2022 — август 2023 г.). Политическая нестабильность усугублялась экономическим кризисом: страна несколько лет балансировала на грани суверенного дефолта, не имея финансовых ресурсов платить по внешним счетам, все экономические показатели ухудшались.

Жесткое противостояние политических сил привело к разбалансировке государственного аппарата, безответственным действиям официальных лиц в экономических вопросах и, как следствие, высокой инфляции, бегству из страны капитала, сокращению рабочих мест; неудачи во внешней политике отразились на сокращении объемов экспорта, а в миграционной политике — сокращении притока иностранной валюты от работавших за рубежом пакистанцев и т. д.

Новое коалиционное правительство Пакистана во главе с премьер-министром Шехбазом Шарифом (апрель 2022 — август 2023 г.) первоначально осторожно касалось темы пакистано-российских отношений. Клан Шарифов традиционно опирался на политическую и экономическую поддержку монархий Персидского залива, США и, начиная со второй декады XXI в., — Китай, учитывая, что эти страны были и остаются основными финансовыми кредиторами и торгово-экономическими партнерами Исламабада. Правящая администрация во главе с премьер-министром Ш. Шарифом настолько погрузилась в борьбу за власть, что забыла о первостепенности экономического оздоровления страны. За нее это сделал генералитет, представив депутатам парламента в июне 2023 г. «План экономического возрождения». Одобренный депутатами план ставил цели:

- «...капитализация неиспользованного потенциала страны в ключевых секторах, привлечение местных и иностранных инвестиций, в первую очередь из стран Персидского залива»;
- ускорение реализации проектов Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) [Shehzad, 2023].

Россия не фигурировала в официальных документах. Усиление генералитетом контроля за экономическим развитием подразумевало смелость при принятии ответственных решений. Это касалось политической и в дальнейшем бизнес-активности Исламабада с Москвой в 2023 г.

Инфляция в Пакистане в месячном исчислении выросла на 2% в сентябре 2023 г. по сравнению с ростом на 1,7% в августе 2023 г.⁹ Рост мировых цен на пшеницу, энергоносители, в частности, на уголь в 2022–2023 гг. привели к высоким ценам на электроэнергию, обострили традиционные

⁸ Шойгу назвал истинную цель Запада в украинском конфликте. URL: https://news.mail.ru/politics/56014471/?from_mail=1&utm_partner_id=735 (дата обращения: 28.04.2023).

⁹ Annual inflation rises to 31.4pc amid high energy prices. Dawn. 02.10.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1778945/annual-inflation-rises-to-314pc-amid-high-energy-prices> (дата обращения: 02.08.2023).

проблемы с ликвидностью и нехваткой иностранной валюты для погашения кредитов¹⁰. Власти метались в поисках новых займов и новых проектов.

В последние годы Исламабад предпринимал усилия по наращиванию энерго мощностей для обеспечения бесперебойного снабжения потребителей электроэнергией. Несколько энергетических проектов уже были введены в эксплуатацию в рамках КПЭК, и в 2022 г. потребление электроэнергии на душу населения увеличилось с 431 киловатт-часа (кВт/ч) в 2014 г. до 644 кВт/ч [Shakeel Ahmad, 2023]. Но и новых, введенных в эксплуатацию, мощностей в 2023 г. уже было недостаточно в силу разных причин (рост численности населения, повышение потребления и т. д.). Нехватка энергоресурсов заставила крупный бизнес постепенно сворачивать активность в стране, поскольку возможности для развития сокращались. На протяжении последних лет население сталкивалось с перебойми в подаче электроэнергии вплоть до нескольких часов. В 2022 г. Исламабад импортировал 154 000 баррелей сырой нефти в сутки; а импорт энергоносителей составлял большую часть внешних платежей Пакистана.

В этих условиях Билавал Зардари-Бхутто, глава внешнеполитического ведомства в правительстве Ш. Шарифа, делает заявление, что «...для удовлетворения энергетических потребностей страны и оказания помощи гражданам, платящим за дорогое импортное топливо, правительство «ищет возможности работать с кем угодно, включая Россию»¹¹. Начиная с 2015 г. Пакистан и Россия ведут переговоры о прокладке трубопровода СПГ по внутренней территории страны, из Карачи на побережье Аравийского моря в пригород Лахора в рамках масштабного проекта «Пакистанский поток».

Позднее, в октябре 2017 г., в Исламабаде было подписано Межправительственное соглашение о сотрудничестве в вопросе поставок сжиженного природного газа. Документ ставил цель — создание условий для поставок российской компанией (ПАО «Газпром» и/или его аффилированными лицами) СПГ на регазификационные терминалы Пакистана. Несколько раз менялись Технико-экономическое обоснование проекта, а также финальная сумма и график оплаты для обхода санкций США. Правительство Пакистана в январе 2023 г. вновь вернулось к предложению российской стороны совместно реализовать комплексную программу развития газовой отрасли (переговоры стартовали в 2016 г.).

В 2023 г. СМИ писали, что «...Пакистан остается привержен проекту трубопровода The Pak Stream Pipeline project и стороны ведут переговоры по нерешенным вопросам»¹². Правительства и премьер-министра И. Хана, и премьер-министра Ш. Шарифа также вели торговые переговоры с Россией, обращались с просьбой выделить кредит на покупку сырой нефти (по сниженному тарифу) и пшеницы¹³.

Помимо нефти и газа Пакистан и Россия также ряд других пунктов, включая инвестиции, сельское хозяйство, энергетику, промышленность, образование, науку и технику, информационные и коммуникационные технологии, строительство инфраструктурных объектов (например, автомагистрали, железнодорожное полотно), финансы и таможню. Но реальных крупных проектов так и не было. Экономические показатели в Пакистане в 2022–2023 гг. оставались низкими. Энергетический кризис тормозил бизнес. Власти заявили о намерении покупать сырую

¹⁰ Transcript of the Media Briefing by the Spokesperson on Friday 08 September 2023. MOFA. 08.09.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-media-briefing-by-the-spokesperson-on-friday-08-september-2023/> (дата обращения: 08.10.2023).

¹¹ Bilawal says IMF not being fair, Pakistan facing 'perfect storm' of crises. Dawn. 12.03.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1741441/bilawal-says-imf-not-being-fair-pakistan-facing-perfect-storm-of-crises> (дата обращения: 12.08.2023).

¹² \$18bn penalty feared if Pakistan doesn't complete Iran gas project. Dawn. 18.05.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1754035/18bn-penalty-feared-if-pakistan-doesnt-complete-iran-gas-project> (дата обращения: 18.08.2023).

¹³ Transcript of the Media Briefing by the Spokesperson on Friday 08 September 2023. MOFA. 08.09.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-media-briefing-by-the-spokesperson-on-friday-08-september-2023/> (дата обращения: 08.10.2023).

нефть у России по самой низкой цене, установленной Европейским союзом и странами G7 на фоне украинского конфликта. Москва заверила, что Исламабад получит скидку, равную сумме, предложенной соседним странам [Hussain, 2023]. Ранее Индийская нефтяная корпорация Indian Oil Corporation, ведущая нефтяная компания страны, подписала контракт на покупку трех миллионов баррелей сырой нефти, которую Россия предложила с большой скидкой по сравнению с международными ценами¹⁴.

Переговоры о поставках сырой нефти в Пакистан проходили в обеих столицах. Москва согласилась на значительное понижение тарифа. Прошло немногим более шести месяцев после официального визита Б. Бхутто-Зардари в Москву до первых тестовых поставок сырой нефти в порт Карачи. Однако еще на начальном этапе стороны столкнулись с несколькими вызовами;

- компонентный состав российской сырой нефти не отвечал техническим требованиям пакистанских нефтеперерабатывающих заводов, которые налажены на переработку низкосернистого сырья;
- платежи за российскую нефть в долларах США оставались серьезным препятствием для подписания соглашения. Пакистанские банки отказывались открывать аккредитивы на импорт сырой нефти из России. Уместно подчеркнуть, что еще в 2022 г. на саммите ШОС Россия выдвинула предложение торговать общими валютами в регионе. Пакистан в тот период времени опасался расширять торгово-экономические связи с «санкционной» Москвой, избегая давления США. В ответ на вопрос о поставках российских нефтепродуктов МИД информировал о подписании с Москвой соглашения о покупке пробной партии сырой нефти¹⁵.

Исламабад разместил свой первый тестовый заказ на закупку сырой нефти у России в конце апреля 2023 г. Посол Пакистана в США Масуд Хан предварительно проконсультировался с властями США, и администрация президента Дж. Байдена не возражала против предложенной сделки. Оплата за импорт российской сырой нефти проводилась в китайских юанях в июне 2023 г.¹⁶ После тестового запуска на НПЗ российских углеводородов пакистанская сторона подтвердила, что российская нефть пригодна для переработки и продажи на местном рынке.

Нефтеперерабатывающая компания Pakistan Refinery Limited (PRL) импортировала 100 000 тонн сырой нефти сорта «Юралс». Договор о продаже сырой нефти был выгоден и России, и Пакистану. Москве была предоставлена возможность увеличить объемы продаж сырой нефти для отправки в восточном направлении в добавление к закупкам Индией и Китаем.

В процессе переработки сырой нефти из стран Ближнего Востока получают 45% высокоскоростного дизельного топлива (HSD) и 25% мазута, тогда как из российской нефти на выходе получали 32% HSD и 50% мазута. Нефтеперерабатывающие заводы Пакистана технологически могут быть адаптированы к российской нефти, смешивая ее с аравийской [Bhutta, 2023].

Пакистан отказывается от блоковой политики

Подписание Договора о поставке российской сырой нефти по времени совпало с официальными опровержениями Исламабада о присоединении к какому-либо стратегическому

¹⁴ Indian purchase of Russian oil not violation of sanctions: US. Dawn. 18.03.2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1680547/indian-purchase-of-russian-oil-not-violation-of-sanctions-us> (дата обращения: 18.08.2023).

¹⁵ \$18bn penalty feared if Pakistan doesn't complete Iran gas project. Dawn. 18.05.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1754035/18bn-penalty-feared-if-pakistan-doesnt-complete-iran-gas-project> (дата обращения: 18.08.2023).

¹⁶ China backs Pakistan paying Russia in RMB. The Tribune. 13.06.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2421543/china-backs-pakistan-paying-russia-in-rmb> (дата обращения: 12.08.2023).

региональному блоку. Внешнеполитическое ведомство подчеркивало, что «...проводит последовательную политику и не верит в блоковую политику. Страна поддерживает всепогодное стратегическое партнерство с Китаем, отношения с которым за последние несколько десятилетий только становились крепче...»¹⁷.

Одновременно у Пакистана сложились хорошие отношения с большинством стран мира — в Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем Востоке, Европе; США также являются одним из старейших друзей и партнеров Пакистана и крупнейшим экспортным рынком... Таким образом, Пакистан не планирует становиться на чью-либо сторону или присоединиться к тому или иному блоку.

Экономика Пакистана зависима от внешнего финансирования

С приближением нового финансового года (2023–2024) (ежегодно стартует 1 июля) приближалась и дата оплаты валютных счетов. Пакистану требовалась сумма в размере нескольких миллиардов долларов для погашения платежей. Он рассчитывал, что Международный валютный фонд (МВФ) выделит 1,5 млрд долл. из суммы кредитного договора с МВФ, а дополнительную сумму страна получит от традиционных кредиторов (Китая и Саудовской Аравии).

В 2019 г. Исламабад подписал соглашение с глобальным кредитным агентством на сумму в 6,5 млрд долларов. В феврале 2022 г. прежняя администрация премьер-министра И. Хана получила расчетную по контракту сумму. На оставшиеся 1,5 млрд долл. правительство Шехбаза Шарифа добивалось перевода транша в течение полутора лет. И только в последних числах июня 2023 г. деньги были получены под обременительные для Исламабада обязательства.

В ответ на требования МВФ власти Пакистана приняли ряд мер (повысили налоги, включая НДС, и цены на энергоносители). СМИ писали и о политических обязательствах Исламабада. Хроническая зависимость от финансовой помощи, займов и экономической щедрости из-за рубежа, за которой правительства Пакистана постоянно обращаются к другим странам, не согласуется с критериями независимой внешней политики любого государства.

Неудивительно, что в середине июля 2023 г. в Исламабад, как писали пакистанские СМИ, «... с экстренным визитом прилетел министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба» [Khan, 2023]. Визит не был анонсирован заранее, как принято в дипломатической практике. Это был первый приезд главы внешнеполитического ведомства Украины после установления дипотношений между двумя странами в 1992 г. Учитывая напряженность ситуации, официальный представитель МИД Пакистана поспешил заявить, что страна сохраняет нейтралитет в конфликте и аналогичные встречи происходят между российскими и пакистанскими властями.

Визит проходил в дни, когда местные СМИ информировали о предполагаемых поставках Пакистаном оборонных изделий на Украину. Исламабад отвергал эти сообщения, заверяя, что придерживается политики невмешательства в военные конфликты¹⁸. Пакистан экспортирует оборонные запасы в другие государства только на основании твердого конечного использования и без каких-либо гарантий повторной передачи¹⁹.

¹⁷ Transcript of the Media Briefing by the Spokesperson on Thursday 25 May 2023. MOFA. 25.05.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-media-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-25-may-2023/> (дата обращения: 25.08.2023).

¹⁸ Statement by the Spokesperson. MOFA. 18.09.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/statement-by-the-spokesperson-2/> (дата обращения: 10.10.2023).

¹⁹ Transcript of the Press Briefing by the Spokesperson on Thursday 16 February 2023. MOFA. 16.02.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-press-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-16-february-2023/> (дата обращения: 16.09.2023).

Пакистан настроен на активный диалог с Россией

Говоря о России, Джалил Аббас Джилани, министр иностранных дел переходного правительства Пакистана, в сентябре 2023 г. подчеркивал «... важность отношений с Москвой, в которые Исламабад инвестировал в течение последних двух десятилетий. И в настоящее время ведется активный диалог, который будет иметь продолжение»²⁰.

В августе 2023 г. завершился пятилетний мандат депутатов Национальной ассамблеи (нижней палаты парламента). Временное правительство премьер-министра А. Какара приняло присягу на верность Конституции 1973 г. еще в августе 2023 г. Первые заявления «переходного» состава руководства внешнеполитического ведомства подтверждали преемственность политики, проводимой экс-министром иностранных дел Пакистана Биравалом Зардари-Бхутто и его командой, цель которой — развитие многосторонних связей.

Но термин многосторонности для Исламабада имеет традиционные ограничения. С одной стороны, он крепко связан финансовыми договоренностями с МВФ, контролируемым Вашингтоном (США — один из основных его крупных экономических партнеров), тарифными торговыми льготами со странами Евросоюза, кредитными обязательствами с рядом монархий Ближнего Востока и Китая. С другой стороны, многолетняя напряженность с Индией блокирует логистику, и соответственно резко сокращает объемы торговли с малыми странами региона в рамках Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК).

Резкое обострение отношений с Кабулом тормозит развитие товарообмена с Центральноазиатскими республиками, так как транспортные маршруты проходят через Афганистан.

Подписанный в конце сентября 2023 г. меморандум о Договоре о свободной торговле с государствами Ближнего Востока, безусловно, демонстрирует дипломатическую победу Исламабада. Документ гарантирует в перспективе снижение экспортных тарифов для пакистанских товаров при вхождении на местные рынки. Но его реализация также «гарантирует» «подконтрольное» Эр-Рияду поведение Исламабада. Например, в 2019 г. Саудовская Аравия в течение двух дней отозвала свой кредит в сумме 2 млрд долл. сразу после критики министра иностранных дел М. Куреши в адрес монаршей семьи.

Исламабад осознает важность в новом многополярном мире торгово-экономического сотрудничества с Россией, ее огромным потребительским рынком, промышленным, сельскохозяйственным и технологическим подъемом, налаженной транспортировкой на Восток углеводородного сырья на современном этапе. Но разворот на Северо-Запад крайне медленно дается Пакистану. Из-за специфики международной политики в последние сорок лет отношения между Исламской Республикой Пакистан и СССР, позднее Российской Федерацией переживали взлеты и падения. Однако даже в самые сложные периоды Москва продолжает искать возможности и предоставлять реальные проекты для расширения диалога с Исламабадом, оказывая Пакистану экономическую помощь.

Литература/References

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. М., 2008 [Belokrenitsky V. Ya., Moskalenko V. N. History of Pakistan. XX century. M., 2008 (in Russian)].

Лунев С. И. Пакистан или Индия: выбор для России. *Международные процессы*. Журнал теории международных отношений и мировой политики. Июль-сентябрь 2014. Том 12. № 3 (38). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/012.htm>. [Lunev, S. I. Pakistan or India: a choice for Russia // *International processes*. July-september 2014. Vol. 12. No. 3(38). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-sixth/012.htm> (in Russian)].

²⁰ Transcript of the Media Briefing by the Spokesperson on Friday 08 September 2023. MOFA. 08.09.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-media-briefing-by-the-spokesperson-on-friday-08-september-2023/> (дата обращения: 18.09.2023).

Моргулов И. Россия–Пакистан: перспективы взаимодействия. К 65-летию двусторонних отношений. *Международная жизнь*. 2013. № 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/845> [Morgulov I. Russia–Pakistan: prospects for interaction. To the 65th anniversary of bilateral relations. *International life*. 2013. No. 4. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/845> (in Russian)].

А. И. Хашханов. Российско-пакистанские межгосударственные связи: состояние и перспективы развития. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2015. № 3. С. 99–108. <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-pakistanskie-mezhgosudarstvennye-svyazi-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> [Khashkhanov A. I. Russian–Pakistani intergovernmental relations: states and prospects of development. *Vestnik RUDN University: Peoples' Friendship University of Russia*. 2015. No. 3. Pp. 99–108 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic resource

Abu Dhabi Declaration: 46th session of Council of Foreign Minister of the Organisation of Islamic Cooperation. *Gulf News*. 02.03.2019. URL: <https://gulfnews.com/uae/government/abu-dhabi-declaration-46th-session-of-council-of-foreign-minister-of-the-organisation-of-islamic-cooperation-1.1551555952948> (дата обращения: 18.08.2023).

Annual inflation rises to 31.4pc amid high energy prices. *Dawn*. 02.10.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1778945/annual-inflation-rises-to-314pc-amid-high-energy-prices> (дата обращения: 02.10.2023).

As Russian Federation's Invasion of Ukraine Creates New Global Era, Member States Must Take Sides, Choose between Peace, Aggression, General Assembly Hears. UN. 01.03.2022. URL: <https://www.un.org/press/en/2022/ga12406.doc.htm> (дата обращения: 01.08.2023).

Bilawal says IMF not being fair, Pakistan facing 'perfect storm' of crises. *Dawn*. 12.03.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1741441/bilawal-says-imf-not-being-fair-pakistan-facing-perfect-storm-of-crisis> (дата обращения: 12.08.2023).

Bhutta Z. Potential Pak-Russia oil deal runs into hitches. *The Tribune*. 11.07.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2425609/potential-pak-russia-oil-deal-runs-into-hitches> (дата обращения: 10.08.2023).

China backs Pakistan paying Russia in RMB. *The Tribune*. 13.06.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2421543/china-backs-pakistan-paying-russia-in-rmb> (дата обращения: 12.08.2023).

China-Pakistan Joint Statement (Full Text). FMPRC. 22.05.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202205/t20220522_10690893.html (дата обращения: 22.08.2023).

Indian purchase of Russian oil not violation of sanctions: US. *Dawn*. 18.03.2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1680547/indian-purchase-of-russian-oil-not-violation-of-sanctions-us> (дата обращения: 18.08.2023).

Hussain K. Pakistan to start importing Russian oil this month: Malik. *The Tribune*. 05.04.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2410072/pakistan-to-start-importing-russian-oil-this-month-malik> (дата обращения: 10.08.2023).

Khan Iftikhar A. Ukrainian FM to arrive in Islamabad. *Dawn*. 18.07.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1765393> (дата обращения: 10.08.2023).

National security policy of Pakistan, January 2022. URL: <https://onsa.gov.pk/assets/documents/policy.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).

Pakistan's foreign policy is well past its shelf life. Here's why it needs a paradigm shift. *Dawn*. 04.10.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1778939/pakistans-foreign-policy-is-well-past-its-shelf-life-heres-why-it-needs-a-paradigm-shift> (дата обращения: 24.10.2023).

Qureshi discusses Russia-Ukraine conflict with Chinese counterpart. *The Tribune*. 08.03.2022. URL: <https://tribune.com.pk/story/2347011/qureshi-discusses-russia-ukraine-conflict-with-chinese-counterpart> (дата обращения: 08.08.2023).

Shehzad R. Army to oversee economic revival. *The Tribune*. 20.06.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2422716/army-to-oversee-economic-revival> (дата обращения: 20.08.2023).

Shakeel Ahmad. Opportunity cost of no-CPEC. *The Tribune*. 20.09.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2431701/opportunity-cost-of-no-cpec> (дата обращения: 20.10.2023).

Statement by the Spokesperson. MOFA. 18.09.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/statement-by-the-spokesperson-2/> (дата обращения: 10.10.2023).

Transcript of the Media Briefing by the Spokesperson on Thursday 25 May 2023. MOFA. 25.05.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-media-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-25-may-2023/> (дата обращения: 25.08.2023).

Transcript of the Press Briefing by the Spokesperson on Thursday 16 February 2023. MOFA. 16.02.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-press-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-16-february-2023/> (дата обращения: 16.09.2023).

Transcript of the Media Briefing by the Spokesperson on Friday 08 September 2023. MOFA. 08.09.2023. URL: <https://mofa.gov.pk/transcript-of-the-media-briefing-by-the-spokesperson-on-friday-08-september-2023/> (дата обращения: 08.10.2023).

Zeeshan M. Is a New Russia-China-India Bloc Forming in the East? The Diplomat. 04.04.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/04/is-a-new-russia-china-india-bloc-forming-in-the-east/> (дата обращения: 08.08.2023).

\$18bn penalty feared if Pakistan doesn't complete Iran gas project. Dawn. 18.05.2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1754035/18bn-penalty-feared-if-pakistan-doesnt-complete-iran-gas-project> (дата обращения: 18.08.2023).

Двусторонние отношения со страной Пакистан. МИД РФ. 10.08.2022. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1102920/> (дата обращения: 10.08.2023).

К предстоящим переговорам Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с Министром иностранных дел Пакистана Б. Бхутто-Зардари. МИД РФ. 30.01.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1850870/ (дата обращения: 30.07.2023).

Шойгу назвал истинную цель Запада в украинском конфликте. URL: https://news.mail.ru/politics/56014471/?frommail=1&utm_partner_id=735 (дата обращения: 28.04.2023).

РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕАКЦИЯ ИНДИИ

Н. В. Мелёхина¹

Наметившаяся в последние годы активизация двусторонних отношений России и Пакистана главным образом затронула сферы военно-технического и энергетического сотрудничества, в практическую плоскость была переведена совместная борьба с терроризмом и наркоугрозой, значительно расширилось взаимодействие по афганской проблематике. Расширение сотрудничества Москвы и Исламабада, в первую очередь в военно-технической сфере, по понятным причинам вызывает повышенное внимание и обеспокоенность в Нью-Дели. Наиболее резкую реакцию там вызвала готовность Москвы к поставкам Исламабаду вооружения, военной техники и иной продукции военного назначения. В то же время в своих взаимоотношениях с Пакистаном Россия старается избегать шагов, которые могли бы вызвать лишнее подозрение Индии, нанести ущерб интересам Нью-Дели или поставить под угрозу стратегическое партнёрство двух стран. В целом у Нью-Дели нет серьезных оснований для беспокойства относительно сближения Москвы и Исламабада. Там с пониманием относятся к заявлениям Москвы, что она развивает отношения с Пакистаном, исходя из собственных интересов (в первую очередь интересов экономических), а не «в пику» какой-либо третьей стране, тем более Индии, стратегическое партнерство с которой и по объемам, и по насыщенности, и по многовекторности, и по перспективам многократно превышает отношения Москвы и Исламабада.

Ключевые слова: российско-пакистанские отношения, Индия, афганское урегулирование, энергетическое сотрудничество, сотрудничество в сфере обороны

Для цитирования: Мелёхина Н. В. Российско-пакистанские отношения и реакция Индии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 271–279. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-271-279

RUSSIA-PAKISTAN RELATIONS: INDIA'S PERCEPTION

Natalia V. Melekhina

The intensification of bilateral relations between Russia and Pakistan in recent years has mainly affected the areas of military-technical and energy cooperation. Joint fight against terrorism and drug traffic has been transferred to a practical level, and interaction on Afghan issues has expanded significantly. The expansion of cooperation between Moscow and Islamabad, primarily in the military-technical sphere, for obvious reasons, is causing increased attention and concern in New Delhi. Its sharpest reaction was caused when Moscow and Islamabad declared that they were ready for mutually beneficial long-term cooperation in the military-technical sphere, including supply of weapons, military equipment and other military products. At the same time, in its relations with Islamabad, Russia tries to avoid steps that could arouse unnecessary suspicion in India and may harm the interests

¹ Мелёхина Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; melekhina.natalia@gmail.com

Natalia V. Melekhina, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; melekhina.natalia@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0099-9099

of New Delhi, or jeopardize the strategic partnership of the two countries. Overall, New Delhi has no serious reason to be concerned about the rapprochement between Moscow and Islamabad. India understands Moscow's statements that it is developing relations with Pakistan based on its own interests (primarily economic interests), and not "to spite" any third country, especially India, with which it has a strategic partnership and Russia-India cooperation is many times greater than the relations between Moscow and Islamabad in volume, in terms of intensity, multi-vector and of prospects.

Keywords: Russian-Pakistani relations, India, Afghan problem settlement, energy cooperation, defense cooperation

For citation: Melekhina N. V. Russia-Pakistan Relations: India's Perception. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 271–279. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-271-279

Отношения со странами Южноазиатского региона всегда имели для России стратегически важное значение. В силу исторических обстоятельств в числе внешнеполитических приоритетов Москвы преимущество отдавалось дружбе и сотрудничеству с Индией. Пакистан же традиционно не входил в орбиту московского влияния, особенно с учетом того, что он надежно закрепился в американском «лагере» во время противостояния великих держав в странах третьего мира во время «холодной войны». Тем не менее советско-пакистанское экономическое сотрудничество развивалось, шла реализация крупных проектов в металлургической, энергетической и торговой сферах. Наследие афганской войны 1980-х годов, общее недоверие в отношениях, внутренние политические процессы в России 1990-х годов и позиция Пакистана по некоторым особо чувствительным для Москвы вопросам, а главное — становление России в качестве стратегического партнера Индии — не способствовало сближению России и Пакистана и замедляло темпы развития двусторонних связей.

Позитивные перемены в отношениях двух стран обозначились лишь в начале 2000-х годов, в особенности после того, как оба государства начали активно расширять свое взаимодействие на антитеррористическом направлении. По-настоящему прорывным можно считать 2014 г., когда две страны подписали соглашение о сотрудничестве в сфере обороны, в котором рассматривались вопросы продажи оружия и совместных военных учений. Сегодня контакты России с Пакистаном включают в себя расширяющийся «портфель» продаж оружия, военные учения, активное политическое участие и растущее экономическое и энергетическое партнерство.

Наметившаяся в последние годы активизация двусторонних отношений России и Пакистана главным образом затронула сферы военно-технического и энергетического сотрудничества, в практическую плоскость была переведена совместная борьба с терроризмом и наркоугрозой, значительно расширилось взаимодействие по афганской проблематике [Мелехина, 2018, с. 19–29].

Очередным подтверждением тому стал первый за девять предыдущих лет, во многих отношениях знаковый визит министра иностранных дел России С. Лаврова в Исламабад в апреле 2021 г. В преддверии визита российское внешнеполитическое ведомство выпустило сообщение для СМИ, в котором было подчеркнуто, что основу сотрудничества Москвы и Исламабада составляют «совпадение или близость позиций по большинству стоящих перед мировым сообществом проблем, включая вопросы стратегической стабильности и противодействия терроризму»².

Расширение сотрудничества России и Пакистана, в первую очередь в военно-технической сфере, по понятным причинам вызывает повышенное внимание и обеспокоенность в Нью-Дели. В Индии внимательно следили за визитом главы российской дипломатии в соседнюю страну.

² О предстоящем визите Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в Пакистан. Сообщение для СМИ. 06.06.2021. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/pk/1419062/> (дата обращения: 28.05.2023).

По оценкам индийских средств массовой информации, сделанные в ходе визита министра иностранных дел России в Исламабаде заявления «подчеркнули качественное улучшение отношений России с Пакистаном, имеющих неоднозначную дипломатическую историю»³.

Индийская пресса отмечала, что дискуссии С. Лаврова с политическим и военным руководством Пакистана включали вопросы, весьма чувствительные для Индии, среди которых, в том числе, ситуация с правами человека в Джамму и Кашмире. В этой связи следует подчеркнуть, что ни в заявлении российского МИДа по итогам визита С. Лаврова в Исламабад, ни в ходе пресс-конференции глав внешнеполитических ведомств России и Пакистана, ни в интервью С. Лаврова пакистанской газете “*The News*” не было сказано ни слова осуждения в адрес Индии в отношении ситуации в Кашмире. По сообщениям пакистанской прессы, кашмирский вопрос обсуждался лишь в том ключе, что министр иностранных дел Пакистана Ш. М. Куреши проинформировал российского коллегу об «ухудшении [прим. авт. — по мнению Исламабада] ситуации с правами человека в индийском штате Джамму и Кашмир»⁴. Хорошо известна болезненная реакция Нью-Дели на обсуждение третьими странами вопроса Кашмира, поэтому даже тот факт, что российская сторона лишь выслушала позицию Исламабада по этому вопросу, не остался незамеченным в Индии.

Довольно скептически индийское руководство отнеслось и к тому, что Москва говорит о «положительной роли Пакистана в борьбе с терроризмом и помощи в разрешении афганской проблемы»⁵. В прошлом Нью-Дели предупреждал международное сообщество о том, что средства, предоставленные Пакистану для поддержки его контртеррористических операций, на самом деле используются для финансирования экспорта терроризма в Индию, а предоставляемая Пакистану военная техника используется против Индии⁶. Ряд индийских экспертов высказывает озабоченность относительно улучшения двусторонних отношений России и Пакистана, отмечая, что после вступления Индии и Пакистана в ШОС Москва изменила риторику в отношении Исламабада. В Нью-Дели ставят под сомнение заявления Москвы о том, что Пакистан предпринимает серьёзные меры для борьбы с терроризмом, и в целом негативно восприняли намерение России к союзническим отношениям с Пакистаном на антитеррористическом направлении. Это касается не только перспектив поставок оружия, но и проведения регулярных военных учений с Пакистаном. Россия вынуждена была неоднократно пояснять, что расширяет взаимодействие с Исламабадом, в том числе и экономическое, поскольку считает, что «слабый» Пакистан не принесет пользы всему региону, включая Индию и Афганистан⁷.

Наиболее резкую реакцию Нью-Дели в целом вызвала готовность Москвы и Исламабада к взаимовыгодному долгосрочному сотрудничеству в военно-технической сфере, в том числе в плане поставок вооружения, военной техники и иной продукции военного назначения. В ходе совместной с министром иностранных дел Пакистана пресс-конференции в апреле 2021 г. С. Лавров подтвердил «готовность российской стороны продолжать оказывать содействие в укреплении

³ Roy R. Russia's Growing Outreach to Pakistan: Should India be concerned? 29.06.2021. URL: <https://southasianvoices.org/russias-growing-outreach-to-pakistan-should-india-be-concerned/> (дата обращения: 28.05.2023).

⁴ Siddiqui N. Qureshi-Lavrov talks: Russia to boost ties with Pakistan, supply military gear. 07.04.2021. URL: <https://www.dawn.com/news/1616913>(дата обращения: 28.05.2023).

⁵ Roy R. Russia's Growing Outreach to Pakistan: Should India be concerned? 29.06.2021. URL: <https://southasianvoices.org/russias-growing-outreach-to-pakistan-should-india-be-concerned/> (дата обращения: 29.05.2023).

⁶ Bhaumik A. Russia pledges to provide more weapons to Pakistan, despite unease in India. 08.04.2021. URL: <https://www.deccanherald.com/world/russia-pledges-to-provide-more-weapons-to-pakistan-despite-unease-in-india-971616.html> (дата обращения: 28.05.2023).

⁷ Explainer: Why Russia wants to improve ties with Pakistan. 07.02.2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/international-business/explainer-why-russia-wants-to-improve-ties-with-pakistan/articleshow/97674321.cms?from=mdr> (дата обращения: 29.05.2023).

антитеррористического потенциала Пакистана, включая поставки соответствующей техники⁸. Считаем, что это отвечает интересам всех государств региона. Договорились продолжать практику регулярных совместных тактических учений в горных условиях «Дружба», а также военно-морских учений «Аравийский муссон» по борьбе с терроризмом и пиратством»⁹.

Индийские обозреватели отмечали, в частности, что Нью-Дели ранее уже выражал свою обеспокоенность растущим оборонным сотрудничеством Москвы с Исламабадом. Но при этом там признают, что Москва начала реагировать на попытки Исламабада улучшить двусторонние отношения на фоне изменений в геополитическом ландшафте и растущих связей Нью-Дели с Вашингтоном (особенно после знаменательного Межправительственного соглашения о сотрудничестве в области гражданской ядерной энергетики в 2008 г.)¹⁰.

В вопросе сотрудничества с Пакистаном в сфере обороны Россия исходит из прагматических интересов. Ряд российских экспертов при этом оптимистично оценивают перспективы продаж Россией вооружений и военной техники Пакистану, отмечая, что Исламабад может стать покупателем широкого перечня российских вооружений: систем ПВО, надводных кораблей, боевых танков, средних и тяжелых истребителей¹¹. По мнению некоторых отечественных аналитиков, Москва в состоянии найти оптимальный баланс в военно-техническом сотрудничестве как с Индией, так и с Пакистаном, особенно с учетом диверсификации Нью-Дели источников вооружений и его активных связей в этом плане с Вашингтоном. В обозримом будущем едва ли Пакистан приблизится по закупкам вооружений у России к объемам, сопоставимым с индийскими, но Россия, безусловно, в этом чрезвычайно чувствительном для Нью-Дели вопросе должна самым внимательным образом следить за соблюдением сложившегося на сегодня военного баланса между Индией и Пакистаном¹². Сложно не согласиться с российскими экспертами, что «эксклюзивный учет военно-политических интересов Индии был возможен до тех пор, пока Индия столь же эксклюзивно учитывала коммерческие интересы России»¹³.

При этом Москва демонстрирует готовность максимально прислушиваться к обеспокоенности Индии в связи с развитием своего военно-технического сотрудничества с Исламабадом. Не стоит, безусловно, преуменьшать значение этого перспективного направления сотрудничества России и Пакистана, но очевидно, что его ценность не в состоянии «перевесить» озабоченность, высказываемую стратегическим партнером. Едва ли нынешние или потенциальные объемы военно-технического сотрудничества с Исламабадом будут сопоставимы с российско-индийскими, и Москва не перейдет «красные линии», ставя под угрозу партнерство с Нью-Дели. Об этом неоднократно звучали подтверждения на самом высоком уровне. Так, например, отвечая на обеспокоенность Индии по поводу улучшения отношений Москвы с Исламабадом, чрезвычайный и полномочный посол России в Индии Д. Алипов заявил, что Россия «никогда не сделает ничего, что могло бы нанести ущерб интересам Нью-Дели, а оборонные отношения России с Пакистаном,

⁸ «Соответствующей» и в Индии, и в Пакистане поняли как военной.

⁹ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Ш. М. Курейши, Исламабад. 07.04.2021. URL: https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1419105/ (дата обращения: 30.05.2023).

¹⁰ Bhaumik A. Russia pledges to provide more weapons to Pakistan, despite unease in India. 08.04.2021. URL: <https://www.deccanherald.com/world/russia-pledges-to-provide-more-weapons-to-pakistan-despite-unease-in-india-971616.html> (дата обращения: 28.05.2023).

¹¹ Воробьев А. Россия и Пакистан: перспективы и проблемы развития двусторонних отношений. 04.12.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-pakistan-perspektivy-i-problemy-razvitiya-dvustoronnikh-otnosheniy/> (дата обращения: 28.05.2023).

¹² Макиенко К. Россия может найти индо-пакистанский баланс. 17.12.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/12/16/851281-rossiya-mozhet> (дата обращения: 31.05.2023).

¹³ Там же.

который в настоящее время переживает масштабный экономический кризис, являются нестабильными и «очень ограниченными» и в основном направлены на контртеррористическое сотрудничество»¹⁴. Еще ранее предшественник Д. Алипова посол Н. Кудашев отмечал, что попытки Москвы по развитию отношений с Исламабадом соответствуют базовым ценностям стратегического партнерства между Индией и Россией, особенно таким вопросам, как региональная стабильность, прозрачность, борьба с терроризмом, наркотиками и преступностью, а связи России с Пакистаном носят «независимый характер»¹⁵. Неоднократно говорил об этом и министр иностранных дел России С. Лавров, заверяя индийских коллег, что военное сотрудничество с Пакистаном носит точечный характер и в основном направлено на сферу борьбы с терроризмом и укрепление антитеррористического потенциала этой страны.

В Индии, по всей вероятности, с удовлетворением восприняли готовность Москвы учитывать ее интересы. Так, в 2016 г. в прессе появилась информация, что первые совместные российско-пакистанские военные учения планируется провести в г. Ратту в районе Гилгит-Балтистана, территорию которых индийцы считают незаконно оккупированной соседом частью своей земли¹⁶. Индийская сторона высказала тогда свое недовольство и потребовала разъяснений от Москвы. Возмущение Нью-Дели удалось смягчить официальным заверением российского посольства в Индии, что «единственным местом проведения учений является Черат в провинции Хайбер-Пахтунхва»¹⁷. Правда, при этом индийские эксперты отметили, что Москва проявила твердость и в принципе не отменила эти военные учения, которые состоялись спустя всего несколько дней после нападения террористов на индийскую военную часть в районе г. Ури в штате Джамму и Кашмир (по сведениям Нью-Дели, нападение на военную часть было совершено с территории Пакистана).

Некоторые эксперты в Индии отмечают, что готовность России сотрудничать с Пакистаном, несмотря на опасения ее особого и стратегического партнера, отражает не только стремление Москвы отстаивать свои непосредственные интересы в регионе (в первую очередь в Афганистане и Центральной Азии), но также является для нее способом сигнализировать Индии о своем недовольстве ее все более тесными связями с США. Помимо расширения сотрудничества с Вашингтоном динамику также усложнили провозглашение Индо-Тихоокеанской политики и растущая близость Москвы к Китаю¹⁸.

Учитывая объективные причины активизации пакистано-российских отношений на фоне изменяющейся внешнеполитической картины в мире и Южноазиатском регионе, особое беспокойство Нью-Дели, как отмечают индийские эксперты, вызывало не двустороннее сближение Москвы и Исламабада как таковое, а возможность формирования оси Москва–Исламабад–Пекин с учетом слишком тесного, по мнению индийского истеблишмента, партнерства России с Китаем, а Китая с Пакистаном.

Объективно говоря, серьезных оснований говорить о формировании такой оси или какого-либо подобия «стратегического треугольника» нет. Москва не выстраивает свои отношения

¹⁴ Explainer: Why Russia wants to improve ties with Pakistan. 07.02.2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/international-business/explainer-why-russia-wants-to-improve-ties-with-pakistan/articleshow/97674321.cms?from=mdr> (дата обращения: 29.05.2023).

¹⁵ India should not worry about our ties with Pakistan, says Russia. 22.12.2020. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-should-not-worry-about-our-ties-with-pak-says-russia/story-T0ZBWTQzgjRARrnwT6jHbM.html> (дата обращения: 29.05.2023).

¹⁶ Kapoor N. Russia-Pakistan relations and its impact on India. 03.07.2019. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/russia-pakistan-relations-impact-india-52715/> (дата обращения: 30.05.2023).

¹⁷ Ahmad I., Laskar R. Russia says military exercise with Pak not in Pakistan-occupied Kashmir. 24.09.2016. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/russian-troops-arrive-in-pak-for-joint-military-exercise-in-gilgit-baltistan/story-i7u5zR5INBnFmVUMTFdcVI.html> (дата обращения: 29.05.2023).

¹⁸ Kapoor N. Russia-Pakistan relations and its impact on India. 03.07.2019. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/russia-pakistan-relations-impact-india-52715/> (дата обращения: 28.05.2023).

с Исламабадом по указке из Пекина, да и отношения с Китаем настолько самодостаточны и масштабны, что пакистанский фактор вряд ли является столь значимым для них. Тем не менее некоторые индийские эксперты склонны полагать, что Россия слишком зависима от своих связей с Китаем, но при этом осознает, что если Индия почувствует какое-либо формирование оси Россия–Китай и, как следствие, Пакистан, это нанесет серьезный ущерб интересам Москвы по линии отношений с Нью-Дели. Индия является не только проверенным временем стратегическим партнером, но и значительно более крупным рынком, чем Пакистан, отношения с которым составляют важную, но всего лишь часть многовекторной политики, которой стремится следовать Россия. Кроме того, Россия едва ли будет считать своим успехом, если ее действия по сближению с Пакистаном подтолкнут Индию к еще большему сближению с США¹⁹.

При этом индийцы признают, что активизация пакистанского направления внешней политики отвечает попыткам России найти новых партнеров в рамках реализации российской инициативы «Большой Евразии». Географическое положение Исламабада на пересечении Южной и Центральной Азии и Среднего Востока делает его одним из важных участников этого проекта, на который Россия делает ставку для укрепления своего статуса глобального игрока²⁰.

В Индии признают, что Россия смотрит на Пакистан через призму обеспечения стабильности в критически важном регионе — в Афганистане, который граничит с мягким подбрюшьем России — государствами Центральной Азии. Афганское направление российско-пакистанских отношений неизменно вызывает повышенное внимание Индии, а именно восприятие Москвой Исламабада как одного из важнейших участников афганского урегулирования и подключения Пакистана к московской инициативе проведения консультаций по афганской проблеме в многосторонних форматах²¹.

Нью-Дели ревностно следит за сближением позиций Москвы и Исламабада на «афганском треке», очевидно стремясь играть ключевую роль в предлагаемых Москвой «афганских форматах», участие в которых является чрезвычайно важным для Индии. Так, из-за того, что в марте 2021 г. Индия не была приглашена к участию в заседании международной встречи по Афганистану в формате так называемой расширенной тройки (Россия, США, Китай и Пакистан), ведущие индийские СМИ призвали к переоценке отношений с Россией, имеющих статус «привилегированного стратегического партнерства». В то время как на официальном уровне не было никаких комментариев, они подняли волну возмущения, ставя под сомнение единство позиций Москвы и Нью-Дели по вопросам региональной безопасности²².

Не преминули в индийских СМИ отметить, что Москва не пригласила Дели к участию в данном формате, идя на поводу у Пекина и Исламабада²³. Российскому посольству в Индии пришлось выступить с официальным опровержением по этому поводу и отметить, что диалог между Россией и Индией всегда был очень тесным и дальновидным по всем глобальным и региональным вопросам, включая ситуацию в Афганистане. Однако, несмотря на это, многие в индийских СМИ

¹⁹ Kapoor N. Russia-Pakistan relations and its impact on India. 03.07.2019. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/russia-pakistan-relations-impact-india-52715/> (дата обращения: 28.05.2023).

²⁰ Roy R. Russia's Growing Outreach to Pakistan: Should India be concerned? 29.06.2021. URL: <https://southasianvoices.org/russias-growing-outreach-to-pakistan-should-india-be-concerned/> (дата обращения: 29.05.2023).

²¹ Kapoor N. Russia-Pakistan relations and its impact on India. 03.07.2019. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/russia-pakistan-relations-impact-india-52715/> (дата обращения: 28.05.2023).

²² Строкань С., Черненко Е. Придется сидеть без Дели. 16.03.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4730749> (дата обращения: 30.05.2023).

²³ Chaudhury D. R. China role seen in India not being invited to Afghan meet. 07.08.2021. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/china-role-seen-in-india-not-being-invited-to-afghan-meet/articleshow/85111127.cms> (дата обращения: 30.05.2023).

и экспертном сообществе восприняли отсутствие приглашения Дели на московские консультации по Афганистану как дипломатический провал, подрывающий традиционные отношения Москвы и Нью-Дели и играющий на руку проводникам проамериканского вектора индийской политики²⁴.

Однако на официальном уровне Нью-Дели с пониманием отнесся к российскому объяснению отсутствия тогда Дели на московских консультациях. Спецпредставитель президента РФ по Афганистану, директор Второго департамента Азии МИД России З. Кабулов тогда пояснил: «“Расширенная тройка” в составе России, США, Китая и Пакистана была создана на основе критериев влияния всех ее участников на обе конфликтующие стороны в Афганистане. Индия же имеет влияние только на одну из сторон — и по этому критерию она не была приглашена на консультации в Москву. В будущем, когда мирный процесс и переговоры будут конструктивно продолжены, можно будет — и “расширенная тройка” об этом уже не раз заявляла — приступить к расширению состава за счет крупных доноров. Тогда присоединение Индии будет, конечно же, приветствоваться»²⁵. Услышали в Дели и заявление С. Лаврова, что Россия продолжит работать с Индией и другими странами, которые могут повлиять на ситуацию в Афганистане²⁶. Тем не менее можно считать дипломатическим успехом Нью-Дели перспективы подключения Индии к диалоговому формату расширенной «тройки», куда уже входит Пакистан²⁷.

В целом же индийские эксперты отмечают, что у Нью-Дели нет серьезных оснований для беспокойства относительно сближения Москвы и Исламабада. Там с пониманием относятся к заявлениям Москвы, что она развивает отношения с Пакистаном, исходя из собственных интересов, а не «в пику» какой-либо третьей стране, тем более Индии, стратегическое партнерство с которой и по объемам, и по насыщенности, и по многовекторности, и по перспективам многократно превышает отношения Москвы и Исламабада.

Многие индийские обозреватели отмечают, что поскольку Пакистан является главным региональным противником Индии, вполне естественно, что его внешнеполитические векторы неизбежно рассматриваются в контексте последствий, которые они могут повлечь за собой для Индии. Предположения о беспокойстве Индии вполне естественны, хотя было бы наивно предполагать, что статус отношений Пакистана с Россией в обозримом будущем повысится до уровня российско-индийских²⁸. К тому же в Индии с уважением относятся к желанию России выгодно диверсифицировать свои внешнеполитические контакты, ибо, как отмечают в прессе, индийско-российское взаимодействие учитывает и прагматические интересы друг друга. И Индия, и Россия смотрят на свои отношения независимо от своего партнерства с другими державами. Таким образом, маловероятно, что в данный момент Индия почувствует серьезную угрозу в связи с развитием сотрудничества России и Пакистана. Едва ли интенсификация торгово-экономических отношений России с Пакистаном или реализация энергетических и инфраструктурных проектов будут встречать негативную реакцию или противодействие со стороны Нью-Дели. Единственное «условие», которое может обозначить Нью-Дели для Москвы, — это максимальная прозрачность российско-пакистанских отношений с учетом особо чувствительных для Индии вопросов.

²⁴ Строкань С., Черненко Е. Придется сидеть без Дели. 16.03.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4730749> (дата обращения: 30.05.2023).

²⁵ Там же.

²⁶ Russia Invites US, China, Pakistan For Crucial Meet On Afghanistan, India Left Out: Report. 05.08.2021. URL: <https://www.ndtv.com/world-news/russia-invites-us-china-pakistan-to-crucial-meet-on-afghanistan-india-left-out-report-2503376> (дата обращения: 30.05.2023).

²⁷ В Совбезе допустили превращение «тройки» по Афганистану в «пятерку». 25.10.2022. URL: https://lenta.ru/news/2022/10/25/pyaterka_ne_troika/ (дата обращения: 30.05.2023).

²⁸ Sinha R. Building Russia-Pakistan Camaraderie: Should India be Concerned? 02.03.2022. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/budding-russia-pakistan-camaraderie/> (дата обращения: 30.05.2023).

Одновременно с этим нежелание навредить отношениям со своим стратегическим партнером вынуждает Москву в своих контактах с Исламабадом действовать с постоянной оглядкой на то, как ее сближение с Пакистаном будет воспринято в Индии. Следует отметить, что наращивание взаимодействия между Москвой и Исламабадом не стало каким-либо препятствием или осложнением для российско-индийских отношений. Они имеют слишком большой запас прочности, проверенный не только временем, но и многими внешними факторами. Хотя некоторая реструктуризация, возможно, и произойдет в российско-индийских отношениях ввиду как внутренних приоритетов, так и изменений глобального порядка, однако Москва и Нью-Дели по-прежнему имеют потенциал предпринять шаги для укрепления своих связей.

Скорее всего, индийская сторона наиболее болезненно и критически может воспринять именно качественное наращивание взаимодействия России и Пакистана в сфере военно-технического сотрудничества. Однако Москва демонстрирует уважение к обеспокоенности Нью-Дели в этом плане, и едва ли в ближайшем будущем следует ожидать какой-либо интенсификации российско-пакистанских отношений в оборонной сфере. Вероятно, они останутся весьма ограниченными и будут в основном направлены на контртеррористическое сотрудничество.

Можно согласиться с прогнозом российских экспертов, что в своих взаимоотношениях с Исламабадом Москва и дальше будет стараться избегать шагов, которые могли бы вызвать лишнее подозрение Индии, нанести ущерб интересам Нью-Дели или поставить под угрозу стратегическое партнерство двух стран [Москаленко, Топычканов, 2013, с. 57]. Однако здесь важно подчеркнуть, что России следует, соблюдая баланс, проводить более гибкую и многовекторную политику, направленную на максимально эффективную реализацию собственных политических и экономических интересов, в том числе и в Пакистане.

Литература / References

Мелехина Н. В. Россия и Пакистан: общие интересы и потенциал двусторонних отношений. *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы.* М., 2018. С. 19–29 [Melekhina N. V. Russia and Pakistan: Common Interests and Perspectives of Bilateral Relations. *Works of the Institute of Oriental Studies. Issue 8: Pakistan: History and Current Problems.* Moscow, 2018. Pp.19–29 (in Russian)].

Москаленко В., Топычканов П. *Сила и слабость Пакистана.* М.: Центр Карнеги, 2013. 75 стр. [Moskalenko V., Topychkanov P. *The Strength and Weakness of Pakistan.* Moscow: Carnegie Moscow Center, 2013. 75 p. (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Ш. М. Курейши, Исламабад. 07.04.2021. URL: https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1419105/ (дата обращения: 30.05.2023).

Воробьев А. Россия и Пакистан: перспективы и проблемы развития двусторонних отношений. 04.12.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-pakistan-perspektivy-i-problemy-razvitiya-dvustoronnikh-otnosheniy/> (дата обращения: 28.05.2023).

В Совбезе допустили превращение «тройки» по Афганистану в «пятерку». 25.10.2022. URL: https://lenta.ru/news/2022/10/25/pyaterka_ne_troika/ (дата обращения: 30.05.2023).

Макиенко К. Россия может найти индо-пакистанский баланс. 17.12.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/12/16/851281-rossiya-mozhet> (дата обращения: 31.05.2023).

О предстоящем визите Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в Пакистан. Сообщение для СМИ. 06.06.2021. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/pk/1419062/> (дата обращения: 28.05.2023).

Строкань С., Черненко Е. Придется сидеть без Дели. 16.03.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4730749> (дата обращения: 30.05.2023).

Bhaumik A. Russia pledges to provide more weapons to Pakistan, despite unease in India. 08.04.2021. URL: <https://www.deccanherald.com/world/russia-pledges-to-provide-more-weapons-to-pakistan-despite-unease-in-india-971616.html> (дата обращения: 28.05.2023).

Explainer: Why Russia wants to improve ties with Pakistan. 07.02.2023. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/international-business/explainer-why-russia-wants-to-improve-ties-with-pakistan/articleshow/97674321.cms?from=mdr> (дата обращения: 29.05.2023).

India should not worry about our ties with Pakistan, says Russia. 22.12.2020. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-should-not-worry-about-our-ties-with-pak-says-russia/story-T0ZBWTQzgjRARrnwT6jHbM.html> (дата обращения: 29.05.2023).

Chaudhury D. R. China role seen in India not being invited to Afghan meet. 07.08.2021. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/china-role-seen-in-india-not-being-invited-to-afghan-meet/articleshow/85111127.cms> (дата обращения: 30.05.2023).

Kapoor N. Russia-Pakistan relations and its impact on India. 03.07.2019. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/russia-pakistan-relations-impact-india-52715/> (дата обращения: 28.05.2023).

Roy R. Russia's Growing Outreach to Pakistan: Should India be concerned? 29.06.2021. URL: <https://southasianvoices.org/russias-growing-outreach-to-pakistan-should-india-be-concerned/> (дата обращения: 29.05.2023).

Russia Invites US, China, Pakistan For Crucial Meet On Afghanistan, India Left Out: Report. 05.08.2021. URL: <https://www.ndtv.com/world-news/russia-invites-us-china-pakistan-to-crucial-meet-on-afghanistan-india-left-out-report-2503376> (дата обращения: 30.05.2023).

Siddiqui N. Qureshi-Lavrov talks: Russia to boost ties with Pakistan, supply military gear. 07.04.2021. URL: <https://www.dawn.com/news/1616913> (дата обращения: 28.05.2023).

Sinha R. Building Russia-Pakistan Camaraderie: Should India be Concerned? 02.03.2022. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/budding-russia-pakistan-camaraderie/> (дата обращения: 30.05.2023).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПАКИСТАНА

С. А. Чекалин¹

В статье анализируется становление и нынешнее состояние центральноазиатского направления во внешнеполитической стратегии Исламской Республики Пакистан (ИРП), для чего рассматривается в том числе широкий круг официальных документов, заявлений руководства страны. Автор доказывает, что регион Центральной Азии (ЦА) остается в представлении властей Пакистана одним из ключевых для достижения национальных внутри- и внешнеполитических задач. При этом заметно выделение двух векторов на данном направлении — геополитического и геоэкономического. В первом случае Исламабад делает акцент на повышении т.н. «стратегической глубины». Доминирующим геоэкономическим нарративом является взаимовыгодная «естественная связка» Пакистана и стран Центральной Азии, в том числе и в целях транзита через территорию друг друга. При этом во внешнеполитической стратегии ИРП однозначно преобладает трансафганское сотрудничество с центральноазиатскими государствами.

Особый упор в статье сделан на разборе первой комплексной стратегии Пакистана в отношении государств ЦА «Взгляд на Центральную Азию», выдвинутой правительством И. Хана в 2021 г. Автор делает вывод, что центральноазиатской политике Пакистана недостает практического наполнения, и прогнозирует, что ее интенсификация возможна лишь при проявлении должной политической воли всех заинтересованных сторон, преодолении сохраняющегося недоверия у контрагентов, а также стабилизации обстановки в Афганистане.

Ключевые слова: Пакистан, Центральная Азия, внешняя политика Пакистана, пакистано-центральноазиатские отношения, концептуальные основы

Для цитирования: Чекалин С. А. Концептуальные основы центральноазиатского направления внешней политики Пакистана. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 280–286. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-280-286

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF PAKISTAN'S FOREIGN POLICY FOR CENTRAL ASIA

Sergey A. Chekalin

The article analyzes the formation and current state of Pakistan's policy for Central Asia, with a wide range of official documents and statements made by the country's leadership being taken into account. The author proves that, for the Pakistani authorities, Central Asia remains as one of the key regions for achieving national domestic and foreign policy objectives. Notably, this policy can be subdivided into two vectors, i.e. geopolitical and geo-economic.

¹ Чекалин Сергей Алексеевич, студент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; ChekalinSergey@yandex.ru

Sergey A. Chekalin, student, Moscow State Institute of International Relations (University); ChekalinSergey@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8619-287X

The first one focuses on extending the so-called “strategic depth”, which is the term traditionally applied to Afghanistan. The major geoeconomic narrative is a mutually beneficial “natural link” between Pakistan and Central Asian countries, including for transit through each other’s territory. Meanwhile, trans-Afghan cooperation with Central Asian states absolutely prevails in Pakistan’s foreign policy strategy.

The article particularly examines Pakistan’s first comprehensive strategy for Central Asian states named “Vision Central Asia”, put forward by the government of Imran Khan in 2021. The author considers that Pakistan’s policy for Central Asia lacks practical implementation, predicting that its intensification would be possible only given the proper political will of all interested parties, overcoming the remaining distrust of counterparties, and stabilization of the situation in Afghanistan.

Keywords: Pakistan, Central Asia, foreign policy of Pakistan, Pakistan-Central Asia relations, conceptual foundations

For citation: Chekalin S. A. Conceptual Foundations of Pakistan’s Foreign Policy for Central Asia. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 280–286. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-280-286

Центральноазиатское направление занимает одно из ведущих мест во внешней политике Исламской Республики Пакистан (ИРП). В стратегическом внешнеполитическом документе — «Национальной политике по вопросам безопасности на 2022–2026 гг.» Центральная Азия (ЦА) выступает одним из ключевых приоритетов внешней политики ИРП, в частности, первым в главе «Отношения с соседями» раздела «Внешнеполитические условия» упоминается взаимодействие с Афганистаном, однако оно не является для Пакистана самоцелью, ведь здесь же прямо говорится, что «потенциал Афганистана как шлюза для экономических взаимосвязей с центральноазиатскими государствами является важнейшим драйвером поддержки Пакистаном мира в Афганистане»². В главе «Отношения с остальным миром» Центральная Азия и Россия (примечательно, что именно в таком порядке) выделены в отдельный пункт, где также приводится четкая формулировка, свидетельствующая о принципиальной важности ЦА для Исламабада на современном этапе: «Стержнем геэкономической политики Пакистана выступает укрепление торгово-экономических связей путем обеспечения связности Центральной Азии с нашими теплыми водами [Индийского океана]».

Как известно, Пакистан более всего заинтересован в поставках энергоресурсов и электроэнергии из государств ЦА. Кроме того, за счет выгодного положения на стыке нескольких регионов Центральная Азия обладает значительным транзитным потенциалом. С другой стороны, Исламабад предлагает центральноазиатским государствам, не имеющим выхода к морю, кратчайший выход к мировому океану через свои порты. В итоге стороны активно продвигают трансафганские инфраструктурные проекты. В рамках ШОС они последовательно сотрудничают в области борьбы с угрозами безопасности, включая терроризм и наркотрафик. В последнее время поступательно растет товарооборот между Пакистаном и государствами Центральной Азии — ведь Исламабад заинтересован в поиске внешних рынков сбыта своей продукции. Развивается и культурно-гуманитарное сотрудничество [Галимов, 2022, с. 389].

В целом отношения с центральноазиатскими государствами хорошо вписываются в магистральный внешнеполитический курс Пакистана на стратегическое соперничество с Индией и повышение собственного статуса как в южноазиатском регионе, так и в исламском мире. Развивая сотрудничество с Центральной Азией, Пакистан стремится в некотором роде раздвинуть границы «стратегической глубины» за пределы Афганистана (в классической версии этой доктрины именно он

² National Security Policy of Pakistan 2022–2026. National Security Division. 2022. URL: <https://onsa.gov.pk/assets/documents/polisy.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).

должен стать безопасным «задним двором» ИРП [ul Haque, 2011, p. 9]), т. е. стремится расширить круг дружественных государств, в отношении которых он обладает некоторыми рычагами влияния (по крайней мере, чтобы предотвратить их крен в сторону Дели). По мнению ряда экспертов, помимо продвигаемой на официальном уровне риторики дружеских отношений пакистанские спецслужбы могли в 1990-е гг. вести и закулисную работу по наращиванию влияния в ЦА, в т. ч. через оппозиционные силы центральноазиатских государств [Roy, 2006, p. 807–809].

Кроме того, учитывая, что Индия пытается зацементировать свое доминирование в Южной Азии, предпочитая решать вопросы на двустороннем уровне и перекрывая возможности выстраивания альтернативных сетей сотрудничества [Лунев, 2012, с. 91–92], Пакистан активно продвигает наращивание взаимодействия с Центральной Азией в многосторонних форматах, сопряжение с ними на макрорегиональном уровне (в этом особую роль играет религиозная общность народов Пакистана и государств ЦА). В частности, ИРП в свое время была активной сторонницей включения государств ЦА в состав Организации экономического сотрудничества, Организации исламского сотрудничества и пр.

Правда, стоит отметить, что подход к странам Центральной Азии сквозь призму религиозной общности фактически парализовал отношения в 1990-е и начале 2000-х годов: содействие пакистанских спецслужб становлению движения «Талибан» (запрещено в РФ) и поддержка политическими силами ИРП (например, партией «Джамаат-и-ислами» (запрещена в РФ)) исламистских организаций, включая «Исламское движение Узбекистана» (запрещено в РФ), попустительское отношение пакистанских властей к лагерям террористов на своей территории очень болезненно воспринимались властями центральноазиатских государств, боровшихся со всплеском исламского фундаментализма [Roy, 2006, p. 807–809]. Преодоление имевшихся подозрений в дальнейшем стало, как представляется, результатом, с одной стороны, начавшейся совместной борьбы с терроризмом, а с другой — постепенных процессов ретрадиционализации в Центральной Азии.

В конце 2010-х годов на фоне возраставшей напряженности в пакистано-американских отношениях и продвижения администрацией Б. Обамы стратегии «АфПак», по мнению пакистанцев, фактически отказывавшей их стране в международной правосубъектности [Magnier, 2009], Исламабад все чаще стал использовать сотрудничество с Центральной Азией для демонстрации независимости своего внешнеполитического курса. Яркий пример — участие в явно параллельном американскому треку афганского урегулирования формате «Душанбинской четверки» (саммиты России, Пакистана, Таджикистана и Афганистана) в 2009–2011 гг.

Что касается геоэкономической стратегии, то в пакистанском внешнеполитическом дискурсе изначально большое место отводилось нарративу о «естественной связке», роль которой играет Пакистан для соединения государств ЦА с Южной Азией, в особенности с водами Индийского океана (об этом, в частности, заявлял еще П. Мушарраф³). Среди последних крупных специализированных мероприятий, где акцент был сделан именно на создании межрегиональных транспортно-логистических коридоров, можно отметить 13-й саммит Организации экономического сотрудничества, прошедший в 2017 г. в Исламабаде.

Немаловажным остается и китайский фактор — в рамках Инициативы пояса и пути должны быть интегрированы как ИРП, так и государства Центральной Азии, причем КНР активно продвигает свои инфраструктурные проекты и имеет к тому же в известной степени влияние на своего «всепогодного партнера» в лице Пакистана. Так что, держа в уме некий идеальный с геополитической точки зрения сценарий независимого взаимодействия с центральноазиатскими странами,

³ Membership of SCO for Pakistan sought: Musharraf at Shanghai summit. Dawn. 16.06.2006. URL: <https://www.dawn.com/news/197179/membership-of-sco-for-pakistan-sought-musharraf-at-shanghai-summit> (дата обращения: 21.04.2023).

власти ИРП в настоящее время все-таки не забывают и об оптимальном геоэкономическом варианте, учитывающем функциональные интересы сторон, а именно интеграцию в рамках проектов Инициативы пояса и пути [Замараева, 2015].

Интересным фактом является то, что вплоть до последнего времени Пакистан не имел четко сформулированной центральноазиатской стратегии (в отличие, например, от Индии, которая еще в 2012 г. выдвинула концепцию «Соединение с Центральной Азией» (Connect Central Asia)). Подобное положение было исправлено правительством И. Хана: в июле 2021 г. в ходе своего визита в Узбекистан (для участия в международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность, вызовы и возможности») премьер-министр объявил о реализации Пакистаном политики «Взгляд на Центральную Азию» (Vision Central Asia). Согласно ей, Исламабад в развитии сотрудничества с соседним регионом акцентирует внимание на пяти ключевых сферах: политике, торговле и инвестициях, энергетике и региональной взаимосвязанности, безопасности и обороне, а также гуманитарных обменах⁴, что было отражено в совместной декларации по итогам переговоров И. Хана и президента Узбекистана Ш. Мирзиёева. После этого тот факт, что Пакистан следует данной политике, стал неизменно фигурировать в любых беседах и переговорах членов пакистанского правительства с коллегами из государств Центральной Азии. Логичным шагом стало закрепление в самом начале 2022 г. политики «Взгляд на Центральную Азию» в ранее упомянутой «Национальной политике по вопросам безопасности на 2022–2026 гг.».

Все более активно продвигается повестка обеспечения взаимосвязанности регионов Центральной и Южной Азии, путь к чему лежит через установление прочного мира в Афганистане [Andleeb, 2021]. В этом отношении очевидна инструментализация афганского вопроса Исламабадом, для которого придание центрального характера взаимодействию в коридоре «Пакистан — Афганистан — Центральная Азия» служит способом уравнивания влияния Индии и повышения собственного статуса в регионе. К тому же примечателен и период, когда И. Хан выступил с новой центральноазиатской концепцией, — накануне второго прихода талибов к власти в Афганистане в августе 2021 г. Очевидно, власти Пакистана надеялись сыграть роль «вершителя судеб» в афганском вопросе и обеспечить за счет этого теперь уже расширенную «стратегическую глубину» с захватом Центральной Азии.

С приходом к власти правительства Ш. Шарифа в апреле 2022 г. политика «Взгляд на Центральную Азию» сохранила свое место во внешнеполитическом курсе. Начиная с лета 2022 г., на встречах с лидерами центральноазиатских государств пакистанские власти вновь регулярно озвучивают пять столпов этой политики⁵. Кроме того, Пакистан выступил с инициативой организации в 2023 г. саммита по региональной взаимосвязанности — классическая тематика по линии сотрудничества с ЦА⁶.

Представляется, что политике «Взгляд на Центральную Азию» по-прежнему недостает практического наполнения. Напряженная обстановка в Афганистане и непереносимое желание ИРП продвигать именно трансафганские проекты тормозят развитие связей с государствами Центральной Азии. Лейтмотивными инфраструктурными проектами для Пакистана остаются система ЛЭП

⁴ Prime Minister Imran Khan's visit to the Republic of Uzbekistan. Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. 14.07.2021. URL: <https://mofa.gov.pk/prime-minister-imran-khans-visit-to-the-republic-of-uzbekistan/> (дата обращения: 27.04.2023).

⁵ См. напр.: Foreign Minister meets the Foreign Minister of Kazakhstan on the sidelines of SCO Council of Foreign Minister being held in Tashkent. Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. 14.12.2022. URL: <https://mofa.gov.pk/foreign-minister-meets-the-foreign-minister-of-kazakhstan-on-the-sidelines-of-sco-council-of-foreign-minister-being-held-in-tashkent/> (дата обращения: 26.04.2023).

⁶ Joint Communiqué on Official Visit of President of the Republic of Tajikistan, H. E. Emomali Rahmon to Islamic Republic of Pakistan. Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. 14.12.2022. URL: <https://mofa.gov.pk/joint-communicue-on-official-visit-of-president-of-the-republic-of-tajikistan-h-e-emomali-rahmon-to-islamic-republic-of-pakistan/> (дата обращения: 26.04.2023).

CASA-1000 и газопровод ТАПИ, работа над которыми практически не движется — прежде всего из-за опасений за безопасность на афганском участке. Работа над другими либо только начинается (например, в июле 2022 г. началось проектирование Трансафганской железной дороги, призванной связать Узбекистан и Пакистан⁷), либо значится лишь в планах (например, автомобильная магистраль из Пакистана в Таджикистан). Многочисленные подписанные с центральноазиатскими государствами соглашения (например, о транзитной торговле) остаются на бумаге [Bhutta, 2023].

Альтернативным каналом в этом отношении видится развитие транспортных коридоров в обход Афганистана — через Иран и далее через Туркменистан либо Каспийское море в другие государства Центральной Азии. Однако центральноазиатская стратегия Пакистана пока что практически не затрагивает подобный вариант [Shabbir, 2023, p. 2]. Причин уделять недостаточное внимание проектам трансиранского сотрудничества у Исламабада много: и скептическое отношение бизнеса к транзиту через подсанкционное государство, и периодические трения в отношениях Тегерана и Исламабада из-за шиитского вопроса в Пакистане, а также из-за налаживания индийских-иранских морских коридоров в обход ИРП.

Однако представляется, что интегрирование Ирана в пакистано-центральноазиатское макрорегиональное сотрудничество является актуальным хотя бы с точки зрения безопасной прокладки транспортных коридоров в обход нестабильного Афганистана. Пакистанцентричные проекты, направленные на интеграцию крупных игроков, расположенных вокруг Афганистана и Центральной Азии, сотрудничество которых могло бы дать импульс стабилизации обстановки с безопасностью в макрорегионе и интенсификации торгово-экономических связей, уже выдвигаются на экспертном уровне. Это, в частности, проект «Экономического блока Золотого кольца», в который, помимо Пакистана, предполагается вхождение Китая, России, Ирана и Турции, т. е. близких географически стран со взаимодополняющими экономиками [Серенко, 2021, с. 37–38]. Примечательно, что данный проект часто обсуждается на различных семинарах с участием представителей бизнес-элит (например, в Торгово-промышленных палатах⁸), однако по-прежнему мало заметен на правительственном уровне.

Таким образом, внешнеполитическая стратегия Пакистана на центральноазиатском направлении обладает устойчивой преемственностью — с момента распада СССР Исламабад стремится обеспечить свое влияние в Центральной Азии для решения собственных коэзистенциальных задач, т. е. по наращиванию собственной роли в регионе, а также функциональных экономических задач, учитывая нехватку электроэнергии и географическую ограниченность ИРП в торгово-экономическом отношении. Концептуальные основы внешней политики Пакистана в отношении Центральной Азии исходят из двух составляющих: геополитической и геоэкономической. С геополитической точки зрения Пакистан видит развитие своего сотрудничества с государствами ЦА как противовес индийско-центральноазиатским отношениям. В этом смысле центральноазиатская стратегия Исламабада — логичное продолжение его афганской политики; согласно доктрине «стратегической глубины», во избежание «спайки» Дели и Кабула необходимо обеспечить себе надежный и подконтрольный тыл в лице Афганистана, точно так же идеальный сценарий заключается в обеспечении лояльной прослойки из центральноазиатских государств.

В геоэкономическом смысле Исламабаду важно сыграть роль ключевого коннектора стран Центральной Азии и Индийского океана, получив взамен недостающие ресурсы и решив свои

⁷ Началась реализация проекта Трансафганской железной дороги. Газета.uz. 20.07.2022. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/20/railway/> (дата обращения: 27.04.2023).

⁸ ‘Golden Ring Economic Forum’: FCCI to cooperate in SEPF formulation. Business Recorder. 13.11.2016. URL: <https://fp.brecorder.com/2016/11/20161113102585/> (дата обращения: 27.04.2023); LCCI hosts seminar on new strategic economic policy. Lahore Chamber of Commerce & Industry. URL: <https://lcci.com.pk/press.php?id=455> (дата обращения: 27.04.2023).

социально-экономические проблемы. В этой связи Пакистан настаивает на макрорегионализации именно через трансафганские проекты, на центральности коридора «Пакистан — Афганистан — Центральная Азия» даже при наличии альтернативных маршрутов, например, через Иран, ввиду чего на первый план выходят вопросы мира и безопасности в Афганистане.

Позитивным изменением является принятие — хотя с очевидным запозданием — комплексной центральноазиатской стратегии в 2021 г. «Взгляд на Центральную Азию». При этом ее сохранение и активное апеллирование к ней и после смены правительства в ИРП в 2022 г. свидетельствует о кросс-партийном консенсусе насчет приоритетности партнерства с центральноазиатскими государствами. Однако, чтобы перейти от громкой риторики к фактической имплементации, надо полагать, необходима политическая воля всех заинтересованных сторон, преодоление тлеющего скепсиса и недоверия у контрагентов, а также пресловутая стабилизация обстановки в соседнем Афганистане.

Литература / References

Галимов Р. Интересы Пакистана в регионе Центральной Азии: динамика сотрудничества. *Oriental Journal of History, Politics and Law*. 2022. № 2. С. 381–391 [Galimov R. Pakistan's Interests in the Central Asian Region: the Dynamics of Cooperation. *Oriental Journal of History, Politics and Law*. 2022. № 2. Pp. 381–391 (in Russian)].

Лунев С. И. Индия как один из новых центров глобального влияния. *Сравнительная политика*. 2012. № 2 (8). С. 90–104 [Lunev S. I. India as a New Center of Global Influence. *Comparative Politics*. 2012. № 2 (8). Pp. 90–104 (in Russian)].

Серенко И. Н. «Золотое Кольцо» Пакистана для региональной интеграции Афганистана. *Казачество*. 2021. № 57(7). С. 37–47 [Serenko I. N. Pakistan's "Golden Ring" for Regional Integration of Afganistan. *Kazachestvo*. 2021. № 57(7). Pp. 37–47 (in Russian)].

Roy M. S. Pakistan's Strategies in Central Asia. *Strategic Affairs*. Vol. 30. No. 4. October-December 2006. Pp. 798–833.

Shabbir M. *Pakistan's Alternate Economic Paradigm Based Upon Regional Trade and Connectivity*. *Insight. Institute for Strategic Studies, Research and Analysis, National Defense University, Islamabad*. March 27, 2023. 3 p.

ul Haque R. "Strategic Depth": Does It Promote Pakistan's Strategic Interests? *Quarterly Research & News Centre for Public Policy and Governance, Forman Christian College*. No. 11–13. April 2011. P. 724.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Замараева Н. Пакистан и Центральная Азия: новый этап — прежние цели. Новое Восточное Обозрение. 17.07.2015 [Zamaraeva N. Pakistan and Central Asia: a New Stage — Old Goals. *Novoe Vostochnoe Obozrenie*. 17.07.2015 (in Russian)]. URL: <https://journal-neo.org/ru/2015/07/17/pakistan-i-tsentral-naya-aziya-novy-j-e-tap-prezhnie-tseli/> (дата обращения: 25.04.2023).

Началась реализация проекта Трансафганской железной дороги. Газета.uz. 20.07.2022 [The Implementation of the Trans-Afghan Railway Project Has Started. *Gazeta.uz*. 20.07.2022 (in Russian)]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/20/railway/> (дата обращения: 27.04.2023).

Andleeb S. Imran Khan's geo-economic vision making way to Central Asia through peaceful Afghanistan. Associated Press of Pakistan. 01.08.2021. URL: <https://www.app.com.pk/top-news/imran-khans-geo-economic-vision-making-way-to-central-asia-thru-peaceful-afghanistan/> (дата обращения: 27.04.2023).

Bhutta Z. Afghanistan a hurdle in CARs trade deals. *The Express Tribune*. 07.01.2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2394674/afghanistan-a-hurdle-in-cars-trade-deals> (дата обращения: 27.04.2023).

Foreign Minister meets the Foreign Minister of Kazakhstan on the sidelines of SCO Council of Foreign Minister being held in Tashkent. Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. 14.12.2022. URL: <https://mofa.gov.pk/foreign-minister-meets-the-foreign-minister-of-kazakhstan-on-the-sidelines-of-sco-council-of-foreign-minister-being-held-in-tashkent/> (дата обращения: 26.04.2023).

‘Golden Ring Economic Forum’: FCCI to cooperate in SEPF formulation. Business Recorder. 13.11.2016. URL: <https://fp.brecorder.com/2016/11/20161113102585/> (дата обращения: 27.04.2023).

Joint Communiqué on Official Visit of President of the Republic of Tajikistan, H. E. Emomali Rahmon to Islamic Republic of Pakistan. Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. 14.12.2022. URL: <https://mofa.gov.pk/joint-communique-on-official-visit-of-president-of-the-republic-of-tajikistan-h-e-emomali-rahmon-to-islamic-republic-of-pakistan/> (дата обращения: 26.04.2023).

LCCI hosts seminar on new strategic economic policy. Lahore Chamber of Commerce & Industry. URL: <https://lcci.com.pk/press.php?id=455> (дата обращения: 27.04.2023).

Magnier M. ‘Everyday’ Pakistanis speak out. Los Angeles Times. 05.05.2009. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2009-may-05-fg-pakistan-summit5-story.html> (дата обращения: 12.04.2022).

Membership of SCO for Pakistan sought: Musharraf at Shanghai summit. Dawn. 16.06.2006. URL: <https://www.dawn.com/news/197179/membership-of-sco-for-pakistan-sought-musharraf-at-shanghai-summit> (дата обращения: 21.04.2023).

National Security Policy of Pakistan 2022–2026. National Security Division. 2022. URL: <https://onsa.gov.pk/assets/documents/polisys.pdf> (дата обращения: 10.11.2022).

Prime Minister Imran Khan’s visit to the Republic of Uzbekistan. Ministry of Foreign Affairs. Government of Pakistan. 14.07.2021. URL: <https://mofa.gov.pk/prime-minister-imran-khans-visit-to-the-republic-of-uzbekistan/> (дата обращения: 27.04.2023).

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИРАКОМ И ПАКИСТАНОМ

М. С. Озманян¹

В статье рассматривается мало изученная отечественными востоковедами тема торгово-экономического сотрудничества между Ираком и Пакистаном. Показано, что в последнее время наблюдается процесс активизации двустороннего ирако-пакистанского взаимодействия в области торговли и предпринимательства, направленный на экономическое развитие этих государств, укрепление мира и стабильности в регионе и за его пределами. Страны подписали соглашения о сотрудничестве в различных секторах, включая стимулирование торговли и рационализацию тарифов, для укрепления двусторонних экономических и торговых связей. Багдад и Исламабад осознают свои огромные преимущества от расширения торгово-экономического взаимодействия. Пакистан может экспортировать в Ирак различные товары, включая текстиль, фармацевтические препараты, продукты питания, а импортировать из этой страны в первую очередь нефть, газ, а также металлолом и тропические фрукты. Выход двустороннего торгово-экономического сотрудничества на трек региональной интеграции, включая транспортно-энергетическую, может сыграть позитивную роль в улучшении состояния экономик Ирака и Пакистана. В результате проведенного исследования автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на положительную тенденцию увеличения интенсивности взаимной торговли и наращивания экономических связей между Ираком и Пакистаном, у сторон сохраняется ряд проблем и вызовов, связанных с политической нестабильностью и торговыми барьерами.

Ключевые слова: Ирак, Пакистан, экспорт, товарооборот, экономика, инвестиции, меморандум

Для цитирования: Озманян М. С. Торгово-экономические отношения между Ираком и Пакистаном. Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 1. С. 287–293. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-287-293

TRADE AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN IRAQ AND PAKISTAN

Midiya S. Ozmanian

The article deals with the insufficiently studied by the domestic orientalists issue of trade and economic cooperation between Iraq and Pakistan. It is shown that recently there has been a process of intensification of bilateral Iraq-Pakistan cooperation in the field of trade and entrepreneurship, aimed at the economic development of these states, strengthening peace and stability in the region and beyond. The countries have signed cooperation agreements in various sectors, including trade promotion and tariff rationalization, so as to strengthen bilateral economic and trade ties. Bagdad and Islamabad acknowledge their huge advantages from the expansion of their trade and economic cooperation. Pakistan can export various goods to Iraq, including textiles, pharmaceuticals, food, and import from this country primarily oil, gas, as well as scrap metal and tropical fruits. The entering of

¹ Озманян Мидия Саидовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mid67674@gmail.com

Midiya S. Ozmanian, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mid67674@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9761-4663

bilateral trade and economic cooperation on the track of regional integration, including transport and energy, can play a positive role in improving the state of their economies. As a result of the conducted research, the author of the article concludes that, despite the positive trend of increasing the intensity of mutual trade and enhancing economic ties between Iraq and Pakistan, both sides still have a number of problems and challenges related to political instability and trade barriers.

Keywords: Iraq, Pakistan, exports, trade turnover, economy, investments, memorandum

For citation: Ozmanian M. S. Trade and Economic Relations Between Iraq and Pakistan. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 287–293. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-287-293

Исламская Республика Пакистан и Республика Ирак — две мусульманские страны, которые связывают общая религия, история и культура. Двусторонние отношения между этими государствами оставались на довольно низком уровне при бывшем президенте Ирака Саддаме Хусейне (1937–2006), однако пакистано-иракские связи быстро укрепились после того, как демократически избранное правительство взяло под контроль страну после падения в 2003 г. его режима.

Ирак, богатая природными ресурсами арабская страна, имеет уникальное значение как в регионе, так и в мире. Основу ее экономики составляют добыча и экспорт нефти. А в структуре импорта Пакистана, по оценке отечественного пакистановеда С. Н. Каменева, энергоносители всегда «занимали и будут занимать в среднесрочной перспективе (а возможно, и в долгосрочной)» первое место. За счет собственной добычи нефти, запасы которой постепенно истощаются, удовлетворяется менее 15% потребностей страны в этом углеводороде [Каменев, 2019, с. 209]. Неудивительно, что Пакистан рассматривает Ирак как будущий энергетический центр для удовлетворения экзистенциальных энергетических потребностей своей развивающейся экономики. Эту богатую арабскую нацию Исламабад также рассматривает в качестве потенциального рынка сбыта пакистанских промышленных и сельскохозяйственных товаров. При этом иракское руководство наряду с продвижением торговых, экономических и культурных связей намерено также развивать с Пакистаном, обладающим ядерным оружием, отношения в области обороны и безопасности.

Уделяя особое внимание торговле, предпринимательству, а также укреплению мира и стабильности в регионе и за его пределами, Пакистан и Ирак прилагают усилия по расширению двустороннего сотрудничества. Существует большой потенциал для дипломатического взаимодействия и экономического прогресса в результате более тесных связей этих двух стран, осознающих огромные преимущества от расширения своего торгово-экономического взаимодействия.

Ирак является свободным рынком, предлагающим широкие возможности для пакистанских инвесторов, которые могут извлечь определенную выгоду от кооперации с иракским деловым сообществом. Ирак работает над укреплением двусторонних связей в сельскохозяйственном секторе, развитии туризма и упрощении визового режима для пакистанцев, желающих посетить религиозные святыни в Республике Ирак.

В июне 2023 г. Пакистан и Ирак подписали соглашения о сотрудничестве в различных секторах, включая стимулирование торговли и рационализацию тарифов, для укрепления двусторонних экономических и торговых связей. В общей сложности было подписано 10 межгосударственных соглашений, что ознаменовало начало новой эры в укреплении двусторонних отношений. Они связаны с установлением налоговых и тарифных льгот, расширением экономического и торгового сотрудничества, усилением координации двух государств в борьбе с торговлей людьми и другими преступлениями, включая правонарушения на воздушном транспорте. Обе стороны могут извлечь выгоду из сотрудничества в борьбе с терроризмом, в частности, обмениваясь опытом

и разведывательными данными, а также осуществляя совместное обучение и наращивание потенциала своих правоохранительных органов. Пакистан и далее готов углублять и диверсифицировать двустороннее сотрудничество в области обороны и оборонного производства².

Посол Пакистана в Ираке Хамид Аббас Лафта в апреле 2022 г. выразил надежду на то, что нынешний объем двусторонней торговли в размере 100 млн долл. США будет удвоен, что потребует тесного взаимодействия в нефтяном и туристическом секторах, а также расширения возможностей для авиаперевозок. Ведутся переговоры о повышении эффективности воздушного сообщения между двумя странами³.

Для улучшения экономического и торгового сотрудничества планируется проведение совместных выставок и семинаров с целью повышения информированности и интереса бизнес-сообщества и инвесторов двух стран в налаживании двусторонних связей. В 2022 г. около 200 пакистанских бизнесменов посетили Ирак для участия в торговой выставке. В июне 2023 г. в Багдаде был организован и проведен первый Пакистано-иракский бизнес-форум. Он собрал много участников, предоставив прекрасную возможность для налаживания взаимных контактов между иракскими и пакистанскими деловыми кругами и инвесторами. При этом иракская сторона высказала пожелание о необходимости проводить больше подобных специализированных выставок пакистанской продукции, поощряя пакистанские компании к участию в такого рода международных выставках для привлечения их инвестиций в Ирак.

В сентябре 2022 г. Пакистан и Ирак договорились о начале паромного сообщения между Басрой и Карачи с тем, чтобы помочь пакистанским паломникам посещать святые места в Ираке. Соглашение было достигнуто во время встречи министра внутренних дел Раны Санауллы и посла Ирака Хамида Аббаса Лафты. Стороны договорились подписать пакистано-иракское соглашение о паломничестве и выделить визовую квоту для пакистанских паломников, направляющихся в Ирак. Соглашение расширило и укрепило отношения между двумя странами и обеспечило облегченные условия для получения виз пакистанскими паломниками и туристами. Стоит отметить, что около 200 000 пакистанцев ежегодно посещают иракские города Багдад, Кербела и Эн-Наджаф⁴. Стороны признают имеющийся у них огромный туристический потенциал и создают благоприятные условия для взаимного инвестирования в туристический и гостиничный бизнес. Иракские власти заявили о своей полной поддержке просьбы Исламабада об открытии пакистанского консульства в Эн-Наджаф для предоставления консульских услуг в священном городе Хазрат Али. Министр иностранных дел Ирака Фуад Хуссейн объявил об открытии паломнического центра на священной земле Кербела, который удовлетворит еще одну давнюю просьбу пакистанцев, посещающих страну во время праздников Арбаина, Ашура и Мухаррама. Между двумя государствами был также подписан меморандум об отмене виз для владельцев дипломатических и служебных паспортов, что будет способствовать активизации обменов на высоком уровне и более тесному сотрудничеству между правительствами Ирака и Пакистана⁵. Ирак также выразил желание развивать взаимное сотрудничество с Пакистаном в нефтехимической и других областях энергетики, предложил пакистанским компаниям инвестировать в строительный сектор на юге Ирака.

² Pakistan, Iraq to enhance security, defence cooperation. DAWN. 31.05.2021. URL: <https://www.dawn.com/news/1626604> (дата обращения: 10.10.2023).

³ Pakistan, Iraq to sign deals on cooperation in various sectors. DAWN. 25.04.2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1686691> (дата обращения: 10.10.2023).

⁴ Там же.

⁵ Pakistan, Iraq agree to make diplomatic travel easier. AA. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/pakistan-iraq-agree-to-make-diplomatic-travel-easier/2914654> (дата обращения: 19.10.2023).

Эти и другие договоренности об укреплении и расширении двусторонних экономических, торговых и инвестиционных связей были достигнуты в ходе официального визита в Ирак в июне 2023 г. министра иностранных дел Пакистана Билавала Бхутто-Зардари. Стороны подчеркнули необходимость активизации деятельности по линии Пакистано-Иракского делового совета⁶, обеспечивающего структурированную платформу для бизнесменов и инвесторов двух стран в развитии деловых связей. Следующее заседание Совместной министерской комиссии и первое заседание Двусторонних политических консультаций на уровне старших должностных лиц было решено провести в 2023 году. Насыщенная повестка трехдневного официального визита министра иностранных дел Пакистана Б. Бхутто-Зардари, помимо переговоров с иракским главой внешнеполитического ведомства, включала важные встречи на высшем уровне с президентом Ирака, премьер-министром, спикером парламента, министром внутренних дел, губернатором Кербелы, главой Верховного Исламского совета Ирака, президентом партии Анвар аль-Хикмат и Великим аятолой Шейхом Башир аль-Наджафи. По итогам состоявшихся переговоров стороны договорились направлять совместные усилия на расширение двустороннего сотрудничества в различных областях: сельском хозяйстве; управлении водными ресурсами; транспортной взаимосвязанности с подключением Пакистана к Иракскому коридору «Дорога развития» с выходом через Турцию в Европу; установлении отношений между портовыми городами-побратимами Басрой и Карачи; оборонном производстве; здравоохранении; текстильной промышленности; фармацевтике и медицине. Стороны также приветствовали подписание Меморандума о взаимопонимании по сотрудничеству между Федерациями торгово-промышленных палат Пакистана и Ирака для укрепления экономического сотрудничества и построения прочного экономического партнерства между двумя странами. Была подчеркнута необходимость усиления мер по борьбе с незаконным трансграничным перемещением и контрабандой наркотиков и запрещенных веществ.

В июле 2023 г. Ирак и Пакистан согласовали условия закупки 12 истребителей JF-17 Thunder Block III. Стоимость контракта составляет 664 млн долл., а сами переговоры длились более двух лет⁷. Самолёт обладает высокой маневренностью, имеет современный двигатель нового поколения с повышенной тягой и несёт почти 4 т боевой нагрузки, в том числе ракеты «воздух-воздух» ближней и средней дальности, бомбы, противокорабельные и противорадарные ракеты. Ирак хочет, чтобы JF-17 защищали его воздушное пространство от беспилотников. Иракские власти рассматривали также закупку истребителя Dassault Rafale французского производства. На данный момент пока нет сведений об этой сделке. Военно-воздушные силы Ирака имеют долгую историю переброски боевых самолетов с Востока на Запад. Современный Багдад, возможно, пытается подстраховаться и диверсифицировать закупки для своих военно-воздушных сил.

Между двумя странами на сегодняшний день ведутся переговоры по содействию деловому сообществу и устранению барьеров в отношении перевода средств из Ирака в Пакистан. Федеральное налоговое управление Пакистана инициировало переговоры с Ираком по Конвенции об устранении двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал и предотвращении уклонения от уплаты налогов. Для проведения первого раунда переговоров представители налоговых ведомств двух стран встретились 7–9 августа 2023 г. в Исламабаде. В результате состоявшихся подробных обсуждений был достигнут консенсус, и проект Конвенции был утвержден 9 августа

⁶ Pakistan, Iraq begin talks on 'Convention for Elimination of Double Taxation. Business Recorder. 11.08.2023. URL: <https://www.brecorder.com/news/40257381/pakistan-iraq-begin-talks-on-convention-for-elimination-of-double-taxation> (дата обращения: 13.10.2023).

⁷ Iraq denies purchase of JF-17 Jets from Pakistan. TurDef. 16.07.2023. URL: <https://www.turdef.com/article/iraq-denies-purchase-of-jf-17-jets-from-pakistan> (дата обращения: 15.10.2023).

2023 г. соответствующими главами делегаций⁸. Это не только обеспечит гарантии от двойного налогообложения доходов резидентов обеих стран, но и будет способствовать экономическому сотрудничеству и росту инвестиций, позволит обеспечить правовую основу в отношении налогообложения, применяемого к трансграничным деловым операциям, дивидендам, процентам и плате за технические услуги, а также доходам от автоматизированных цифровых сервисов и т. д.

У Пакистана, заметим, одна из самых низких в мире норм товарного экспорта. Его экономику нужно отнести к категории открытых. Нишу для экспорта своих товаров Пакистан не нашел — самая крупная по размерам текстильная промышленность не утвердилась в полной мере на мировом рынке [Белокреницкий, 2022, с. 108]. Вместе с тем Пакистан улучшил свое место в мировом ранжире стран по легкости ведения бизнеса и рассчитывает на приток прямых иностранных инвестиций из ряда стран, включая государства Ближнего и Среднего Востока, в том числе Ирак [Белокреницкий, 2020, с. 21]. Стоит напомнить, что внешняя торговля продолжает играть существенную роль в процессе экономического роста Пакистана и в общем ходе независимого развития этого государства [Каменев, 2014, с. 160].

Согласно базе данных COMTRADE⁹ Организации Объединенных Наций по международной торговле, экспорт Пакистана в Ирак в 2021 г. составил 44,3 млн долл. Основными товарами, которые Пакистан экспортировал в Ирак, были рис (12,7 млн долл.), цитрусовые (6,2 млн долл.) и воздушные насосы (4,95 млн долл.). За последние 18 лет экспорт Пакистана в Ирак увеличился в годовом исчислении на 14,9% — с 3,61 млн долл. в 2003 г. до 44,3 млн долл. в 2021 г.¹⁰ Рост экспорта товаров из Пакистана в Ирак приведен на Рисунке 1.

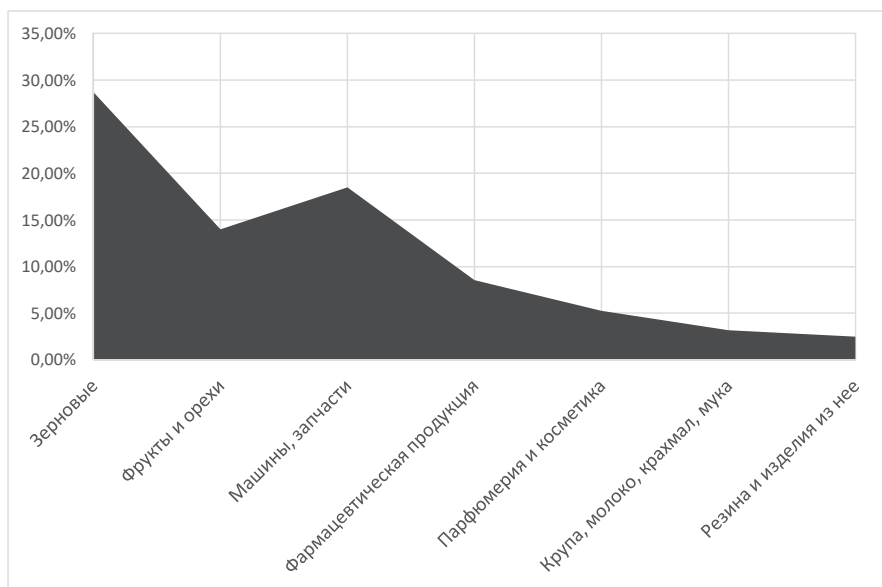

Рис. 1. Рост экспорта товаров из Пакистана в Ирак в 2021 году.

Источник: *Trading economics*. <https://tradingeconomics.com/pakistan/exports/iraq#:~:text=Pakistan%20Exports%20to%20Iraq%20was,updated%20on%20August%20of%202023>

⁸ Pakistan, Iraq begin talks on 'Convention for Elimination of Double Taxation. Business Recorder. 11.08.2023. URL: <https://www.brecorder.com/news/40257381/pakistan-iraq-begin-talks-on-convention-for-elimination-of-double-taxation> (дата обращения: 13.10.2023).

⁹ Iraq (IRQ) and Pakistan (PAK) Trade. OEC — The Observatory of Economic Complexity. 10.2023. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/iraq/partner/pak> (дата обращения: 13.10.2023).

¹⁰ Там же.

В 2021 г. резко возрос спрос на рис (полумолотый или цельномолотый) по сравнению с предыдущим годом (процентный рост составил 1178,25%). Стоимость экспорта возросла с 993 тыс. долл. в 2020 г. до 12,7 млн долл. в 2021 году. Экспорт поставок кондитерских изделий (печенье, вафли) вырос с 5,43 тыс. долл. до 813 тыс. долл. Увеличился спрос на солодовый экстракт с 51 тыс. долл. до 560 тыс. долл., а на семена кунжута — с 70,7 тыс. долл. до 488 тыс. долл.¹¹

Спрос на пневматические шины из новой резины для мотоциклов за данный годовой период вырос с 64,4 тыс. долл. до 441 тыс. долл., как и на внутренние резиновые трубки для велосипедов (52,6 тыс. долл. — 257 тыс. долл.). При этом наблюдалось снижение спроса на настольный, оконный, потолочный вентиляторы с электродвигателем менее 125 Вт на 5,8%. Почти на 40% снизился экспорт спирта (этиловый неденатурированный с концентрацией спирта 80% или более) и на 75% снизился экспорт кондитерских изделий из сахара, не содержащих какао.

В 2021 г. экспорт Ирака в Пакистан составил 106 млн долл. Основными экспортируемыми в Пакистан товарами являются нефтяной газ (87,1 млн долл.), металлолом (17,2 млн долл.) и тропические фрукты (1,16 млн долл.). За последние 18 лет экспорт Ирака в Пакистан увеличился в годовом исчислении на 56,5% — с 33,5 тыс. долл. в 2003 г. до 106 млн долл. в 2021 году. Рост экспорта товаров из Ирака в Пакистан приведен на Рисунке 2.

За год возрос спрос на газы нефтяные и углеводороды газообразные прочие (сжиженные) на 167% (с 32,6 млн долл. до 87,1 млн долл.), также на 103% увеличился экспорт на алкилбензолы смешанные и прочие. Успешно экспортируются суда и другие плавучие конструкции, предназначенные на слом (2,55 млн долл. в 2020 г. до 17,2 млн долл. в 2021 г.). Из пищевой продукции на 55% возрос экспорт фиников (свежих и сушеных).

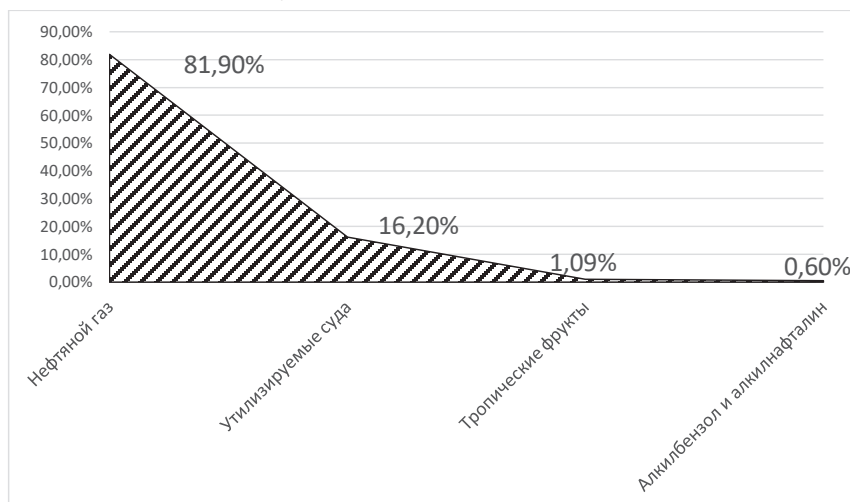

Рис. 2. Рост экспорта товаров из Ирака в Пакистан в 2021 году.

Источник: Trading economics. <https://tradingeconomics.com/pakistan/exports/iraq#:~:text=Pakistan%20Exports%20to%20Iraq%20was,updated%20on%20August%20of%202023>

Улучшение ирако-пакистанского сотрудничества в области торговли, инвестиций имеет большие перспективы как для обеих стран, так и для достижения мира и стабильности в регионе. Пакистан может экспортировать в Ирак многие товары, включая текстиль, фармацевтические препараты, рис, продукты питания, импортируя при этом из Ирака в первую очередь нефтепродукты.

¹¹ Pakistan Exports to Iraq. Trading economics. 10.2023. URL: <https://tradingeconomics.com/pakistan/exports/iraq#:~:text=Pakistan%20Exports%20to%20Iraq%20was,updated%20on%20August%20of%202023> (дата обращения: 13.10.2023).

Выход двустороннего торгово-экономического сотрудничества на трек региональной интеграции, включая транспортно-энергетический, может сыграть позитивную роль в улучшении состояния экономики обеих стран.

Несмотря на положительные аспекты сотрудничества, между Багдадом и Исламабадом существуют проблемы и вызовы, такие как политическая нестабильность и торговые барьеры. Однако Ирак и Пакистан, стремящиеся к улучшению своих двусторонних отношений, думается, вполне могут справиться с этими и другими препятствиями на пути постепенного торгово-экономического сближения.

Литература / References

Белокреницкий В. Я. Современное состояние пакистанской экономики. *Восточная аналитика*. 2020. № 2 [V. Belokrenitsky, Current state of Pakistan's economy. *Eastern Analytics*. 2020. No. 2 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. Экономические причины обострения внутривосточной ситуации в Пакистане. *Восточная аналитика*. 2022. № 4 [V. Belokrenitsky, Economic reasons of the aggravation of the political situation in Pakistan. *Eastern Analytics*. 2022. No. 4 (in Russian)].

Каменев С. Н. *Экономическое развитие Пакистана (1947–2012): макроэкономический анализ*. М., 2014 [S. Kamenev, *Economic Development of Pakistan (1947–2012): The Macroeconomic Analysis*. Moscow, 2014 (in Russian)].

Каменев С. Н. *История экономических процессов в Пакистане. XX–XXI вв.* М., 2019 [S. Kamenev *History of Economic Processes in Pakistan. 20th-21st Centuries*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Iraq (IRQ) and Pakistan (PAK) Trade. OEC — The Observatory of Economic Complexity. 10.2023. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/irq/partner/pak> (дата обращения: 13.10.2023).

Iraq denies purchase of JF-17 Jets from Pakistan. TurDef. 16.07.2023. URL: <https://www.turdef.com/article/iraq-denies-purchase-of-jf-17-jets-from-pakistan> (дата обращения: 15.10.2023).

Pakistan, Iraq to enhance security, defence cooperation. DAWN. 31.05.2021. URL: <https://www.dawn.com/news/1626604> (дата обращения: 10.10.2023).

Pakistan, Iraq to sign deals on cooperation in various sectors. DAWN. 25.04.2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1686691> (дата обращения: 10.10.2023).

Pakistan, Iraq agree to start ferry service between Karachi and Basra. DAWN. 23.09.2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1711507> (дата обращения: 12.10.2023).

Pakistan Exports to Iraq. Trading economics. 10.2023. URL: <https://tradingeconomics.com/pakistan/exports/iraq#:~:text=Pakistan%20Exports%20to%20Iraq%20was,updated%20on%20August%20of%202023> (дата обращения: 13.10.2023).

Pakistan, Iraq agree to make diplomatic travel easier. AA. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/pakistan-iraq-agree-to-make-diplomatic-travel-easier/2914654> (дата обращения: 19.10.2023).

Pakistan, Iraq begin talks on Convention for Elimination of Double Taxation. Business Recorder. 11.08.2023. URL: <https://www.brecorder.com/news/40257381/pakistan-iraq-begin-talks-on-convention-for-elimination-of-double-taxation> (дата обращения: 13.10.2023).

**ИДЕЯ ОБРАЗОВАНИЯ КОНФЕДЕРАЦИИ
МЕЖДУ АФГАНИСТАНОМ
И ПАКИСТАНОМ
(1954–1958 гг.)**

С. Пойя¹

Данная статья посвящена малоизученным страницам истории отношений между Афганистаном и Пакистаном в период правления правительства премьер-министра Мухаммада Дауд-хана. Хотя проект образования федерации или конфедерации Афганистана и Пакистана, предлагавшийся Аслам-ханом Хаттаком, не получил своего развития, он вошел в историю отношений между двумя государствами. Концепция той или иной формы объединения двух соседних государств нашла более широкий отклик в средствах массовой информации западных стран, нежели в СМИ Афганистана и Пакистана. Автор считает, что все эти попытки были предприняты лишь с одной целью — испортить отношения между Афганистаном и СССР, а в последующем втянуть Афганистан в орбиту региональных военных союзников США. Афганская сторона подозрительно отнеслась к идее, старалась не давать ей широкую огласку, время от времени опровергала сообщения и статьи, опубликованные в западных газетах. Пакистанские газеты иногда с опровержением, а иногда с одобрением комментировали публикации иностранной прессы.

С приходом талибов к власти в августе 2021 г. в некоторых пакистанских и афганских кругах вновь делались прогнозы о том, что этот проект может быть реанимирован. Но после замены генерала Фаиза Хамида на посту генерального директора Межведомственной разведки Пакистана, а затем устранения Имран-хана с поста премьер-министра весной 2022 г. отношения между странами резко изменились в сторону ухудшения.

Ключевые слова: Афганистан, Пакистан, Пуштунистан, конфедерация

Для цитирования: Пойя С. Идея образования конфедерации между Афганистаном и Пакистаном (1954–1958 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 1. С. 294–302. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-294-302

**IDEA OF FORMING A CONFEDERATION BETWEEN
AFGHANISTAN AND PAKISTAN (1954–1958)**

Poya Sameullah

¹ Пойя Самеулла, кандидат исторических наук, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; sameullah.poya@mail.ru

Poya Sameullah, PhD (in History), PhD (in Technical Sciences), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; sameullah.poya@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8259-1216

This article is dedicated to the little-studied pages of historical relations between Afghanistan and Pakistan during the reign of Prime Minister Muhammad Daud Khan. Although the project of the formation of federation or confederation of Afghanistan and Pakistan, proposed by Islam Khan Khattak, did not materialize, it entered the history of relations between the two states. The concept resonated more in the Western media than in the media of Afghanistan and Pakistan. The author considers all these attempts as made with only one goal, to spoil relations between Afghanistan and the USSR, and subsequently draw Afghanistan into the orbit of the US regional military allies. The Afghan side was suspicious of the idea, tried not to give it wide publicity, and from time to time denied reports and articles published in Western newspapers. Pakistani newspapers sometimes refuted and sometimes approved the publications of the foreign press.

With the Taliban coming to power in August 2021, some Pakistani and Afghan circles once again made predictions that this project could be revived. But after the replacement of General Faiz Hamid as Director General of the Inter-Services Intelligence of Pakistan and the subsequent removal of Imran Khan from the post of Prime Minister in spring 2022, relations between the countries took a sharp turn for the worse.

Keywords: Afghanistan, Pakistan, Pashtunistan, Federation, confederation

For citation: Poya S. Idea of Forming Confederation between Afghanistan and Pakistan (1954–1958). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 294–302. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-294-302

Проект создания конфедерации

В апреле 1954 г., по сообщениям ряда экспертов, в мировых средствах массовой информации были опубликованы многочисленные статьи по поводу проведения тайных переговоров между правительствами Афганистана и Пакистана о союзе и образовании конфедерации двух стран [Malik, 2002, p. 17–18; Пойя, 2022, с. 357]. Изучая документы в Государственном архиве РФ (ГАРФ), автору данной статьи удалось ознакомиться с публикациями некоторых из них в таких изданиях, как «Нью-Йорк таймс»², «Таймс оф Индия»³, Агентство

² ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 53. Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Каллахан передает из Карачи, что 10 апреля 1954 г. здесь сообщили о ранее не оглашённом плане слияния Пакистана и Афганистана. Целью плана является создание конфедерации. Эти две страны — ключ к обороне района, лежащего к югу от Советского Союза. План, обсуждавшийся в течение года, предусматривает совместное руководство внешней политикой... 12 миллионов афганцев и 76 миллионов пакистанцев имеют общность языка.

Одна из самых важных причин, по которой Пакистан приветствует проект конфедерации, заключается в том, что он стремится укрепить оборону Хайберского прохода, представляющего собой наиболее практичный путь из восточных республик Советского Союза в Пакистан. Афганистан слаб в военном отношении. Его двухсоттысячная армия плохо вооружена. Пакистанские вооруженные силы, как сообщают, более чем в два раза превосходят по численности вооруженные силы Афганистана. Они изучены главой американской военной миссии Мейером.

Различие в оборонительных потенциалах двух стран кажется возможным препятствием на пути создания федерации. Однако известно, что правительственные чиновники в Карачи желают продвигать осуществление проекта, предполагая, что Афганистан будет усилен либо путем выделения ему части американского вооружения, либо посредством оказания помощи какой-либо западной державой, помимо Соединенных Штатов.

Визит вице-президента Никсона в афганскую столицу, состоявшийся в декабре 1953 г., как здесь считали, непосредственно преследовал цель установления более тесного союза между Пакистаном и Афганистаном в качестве звена средневосточной оборонительной цепи, которая сейчас выковывается.

³ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 54. «Таймс оф Индия» от 12 апреля 1954 г. Между Афганистаном и Пакистаном «проводятся секретные переговоры» о создании федерации, которая будет весть вопросами «обороны и внешней политики» обеих стран.

«Рейтер» из Карачи⁴, «Франс-пресс» из Вашингтона⁵, газета «Пакистан таймс»⁶, «Морнинг ньюс», выходящая в Карачи⁷, газета «Дад» из Ирана⁸. Верховный комиссар Англии в Пакистане Лейтуэйт 15 апреля 1954 г. выехал в Афганистан с неожиданной и секретной миссией. Официальные круги отказались сделать какое-либо заявление в отношении этой миссии. В неподтверждённых сообщениях, которые появились накануне, указывалось, что между сторонами происходят переговоры на высшем уровне. В результате их проведения Афганистан согласится соединиться с Пакистаном в рамках конфедерации при сохранении автономии в некоторых сферах.

Представитель министерства иностранных дел Пакистана 14 апреля 1954 г. опроверг опубликованные тогда в газетах Карачи сообщения о том, что между Пакистаном и Афганистаном якобы ведутся секретные переговоры о создании конфедерации двух стран. Эти сообщения и другие подобные слухи, касающиеся унификации обороны и внешней политики двух стран, лишены всякого основания и являются вымыслом, заявил представитель МИДа. Он также указал, что переговоры,

⁴ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 76. 12 апреля 1954 г. «Рейтер» передает: Как стало известно из достоверных источников, в настоящее время в столице Афганистана Кабуле между Афганистаном и Пакистаном ведутся секретные переговоры о сотрудничестве в сфере обороны и внешней политики. По имеющимся сведениям, сотрудничество не повлечет за собой создания федерации, как предполагалось в сообщениях, появившихся в нью-йоркской печати, так как это нарушило бы целостность и независимость обеих стран.

Переговоры, как полагают, касаются прохождения мероприятий, направленных на создание оборонительного союза на Среднем Востоке в тесном сотрудничестве с Соединенными Штатами. Однако, как стало известно из достоверных источников, успешное завершение переговоров не будет обязательно означать присоединение Афганистана к недавно заключенному на широкой основе договору между Пакистаном и Турцией.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 92. «Франс-пресс» от 14 апреля 1954 г.: Слухи о том, что в течение года между Карачи и Кабулом происходят тайные переговоры о создании конфедерации между Пакистаном и Афганистаном, были восприняты в авторитетных американских кругах с величайшим недоверием. «Нью-Йорк Таймс», так же как и одна газета, издаваемая в Лахоре, уже комментировали эти слухи. Некоторые вашингтонские дипломатические наблюдатели, отметив, что эти слухи исходят из Карачи, спрашивают себя, не является ли это маневром некоторых пакистанских политических деятелей, предпринятым для того, чтобы оказать давление на правительство Дели, с которым у Пакистана остается много нерешенных проблем.

По мнению этих наблюдателей, правительство Индии, которое с тревогой встретило программу военной помощи Пакистану, не может относиться спокойно к проекту конфедерации между Карачи и Кабулом.

С другой стороны, некоторые наблюдатели задаются вопросом, не были ли эти слухи, появившиеся в Карачи, распространены с молчаливого одобрения американских представителей. По существу, если бы была создана конфедерация между Пакистаном и Афганистаном, то это значительно способствовало бы обороне Хайберского прохода, пути для нападения коммунистов на Пакистан.

Но в Вашингтоне отмечают, что Афганистан, который имеет протяженную границу с СССР, до сих пор избегал любых действий, способных вызвать недовольство Москвы.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 113. 15 апреля 1954 г. Корреспондент газеты «Пакистан таймс», совершающий поездку по Среднему Востоку, в сообщении из Каира пишет: «Посол Пакистана в Кабуле предложил правительству Афганистана образовать конфедерацию двух стран. Это предложение Пакистана было сделано с одобрения Америки и в целях включения Афганистана в военный пакт для заполнения разрыва между Турцией и Пакистаном, который существует в настоящее время. Афганцы не ответили отказом, но вместо этого предложили Пакистану вступить в более тесные отношения в рамках федерации. Карачи холодно отнесся к этому контрпредложению». За согласие Афганистана с указанным предложением пакистанское правительство выражает готовность оказать помощь в строительстве дорог в Афганистане, разрешить Афганистану пользоваться электроэнергией пакистанских гидроэлектростанций, а также услугами своего государственного банка и порта Карачи.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 113. В то же время выходящая в Карачи газета «Морнинг ньюс» опубликовала 14 апреля сообщение своего корреспондента, в котором говорится: «В Карачи стало известно, что переговоры о политическом союзе между Пакистаном и Афганистаном, который объединит обе страны в какую-то федерацию, которая будет иметь общую оборону и внешнюю политику, «почти закончены».

⁸ Иранская газета «Дад» 16.04.1954 г. в статье под заголовком «Слухи о тайных переговорах между правительствами Афганистана и Пакистана о заключении договора о союзе и сотрудничестве» пишет: 14 апреля информационное агентство мира, ссылаясь на американскую газету «Нью-Йорк таймс», передавало, что уже некоторое время между правительствами Афганистана и Пакистана ведутся тайные переговоры относительно заключения договора о союзе и сотрудничестве. В то время, когда были опубликованы эти сообщения, турецкий посол в США посетил помощника государственного секретаря США по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки Байроуда, после чего заявил корреспондентам, что его правительство весьма довольно переговорами между афганским и пакистанским правительствами».

которые ведутся в течение некоторого времени между представителями двух стран, касаются улучшения существующих между ними отношений.

Местные наблюдатели в Пешаваре выразили опасение, что сообщение печати о якобы существующем проекте пакистано-афганской федерации может послужить искрой, которая способна вызвать серьезные беспорядки в Центральной Азии, поскольку Советский Союз подозрительно относится ко всякому вмешательству западных держав в дела этого региона. В информационных кругах полагали, что именно поэтому представитель Министерства иностранных дел Пакистана опроверг эти сообщения⁹.

Согласно заявлениям МИДа Афганистана, афганская сторона отрицательно относилась к идее создания федерации. Афганистан считал, что это был просто политический маневр Пакистана, имеющий целью отвлечь внимание от главного конфликта между двумя странами. Здесь камнем преткновения был не только вопрос о неизбежной потере независимости Афганистана, но и его претензии к Пакистану в вопросе Пуштунистана [Андейшманд, 2007, с. 265]. МИД Афганистана неоднократно опровергал идею образования конфедерации Афганистана и Пакистана и называл ее слухами. Агентство Бахтар 16 апреля 1954 г. опубликовало заявление МИДа Афганистана, в котором говорилось, что «вопросы, по поводу которых Афганистан и Пакистан вели переговоры, касаются прав народа Пуштунистана. Эти переговоры, возможно, приведут к установлению взаимопонимания и сотрудничеству между странами»¹⁰.

В сообщении, полученном 17 апреля 1954 г. из авторитетного источника в Пешаваре, говорилось, что МИД Афганистана решительно опроверг «слухи и предположения» о пакистано-афганской конфедерации. Министерство заявило, что эти сообщения «совершенно безосновательны». В сообщении отмечалось, что в течение нескольких дней проходят переговоры об «улучшении отношений» между двумя странами. Правительство Пакистана также опубликовало подобное опровержение¹¹.

Газета «Анис» в передовой статье 18 апреля 1954 г. пишет: «При наличии проблемы Пуштунистана отношения между Афганистаном и Пакистаном весьма далеки от того, чтобы ставить и решать вопрос о создании федерации или конфедерации двух государств». Говоря о заявлении «Нью-Йорк таймс» по поводу того, что «Афганистан желает присоединиться к Пакистану «из-за страха», «Анис» в передовой статье также писала: «Мы не знаем, откуда газета видит эту опасность. Если имеется в виду Советский Союз, то следует знать, что на протяжении четверти века, с момента провозглашения независимости Афганистана, отношения Афганистана с его северным соседом строятся на прочной основе дружбы и взаимного уважения и выдержали испытания в самые трудные и мрачные времена. Эти прекрасные отношения в настоящее время с каждым днем всесторонне укрепляются. Поэтому разговоры о подобных опасениях Афганистана являются пустыми рассуждениями и свидетельствуют о неосведомленности газеты»¹². «Анис» рекомендовала газете «Нью-Йорк таймс» впредь не публиковать подобных безосновательных сообщений. В заключение «Анис» подтвердила заявление Министерства иностранных дел Афганистана о том, что переговоры между Афганистаном и Пакистаном касаются только проблемы Пуштунистана¹³.

Поверенный в делах Афганистана в Пакистане С. М. Аттик 19 апреля 1954 г. в интервью корреспонденту газеты «Пакистан таймс» категорически опроверг сообщение американской печати о том, что отношения между Афганистаном и Пакистаном якобы улучшились и что

⁹ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. «Франс-пресс» из Карачи 14.04.1954 г.

¹⁰ Сообщение агентства «Бахтар». 16.04.1954.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 13.

¹² Анис. 18.04.1954.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 13.

образование конфедерации между Афганистаном и Пакистаном возможно. По заявлению газеты «Доон», пакистанское правительство рассмотрело рекомендации, представленные указанной миссией, и приняло решения, в соответствии с которыми были отменены всякие ограничения на импорт товаров афганского происхождения, аннулированы таможенные сборы, предоставлены льготные условия оплаты ввозимых Афганистаном из Пакистана товаров. Однако надежды заинтересованных кругов Пакистана не оправдались.

Поверенный в делах Афганистана в Пакистане опроверг сообщения о том, будто бы вице-президент США Никсон во время посещения им Кабула вел предварительные переговоры о создании союза между Пакистаном и Афганистаном. Он добавил, что пока вопрос о Пуштунистане не будет решен, не может быть и речи о «дружественных отношениях между обеими странами». С аналогичным опровержением выступил посол Афганистана в Индии. В интервью корреспонденту газеты «Пакистан таймс» 3 мая 1954 г. он категорически опроверг сообщения американской печати, заявив следующее: «Насколько мне известно, мы не продвинулись ни на дюйм по пути к улучшению»¹⁴.

Взаимные визиты глав Афганистана и Пакистана

Газета «Анис»¹⁵ 7 июня 1956 г. опубликовала сообщение, ссылаясь на заявление радио Карачи, что президент Пакистана Искандер Мирза по приглашению короля Афганистана посетит Кабул 18 июня 1956 г. в качестве гостя главы государства. Однако он прибыл в афганскую столицу с опозданием — лишь 7 августа 1956 г..¹⁶ При активном участии Государственного департамента, посольств США в Кабуле и Карачи 7–11 августа 1956 г. состоялся визит президента Пакистана Искандера Мирзы в Афганистан. С первых минут афганская сторона подчёркивала то большое значение, которое она придаёт этому визиту. В аэропорту высокого гостя встречал лично король Мухаммад Захир-шах в сопровождении всего афганского правительства. Ещё одним показателем особо дружеского отношения к президенту Пакистана было то, что афганское правительство оплатило пребывание Пакистанской делегации в Кабуле. Афганский король разместил президента Пакистана в небольшом дворце королевского комплекса, где он обычно жил сам. Вся остальная делегация была размещена в Государственном доме для высоких гостей. Исключительно тёплый приём настолько поразил президента Мирзу, что он продлил своё пребывание в Афганистане на три дня [Malik, 2002, p. 17].

В ходе визита было опубликовано совместное заявление глав двух государств, в котором говорилось, что стороны заявляют о решении урегулировать путем дружественных переговоров все существующие между обеими странами разногласия. В заявлении указывалось, что король принял приглашение Искандера Мирзы посетить Пакистан. О том, встретился ли президент Пакистана с премьер-министром Афганистана, пресса не сообщала¹⁷.

Вскоре премьер-министр Пакистана Х. Ш. Сухраварди направил приглашение премьер-министру Афганистана М. Дауду посетить Карачи. Тот принял приглашение¹⁸ и уже 24 ноября 1956 г. вылетел в Пакистан¹⁹, где между ним, президентом Пакистана Искандером Мирзой

¹⁴ Там же.

¹⁵ Анис. 07.06.1956.

¹⁶ Анис. 07.08.1956.

¹⁷ Ислах. 12.08.1956.

¹⁸ Анис. 12.11.1956.

¹⁹ Анис. 24. 11.1956.

и премьер-министром Сухраварди начались переговоры²⁰. По окончании переговоров они сделали совместное заявление, в котором выразили удовлетворение достигнутыми договоренностями. Было опубликовано афгано-пакистанское коммюнике о пребывании М. Дауда в Пакистане²¹.

Тем не менее визит Мухаммада Дауд-хана в Пакистан не дал положительных результатов по заметному улучшению отношений между двумя государствами. Мухаммад Дауд-хан и Искандер Мирза даже не начали обсуждение вопросов о транзите и обмене послами, что было вызвано исключительно настойчивостью афганской стороны обсуждать только проблему Пуштунистана. Во время визита Афганистан сумел навязать противоположной стороне обсуждение Пуштунистана и упоминание этой проблемы в заключительном коммюнике о встрече лидеров двух стран. Вслед за премьером Карачи посетил и. о. министра здравоохранения Афганистана Абдул Захир. Во время его пребывания в Пакистане президент Искандер Мирза передал в дар Кабулу оборудование для больницы²².

Таким образом, эти слухи временно утихли, однако 11 августа 1956 г. в ходе визита в Афганистан президента Пакистана Искандера Мирзы, во время обеда в доме дяди короля Шах Махмуда президент Искандер Мирза и Аслам-хан Хаттак²³ выдвинули ему предложение о создании пакистано-афганской конфедерации. Пакистанская сторона в этот раз в большой тайне обсуждала идею конфедерации двух стран с королём, его дядями и Мухаммадом Дауд-ханом. Атмосфера проходивших встреч была такова, что при отъезде из Кабула у президента Мирзы на глаза навернулись слезы, когда он при прощании обнялся с дядей короля Шахом Махмудом.

У президента Пакистана Искандера Мирзы создалось впечатление, что афганская сторона весьма положительно восприняла предложенную идею. Проект конфедерации двух стран предусматривал, что обе стороны будут сохранять автономию в своих внутренних делах. Однако вопросы обороны, внешней политики, торговли и коммуникаций будут находиться в ведении центрального правительства. Пост премьер-министра будут занимать представители двух стран поочередно в соответствии с принципом ротации. Вопрос о главе государства оставался открытым, и уже новый посол Пакистана Малик Фироз-хан Нун выразил согласие с тем, чтобы главой объединённого государства был афганский король Мухаммад Захир-шах.

В феврале 1957 г. и сам король Мухаммад Захир-шах с официальным визитом посетил Пакистан. Стороны выразили полную готовность приложить все усилия для нормализации двусторонних отношений. Захир-шах был полон положительных впечатлений об итогах встречи.

После этого началась череда взаимных визитов афганских и пакистанских деятелей. В частности, афганские СМИ широко комментировали визит видного афганского поэта, ученого и политика, президента общества «Пушту Тольна» Гуль Пача Ульфата в Пешавар, который состоялся 24 марта 1957 г., а в апреле того же года Карачи посетил министр иностранных дел Афганистана Мухаммад Наим-хан²⁴.

В афганскую столицу 8 июня 1957 г. прибыл премьер-министр Пакистана Сухраварди, который встретился со своим коллегой М. Дауд-ханом и имел аудиенцию у короля Афганистана²⁵.

²⁰ Анис. 26.11.1956.

²¹ Анис. 02.12.1956.

²² АВП РФ. 1956. Ф. 042. Оп. 68в. Д. 2. Л. 69.

²³ Слово «Хаттак», обозначающее фамилию, также означало принадлежность к пуштунскому племени хаттаков, проживающему на пакистанской стороне близ Хайберского перевала, связывающего две страны. Важна не только должность посла, но и принадлежность Аслам-хана Хаттака к очень влиятельной в Пакистане семье. Его брат генерал Хабибулла был начальником Генерального штаба Пакистанской армии.

²⁴ Анис. 24.03.1957.

²⁵ Анис. 09.06.1957.

В результате переговоров было подписано совместное коммюнике. В июне 1957 г. после визита премьер-министра Пакистана была возобновлена работа послов в Кабуле и Карачи²⁶. Посол США в Афганистане Миллс в своей телеграмме в Вашингтон назвал визит Сухраварди в Кабул «удивительно успешным». И хотя, как отмечал он, сенсационные результаты были невозможны, беседы лидеров двух стран и коммюнике по итогам визита являются определённым историческим шагом вперёд в отношениях между Пакистаном и Афганистаном²⁷.

Нормализация отношений между странами начала стремительно развиваться. В июне 1957 г. в Кабул прибыла пакистанская делегация для проведения переговоров об установлении воздушного сообщения между столицами обеих стран²⁸. 23 июня стороны подписали афгано-пакистанское соглашение об установлении авиационной связи²⁹, но регулярное сообщение между Кабулом и Карачи было установлено только через четыре месяца.

Новый посол Пакистана в Кабуле Мухаммад Аслам Хаттак, пуштун по национальности, вручил 21 августа 1957 г. свои верительные грамоты королю Афганистана³⁰, а 11 сентября того же года было получено согласие пакистанского правительства на принятие М. Хашима Майвандвала в качестве нового афганского посла в Карачи.

В конце 1957 г. в Пакистане возник серьёзный политический кризис, в связи с чем президент Пакистана Искандер Мирза прислал королю Афганистана послание с просьбой отложить его поездку в Пакистан, намечавшуюся на январь 1958 г.³¹ Несмотря на сложную ситуацию в Пакистане, отношения между двумя соседями продолжали укрепляться. Так, в начале 1958 г. между Кабулом и Карачи была открыта радиотелефонная связь³².

1 февраля 1958 г. президент Пакистана Искандер Мирза вновь направил королю Афганистана приглашение посетить Пакистан³³. И в феврале 1958 г. Мухаммад Захир-шах второй раз за прошедшее десятилетие нанес визит в Карачи³⁴, а 26 марта направил Искандеру Мирзе поздравительную телеграмму по случаю годовщины образования Исламской Республики Пакистан³⁵.

В мае 1958 г. в Пакистане произошло трагическое событие — погиб один из лидеров пуштунов доктор Хан Сахиб (мотивы остались не раскрытыми). Это, возможно, было свидетельством трудностей смены партнеров и союзников. Дело в том, что старший брат Абдул Гаффар-хана Хан Сахиб после создания единой провинции Западный Пакистан согласился занять пост ее главного министра [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 110]. Несмотря на это, и премьер-министр Афганистана М. Дауд, и министр иностранных дел М. Наим направили соболезнования на имя лидера Пуштунистана, брата убитого Хана Абдул Гаффар-хана и старшего сына Хан Сахиба Абдуллы Хана³⁶. Хотя гибель Хана Сахиба в очередной раз могла бы омрачить отношения между странами, но Афганистан, находясь в состоянии экономического кризиса с момента закрытия границ с Пакистаном, был заинтересован в нормализации отношений.

В августе 1958 г. в Лахоре новый премьер-министр Пакистана Фироз-хан Нун выступил с сенсационным заявлением о планах создания уже не конфедерации, а федерации Пакистана,

²⁶ Бюллетень агентства «Бахтар» 11.06.1957.

²⁷ Анис. 24.03.1957.

²⁸ Анис. 13.06.1957.

²⁹ Анис. 23.06.1957.

³⁰ Сводка агентства «Бахтар». 22.08.1957.

³¹ Ислах. 12.12.1957.

³² Ислах. 26.01.1958.

³³ Ислах. 05.01.1958.

³⁴ Ислах. 08.02.1958.

³⁵ Ислах. 26.03.1958.

³⁶ Анис. 10.05.1958.

Ирана и Афганистана. Однако шах Ирана не согласился присоединиться к конфедерации [Кирпенко, Ежов, 2015, с. 51].

Заключение

Идея конфедерации или федерации приводила к вполне определённым выводам. Во-первых, хотя в ходе визита президента Пакистана Искандера Мирзы в Кабул афганская сторона с интересом восприняла идею конфедерации, но в целом подозрительно отнеслась к ней. Во-вторых, участие в предполагаемом конфедеративном образовании Ирана явно не устраивало Афганистан, ибо в этом случае он стал бы находиться в окружении двух военных союзников США и оказался в меньшинстве. В целом все эти попытки были предприняты, как представляется, лишь с одной целью — испортить отношения между Афганистаном и СССР, а в перспективе втянуть Афганистан в орбиту региональных военных союзников США.

Последующие события в Пакистане (военный переворот в октябре 1958 г.) вообще похоронили эту идею. Президент Пакистана Искандер Мирза 8 октября 1958 г. объявил в стране военное положение, отменил конституцию 1956 г. и назначил генерала Мухаммада Айюб-хана главой временного правительства на период чрезвычайного положения. Через три недели, 27 октября 1958 г., генерал Айюб-хан отстранил президента Мирзу от власти [Кирпенко, Ежов, 2015, с. 61] и стал президентом Пакистана (его президентские полномочия были подтверждены на косвенных безальтернативных выборах в феврале 1960 г.). Пост премьер-министра был упразднен. Было создано правительство президентского типа, члены которого назначались и смещались главой государства [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 145].

С повторным приходом талибов к власти в августе 2021 г. в некоторых пакистанских и афганских кругах вновь делались прогнозы о том, что проект создания конфедерации может быть реанимирован. Но вместо сближения двух государств наметилось их отчуждение, связанное не только с заменой генерала Фаиза Хамида на посту генерального директора Межведомственной военной разведки Пакистана и последующим весной 2022 г. отстранением Имран-хана с поста премьер-министра страны, но и с более глубокими историческими и политическими причинами.

Литература/References

- АВП РФ. 1956. Ф. 042. Оп. 68в. Д. 2. Л. 69 [ARFP. 1956. F. 042. I. 68v. D. 2. S. 69 v.]
Анис 18.04.1954 [Anis 18.04.1954].
Анис. 07.06.1956 [Anis. 18.04.1956].
Анис. 07.08.1956 [Anis. 07.08.1956].
Анис. 12.11.1956 [Anis. 18.04.1956].
Анис. 24. 11.1956 [Anis. 18.04.1956].
Анис. 26.11.1956 [Anis. 26.11.1956].
Анис 02.12.1956 [Anis. 02.12.1956].
Анис. 24.03.1957 [Anis. 24.03.1957].
Анис. 09.06.1957 [Anis. 09.06.1957].
Анис. 24.03.1957 [Anis. 24.03.1957].
Анис. 13.06.1957 [Anis. 13.06.1957].
Анис. 23.06.1957 [Anis. 23.06.1957].

- Анис. 10.05.1958 [Anis. 10.05.1958].
- Бюллетень агентства «Бахтар». 11.06.1957 [Bulletin Agency «Bakhtar» 11.06.1957].
- ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 13 [SARF. F. R-4459. I. 27. D. 15279. S. 13].
- ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 53 [SARF. F. R-4459. I. 27. D. 15279. S. 53].
- ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 54 [SARF. F. R-4459. I. 27. D. 15279. S. 54].
- ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 76 [SARF. F. R-4459. I. 27. D. 15279. S. 76].
- ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 92 [SARF. F. R-4459. I. 27. D. 15279. S. 92].
- ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 15279. Л. 113 [SARF. F. R-4459. I. 27. D. 15279. S. 113].
- Иранская газета «Дад». 16.04.1954 [Iranian newspaper DAD. 16.04.1954].
- Ислах. 12.08.1956 [Islah. 12.08.1956].
- Ислах. 12.12.1957 [Islah. 12.08.1956].
- Ислах. 26.01.1958 [Islah. 26.01.1958].
- Ислах. 05.01.1958 [Islah. 05.01.1958].
- Ислах. 08.02.1958 [Islah. 08.02.1958].
- Ислах. 26.03.1958 [Islah. 26.03.1958].
- Ислах. 24.05.1958 [Islah. 24.05.1958].
- Сводка агентства «Бахтар». 22.08.1957 [Summary agency «Bakhtar». 22.08.1957].
- Сообщение агентства «Бахтар». 16.04.1954 [Message agency «Bakhtar». 16.04.1954].
- Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *История Пакистана. XX век*. М., 2008 [Belokrenitsky V.Ya., Moskalenko V.N. *History of Pakistan. XX century*. М., 2008 (in Russian)].
- Кирпенко П.Ф., Ежов Г.П. *США–Афганистан. 1956–1963 гг.* М., 2015 [Kirpenko P.F., Yezhov G.P. *USA–Afghanistan. 1956–1963*. М., 2015 (in Russian)].
- Пойя Самеулла. *Афганистан при премьер-министре Мухаммаде Дауд-хане (1953–1963): эпохи развития и конфронтации*. М., 2022 [Poja Sameullah, *Afghanistan under Prime Minister Muhammad Daoud Khan (1953–1963): Epochs of Development and Confrontation*. М., 2022 (in Russian)].
- Malik Murtaza. *The Curtain Rises. Uncovered Conspiracies in Pakistan, Afghanistan*. Karachi, 2002.
- .۲۰۰۷ ما و پاکستان اندیشمند. کابل محمد اکرام اندیشمند. [Мухаммад Экрам Андейшманд. Мы и Пакистан. Кабул, 2007].

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕНТРА НАРКОПРОИЗВОДСТВА В АФГАНИСТАНЕ И В ПАКИСТАНЕ В 1980-е ГОДЫ

О. Е. Митрофаненкова¹

Производство наркотиков в Афганистане стало угрозой глобальной безопасности в конце XX в. В XXI в. влияние этой проблемы только усилилось. Тем не менее в 1980-е годы ситуация с незаконным производством наркотиков в Афганистане выглядела совсем иначе, чем последние десятилетия. Однако в этот же самый период в соседнем с Афганистаном Пакистане производство наркотиков активно развивалось. Важно отметить, что проблема производства наркотиков в Пакистане не была глубоко исследована как отечественными, так и зарубежными учеными. Препятствием к тому служит и недостаточность статических данных.

Стоит также обратить внимание на то, что незаконное производство наркотиков начинает развиваться в этом регионе в условиях афганской войны. Изначально в конце 1970-х годов нелегальное производство наркотиков как источник дохода стали использовать афганские моджахеды для ведения военных действий против правительства, а в последующем и против советских войск. Но несмотря на то, что производство наркотиков первоначально появилось в Афганистане, в 1980-е годы оно переживало стремительный рост на пакистанской территории. Отличительной особенностью Пакистана стало то, что на появление незаконного наркопроизводства здесь оказали влияние совершенно другие факторы, которые повлияли на этот процесс в Афганистане. Следует также учитывать, что нестабильная зона пуштунских племен по обе стороны афгано-пакистанской границы (линии Дюранда) стала основным центром, где располагался очаг незаконного производства наркотических веществ.

Ключевые слова: зона племен, наркопроизводство, Пакистан, Афганистан, наркотики

Для цитирования: Митрофаненкова О. Е. Формирование центра наркопроизводства в Афганистане и в Пакистане в 1980-е годы. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 1. С. 303–311. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-303-311

FORMATION OF A DRUG PRODUCTION CENTER IN AFGHANISTAN AND PAKISTAN IN THE 1980S

Olga E. Mitrofanenkova

Drug production in Afghanistan became a threat to global security at the end of the 20th century and in the 21st century the impact of this problem has only intensified. Nevertheless, in the 1980s the situation with illicit drug production in Afghanistan looked very different than in recent decades. However, during exactly the same period, drug production was actively developing in Pakistan, neighboring with Afghanistan. It is important

¹ Митрофаненкова Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН; mitrofanenkova.olga@bk.ru

Olga E. Mitrofanenkova PhD in History, scientific researcher IOS RAS; mitrofanenkova.olga@bk.ru
ORCID: 0000-0003-0076-2956

to note that the problem of drug production in Pakistan has not been deeply studied by both domestic researchers and foreign scholars. In addition, the lack of static data poses a challenge for studying this period.

It is important to note that illicit drug production begins to develop in this region in the conditions of the Afghan war. Initially, in the late 1970s, the Afghan Mujahideen began to use drug production as a source of income to conduct military operations against the government, and subsequently against Soviet troops. However, although drug production initially emerged in Afghanistan, it experienced rapid growth in Pakistani territory in the 1980s. A distinctive feature of Pakistan is that the emergence of illegal drug production here was influenced by factors completely different from those which influenced later on the development of drug production in Afghanistan. It should be also taken into consideration that the unstable zone of Pashtun tribes on both sides of the Afghan-Pakistan border (Durand Line) became the main center where the major drug production was located.

Keywords: tribal zone, drug production, Pakistan, Afghanistan, drugs

For citation: Mitrofanenkova O. E. Formation of a Drug Production Center in Afghanistan and Pakistan in the 1980s. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 1. Pp. 303–311. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-303-311

Опийный мак с давних времен использовался людьми в религиозных и медицинских целях. Еще в Древнем Египте, Индии, Китае и Месопотамии были известны как обезболивающие свойства мака, так и его одурманивающий эффект. Более широкое распространение за пределы региона эта сельскохозяйственная культура получила благодаря Великому шелковому пути², который в Древности и в Средние века являлся одним из самых значимых маршрутов международной торговли. Поэтому, скорее всего, на территорию современного Афганистана и Пакистана опийный мак попал еще в Древности. Можно сказать, что в данном регионе растительная культура опийного мака присутствовала всегда. Тем не менее до конца 1970-х годов ни в Афганистане, ни в Пакистане не отмечалось нелегального массового производства наркотиков, по крайней мере в том масштабе, чтобы привлечь внимание местных властей или международного сообщества. Ранее, в XVIII в., незначительные плантации мака находились в провинции Бадахшан в Афганистане. Они должны были удовлетворять потребности медицинской отрасли [Степанова, 2005, с. 35].

Формирование международного центра наркопроизводства в 1980-е годы

Ситуация, связанная с незаконным производством наркотиков в регионе, стала меняться после Саурской революции 1978 г.³ в Афганистане. Так, несколько отечественных исследователей — В. Г. Коргун [Коргун, 2011, с. 135], А. Д. Давыдов [Давыдов, 1993, с. 133] и Е. А. Степанова [Степанова, 2005, с. 36] отмечают, что первоначально центр наркопроизводства в Афганистане стал формироваться в зоне пуштунских племен в конце 1970-х годов. Данный регион Афганистана напрямую граничит с Пакистаном, помимо того, по обе стороны границы проживают пуштунские племена. Несмотря на государственную границу (которая является спорной для официальных властей Афганистана и Пакистана и часто становится предметом споров и противоречий между сторонами), местное пуштунское население не утрачивает тесных связей друг с другом.

Важно отметить, что зона племен, расположенная по обе стороны границы, всегда слабо контролировалась центральными властями как в Афганистане, так и в Пакистане. Афганские власти

² Opium poppy. DEA museum. URL: <https://museum.dea.gov/exhibits/online-exhibits/cannabis-coca-and-poppy-natures-addictive-plants/opium-poppy> (дата обращения: 15.04.2023).

³ Саурская революция, или Апрельская революция, произошла 27 апреля 1978 г. в Демократической Республике Афганистан. Ее результатом стало установление просоветского режима, а также начало гражданской войны.

с началом гражданской войны полностью потеряли контроль над пуштунскими провинциями, расположенными на южной окраине страны (Гильменд, Кандагар, Фарах, Хост, Нангархар и т. д.) [Давыдов, 1993, с. 133]. В результате во главе этих провинций встали племенные ханы и старейшины. Данный регион, где официальная власть не имела авторитета и влияния, стал зоной формирования нелегального наркобизнеса.

Следует подчеркнуть, что после ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан правительственная оппозиция нуждалась в источниках финансирования, которые могли в короткие сроки давать стабильный доход. Одним из таких источников стало производство наркотиков.

Сегодня совершенно очевидно, что отправной точкой для формирования центра наркопроизводства являются афганские события и последующая афгано-советская война. Можно сделать предположение, что изначально в афганской зоне племен местное население начало выращивать опийный мак. Впоследствии уже в конце XX в. Афганистан стал мировым лидером в области производства опиатов.

Если в 2022 г. на долю Афганистана приходилось до 84%⁴ мирового производства опиатов, то в 1980-е годы наркотиков здесь производилось намного меньше (отсутствуют точные статистические данные, при этом отмечается, что наркотики в 1980-е годы производились [Степанова, 2005, с. 48]).

В 1980-е годы в Афганистане производство наркотиков было крайне слабо развито и использовалось только для финансирования моджахедов, борющихся против советских и правительственных войск. В соседнем Пакистане, наоборот, в этот период производство наркотиков стало массовым.

Нелегальное производство наркотиков в Пакистане в 1980-е годы

Касательно наркопроизводства в Пакистане в 1980-е годы точные статистические данные отсутствуют [Митрофаненкова, 2022, с. 53–61]. Тем не менее известно, что уже в конце 1970-х годов здесь начали производить наркотики опийной группы.

Можно выделить несколько факторов, которые способствовали появлению и последующему развитию незаконного наркопроизводства в Пакистане. В качестве первого фактора стоит отметить сложную политическую ситуацию в 1970-е годы как в самой стране, так и по периметру ее границ (отделение Бангладеш, поражение в третьей индо-пакистанской войне, смена политического курса при З. А. Бхутто, военный переворот 1977 г., Саурская революция в Афганистане 1978 г., ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в 1979 г.). Вторым фактором стала близость Афганистана. В результате военных действий на афганской территории в Пакистан хлынул поток афганских беженцев, чему способствовали тесные связи афганских и пакистанских пуштунов. Это были беженцы из приграничной зоны пуштунских племен, которые являлись крестьянами. Часть из афганских крестьян, которые бежали в Пакистан, у себя на родине занимались культивированием опийного мака. Этим видом деятельности они продолжили заниматься и в Пакистане. Поток беженцев из Афганистана в Пакистан, как ранее уже было отмечено, на 80–85% состоял из пуштунов, главным образом выходцев из сельской местности. Несмотря на родство афганских и пакистанских пуштунов, приток беженцев способствовал сильной дестабилизации пояса племен в Пакистане. Основной причиной этому послужила конкуренция за пастбища и орошаемую землю (регион характеризуется крайне ограниченными водными ресурсами для сельского хозяйства, что

⁴ Afghanistan opium cultivation in 2022 up by 32 per cent: UNODC survey — UNODC. 01.11.2022. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2022/November/afghanistan-opium-cultivation-in-2022-up-by-32-per-cent_-unodc-survey.html (дата обращения: 13.09.2023).

весьма часто является причиной конфликтов). Это также привело к распространению криминальных видов бизнеса в Пакистане [Белокрыцкий, 2012, с. 10].

Приток афганских беженцев в Пакистан существенно усугубил ситуацию в приграничной зоне. На фоне этого стали возникать серьёзные проблемы с питьевой водой, продовольствием, распространялись заболевания эпидемиологического характера. Поставляемая Пакистану гуманитарная помощь международным сообществом для борьбы с этими проблемами не окупала реальные расходы пакистанского правительства. В результате происходило еще большее обострение и так непростой социальной обстановки в стране [Каменев, 2014, с. 91].

Следует отметить, что в 1980-е годы в Пакистане также наблюдался и бурный рост населения. Оно увеличилось с около 77 млн человек в 1979 г. до 84 млн человек в 1981 г., а в 1990 г. уже составило 111 млн человек⁵. Такой стремительный рост населения, безусловно, создавал очень сильную нагрузку на экономику страны, а дополнительный приток беженцев еще больше дестабилизировал отдалённые от центра районы, граничащие с Афганистаном, усиливал рост социальной напряженности и конкуренцию за природные ресурсы.

Стоит также рассмотреть, какой была экономическая ситуация в Пакистане в период существования здесь наркопроизводства. Как правило, экономическая ситуация в стране может стать одним из факторов, способствующих росту теневой экономики. В случае крайне бедственного экономического положения, когда население оказывается на грани выживания, очень высока вероятность развития нелегального наркобизнеса (как это произошло в Афганистане в 1990-е и 2000-е годы) [Митрофаненкова, 2023, с. 32–42].

В 1970-е годы экономическая ситуация в Пакистане была крайне сложной. Значимой отраслью экономики страны было сельское хозяйство. Несмотря на достигнутые в этой отрасли в 1960-е годы успехи в результате «зеленых революций», в 1970-е годы оно пострадало из-за природных катаклизмов (засухи, наводнения), что привело к неурожаю. В результате отмечался экономический спад и ухудшение экономической ситуации. Помимо этого, был также ряд других факторов, который привел к сильному снижению уровня жизни (энергетический и валютный кризисы, активное проведение экономических преобразований З. А. Бхутто). В 1980-е годы правительство Зия-уль-Хака поставило в приоритет увеличение темпов экономического роста [Каменев, 2014, с. 66–90]. В этот период отмечался рост экономики Пакистана⁶, что стало следствием совокупности факторов (иностранный приток помощи, попытки развития отраслей промышленности), экономическая ситуация в стране улучшилась. Таким образом, вполне очевидно, что состояние экономики в Пакистане не было тем фактором, который способствовал распространению нелегального производства наркотиков в 1980-е годы.

Из выше отмеченного можно сделать вывод, что большее влияние на распространение наркобизнеса в Пакистане оказали военные действия в Афганистане и последовавший за этим поток афганских беженцев, который усугубил социальную напряженность в обществе.

В ряде источников также отмечается, что увеличение объемов наркопроизводства могло быть связано с тем, что пакистанское руководство финансово поддерживало моджахедов в Афганистане по указанию американского ЦРУ⁷. При этом производство наркотиков давало возмож-

⁵ Pakistan population 1950–2023 — macrotrends. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/PAK/pakistan/population> (дата обращения: 12.09.2023).

⁶ Pakistan GDP 1960–2023 — macrotrends. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/PAK/pakistan/gdp-gross-domestic-product> (дата обращения: 12.03.2023).

⁷ Paracha N. Heads you lose — DAWN. 10.11.2011. URL: <https://www.dawn.com/news/672266/heads-you-lose> (accessed: 17.09.2022).

Роль ЦРУ в наркопроизводстве в Афганистане и Пакистане также упоминается в статье Ikramul Haq Pak-Afghan Drug Trade in Historical Perspective/Asian Survey. University of California Press. Vol. 36. No. 10. Pp. 945–963.

ность получать стабильный хороший доход в короткие сроки, а также совершать финансовые операции по серым или нелегальным схемам.

Следует также учитывать, что афганских моджахедов финансово поддерживал не только Пакистан. Ряд других государств (США, Япония, Китай, Саудовская Аравия, Египет, страны Западной Европы) оказывали разные виды финансовой помощи афганской оппозиции, которая противостояла официальным властям в Афганистане и советскому ограниченному военному контингенту⁸. Можно сказать, что активная финансовая поддержка моджахедов в этот период стала одним из факторов, препятствовавших дальнейшему развитию наркопроизводства в Афганистане. При этом вплоть до вывода советских войск афганское население получало различные виды помощи от Советского Союза. В 1980-е годы у Афганистана не было острой потребности в доходах от наркоиндустрии.

В свою очередь, в соседнем с Афганистаном Пакистане ситуация в области производства наркотиков развивалась совсем иначе. Парадоксальным для Пакистана в 1980-е годы стал не только стремительный рост наркопроизводства, но и распространение наркомании среди местного населения. В это время в Пакистане проводилась политика исламизации. В связи с этим в 1979 г. правительство М. Зия-уль-Хака ввело запрет на производство и употребление одурманивающих веществ. По иронии судьбы в том же году в Пакистане был собран рекордный урожай опия-сырца, составивший 800 т. В 1980-х годах в стране также произошел резкий рост употребления героина среди населения. К 1983 г. около 100 тыс. человек употребляли героин на постоянной основе, тогда как в 1979 г. героиновой наркомании в Пакистане не было. Это могло быть связано с ростом незаконного наркопроизводства в зоне пуштунских племен в Пакистане⁹, куда ранее прибыли афганские беженцы, занимавшиеся у себя на родине выращиванием опийного мака. Отсутствие политической стабильности, поток афганских беженцев, а также военные действия в Афганистане способствовали как росту наркопроизводства, так и распространению наркомании.

Отечественный востоковед И. В. Жмуйда отмечает, что в 1980-е годы Пакистан был одним из крупнейших производителей на мировом рынке нелегальных опиатов. В связи с геополитическими изменениями на Ближнем и Среднем Востоке во второй половине XX в. (революция в Иране и война в Афганистане) произошли сбои в традиционной системе по транспортировке и переработке наркотических веществ в районах Ирана и Афганистана, где выращивался опийный мак. К этому периоду относят и расширение сотрудничества пакистанских производителей наркотиков с международной наркомафией [Жмуйда, 2004, с. 185–186].

Другая причина, которая способствовала росту производства здесь наркотиков, связана с постепенным прекращением поставок опиатов из Турции [Степанова, 2005, с. 36]. При этом на рынках Западной Европы сохранялся спрос на данный вид наркотиков.

В период нахождения у власти М. Зия-уль-Хака (1978–1988) многие высокопоставленные пакистанские чиновники также были вовлечены в незаконную торговлю героином [Степанова, 2005, с. 36]. Произошел не только сильный рост коррупции среди чиновников, но и начался процесс криминализации государственного аппарата. В свою очередь данные процессы ослабляли власть центра на местах, что подрывало уровень ее поддержки населением и негативно сказывалось на легитимности правительства. Попытки пакистанского правительства бороться с производством

⁸ Мендкович Н. А. Финансовый аспект афганской войны 1979–1989 гг. — Afghanistan.ru. 13.09.2010. URL: <https://afghanistan.ru/doc/18319.html> (дата обращения: 12.09.2023).

⁹ Opium trade and the spread of HIV in the Golden Crescent — Harm reduction journal. 21.07.2017. URL: <https://harmreductionjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12954-017-0170-1> (дата обращения: 15.08.2020).

наркотиков в 1980-е годы не приносили результатов. При этом военные действия в Афганистане продолжали стимулировать Пакистан производить наркотики.

В целом в 1980-е годы война в Афганистане оказала влияние на экономическую ситуацию в Пакистане. Став «прифронтовым государством» и поддерживая афганских моджахедов, пакистанское руководство получило всяческое содействие и помощь со стороны западных государств, особенно от США [Каменев, 2014, с. 90]. Подобная помощь также положительно сказалась на экономике Пакистана.

Борьба с наркобизнесом в Пакистане в 1990-е годы

Ситуация, связанная с наркотиками, в Пакистане начала меняться в 1990-е годы. Если десять лет назад бороться с этим видом незаконной деятельности не получалось, то теперь все стало гораздо лучше. Советские войска были выведены из Афганистана, и от Пакистана уже не требовалась поддерживать моджахедов, тем более что установить просоветский режим здесь так и не удалось. А вскоре после вывода войск перестал существовать и СССР. При этом на фоне перемен у соседей уже и в сам Пакистан перестала поступать в прежних объемах экономическая помощь для афганских моджахедов. Тем не менее с 1990 по 1994 г. в Пакистане еще оставались незначительные посевы опийного мака.

Основные посевы опийного мака в Пакистане в начале 1990-х годов находились на территории племен федерального управления. В 1993 г. площадь посевов мака составила 7136 га, а потенциальный урожай оценивался в 140 т опия-сырца. В соответствии с программой ООН по уничтожению посевов опийного мака в том году было уничтожено около 856 га. [DEA, 1993, p. 7].

Культивирование опийного мака в Пакистане сократилось в 2000–2001 гг. примерно до 243 га. Как отмечается в докладе УНП ООН (Управление ООН по наркотикам и преступности), это стало следствием усилий пакистанского правительства по борьбе с наркопроизводством, а также использования программ альтернативного развития, финансируемых международным сообществом. При этом основная часть посевов в 2001 г. находилась в округе Хайбер, который входит в состав провинции Хайбер-Пахтунхва. В начале 2002 г. правительство направило солдат для физического уничтожения посевов опийного мака. В результате было уничтожено 85–90% урожая [UNODC, 2003, p. 7]. Несмотря на ограниченность статистических данных касательно наркопроизводства и борьбы с ним в Пакистане, совершенно очевидно, что в 1990-е годы ситуация изменилась в лучшую сторону. Успех борьбы с наркопроизводством был связан с давлением со стороны международного сообщества, а также оказанной помощью. При этом 1990-е годы в Пакистане по-прежнему наблюдалась сложная экономическая ситуация в условиях политического хаоса, когда в стране дважды друг друга сменяли премьер-министры Беназир Бхутто и Наваз Шариф¹⁰.

Можно также сказать, что в 1990-е годы Пакистан уже не был заинтересован в нелегальном производстве наркотиков, так как это могло привести к негативным для него последствиям. Наркопроизводство ослабляло власть центрального правительства, дестабилизировало зону племен, приводило к распространению наркомании и росту коррупции. При этом в условиях, когда завершилась холодная война, а афганское направление потеряло актуальность для международного сообщества и, в частности, для США, было очевидно, что производство наркотиков будет воспринято ими крайне негативно. В свою очередь, существовал риск не только еще больше усугубить ситуацию внутри страны из-за ухудшения криминогенной обстановки (а также разрастания теневой экономики

¹⁰ Каменев С. Н. Современная политическая и экономическая ситуация в Пакистане — Институт Ближнего Востока. 26.03.2008. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6983> (дата обращения: 03.10.2023).

и роста уровня коррупции), но и лишиться кредитов и других видов экономической помощи. Тем более что в 1990-е годы, как уже было отмечено выше, ситуация в Пакистане ухудшилась.

Почему в 1980-е годы в Афганистане не развивалось наркопроизводство

Следует все-таки разобраться, почему в 1980-е годы в Пакистане производилось наркотиков больше, а в соседнем Афганистане сильного роста наркопроизводства не наблюдалось.

Выше было отмечено, что в результате ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан многие, кто занимался культивированием опийного мака, бежали в Пакистан.

Советские войска, находясь в Афганистане, контролировали советско-афганскую границу, поэтому было сложно осуществлять поставки наркотиков на север. В результате потенциальный рынок сбыта (весьма большой и на котором еще не было конкурентов) для афганских наркотиков был недоступен. Помимо того, до начала «перестройки» (1985–1991) в СССР проводилась строгая антинаркотическая политика¹¹. Ситуация начала меняться во второй половине 1980-х годов, когда политика советского правительства стала более либеральной (что сделало рынок более доступным). Таким образом, у Афганистана длительное время не было рядом доступного рынка для сбыта наркотиков.

Несмотря на то, что афганское правительство весьма слабо контролировало территорию страны (что могло бы способствовать росту наркопроизводства), производство наркотиков оставалось на низком уровне по сравнению с Пакистаном. При этом на территории Афганистана с разной интенсивностью и в разных районах шли военные действия, что негативно сказывалось на долгосрочном развитии каких-либо отраслей хозяйства. Тем не менее данный фактор является второстепенным для этого периода.

В 1980-е годы основные рынки сбыта для наркотиков опиатной группы находились в Европе. Они уже были сформированы в 1970-е годы и отличались стабильным спросом на опиаты. На это сильное влияние оказала контркультура (контркультура отрицает ценности доминирующей культуры) «хиппи» в 1960-е – 1970-е годы, популяризовавшая употребление нелегальных наркотических веществ. Для Пакистана в силу наличия у него не только выхода в море (в отличие от Афганистана, который расположен в центре Азии), но и крупных морских портов (Карачи, Гвадар и т. д.) европейский рынок наркотиков был доступен. При этом известно, что порты Пакистана для наркотрафика стали использоваться еще в 1980-е годы [EU, 2015, p. 2].

Другим важным фактором стала доступность реагентов для производства героина. В Пакистане всегда был в наличии столь важный реагент для производства героина, как уксусный ангидрид, который используется в различных отраслях промышленности (активно используется в изготовлении красок, ацетата целлюлозы, клея, а также в сельском хозяйстве для производства удобрений).

Из описанных выше событий можно сделать вывод, почему в 1980-е годы в Пакистане получило развитие незаконное производство наркотиков. Это было связано с войной в соседнем Афганистане, необходимостью поддерживать моджахедов, борющихся против установления просоветского режима (он был крайне невыгоден для США, при этом в период холодной войны американское руководство часто использовало Пакистан для реализации своих целей в регионе), а также с афганскими беженцами, которые прибыли в Пакистан, дестабилизировав зону племен, и стали заниматься производством наркотиков уже на пакистанской территории. При этом в Пакистане

¹¹ Уголовный кодекс РСФСР. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8%20zl7flg7vLu4fDg5uDI8vH/IO3II0Ig7%207x6%20Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&nd=102010096&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 01.09.2023).

складывалась крайне сложная политическая ситуация. Здесь важно подчеркнуть, что на развитие наркопроизводства в Пакистане не повлияли такие традиционные факторы для этого вида деятельности, как экономические проблемы и повсеместная бедность населения, наличие внутренней борьбы за власть, излишняя либерализация общества.

Список литературы/ References

Белокреницкий В. Я. Афганистан — Пакистан: историческая динамика и перспективы эволюции ареала нестабильности. *Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития*. М., 2012 [Belokrenitsky V. Ya. Afghanistan — Pakistan: historical dynamics and prospects for the evolution of the area of instability. *Afghanistan and Pakistan: current state and development prospects*. Moscow, 2012 (in Russian)].

Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. Крестьянство и реформы. М., 1993 [Davydov A. D. Afghanistan: there might not have been a war. Peasantry and reforms. Moscow, 1993 (in Russian)].

Жмуйда И. В. О борьбе с производством и транзитом наркотиков в Пакистане. *Сборник «Ближний Восток и современность»*. 2004. № 24 [Zhmuída I. V. On the fight against the production and transit of drugs in Pakistan. *Collection “The Middle East and Modernity”*. 2004. No. 24 (in Russian)].

Каменев С. Н. Экономическое развитие Пакистана (1947–2012): макроэкономический анализ. М., 2014 [Kamenev S. N. Economic Development of Pakistan (1947–2012): Macroeconomic Analysis. Moscow, 2014 (in Russian)].

Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учеб. пособие для студентов вузов/ Отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 2011 [International relations in Central Asia: Events and documents: Textbook. Manual for university students / Rep. ed. A. D. Bogaturov. Moscow, 2011 (in Russian)].

Митрофаненкова О. Е. Нелегальная наркоторговля в пакистано-афганских отношениях (с конца XX в. по настоящее время). *Восточная аналитика*. 2022. № 4. С. 53–61 [Mitrofanenkova O. E. Illegal drug trafficking in Pakistani-Afghan relations (from the end of the twentieth century to the present). *Eastern Analytiks*. 2022. No. 4. Pp. 53–61 (in Russian)].

Митрофаненкова О. Е. Источники финансирования движения «Талибан» (2001–2021). *Россия и мир: научный диалог*. 2023. № 2. С. 32–42 [Mitrofanenkova O. E. Sources of funding for the Taliban movement (2001–2021). *Russia and the world: scientific dialogue*. 2023. No. 2. Pp. 32–42 (in Russian)].

Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., 2005. С. 36 [Stepanova E. A. The role of the drug business in the political economy of conflicts and terrorism. Moscow, 2005 (in Russian)].

Drug trafficking from south Asia. Drug Intelligence Report. DEA, 1994.

Ikramul Haq Pak-Afghan Drug Trade in Historical Perspective/Asian Survey. Vol. 36. No. 10. University of California Press.

Illicit situation in the regions neighboring Afghanistan and the response of ODC. Vienna: UNODC, 2003. Opioid trafficking routes from Asia to Europe. European monitoring center for drugs and drug addiction. EU, 2015.

Электронные ресурсы / Electronic resources

Каменев С. Н. Современная политическая и экономическая ситуация в Пакистане — Институт Ближнего Востока. 26.03.2008. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6983> (дата обращения: 3.10.2023).

Мендкович Н. А. Финансовый аспект афганской войны 1979–1989 гг. — *Afghanistan.ru*. 13.09.2010. URL: <https://afghanistan.ru/doc/18319.html> (дата обращения: 12.09.2023).

Afghanistan opium cultivation in 2022 up by 32 per cent: UNODC survey — UNODC. 01.11.2022. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/press/releases/2022/November/afghanistan-opium-cultivation-in-2022-up-by-32-per-cent_-unodc-survey.html (дата обращения: 13.09.2023).

Opium poppy. DEA museum. URL: <https://museum.dea.gov/exhibits/online-exhibits/cannabis-cocaine-and-poppy-natures-addictive-plants/opium-poppy> (дата обращения: 15.04.2023).

Opium trade and the spread of HIV in the Golden Crescent — Harm reduction journal. 21.07.2017. URL: <https://harmreductionjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12954-017-0170-1> (дата обращения: 15.08.2020).

Pakistan GDP 1960–2023 — macrotrends. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/PAK/pakistan/gdp-gross-domestic-product> (дата обращения: 12.03.2023).

Pakistan population 1950–2023 — macrotrends. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/PAK/pakistan/population> (дата обращения: 12.09.2023).

Paracha N. Heads you lose — DAWN. 10.11.2011. URL: <https://www.dawn.com/news/672266/heads-you-lose> (accessed: 17.09.2022).

Уголовный кодекс РСФСР. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8%20zl7fIg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3lIOIg7%207x6%20Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&nd=102010096&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 01.09.2023).

Подписано в печать 28.02.2024. Формат 60x84/8
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 36,27. Уч.-изд. л. 24,8
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Верстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
тел. (495) 651-84-56
<https://wwprint.ru/>